

В.Крестовский

**В ДАЛЬНИХ
ВОДАХ и СТРАНАХ**

1

Всеволод Владимирович Крестовский

В дальних водах и странах. т. 1

Всеволод Владимирович Крестовский — известный русский писатель XIX века, автор романа «Петербургские трущобы» — книги о «сытых и голодных», «авантюрного романа» в шести частях, где он впервые, задолго до М.Горького, изображает героев столичного «дна». Писатель оставил богатое наследие: романы, повести, отдельные рассказы, многочисленные переводы, дневники и путевые заметки, изобилующие многими контрастами как в стиле, так и привязанностях. Был также широко известен как талантливый военный журналист.

Предлагаемые читателю путевые заметки В.В.Крестовского «В дальних водах и странах» — подробный отчет (несмотря на некоторые сокращения, не повлекшие полноты восприятия) участника экспедиции адмирала С.С.Лесовского и его штаба из Одессы в далекие Японию и Китай через Босфор, Средиземное море, Суэцкий канал и Индийский океан. В произведении раскрылся недюжинный талант писателя как наблюдательного путешественника, обладающего образным языком, талантливого бытописателя.

В сокращении

Содержание

Возвращение	0006
#1	0006
I	0011
II	0029
Книга первая В ДАЛЬНИХ ВОДАХ и СТРАНАХ	0040
До Босфора	0040
Босфор и Царьград	0051
Дарданеллы и Архипелаг	0072
Смирна и Средиземное море	0093
Александрия	0132
Клочок Египта	0230
В Красном море	0334
Аден	0381
В Индийском океане	0429
Цейлон	0444
В Малаккском проливе	0524
Сингапур	0562
От Сингапура до Сайгона	0653
Сайгон Продолжение	0675
От Сайгона до Гонконга	0725
Гонконг	0732
Гонконг (продолжение)	0756
От Гонконга до Шанхая	0803
Шанхай	0822

Шанхай (продолжение) 0883

Возвращение

Русская литература может назвать ряд имен, которые вызывали при жизни и особенно после смерти самые разноречивые толки как со стороны радикальной критики, так и консервативной. Впрочем, такое деление сейчас вряд ли уместно: высказанное теми и другими в эпоху обострившихся противоречий — социальных и литературных и на грани двух сфер — аристократического общества и все более демократизировавшейся литературы — требует в наше время нового осмысления.

К числу талантливейших имен литературы прошлого принадлежит и имя Всеволода Владимировича Крестовского, дарования яркого, во многом противоречивого, но тем не менее оставившего свой неповторимый след в русской словесности XIX столетия. Как писатель В. В. Крестовский заявил о себе в то время, когда русский реализм уже занял прочную позицию, вытеснив романтическую школу, и уже первые публикации В. В. Крестовского вызвали интерес к его творчеству. По-

явился целый ряд статей, по-разному оценивавших подход писателя к тем или иным социальным проблемам действительности. Некоторые критики обвиняли его в тенденциозности, забывая при этом, что тенденция (или направление) должна присутствовать в каждом произведении как литературы, так и любой науки. Путая понятие тенденциозности с предвзятостью, можно зачеркнуть таким образом значение любого произведения как русской, так и зарубежной классики, не говоря уже о значимости произведений писателей так называемого второго эшелона, к которым по праву можно причислить Всеволода Крестовского. Сам же он так открыто признавался, говоря о "Кровавом Пуфе": "Я никак не исключаю мою хронику из числа произведений тенденциозных. Напротив, она имеет самую определенную политическую тенденцию". По справедливому замечанию одного из биографов В. В. Крестовского Ю. Ельца, "Отличительным свойством тенденциозности произведений является трудность определить в них истинные свойства и качества авторского таланта. Противному лагерю той

тенденции, которая приводится в произведении, очевидно, оно не только не может нравиться, но возбуждает его против автора, настраивает враждебно, и чем лучше, доказательнее, талантливее это произведение, тем сильнее готовится ему отпор. Наоборот, сторонников тенденции легко подкупить самым бездарным, ничтожным творением, лишь бы оно заключало в себе, хотя бы в самой грубой форме, их взгляды на известный предмет. Из этого явствует, какую трудную роль приходится в этом случае играть критике, которая зачастую превращается в спор о достоинстве или недостатках не самого произведения, а выраженной в нем тенденции. Этого рода писательский путь является очень скользким и потому, что, идя по нему, очень легко в жертву тенденции принести истину жизненного изображения в произведении, и результатом у многих писателей этого характера являлось не столько самое изучение жизни и связанных с нею явлений, сколько пригонка известных фактов к заранее сооруженному лекалу. И вот тут-то было полное раздолье для критики, которая беспощадно казнила всех, кто от-

ступал от чистоты искусства, принося его в жертву тенденции".

Либеральная критика стремилась втиснуть духовный процесс в строгие временные рамки, определить устойчивые границы всему происходящему в обществе, на что вполне резонно так называемые реакционеры (даже "мракобесы") говорили свое веское "нет" произведениям типа "Бесов" Ф. Достоевского, "Взбаламученного моря" А. Писемского, "Некуда" и "На ножах" Н. Лескова и наконец "Кровавого Пуфа" В. Крестовского. Во всех этих произведениях бьет в глаза антиреволюционная тенденция, сгущенность красок, утверждение, что ни в одной стране нет и не может быть людей, мыслящих одинаково, что не могут люди прийти и никогда не придут к идеологическому согласию, что такого согласия нет ни в жизни, ни после смерти.

Возвращение нашему читателю наследия Всеволода Владимировича Крестовского началось изданием его знаменитых "Петербургских трущоб" в 1988–1990 гг. ("Художественная литература", "Правда"), произведения, которое, по словам современника, имело "гро-

мадный, редкий успех, заняв в русской литературе совсем исключительное, своеобразное положение, и явилось единственным в своем роде и имеющим серьезный смысл произведением. Мир явлений, в нем выведенных, был чрезвычайно сложным и занимательным уже потому, что все общественные отношения были рассмотрены в нем с точки зрения грубых страстей, так разлагающих и на самом деле царящих во всяком обществе".

Можно быть уверенными оптимистами, чтобы выразить убежденность в необходимости возвращения широкому читателю и таких произведений В. Крестовского, как "Кровавый Пуф" (повести "Панургово стадо" и "Две силы") и его трилогии "Тьма египетская", "Тамара Бен-Давид" и "Торжество Ваала", многочисленных рассказов и повестей, талантливых переводов Горация и Гейне, дневников и путевых заметок наблюдательного и неординарного художника.

Всеволод Владимирович Крестовский родился в селе Малая Березайка Таращенского уезда Киевской губернии, в имении своей бабушки, 11 февраля 1840 года. Десяти лет мальчика определяют в 1-ю Петербургскую гимназию, по окончании которой он поступает на филологический факультет Петербургского университета. Тяга к сочинительству появилась у маленького Всеволода в четвертом классе, причем его первое небольшое сочинение на заданную тему — "Вечер после грозы" — обратило на себя внимание его первого наставника, учителя словесности Василия Ивановича Водовозова. В течение последних трех лет пребывания в гимназии под руководством В. Водоевцова В. Крестовский переводит добрую половину "Од" и всю книгу "Эпод" Горация, четыре первые песни "Энеиды" Вергилия, ряд стихотворений Гейне. Многие из переводов начинающего писателя появились в периодической печати.

В 1857 году в "Общезанимательном вестнике" появляются его первые оды Горация "К

Хлое" и рассказ в стихах "Без дочери", затем в периодике начинают публиковаться рассказы "Не первый и не последний", "Любовь дворовых", "Погибшее, но милое создание", небольшие зарисовки, которые впоследствии составили циклы "Петербургские типы" и "Петербургские золотопромышленники".

Летом 1858 года В. Крестовский благодаря тому же учителю словесности В. Водовозову сближается с литературным кружком Л. Мея, где попадает под влияние такого авторитета, как Аполлон Григорьев, дружба с которым оказала большое влияние на формирование таланта и вкусов молодого беллетриста. В литературный кружок Л. Мея входили также литератор М. Загуляев, поэты Ф. Берг, Н. Кроль, К. Случевский, критик и редактор "Литературной газеты" В. Зотов. Современники единодушно отмечали особую благожелательность, царившую на литературных вечерах этого кружка, готовность каждого кружковца прийти на помощь другому. Именно здесь, и в первую очередь Л. Меем, было оценено дарование молодого В. Крестовского, который, по словам современника, "быстро вырабатывал

в себе талант чтеца, чем был так известен впоследствии".

Именно под влиянием "последнего русского романтика" Ап. Григорьева, с его своеобразной идеологией "либерального народничества", В. Крестовским были сделаны зарисовки петербургских нравов, опубликованные в печати: "Фотографические карточки" и "Типы Петербурга". Это были как бы эскизы его будущего романа "Петербургские труппы". В то же время уже на втором курсе университета В. Крестовский сближается с Михаилом Достоевским, а через него — с его знаменитым братом Федором Михайловичем, идеи которого он безоговорочно принял и в будущем остался им верен. Идея Ф. М. Достоевского, высказанная им в знаменитых "Бесах" о том, что "надо сначала перестать быть международной обшмыгой, стать русским прежде всего, а стать русским — значит перестать презирать народ свой, и, как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же он начнет нас самих уважать", была В. Крестовскому особенно близкой.

Оставив после двухлетнего пребывания Петербургский университет, Всеволод Крестовский начинает сотрудничество в журнале Ап. Григорьева "Русское слово", где в 1860 году появляются его повести "Пчельник" и "Сфинкс". Одновременно многие периодические издания публикуют его греческие переводы, оригинальные стихотворения, короткие рассказы и эскизы, так что уже к 1864 году молодой беллетрист получает известность среди столичной публики. Оценка его литературных произведений весьма полярна: от положительных рецензий до резко отрицательных, низводящих сочинения В. Крестовского в ранг "легковесных", "поверхностных". Как отмечал наиболее пристрастный из критиков, А. Скабичевский, "очевидно было, что плывя по течению, Крестовский не врезывался в него глубоко, а скользил по поверхности. Обо всех тревоживших в то время общество вопросах он судил с кондачка, придавая им вид беззаветной пошлости..." И тот же А. Скабичевский в своих "Литературных воспоминаниях" отмечал, что "как это ни странно, но я должен признаться, что первые семена сво-

бодомыслия посеял в меня автор "Панургова стада".

"Петербургские трущобы" начали публиковаться в журнале "Отечественные записки" в 1864 году и уже в 1867 году изданы отдельной книгой под названием "Петербургские трущобы, книга сытых и голодных, роман в шести частях, четыре тома". Они предварялись авторским вступлением: "Если мой роман заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной пари — трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде административной он возбудит хотя бы малейшее существенное внимание к изображенной мною жизни, я буду много вознагражден сознанием того, что труд мой, кроме развлечения для читателя, принес еще и частицу существенной пользы для той жалкой, темной среды, где голодная мать должна воровать кусок хлеба для своего голодного ребенка; где источником существования двенадцати-тринадцатилетней девочки является нищенство и продажный разврат; где голодный и оборванный бедняк, тщетно искавший честной работы, нанимает-

ся для совершения преступления мошенником сытым и более комфортабельно обставленным в жизни, причем этот ничем почти не рискует, а тот, за самую ничтожную цену, ради требований своего непослушного желудка, гибнет на каторге; где, наконец, люди болеют, страдают, задыхаются в недостатке чистого, свежего воздуха и иногда решаются, если не на преступление, то на самоубийство, чем ни попало и как ни попало, лишь бы только избавиться от безнадежно-мрачного существования, буде до этого крайнего исхода не успеют зачерстветь и оскотиниться настолько, чтобы потерять всякую способность к каким бы то ни было человеческим ощущениям как нравственным, так и физическим, кроме инстинктов голода, сна и часто ненормально удовлетворяемой половой потребности. Здесь-то вот и кроется наша невидимая язва, здесь наша горькая скорбь вавилонская, которая даже не вопиет о спасении, об исходе, по причине очень простой и несложной: она их не знает".

"Петербургские трущобы", не оставившие равнодушными как либералов, так и консер-

ваторов, — а нападки и тех и других были особенно яростными уже после смерти писателя — сочетают черты двух направлений, двух граничащих эпох в искусстве: свойственная юности писателя мягкосердечность и мечтательность роднит роман с эпохой романтизма, особенно в несколько искусственных драматических эффектах, некоторой вычурности в названиях глав; наблюдательность и большая добросовестность в анализе материала, сопричастность делали роман заметной вехой в реализме середины XIX столетия. Но, как это ни странно, ни радикалы, встретившие роман насмешливо и несколько презрительно, ни так называемые реакционеры не увидели в этом произведении тех основ, на которых зиждилось все творчество В. Крестовского, которые стали неотъемлемой частью его творчества: духовность, российское единство, христианство.

Совершенно нелепыми были обвинения, выдвинутые против уже покойного писателя в том, что он присвоил себе "Петербургские трущобы", якобы написанные Н. Помяловским, а самое интересное в этой истории бы-

ло то, что ни один демократ и либерал не вступился за честь В. Крестовского. Вздорность этих обвинений была очевидной. Первым не выдержал Н. Маркузе, работавший с В. Крестовским во время написания этого романа, и стенографически записывавший целые его главы. Но наиболее характерными были свидетельства таких видных деятелей искусства, как Н. Лесков и М. Микешин, а также бывшего начальника сыскной полиции знаменитого И. Путилина.

"Это было летом, — вспоминал Н. Лесков, — мы втроем: Крестовский, я и еще кто-то, кажется, Микешин, впрочем наверно не помню, отправились гулять и встретили знакомого Крестовскому сыщика, который и предложил нам отправиться в "Малинник". Мы, конечно, охотно согласились. Пришли. Внутренность "Малинника" вы вероятно помните по описанию Крестовского. К нам сейчас же подсели местные дамы и потребовали угощения. Они пили водку, а мы ели яйца, единственное кушанье, которое мог рекомендовать нам буфетчик, хорошо знавший сыщика. Подсела к нашей компании и жен-

щина, которую Крестовский назвал Крысой. Она без церемонии влезла на колени к бывшему со мною и Крестовским спутнику. Помню случившийся при этом небольшой, но довольно характерный эпизод: приятель наш сидел с Крысой и держал в руке, откинутой за спинку стула, папиросу. Кругом сидели и ходили самые отвратительные оборванцы. Один из них, проходя мимо нашего стола, преспокойно схватил эту папиросу и начал курить. Спутник наш вскочил и собирался проучить нахала. Однако сыщик удержал его, говоря, что затевать скандал здесь опасно. Когда этот инцидент закончился, нас повели по какому-то длиннейшему коридору смотреть внутренние помещения "Малинника". Шли мы совершенно спокойно, как вдруг где-то сзади послышался сначала сильный шум, точно от падения на пол какого-то большого тела, потом крики: "Помогите, режут, убивают!"

— Обыкновенная история, — заметил сыщик, — это бывает здесь.

Он не успел окончить начатой фразы, как крики о помощи сменились другими: "Спа-

сайтесь, полиция!" Мы обернулись, и представьте себе наше удивление. Коридора уже не было, мы находились в комнате: сзади нас спустилась сверху стена, и коридор превратился в комнату. Вышли мы из "Малинника" совершенно другим ходом — нас вывел сыщик".

Вскоре в "Петербургской газете" появилось еще одно свидетельство того же Н. Лескова; "Расскажу вам еще эпизод, также подтверждающий мои слова о том, что "Петербургские трущобы" от первой до последней главы написаны Крестовским. Депо было зимою. Всеволод в то время ходил в енотовой шубе, до такой степени старой, что он сам не называл ее иначе, как "Енотавр". Енотавр этот он накидывал на носимую им постоянно куртку из верблюжьего сукна, а голову покрывал пробковой шляпой. И так шел он однажды по набережной от Аполлона Григорьева ко мне. Погода была холодная, ветряная, он поскользнулся и упал, да так, что енотавр полетел в одну сторону, а пробковая шляпа в другую. Во время этого падения из шубы вывалилась рукопись какой-то части "Петербургских тру-

щоб", и листы ее рассеялись по ветру. Собрать их Всеволод не мог, и пришлось писать эту часть снова".

Свидетельства Н. Лескова были подтверждены и скульптором, художником М. Микешиним, появилось это подтверждение в той же "Петербургской газете": "С удовольствием подтверждаю слова даровитого Николая Семеновича Лескова; мы втроем: Вс. Крестовский, Лесков (тогда носивший псевдоним Стебницкий) и я ходили в Вяземскую Лавру и в "Малинник", изучали трущобы и намеревались издать их иллюстрированными, для чего мною была уже и зачерчена небезынтересная коллекция разных несчастных типов, но отъезд мой тогда за границу оставил дело иллюстрации к "Трущобам" неосуществленным".

Наиболее же впечатляющим свидетельством было опубликованное в "Новом Времени" письмо М. Шевлякова, в котором приводилось заявление бывшего начальника сысковой полиции И. Путилина одному из первых биографов покойного В. Крестовского Ю. Ельцу: "От первой до последней строчки весь ро-

ман принадлежит Крестовскому. Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенские костюмы, он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем, я допрашивал в своем кабинете преступников и бродяг, которые попали потом в его роман. Наконец я самолично давал ему для выписок дела сысского отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведения — живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как и мне, потому что с большинством их я имел возможность его перезнакомить. Относительно же Помяловского могу утвердительно сказать, что тогда он не мог уже писать, а в особенности же такой большой вещи, потому что как раз в то время предался в сильнейшей степени пагубной страсти. Правда, его нередко можно было встретить в трущобных кабаках и распивочных, но он появлялся в этих местах вовсе не затем, чтобы наблюдать, а исключительно по влечению к спиртным напиткам. Я знавал его тоже хорошо и отлично знаю, что он не собирался

даже извлекать из своих трущобных похождений какой-либо литературной пользы".

Всеволод Крестовский задолго до Горького изобразил героев столичного "дна", причем открытие "трущоб" у Сенного рынка в Петербурге, в домах и флигелях князя Вяземского, вызвали поначалу легкое замешательство описанными типами так называемых "Вяземских кадет", и эта выразительная кличка стала в Петербурге столь же популярна, как "хитровцы" в первопрестольной.

Совершенно неожиданно для друзей и читающей публики Всеволод Крестовский в 1868 году поступает юнкером (то есть унтер-офицером из вольноопределяющихся, нижним чином) в 14-й Уланский Ямбургский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Александровны полк, квартировавший в Польше. Такое пышное официальное наименование полка нами приводится намеренно, чтобы понять в последующем, почему историю именно этого полка было поручено написать уже известному писателю. Поначалу же такой неожиданный шаг В. Крестовского насторожил как его друзей, так и

врагов. В высших сферах, как вспоминает современник (Ю. Елец), "являлся вопрос — какая цель могла заставить человека в зрелом уже возрасте, известного публике писателя, со сложившимися убеждениями надевать на себя солдатскую ляжку... Карьера не могла привлекать его, ибо для этого он слишком запоздал. Что же было такое, что подвигло его на этот шаг? Явилась было мысль, уж не с целью какой-либо пропаганды надел он мундир, дабы, прикрываясь им, проводить в военной среде какие-либо вредные идеи, но это предположение скоро было оставлено, когда все увидели, что Крестовский был службистом, хорошим товарищем и ни в каких "движениях" совсем не принимал участия". По собственному же признанию В. Крестовского, именно в армии он нашел "прочное убежище, мирное и тихое пристанище", хотя и очень непродолжительное, так как начинается его работа как над историей Ямбургского полка, так и более кропотливая работа над задуманным циклом "Кровавый Пуф", где четко и нелицеприятно он встает на сторону государственной политики по отношению к

Польше.

Еще до восстания 1863 года в Польше да и в России была пущена в ход доктрина, сочиненная либеральным меньшинством, что прогресс Русского государства требует раздробления его понационально на многие чуждые друг другу государства, которые в то же время должны были, по мысли этих авторов, оставаться в тесной связи между собой. В. Крестовский в этом вопросе занимает позицию резко отрицательную. Он считает, что всякое государство, состоящее из разноплеменных сообществ, наоборот будет склонно к быстрому распаду, и здесь его позиция, позиция уже маститого писателя, была близкой взглядам М. Каткова, который писал в то время, что "как федерации, так и монархии, состоящие из многих государств, суть по своей сущности государства не полные, не совершенные. В таком положении находилась Русская земля в удельный период своего существования, кончившийся ее расторжением и падением." Именно в "Кровавом Пуфе" проводится мысль, что такая политика отделения или конфедерации гибельна не только для

русского народа, но и для польского, родственного нам народа, что такое отделение есть не что иное, как происки экстремистски настроенных "панов Катырлов".

Стоит ли здесь говорить, что после опубликования такого произведения, а это происходит в 1869 году, когда "Русский вестник" напечатал "Панургово стадо", и в 1874 году — его продолжение под названием "Две силы", Всеволод Крестовский был приговорен либеральной прессой до конца дней своих носить ярлык реакционера и монархиста.

К этому ярлыку было присоединено и определение шовинист, после публикации Всеволодом Крестовским его трилогии "Тьма Египетская", "Тамара Бен-Давид" и "Торжество Ваала". Уже после первых номеров "Русского вестника", где печатались главы "Тьмы Египетской", либеральная общественность высказала резкий протест в связи с антиеврейской направленностью романа, что М. Катков вынужден был снять дальнейшую публикацию, которая была возобновлена только с приходом нового редактора Ф. Берга, который, возможно, один из немногих понял, что

данное произведение с исключительной тщательностью разработки всей истории, скорее носит антиссионистский призыв, что оно никак не направлено против еврейского народа.

И тут надо отдать должное не только В. Крестовскому, но и всем писателям "Золотого века" русской словесности. И это уважение и восхищение вызывает их стоицизм, кропотливая, изнуряющая работа над своими произведениями. "Так, для "Трущоб", — пишет Всеволод Крестовский, — я посвятил около девяти месяцев на предварительное знакомство с трущобным миром, посещал камеры следственных приставов, тюрьмы, суды, притоны Сенной площади (дом Вяземского) и проч., и работал благодаря тогдашнему прокурору князю Хованскому и покойному Христиановичу в архивах старых судебных мест Петербурга, откуда и почерпнул многие эпизоды для романа. Чтобы написать "Кровавый Пуф", потребовалось не только теоретическое изучение польского вопроса по источникам, но и непосредственное соприкосновение с ним в самой жизни, что и дала моя служба в Западном крае и в Польше. Для "Дедов" пришлось

по источникам изучать эпоху последних лет царствования Екатерины II и царствование императора Павла. Наконец, для последней трилогии (имеется в виду "Тьма Египетская", "Тамара Бен-Давид" и "Торжество Ваала") употреблено до десяти лет на изучение литературы данного вопроса, библии, талмуда и проч., не говоря уже о личном практическом знакомстве с еврейским миром и бытом... Но при всем этом первенствующее значение я даю никак не теоретической подготовке по источникам, а самой *жизни*, т. е. тем непосредственным впечатлениям, какие она на меня производит при знакомстве с нею, ее бытом, типами и соотношениями в массе ежедневных соприкосновений моих с нею".

Особое место в творчестве Всеволода Крестовского занимают произведения в жанре военной публицистики, многие дневники и записки, зримо раскрывающие его талант непревзойденного рассказчика, этнографа и бытописателя.

В 1871 году Всеволод Крестовский, тогда же произведенный в поручики, был командирован в Петербург для составления "Истории Ямбургского полка". Труд этот, составивший большой том в 54 печатных листа, был торжественно вручен шефу полка или, как тогда это было официально объявлено. "Августейшему Шефу полка Ее Императорского Высочества Великой Княгине Марии Александровне". В. Крестовский переводится поручиком в столичный лейб-гвардии Его Величества уланский полк.

Наступил 1876 год, когда Россия выступила в защиту славян Балканского полуострова, что привело к войне 1877–1878 годов. Всеволод Крестовский командировается в действующую армию, где на него возлагается обязан-

ность редактировать "Военно-летучий листок". Кроме того, он назначается официальным корреспондентом с театра военных действий в "Правительственном Вестнике". Большая дружба завязывается у писателя с генералом Скобелевым, офицерами его штаба. Стремясь познать все тяготы войны, он принимает участие в боях на Траяновом перевале в составе 10-го стрелкового батальона, а уже во время заключения мирного договора в Сан-Стефано он пользуется любой возможностью для того, чтобы изучить турецкие и славянские города и селения, быт и нравы Царьграда (Стамбула).

Летом 1880 года В. Крестовский направляется секретарем для военно-сухопутных сношений "при главном начальнике русских морских сил в Тихом океане", на чем мы остановимся более подробно, а после этого путешествия из Одессы в далекие Японию и Китай писатель уже в чине полковника становится чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Туркестана. И опять-таки можно только удивляться тому, как в столь сложных условиях как проживания,

так и внешней политики, когда значительно обострились отношения России и Британской империи именно из-за Туркестана, писатель остался верен себе, своему таланту. Увидел свет объемный труд В. Крестовского "В гостях у эмира Бухарского". Надо ли говорить, что и на этот раз труд был объемным, отражающим и даже предвосхищающим многие коллизии и проблемы как национального, так и чисто исторического, географического и чисто бытового характера. Некоторые из них не решены и по настоящее время. Уже тогда В. Крестовский нащупывает истоки местного национализма, ставшего основой хорошо известного явления — "басмачества".

И, наконец, уже будучи редактором "Варшавского дневника", когда, казалось бы, можно было подытожить все пережитое, увиденное, Всеволод Крестовский заболевает и в январе 1895 года умирает от "болезни печени и почек". Похороны В. Крестовского на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры, совсем неподалеку от знаменитого писателя И. Гончарова.

"В дальних водах и странах" — это своеоб-

разный дневник участника похода из Одессы через Босфор, Средиземное море, Суэцкий канал и Индийский океан в далекую Японию.

"12-го июня 1880 года, около одиннадцати часов вечера, курьер главного штаба доставил ко мне на квартиру пакет, в коем заключалась бумага за № 3.022, следующего содержания:

"Морское министерство, признавая полезным, по бывшим примерам, иметь при начальнике эскадры нашей в Тихом океане секретаря, для ведения записок о ее плавании, который, в то же время, мог бы быть и официальным корреспондентом "Правительственного Вестника" и "Морского Сборника", ходатайствовало о назначении на эту должность вас, как уже бывшего в минувшую войну официальным корреспондентом "Правительственного Вестника" при штабе главнокомандовавшего действующей армией".

Так начинает Всеволод Крестовский свой обширный дневник путешественника, и читатель как бы сам отправляется в путь, чтобы, ощутив ветер движения на своем лице, самому увидеть то, что видел автор в те дале-

кие годы, возможно, даже сопоставить с днем сегодняшним, хотя бы по таким строкам автора, от которых прямо-таки щемит сердце, если вспомнить о суровой действительности и полной неустроенности наших путешественников-туристов:

"...Каюты наши очень комфортабельны и достаточно просторны, стол очень порядочный и вполне приличный метрдотель, всегда одетый во фраке с белым галстуком и жилетом, всячески старается угодить пассажирам. Прислуга тоже очень вежливая, чистоплотная и привычная к морю. Словом, пароходы нашего "Русского Общества", как говорится, лицом в грязь не ударят и с успехом могут потягаться с "Ллойдами", "Мессажериями" и тому подобными иностранными компаниями".

Прежде всего поражает читателя исключительная наблюдательность автора, его способность выявить главное, увидеть самое важное в истории и этнографии посещаемых стран и уже на этом фоне красочно рисовать различные, подчас неожиданные знакомства, характерные черты быта и нравов в их сравнении с российскими обычаями. При этом по-

вестование В. Крестовского настолько красочно, а его выводы из описываемых событий настолько неожиданны, что даже в наши дни читатель, побывавший в тех ближних и дальних краях, может почерпнуть для себя много нового, нужного.

Для всех, плывущих из Черного моря, Босфор — это ворота в далекий мир. Писатель рисует перед нами всю историю, славную и трагическую, этих красочных и праздничных ворот, и мы поневоле должны признать, что Босфор — это чудо света, полное противоречий, это граница, где переплелись Восток и Запад, откуда, наконец, пошел и древний герб государства Российского — двуглавый орел, как единение Востока и Запада, древней Византии и Третьего Рима.

Сказочные красоты не заслоняют от автора насущных проблем своего времени, начиная от противостояния России и Великобритании и кончая вопросами паломничества через Босфор и Дарданеллы как мусульман, так и простых крестьян из российской глубинки.

Интереснее сведения приводит В. Крестов-

ский об "Афонском подворье", о жизни постоянных служителей и паломников, их взаимоотношениях, средствах, идущих на содержание этого Христианского духовного островка. "Монахи подворские, — констатирует автор, — принимают и кормят странников, не требуя с них за это никакой платы, а довольствуются тем, кто что даст по доброй воле. Монахи же служат странникам и в качестве путеводителей по городу; при их помощи нуждающиеся могут по сходной цене закупить все необходимое в дороге, и они же устраивают на льготных условиях дальнейшую отправку богомольцев ко Святым местам или в Россию".

Миновав Дарданеллы и греческий архипелаг, "Цесаревич" вошел в Средиземное море. Писатель привлекает внимание читателя рассказом об особенностях смирнского базара, сведениями из этнографии и первыми впечатлениями от древнего африканского берега с развалинами дворца "египетских пашей", брошенные на берегу среди безлюдной, мертвой местности, и около них хоть бы один кустик, хоть бы малейший клочок какой-ни-

будь зелени!.. Оригинальная идея — выстроить роскошный дворец среди безжизненной пустыни: пред ним — пустыня моря, за ним — пустыня солончаков, и обе так плоски и так сливаются между собою, что не различишь, где кончается одна и где начинается другая, да и сам он, обреченный на разрушение, среди всей этой мертвенности стоит каким-то оскалившимся скелетом".

Значительное место в записках Крестовского уделяется истории христианских святынь, городам и местностям, связанным с жизнью и деятельностью первых апостолов, священнослужителей, причем рефреном проходит мысль о миротворческой деятельности религии, о незыблемости таких понятий, как добро, нравственность, духовность.

Описание приемов в Египте, обычаев, царящих у хедива, сменяется картинами быта арабских женщин, духовенства, чисто статистическими данными из области внешней торговли России с Ближним Востоком, необходимыми сведениями о коммерческих сделках. Внимание автора задерживается на вопросах миграции мусульман, даются сведе-

ния по экономике, строительству, вооруженным силам Египта, анализируются сведения о печати, о тарифах в гостиницах, составе населения того или иного местечка африканского берега и особенностях каботажа во внутренних водах, консульских обязанностях русских представителей.

Пожалуй, особым откровением для читателя будет то, что не только русские, различными путями попавшие на чужбину, но и "покровительствуемые" Россией сербы, черногорцы, болгары и уроженцы Средней Азии, считали себя на этих берегах русскими. Как указывает писатель, престиж России здесь велик. "Замечательно, что даже каигарцы и текинцы, попадая в Египет, сами отдают себя под покровительство России, хотя казалось бы, как независимым мусульманам, им всего естественнее было бы искать непосредственного покровительства у турок, но таков уж престиж России в глазах среднеазиатцев: думают, что под нами надежнее".

Экспедиция адмирала С. Лесовского проходит по Красному морю, продолжается в Индийском океане. На протяжении всего повест-

воваания В. Крестовским проводится мысль о сближении стран и народов, их неминуемом единении, особо подчеркивается патриотизм матросов и офицеров русского флота, русско-подданных посещаемых стран. Убедительными выкладками В. Крестовский доказывает те или иные преимущества нашей когда-то великой державы, которая шла впереди в международной торговле, валюта которой охотно принималась в любом уголке земного шара.

Не скрываются автором цели предпринятого рейда, задачи Тихоокеанской эскадры как защитницы рубежей России на Дальнем Востоке.

Перед читателем открываются красоты южной Азии. Он посетит Сингапур и Малайзию, Китай и Японию с их многовековой историей, повстречается с людьми, населяющими эти страны, узнает об их обычаях и верованиях, почувствует дыхание тропических ветров, встретит красочные рассветы в изумрудных морях, но все заморские прелести никогда не заставят русского человека променять, забыть свою Родину, — и это основной лейтмотив всего повествования Всеволода

Крестовского, замечательного писателя и
большого патриота России.

Сергей Москаленко

Книга первая В ДАЛЬНИХ ВОДАХ и СТРАНАХ

До Босфора

Бумага о моем назначении. — Радость и испуг. — Аудиенция у великого князя генерал-адмирала. — Назначение генерал-адъютанта Лесовского[1] главноначальствующим эскадрой Тихого океана. — Новая бумага на мое имя. — *Отъезд из Петербурга.* — Состав лиц нашего штаба. — Прибытие в Одессу. — Встреча С. С. Лесовского черноморскими моряками. — *Отъезд из Одессы на пароходе "Цесаревич".* — Парадные проводы. — В Черном море.

12-го июня 1880 года, около одиннадцати часов вечера, курьер главного штаба доставил ко мне на квартиру пакет, в коем заключалась бумага за № 3.022, следующего содержания:

"Морское Министерство, признавая полез-

ным, по бывшим примерам, иметь при начальнике эскадры нашей в Тихом океане секретаря, для ведения исторических записок о ее плавании, который, в то же время, мог бы быть и официальным корреспондентом "Правительственного Вестника" и "Морского Сборника", ходатайствовало о назначении на эту должность Вас, как уже бывшего в минувшую войну официальным корреспондентом "Правительственного Вестника" при штабе главнокомандовавшего действующей армией".

Далее перечислялись условия материального вознаграждения, сопряженного с должностью секретаря, и затем бумага гласила:

"На таковое ходатайство в 9-й день сего июня последовало высочайшее разрешение. Во исполнение сего предлагаю Вам немедленно отправиться в Кронштадт, на отправляющийся 15-го сего июня крейсер "Европа", по прибытии коего в Нагасаки, Вы должны поступить в распоряжение начальника эскадры наших судов в Тихом океане для исправления должности секретаря. Относительно же обязанностей во время плавания Вы будете снабжены предписанием от управляющего мор-

ским министерством, генерал-адъютанта Лесовского". Подписано: "За отсутствием начальника главного штаба, помощник его, генерал-адъютант Мещеринов".

Эта бумага застигла меня почти врасплох: она меня и порадовала, и испугала в одно и то же время. Я никак не ожидал столь быстрого решения этого дела, когда лишь за неделю пред тем был принят в особой аудиенции в Павловском дворце великим князем генерал-адмиралом.

Предметом этой аудиенции было предложение отправиться в дальнейшее плавание, и вот — едва минуло семь дней, как оно уже осуществилось: все решено и подписано.

Итак, моей давнишней и заветнейшей мечте о "кругосветном путешествии" — мечте, которую я и не дерзал никогда считать осуществимой, — вдруг, по воле покойного государя, суждено было обратиться в самую положительную действительность!.. Это меня и взволновало, и обрадовало, как уже давно я не радовался. Но не на шутку испугала меня при этом кратковременность срока, остававшегося до выхода в море. Всего два дня! Когда

же, думалось мне, успею я приготовиться к такому долгому плаванию, да и есть ли физическая возможность быть готовым, если придется заказать себе несколько дюжин белья, безусловно необходимого в море и несколько пар партикулярного платья, без которого нигде нельзя сойти на берег. Да и мало ли еще других приготовлений! Это только главные, белье да платье, а сколько мелочей, чего сразу и не сообразишь и не вспомнишь, но мелочей необходимых, без которых как без рук, а добыть их потом будет уже негде; наконец, надо было устроить свои дела, распорядиться относительно обеспечения близких, покидаемых мной лиц, а на все это двух суток, как ни прикидывал я, решительно не доставало.

Я решил, что завтра, когда явлюсь к великому князю генерал-адмиралу благодарить его за столь лестное для меня назначение, то буду вместе с тем просить его высочество, за окончательною невозможностью изготовиться к путешествию в столь краткий срок, разрешить мне отправиться на каком-либо ином военном судне, предназначенном к отплы-

тию в те же воды позднее "Европы".

Его высочество, войдя в мое затруднительное положение, был столь милостив, что разрешил эту просьбу в положительном смысле и, позволив мне еще на несколько дней остаться в Петербурге, сказал, что о времени и способах моего отправления в путь я получу особое извещение от морского министерства.

В этот же самый день состоялось никем нежданное назначение на должность главноначальствующего Тихоокеанской эскадрой генерал-адъютанта Лесовского, с назначением его в то же время членом государственного совета; управление же морским министерством было тогда же высочайше вверено свиты его величества контр-адмиралу Пешурову.

24-го июня я получил обещанное его высочеством извещение, в коем инспекторский департамент морского министерства уведомлял меня, что я должен отправиться в Тихий океан не на крейсере "Европа", а при генерал-адъютанте Лесовском до Сингапура на почтовом пароходе.

Теперь мне было безразлично, когда имен-

но отправляться, так как все мои путевые приготовления успел я окончить еще до 24-го числа.

На следующий же день (25-го) явился я к С. С. Лесовскому как непосредственному своему начальнику, и был принят и обласкан им с тою любезностью и неподдельным радушием, какие были так свойственны покойному адмиралу. Тут же узнал я от него, что наш отъезд из Петербурга предполагается никак не позже 1-го июля.

Тридцатого июня несколько моих добрых друзей и товарищей пожелали на прощанье пообедать со мною, и на следующий день в седьмом часу пополудни я уже был на станции Московской железной дороги, где в ожидании прибытия нашего начальника, адмирала, представился капитану 1-го ранга А. П. Новосильскому, ныне тоже покойному, который, будучи командиром броненосного корабля "Петр Великий", лишь в последние дни пред отъездом получил назначение в Тихоокеанскую эскадру в качестве флаг-капитана, по-сухопутному — начальника штаба.

Проводить С. С. Лесовского собралось на

станции много родственников, друзей, знакомых и все, кто принадлежали к флоту из лиц, находившихся в Петербурге. Начальствующие и не начальствующие лица флотской службы присутствовали здесь в полной парадной форме. С. С. Лесовский отъезжал в дальний путь вместе со своей супругой Екатериной Владимировной, которая предполагала жить в Нагасаки, где, в случае нашей войны с Китаем, ей предстоял нелегкий подвиг — учредить временный госпиталь и руководить всем делом этого учреждения, в каком у нас, конечно, ощутилась бы настоятельнейшая надобность, так как русский госпиталь, в то время уже существовавший в Нагасаки, по размерам своим не мог вполне удовлетворять требованиям военного времени. С этой целью при Екатерине Владимировне отправлялась туда же Георгиевской общины сестра Стефанида, которая еще на театре последней нашей войны в Болгарии успела хорошо ознакомиться с обязанностями сестры милосердия. При этом предполагалось, что в Нагасаки, быть может, удастся им создать из местных, весьма сочувствующих нам элементов ма-

ленькую общину сестер милосердия для нашего госпиталя.

Кроме вышеназванных, из лиц штаба с нами отправлялись еще флаг-офицеры (по-сухопутному, адъютанты), лейтенанты: А. Р. Родионов и Н. Л. Россель (скончавшийся потом в Нагасаки). На станции Бологое должен был присоединиться комендант штаба, капитан-лейтенант Ф. Е. Толбузин, а в Одессе флагманский доктор, почтенный лейб-хирург двора его величества, действительный статский советник В. С. Кудрин. В Александрии ожидалось присоединение чиновника по дипломатической части коллежского секретаря М. А. Лоджио, хорошо знакомого с Китаем по своей недавней дипломатической службе в Пекине. Остальные лица штаба должны были прибыть впоследствии, так что встреча с ними предстояла нам не ранее, как в Нагасаки, если даже не во Владивостоке.

В семь с четвертью часов пополудни, напутствуемые благословениями, пожеланиями и приветом родных и друзей, мы с курьерским поездом выехали из Петербурга и, не останавливаясь в Москве, следовали прямо в

Одессу, куда прибыли **4-го** июля в полдень. Здесь на железнодорожной станции ожидала С. С. Лесовского парадная встреча со стороны черноморских моряков и тогдашнего новороссийского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Дрентельна. Моряки в тот же день почтили адмирала дружеским обедом в изящном садике "Северной гостиницы", куда были приглашены и все лица его штаба.

5-го июля в четыре часа пополудни назначен был наш выход в море. Еще с ночи полил дождь, да такой, о каком на севере едва ли и понятие имеют. Я по крайней мере, в Петербурге не помню подобного. В течение более полусуток лил он без перерыва, сопровождаясь грозой, и обратил одесские улицы, в особенности на спусках, в русла шумно крутящихся потоков, уносивших с собою множество различных, смытых с улиц предметов. Гроза разражалась прямо над головой и, судя по сплошным беспросветным тучам, район ее действия обнимал громадное пространство над сушей и морем. Этот обильный ливень с грозой был признан многими за доброе предзнаменование для предстоявшего нам дела.

В три часа дня все мы были уже на палубе парохода "Цесаревич", принадлежащего Русскому Обществу Пароходства и Торговли, который должен был доставить нас на восьмые сутки в Александрию. Сюда прибыли генерал-губернатор и весь наличный состав высших морских чинов проводить С. С. Лесовского. В гавани стояли три военных судна: яхта "Эриклик", пароход "Тамань" и шхуна "Гонец". Когда "Цесаревич" тронулся, на "Эриклик" грянула флотская музыка, старый Черноморский марш, и команды на всех судах были высланы на ванты, а на "Гонце" и на реи, откуда люди кричали "ура" в честь отъезжающего адмирала. Проходя мимо этих судов, адмирал прощался отдельно с командой каждого.

К вечеру дождь перестал, и погода несколько прояснилась, хотя небо все еще было покрыто на горизонте тяжелыми грозowymi тучами. В воздухе, благодаря этой грозе, заметно посвежело, и мы вдосталь могли надышаться морскою прохладой, в особенности ценя ее после нескольких дней страшной жары и духоты, когда, как например **3-го июля**,

жара в вагоне доходила до 28 градусов Реомюра[2]. Это хотя бы и для тропиков в пору, да и там-то, говорят, не всегда так бывает. После грозы на море установился полный штиль, и наш "Цесаревич", делая по девяти узлов[3], тихо покачиваясь, держал курс к Босфору.

6-го июля 1880 года.

С этого дня я поведу аккуратно мой путевой дневник. К сожалению, записывать пока нечего. Мы в море, погода тихая, солнце скрыто за облаками и потому — слава Богу — жара не донимает. Легкая бортовая качка. Капитан наш, Василий Трофимович Гаврилюк, опытный старый черномор, знает свое дело в совершенстве. Судно у него содержится в величайшем порядке, команда отлично вышколена и расторопна. Каюты наши очень комфортабельны и достаточно просторны, стол очень порядочный, и вполне приличный метрдотель, всегда одетый во фрак с белым галстуком и жилетом, всячески старается угодить пассажирам. Прислуга тоже очень вежливая, чистоплотная и привычная к морю. Словом, пароходы нашего "Русского Общества", как говорится, лицом в грязь не ударят

и с успехом могут потягаться с "Ллойдями", "Мессажериями" и тому подобными иностранными компаниями.

Босфор и Царьград

Панорама Босфора. — Форты и башни. — Волшебное превращение здорового скота в зачумленный и зачумленного в здоровый. — Буюкдере и Румели-Гиссар. — Кое-что из истории этого замка. — Русский памятник. — Босфорские дворцы и Скутарийское кладбище. — Золотой Рог и вид на Константинополь. — Местные комиссионеры и гиды. — Вечерняя прогулка по Босфору и по Галате. — Турецкая кофейня. — Выход в Мраморное море.

7-го июля.

Вскоре после полуночи "Цесаревич" был уже неподалеку от Босфорского входа и прошел мимо плавучего маяка. Вдали видны были и другие огни на маяках Кара-бурну, Румели-фенар и Анатоли-фенар, из коих последние два высятся при самом входе в Босфор, один на европейском, другой на азиатском

берегу. Но так как всем вообще судам воспрещается вступать в Босфор в ночное время, то "Цесаревичу" поневоле пришлось до самого рассвета лавировать взад и вперед малым ходом.

Я люблю панораму Босфора, и хотя уже неоднократно любовался ею и прежде, но считал бы грехом не доставить себе еще раз такого высокого наслаждения, и чуть лишь забрезжило на востоке, я уже был на мостике. И вот из-за плотных грозowych туч, низко скопившихся вдали над горизонтом, выплыл наконец на голубой простор багровый солнечный диск, облив полнеба и полморя и видневшиеся кое-где паруса золотисто-розовым заревом. Теперь "Цесаревич" уже полным ходом двинулся прямо к Босфору.

Вот они опять предо мной, эти древние, обвитые плюшем башни, что рассеяны по вершинам прибрежных возвышенностей, и эти старые форты, что насели внизу у подошвы гор, над самым Босфором. Вот форт Мивеаница, вот Пойрас бурну, Буюк-лиман и прочие, некогда столь грозные для неприятеля, ныне же имеющие свое значение только для ху-

дожника да разве еще для археолога. Теперь две земляные, современного типа батареи, вооруженные несколькими Крупными и Армстронгами[4], почитаются совершенно достаточными, чтобы запереть вход в Босфор гораздо надежнее целого ряда древних каменных фортов с высокими массивными стенами, где однако же турки и доселе содержат за чем-то свои гарнизоны, вероятно, ради казарменных помещений.

Перед одним из таких фортов "Цесаревич" остановился и послал на берег старшего офицера предъявить патент о здоровье. Спустя минут двадцать он возвратился, но пароход наш все еще не двигался с места. Оказалось, что к нам пожаловала местная санитарная комиссия и полезла в трюмы, где помещался рогатый скот, везомый в Стамбул на продажу. Слышатся между пассажирами разговоры, что не пропускают далее, желая подвергнуть судно на неопределенное время строгому карантину, так как рогатый скот найден будто бы больным и даже зачумленным. Это был очевидный вздор, потому что быки и коровы, насколько их можно было видеть в широкие

люки просторного трюма, сохраняли вполне бодрый, здоровый вид и обрадовались дневному свету, даже подняли мычанье, словно протестуя этим против несправедливых заключений санитарной комиссии. Тем не менее, турецкие чиновники, бормоча что-то между собою, сильно жестикулировали отрицательным образом и головой, и руками на все доводы, представляемые им пароходным толмачом, и строили самые недовольные, озабоченные физиономии, как бы желая изобразить этим не только всю государственную важность своих трюмных открытий, но и всю свою чиновничью непреклонность и граждански доблестную неподкупность.

Наш почтенный капитан, глядя на все это, принял наконец досадливо озабоченный вид.

— Неужели, — спрашиваю его, — мы в самом деле везем зачумленный скот?

— Помилуйте, где там зачумленный! Просто бакшиш хотят содрать и только!

— И что же, придется дать?

— А, разумеется, придется. Ничего не поде-лаешь. Игнатий Иванович! — обратился он с мостика вниз к своему помощнику. — Суньте

им поскорее, и пусть проваливаются. Даром время только теряем.

Помощник достал из кошелька нечто и любезно пожал руку старшего, а затем и младшего санитарного ревизора. Те еще любезнее приложились ладонями к сердцам, губам и ко лбу, дескать, "сердце, уста и разум, все благоухает вам приветствием и благодарностью", и вслед за тем — о, чудо! — наш зачумленный скот моментально оказался совершенно здоровым, будучи признан за таковой самым официальным образом, и пароход, спустив по трапу за борт санитарных ревизоров, тронулся далее. Все это произошло так просто, откровенно, даже с какой-то детской наивностью со стороны турецких чиновников, что не возмущаться, а невольно смеяться хотелось: взятка была дана и принята публично, при всех пассажирах, как самое обыкновенное, законное дело, и скот публично же, воочию всех, признан здоровым. Большой руки патриархальность.

— А много пришлось заплатить комиссии? — спросил я как-то потом у капитана.

— Сто франков золотом. Это уж положе-

ние, когда скот провозят, меньше не берут.

— А если бы и в самом деле он был заражен?

Но капитан объяснил мне, что на судах "Русского Общества" этого быть не может, потому что Общество, в видах собственной пользы, бережет свои пароходы от заразы и мало-мальски сомнительного скота вовсе не принимает.

— У нас ведь предварительно его свидетельствуют. На вольных судах — там иное дело.

— Стало быть, случается?

— Не без того. Всяко бывает.

— Ну и как же в таком случае? Ворочай назад?

— Назад?.. Помилуйте, зачем же!.. Вместо ста франков придется заплатить триста, четыреста, и больше ничего, пропустят свободно.

Превыгодная, значит, служба в турецком санитарном надзоре.

Идем далее по Босфору. Знакомые картины, знакомые впечатления, и все также дивно хороши эти склоны гор, покрытые кудря-

выми садами, эта длинная, почти непрерывная цепь селений и предместий, представляющих отдельные группы скученных и нагроможденных друг над другом легких домиков, дач, минаретов, бельведеров, висячих веранд, дворцов и киосков; эти прозрачные, изумрудно-зеленые волны с их грациозно легкими остроносими каиками[5] и высококормистыми, ярко разукрашенными фелукками⁵; этот бальзамический воздух, напоенный ароматом роз и кипарисов, — все это то же, что и прежде, и впечатление, производимое им, так же свежо и поэтично, как и в иные дни, когда перед моим восхищенным взором впервые предстала вся эта благоухающая и картинная прелесть.

Вот Босфор расширяется, образуя небольшой залив. Это Буюк-дере со своею каменной набережной, обрамленной аллеей прекрасных деревьев и рядом красивых дач. Здесь же смотрится в тихие воды прекрасный дворец русского посольства, над фронтоном коего парит изваянный двуглавый орел наш, преемственный представитель древней Византии, а позади этого дворца, по всему крутому склону

высокой горы, до самой ее вершины красуется роскошный парк, где разные террасы, беседки и киоски тонут в кудрявой свежей зелени, обмытой недавним дождем.

Миновав Буюк-дере и Терапию, мы вступили как бы в отдельное озеро, которое на глаз кажется замкнутым со всех сторон. Здесь Босфор опять расширяется и являет один из самых картинных своих уголков. На европейском его берегу высятся серые стены и пять массивных башен древнего замка Румели-Гиссар, а напротив, на берегу Азиатском — Анадоли-Гиссар, другой подобный же замок. С первым из них связано много воспоминаний, мрачных для местных христиан и горделиво-светлых для покорителей-турок. Румели-Гиссар как бы навис над самым Босфором, а его высокие башни и до сих пор стоят безмолвными, хотя уже и не грозными стражами мусульманского владычества над его берегами. Каждая из этих пяти башен соответствует одной из букв имени грозного основателя замка. Румели-Гиссар построен султаном Магометом II еще до взятия им Константинополя. Отсюда началось окончательное покорение

рение этого города и сокрушение Восточной Римской империи. Сам Махмуд и все его полководцы и вельможи личным физическим трудом участвовали в постройке Румели-Гиссара, рыли землю, сносили к месту и складывали камни, из которых воздвигались его стены. Так говорит предание. Главная же масса рабочих состояла из окрестных христианских крестьян, к которым турки были беспощадны до такой степени, что если кто из работников падал в изнеможении от непосильного труда, то его тут же замуровывали в фундаменте и в стенах. Эта же казнь полагалась и для недостаточно усердных христианских работников. Таким образом, Румели-Гиссар построен в буквальном смысле слова на христианских костях. Впоследствии его казематы служили тюрьмами для некоторых пленников и христиан, осужденных на вечное заключение за какие-либо провинности против своих поработителей. Поэтому европейцы и называли его некогда "Замком Забвения". В передней стене этого замка, выходящей прямо на Босфор и менее высокой, чем остальные, находятся низенькие сводчатые ворота, к которым ведет

узкий подземный ход, устроенный в ширину одного человека под крепостными стенами. Эти ворота доселе памятны и стамбульским мусульманам: из них, при султানে Махмуде, в двадцатых годах текущего столетия, были в одну ночь выброшены в море несколько тысяч янычар, заключенных пред сим в этом замке. Исполнители воли Махмуда уверили их, что султан дарит им помилование под условием выселения в Малую Азию и что с этой целью каики уже ожидают их у Румели-Гиссара. По мере того, как янычары поодиночке выходили согнувшись из низеньких ворот, палачи с размаху отрубали им головы, а других просто душили и бросали в волны пролива.

Невдалеке от этого места, на азиатском берегу находится долина Хункяр-Скелеси или Султание-Скелеси, что означает "пристань султана". Здесь впадает в Босфор речка Токат, прикрытая тенью развесистых старорослых чинар и каштанов и известная в древности под именем Босфорского Нимфея. В этой долине, во времена Крестовых походов, стояло лагерем войско Людовика VII, а в 1832 году

здесь же был расположен русский отряд генерала Муравьева, посланный императором Николаем на помощь султану Махмуду против Мехмед-Али, паши египетского. До последней войны на месте русского лагеря на горе стоял гранитный памятник, которого, впрочем, мы теперь не заметили. Не знаю, уничтожен ли он турками или мы сами проглядели его в наши бинокли.

Плывем близко к азиатскому берегу, мимо беломраморной набережной изящного дворца Беглербей, где великий князь Николай Николаевич после Сан-Стефанского мира[6] принимал ответный визит султана; немного далее, на берегу европейском, высятся красивые здания дворцов Чарыгана, служащие местом заключения для султана Мурада V, и до Долма-Бахче, а над ними, на высотах утопает в зелени своих садов Илдыз-Киоск, добровольная тюрьма Абдул-Гамида[7], из которой он в последнее время не выходит по целым неделям, нередко пропуская даже обязательные парадные выходы по пятницам, в мечеть, и живет во мрачном уединении, окруженный несколькими батальонами своей гвардии, не

доверяя ни своим министрам, ни своему народу. На склонах окрестных гор видны разбросанные кое-где конические палатки отдельных пикетов, а за ними белеют вдали целые лагеря, на которые невольно обратишь внимание, потому что оттуда беспрестанно раздаются звуки сигнальных рожков. Не знаю, точно ли, но говорят, что турки очень любят военные сигналы, которых у них будто бы множество, так что все малейшие отправления лагерной жизни исполняются не иначе как по трубному звуку. Вот раскинулась перед нами широкая панорама азиатского предместья Скутари с его высокими мечетями и обширными казармами, что украшены по углам четырьмя башнями и приспособлены к защите как самостоятельный громадный редут. Из-за массы скутарийских домов, построенных почти сплошь в турецком стиле, вырываются вровень с белыми иглами минаретов темно-синие, почти черные, иглы кипарисов скутарийского кладбища. Эта длинная полоса густого леса, похожего издали на громадный зубчатый частокол, служит излюбленным местом последнего успокоения для

стамбульских мусульман. Турки предпочитают быть похороненными здесь, на азиатском, более родном для них берегу, полагая, что в Европе, где они все-таки временные пришельцы, смертный покой их праха может быть когда-либо нарушен. Опасение, надо отдать ему справедливость, чисто турецкое.

В восемь часов утра "Цесаревич" стал наконец в устье Золотого Рога, отшвартовавшись у одного из больших красных баканов[8], разбросанных ради этой цели по водам порта.

Знакомые все виды... Куда ни взглянешь, все прелесть как хорошо! В Золотом Роге и на рейде застали мы много больших судов под флагами почти всех европейских наций. Ближе к стамбульскому берегу скучились в особую группу борт о борт и красуются своими художественными формами турецкие фелуки и кочермы[9], изукрашенные кружевной резьбой по дереву и ярко раскрашенные восточными узорами. Десятки легких пароходов торопливо снуют в разные стороны, и сотни грациозных кайков плавно скользят и качаются по всему водному пространству. Жизни и красоты тут неисчерпаемо. Вот малень-

кая башня Леандра, иначе Кыз-кала, то есть "башня девы", словно вынырнувшая прямо из вод, в самом центре, где сливаются Босфор, Золотой Рог и Мраморное море; вот Серальский мыс и над ним старый Сераль среди темных кипарисов, тяжело улегшийся на своих каменных террасах, покрытых висячими садами, а далее по берегам Золотого Рога знакомая панорама холмов Стамбула и Перы с их башнями и поясом нагроможденных амфитеатром пестрых домов, дворцов, высоких арок, водопроводов, колонн, террас, садов, кладбищ, громадных мечетей с широкими полусферическими куполами и белыми тонкими минаретами, которые словно стрелы или гигантские восковые свечи стремятся в небо и горят на солнце своими золотыми полумесяцами. Сколько бы ни глядел на эту дивную, единственную в мире картину, никогда, кажется, не наглядишься в досталь и всегда заметишь в ней что-нибудь новое, неожиданное, что ускользнуло как-нибудь прежде от глаз, сперва пораженного картиной целого, а затем растерявшегося в ее разбросанных уголках и красивых деталях. Впрочем, что же

мне описывать то, что уже столько раз и во многих случаях так талантливо было описано! Это значило бы повторять старое или расплываться в общих выражениях. Поэтому не ждите от меня описаний ни самого города, ни его достопримечательностей, ни склада его жизни и особенностей быта. Это была бы слишком обширная и слишком специальная тема.

Не успели мы отшвартоваться у бакана, к борту пристал паровой катер, присланный из русского посольства, и увез С. С. Лесовского с супругой в Буюк-дере, где их уже заранее ожидали старые знакомые; мы же поспешили съехать на берег, чтобы покататься по городу и еще раз посетить в Стамбуле святую Софию, Сулеймание, Махмудие, Атмейдан, подземелье тысячи и одной колонны и другие места, с которыми связано у меня столько воспоминаний и впечатлений моего первого пребывания в Царьграде.

Без гида только что приехавший путешественник здесь не обойдется, хотя бы город был ему знаком, как своя собственная комната. Хотите вы, или не хотите, проводник

непрерывно и чуть не насильно увяжется за вами со своими назойливыми объяснениями. Идете вы пешком, он пойдет рядом и будет развязно болтать вам на плохом французском языке о встречах "достопримечательностях", о сплетнях, скандалах и новостях дня, о женщинах, посланниках и министрах и оказывать разные непрошенные мелочные услуги; садитесь вы в экипаж, он проворно вскочит на козлы рядом с арабаджи и будет менторски повторять ему ваши приказания; вы делаете вид, что не замечаете. ь его, он все-таки продолжает свою болтовню, вы наконец решительно говорите ему, что не нуждаетесь в его услугах, даже просто гоните его прочь, а он вам на это любезно осклабляется, низко кланяется, соглашается с вами и все-таки продолжает шествовать сзади, а через две-три минуты глядишь: уже снова пристал со своими докучными докладами, объяснениями и услугами. Таков уже хлеб, такова профессия этих людей, и ничего с ними не поделаешь, как с неизбежным злом, которому надо покориться.

Так точно и на этот раз увязался за нами

некий Ангелос Перакис — "guide, interpríte et courrier en Orient" [10], как значилось на его визитной карточке, которую он поспешил сунуть нам в руку, первым появясь на палубе, чуть лишь только пароход стал на рейде. Но дело не ограничивается каким-нибудь одним Перакисом: вы, например, входите во двор какой-либо мечети или султанской усыпальницы, а там уже поджидает вас, как коршун свою законную добычу, другой Перакис, местный, только уже не левантинец, а турок, и, несмотря на присутствие вашего собственно Перакиса, еще более ломаным языком начинает объяснять вам, тыкая пальцем на гробницы: "иси мадам Махмуд, иси лотр мадам, иси мосью, иси пети, иси анкор пети", а в заключение непременно протянет вам руку и настойчиво потребует "бакшиш". Без бакшиша здесь шагу ступить невозможно, ни на улице, ни в правительственных учреждениях, впрочем, это давно уже известная истина.

В сумерки задумали мы с капитаном "Цесаревича" совершить прогулку по Босфору. Приказал он спустить шлюпку, четверо матросов сели на весла, поехали. Вечер был дивно хо-

рош, тишина в воздухе полнейшая — листок не шевельнется. Мы поплыли вверх по Босфору, а тем временем сумерки сменились яркозвездной ночью. Мы плыли невдалеке от Чарыгана, откуда слышались звуки флейты из одного открытого и ярко освещенного окна. Может быть, кто-нибудь из приближенных развлекал Мурада, а может быть, и сам он развлекался в своем заточении этим меланхолическим инструментом. Нам хотелось проехать мимо дворца, но едва только капитан повернул руль и поставил шлюпку в надлежащем направлении, как почти в ту же минуту послышались всплески нескольких дружно работающих весел, и из тьмы неожиданно выплыли две военные шлюпки, одна вдогонку, другая навстречу нам; и обе вдруг отрезали нас от берега. Та, что шла вдогонку, поравнявшись с нами, пошла почти рядом, по одному направлению, как бы конвоируя или следя за нами. Все это совершилось очень быстро и в полнейшем молчании, даже не окликнули обычным "ким-дыр-о?" [11]. Когда же мы прошли границу Чарыгана, шлюпка незаметно отстала и исчезла в темноте так

же таинственно и быстро, как и появилась. При обратном следовании повторилось то же самое и опять в полнейшем молчании. Зорко, значит, стерегут несчастного Мурада.

Мы сошли на берег у пристани невдалеке от дворца Долма-бахче и отправились гулять по каштановой аллее, что обрамляет улицу позади дворца, а потом пошли и далее. Издали доносились откуда-то струнные звуки и гортанный, но приятный голос певца, напевавшего какую-то восточную песню. Пошли на этот голос и вскоре очутились подле какой-то турецкой кофейни, украшенной снаружи цветущими олеандрами в кадках и освещенной двумя-тремя молочно-матовыми шарами. На широких деревянных скамьях с высокими ножками и резными спинками сидели, поджав под себя ноги, степенные осмалы [12] в красных фесках; одни из них курили кальян, другие прихлебывали кофе из маленьких фарфоровых чашечек, и все вообще задумчиво слушали сидевшего тут же турка-певца, который аккомпанировал себе на большом пузатом торбане. Что хотите, но турки своим присутствием придают много ха-

ракторности и даже своеобразной прелести жизни этого города. Они как бы дополняют собою характерные красоты окружающей природы и, в сущности, ей-Богу, будет очень жаль, по крайней мере с художественной стороны, если их когда-нибудь выгонят совсем из Константинополя. Без турок этот дивный город окончательно уже обратится в вольную клоаку всякой международной сволочи. К сожалению, и теперь уже общелиберальный безличный пиджак все более и более вытесняет картинные восточные костюмы. Одна только феска пока еще борется с котелком и цилиндром; но пышная чалма даже и в самом Стамбуле — увы! — представляет уже довольно редкое явление.

8-го июля.

Около полудня возвратились из Буюк-дере С. С. Лесовский с супругой и просили меня быть их чичероне по Стамбулу. Мы тотчас же съехали на берег, но так как времени оставалось у нас очень немного, то осмотр достопримечательностей пришлось ограничить только Святой Софией, Селимом, древним византийским Гипподромом (Атмейдан) и Без-

вестенном (центральный базар Стамбула). Все это наскоро мы успели окончить к началу пятого часа дня и возвратились на пароход, куда к тому времени приехали из Буюк-дере несколько наших посольских дам проводить Екатерину Владимировну и адмирала.

Ровно в шесть часов дня "Цесаревич" тронулся в дальнейший путь, в красивое Мраморное море. Адмирал очень интересовался местами нашей Сан-Стефанской стоянки, мимо которой мы теперь проходили, и много расспрашивали меня о том времени. Но зачем повторять эти общеизвестные грустные воспоминания о шести месяцах бездействия и болезней, выдержанных нашей армией под стенами Царьграда, и о той нравственной пытке, какую переносили мы здесь в дни Берлинского конгресса!..

Дарданеллы и Архипелаг

Первое разочарование. — Природа дарданелльских берегов. — Галлиополи. — Дарданеллы и Ченак-кале. — Гончарные изделия. — Древние и новые дарданельские форты и батареи. — Селение Йени-Шехр. — Эгейское море и вид на Архипелаг. — Кроличьи острова. — Берега Малой Азии. — Остров Тенедос. — Классическая Ида. — Развалины Трои. — Остров Митилена. — Наша палубная публика. — Бывшие наши пленники-турки. — Богомольцы и странники русские, мусульманские и иные. — Русское Афонское подворье и удобства способов передвижения. — Палубный маркитант. — Важный пассажир.

9-го июля.

С рассветом вступили в Дарданелльский пролив. Столько великих исторических воспоминаний, соединенных с именами Ксеркса, Александра, Фридриха Барбароссы, Солиман-бен-Орхана, столько классической поэзии и мифологических легенд о Леандре и Геро, и

какая жалкая действительность!.. Пустынность, общая пустынно́сть берегов и лежащей за ними местности, вот что прежде всего поражает вас после Босфора, если вы думали, что и здесь встретите нечто подобное. Ничего похожего! Местность представляет здесь большею частью плоскогато-пологие, совершенно голые холмы буро-желтого цвета, где лишь изредка пробивается очень скудная чахлая растительность, в которой преобладают низенькие кусто-видные деревца запыленных маслин. Азиатский берег несколько выше европейского. На том и другом изредка виднеются белые домики с высокими шестами: это маяки. Движение судов ничтожно: на всем протяжении пролива мы встретили только один пароход да три-четыре греческие шхуны. Местный каботаж, кажется, вполне отсутствует; по крайней мере, около берегов он ни единым парусом не заявляет о своем существовании. Втягиваясь глубже в пролив, можно разглядеть кое-где по склонам возвышенностей в глубине страны довольно большие селения, но берега все-таки поразительно пусты́нны. Кое-где заметны остатки древ-

них укреплений, башен, стен, которые, вероятно, были бы интересны для археолога, но для художника как аксессуар пейзажа отнюдь не красивы. Не доходя Галлиполи видны на плоскости редуты и оборонительные казармы, затем местность к западу начинает несколько повышаться. Самый же Галлиполи не более как ничтожный с виду, маленький городишко, стоит на солнцепеке, и хоть бы один клочок зелени скрасил собою однообразие его апсидно-серых черепичных кровель! Ни деревца, ни кустика. Вот начинаются береговые форты: справа — каменный на 26 орудий, слева — земляной редут, венчающий собой высокий бугор курганной формы, а рядом с ним, у подошвы бугра, большой форт, где видны и каменные, и земляные верки[13]. Город скучился амфитеатром до половины горы, около высокой каменной стены и двух древних толстых башен крайне неуклюжей формы. Отсюда начинается ряд фортов, где каменные постройки стародавних времен перемешиваются с земляными брустверами современной фортификации. Древние стратеги, надо отдать им справедливость, отлично су-

мели выбрать здесь место для своих береговых укреплений, так что новейшему инженерному искусству оставалось только следовать их указаниям и приспособлять избранные им пункты к системе нынешней обороны.

Напротив, на азиатском берегу, лежит городок Ченак-Кале, у которого "Цесаревич" приостановился на несколько минут, чтобы сдать какой-то коммерческий груз. Пользуясь временем этой остановки, к борту сейчас же пристал каик, наполненный гончарными произведениями самых причудливых форм. То были преимущественно фигурные кувшины в виде лошадей, тигров, змей, уток и тому подобного, украшенные черной поливой и цветными узорами с золотом. Этими произведениями местной промышленности снабжаются из Ченак-Кале не только проезжающие мимо мусульманские странники, но вы встретите их и в Константинополе, куда они доставляются в весьма большом числе, и даже в Адрианополе. Цены на них не особенно дороги. Так большой черный, очень красивый кувшин с золотыми узорами стоит 15 галага-

нов, то есть три франка с запросом, а уступается европейскому путешественнику за два франка и даже менее, если вам не надоест торговаться; мусульманин же покупает точно такую вещь за полфранка. Между Дарданелльским мыском европейского берега, где теперь насыпана новая батарея, и старым Ченакским фортом, представляющим широкую каменную башню с бойницами, находится самое узкое место пролива, 570 сажен в поперечнике, где, по преданию, Ксеркс[14] строил свой мост, разнесенный бурей. На крепостной башне Ченак-Кале сохраняются еще на действительной службе древние бронзовые пушки с причудливыми украшениями, из коих некоторые, как говорят, служили еще при Магомете II, покорителе Царьграда. Около них сложены пирамидки из каменных ядер, а рядом, на современной земляной батарее бутылевидные армстронги глядят своими приподнятыми жерлами в Эгейское море на дарданелльские входы. Новейшие батареи в системе дарданелльских укреплений насыпаны из песчанистой почвы, и между ними, насколько можно судить по наружному осмотру, нет

ни одной казематированной, орудия действуют через банк, так что в сущности они вовсе не столь грозны, как о них привыкли думать, и мне кажется, что для смелых моряков, вооруженных хорошей артиллерией, было бы вовсе не трудно не только сбить орудия, но и совсем разрушить все эти укрепления с моря.

Идем далее. Слева, на азиатской стороне, видна долина классического Скамандра близ его устья. Ряд деревьев, по очертаниям судя, чуть ли не вербы, осеняет течение этой болотистой речки. Вот далеко-далеко впереди обрисовалась слегка в тумане гора Святого Ильи, представляющая собой высшую точку острова Тенедоса, а вот и выход из Дарданелльского пролива, охраняемый турецкими фортами. На европейском берегу большой каменный форт новой постройки, Седдуль-Бахр, а на азиатском — крепостица Кум-Калесси, тоже каменная, новая, но, как первый, так и последняя строены по образцу древних сооружений этого рода. Седдуль-Бахр, однако, не казематирован, и так как он расположен на самом склоне прибрежной возвышенности, то его внутренность остается вся на виду с мо-

ря. Ниже Седдуль-Бахра, почти под его подошвой, на площадке небольшой возвышенности в 140 футов, стоит особый каменный форт новой постройки, который, мне кажется, будет немножко посильнее своего верхнего соседа тем, что он более укрыт и по своим размерам представляет меньшую цель для неприятельских орудий.

С азиатской стороны, — на возвышенности у выхода в Эгейское море, расположено христианское селение Йени-Шехр, где видны каменная церковь с башенкой и целый ряд каменных ветряных мельниц, причем, вместо обычных дубовых крыльев, здесь приспособлены небольшие полотняные паруса треугольной формы, числом до дюжины на каждой, что придает этим мельницам очень оригинальный вид.

Итак, Дарданелльский пролив пройден, мы в Эгейском море. Справа виден остров Имброс, а за ним возвышаются легким силуэтом Самотраки и Лемнос, куда во время последней нашей войны с турками был сослан Абдул-Керим-паша, план которого, заключавшийся в том, чтобы беспрепятственно пропу-

стить русских через Балканы и потом запретить за ними горные проходы, не был своевременно понят в Константинополе, за что престарелый паша и поплатился ссылкой. Прямо перед нами желтеют маленькие Кроличьи острова рифового характера. Они не высоки, плоски и совершенно голы, без малейших признаков растительности; трава если и была, то уже вся теперь выжжена солнцем, и не видать на их желтой поверхности ни единого человеческого жилья. Единственными обитателями этих островков являются кролики, и, говорят, их тут великое множество. Они умеют где-то находить для себя подпочвенную воду, которой человеку до сих пор не удалось еще отыскать в этом кроличьем царстве.

Берега Малой Азии в этих местах тоже голы и довольно унылы. Редко-редко встретится какая-нибудь долинка, покрытая далеко не густою растительностью: все больше низенькая маслина да жиденский кипарис. Деревни там довольно редки и уныло стоят себе на плешинах пригорков, без зелени, без садов, на самом солнцепеке. Таковы Йени-Шехр, Йени-Киой, Палео-Кастро и Безика, знаменитая

своей бухтой, из которой во время последней войны английские броненосцы так пугали наших податливых дипломатов.

На протяжении береговой полосы встречаются два-три насыпные кургана, происхождение коих, вероятно, относится к отдаленным эпохам древности.

Проходим мимо острова Тенедоса, северную оконечность которого составляет пологоконическая гора Святого Илии, где не заметно ни малейших признаков растительности. Между Тенедосом и отмелью малоазийского мыса Иукиери есть небольшая банка, обходя которую, пароход направляется мимо скалистого островка Гадаро (Ослиный), где есть небольшой маяк и при нем садик, более, впрочем, похожий на скудную заросль бурьяна. Как раз напротив этого места лежит город Тенедос, будто бы славящийся своим вином. Проверить этого мы не имели возможности, так как пароход здесь не останавливается, и ни одна торговая лодка не подъехала к нему с острова; но не понимаю, где тут могут быть виноградники.

Вся восточная сторона острова, мимо кото-

рой мы проходили, представляет склоны горного кряжа с совершенно голою, выжженной солнцем, поверхностью, и даже в самом городе нигде не видать ни клочка зелени, а она едва ли могла укрыться от глаза, так как город этот всею массой своих, исключительно каменных, зданий расположен по склону горы амфитеатром. Внизу окаймляют его каменные стены крепости с башнями и бойницами, по-видимому, не особенно давней постройки, но по старому образцу. Зной над этим местом, должно быть, ужасный, и его несомненным признаком являлось сильно заметное дрожащее реяние воздуха. Тут же, около города, видно несколько ветряных мельниц с парусными крыльями. Вероятно, виноградники и пашни находятся где-нибудь в лощинах внутри острова и не могут быть видимы с моря. Мраморный мыс на юго-восточной оконечности Тенедоса представляет собою красиво напластованную глыбу бело-розового мрамора, в которую вечно бьет красивый бун, рассыпаясь алмазной пылью.

На азиатском берегу в это время видна классическая гора Ида. Силуэт ее рисуется в

виде зубчатого ряда неровных бугристых вершин, а поверхность самого корпуса горы изрыта и как бы ноздревата, так по крайней мере кажется с моря. Вообще, бфега Малой Азии представляют до сих пор ряд довольно отлогих возвышенностей, между которыми Киз-даг в 1595 метров является самой высокой. Поверхность этих возвышенностей большею частью камениста, и только изредка заметна на ней скудная кустарниковая растительность, так что издали кажется, будто такие места покрыты кочками. Общий пейзаж не только не роскошен, но даже и не особенно красив. Скудость, вот его главный характер. Но зато цвет воды, чем дальше, тем прелестнее: он переходит теперь в совершенно голубой, кобальтовый.

Вот на малоазиатском берегу выдвигается мыс Баба, сиречь "отец" по-турецки. На его оконечности, Бог весть для чего, существует турецкий форт, никого и ничего не защищающий, кроме разве открытого моря. Несколько севернее этого мыса, в расстоянии 16 1/2 морских миль, лежит деревня Александрия, рядом с турецкою деревушкой Эски-Стамбул.

Тут, говорят, видны невдалеке развалины Трои, и в этом же месте турки в прежние времена добывали мрамор для своих построек и для ядер, громивших Константинопольские стены. Вот остров Митилена, древний Лесбос, родина Сафо[15], а рядом с ним — скалистые островки Томари, с приближением к коим становится заметен вдали, в лиловатой дымке, красивый каменистый пик, обращенный в нашу сторону двумя плоскостями, резко разграниченными одною гранью. Это гора Олимп в 3079 метров. Северные и северо-восточные берега Митилены не высоки, но скалисты и служат как бы выходящими из моря подошвами небольших возвышенностей, покрытых довольно жидкими и чахлыми на вид сероватыми кустарниками, растущими на каменистой почве. Только в небольших долинках, кое-где выбегающих из горных ущелий к морю, как например, в долине между мысами Феро и Томари, зелень становится гуще и вдоль по течению ручья виднеется ряд кипарисов. Здесь же, по долинам, заметны проявления культуры: небольшие поля и плантации весьма тщательно разбиты на

участки, в клетку, и разгорожены стенками. Должно быть, большинство сельского населения Митилены ютится где-нибудь внутри острова, по лощинам и падням между горами, потому что на береговой линии не заметно ни единого домика, кроме двух ничтожных, совсем бедных деревушек Моливо и Белгхеса. Последняя расположена на совершенно гладкой каменной площадке, составляющей террасовидный уступ горы, а на азиатском берегу, напротив ее, белеет маленький портовый городок Айвали. И Белгхеса, и Айвали стоят как раз на солнцепеке; ни здесь, ни там не растет ни одного деревца, ни кустика, ни травки. Первая сереет, точно группа ласточкиных гнезд, вылепленных из клейкой грязи, а другой сверкает на солнце, словно весь выточенный из мела.

На небольшом полуостровке выдвигается вперед к морю древняя каменная крепость, а позади нее, по обеим сторонам берега, примыкающего к полуостровку, раскинулся городок Митилена. Между его каменными строениями, окрашенными в голубой, кофейный, розовый и преимущественно белый цвет,

видна кое-где зелень невысокая, довольно скудная, но все же зелень. К югу от города его ближайшие прибрежные окрестности гораздо более оживлены, чем северная часть острова, и носят на себе признаки культурной жизни. Здесь по лощинам уже заметно несколько деревень, похожих с виду на маленькие городки, где разведена кое-какая зелень, видны небольшие садики. Но что странно, так это почти полное отсутствие местного каботажного, и даже рыбачьих лодки под берегами попадаются очень редко.

В шестом часу дня стали открываться перед нами южные берега Митилены, между мысами Святой Марии и Иеро, откуда начинается вход в великолепный порт Иеро, совершенно закрытый. В южной части этого острова берега и возвышенности вообще значительно выше, чем в северной. В вечерующем воздухе, слегка подернутые мягким лиловым туманом, виднеются справа контуры острова Хиоса, а слева выступают очертания полуострова Кара-бурну, славящегося своими винными ягодами, инжиром и изюмом, который в торговле считается самым лучшим. От

Кара-бурну начинается вход в Смирнский залив, куда мы втянемся уже ночью.

Палуба нашего парохода представляет довольно интересное зрелище. Теперь все ее пассажиры, принятые на борт в Константинополе, уже успели разместиться, "умяться", приладиться и вполне освоились со временным своим жильем на палубе. Вся срединная и носовая части палубы покрыты этими пассажирами, которые хотя и разбились на более тесные группы по национальностям, но все же относятся одни к другим довольно общительно и дружелюбно. Все они, соседства ради, по необходимости трутся между собою бок о бок и, не понимая языка, все же оказывают иногда друг другу взаимные маленькие услуги, угощают одни других, и в особенности детей, бубликами, чайком, арбузами, дынями, папироской, словом, как говорится, живут хотя и в тесноте, но не в обиде. Большинство из них паломники, направляющиеся ко Святым местам: одни на поклонение Гробу Господню, другие — Каабе[16], третьи — обетованной земле Израиля. Тут были греки, итальянцы, армяне, болгары, сербы, румыны, евреи, тур-

ки, но большинство состояло из наших русских странников и странниц и вообще русско-подданных, между которыми были и жидаы из Западного края, и нахичеванские армяне, и кавказские горцы, и казанские татары, и несколько сартов из Ташкента и других мест Средней Азии, и все эти "восточные народы", сверх моего ожидания, относились к своим "поработителям" русским очень дружелюбно, на что "поработители", конечно, отвечали взаимностью. Тут же следовала в Смирну целая партия турецких солдат, отбывших сроки своей службы и теперь возвращающихся на родину. Между ними нашлось несколько человек, бывших в плену в России. Двое из них научились кое-как говорить по-русски и не без удовольствия сами объявили мне о своем временном пребывании в России. Хвалят Россию. "Хорошо у вас!" — говорят. — "Десять месяцев ели, пили и хорошо жили за здоровье императора Александра! И сапоги он нам давал, хорошие сапоги! И жалованье давал полтора рубля в месяц на человека, и народ у вас хороший, не обижал нас! Только и есть два хорошие народа на свете, урус и осман-лы".

Каждый мусульманин-паломник еще дома, пред отшествием в благочестивое странствование, запасается белой одеждой и тремя камнями. И то, и другое он хранит у себя в котомке, пока не достигнет в Аравии приморской местности около Джедды, известной под именем Ушка-калеси; здесь он весь облекается в белое и бросает в море свои три камня в память о том, что и пророк некогда сделал то же на этом самом месте. Наши туркестанские мусульмане более всех прочих выказывают свое благочестие. Они очень исправно совершают, по положению, все пять намазов и всегда первые начинают молитву, а все остальные уже пристраиваются к ним, тесно садясь на корточки, и молятся все вместе, следуя движениям и жестам муллы, который садится впереди прочих. В остальное же время туркестанцы либо попивают чаек точно так же, как и русские, либо внимательно слушают чтение Корана, причем читает громко и нараспев постоянно один и тот же ражий, чернобородый мужчина в парчевой тубетейке.

Из русских тоже кое-кто читает либо Псалтырь, либо Евангелие, всегда находя кружок

слушателей; но больше, как я замечаю, наши любят слушать рассказы бывалых странников. Есть между ними слепой, который один, без поводыря, дотащился из Пермской губернии до Одессы и точно так же вернется на родину, коли Бог сподобит, поклонившись Гробу Господню; есть старый севастопольский солдат, которому "маленько ногу поправили" на Камчатском редуте; есть богатая купеческая вдова, которая совершает свое странствие "по обещанию", за покойного мужа, и намерена от Яффы до Иерусалима идти пешком и вообще исходить по возможности всю Святую землю по образу пешего хождения; есть наконец какая-то старушка из Якутской области, которая пешком отмахала свою путину через всю Сибирь и Россию. Замечательные типы: сколько энергии, возвышающейся до подвижничества, и в то же время что за любовь к скитанию по белому свету! В этом есть что-то поэтическое.

В Константинополе и именно в Галате, неподалеку от Агентства Русского Общества Пароходства и Торговли, находится каменный четырехэтажный дом, купленный на

средства русской Афонской братии и специально приспособленный ко временному помещению наших паломников, где, кроме крова, они находят еще и способы к удовлетворению, по возможности, своих дорожных нужд и потребностей. Это "Русское Афонское подворье". Как только приходит в Золотой Рог какой-либо пароход, преимущественно, конечно, русский, на его палубе тотчас же появляются два-три монаха из подворья, справляться, нет ли русских странников и, буде есть, предлагают желающим остановиться и отдохнуть с дороги у них на подворье. Здесь останавливаются в особенности богомольцы, отправляющиеся на Афон, так как им приходится иногда ожидать парохода. Монахи подворские принимают и кормят странников, не требуя с них за это никакой платы, а довольствуются тем, что кто даст по доброй воле "Богу на масло" или "на поминовение". Монахи же служат странникам и в качестве путеводителей по городу; при их помощи нуждающиеся могут по сходной цене закупит все необходимое в дороге, и они же устраивают на льготных условиях дальнейшую отправку

богомольцев ко Святым местам или в Россию. На английских судах, например, верхняя палуба предоставляется исключительно в пользование самих капитанов, вследствие чего они и берут без таксы, но вообще очень дешево, за провоз палубных пассажиров. Так, до Афона и даже до Яффы можно иногда доехать за два серебряных рубля, а то и за один рубль; на пароходе же "Русского Общества" от Яффы до Одессы за пять кредитных рублей. Вообще должно заметить, что для паломников теперь значительно облегчены способы передвижения. От Одессы до Яффы и обратно с заходом в Александрию весь путь стоит 24 рубля, а в одну сторону 12 рублей, на собственной, впрочем, пище. Но это последнее обстоятельство облегчается тем, что, начиная от Константинополя, на палубе всегда помещается особая будка-буфет, специально для палубных пассажиров. У нас, например, она на своем фронте носит громкое название "Кафе Великая Россия". Содержатель такой будки, покупающий себе право палубной торговли в агентстве Общества, всегда умеет говорить по-русски и по-турецки, так что его драгоманскими

услугами нередко пользуется и пароходное начальство. На "Цесаревиче" таким буфетчиком-толмачем состоит какой-то черногорец, который во время последней войны был маркитантом, комиссионером и переводчиком при Ярославском пехотном полку. У него в будке всегда находится ром, ракия, мастика, водка, кофе, чай, хлеб и сахар. Для варки кофе в будке устроена даже особая переносная печка из желтой листовой меди. Цены вообще умеренные, ибо только под этим условием Общество разрешает маркитантам палубную торговлю. Средней величины стакан рому или водки, например, стоит 5 копеек на наши деньги; чашка кофе 2 копейки. Но как турки, так и наши паломники обращаются к маркитанту довольно редко: они в разных мешочках везут свои собственные неприхотливые запасы: хлеб, зеленые бобы, огурцы, лук, чеснок и фрукты, а наши и туркестанцы, сверх того, еще и собственным чайком запасаются. Таким образом, содержатель будки от Константинополя до выхода из Смирны наторговал всего лишь на 12 франков.

С нами едет возвращающийся из Констан-

тинополя в Каир египетский принц Ахмед-бей со свитой, состоящею отчасти из европейцев, отчасти из арабов. Принц этот все время сидит в своей душевной каюте, ни на минуту не показывается на палубе, обедает отдельно от свиты, в одиночестве, и вообще, как сказывают пароходная прислуга, "держит себя гордо, настоящим принцем".

В первом часу ночи "Цесаревич" пришел на Смирнский рейд и стал до утра на якорь, чтобы с рассветом войти в порт.

Смирна и Средиземное море

Санджак-калесси. — Общий вид Смирнского залива. — Смирна. — Европейская часть и туземные кварталы. — Портовая часть. — Смирнские сибариты. — Таверны. — Греческий характер города. — Женщины. — Климат Смирны. — Дачи в Бурнабате. — Предметы смирнской торговли и промышленности. — Проводник Мустафа. — Собор святой Фотиды и церковь святого Георгия, их архитектура и достопримечательности. — О русских консулах на Востоке. — Смирнский базар. — Ту-

рецкие женщины и их местный костюм. — Мухи, саранча и клещи. — Склады смирнских ковров. — Несколько воспоминаний о греке-руссофиле Ангелопуло. — Остров Патмос. — Выход из греческого архипелага. — Способность турок к лежанью. — Свита египетского принца и ее забавы. — Небо и вода Средиземного моря.

10-го июля.

У входа на Смирнский рейд с правой стороны белеют маяк и каменный форт старинной турецкой постройки. Это, в сущности, не форт, а просто круглая стенка вроде широкой приземистой башни с зубцами, но без валганга[17] и внутренних казематов; по ее нижнему краю прорезано несколько просторных амбразур, откуда виднеются жерла и неуклюжие лафеты старых чугунных пушек, а снаружи при амбразурах сложены пирамиды из ядер, выкрашенных для чего-то белой краской. Форт называется Санджак-калесси, и это название долгое время служило для европейцев поводом к довольно забавному недоразумению. У турок санджаком обыкновенно называется административный округ, соот-

ветствующий нашему уезду; французы же первые на своих мореходных картах сделали из Санджак-калесси Fort de Saint Jacques, и с их легкой руки ту же ошибку повторяли у себя англичане, и голландцы, и немцы, и другие, а в том числе, разумеется, и мы: на наших картах прежнего времени он называется "фортом святого Иакова".

Этот курьез сообщил мне С. С. Лесовский.

Цвет воды в заливе изжелта-светло-зеленый, и самая вода мутновата, со значительной примесью ила. С правой, то есть южной стороны залива, склоны гор, обращенные к северу, покрыты зеленью, словно мелко-курчавой мерлушкой, тогда как левые возвышенности, глядящие прямо на юг, сплошь обнажены и утомляют глаз своей безжизненной буро-желтой массой. Прибрежные низменности с обеих сторон залива покрыты кустарниками, среди которых торчат несколько островерхих кипарисов и кое-где виднеются домики, в особенности слева.

Смирна расположена в глубине залива, и каменная портовая стенка, глаголем выведенная в море, как бы делит город на две части:

рейдовую, или европейскую, и портовую, или туземную. Рейдовая часть, если смотреть на город с моря, придется в левой руке; она более расположена на ровной плоскости, и ее прекрасная каменная набережная выходит прямо на рейд вне порта, представляя ряд красивых двухэтажных каменных домов приятной архитектуры, с зелеными жалюзи и веселыми цветочными палисадниками, где растут розы, лавры, кактусы, алоэ и магнолии. Это все жилища богатой левантийской буржуазии, и здесь же находятся несколько лучших городских гостиниц; "Египет", "Святой Августин", и "Вилла" и несколько банкирских контор. В европейском квартале, кроме богатых греков из королевства и левантийской буржуазии, живут еще английские (преимущественно), французские, голландские и итальянские купцы и коммерческие агенты со своими семействами и европейской прислугой. Их личность и собственность поставлены вне турецкой юрисдикции: в гражданских, коммерческих и даже уголовных процессах они не признают над собой иного суда кроме своего консульского. Здесь в прекрасном ка-

зино, построенном по общественной подписке обитателей европейского квартала, можно найти все главнейшие европейские журналы и газеты, а на театральной сцене этого клуба даются итальянские оперные представления. Здесь же издается на французском языке и своя особая газета "Impartial de Smyrne" [18].

Портовая же часть города более скучена и потому менее чистоплотна. Представляя собою лабиринт узких и нередко крытых цинковками, а потому темных переулков, она амфитеатром всползает своими старинными домами от берега до половины Цитадельной горы. Здесь на первом плане красуется белый собор святой Фотиды с высокой красивой колокольней, а рядом с ним церковь святого Георгия. Несколько в стороне, правее этих православных храмов, стоит приземистое здание главной городской мечети с белым минаретом. Всех вообще минаретов я насчитал в Смирне только десять. Тут же помещается городской базар, турецкая таможня, казармы и турецкий квартал, расположенный на задах портовой части, рядом с кипарисной рощей мусульманского кладбища. Общий вид города

венчается красивыми развалинами старой генуэзской цитадели, темно-бурые стены и башни которой занимают вершину горы, называемой Городской или Цитадельной.

Горы, окружающие залив и задние планы города, каменисты и пустынны; кочковатая чахлая растительность лишь изредка виднеется отдельными щепотками на их буро-желтых склонах, раскаленных лучами беспощадного солнца.

В самом городе кое-где видны группы деревьев, между коими преобладают кипарисы. Набережная освещена газом и превосходно вымощена широкими каменными плитами, сделанными по заказу в Австрии, и берег под стенкою этой набережной так глубок, что самые большие пароходы, даже военные корабли, свободно швартуются на кольцах прямо у ее борта. Вдоль по всей набережной ходит конка, причем нередко лошади заменяются паровозом, в особенности когда надо с одного конца города на другой перетащить целый поезд товарных вагонов. Все это устроено здесь лишь в недавнее время. Главный предмет смирнской торговли составляют сушеные

фрукты, и торговля этим продуктом, как говорят, достигает громадных размеров. Набережная в портовой части города заставлена множеством товарных ящиков, бочек, мешков, из которых одни сгружаются с судов, другие грузятся на пароходы. Здесь идет суетливое рабочее движение, трещат лебедки, и чаще всего между носильщиками слышится турецкий оклик "бана-бак!", соответствующий нашему "слышь ты", "смотри!", "берегись!" Тут помещается целый ряд деревянных балаганчиков, из коих каждый либо кабачок, либо кофейня, где с раннего утра смирнисты уже делают свой кейф. Мы ошвартовались у набережной в шесть часов утра и сошли на берег в половине восьмого, а эти сибариты в фесках, котелках и сметках уже сидели на плетеных стульях пред кофейнями, заняв все места на теневой стороне. Глазая на прохожих, они покуривают кальян, либо сами крутят себе папироски и попивают крепчайший турецкий кофе, всегда сопровождаемый стаканом холодной воды; другие же в это самое время с увлечением предаются игре на деньги в триктрак, домино и кости. Кое-где около этих та-

верн посажены, с претензией на садики, тщедушные деревца, клены и каштаны, наполовину уже сожженные солнцем. Кое-где по стенам домов вьются различные вьюнки, плющи и в особенности виноград, взбегающий вверх на перекинутые через улицы жердины и решетки. Турок встречается на улицах очень мало; изредка разве пройдет какой-нибудь аскер в синей форменной куртке с красными басонами, или водонос со своим осликом, навьюченном двумя боченками, и если бы не красный турецкий флаг над портовой таможенной да не два-три полицейские стража по разным углам, то можно было бы скорее подумать, что это — город исключительно греческий, находящийся в греческом же обладании, столь много здесь всевозможных Попандулов. Хорошенькие женщины с живыми цветами в черных волосах и в европейских легких костюмах попадают довольно часто, а по вечерам вся набережная просто кишит ими, и говорят, будто они очень благосклонны к иностранцам.

Летом здесь убийственно жарко; говорят, что в июле бывают дни, когда в комнате с за-

крытыми ставнями термометр Фаренгейта показывает 70 градусов и более; но дневной жар обыкновенно умеряется так называемым здесь инбатом, приятной западной бризой, которая дует с полудня до заката солнца. Но когда случайно подует с берега, из глубины малоазийского материка сильно горячий восточный ветер, жизнь во Смирне становится невыносимой. Эти восточные ветры просто жгут страну, и те молодые клены и каштаны, что стоят, как мы видели с иссушенными и как бы обгорелыми листьями, сожжены именно этими ветрами. Как раз в тот день, что мы были в Смирне, нам отчасти пришлось испытать, что это такое. В этих случаях зажиточные смирнисты обыкновенно спасаются по железной дороге в Бурнабат, хорошенькую подгорную деревеньку на берегу моря и недалеко от города, пользующуюся в этом отношении счастливым закрытым положением. Здесь большинство смирнистов имеет собственные дачи с садами; но и те, кто их не имеет, все равно спешат в Бурнабат переждать в чьем-нибудь сельском саду или в тени около кофеен и таверн те часы, пока дует

этот проклятый ветер. В дождливое же время года нередко случается, что дождь не переставая льет по пятидесяти суток сряду, сопровождаясь частыми и сильными грозами, которые нередко повреждают суда, стоящие на якоре.

Смирна, главный город вилаета[19], имеет 130 000 жителей, из коих 10 000 испанских евреев. Главный предмет туземного вывоза, как уже сказано, сушеные фрукты: винные ягоды, изюм, урюк, рожки и груши; но кроме того, город славится еще своими ковровыми фабриками, где выделываются бархатисто-мягкие ковры замечательной величины и разнообразного красивого рисунка в восточном вкусе.

Как только мы ошвартовались, первым делом, конечно, явилось у меня желание ознакомиться, насколько возможно, с городом. Недостатка в проводниках не было, так как несколько из них, в образе комиссионеров разных отелей и просто гидов, сейчас же появились с предложением своих услуг на нашей палубе. Некоторые из них кое-как объяснялись по-русски. Я выбрал себе между ними

чалмоносного турка Мустафу, который очень уж убедительно и умильно просил дать ему заработать хоть что-нибудь, а то грек, мол, всю работу перебивает. Сам он прикочевал сюда из Яффы, а его баба (отец) переселился в Яффу из России; поэтому Мустафа кое-как объясняется по-русски и даже настолько сносно, что его можно достаточно понять, в особенности при помощи его восточной мимики и жестикуляции. С ним я и отправился. По пути Мустафа рассказал мне, что он был женат уже четыре раза, но каждая жена его бросала.

— Как же так? — спрашиваю его. — Ведь у вас, мусульман, на этот счет строго?

— О, гаспадын, нэт строго! Был строго... Да, был очень строго... Ну, тепэр нэт строго. Тепэр жена как апельсин: сичас на одна рука — у одын муж, сичас перекидай на другая рука — на другой муж. А одын муж одын лео, у другой муж два лео: жена сичас, как апельсин, перекидай на другой муж... как апельсин!.. Тепэр нэт строг, саусэм нэт!..

— Ну, это, однако, нехорошо у вас стало.

— О, так, так!.. Нэт кгарашо! Саусэм нэт кгарашо, гаспадынь... Што дэлай!

Пока было еще не жарко, я в сопровождении Мустафы обошел несколько улиц европейского квартала и туземного города, а затем направился в собор Святой Фотиды. Здесь от ктитора[20], понимавшего по-французски, я узнал, что в Смирне находится до сорока православных греческих церквей и что святая Фотида построена 320 лет тому назад, в 1560 году. На ее высокой колокольне помещается одиннадцать колоколов, большею частью пожертвованных из России. В ночь на Светлый праздник эта колокольня обыкновенно снизу доверху иллюминируется разноцветными шкаликами, и с высоты ее, вместе со звоном колоколов, пускаются тогда ракеты, жгутся бенгальские огни, гремят пистолетные и ружейные выстрелы и раздаются звуки музыки нарочно наняваемого военного оркестра, который, в силу обычая, играет на колокольне и в некоторые другие большие праздники, а также и в день святой Фотиды. Серебряная дарохранительница и большая чаша с потиром тоже были присланы для этого собора из России. Из греческих же пожертвований обращает на себя внимание пара

стоящих пред местными образами громадных медных шандалов, каждый о трех подсвечниках, куда вставлены громадные восковые свечи. В алтаре показали мне древнюю икону, которая называется "Пресвятая Богородица во славе", или иначе "Коронование Пречистой Девы". Икона писана на деревянной доске, вершков около десяти длиной и вершков семь в ширину. Письмо на олифе по золотому фону, в так называемом Строгановском стиле. Ктитор не без гордости объяснил мне при этом, что англичане предлагают за эту икону десять фунтов стерлингов, желая приобрести ее для какого-то музея, но греки не отдают.

— Почему же? Находят, что это мало? — спросил я.

— О, да, конечно, мало! Такая древняя вещь... сами видите... Но и кроме того, — спохватился он, — греки не желают торговать своей святыней.

Иконостас в два яруса пройден великолепной резной работой. В верхнем ярусе помещен ряд изображений разных святых во весь рост, а над царскими вратами устроено нечто вроде восточного шахнишина, то есть балко-

на-фонарика, закрытого мелкоузорчатой решеткой. К собору примыкают несколько каменных зданий, где помещаются настоятель, клир, приходская школа и небольшая библиотека, а в одном из задних дворов этих зданий показали нам склад прекрасных образцов древней скульптуры, добытых путем раскопок и привезенных пока из Ефеса для приходской школы, но содержатся эти образцы крайне неряшливо, небрежно и помещены в омерзительном хранилище, рядом с ретирадными местами. Надо впрочем думать, что это только временно.

Отсюда перешли мы к соседней церкви святого Георгия, построенной в 1858 году. Тут прежде всего останавливает на себе внимание прекрасный, оригинальный иконостас, весь из белого мрамора. Местные образы очень хорошей живописи, писаны на мраморных же досках. Это работа художника Палеолога. Верх иконостаса увенчан мраморным Распятием. Под Распятием три фигуры: в середине Моисей, а по бокам его Илия и Аарон; под ними "всевидящее око" и по сторонам его высечены рельефом две буквы А и О

(альфа и омега). Внутренность храма вся белая, под мрамор, пол мозаичный, в шашку, из белого и сероватого мрамора, колонны и решетки хоров тоже белые, мраморные, так, что в общем все это производит впечатление чего-то легкого, светлого, отрадного. Впереди, у правой колонны, устроено возвышенное метрополичье место под балдахин, а против него, у колонны левой — особо отгороженное на возвышении место русского консула.

В закрытом дворе Георгиевской церкви, прямо против ее главного входа, растут два громадных развесистых клена, стволы и главные ветви которых сплошь выкрашены белилами. Нам объясняют, что без этой предосторожности клены здесь нередко иссушаются и как бы сгорают от убийственно жгучего солнца. Под сенью этих двух кленов красуется памятник, изваянный из белого мрамора и служащий пьедесталом для грудного беломраморного бюста очень тонкой работы, который изображает пожилого грека с усами, в феске. Здесь похоронен создатель этого храма. Отсюда я хотел бы отправиться в третью церковь, святого Иоанна Предтечи, с пределами во имя

Николая Угодника и Александра Невского, построенную во второй половине пятидесятих годов местным купцом Ангелопуло, замечательным руссофилом; но так как церковь эта находится довольно далеко, на окраине города, куда по такой жаре пешком не доберешься, то я порешил вернуться пока на наш пароход, позавтракать там, а потом уже нанять себе ослика и ехать. Но этому намерению не суждено было сбыться, так как после завтрака мы отправились целой компанией осматривать городской базар, в сопровождении русского консула, который нарочно для этого приехал на наше судно. Наш русский консул в Смирне — прелюбезный и очень обязательный человек, но в нем есть один недостаток, свойственный, впрочем, многим так называемым "русским" дипломатическим агентам на Востоке: он не только не говорит, но даже не понимает по-русски. При всех достоинствах таких консулов, позволительно, однако, усомниться в их полезности. И в самом деле, для кого и для чего они здесь существуют? Ни один русский шкипер, или русский торговый приказчик, а равно и ни один странник-бого-

молец, занесенный судьбой в какую-нибудь Смирну, не может обратиться к помощи подобного консула даже и в случае самой настоятельной надобности, если не владеет французским, греческим или турецким языком, для словесного изъяснения своего дела. В этих случаях обыкновенно надо отыскивать переводчика, а так как многие консулы еще требуют, чтоб изъяснение жалобы, просьбы или дела было непременно подано им на бумаге, канцелярским порядком, то, кроме переводчика, надо еще отыскать человека, хорошо владеющего французским или греческим языком, который сумел бы со слов изложить дело письменно. Представьте же, какая это сложная, затруднительная и дорогостоящая процедура, и каким это способом будет какой-нибудь Пахом Феропонтов, пришедший из Весъегонского уезда, отыскивать себе переводчика, если даже в составе лиц, служащих в консульстве, нет ни одного человека, понимающего по-русски? А что такие "русские" консульства есть, то это факт, хорошо известный множеству лиц, бывавших на Востоке. Существуют эти конторы только "для пред-

ставительности", да разве еще для тех "русско-подданных" местного происхождения, преимущественно из греков, армян и евреев, которые России и в глаза никогда не видали, а приняли русское подданство только ради того, чтобы, при помощи этого гешефта, ускользнуть раз навсегда из-под турецкой юрисдикции и тем с наибольшим удобством развязать себе руки для разных темных проделок. Такие "русско-подданные" в громадном большинстве своем составляют то, что называется нравственной сволочью. У каждой значительной европейской державы есть на Востоке свои подданные этого рода, и они обыкновенно составляют величайшую обузу каждого консульства, так как из-за них постоянно приходится сталкиваться и пререкаться с местными властями. Но, по чести говоря, такие "подданные", прежде всего, не заслуживают, чтоб их числить в своем подданстве, а во-вторых, все они, сколько их ни есть, по своей бесполезности для государства, не стоят того, чтобы казна из-за них тратилась на содержание консульских учреждений. Если эти последние нужны ради нужд действительно

русских подданных, в чем, конечно, не может быть сомнения, то желательно бы было видеть на консульских местах людей, хотя бы понимающих по-русски. Небось, англичане нигде не посадят на такой пост человека, не знающего по-английски, да и никто, кроме нас, этого не делает.

День был убийственно жарок, благодаря знойному северо-восточному ветру, порывами задувавшему с раскаленных вершин полуострова Кара-бурну. Ветер этот был совсем горячий, размаевающий человека; он не облегчал, а еще более затруднял дыхание. Это совершенно то же ощущение, как перед раскрытой кафельной печью. Стоять даже на одном месте было трудно, в особенности на набережной, так как сильно раскаленные плиты жгли подошву, а к камню или дереву невозможно было и прикоснуться без того, чтобы тотчас же не отдернуть руку: до того они были горячи. Тем не менее, охота пуще неволи, и мы отправились под защиту белых зонтиков на смирнский базар. Это целый лабиринт узких полутемных закоулков, крытых сверху досками, коврами, полотном и ци-

новками, но тут все-таки есть тень и потому хоть кое-какая прохлада. Чуть вступили вы под эти навесы, как уже сразу вас сшибают разнообразные сильные запахи оливкового масла, вяленой и соленой рыбы, корицы, розовой воды, жареного бараньего сала, табаку, мускуса и еще каких-то бальзамических сушеных трав и пряностей. При духоте воздуха, почти неподвижного в крытых закоулках, все это составляло букет, далеко непривлекательный. Между базарным купечеством преобладающим элементов являются все те же греки, держащие в своих руках как отпускную крупную, так и мелочную торговлю, а затем идут евреи, армяне, персы и, наконец, турки, составляющие, по-видимому, самый ничтожный процент между здешними торгашами. Что до товаров, то это по преимуществу сброд европейской всякой всячины и при том далеко не первостепенного качества, "в Азии-де сойдет все, что ни дай, за хорошее!" Но есть и чисто восточные лавки с товарами, уже знакомыми нам по стамбульскому Безестену. Тут вы найдете плотные шелковые и полушелковые материи ярких и пестрых рисунков, таф-

ты и канаусы, индийские и русские парчи, кисейные платки и чалмы, тканые золотою нитью и расшитые шелками, кашмирские шали, как настоящие, так и поддельные, французской фабрикации, салфетки и подушки, мозаично составленные из вырезок разноцветных сукон и покрытые красивыми вышивными узорами, мужские халаты и женские бешметы, безрукавные курточки-арнаутки и фередже (род бурнусов или плащей), турецкий табак, жасминные чубуки, трубки из красной глины и стеклянные кальяны, но последние почти исключительно австрийского производства, якобы в восточном вкусе, затем инкрустированные низенькие столики (софра) и складные пюпитры (рахиль); но старого азиатского оружия и медно-чеканной утвари нигде мы здесь не встретили. Есть лавки войлочных красных фесок, мужской и женской обуви, конских, ослиных и верблюжьих уборов, есть медно-издельные, гончарные, посудные, железные, москательные, фруктовые с сушеными и свежими плодами: с дынями-первоспелками, земляникой-викторией, абрикосами и черешнями; есть зеленные с ве-

ликOLEПНЫМИ овощами, между которыми красуются громадные турецкие огурцы, молодая кукуруза, лиловые кабачки и желто-пунцовые баклажаны. Вперемежку с этим на каждом шагу попадаются простонародные цирюльни, кофейни, кондитерские, пекарни и съестные, где все снеди тут же, на виду, и варятся, и жарятся, и пекутся. Но обычной базарной толкотни здесь мы не встретили; народу вообще было мало, быть может, по причине знойного ветра. Однако же, несколько турецких женщин тихо бродили около кондитерских и суровских лавок, прицелясь к рахат-лукуму и английским ситцам. Костюм их по красоте далеко уступает константинопольскому, хотя, в сущности, и тот нельзя назвать красивым. Турчанки-смирнистки, вместо прозрачного кокетливого ясама, прикрывают лицо грубой черной сеткой из конского волоса, которая торчит на них неуклюжим козырем, спускаясь до подбородка, а вместо фередже кутаются они в белые покрывала, вроде простыни, накидывая их на голову. Впрочем, встречаются и полосатые покрывала каких-нибудь скромных светлых колеров, ис-

поднее же платье почти исключительно черное. Воображаю, каково дышится этим беднякам в такую пору под их черными сетками... Но что составляет здесь истинную казнь египетскую, так это мухи и оводы, от которых нет отбою. Своею назойливостью они в состоянии довести человека не то что до изнеможения, но до иступления от бессильной на нихд злости и чуть не до нервного припадка. Впрочем, обилие насекомых не ограничивается только этими мучителями: на улицах нам пришлось давить под ногами множество молодой саранчи, нанесенной сюда сегодняшним ветром, а на верблюжьем базаре надо было срывать с себя противных клещей, которые заползают под одежду и незаметно пробираются на шею, за уши и под волосы на затылок... Все эти маленькие беды, в соединении с ослепительным солнцем и горячим ветром, в особенности с непривычки, до такой степени отравляют все ваше существование, что жить в Смирне я почел бы для себя за каторгу.

К числу достопримечательностей здешнего базара относятся два большие склада ков-

ров местного производства. Смирнские ковры славятся по всему Востоку, да и в Европе весьма ценятся за свою добротность, пышную, мягкую бархатистость, исполненный вкуса оригинальный подбор колеров и изящество восточного рисунка. Один из этих складов принадлежит хозяину ковровой фабрики, богатому пожилому турку, который, приветливо встретив нас, с обычной турецкой медлительностью и сановитостью приказал подать всем стулья и предложил, в виде угощения, холодной воды, а затем, при помощи своих "молодцов", неторопливо стал развешивать перед нами на полу свои ковровые богатства. Одет он был, несмотря на душный зной, в какую-то широкую куртку, подбитую и отороченную лисьим мехом, но на жару, по-видимому, не жаловался.

Цены на ковры зависят здесь от размеров ковровой ткани и мерюю в этом случае служит пик. Количество пиков измеряется в длину и ширину ткани, и затем вам объявляют, что в ковре столько-то пиков, в цена одного пика в этом сорте стоит от 2 1/2 франков до 4 меджидие (20 франков), а в целом мне уступи-

ли громадный коврище превосходной работы за 25 фунтов стерлингов и то только по случаю "мертвого сезона", потому что в это время на такие предметы нет никакого спроса. Люди, сведущие и здесь, и потом в Александрии, поздравляли меня с необыкновенно удачной и дешевой покупкой. "Осенью, — пояснил хозяин, — когда наезжают сюда европейские милорды, я бы никак не уступил этот ковер дешевле сорока фунтов, но... иншаллах! И вещи, как и люди, имеют свою судьбу, свое предопределение... Ваше счастье: берите его за 25 фунтов!"

В половине пятого часа дня "Цесаревич" снял свои швартовы и тронулся в дальнейший путь, чтоб успеть засветло приблизиться к выходу из Смирнского залива.

Так и не удалось побывать мне в церкви Иоанна Предтечи, построенной руссофилом Ангелпуло. О личности этого смирнского купца наши старые и бывалые моряки хранят самые приятные воспоминания. Это был великий и чуть ли не самый восторженный почитатель России и государей Николая Павловича и Александра Николаевича. Он и в церкви

своей Никольской предел поставил в память императора Николая, а Александро-Невский "во здравие царя Александра". Ангелопуло сам себя любил называть "русским патриотом" и, рекомендуясь какому-нибудь новому знакомому, всегда добавлял и эту свою характеристику, чтобы ни минуты не оставлять человека в сомнении насчет своих политических симпатий и образа мыслей. Боже избави, бывало, при нем отозваться непочтительно о России, — такой отзыв Ангелопуло принимал, в некотором роде, за личное себе оскорбление. Кто враг России, тот был и враг Ангелопуло. Вот несколько отрывочных воспоминаний об этом "русском патриоте", сообщенных мне В. С. Кудриным, который знавал покойного лично:

В войну 1853–1856 годов ему нельзя было, при его отъявленном русском патриотизме, оставаться в Смирне, и он переселился в Сиру, где его меньше знали, чтобы там удобнее вести между греками руссофильскую пропаганду. Замечательна, между прочим, одна из побочных причин этого переселения. Жена его, которую он очень любил, была англий-

ская подданная, как уроженка острова Корфу, и симпатизировала англичанам. Жить под одним кровом с английской подданной в то время, как Россия находится в войне с Англией и слышать в своем собственном доме панегирики англичанам, для Ангелопуло было окончательно невозможно. Это означало бы обречь себя на постоянный домашний раздор из-за политических мнений. Англофильские симпатии любимой жены задевали самые чувствительные струны его русского патриотизма, и потому он порешил расстаться с ней на время войны и сделал это без ссоры, без шума, как нечто самое естественное, как будто иначе и быть не могло. Жена с семейством осталась в Смирне, а сам он очутился в Сире. Здесь встретил он какими-то судьбами русского юнкера, взятого где-то в плен англичанами. Так как побег с острова во всяком случае затруднителен, да и какими судьбами возможно было бы бежать какому-то неизвестному, бедному юнкеру, то он и был оставлен в Сире без особенно строгого присмотра и мог свободно гулять когда и где ему вздумается. В это-то время познакомился с ним Ангелопуло,

и в голове отважного грека тотчас же создается сумасбродный план, освободить пленника и возвратить России ее воина, потому что все-таки-де одним русским будет в России больше, да и как-де молодому человеку томиться в бездействии, когда там дерутся, когда отчеству нужен каждый его сын, могущий носить оружие... И вот, задумав такое рискованное дело, Ангелопуло в безлунную ночь, один, в убогой рыбацкой лодчонке, на веслах увозит пленника из Сиры в открытое море, а там подымает парус и садится на руль.

— Куда мы? — при помощи французского языка спрашивает его юноша.

— В Грецию, в свободную Грецию, молодой друг мой, а оттуда с Божью помощью в Россию.

— Но как же мы доберемся до Греции?

— Не знаю, как Бог даст... Может встретим греческое судно, может пойдём от острова до острова — не знаю.

С рассветом юноша замечает, что на дне лодки рядом с Ангелопуло лежит какой-то бочонок.

— С чем это? — спрашивает он. — С водой?

— Это? Нет, этот с порохом.

— Зачем же нам столько пороху?

— Затем, чтобы взорваться в случае, если англичане или турки заметят побег и пустятся преследовать. Вот пистолет: выстрел в бо-
чонок — и готово! Это мы сделаем тогда, как сцепимся с ними борт о борт.

От такого объяснения юноша пришел в некоторое замешательство.

— Иначе никак невозможно, — пояснил Ангелопуло: — ведь если поймают, то нас или расстреляют, или тут же повесят на рее. Так-
туж лучше самим, да и их заодно утопить вместе с собою! Живыми не дадимся в руки!

Приключения этого побега длились около трех месяцев. В "свободную" Грецию им не удалось попасть сразу и пришлось скитаться с острова на остров, пережидать неудобное время то в пещерах между прибрежными скалами, то в хижинах греческих рыбаков, то скрываться по островным греческим городкам у "своих" надежных людей, у священников, у монахов, потаенно переходить с места на место, причем Ангелопуло неукоснительно вел свою руссофильскую пропаганду меж-

ду соотечественниками, подготовляя их к общему восстанию против турок, как только отзвук русских побед укажет удобную к тому минуту. И все это время возился он со своим юнкером, кормил, поил его и всячески скрывал и прятал, как от турецких властей, так и от союзных им "каптенов". По свойству своей пропаганды Ангелопуло всегда был "вправе" рассчитывать, что турки каждую минуту могут накрыть его и бросить в тюрьму, а сдаться им живьем он считал для себя величайшим позором. Поэтому под его постелью всегда хранился заветный бочонок с порохом, а в кармане лежал заряженный пистолет. Эта вечная возможность взлететь на воздух в конце концов так истомила юнкера, что он однажды тайком сбежал от своего "спасителя" и с тех пор словно в воду канул, по крайней мере Ангелопуло никогда ничего не слышал о нем более. Выше всего на свете этот чудак ценил храбрость, в ком и в чем бы она не проявлялась, но храбрость русских приводила его в какой-то благоговейный восторг. Севастопольская эпопея и имя севастопольца казались ему чем-то священным. Когда после

Восточной войны у него родилась дочь, он вздумал было дать ей мудреное имя, что-то вроде Слава победы или Надежда победы и долго не крестил ее: все поджидал, не подойдет ли какое русское военное судно, чтобы на нем отыскать для нее крестного отца из числа георгиевских кавалеров, и наконец-таки дождался: и георгиевского кавалера нашел, и с ним покумился, и с тех пор создал себе идеал своего будущего зятя. Этот зять непременно должен был быть русским по происхождению, православным по вере, монархистом по убеждениям, сухопутным или моряком, но во всяком случае военным по профессии и непременно георгиевским кавалером, что служило бы для Ангелопуло порукою личной храбрости; при этом добавлялось, что хорошо бы, мол, было, если бы такой человек был еще и ранен на войне с турками, чтоб он, значит, кровью своею запечатлел свою преданность царю и России и свою храбрость. О, такому зятю Ангелопуло отдал бы вместе с дочерью ровно половину своего состояния! Другую половину он оставлял для сына, которого воспитал бы в ангелопуловских принципах и по-

слал бы учиться не в Париж и не в Вену, как делают иные "глупые греки", а в Россию, чтобы научился любить ее как второе свое отечество. В парадной комнате его дома на почетном месте всегда красовался портрет императора Николая, которого он просто боготворил, а образ Александра Невского для своей церкви Ангелопуло выписал из России. При освящении этой церкви он сочинил целую торжественную процессию, в которой участвовало все греческое население Смирны. На это торжество пригласил Ангелопуло местного губернатора и всех консулов, причем злорадствовал в душе тому, что заставил-де французского и английского консулов, вместе с турецким пашой, присутствовать на панихиде по императору Николаю и на молебне за императора Александра: "пускай-де видят и разумеют эти враги, кого чтут истинные греки". Когда в 1859 году великий князь Константин Николаевич посетил Смирну, Ангелопуло устроил его высочеству и русским морякам великолепный прием, декорировал вместе с другими своими единомышленниками весь город коврами, цветами, гирляндами и флага-

ми и задал гостям роскошное угощение. То обстоятельство, что в его доме присутствовал сын "великого Николая", государя, пред которым Ангелопуло заочно привык благоговеть всю свою жизнь, исполнил душу его такого восторга, такого упоительного счастья, которому нет слов и меры. Вскоре после этого, по ходатайству великого князя, Ангелопуло был пожалован орденом святого Станислава 3-й степени. Когда его известили об этом и пригласили в русское консульство за получением знака царской милости, он собрал всех своих родных и друзей и, в сопровождении их, явился в консульство с бархатною расшитую золотом подушкой, благоговейно принял и положил на нее крест, торжественно перенес его через весь город в свою церковь для освящения и торжественно, как величайшую святыню. Когда на смирнский рейд приходило русское военное судно, Ангелопуло всегда одним из первых являлся на его палубе, со своим Станиславом в петлице, немедленно знакомился с командиром и офицерами, звал их к себе на обед и предоставлял им свой дом в полное распоряжение на все время якорной

стоянки. Это гостеприимство простиралось также и на матросов: когда, бывало, спустят часть команды на берег, Ангелопуло сейчас же посылает пригласить людей к себе в дом и уж там он их и накормит, и напоит мастикой и смирнским вином на славу. А если между ними да ещетеоргиевский кавалер попадетсЯ, тут же Ангелопуло совершенно счастлив: он и целуется с ним, и обнимается, и умиляется, глядя на него, и не только закормит и запоит, но еще и кошелек денег куда-нибудь в карман или за пазуху сунет "русскому герою". Теперь таких типов уже нет на Востоке; теперь все смотрят там либо на Запад и оттуда чают свое спасение в образе разных "конституций" или "социально-демократических республик", либо же, не задаваясь вовсе вопросами этого рода, равнодушно относятся ко всему на свете, мечтают лишь о франках и фунтах, торгашат, скряжничают, надувают, — вообще сколачивают себе деньгу и только. Ангелопуло — это был, в своем роде, последний из могокан, и этот "последний" показывает нам, какой престиж был у России, каким могучим обаянием пользовалось русское имя на хри-

стианском Востоке.

11-го июля.

В шесть часов утра проходим мимо Патмоса. Великие христианские воспоминания!.. Здесь был заточен святой Иоанн Богослов, здесь написал он Апокалипсис.

Патмос не велик. Отвесные высокие серые скалы угрюмо встают прямо из недр синего моря, так что весь остров представляется гигантской тумбой, в виде одной гранитной глыбы, на вершине которой тесно лепятся и жмутся одна к другой белые постройки маленького городка, а над ними выделяется строгий силуэт древней цитадели; вот и все, чем является Патмос, когда глядишь на него с моря. С восточной стороны его есть бухта, но мы ее не видали, так как проходили мимо западных отвесов острова. На скалах ни малейшей растительности, в городе ни малейших признаков хоть какого-нибудь деревца. Судя по всем этим видимостям, действительно, трудно придумать что-либо более подходящее для места ссылки.

Прошли в этот день между островами греческого архипелага: Никарией, Левитой,

Стампалией, Сирины, или Святого Иоанна, оставшимися с правой руки. С левой же стороны последовательно возвышались Самос, Фурни, Патмос, Леро, Калимно, Кос, Низиро, Пискони, Карки и Родос. На половине расстояния между Кандией и Родосом лежит длинный и узкий остров Скарпанто (Змеиный). Мы проходили очень близко мимо его северной оконечности Алимунти. Скарпанто скалист, и горы его как бы наворочены кряжевыми глыбами; говорят, они богаты железной рудой. На восточной стороне острова есть два порта, Аодемс и Пенизи; есть, кроме того, и кое-какие селения, но на взгляд остров представляется совершенно голой, безжизненной пустыней. Пройдя мимо Скарапанто, "Цесаревич" вышел наконец из области греческого Архипелага на открытый простор Средиземного моря.

12-го июля.

Просто изумительная эта способность пассажиров-турок проводить все свое время лежа на одном и том же месте в полудремотном состоянии. Подымаются они разве за самую крайнюю надобностью: поесть или помолить-

ся и в это время приседают минут на пять на пятки; но чуть окончена еда или молитва, турок немедленно заваливается на боковую. И таким образом они проводят уже пятые сутки. Пока пароход стоял у Смирнской набережной, ни один из них не сошел даже на берег; все так и лежали в дремоте. На русских странников и вообще на европейцев такая бездельная жизнь на палубе наводит невольную тоскливость; видно, что человек тяготится своим бездействием, скучает, а турку ничего. Для него, по-видимому, это самое блаженное состояние.

Нынешней ночью наших египтян, что называется, прорвало. Целые пять суток они крепились и вели себя сдержанно, по-человечески, наконец, не вытерпели — натура, как видно, взяла свое. Держатся они совершенно отдельно от прочих пассажиров; при них состоят двое левантинцев, не то греков, не то итальянцев; один из них отправляет обязанности чубукчи, то есть набивает табаком трубки и помогает их закуривать; другой же состоит в качестве не то комиссионера, не то ами-кошона какого-то, из разряда прихлеба-

телей, которые тщатся выказать перед посторонними свое великое достоинство. Вся свита египетского принца ест и пьет где-то отдельно от прочих пассажиров, но когда эти господа появляются на верхней палубе, то ведут себя с замечательной бесцеремонностью: сидят при дамах на скамейках с задранными кверху ногами, якобы по-американски, плюют куда ни попало мимо незнакомых им соседей, свистят и громко делают насчет других какие-то замечания и наконец бесцеремонно расстегивают такие принадлежности костюма, каким в европейском обществе ни в каком случае не подобает быть расстегнутыми. Европейцы морщатся, но стараются как бы не замечать всех этих невежеств. Всю нынешнюю ночь провели эти господа на палубе и едва ли ложились спать: у них все время происходила какая-то непонятная возня, сопровождаемая иногда пением, иногда же каким-то диким рычанием, какого в нормальном состоянии ни один человек себе не позволит. Надо думать, что они просто напились втихомолку и затем дали волю своей разнузданности. Утром сегодня сам принц появился,

наконец, на палубе и сел рядом со своим ами-кошоном. Грек-чубукчи подал ему трубку и поддержал для раскурки зажженной бумажку. Принц несколько времени курил и тихо разговаривал, по-видимому, совершенно спокойным и серьезным образом, а затем вдруг ни с того, ни с сего хватъ за пуховую шляпу своего ами-кошона, сорвал ее с головы и моментально выбросил за борт. Тот, впрочем, не обиделся, а только улыбался не то снисходительно, не то подобострастно, но видно было, что в душе ему ужасно жаль своей новенькой шляпы, которую он так кокетливо-небрежно надвигал себе на брови.

Чем далее, тем прелестнее становится цвет воды Средиземного моря: это чистейший кобальт светлого оттенка. И как хорошо рисуются на нем узоры жемчужно-белой пены, точно дивные кружева ежемгновенно меняющие свой прихотливо фантастический рисунок!.. Кто не видал этой воды, тот едва ли даже поверит всей прелести ее густого голубого цвета, и чем глубже пучины моря, тем голубее вода. Небо чистое, безоблачное, залитое солнечным блеском — в сравнении с этой водой

кажется белесовато-бесцветным на горизонте и грязновато-дымчатым в воздушной глубине, над головою.

Александрия

Первое впечатление африканского берега. — Развалины старого дворца. — Историческая Александрия. — Парадные встречи и приветствия. — Отель Абат. — Гулянье на набережной большого канала. — Александрийский "большой свет" и "полусвет". — Гаремные дамы на пути цивилизации. — Хедив на прогулке. — Способ сбора общественных подаяний у феллахских женщин. — Увеселительные лодки на канале. — Сады и дачи. — Что значит вода в Египте. — Таракан-исполин. — Одна из местных причин офтальмии. — Парадный консульский выезд. — Особенности мусульманской части Александрии. — Расэльтинский дворец и его парадная приемная. — Наш визит к хедиву. — Чем обязан Египет хедиву Измаил-паше. — Политическое будущее Египта. — Визит к патриарху александрийскому. — Монастырь и

церковь святого Саввы. — Благовещенский собор. — Коптская православная церковь и замечательная икона святого Евангелиста Марка. — Католический монастырь и костел святой Екатерины. — Вероисповедные и церковные дела Египта. — Кафе. — Русские и русско-подданные в Египте. — Чувства туземцев к европейцам и положение сих последних в этой стране. — Кто здесь симпатизирует России. — Наша торговля с Египтом. — Нечто о египетском флоте и армии. — Меры против торговли невольниками и фарисейское лицемерие англичан. — Школа "Измаилие" и состояние народного просвещения в Египте. — Ученые учреждения и журналистика.

13-го июля.

С рассветом вышел я на палубу.

— Доброго утра! — приветствовал меня капитан, который, несмотря на столь раннюю пору, был уже на своем посту, на мостике. — Ступайте сюда, — продолжил он, — к Александрии подходим.

Я поднялся на мостик и с недоумением стал вглядываться вперед. Где же Алексан-

дрия? Где же берега? На первый взгляд, как будто ровно ничего, кроме моря, не видно. Но вскоре, приглядевшись, различил я впереди на горизонте какие-то одиноко торчавшие развалины высокого каменного здания, какой-то белый фасад с двумя круглыми тонкими башнями по углам, светившийся насквозь рядом своих пустых больших окон, и эти развалины, казалось, будто выдвигаются из недр самого моря: берег был столь низмен и уходил в глубь материка такую ровную плоскостью, что полоска его почти не отделялась на горизонте от черты спокойного моря. То были развалины старого дворца египетских пашей, брошенные на берегу среди безлюдной, мертвой местности, и около них хоть бы один кустик, хоть бы малейший клочок какой-нибудь зелени!.. Оригинальная идея — выстроить роскошный дворец среди безжизненной пустыни: пред ним — пустыня моря, за ним — пустыня солончаков, и обе так плоски и так сливаются между собою, что не различишь, где кончается одна и где начинается другая, да и сам он, обреченный на разрушение, среди всей этой мертвенности стоит каким-то

оскалившимся скелетом. Далее к востоку, в левой стороне виднелась в море стройная белая башня Рас-эль-Тинского маяка, окруженная стенами каменного форта. Очень высокая сама по себе, она казалась еще выше вследствие замечательной низменности берега и всей окрестности.

В шесть часов утра "Цесаревич" бросил якорь на западном Александрийском рейде.

Так вот он каков — город Александра Македонского, построенный за 332 года до Рождества Христова! Выдавшаяся в открытое море коса, в форме буквы Т, образует две обширные бухты, которые дают Александрии значение одного из лучших портов Средиземного моря. На этой косе находится магометанская часть города, а европейские кварталы, называемые вообще Новой Александрией, раскинулись на материке в глубине берегов обеих бухт. Сколько великих исторических деятелей и событий — Александр, Птоломей, Клеопатра, Антоний и Цезарь, потом Омар, наконец Наполеон I и сотни других имен, более или менее знаменитых!.. Александрия — средоточие торговли, промышленности и наук

древнего мира, с ее знаменитым музеем и библиотекой в 900 000 свитков, с ее самостоятельной школой ученых, оказавших столько незабвенных услуг науке и искусству, с ее великим значением для христианства, учение коего здесь возведено было на степень мировой религии¹⁷. С таким великим прошлым, что же такое он, этот город, являет собою в настоящее время?.. Я с нетерпением ожидал минуты, когда ступлю, наконец, на его почву.

Едва мы стали на якорь, как к правому борту пристал придворный 18-весельный катер, драпированный богатыми коврами и парчевым наметом с массивными золотыми кистями; на носу его развевался гюйс, а на корме большой египетский флаг из алой шелковой материи, полоскавшийся в море. Из этого катера поднялся к нам по трапу адъютант хедива[21], в парадной штаб-офицерской форме, присланный приветствовать принца Ахмет-бея с благополучным приездом. Вышедший из каюты принц в застегнутом партикулярном сюртуке и темно-краповой феске был с большой помпой встречен хедивским посланцем и лицами своей свиты,

которые почтительно проводили его с палубы до трапа. Не успел он отъехать, как к тому же борту подошел другой военный катер, но уже безо всяких особенных украшений, и высадил к нам двух чиновников, статского и военного. Первый был церемониймейстер двора хедива Тонино-бей, левантинец, а второй — флаг-офицер египетского адмирала Гассим-паши. Оба явились затем, чтобы передать С. С. Лесовскому приветствия, первый от имени хедива, второй от имени своего начальника. Наш адмирал еще почивал, и поэтому эта последняя депутация была принята А. П. Новосильским. Вскоре после того приехал на русской консульской шлюпке наш александрийский вице-консул, господин Свилярнич, и привез нам письма из России (к сожалению, только одному Новосильскому!) и политические новости, помещенные в местной газете "Moniteur Egyptien", где, впрочем, мы не нашли ровно ничего о России, а на словах узнали от вице-консула, что накануне нашего приезда оставили Александрийский рейд и направились в Порт-Саид наши военные суда: клипер "Забияка", крейсер "Африка"

и доброволец "Россия".

Не прошло и получаса со времени прибытия нашего на рейд, как "Цесаревич" уже был абординирован множеством всяких лодок и челноков, из которых высадилось к нам множество всякого люда, левантийского и арабского, белого, бронзового и черного, как сапог. Тут были разные комиссионеры, гиды, кельнеры городских отелей, биржевые маклеры, таможенные досмотрщики, хамалы, или носильщики, перевозчики, греческие, коптские и католические монахи с крестиками, образками и браслетами из какой-то темной благовонной массы, английские миссионеры с карманными Библиями в черных переплетах, газетные разносчики и зоркие репортеры, мальчишки, кокетничающие глазами, продавцы скабресных фотографических карточек и других подобных же "секретов", продавцы разной дряни вроде курительных мундштуков, портсигаров, тросточек и грецких губок, торговцы янтарем, филигранными вещицами, сердоликовыми печатями и перстнями, бирюзой, жемчугом, кораллами и подозрительными рубинами, торговцы египетскими

скарабеем и поддельными древностями, ро- говыми и черепаховыми изделиями, продав- цы хлеба, овощей, ягод, фруктов и сладостей; вертелось тут же и несколько зорких подо- зрительных личностей, специалистов по ча- сти чужих карманов и исчезновения дорож- ных саков; появился наконец даже какой-то оборванный фокусник и змеезаклинатель с кобрами и аспидами в кожаных мешках и де- ревянных лукошках. Весь этот пронырливый люд назойливо лез и приставал к пассажирам со всех сторон со своими услугами и предло- жениями, между которыми первую роль по- стоянно играло предложение познакомиться с "женщиной легкого поведения" или с "одной дамой из гарема Хедива". Каждый из них настойчиво мозолил нам глаза своим то- варом, убеждая купить у него ту или другую ни на что не нужную дрянь, торговался, пере- ругивался с другими, мешавшими ему про- давцами, выпрашивал бакшиш, галдел, сно- вал, толкал и метался по всей палубе, как уго- релый. Все это на первый раз очень любопыт- но, но в то же время и очень противно: есть во всем этом нечто жадное, подлое и пакост-

ное, невольно возбуждающее в вас какое-то брезгливое чувство; но это несомненный продукт европейской индустриальной цивилизации, явление обычное во всяком восточном порте, чуть лишь приходит с моря новое пассажирское судно, и избавиться от наплыва наших посетителей нет никакой возможности.

В одиннадцать часов утра съехали мы наконец на берег в двух шлюпках под парусами: в первой сел наш адмирал с супругой и вице-консул, а во второй весь его штаб с ручным багажом, в сопровождении консульского драгомана[22]: крупный же багаж направился особо, под охраною консульского каваса[23], ради того, чтобы самим нам избежать таможенной волокиты, задержек и придинок.

Высадились мы пред неуклюжим каменным зданием таможни и едва ступили на землю, как сторожа в ту же минуту арестовали наш ручной багаж для осмотра, да спасибо вице-консул выручил. Досмотрщики возвратили саки, но с наивною откровенностью потребовали за это бакшиш, и когда мы дали им сколько-то мелочи, повидимому, остались до-

вольны. У ворот таможни нас ожидали уже заранее нанятые коляски, но пройти к ним оказалось не так-то легко: между нами и экипажами стояла целая толпа таможенных и портовых хамалов, которые тотчас же кинулись на нас с протянутыми заскорузлыми ладонями, громко галдя и вопия о бакшише. Каждый из них убежденно доказывал, что это именно он выносил наши вещи, он один и никто более, другие-де все врут и верить им не стоит, ему же бакшиш принадлежит по праву. Все мы уже ранее поблагодарили деньгами тех хамалов, которые действительно переносили наши вещи, и потому были вполне убеждены, что ни один из обступивших нас носильщиков не оказал нам ни малейшей услуги. При этом они атаковали нас так решительно, что в каждой другой стране полиция, наверное, сочла бы прямым своим долгом немедленно вмешаться в дело и освободить мирных иностранцев от туземного нахальства; тут же, как, нарочно, ни одного полицейского не было. Чтобы проложить себе путь к коляскам, пришлось, по совету драгомана, бросить в толпу несколько мелочи.

Этот маневр удался: хамалы гурьбою бросились ловить и отнимать друг у друга деньги, благодаря чему мы получили возможность сесть в экипажи. Но этим дело не кончилось. Едва лошади тронулись, как гурьба снова кинулась к нам и, цепляясь за крылья, дверцы и рессоры, бежала с воплями о бакшише рядом с колясками. Грозные крики и жесты драгомана, замахивание бичом арабаджи и работа кулаками одного из хамалов, усевшегося за чем-то на козлы, ничто не помогало, пока арабаджи не выехал на более просторное место, где ему представилась возможность погнать лошадей во всю прыть. Только после этого толпа хамалов стала редеть и мало-помалу отстала, найдя, должно быть, не особенно приятным бежать по ужаснейшему солнцепеку.

Еще на пароходе все мы было условились остановиться в "Хотель Европа", но господин Свиларич отсоветовал, предупредив, что там и грязь, и мириады насекомых. Он рекомендовал нам Абатс-хотель, куда мы теперь и направились. Гостиница эта очень удобно расположена в центре города близ Консульской

площади и устроена весьма оригинально. С подъездного крыльца, украшенного цветущими растениями в кадках, вступили мы в большие полутемные сени, где после знойной улицы так приятно обдает вас легкой прохладой. Отсюда такой же полутемный коридор ведет в очень изящный внутренний садик с журчащим фонтаном и увитыми зеленью беседками, служащий летнею столовой. Стены его покрыты ползучими растениями, маленькие клумбы и бордюры пестреют душистыми цветами, и подвижной тент, когда нужно, защищает его от солнца. По другую сторону садика находится обширная полусветлая зала, где обедают зимой, а по сторонам коридора расположены домовая контора, европейская гостиная, восточная диванная, читальня и тому подобные комнаты, предоставленные в распоряжение квартирантов для приема своих гостей и послеобеденного кейфа. Но этим и кончается вся изящная или показная сторона заведения. Верхний этаж занят номерами, которые, по своей мизерной обстановке и отсутствию необходимых удобств, очень напоминают наши заурядные гостиницы заурядных

губернских городов, и вот в один-то из таких номеров привел меня вместе с Федором Егоровичем Толбузиным сам управляющий, или "господин директор" этого отеля. В комнате две железные кровати, стол, комод и два-три стула. Спрашиваем у "господина директора", сколько такой номер будет стоить в сутки.

— По 12 1/3 франка с постели, — объявляет он решительным, безапелляционным тоном.

Русский человек при этом по-настоящему должен бы сконфузиться в душе за такую наглость, но, безусловно, подчиниться требованию, тем более, что оно выражено столь просвещенным с виду европейцем таким внушительным тоном, который не допускает сомнений ни в его благородстве, ни в том, что "господин директор" делает нам еще как бы честь, уступая помещение в своем отеле. Но мы, вспомнив о курсе русских бумажек и прикинув, что это придется почти по пяти рублей в сутки на брата, предпочитаем заслужить себе во мнении этого европейца репутацию варваров и решаемся поторговаться. Как, мол, так? За одни голые стены с двумя кроватями 25 франков в сутки?! Возможно ли это?

— Совершенно возможно! Впрочем, если кто-либо из вас займет комнату один, то будет платить половину, то есть 121/2 франков.

— Это не утешение, — возражаю я ему, — в сущности, для каждого из нас сумма остается все та же.

— О, да, вы совершенно правы, — согласился он с любезною снисходительностью и прибавил, что советует нам занять комнату вдвоем, потому что иначе, если все номера будут заняты и приедет какой-нибудь новый постоялец, то администрация отеля должна будет отвести ему половину этой комнаты, так как в ней две постели.

— Я думаю, — продолжал он, — вам не совсем приятно было бы жить с совершенно незнакомым человеком.

Довод вполне основательный и потому, нечего делать, приходится согласиться.

— Да вы постойте; может быть это вовсе не так дорого, — замечает мне Федор Егорович, — в этой цене он, вероятно, понимает не только комнату, но и все наше содержание, спросите-ка его лучше.

Но "господин директор" сам предупредил

этот вопрос.

— Вам, без сомнения, понадобится прислуга, чтобы чистить сапоги и убирать комнату? — спросил он.

Мы подтверждаем полную основательность сего предположения. Просвещенный европеец отвечает на это благосклонным кивком.

— Кроме того, — продолжает он, — вам, вероятно, было бы удобнее пить утренний чай или кофе у себя в комнате, а также иметь завтрак и обед за табльдотом.

— Разумеется, это было бы самое удобное.

— О, в таком случае вы все это можете иметь за очень сходную цену: все это будет стоить два фунта с персоны.

— Батюшки! Да это ведь почти по двадцати рублей с носа выходит! — развел руками Федор Егорович. — У нас в Твери такому номеру красная цена полтора рубля в сутки. Ведь это, что называется, живодерство!

Мы уже решили было оставить Абатс-хотель и искать себе где-нибудь более дешевое помещение, как вдруг, на наше счастье, вмешался в дело господин Свиларич, только что

вышедший в общий коридор от адмирала. Увидев, что мы удаляемся со своими саками, он поинтересовался узнать у нас, в чем дело, и тут же обратился к управляющему совсем иным тоном, как человек, отменно знающий местные цены и которого поэтому не надуешь. В полминуты повернул он дело так, что за ту же самую комнату с постелью, прислугой, утренним и вечерним чаем, завтраком из пяти и обедом из шести блюд, "господин директор", все с тем же видом подавляющего благородства, объявил цену по 12 франков в сутки с человека.

— Это нормальная цена всех здешних порядочных гостиниц, — пояснил нам господин Свиларич при нем же; но уличенный европеец нимало от этого не смутился, его апломб и благородный вид остались все те же.

— Как вы это устроили? — спрашиваем мы у вице-консула.

— А очень просто: сказал ему, что заявлю об этом собственникам гостиницы. Это обыкновенная проделка подобных администраторов с новичками: 12 франков он записал бы на приход, а остальное положил бы в свой

карман. Они здесь таким образом целые состояния себе наживают.

Итак, цены слажены, можно, значит, располагаться на житье. Хамалы тотчас потащили из сеней наверх наши чемоданы. При этом я просто диву дался, глядя, как худощавенький поджарый арабчик, небольшого роста ловко взвалил себе на плечи мой большой сундук, весивший с кладью 10 1/2 пудов, и с какой легкостью потащил его вверх, на второй этаж. Я крикнул было другому арабу, чтоб он помог моему хамалу, но тот только усмехнулся на это и на ломаном французском языке ответил, что помощи вовсе не требуется, снесет и сам, ему-де нетрудно. Положим, наши так называемые "мужики" в гостиницах таскают и не такие тяжести, но ведь зато же там и народ какой — чуть не Геркулесы! Я поблагодарил хамала за такой верблюжий труд одним франком, и мой арабчик принял его даже с изумлением, словно глазам своим не веря; он не рассчитывал получить более одного пиастра.

Первым делом до завтрака спустились мы вниз, чтобы тут же, в гостинице, взять холод-

ную ванну. К этому так соблазнительно приглашало выставленное в коридоре печатное объявление, гласившее, что цена сему наслаждению всего два франка. Но увы! Эпитет "холодной" мог быть применен к ней разве в насмешку: вода оказалась совсем теплой, как из полуостывшего самовара (говорят, что это ее естественная температура летом). Она не только не освежила, но еще более размаяла нас, в особенности при этой ужасной духоте, которая в низеньких и тесных ваннных каморках была такова, что хоть бы русской бане в пору. Затем, едва успели мы закончить свой туалет, раздался звон колокола, призывавший постояльцев к завтраку.

Кормят здесь очень недурно, и завтраки, равно как и обеды, всегда сопровождаются обильным десертом из разных свежих фруктов и ягод. Наша водка или вообще какой-либо другой из крепких напитков, какие мы привыкли у себя дома употреблять перед закуской, становятся при этих убийственных жарах окончательно невозможными, так как с ними рискуешь получить или удар, или воспаление желудка, что случается довольно ча-

сто с новоприезжающими англичанами, которые ни под какими географическими широтами не желают ни на йоту изменить свой привычный образ жизни: виски и херес в этих климатах зачастую сводят их в безвременную могилу. При самом легком французском столе здесь употребляется почти исключительно легонькое винцо Кларет, да и его-то пьют большею частью с водой. Но зато истинною роскошью является при этом лед, ежедневно производимый искусственным способом, и надо отдать справедливость хозяевам гостиницы, льду они не жалеют: прислуга то и дело накладывает его в стаканы, чуть лишь заметит, что предшествовавший кусок успел растаять. А таяние происходит очень быстро, и достаточно оставить стакан с растаявшим льдом на какую-нибудь четверть часа, чтобы вода уже значительно потеплела; со льдом же и подкрашенная кларетом она кажется восхитительным, ни с чем не сравнимым напитком и пьется с наслаждением, доходящим чуть не до жадности.

После завтрака я хотел было отправиться в город, чтобы поближе познакомиться с его

наружностью и уличною жизнью, но это оказалось делом, превосходящим всякое добровольное рвение. С десяти часов утра и до трех с половиною пополудни в европейских кварталах прекращается всякая внешняя деятельность: улицы и площади совершенно пусты, тенистые бульвары и скверы тоже, банкирские и коммерческие конторы, присутственные места, магазины и лавки все заперты, повсюду наглухо спущены зеленые жалюзи, в ресторанах и кофейнях ни души; весь город отдыхает или, лучше сказать, томится физически, переживая в полном бездействии самое жаркое время дня в полутемных комнатах, приспособленных почти всегда таким образом, чтобы в них постоянно продувал легкий сквозной ветер. Разве уж самая крайняя безотлагательная нужда выгонит в эту пору европейца из дому на улицу, да и то он не пойдет пешком, а постарается сейчас же захватить первого попавшегося арабаджи и заберется к нему в самую глубь фаэтона с поднятым верхом, либо же садится верхом на маленького ослика и рысит на нем, прикрывая себе голову и спину большим белым зонти-

КОМ.

Преуморительное зрелище представляют иногда эти ослики, когда на них неумело едут европейцы, причем комичнее всего является самый костюм европейца с засучившимися кверху штанами. Нередко на осликах катаются и мусульманские дамы в своих черных широких фередже, наброшенных на голову, и это выходит гораздо красивее: восточный костюм как-то более гармонирует с этим патриархальным, библейским животным, чем какая-нибудь жакетка английского покроя. Ослики заменяют здесь наших легковых извозчиков, и на известных углах улиц их всегда можно найти по несколько штук в ожидании седока. Погонщиками их служат исключительно арабы, а чаще всего мальчишки от десяти до пятнадцатилетнего возраста. Здешние ослики необыкновенно ретивы и редко когда идут шагом, а больше всего трусят быстрой побегой и иногда пускаются вскачь, и как быстро ни бежал бы ослик, погонщик его никогда не отстанет; он всегда бежит тут же сбоку или сзади и время от времени подбодряет своего кормильца хворостиной, либо

взмахом руки, а то и просто словами. Погонщик положительно разговаривает со своими осликами, и эти последние, по-видимому, отлично понимают их речи: по тому или другому слову, или по крику поворачивают направо, налево, останавливаются, идут шибче или просто движением ушей и хвоста выражают свое удовольствие, когда их ласкают или просто хвалят. В этот день особенно много встретили мы их на набережной большого пресноводного канала, что протекает между озером Мариут и южной окраиной города, куда от пяти до семи часов вечера съезжается на прогулку все европейское и отчасти мусульманское население Александрии. Здесь место предобеденной прогулки и общих встреч местного высшего и полусвета. Кровные английские лошади в шорах, прелестные парные лошадки и мулы, и потешные карлики-пони со стриженными гривами, управляемые кучерами арабами в белоснежных куртках и красных фесках или европейскими джентльменами, одетыми по последней модной картинке, бойко мчат сотни щегольских легких экипажей, ландо, фаэтонов, колясок,

тильбюри и шарабанов взад и вперед по шоссе вдоль аллеи, обрамляющей берег канала, здесь выставка парижских нарядов и левантйского тщеславия. Все, у кого есть хоть какой-нибудь орден, являются сюда не иначе, как с его бутоньеркой на сюртуке и даже жакете; а у кого нет, тот затыкает себе в петлицу какой-нибудь алый цветочек, чтоб издали походило на ленточку "Почетного Легиона". Из дам одни только англичанки да временно приезжие туристки из европейских стран одеваются просто, но элегантно: местные же левантинки, видимо, стараются, как говорится, пустить пыль в глаза и поразить не только роскошью своих нарядов и затейливостью фантастических шляп с чудовищно-большими страусовыми перьями, но и блеском своих бриллиантов, что твои замоскворецкие купчихи! Супруги же их, кроме орденских бутоньерок, щеголяют еще массивностью золотых цепочек и целыми коллекциями брелоков и множеством драгоценных перстней, надеваемых даже поверх перчаток. Здешние дамы вообще не дурны собою, есть между ними и красавицы, но все они отличаются чрезмерною

наклонностью к полноте, которая у многих переходит даже в тучность. Это надо приписать, по всей вероятности, их сидячему образу жизни: при здешнем зное весь их моцион заключается только в прогулке по набережной канала и то не иначе как в экипаже.

Здесь же встретили мы и нескольких мусульманских дам в довольно прозрачных ясмаках, надетых по стамбульской моде, а стамбульский ясмак — это та же европейская вуалетка; разница только в способе ношения: европейки спускают ее сверху вниз, а стамбульские мусульманки поднимают снизу вверх до половины носа, предоставляя всем возможность свободно любоваться их прекрасными глазами. Дамы, встреченные нами на канале, были жены разных либеральных пашей, старающихся перенимать европейские обычаи. С веерами или парасолями в руках, затянутых в парижские перчатки, они совершенно по-европейски сидели, развалясь на эластичных подушках своих венских и парижских колясок, и только шелковые фередже, прикрывая своими широкими складками их платья, сшитые по европейским фасонам.

нам, отчасти напоминали еще о Востоке; но об остроносых златошвейных туфельках, например, уже нет и помину: их всецело заменили европейские ботинки и туфли на высоких кривых каблуках. Впрочем, восточный характер сказывался еще в одной особенности: на козлах экипажей этих дам, или "паших", как прозвал их Федор Егорович, рядом с кучером непременно сидел губастый, обрюзгло-ожиревший негр-евнух, но и тот редко уже появляется в своем живописном костюме, променяв его на черный сюртук и крахмальные воротнички европейской сорочки. На набережной канала вообще толклось множество гуляющего люда. Кто не имел собственного экипажа, тот старался захватить наемную коляску, а в крайнем случае довольствовался скромным осликом. Англичане, эти типичные долговязые представители альбиона, в своих шотландках, с неизменными пледом и гидом, ради оригинальности даже предпочитают осликов всем другим способам передвижения на здешней прогулке, и что за уморительные фигуры сплошь и рядом встречаются между подобными спортсменами! Но особен-

но забавен был один толстяк-баварец с непомерным брюхом, из-под которого виднелась только ослиная голова с ушами. Казалось, что на бедного ослика взгромоздилась целая пивная бочка, к которой кто-то ради шутки приставил руки с оттопыренными локтями и болтающиеся ножки. Тут же гарцевали на кровных арабских лошадях кавалерийские офицеры египетских войск и полицейские жандармы с карабинами "на изготовку", выставленные там и сям для порядка, а также разные английские приказчики и конторщики на наемных россинантах. Арабская молодежь, наполовину в европейских, наполовину в туземных костюмах, тоже трусила на осликах целыми компаниями, весело перегоня друг друга. Неутомимые погонщики, разумеется, бежали тут же и криками или ударами старались подбодрить своих животных. Европейские, значительно уже поблекшие кокотки, с окрашенными в рыжий цвет волосами, нагло лорнировали из своих колясок дам местного общества и посылали дружеские кивки разным банкирам и негоциантам. Немало народу сидело и около кофеен под

платанами и гуляло пешком по аллее, а группы более чем полутолых феллахов, аборигенов земли египетской, сидя на корточках под деревьями, с равнодушием каменных сфинксов глазели на всю эту сновавшую перед ними тщеславную и суетную толпу захожих "Франков".

Вот показались несколько полицейских, которые озабоченно и торопливо старались очистить в толпе место для проезда кого-то. Вслед за ними спокойно ехали рядом два кавалериста с карабинами "на изготовку", за ними легко, вприпрыжку, бежали два скорохода в алых бархатных куртках, залитых золотом; за скороходами шталмейстер хедива на светло-сером жеребце, а за шталмейстером сам хедив в роскошном ландо четвернею цугом, с жокеями. Светлосерые кони его экипажа подобраны были просто на диво. За ландо скакали толпою адъютанты, паши, камергеры и несколько человек кавалерийского эскорта. Выезд был вполне помпезный. Хедив сидел в ландо один и приветливо отвечал на поклоны, но только "Франки" мало обращали на него внимания и далеко не все спешили

приподнимать ему свои шляпы. Это, конечно, очень независимо, но зато и очень невежливо.

Между тем по ту сторону канала, на самом берегу, шла своим чередом повседневная туземная жизнь в среде пригородных бедняков-феллахов, которые ютятся в маленьких, жалких глинобитных клетуижах, похожих более на хлевы или навозные кучи, чем на жилище человека. Там толпа феллахских девочек и женщин с открытыми лицами, в длинных черных балахонах, переходила от хижины к хижине, сопровождая свое шествие продолжительным голошеньем, которое удивительно как подражает урчанью болотных лягушек. Одна женщина, впереди прочих, несла на руках что-то покрытое платком или куском какой-то материи. Нам объяснили, что это общественный сбор добровольных пожертвований либо на похороны, либо на свадьбу, так как и в том, и в другом случае он у феллахов совершается одинаковым образом, а именно: собирается толпа подруг и соседок той женщины или девушки, которая нуждается в пособии и отправляется вместе с

нею вдоль по селению с одного конца до другого и всем хором урчит при этом на лягушачий лад, останавливаясь перед каждою хижинкой. Если у матери умер грудной ребенок, то она несет его на руках в корзинке под покрывалом; в других же случаях под таким же покрывалом находится или миска, или плетеная плоская кошелка, куда всякий кладет какое-либо денежное, хлебное или вещевое пожертвование.

В самом канале, погружаясь в воду по шею, спасались от жары и мух рабочие мулы и буйволы и плескались бронзово-темные феллахские ребятишки, тогда как их собратья валялись нагишом вместе с собаками на пыльном берегу между опрокинутыми челнами. Вот под косыми парусами, напоминающими крылья чаек, проплыли одна вслед за другой два дахабие, увеселительные лодки с широкими белыми рубками на палубе. Корма и нос и мачты у обеих лодок были изукрашены зеленью, цветами, коврами и какими-то пестрыми лоскутьями, и из окон рубок неслись звуки торбанов и бубнов и слышались гортанные женские голоса, напевавшие какие-то

песни. Такие дахабие ходят по Нилу и по каналам, предлагая свои услуги желающим совершить легкую увеселительную прогулку. Пользуются ими преимущественно туземцы, к услугам которых в каждой лодке, кроме местной музыки, имеются еще кальяны, кофе, шербеты и альме, иначе называемые "тава-ции", то есть публичные танцовщицы, певицы и гадальщицы, в роли коих подвизаются почти исключительно местные цыганки. Стоит лишь махнуть кормщику, и дахабие тотчас же пристанет к берегу, чтобы захватить нового желающего повеселиться пассажира. Зажиточные люди, по случаю какого-нибудь семейного или иного праздника, иногда нанимают себе дахабие на целый день и приглашают туда своих друзей и знакомых.

На набережную канала выходят сады и палисадники некоторых дач, нередко весьма красивых. Мы посетили здесь два сада. Из них один принадлежит хедиву, другой какому-то греку (фамилию позабыл), бывшему русскому подданному, который, убоясь введения в России общей воинской повинности, будто бы угрожавшей его сыновьям, поспе-

шил вместе с ними перейти в английское подданство. Россия, впрочем, не в убытке от потери, как и Англия не в выигрыше от приобретения такого "подданного". Но сад у него действительно прелестен, равно как и сад хедива. Оба они полны роскошной растительностью, и под сводами своих ветвей доставляют много приятной тени. Здесь вы встречаете большие олеандровые и жасминовые деревья в полном цвету, оливы, смоковницы и лавры, гранатные, лимонные и померанцевые деревья, финиковые пальмы и широколиственные бананы, огромные фантастические кактусы и цветущие алоэ, виноградные и орхидейные аллеи и беседки, массу роз пунцовых, чайных и белых, и множество других душистых цветов и красивых растений. В обоих садах устроены бассейны с фонтанами, и целая сеть мелких арыков разносит из них живительную влагу во все концы того и другого сада. Во все такие дачи вода проводится посредством подземных труб из канала, где для этой цели постоянно работают несколько водокачален: при помощи мускульной силы феллахов. Кроме того, в некоторых бассейнах

идет работа чигирями, для чего употребляют-ся буйволы и верблюды, ходящие с завязанными глазами по кругу.

Вода здесь — это жизнь, со всей ее силой и роскошью; без воды же — смерть. Так, например, к тому же каналу ведет из города шоссе, проложенное по жесткому известковому грунту; по бокам его тянется аллея солидных тамарисковых деревьев, которые живут лишь благодаря прокопанной у их корней маленькой канавке с ничтожною струйкой проточной воды, а рядом с ними тут же, менее чем в двух шагах расстояния, уже полная смерть, где на пепельно-белой почве не встретите вы ни травинки. И этот вид жизни и смерти рядом, без промежутка, без малейшего сглаживающего перехода от одного к другому, эти два резкие контраста производят на свежего человека с непривычки какое-то странное по своей новизне и жуткое впечатление. Нам, жителям умеренного пояса, совсем незнакомы в нашей природе подобные контрасты и... я думаю поэтому, что она мягче, ровнее, нет в ней такой поразительной резкости, такого избытка роскоши и скудости рядом, нет этой

вечной борьбы между жизнью и смертью, этих завоеваний каждого клочка земли жизнью или культурой у смерти, и этих вырываний того же самого клочка, при малейшем недосмотре или небрежности человека, смертью у жизни и культуры.

Вечером, ложась в постель, я только что приподнял легкое одеяло, как из-под него вдруг выбежала пара каких-то черных насекомых около вершка длиной. Батюшки, уж не скорпионы ли?! Но нумерной араб объяснил, что это египетские тараканы, без которых тут ни один дом не обходится. Он поймал одного из них и показал нам. Оказалось, что это так называемый таракан-исполин, величиной вдвое больше нашего обыкновенного черного таракана, только тельце его отличается более вытянутым и плоским видом. Он жрет не только мясо, хлеб, кожу и книги, но имеет привычку нападать и на спящих людей, а в особенности любит у умирающих и у трупов грызть на ногах пальцы. Нечего сказать, приятно сожителство с таким милым насекомым!

Араб тщательно осмотрел наши постели

под подушками и простынями, и только после такой обстоятельной ревизии решились мы наконец улечься. Здесь, как и на всем Востоке, над каждою кроватью устроен кисейный мустикер, в предупреждение от ночных нападений муستиков. Араб со всех сторон подткнул его полы под тюфяк, чтоб уж никакая мерзость и гадина не могла к нам забраться, и мы очутились как бы в прозрачных клетках. Но опять беда: под мустикером гораздо душнее, чем в комнате, так что просто дышать нечем, а тут еще гляжу, араб закрывает ставнями окна.

— Это зачем? — протестует Федор Егорович. — Скажите ему, дураку, чтобы хоть окна-то оставил настежь! Ведь мочи нету в этой бане проклятой!

Но оказывается, что и окна нельзя оставлять открытыми: здешние ночные росы в летнее время очень вредны, порождают лихорадки, и еще, как ни странно казалось бы, уверяют, будто они в особенности вредно действуют на глаза и являются одной из главных причин весьма распространенной в Египте офтальмии. Объясняют это таким образом,

что с поверхности земли вместе с испарениями поднимаются в воздух микроскопические частицы весьма злокачественной известковой и солончаковой пыли, которая растворяется в росе и, попадая на глазные веки, сильно разъедает их, последствием чего бывает воспаление, нередко имеющее исходом полную потерю зрения.

В Александрии, действительно, встречается много слепых, и говорят, будто преимущественно от этой причины; мне же кажется что для офтальмии совершенно достаточно и просто пыли здешних окрестностей, без растворения ее росой. А впрочем, местным жителям про то лучше знать.

Итак, хочешь, не хочешь, а спи в двойной духоте, но какой же тут сон возможен!

— Экая мерзость! — ворчит мой сожитель, в костюме ворочаясь с боку на бок: — Днем факторы да бакшиш на каждом шагу, а ночью тараканы с офтальмиями, да песьи мухи какие-то, да при этом еще и температура в тридцать градусов. Фу, ты, батюшки!.. Скажите, пожалуйста, и это у них "благодатными странами" называется!.. а?.. Верьте после этого лю-

дям!

14-го июля.

С утра все мы облеклись во фраки с белыми галстуками, при орденах, и поехали представляться хедиву. Прием назначен был в одиннадцать часов утра во дворце Рас-эль-Тин. На козлах коляски, в которой поместился адмирал с нашим генеральным консулом в Египте Иваном Михайловичем Лексом, уселся рядом с кучером консульский кавас (телохранитель) в блестящем парадном костюме, с целым арсеналом оружия: саблей, ятаганом, пистолетами, револьвером да еще и с длинною булавой в руке, а шагах в пятнадцать впереди экипажа бежал босоногий консульский скороход, красивый молодой сириец в залитой золотом куртке, держа пред собою длинную, тонкую трость. Таков всегда бывает здесь парадный консульский выезд, сообразно требованиям местного придворного этикета, которому следуют в официальных случаях также приезжие высокопоставленные лица.

Рас-эль-Тинский дворец находится на западном отроге Александрийской косы, близ маяка того же имени, и ехать к нему надо че-

рез мусульманскую часть города. Улицы здесь гораздо уже, чем в европейской части, но те, по которым мы теперь ехали, были вымощены, так же, как и европейские, триестскими плитами. Здесь тянулся почти непрерывный ряд глинобитных и каменных домов, и многие из них были в три и четыре этажа. На плоских кровлях устроены в виде балдахинов навесы, украшенные цветами и растениями, а иногда коврами и цветными занавесами. Древесные сторы и камышовые циновки защищали от солнца ту или другую сторону этих возвышенных веранд, где мусульманские семейства очень любят проводить свое время, так как на высоте и воздух чище, и более провеивается морским освежающим ветром. Там же обыкновенно вялится виноград и сушится выстиранное белье. Верхние этажи нередко выдаются несколько вперед над нижними, так что два противоположные дома иногда образуют как бы свод над улицей, благодаря чему, прохожие пользуются благодатной тенью. В двухэтажных домах весьма оригинально устроен верхний этаж: он в отношении к нижнему располагается под углом, зиг-

загами, вследствие чего на кровле нижнего этажа образуется несколько трехугольных площадок, служащих верандами и балконами. Такие площадки нередко украшаются зеленью ползучих и вьющихся по стенам растений. Окна во всех мусульманских домах не имеют ни рам, ни стекла, но взамен их они снабжены вставными мелкоклетчатыми решетками, составленными из выточенных деревянных частиц. Это так называемая мушараби, и во многих случаях они останавливают на себе внимание изяществом и оригинальной красотой своего мавританского рисунка. Почти в каждом доме, на высоте второго этажа и выше есть красивый шах-нишин, то, что у нас называется бельведером или фонариком: составленный из решетчатых мушараби, он обыкновенно является лучшим украшением наружности дома, особенно если завит по карнизам зеленью винограда или повоев. Входные двери во многих домах украшены узорчатой резьбой и бронзовыми или железными скобами с массивной серьгой, либо с кольцом, которым желающий войти должен стукнуть в скобу, это то же, что наши

дверные звонки. Над входом обыкновенно красуется какая-нибудь вязевая арабская надпись, чаще всего благочестивое изречение или стих из Корана, и нередко такие надписи бывают высечены горельефом на беломраморных досках. Нижние этажи почти сплошь заняты лавками, где торг зачастую идет просто через открытое окно. Тут множество табачных, бакалейных, москательных, зеленых, мясных, фруктовых и мелко-галантерейных лавчонок со всякою всячиной, которую невозможно ни усмотреть зараз, ни тем более перечислить. Кроме того, чуть не в каждом доме, или восточная кофейня, или цирюльня, или продажа содовой и свежей "нильской" воды. Множество продавцов последней просто шатаются себе по улицам, выкрикивая и выхвалявая свой товар, навьюченный либо на ослике в бочонках, либо на самом продавце в бурдюке из козлиной шкуры, а то и просто в глиняном кувшине, и надо испытать здешнюю жару, чтобы понять как велика потребность в свежей воде для утоления жажды. Продавцы воды никогда не остаются в убытке, и торговля ею, по-видимому, состав-

ляет здесь довольно видную отрасль мелкой уличной промышленности. Процесс бритья правоверных голов также совершается большей частью на улице бродячими цирюльниками, которые возвещают о своем приближении боем в медную тарелку или тазик. Кроме того, тут же бродят мороженщики и продавцы подсахаренного мелкого льда, лимонада и гранатного сока, пирожники с жареными пышками, хлебники с коржами и лепешками, кальянцики, предлагающие за самую мелкую монету покурить или затянуться из своего дымящегося кальяна, фруктошники с нарезанными кусками сочных арбузов и дынь и грудями винограда, другие с бананами, апельсинами, фанатами и персиками, цветочники с букетами и букетиками, продавцы собачьих ошейников, палок и тросточек, сокольниками с дрессированными для охоты соколами и кречетами, знахари с "жизненными" и возбуждательными элексирами и талисманами ото всех бед и недугов, уличные писцы с медными колямданами за поясом, факиры и дервиши, обвешанные амулетами, с длинными посохами и тыквенными бакла-

гами, гороскопщики и гадальщики с билетами, предсказывающими будущее, нищие с учеными обезьянами и нищие, сами походящие более на обезьян, чем на человека, калеки и паралитики-идиоты, фокусники и змеезаклинатели и множество иного люда, белого, черного и бронзового всех оттенков и всяческих профессий, перечесть которые я отказываюсь... Движение народа по улицам весьма велико и отличается восточной пестротой и южно-европейской юркостью: Александрия как-то органически соединяет в себе и то и другое. Белый миткаль и яркие ситцы, шелк и отребья и постоянно мелькающее перед глазами полуобнаженное человеческое тело, закутанные в черные покрывала фигуры женщин, ослы, верблюды, лошади и собаки, ослепительное солнце, резкие тени, пряные восточные запахи, гортанный говор и гомон снующей толпы, — все это заставляет как бы прыгать, перескакивать с предмета на предмет и ваши взоры, и ваше внимание, так что в конце концов у вас остается только смешанное впечатление какой-то необычайно жизненной, подвижной пестроты, тесноты, духо-

ты и оригинальной красоты зданий.

Рас-эль-Тинский дворец занимает на косе довольно обширную четырехугольную площадь и смотрит южным своим фасадом в западный порт, а северным — через сад, прямо в голубой простор Средиземного моря. Он окружен обширными дворами и разными флигелями и мелкими пристройками и снаружи весь выбелен. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что стены его, или по крайней мере некоторая часть их, построены из сырцового кирпича, если даже не просто глинобитные; заключаю это по выдающимся кое-где наружу потолочным балкам. Сад при дворце наполнен финиковыми и иными пальмами, бананами, лаврами, олеандрами и другими деревьями и растениями, свойственными этому климату; в нем много цветов и воды, без которой, впрочем, и немыслима была бы вся его растительность.

Наши экипажи остановились на обширном дворе, перед широким подъездом северного фасада, где стояли несколькими группами военные офицеры и придворные служители в роскошных ярких костюмах. Церемоний-

мейстер Тонино-бей встретил нашего адмирала в растворенных дверях, и после взаимных приветствий мы вошли в высокие обширные сени, откуда сразу пахнуло на нас живительной прохладой и где караульный взвод хедивской гвардии саблями отдал честь адмиралу. По широкой лестнице поднялись мы на второй этаж и вошли в обширную и прохладную приемную залу. На стенах ее местами виднелись фрески, изображавшие вазы с цветами и фруктами; роскошно тяжелые шелковые драпировки на дверях и окнах ниспадали от высокого потолка и ложились пышными складками на мозаично-узорчатом паркете... Большие окна глядели прямо на север в море, и в них продувал порой приятный сквозной ветер. Европейская мебель была покрыта белыми чехлами — предосторожность, необходимая летом при здешней едкой и микроскопично-мелкой известковой пыли. Громадный смирнский ковер застилал всю середину залы.

Через минуту в одну из боковых дверей с левой стороны вошел хедив в темно-вишневой феске и черной венгерке, сходной покро-

ем с французской военной жакеткой. Это был молодой еще человек, на вид лет около тридцати, довольно рослый, плотный, румяный и красивый, со светло-каштановыми волосами, — тип скорее славянский, чем арабский или тюркский. Наш генеральный консул представил ему адмирала, а адмирал, в свой черед, — всех лиц своего штаба. Хедив очень любезно подал всем руку и затем предложил садиться. Сам он занял место на диване, адмирал же — подле него на кресле рядом с консулом. Остальные разместились полукругом на стульях. Официальный толмач нашего консульства, господин Менотто, остался стоя перед хедивом и адмиралом.

Разговор (как и надо, впрочем, было ожидать) не выходил из сферы общих мест и взаимных любезностей. Хедив осведомился: благополучно ли совершил адмирал свой путь до Александрии, в первый ли раз ему приходится быть в Египте, как нам понравилась Александрия, долго ли намерены мы прогостить в этом городе и тому подобное. Менотто каждую фразу передавал очень отчетливо и при том не "своими словами", как делают обыкно-

венно почти все переводчики, а дословно, именно в той самой форме, как фраза была сказана. Так, например, вместо того, чтобы сказать, что хедив, де выражает свое удовольствие видеть у себя и прочее, Менотто говорит дословно: "мне весьма приятно видеть у себя во дворце столь знаменитого и почетного гостя"; затем, в точно такой же форме, передает хедиву ответ адмирала: "я счастлив, что могу засвидетельствовать" и так далее. Затем хедив стал говорить уже без посредства толмача на французском языке, которым владеет довольно порядочно.

Во время всех этих экспликаций один черный слуга внес на серебряном подносе зажженную свечу, гаванские сигары и большие папиросы с длинными мундштуками, другой — целую башенку медных блюдец, поставленных одно на другое, а третий — большой кофейный сервиз. Этот последний был покрыт пеленою из лиловой с золотом и золотую бахромой парчи, которая одной стороной своей лежала на груди и плечах слуги, а другой несколько ниспадала с круглого подноса. Когда первый слуга обнес гостей папиросами,

а другой поставил на пол пред каждым гостем по медному блюдцу для сбрасывания пепла, оба они сняли с третьего парчевую плену, и тогда пред нами открылся роскошный сервиз в восточном вкусе, сверкавший драгоценными камнями. Один из слуг приступил к разливанию ароматного кофе из богатого серебряного кумгана в маленькие фарфоровые чашки, вставленные в серебряные, тонкой филигранной работы, подчашники, по которым попеременно с бирюзой сверкали алмазы, сапфиры, рубины и яхонты. Когда, наконец, кофе был разлит, слуга с сервизным покосом, стоявший все время, как истукан, с замечательно неподвижностью, почтительно приблизился к хедиву и с видом благоговения полусклонил пред ним колено, выдвинув вперед свою ношу. Хедив взял с подноса чашку и любезно передал ее адмиралу, а затем следующую поставил на стол пред собой. Таким же образом, только без склонения колена, были обнесены остальные гости.

Хедив в разговоре сообщил между прочим, что незадолго до нашего прибытия в Александрию здесь на рейде был контр-адмирал

Асланбегов, тоже представлявшийся со своими офицерами, причем хедив имел удовольствие пожаловать их орденами. [24]

Вслед за первой чашкой кофе прислуга уже стала было наливать по второй, после которой, по-мусульманскому этикету, из вежливости не следует оставаться долее; но С. С. Левовский предупредил эту вторую чашку и поднялся с места, чтобы откланяться хозяину. Последовало новое пожатие руки всем представлявшимся, после чего хедив, сделав общий поклон, повернулся и пошел вон из залы в одну, а мы в другую сторону, и этим маневром, употребленным весьма кстати, он с большим тактом избавил нас от неуместной необходимости пятиться пред ним спиной к дверям, что подобало бы только в отношении к особе коронованной.

Мы видели хедива как любезного хозяина, который держал себя очень просто, естественно и любезно, безо всякой натяжки. Что же касается его характеристики как правителя, то в этом отношении нахожу не лишним сказать о нем несколько слов, основываясь на замечаниях И. М. Лекса, который знал его еще

совсем молодым человеком. Но для этого необходимо наперед обрисовать в нескольких штрихах положение, какое застал он в Египте при своем вступлении в управление страной, равно и то, что было сделано для этой страны его отцом Измаил-пашой.

1879 год отмечен в истории Египта важным переворотом: "блистательная" Порта одним почерком пера свергла Измаил-пашу и посадила на его место старшего его сына, Мехмед-Тевфик-пашу. Произошло это без всякого протеста со стороны местного населения, хотя право прямого престолонаследия в мусульманских странах до тех пор еще не применялось. Без протеста же обошлось дело более всего потому, что народ чересчур уже был обременен тяжелыми налогами ради европейских затей хедива прогрессиста. Но как бы то ни было, а за время своего шестнадцатилетнего управления Измаил-паша сделал для внешнего благоустройства страны более чем кто-либо из его предшественников: им построены почти все местные железные дороги; прорытие Суэцкого канала точно также не могло бы последовать столь быстро и успели

без его прямого и энергического содействия; триста новых оросительных каналов и четырехста мостов (каменных и железных) построены все им же. Количество годной к обработке земли увеличилось при нем почти вдвое. Каир из грязного арабского города преобразился в великолепную европейскую столицу с широкими, хорошо мощеными улицами, красивыми дворцами, бульварами и скверами, величественными арками и театрами для оперы и балета, загородными шоссе и водопроводами, которые устроены также и в Александрии, и оба эти города осветились газом. Площади их украсились монументальными памятниками: в Александрии — главе династии Мехмеду-Али, в Каире — Ибрагим-паше (деду и отцу хедива Измаила). Александрийский и Суэцкий порты приведены в полное благоустройство, воздвигнуты в них маяки, громадные молы и брекватеры; учреждено общество пароходства *Хедивие*, впервые открывшее правильные рейсы между Александрией, Константинополем, Порт-Саидом и портами Красного Моря; устроена по-европейски почтовая часть, пересоздано на-

родное образование, учреждены смешанные суды международного характера, значительно расширены пределы государственной территории на побережье Красного моря, в Абиссинии, Араре, Дарфуре и в Стране Озер, почти до экватора. Во всем этом, бесспорно, было много существенно полезного, но не мало также и эфемерного, бьющего только на внешний трескучий эффект, который и был завершен наконец какою-то, можно сказать, шутовскою конституцией. Для всей этой деятельности требовались громадные суммы денег; займы следовали за займами; Измаил-паша не на шутку воображал себя Наполеоном III в Египте и старался во всем брать примеры со своего идеала, который ему и покровительствовал сколько было возможно. Но идеал кончил Седаном, а Измаил после того еще целые восемь лет держался. Все шло, по-видимому, прекрасно пока европейские банкиры давали ему займы под обеспечение землями и всевозможными доходными статьями земли Фараонов. Но вот благодетели-банкиры, наконец, нашли что пора им прибрать к своим рукам все эти обеспечения, кредит Египта

пошатнулся. Тут Измаил-паша как-то сразу растерялся, стал бросаться то в руки Англии, то в руки Франции, то к Порте, и кончил тем что Турция, по требованию первых двух держав, сместила его с должности. И. М. Лекс говорит что в этом деле Порта поступила с полною неблагодарностью, так как Измаил-паша за время своего управления переслал в Константинополь огромные суммы денег и он же увеличил дань платимую Египтом Порте с 400.000 лир до 700.000; он спас Турцию во время Кандийского восстания, когда у Порты не было ни денег ни войск; он же в последнюю нашу войну при самом ее начале отправил в Константинополь 800.000 лир, потом 15.000 войска и все свои пароходы, которые до самого Сан-Стефанского мира занимались перевозкой турецких войск и военных припасов. Что до России, то, до словам И. М. Лекса, Измаил-паша любил ее и в особенности любил Русских, и в политике боялся Англии и до 1870 года Франции, Со времени же Франко-Германской войны он действовал безусловно так, как хотела Англия и только в последнее время понял свою ошибку. Тогда он сошелся с

так называемой национальной партией и сделал нечто вроде государственного переворота (coup d'etat) направленного против Нубар-паши и иностранных министров, но это было уже поздно и повело только к тому что Англия, соединясь с Францией, вовсе удалила его из Египта и запрещает вернуться в страну даже частным человеком.

Нынешний хедив, как мы видели, человек еще молодой. И. М. Лекс говорит что он порядочно образованный но, к сожалению, чересчур уж мягок и податлив на случайные влияния, а главное — всему на свете предпочитает тихую гаремную жизнь, избегая, по возможности, лично вникать в политику и дела правления. Потому-то и предоставил он все эти дела совету министров или, вернее сказать, двум входящим в состав сего совета европейским контролерам, Англичанину Берингу и Французу Блиньи. Словом, для планов Англии (Франция тут не в счет, она только для виду), Мехмед-Тевфик есть самый подходящий человек на месте хедива, и потому-то благодаря ее настоянию он и назначен был Портой вопреки мусульманскому праву

престолонаследия. По примеру своего отца, Тевфик любит Россию и уважает наше правительство, но пуще всего боится Англии. В его характере однако есть некоторая доля мусульманского фанатизма, в силу которого он питает симпатии к Турции, и Порта, если бы только захотела, могла бы действуя разумно вернуть себе влияние утраченное ею в Египте вследствие ее подобострастия пред Англией и Францией при низложении Измаил-паши, но увы! Порта сама уже не в состоянии действовать самостоятельно и находится под теми же влияниями что и Египет. Поэтому судьба последнего — полгая потеря самостоятельности в недалеком будущем. Египет постепенно, но верно, подготавливается к тому чтобы сделаться (замаскировано или явно, это в сущности все равно) английскою провинцией, с устранением всех прочих европейских влияний [25]. Иван Михайлович свидетельствует, что вся страна терпеть не может Французов, а в особенности Англичан, и не любят их здесь именно за то что они вмешиваются в управление страны; Русских же уважают потому что мы остаемся в стороне

ото всех этих дрязг, интриг и ростовщичества, а многие здесь надеются что мы, именно мы, когда-нибудь избавим их от непрошеного иностранного вмешательства; но сами Арабы для этого конечно ничего не сделают.

По возвращении из дворца Степан Степанович поехал один с визитом к Гассим-паше, начальнику морских египетских сил, а потом в четыре часа дня со всем своим штабом посетил блаженного Софония патриарха Александрийского. Это почтенный старец, лет за шестьдесят, но довольно еще бодрый. Живет он очень скромно в своем патриаршем доме, а дом у него небольшой, каменный, с наружной деревянной галереей, увитой виноградом, где сидят в клетках разные певчие птицы. Приемная комната патриарха отличается в высшей степени скромной обстановкой; стены ее выбелены, в восточном углу висят иконы афонского письма и иерусалимские кресты из перламутра, а над диваном — портрет императора Александра Николаевича, писанный масляными красками, сбоку же на стене — литографированный портрет короля греческого; простой диван с овальным столом

да дюжина гнутых буковых стульев, вот и все ее убранство.

Патриарх очень интересовался нашими китайскими делами и выразил твердую уверенность, что Китай не отважится объявить войну России, в особенности ввиду такого флота, какой теперь готовится соединиться против него в Тихом океане. "А впрочем, прибавил он, что бы ни случилось, молитвы и благословения восточной католической церкви всегда и впредь пребудут над русской державой, как пребывали доселе, и я глубоко верую, что Бог дарует вам успех". Патриарх объяснялся по-гречески, а переводчиком служил господин Менотто. После угощения турецким кофе с холодной водой мы простились с блаженным Софронием, который при этом дал каждому из нас свое благословение.

Тут же при патриархате находится монастырь Св. Саввы и помещается внизу небольшая патриаршая церковь, замечательная тем что в ней у одной из стен находится каменная плаха, на которой была обезглавлена Св. Великомученица Екатерина и колесо служившее орудием ее пытки. Снаружи патриаршая

церковь не имеет никаких архитектурных украшений, а внутреннюю обстановку ее можно назвать более чем скромною. Дневной свет проникает туда сквозь небольшие окна с железными решетками, и потому под низкими тяжелыми сводами церкви всегда господствует полусумрак. Вдоль ее стен идет ряд узких деревянных перегородок предназначенных для "стояния" монашествующей братии, из коих каждая служит определенным местом тому или другому иноку во время церковной службы. Утомившийся во время продолжительного всеобщего бдения может только облокотиться руками о верхние края стенок своей перегородки; других послаблений здешний монастырский устав не допускает. Иконостас низенький и довольно бедный; местные образа, по греческому обыкновению, украшены поверх венчиков тюлевыми вышивными убрусами и лентами; серебряных окладов на иконах мало; на некоторых только есть металлические венчики. Наиболее ценные вещи, равно как и лучшие облачения ризницы, пожертвованы из России.

От патриарха поехали мы с визитом к на-

шим дипломатическим чинам, а остаток дня, пока еще не стемнело я посвятил осмотру храмов; греческого, коптского и католического.

Православный Благовещенский собор довольно большое белое здание с двумя колокольными башнями над углами главного фронтона. Внутри его, мраморные колонны; кафедра и иконостас тоже украшены мрамором. Патриаршее место находится на возвышении с правой стороны и рядом с ним место русского консула, а напротив, по левую сторону, место консула греческого. Собор этот сооружен в 1855 году и никаких исторических достопримечательностей не имеет, в нем все новое. При соборе находятся библиотека и гимназия, где предметы преподавания распределены в значительной мере между лицами соборного духовенства. Преподавание идет на греческом языке, а из иностранных языков воспитанники изучают французский и английский.

Коптская православная церковь во имя Св. Евангелиста Марка находится неподалеку от Благовещенского собора и русского консуль-

ства. Она каменная, четырехсторонняя, с куполом обмазанным снаружи бедою глиной, в роде тех что встречаются в наших среднеазиатских степях над киргизскими мазарками. Церковь не велика, человек на двести не более; иконостас местной живописи, иконы без окладов и иных украшений, стены просто выбелены; на всей обстановке лежит печать несколько суровой скудости, но зато содержится церковь в замечательной для Востока чистоте и опрятности. В особом небольшом пределе с левой стороны находится могильное место Св. Евангелиста в роде саркофага и над ним икона местного древнего письма, где Апостол изображен стоя с лежащим у ног его львом. Местность на иконе представляет вдали современную Апостолу Александрию с колонной Антония и знаменитою иглой Клеопатры, и надо думать что изображение то довольно верно, потому, например, что с топографической стороны тетаобразная Александрийская коса представлена согласно с ее действительным положением. Внизу, в поле того же пейзажа, изображены в миниатюре мучения Св. Марка на самом месте их дей-

ствия; так по крайней мере объяснял нам ктитор. В этой миниатюре Апостол представлен связанным по рукам и ногам и поверженным на землю; его волочат за концы веревок двое нечестивых воинов. У этих последних лица и руки выскоблены совершенно в том же роде как видел я на образах болгарской церкви в Карлове, где уста и глаза на ликах всех образов были сцарапаны и выколупаны башибузуками. На мой вопрос, зачем это сделано, ктитор объяснил что сделано оно самими же Коптами из чувства благочестия, дабы лики нечестивых не оскорбляли святости икон, невместно де их поганым ликам быть на одной доске и в одном поле со святым ликом Апостола.

Католический храм во имя Св. Екатерины находится в стенах мужского монастыря, в ближайшем соседстве с нашим отелом. Рядом с ним разбит прекрасный монастырский сад, наполненный пестрыми цветочными клумбами, фруктовыми деревьями и финиковыми пальмами. Впрочем, монахи не сами занимаются культурой своего сада, а держат для этого наемного садовника, равно как и все хозяй-

ственные и черные работы по монастырю исполняются наемными людьми; себе же на долю святые отцы оставляют только труд пропаганды и обучение юношества. Живут они очень комфортабельно и не особенно постничают, так как монастырь имеет богатые средства доставляемые основным его фондом и приношениями пилигримов, а до 1870 года получал еще большие субсидии и от Французского правительства.

Храм Св. Екатерины — новый и довольно красивой постройки. Свет падает во храм из купола и больших боковых оков, которые составлены из цветных стекол и украшены живописью по стеклу; от этого внутри храма господствует мягкий и как бы таинственный полусвет, среди которого очень эффектно выделяется над главным алтарем большое мраморное изваяние Богоматери. Над некоторыми из боковых алтарей оригинальный и несколько странный эффект делают образа-статуи, или вернее сказать образа-манекены в нишах за зеркальными стеклами и их беломраморные и восковые фигуры резко выделяются на живописном фоне, но это соеди-

нение живописи со скульптурой и бутафорским гардеробом, которые здесь я видел лишь впервые, не скажу чтоб удовлетворяло строго изящному вкусу; оно только озадачивает зрителя своей неожиданною оригинальностью, тем более что некоторые статуи одеты в богатые ризы и роброны из атласа и бархата и в круженные мантильи, ну так и кажется что вы попали не в церковь, а в какое-то отделение музея восковых фигур Лента. Но вот что красиво: один из пределов находится в совершенно темной часовне, где слабый луч золотистого света падает сверху из невидимого фонарика только на мраморное изваяние распятого Христа, оставляя все прочее в глубоком сумраке, и это действительно выходит очень эффектно. Вы не видите, откуда именно падает свет и потому вам кажется будто он исходит из самого тела Спасителя. На стенах храма находятся белые скульптурные изображения всех стадий крестного пути и страданий Христовых, и тут же помещаются восемь резвых деревянных исповедален, где исповедь происходит на языках французском, итальянском, ирландском, немецком, польском,

армянском, арабском и коптском.

Здесь кстати будет сказать несколько слов о вероисповедных и церковных делах Египта, познакомиться с ними благодаря И. М. Лексу я успел из дел вашего консульства.

В пятимиллионном населении Египта местная статистика насчитывает весьма немного христиан, а именно: Коптов около 200.000, православных Греков около 70.000, Армян православных 1.500, Армян католиков 700 человек; католиков, считая в том числе Коптов, Сирийцев и Маронитов, 10.000 человек; униатов 20.000, Евреев-раввинитов около 6.000, караимов 2.000 и протестантов 1.000. Наконец, иностранцев всех христианских исповеданий 7.000. Все остальное население мусульманское, из коего Турок насчитывается 120.000, а прочие все Арабы: гаджасские, нубийские, сирийские, тувисские, марокские и сомальские. Так как со времени Мехмед-Али у мусульманских мулл были отняты имения и они перешли на жалованье от правительства, известного ныне своею веротерпимостью, так как сами Арабы слишком трусливы чтобы нападать в открытую, то мусульмане здешние

живут в весьма сносных отношениях к туземным христианам никогда никаким преследованиям их не подвергают. Христиане разных исповеданий живут между собою тоже мирно; большинство из них православные.

В Египте насчитывается пятнадцать христианских монастырей: 12 коптских, из коих 7 мужских с 500 монахов и 5 женских с 85 инокинями; 1 католический, во имя св. Екатерины, в Александрии, с особым подворьем в Каире; 2 греческих: Св. Саввы в Александрии и Св. Георгия в окрестностях Каира. В Каире есть еще подворье Синайского монастыря (Джувания), где почти постоянно живут архиепископ, два архимандрита и несколько монахов, но они никакого отношения к местному населению не имеют; самый же монастырь на Синае, где почивают мощи Св. Екатерины, существует на средства высылаемые из России и на приношения русских поклонников. Кроме того, как на предметы и места священные для христиан, указывают в Каире на дерево Божией Матери (Матария), под тенью коего отдыхала Пресвятая Мария со Младенцем Иисусом во время бегства в Египет, и

пещеру в Старом Каире, где Святое Семейство спасалось от преследований.

Александрийский патриархат и Синайский монастырь владеют в Египте некоторыми имениями, весьма, впрочем незначительными и не приносящими почти никакого дохода. Вообще, как православная греческая, так и православная армянская церкви находятся здесь скорее в бедности чем в каком-либо достатке. Католическая церковь в Египте пользуется покровительством всех католических церквей Европы, между которыми даже и республиканская Франция до недавнего времени играла еще выдающуюся роль; протестантская церковь находится под покровительством Германии, англиканская — Великобритании, иудейская — Австрии и, наконец, православная (греческая и армянская) состоит как бы под официальным русским покровительством. Протестантская и англиканская пропаганда действует во всем Египте, но без успеха, хотя в стране, особенно внутри ее, много английских и американских миссионеров. Успех католической пропаганды тоже не особенно велик, но в последнее время заве-

лось в Александрии, Загазите и Каире несколько иезуитских школ, которые рассчитывают действовать удачнее.

Что до Евреев, то их в стране немного, и группируются они преимущественно в Александрии и Каире. Есть здесь так называемые "исламские Евреи" которые сохранили лишь семитический тип, но во всем остальном, в одежде, нравах и образе жизни совершенно сходны с Арабами; потом Караимы, большею частью выходцы из Крыма, и наконец польские и немецкие Жидки, преимущественно "цыбулизованные" и сполна состоящие в иностранном подданстве.

-

Вечер провели мы в кафе "Парадиз", на самом берегу моря, у восточного рейда, где шумный прибой морских валов мерно бьет в стену террасы. Едва мы вошли в залу, как большой оркестр, составленный из немецких девиц (преимущественно венских и чешских), словно каким-то чутьем угадав, что мы русские, грянул вдруг марш, скомпонованный из мотивов "Жизни за Царя". Это, очевидно, бы-

ло сделано в нашу честь, в виде "комплиментарного приветствия", так как улыбки и взоры артисток во время исполнения пьесы как бы с некоторым подчеркиванием устремлялись преимущественно на нашу скромную группу, а по окончании марша одна из наиболее смазливых "фройлин" направилась прямо к нам с тарелкой, покрытой чайной салфеточкой, и вызывающе любезно сделала пред нашим столом коротенький книксен с прискоком. Мы, конечно, вознаградили оркестровых дам за их "комплимент" по силе возможности несколькими франками и тем приобрели себе между ними репутацию "весьма щедрых русских господ", так как здешняя публика не только европейская, но и левантийская, вообще очень скаредна и платит за подобные музыкальные любезности много-много, если пятью сантимами.

В этом "райском кафе" в открытую процветает рулетка, около которой вечно толпятся искатели счастья и легкой наживы, исключительно европейцы, а в соседней зале к услугам более скромных игроков находится чуть не до десятка бильярдных и множество отдель-

ных столиков с домино, трик-трак и шахматами. Здесь специально мужское отделение, и потому любители играют без сюртуков, для большей легкости и прохлады. Мы, однако, предпочли удалиться из душной прокуренной залы на прибрежную веранду, где разбит очень миленький цветник, и, прохлаждаясь мороженым и холодной водой, слушали музыку грохочущего прибоя, мешавшего свой шум с гармонией оркестра, любовались видом беспредельного моря и городской набережной с ее коническим шпилем протестантской кирки и громадами высоких каменных домов, слабо озаренных мелькавшею в облаках луной. Вскоре пришел сюда И. М. Лекс и повел нас в другой приют того же рода, но только более скромный и не столь музыкальный, кафе "Триест", где за конторкой буфета восседала дебелая еврейская "мадам" из Ломжи или из Слонима и где встретили нас такие же белокурые дочери Германии, только без скрипок и тромбонов, а с пенившимися кружками венского пива. Впрочем, это все та же вульгарная "Европа", знакомая всем и каждому вдоль и поперек и (для меня, по крайней

мере) нимало не интересная. Зато крайне интересны были рассказы И. М. Лекса, который исподволь, в живом разговоре, успел сообщить нам много самых разнообразных сведений о здешней жизни и быте, об общественных и политических отношениях европейского и туземного элементов, о взаимных интересах европейских "дипломатов" и тому подобном. Более всего заинтересовал нас вопрос "о русских в Египте", об их положении в этой стране и о нашей торговле с Египтом.

По словам И. М. Лекса, русских здесь всего 350 человек, что весьма немного на общую цифру проживающих в Египте иностранцев, простирающуюся до 70 000. Но в числе русских считаются и все, проживающие здесь под нашим покровительством сербы, черногорцы, болгары и уроженцы Средней Азии. Замечательно, что даже кашгарцы и текинцы, попадая в Египет, сами отдают себя под покровительство России, хотя, казалось бы, как независимым мусульманам, им всего естественнее было бы искать непосредственного покровительства у турок, но таков уж престиж России в глазах среднеазиатцев: ду-

мают, что под нами понадежнее. Число собственно русских весьма незначительно, так как даже русско-подданные, имеющие в Египте постоянную оседлость, большею частью принадлежат по происхождению к другим национальностям и нашим иногородческим элементам. В большинстве это все греки, из коих восемьдесят, если не девяносто процентов никогда и не бывали в России и даже имеют о ней крайне смутные понятия, но для своих торговых дел и общественного положения им выгодно числиться русскими подданными. При неудовольствии за что-нибудь на русское консульство или из страха пред общей воинской повинностью они легко переходят в подданство какой-либо иной державы, преимущественно Англии, до нового какого-нибудь неудовольствия, после которого зачастую, не успев даже дожидаться натурализации, награждают своим подданством Францию или Германию, или вообще какую-либо из влиятельных европейских держав, если только та согласна принять их. Такие подданные, кроме лишних хлопот и неприятностей для консульства, обыкновенно ничего не при-

носят принимающим их державам, и есть ли они, нет ли их, для нас в сущности совершенно безразлично, даже, пожалуй, выгоднее, когда их меньше. Затем, после греков, в числе наших подданных следуют армяне, евреи, ташкентцы, самаркандцы и черкесы. [26]

Крупных коммерсантов и торговых фирм между русско-подданными насчитывается всего одиннадцать. [27] Временные же торговцы в небольшом числе приезжают иногда из России в зимнее время для закупки хлопка. Русских подданных паломников мусульман проходит чрез Египет весьма много, но они большею частию следуют по Суэцкому каналу нигде не останавливаясь, и потому число их в консульстве неизвестно. Православные же русские паломники едут чрез Египет на Синай, но в последнее десятилетие число их ежегодно уменьшается и едва ли доходит до двухсот в год. Из оседлых на месте русско-подданных и покровительствуемых Россией уроженцы Средней Азии занимаются большею частию мелкою уличною торговлей, Болгары продают молоко и вообще молочные произведения, Черногорцы служат сторожами при

банках и торговых домах, один из коренных Русских состоит околоточным надзирателем в составе Александрийской полиции (он из бывших военных), [28] Греки с Армянами банкирствуют и ведут более или менее крупную отпускную и внутреннюю торговлю, а жидки ростовщичат, маклерствуют, рекомендуют дам полусвета и вообще, как всегда и везде, занимаются мелким и темным гешефтом. Некоторые из русско-подданных имеют здесь процессы, но вследствие судебной реформы дела их решаются теперь в смешанных трибуналах безо всякого участия консульств. В числе судей в смешанных судах находятся по назначению нашего правительства трое Русских: гг. Шлигельберг, председатель одного из гражданских отделений, и гг. Абаза и Фредерикс. Смешанные трибуналы судят все дела между египетскими подданными и иностранцами и между иностранцами различных национальностей; консульская же юрисдикция остается для дел между иностранцами принадлежащими к одной и той же национальности.

Русская консульская часть в Египте, за ис-

ключением гг. Лекса и Свидарича, представлена следующим персоналом: вице-консулы: в Каире — Григорий д'Эдия, в Дамьетте — Улличчи Бенедучи, в Порт-Саиде — Генрих Бронн (германский консул), в Сувзе — Григорий Никода Коста; агенты: в Танте — г. Кардахи, в Мансуре — г. Бутари, в Ассиуте — Бутрос Фадтаус и в Луксаре — Мустафа-ага. Все они по-русски, разумеется, ни в зуб толкнуть, но... надо же иметь каких-нибудь агентов, тем более что при всем их несовершенстве и чуждости всему русскому они все-таки приносят некоторую пользу как для торговли, так и в оказании покровительства если и не странникам богомольцам, то некоторым интеллигентным русским путешественникам каких ежегодно бывает довольно много в Каире и Верхнем Египте. И. М. Лекс говорил, что чувствуется надобность учредить вице-консульство в Измаилии, необходимое в торговом отношении, и агентство в Загазиге для торговли хлопком; затем агентство в Гирге для путешественников по Верхнему Египту, так как около Гирге находятся развалины древнего Абидосского храма, и все путешественники оста-

навливаются там для его осмотра; потом агентство в Суакиме для торговли на Красном Море и с Суданом и, наконец, агентство в Ма-соове для получения торговых и иных сведений из христианской и весьма сочувствующей нам Абиссинии. Все главные европейские державы имеют гораздо более нас агентов в Египте, и все эти агенты, разумеется, достаточно владеют языком той державы которая удостоивает их такого почетного назначения.

Замечено что в последние годы из иностранцев более всего прибывают в Египет Греки, Итальянцы и Сирийцы, а Французы, Болгары, Турки и Армяне, напротив того, в гораздо большем количестве оставляют Египет чем прибывают в него. Араб вообще терпит Европейца, потому что этот последний дает ему порядочный заработок, но из этого еще не следует чтоб он любил Европейца и не был бы готов свернуть ему шею если бы только это не представляло опасности. Больше всего претят Египтянам Европейцы состоящие у них на государственной службе, и действительно, министерство финансов, например,

окончательно заполонено ими; в смешанных трибуналах, их на две трети более чем туземцев; в военном министерстве тоже, но тут они гнездятся более в администрации и в канцелярии чем во фронте. За то управление железных дорог, министерство публичных работ, министерство народного просвещения, почтовое ведомство, управление портов, управление государственного Общества пароходства *Хедивие*, все эти учреждения переполнены Европейцами, преимущественно Англичавами. По замечанию И. М. Лекса, настоящее управление края быть может и несколько честнее старого, но между служащими иностранцами бросается в глаза отсутствие практических знаний и незнакомство со страной которою они взялись управлять. Более всего мешает и им самим, их служебному делу незнание местного языка. Население не только мусульманское, но и христианское, даже иностранное, смотрит на все последние реформы весьма недружелюбно, так как из-за них множество Турок, Арабов и Коптов лишились своих мест и теперь голодают; местный же иностранный элемент недоволен рефор-

мами, потому что центральное правительство, у которого он вообще не пользуется доверием, предпочло вызывать на административные места иностранцев из Европы, за что и платит им бешеные деньги. Впрочем, для местных иностранцев кроме биржи никаких в сущности интересов не существует, и если он дуются на правительство за его реформы, так это единственно потому что не в их карманы перепадают те крупные куши какими оплачиваются реформированные должности.

Из местных элементов расположение к России более всех выказывают православные Армяне и православные Арабы, Копты, Абиссинцы и *бедные* Греки; симпатии ко Франции питают, по старой памяти, Сирийцы католики, Армяне-униаты, отчасти Греки и униаты-Арабы. Что до Англии, то расположение к ней замечается только между *богатыми* Греками и Евреями. Средний и маленький Еврей сочувствует Австрии за ее покровительство ему; Турки же в отношении как нас, так и Англии с Францией, держат себя безразлично и, наученные горьким опытом, никому, кажется, больше не верят, даже собственному пра-

вительству, как Египетскому так и Стамбульскому.

Что касается нашей торговли с Египтом, то она для нас гораздо менее выгодна чем для Египта, как показывают следующие цифры:

В пятилетний период, с 1874 по 1878 включительно, из России привезено в Египет на сумму 26.745.009 египетских пиастров [29], а вывезено из Египта в Россию за тот же период времени на сумму 235.992.529 пиастров. Стало быть разница в пользу Египта 209.247.520 пиастров; а переводя это на металлические рубли, получим вот что: ввоз на 1.671.813 руб., вывоз на 14.749.533 руб., разница в пользу Египта 13.077.970 руб., то есть сверх ваших товаров мы еще приплачиваем Египту более чем в 7 1/2 раз против их стоимости. Вывоз в Россию увеличился преимущественно в последние годы, потому что хлопок, который мы прежде покупали в Англии, идет теперь прямо в Россию чрез Одессу или Триест.

Таким образом, покупая этот продукт почти из первых рук, мы имеем на нем ту выгоду что не переплачиваем лишних денег английским посредникам, но все же разница

между нашим ввозом и вывозом слишком еще велика, а между тем, она могла бы быть хотя и не совсем уравновешена, то все же значительно понижена если бы мы расширили круг предметов вашего ввоза, что вполне возможно. [30] Вся торговля между Египтом и Россией производится на пароходах Русского Общества Пароходства и Торговли и на иностранных: австрийского *Ллойда*, французской *Messagerie Maritime* и наконец на частных торговых судах под иностранными флагами, так как собственно русских коммерческих судов, кроме принадлежащих Русскому Обществу Пароходства и Торговли, в последние годы в египетских портах вовсе не видно, тогда как до 1870 года в Александрийский порт и в Порт-Саид довольно часто приходили наши финляндские суда, с грузом английского угля. Но в последние годы пар совершенно вытеснил в Средиземном Море парус, почему и наши парусные суда в Египет более не приходят. Во внешней торговле с Египтом Англии одной принадлежит почти 70 %, потом идут Франция, Австрия, Италия, Германия, Россия, Соединенные Штаты, Индия, Япония, Греция

и др. В 1874 году мы занимали шестое место во внешней торговле Египта; в 1878 заняли уже третье место, вслед за Англией и Францией, а с 1879 года второе; по ввозной же торговле пока все еще продолжаем занимать только восьмое место, а вышеприведенные данные, кажется, достаточно убедительно говорят что в этом отношении пора нам стать на более высокий номер, так как в выборе предметов вашего ввоза есть к тому полная возможность.

[31]

15-го июля.

В десять часов утра поехали мы осматривать "Махрусу", яхту хедива, и для этой цели прибыли сначала в здание морского египетского управления, находящееся в порту, на берегу Западного рейда. Морской министр встретил нашего адмирала у подъезда управления и предложил ему своего адвоката в качестве проводника. У пристани ожидало нас два военных катера, под тентами, усталые на кормах богатыми коврами. Разместились мы в них и поплыли по заштилившим водам рейда. Оригинальная манера гребли у египет-

ских военных матросов: взглядывая друг на друга, они все враз делают плавный медленный гребок и затем "сушат весла", выровняв их, как по струнке, в слегка приподнятом положении, между каждым гребком проходит шесть или семь секунд времени, когда катер скользит по воде сам собою, словно птица, парящая с неподвижно распростертыми крыльями. Эта манера гребли называется здесь "парадною" и употребляется только для оказания военно-морской почести. Пристали к правому борту яхты, которая представляет самое большое судно египетского флота: оно достаточно красиво в общем своем виде, хотя и несколько широко в поперечном разрезе. На верхней палубе встретили нашего адмирала командир судна, контр-адмирал Гамиль-паца и взвод почетного караула с военно-морским оркестром. Люди были одеты в белые матроски с широкими отложными воротниками алого цвета и в алых фесках, а на начальнике караула красовался расшитый снурками и позументами жакет, скорее кавалерийского, чем морского характера. Все судно глядит щеголевато и устроено очень комфортабельно.

На верхней палубе расставлено несколько салютационных орудий, но более серьезной артиллерии "Махруса" на себе не носит. На стенках, под мостиком и в коридорах составлены очень красивые арматурные медальоны из ружей, магазинов, кортиков, палашей и интерпелей. Но верх роскоши представляет собою вторая палуба, где находится помещение самого хедива, его салон, столовая, уборная, кабинет, спальня и ванная. Видно, что Измаил-паша, строивший "Махрус", между прочим, для приема императрицы Евгении, не жалея, убил в нее сумасшедшие деньги. Гаремный отдел еще роскошнее; здесь вы встречаете на драпировках изумительные ткани, созданные по особым рисункам исключительно для "Махрусы", гобелены, бронзы, мозаики из редких сортов дерева, инкрустации из золота, серебра, перламутра, черепахи и слоновой кости, севры и саксы, — словом, все, что только могло придумать самое тонкое искусство современной индустрии в соединении с изящным вкусом и роскошью, не знающей меры деньгам. Никакой Клеопатре, конечно, и не снились такие триремы, как эта

"Махруса", с такими "храмами сладострастия", как эти гаремные будуары. Кухня хедива, помещения для его свиты, кают-компания для судовых офицеров, командирская рубка, жилая палуба для команды, машинное отделение, — все это не только комфортабельно, но изысканно роскошно. Не забыты изящной отделкой даже стойла для хедивских лошадей. Пока мы осматривали и любовались, переходя из одного помещения в другое, оркестр на верхней палубе, не переставая, наигрывал арабские мелодии, которые мне очень понравились своей оригинальностью: в них есть что-то порывистое, щемящее грустью и какая-то лихорадочная нервность. Осмотр окончился командирской рубкой, где нам предложили угощение разными сладостями и кофе, а Гамиль-паша в это время, при помощи нашего переводчика Менотто, сообщал адмиралу разные сведения о египетском флоте. Впрочем, те же самые сведения, только гораздо полнее, получили мы еще ранее от нашего консула.

На основании фирмана [32] Порты, Египетское правительство не имеет права владеть

броненосными судами. Во избежание увеличения бюджета, здешнее морское министерство держит в плавании только мелкие суда, стоящие в разных портах Красного моря, что, конечно, не требует больших расходов. Более крупные суда, снаряжение коих в плавание обошлось бы дорого, стоят наполовину только вооруженные на Александрийском рейде, и на них находится лишь самое необходимое число команды собственно для поддержания на судах чистоты и порядка. По бюджету морского министерства на 1880 год, было определено число всех военно-судовых команд в размере 25 % полного комплекта, так что в случае надобности пришлось бы дополнять их новобранцами. Вся численность морских команд при комплекте доведена здесь до 3152 человек; в настоящее время при сокращенном бюджете считается налицо всего 800 человек.

Для образования рулевых, комендоров, машинистов и прочего нет никаких учреждений. Все они, так же как и унтер-офицеры, вырабатываются временем и службой на судах военных и на пароходах общества "Хеди-

вие"; в кочегары же и машинисты берутся преимущественно иностранцы. Образование морских офицеров предоставлено также на произвол судьбы. Морского училища не имеется, учебных судов тоже. Некоторые офицеры получают образование в Англии и Франции, но большинство приобрело себе офицерский чин, обладая лишь самой слабой подготовкой. Кораблестроение здесь неизвестно, так как все суда, даже самые мелкие, строятся в Англии и Франции и исправляются там же. Хотя имеется хороший плавучий док, приведенный из Англии, но он служит только для очистки и окраски подводных частей судов и для самых мелких исправлений. Впрочем, размеры этого дока таковы, что он поднимает "Махрусу". Египетский военный флот состоит из десяти судов разного размера, на них общее число орудий — 132 различных систем. Общая вместимость судов равняется 12 645 тоннам; самое большое судно имеет 3 924 тонны, а самое мелкое 288 тонн.

По возвращении домой наш адмирал с супругой и все лица его штаба получили приглашение на завтрашний день на обед к хеди-

ву. Приглашение это сообщено адмиралу через церемониймейстера Тонино-бея.

16 июля.

Желая видеть строевые занятия здешних войск, я отправился рано утром на восточную окраину города к казармам пехотного полка, находящимся непосредственно у сухопутных городских верков. Батареи этих верков, скажу мимоходом, вооружены весьма плохо: старинные чугунные пушки, конечно, не представят ни малейшего сопротивления противнику, вооруженному нарезной дальнобойной артиллерией. Тем не менее, военное министерство, кажется, рассчитывает на их защиту, потому что иначе незачем было бы обучать на этих орудиях артиллерийскую прислугу боевым приемам, по всем правилам отжившего устава. На плацу я застал уже пехотный батальон, выведенный на ученье. Вид чернолицего строя в красных фесках, одетого в белые куртки и широкие панталоны с гамашами, был красив и на первый взгляд производил действительно военное впечатление, но, приглядевшись к нему поближе, пришлось несколько разочароваться. Народ мо-

лодой, но жидкий и не столько рослый, сколько долговязый; выправка неудовлетворительна, и люди глядят как-то сутуловато, от арабской привычки гнуть вперед шею; во фронте мало тишины: после команды "смирно" в рядах все-таки продолжают кое-где перекидываться неоконченными разговорами; унтер-офицеры делают поправки и замечания слишком громко, и рядовой нередко возражает на обращенное к нему замечание унтера; иной солдат почешется, другой поправит на себе сумку или феску, а обучающие офицеры, по-видимому, пропускают все это без малейшего внимания и продолжают себе покуривать папироски. Судя потому, что я видел, мне кажется, строевые занятия идут здесь спустя рукава, и хотя обучение ведется по прусскому уставу, но я думаю, что любой бранденбургский фельдфебель пришел бы в ужас, увидев такую профанацию своей "строевой святыни". Впрочем, корпус офицеров здесь очень плох: субалтерны[33] из туземцев не имеют почти никакого военно-образовательного ценза и производятся в офицерский чин, в наилучшем случае, за усердие к делу

службы, исполнительность и расторопность или же за беспорочную выслугу в унтер-офицерских должностях известного числа лет, а в большинстве случаев просто по протекции того или другого паши, которые нередко выводят в офицеры даже своих конюхов и лакеев. Командирские же должности заняты преимущественно всяким сбродом из европейских авантюристов. Здесь найдете вы англичан, австрийцев, французов и итальянцев, по большей части вышвырнутых за борт из армии своего отечества. Эти господа, по преимуществу, любят "жуировать" жизнью и заботятся не столько о своем прямом деле, сколько об "урывании лишних кусков", благо Измаил-паша не скупился для них на подачки. Военная школа в Каире, где профессорствуют европейцы, в особенности же американцы и немцы, только в последнее время начала выпускать в ряды египетской армии молодых офицеров со сколько-нибудь сносным военным образованием, и надо думать, что со временем они поставят обучение и дисциплину своих войск на надлежащую ногу. Египетские регулярные войска состоят из восемнадцати

полков пехоты, четырех стрелковых батальонов, четырех полков кавалерии, четырех полков артиллерии, десяти рот негров и двух эскадронов бедуинов на дромадерах[34]. Все это в общей сложности составляет около 18.000 человек, но в мирное время, ради сокращения бюджета, едва достигает до 15.000. Кроме того, имеются кадры еще на 30.000 человек и войска иррегулярные. В состав сих последних входят арабские конные контингенты пустыни до 50.000 человек и 5.000 человек пехоты, выставяемой Суданом.

Египетский регулярный пехотный полк делится на четыре баталиона, каждый баталион на восемь рот, в каждой роте 80 человек в мирное и 100 человек в военное время; но этот состав существует только на бумаге, а в действительности он втрое менее. Военная служба с конца 70-х годов сделалась обязательною для всех египетских подданных, не исключая христиан и Евреев; но в ней допускается заместительство, вследствие чего ряды пополняются исключительно бедными классами населения. Сверх того, в силу старинных привилегий, дарованных еще султанами, на-

селение Каира и Александрии вовсе не привлекается к военной службе. Каждая провинция должна поставлять известное число новобранцев, набор коих вполне предоставляется усмотрению местных гражданских властей, обязанных во что бы то ни стало поставить требуемую цифру. Срок службы двенадцатилетний, причем на действительной службе полагается, пробыть пять лет и в запасе семь лет; но в мирное время солдаты обыкновенно зачисляются в запас после трех лет службы. Пехота вооружена Ремингтоновскими ружьями, а полевая артиллерия орудиями Крупна. Обмундирование и снаряжение войск не уступают европейским, и как содержание, так и все предметы довольствия выдаются всем чинам исправно. Обучение первоначально производилось по французским строевым уставам, но с 1871 года предпочтен устав прусский.

4 апреля 1877 года между Англией и Египтом был заключен договор, имевший целью уничтожить торговлю невольниками и тем самым дававший Англичанам косвенный, но довольно растяжимый предлог ко вмешательству.

тельству во внутренние дела Египта. Вскоре по заключении этого договора, по требованию Англичан, был сформирован особый полк башибузуков, предназначенный исключительно для прекращения торговли невольниками. Командиром сего полка назначен был италиянский подданный граф Сала, а его помощником — австрийский полковник Турвейзен. Район действий башибузуков графа Сала простирается от Каира вверх по Нилу до Ассуана, главная квартира в Ассиуте. Постами сего лодка заняты все дороги ведущие из Дарфура в Египет, именно оазисы в Ливийской пустыне, и путь ведущий чрез Синай в Триполи. Башибузуки делают свое дело исправно: арестуют невольничьи караваны, освобождают невольников из колодок и доставляют их в Ассиут к графу Сала, который в то же время состоит и главным директором Освободительного Агентства. Освобождаемые невольники отправляются под конвоем башибузуков в Каир и там уже "отпускаются на свободу", то есть, разделяются между пашами и беями, которые в свою очередь раздаривают их своим подчиненным, а те продают их

за деньги либо частным лицам, по знакомству, либо тайным скупщикам "живого товара", который из Египта выпускается уже свободно в пределы Аравии или на суда ведущие тайную торговлю невольниками в Персидском заливе. Делается все это в силу того же освободительного Англо-Египетского трактата, в одной из статей коего поставлена на вид невозможность будто бы отсылать невольников обратно на их родину, — именно третья статья сего трактата гласит что "в виду невозможности отсылать невольников обратно по домам, допускается *дарить их*". В переводе на обыкновенный язык это значит — конфисковать контрабанду для того чтобы раздарить ее своим знакомым, или самому продать, а при случае, с выгодой. Дипломатов Беконсфильдовской школы менее всего можно обвинять в недостатке предусмотрительности и, стало быть, вводя в трактат такую статью, они не могли не предвидеть что "освобождение" в этом случае будет только переменной формы рабства. Но для чего им понадобилось все это фарисейское лицемерие — Господь их знает! Разве для того чтобы действительно

приобрести лишний повод вмешательства во внутренние дела Египта.

* * *

Возвращаясь с учебного плаца, на большой улице встретил я хедива в коляске, экспортируемой несколькими кавалеристами. Она подкатила к подъезду школы Измаилие, и хедив, спрыгнув на землю, быстро скрылся в распахнутых дверях. Он приехал один, без генерал— и флигель-адъютантов, и не в форменном костюме, а просто в европейском черном сюртуке и вишневой феске, безо всяких внешних знаков отличия. Я с моим гидом зашел узнать, по какому случаю приехал хедив в школу. Оказывается, экзамены.

— Можно войти?

— Сколько угодно, экзамены производятся публично.

Мы тихо вошли и скромно сели на задней скамейке за учениками. Хедива, очевидно, здесь не ждали, потому что ни министра народного просвещения, ни кого-либо из начальствующих лиц, кроме экзаменационной комиссии, налицо не оказалось. Министр прибыл уже несколько позднее, в полной па-

радной форме. Без сомнения, ему сию же минуту дали знать о приезде хедива, и он поспешил сюда, видимо, в переполошенном состоянии духа. Вслед за министром появились и еще какие-то почетные и начальственные лица в расшитых золотом мундирах и во всех регалиях. Хедив, между тем, сидел со сложенными на груди руками, откинувшись на спинку кресла, рядом с председателем экзаменационной комиссии и с благодушной терпеливостью выслушивал учеников, изредка кивая головой и приветливо улыбаясь на более удачные и бойкие ответы. Иногда он и сам предлагал ученику какой-нибудь вопрос, и когда тот несколько конфузился, то хедив, видимо, старался ободрить и поощрить его своим простым приветливым обращением и благосклонною улыбкой. Он провел здесь более часа, и когда поднялся с места, чтобы выйти из залы, то вслед за ним хлынула вся толпа учеников и экзаменаторов, начальство школы и почетные лица с министром. Объявлен был перерыв экзамена до четырех часов пополудни, и через пять минут по отъезде хедива шумная школа почти совсем опустела. В

зале осталось только три-четыре ученика, сосредоточенно углубившиеся в свои книжки. Вслед за другими направился было к выходу и я, как вдруг на площадке парадной лестницы ко мне подошел европейский педагог — как оказалось потом, инспектор заведения — и любезно осведомился: не иностранец ли я приезжий. Узнав, что я русский и что привел меня в эту школу интерес к делу египетского просвещения, он еще любезнее предложил мне осмотреть все заведение и сам повел меня по классам и кабинетам. Школа Измаилие помещается в хорошем, просторном каменном здании, устроенном соответственно всем требованиям современной педагогики и гигиены, и организована во всех отношениях по-европейски, в типе всем нам более или менее знакомом, а потому много распространяться я о ней не стану. Скажу только, что учебными пособиями снабжена она прекрасно, и заведывание в ней учебной частью отдано в руки европейских педагогов. Но здесь, полагаю, кстати будет сообщить несколько сведений о состоянии народного просвещения в Египте, сведений которыми я обязан все тому же И.

М. Лексу.

Хотя уровень образования в туземном населении и несравненно ниже чем в Европе, но изо всех стран Востока Египет все же занимает первое место по степени образования, в коем он сделал большие успехи, особенно в последнее время.

Первым насадителем общественного образования в Египте был Мехмед-Али, дед нынешнего хедива, но правильное устройство получило оно только во время управления Измаил-паши, который переформировал старые школы и устроил множество новых на современных началах. В настоящее время общественное образование распространено по всему Египту, но более всего обращают на себя внимание школы при мечетях в Танте и Александрии, а также знаменитая школа *Эль-Азхар* в Каире, где в иные годы число студентов доходило до десяти тысяч человек. Кроме этих трех, не менее заслуживают внимания женские школы *Сиуфие* и *Керабие*; школа *Хедивие* для слепых и муниципальные школы в Каире, Александрии, Розетте, Бейхе, Таите, Бени-Суэфе, Ассиуте и пр.

Из числа гражданских школ Каира и Александрии на иждивение правительства содержатся: политехническая школа, школа счетоводства и межевания, школа правоведения, подготовительное училище, школа искусств и ремесл, медицинская и фармацевтическое училище, начальная школа, училище иностранных языков и школа акушерок (как видите и здесь не без них!).

В 1878 году первоначальных школ во всем Египте засчитывалось 5.870 и в них 137.545 учащихся. По числу жителей, одна школа приходится на 1.026 человек, а учеников на 100 человек = 2,49.

Чтобы показать движение образования во время управления Измаил-паши, не лишним будет упомянуть что в 1872 году во всем Египте насчитывалось только 2.696 первоначальных школ с 82.256 учениками; стало быть за пять последующих лет прибавилось 2.674 школы и 55.289 учащихся.

Первоначальные школы здесь двух родов: в одних, которые составляют большинство или преобладающий тип, учат читать и писать по-арабски, арабской грамматике, араб-

ской каллиграфии, турецкому языку и арифметике; в других же, сверх этих предметов, преподают еще французский иди английский язык, европейскую каллиграфию, географию и историю. В муниципальных школах образование дается уже в бо льших размерах; там преподают арабскую грамматику и каллиграфию, турецкий, французский и английский языки, арифметику, алгебру, геометрию, географию, историю, рисование и черчение, Коран и его толкования. Этих школ всего только двадцать четыре, а именно: в Каире семнадцать, в Александрии две и в остальных провинциях пять. Все они были учреждены Измаил-пашой, и в них считается теперь 3.000 учеников. Правительственные гражданские школы, где дается высшее образование, все, кроме александрийской *Измаилие* (более пригготовительной), находятся в Каире. Из одиннадцати школ этого разряда, девять были учреждены Измаил-пашой. Во всех одиннадцати воспитывается теперь более 1.000 человек. Школ при мечетях (медрессе) всего три: одна в Каире, *Эль — Азхар*, в которой преподает 231 профессор и учатся 7.695 студен-

тов; другая в Танте, *Ахмади*, с 4.385 учащими-ся, и третья в Александрии *Ибрагим-паша* с 312 учащимися. Всего в школах-медресе, дающих высшее мусульманское образование, обучаются 12.845 человек. Школа для слепых учреждена *Измаил-пашой* в 1874 году. В ней 46 учащихся (36 мальчиков, 10 девочек). Женских школ всего две, обе в Каире. Одна из них, *Суфи*, основана в 1873 году женой хедива *Измаил-паши*, и в ней находятся 248 учениц; другая, *Кераби* [35], учреждена правительством в 1875 году и воспитывает 142 ученицы. Всего, значит, получают общественное образование в Египте только 390 девочек.

Кроме вышеисчисленных, собственно мусульманских школ, в этой стране есть еще 152 школы иностранных и разных религиозных обществ, где воспитываются 7.622 мальчика и 4.625 девочек, всего 12.247 человек, из которых только 654 находятся в интернатах.

Таким образом, школ всех категорий в Египте 5.562 и в них учащихся 167.175 человек.

Что до ученых обществ, то их тут два: Египетский Институт в Александрии и Хедиви-

альное Географическое общество в Каире, но оба в упадке. В Каире же существуют весьма интересная для ориенталистов Публичная библиотека, учрежденная Измаил-пашой, и Египетский музей, директор коего, известный ученый, Мариетт-паша, заведывал и археологическими расколками; но с 1879 года все работы этого рода приостановлены за недостатком средств.

Относительно периодических изданий должно заметить, что в Египте издаются 27 газет и журналов, из коих 7 арабских, 1 арабо-турецкий, 1 арабо-французский, 1 арабо-франко-итальянский, 9 французских, 3 греческих и 5 итальянских. Почти все они выходят в Каире и Александрии. Всего печатается номеров: ежедневных газет 238.102, выходящих два раза в неделю 12.293 и еженедельников 34.505.

Таковы-то, вообще, итоги египетского просвещения.

Клочок Египта

Александрийский базар. — Вид на Нильскую равнину. — Характер европейских кварталов и "Place de Consulats". — Обед у хедива. — Веселая процессия. — Каковы здешние квартиры. — Коллекция африканских вещей у господина Менотто. — Гостиная в египетском вкусе. — Споровки здешних продавцов редкостей и древностей. — Александрийские "трущобы". — Альме и их танцы. — "Пчелка". — Мусульманская свадьба. — Отъезд из Александрии. — Озера Абукир и Мариут. — Вид страны и характерные особенности ее пейзажа. — Агрикультура и сельские жилища. — Кладбища. — Одежда жителей. — Как путешествуют гаремные дамы. — Африканская растительность. — Экономическое состояние страны и причины ее финансового упадка. — Железнодорожные порядки. — Древний пресноводный канал. — Пустыня и знойный ветер. — Город Измаилие. — Дача Лессепса на Суэцком канале. — Серапеум. — Соленые

озера. — Корабли океана и корабли пустыни рядом. — Суэц. — Оригинальный обед в русском консульстве. — несколько сведений о Суэце и о русских паломниках. — Провинциальная администрация в Египте и парламентские комедии экс-хедива. — Арабский клуб в Суэце. — Слепой рапсод и ход арабских музыкантов. — Братья-ревуны или гуки и их религиозные радения. — Образчики английского "уважения" к обычаю и праву. — Базар в Суэце. — Общий вид с Суэцкого рейда. — Мое" до свидания" Египту.

Продолжение 16-го июля.

П Из школы "Измаилие" проехали мы на базар арабского города. Воображение мое еще на пути к нему рисовало мне всю роскошь, все краски, все узоры и оригинальное изящество искусных произведений Востока, какие надеялся я встретить на Александрийском базаре, и я уже заранее смирял в себе жажду приобретения предметов искусства и хорошего оружия. Я внутренне приутоплял себя к воздержанию от предстоящих мне соблазнов и думал, что предо мною вот-вот сейчас пред-

станет нечто, по меньшей мере, вроде стамбульского безестена[36]. Но представьте же себе, какое разочарование!.. За весьма и весьма немногими исключениями, здесь не нашлось ровно ничего достойного внимания по своим достоинствам, по старине или по оригинальности вкуса и исполнения. Лавки наполнены европейскими, преимущественно венскими, подделками кальянов и прочих "восточных" вещей (и вдобавок преплохими подделками), да заурядными стамбульскими чубуками и глиняными трубками, немецкими зеленоватыми олеографиями, изображающими, вопреки запрещению Корана, гаремные сцены и полногрудых турчанок, французскими бархатными коврами с шаблонным изображением араба на белом коне и английскими тканями, якобы в "восточном вкусе". Европейская индустрия проникла всюду и на все наложила свои фабричные клейма. Патентованный станок и автоматически работающая машина отовсюду вытеснили человеческую, художнически-производящую руку, а вместе с тем убили и личную идею, личный вкус, личное искусство мастера, душу убили.

То, что прежде ценилось именно как личное и нередко единственное произведение такого-то мастера, теперь встречаете вы в сотнях, тысячах, десятках тысяч фабричных "экземпляров", вышедших из-под одной и той же машины и как две капли воды похожих друг на друга. Распространите вы самую лучшую, самую изящную вещь в бесчисленном множестве экземпляров — и, в конце концов, она вам так намозолит глаза, что смотреть на нее станет противно. Это то же, что заигранный на шарманках прекрасный мотив или что олеография с хорошей картины, какой всякий по дешевой цене может "украсить" свою комнату. Разумеется, что кому нравится, и индустрия в этом случае отвечает только на спрос, вульгаризируя и низводя до всеобщего рыночного равенства и общедоступности аристократизм личного искусства. Каюсь чисто-сердечно, в этом отношении я вовсе не поклонник современной индустрии, и как ни будь хороша олеография, никогда не "украшу" ею моего кабинета. Поэтому мне столь же противны и все европейские издания "в восточном вкусе".

Произведений местного гения, местного искусства, вовсе не нашел я на Александрийском базаре. Тут были сундучки и шкатулки с перламутровыми и иными инкрустациями, но это произведения Индостана; было кое-что из медно-чеканной утвари и кое-какие ковры, но и то и другое доставлено сюда из Персии, из Закавказья, из Туркменских степей, и притом цены на все эти предметы так безобразно дороги, что русскому любителю покупать их здесь нет никакого расчета: в "восточных магазинах" Петербурга и Москвы такие вещи всегда можно достать впятеро дешевле.

А вот чего совсем уже не ожидал я здесь встретить, так это наших русских самоваров, которые в лавках медных изделий целыми рядами красуются на полках, и говорят, что среди туземного населения расходятся они недурно. Обстоятельство это надо приписать тому, что чай, благодаря англичанам, все более и более начинает входить здесь в употребление.

Зашел я также в одну лавчонку *bric-a-brac*, в надежде не выужу ли в ней чего подходящего, но — увы! — нашел только европейскую

подделку (из цинка) древнего оружия в восточном вкусе, а остальное все хлам, не стоящий никакого внимания. Есть здесь также несколько лавчонок, торгующих, между прочим, и египетскими псевдодревностями. Тут найдете вы очень искусно подделанные вещицы из обожженной и необожженной красной и белой глины в форме флакончиков, слезничек, лучерн и маленьких мумиек (последние большей частью облиты голубой поливой), а также бронзовых божков: Изиды, Озириса, Сераписа и прочих.

Как египетские сувениры их можно, конечно, приобрести несколько штук, но, приобретая, отнюдь не следует верить продавцам, которые непременно станут вам клясться, что это все действительно древние вещи, найденные в пирамидах: такие древности превосходно подделывают во Франции и доставляют в Египет для сбыта доверчивым туристам, а глиняные вещицы отчасти производятся и на месте, преимущественно итальянскими лепщиками. Но цены за них запрашивают безобразные, и новички нередко попадают на эту удочку в том убеждении, что ес-

ли дорого, значит — настоящее.

Итак, уехал я с александрийского базара вполне в нем разочарованный, приобретаю лишь несколько фотографических снимков с местных видов и типов; но и это нельзя сказать, чтобы стоило дешево: смотря по величине, от одного до двух франков за снимок. Вообще с приезжего здесь все и повсюду стараются сорвать как можно больше. О добросовестности со стороны продавца забудьте и думать: ее не встретите вы ни в убогих лавчках, ни в блестящих магазинах с зеркальными стеклами; сдерут и надуют везде совершенно одинаково.

В половине четвертого часа дня, когда жара уже несколько спала, захватил я совершенно приличного по внешности гида, "господина Себастопуло", и поехал с ним в открытом фаэтоне прокатиться опять на каналы, а потом по европейским кварталам города, чтобы ознакомиться с ними поближе. Приехали мы на канал рано, когда обычной публики на набережной еще не было, и это дало мне возможность приглядеться несколько к местности, открывающейся из-за деревьев набереж-

ной по ту сторону канала. Местность эта представляет совершенную плоскость как стол, и на ней верст на двадцать в поперечнике разливается мелководное, плоскодонное озеро Мариут, на отмелях которого вдали виднеются, как белые рати, большие стаи всякой водяной птицы: пеликанов, журавлей и цапель, марабу и фламинго.

Горизонт этой местности, благодаря необычайно прозрачному воздуху отодвигается на изумительно громадное расстояние, так что со своего относительно высокого пункта наблюдений вы ясно видите уходящую вдаль полосу Нила и, по уверению гида, можете, если захотите, чуть-чуть различить в серебристой воздушной дымке даже легкий абрис чего-то вроде пирамиды. По крайней мере, мой гид божится, что оно так, и когда я выразил ему сомнение: может ли это быть, не другое ли что-нибудь там виднеется, на том основании, что по прямой (воздушной) линии от Александрии до пирамид считается около ста семидесяти верст, то гид стал не только клясться, что это воистину видна верхушка пирамиды Хеопса и что я могу спра-

виться об этом у кого мне угодно, но даже слегка благородно оскорбился на меня: неужели же подозреваю я, что он, Себастопуло — "знаменитый Себастопуло" — позволит себе так эксплуатировать доверие именитых путешественников и тем подрывать собственную репутацию, которая ему как честному гиду дороже всего на свете, так как он, во-первых, православный христианин (в удостоверение чего даже перекрестился), а во-вторых, имел честь служить в качестве гида принцу такому-то, князю такому-то, герцогу такому-то, лорду такому-то, и пошел, и пошел без конца высчитывать по пальцам и сыпать ослепляющими именами. Надоел он мне, впрочем, жестоким образом своею амбициозностью, а главное поучающим тоном своих объяснений и этим вечным сыпаньем и не кстати титулованными именами, так что я закаялся брать вперед "благородных" гидов, которые при случае надуют вас точно так же, как и "неблагородные", но всегда уже норовят усесться в коляске рядом с вами, вместо того, чтобы лезть на свое место на козлах, и делают это еще с таким видом, как будто не вы

им, а они вам оказывают одолжение. Вскоре подъехали сюда В. С. Кудрин и еще кое-кто из наших, так что я, воспользовавшись этим, поспешил сунуть в руку "благородному Себастьяно" приличный гонорар и отпустил его на все четыре стороны.

Европейские кварталы города или "Новая Александрия" выстроены, что называется, "по плану" и представляют ряды продольных и поперечных проспектов и улиц, прямых и достаточно широких, вымощенных тесанной плитой, нарочно заказанной в Триесте, причем каждый камень (толщиной в 20 сантиметров) обошелся городу в четыре марки. Эти улицы обставлены высокими, преимущественно сероватыми каменными домами в четыре и пять этажей с балконами, фонариками и роскошными подъездами; но, как местную особенность, следует отметить, что у всех этих домов кровли исключительно плоские, нередко с устроенными на них цветниками и навесами вроде балдахин, а на окнах непременно зеленые жалюзи и сверх того иногда маркизы или полосатые длинные шторы. Нижние этажи представляют почти

непрерывные ряды вывесок и магазинов с зеркальными стеклами, за которыми выставлены всевозможные европейские товары. Местами и уголками этот город отчасти напоминает нашу Одессу, да и в характере его подвижной, кипучей деятельности и разноплеменной толпы тоже есть нечто схожее с ней: некоторые улицы обсажены аллеями деревьев, преимущественно белой акацией, что также дает им сходство с Одессой. Местами, вместо изгородей, попадаются заросли громадных местных кактусов и алоэ; местами, из-за белых глинобитных заборов, гибкие пальмы слегка склоняют над улицей свои кроны; плющи, виноград и павой кое-где ползут по стенам и верхам заборов. Там и сям встречаются небольшие площадки, украшенные маленькими скверами с вечно зелеными тропическими растениями, красивыми клумбами, на которых пестреют роскошные душистые цветы. В сквере непременно устроен бассейн или бьет фонтан, освежая воздух и листву соседних с ним деревьев. На площади Консульства устроен обширный бульвар и сквер с такими же цветниками, чугунными решет-

ками и мраморными скамейками. Там, по середине сквера, возвышается на красивом пьедестале бронзовая статуя Мехмед-Али в натуральную величину, а рядом с нею, в красивом открытом киоске, ежедневно с пяти до девяти часов вечера играет оркестр военной музыки. Площадь обстроена прекрасными многоэтажными домами, где сосредоточены банкирские конторы, лучшие магазины, гостиницы и рестораны. Это самое бойкое место европейской части города, всегда, кроме "мертвых часов", полное народом, а в особенности по вечерам, во время музыки, когда на площадь Консульства стекается подышать воздухом почти все местное европейское население. Вечером обыкновенно в полную силу пускаются фонтаны, весь город освещается газом, и тогда на бульваре действительно очень приятно бывает и отдохнуть и прогуляться под звуки оффенбаховских и лекоковских мотивов, наигрываемых чистокровными арабами (что делать, оффенбаховщина проникла и к арабам, на то и цивилизация!); но ваш отдых, к сожалению, ежеминутно отравляется назойливыми приставаниями

нищих и разных мальчишек и девчонок, требующих с вас за что-то бакшиш, а еще более — теми подозрительными личностями в потертых пиджаках, которые таинственным полусшепотом предлагают вам свое содействие к интересному знакомству с "одной дамой из гарема" или с "unaprincessa di Torino".

С нашей прогулкой по городу мы чуть было не опоздали на обед к хедиву, впрочем, в силу совершенно случайных и мало зависящих от нас обстоятельств.

Вернулись мы домой в пору, то есть как раз настолько, чтоб успеть переодеться во фраки и ехать. Но тут-то вот и случился непредвиденный казус: у некоторых из нас, в том числе и у меня, не оказалось светлых лайковых перчаток. Товар, казалось бы, такой, что можно смело рассчитывать достать его в любом городе, но не тут-то было: светлых перчаток (можно ли этому поверить!) во всей Александрии не нашлось ни одной пары. Хватились мы о них уже тогда, когда стали одеваться, и, кликнув отдельного комиссионера, поскорее послали его в магазин принести нам несколь-

ко пар на выбор. Через четверть часа комиссионер вернулся и объяснил, что обегал все лучшие магазины, но светлых мужских перчаток не нашел ни в одном. Вот-те и на! Что тут делать!? Те перчатки, что были на нас при первом визите к хедиву, уже позапачкались, а без перчаток неудобно. Как же быть?!

— Вот-те и Александрия!.. А еще столицей называется! — досадливо издевался мой сожитель. — Это бы в Петербурге у нас не найти лайковых перчаток! Скажите пожалуйста!.. Да не то что в Петербурге, а в каждом захолустье, в Бежецке, в каком-нибудь Весьегонске и то, наверно, отыщете, а тут, на-ко! "мировой город!"..

Но вывел наших затруднения А. П. Новосильский, сразу разрубивший Гордиев узел.

— О чем вы сокрушаетесь! — пожал он плечами. — Офицерские-то ваши перчатки, замшевые, есть у вас? Ну так и надевайте их, с Богом! Кто там станет еще разглядывать, какие они такие, лишь бы на руках белело!

И точно: послушались мы доброго совета, и дело сошло отлично.

Обед был назначен в половине седьмого, и

мы выехали из дому впору, но тут случилось новое приключение; наше ландо значительно отстало от других экипажей, и дурень арабаджи, вероятно, новичок в своем деле, повез нас совсем не теми улицами, какими следовало. Колесил, колесил он по каким-то кривым и косым переулкам арабского города и, наконец, вместо Расельтинского дворца привез нас в коммерческий порт, где мы чуть было и совсем не застряли, так как порт отделен от остального города сплошной стеной, в которой только двое ворот, обыкновенно запираемых на ночь, начиная с шести часов вечера. Одни из ворот были уже заперты, и мы так в них и уткнулись, но, к счастью, арабаджи догадался повернуть поскорее назад, чтоб успеть выскочить вон из порта, пока другие ворота еще отперты. Мы еле-еле успели подъехать к ним как раз в тот момент, когда таможенные досмотрщики совсем уже смыкали их створы. Тут новая история: досмотрщики не хотят пропускать арабаджи, торгуются с ним, ругаются, галдят, намереваются чинить у нас обыск и настойчиво требуют бакшиш за пропуск. Пришлось выбросить им сколько-то

мелкого серебра, и то слава Богу, хоть этим отделались!.. Но тут опять беда: арабаджи решительно не знает, куда ехать.

— Рас-эль-Тин... Рас-эль-Тин-хедив!.. — внушаем мы ему настолько вразумительно, насколько могут внушать люди, ни слова не говорящие по-арабски.

— Рас-эль-Тин, Рас-эль-Тин... Эге, Рас-эль-Тин! — бессмысленно повторяет в ответ нам извозчик и продолжает без толку плутать по косым и кривым переулкам.

Мы уже совсем было отчаялись попасть на обед к хедиву, из-за чего, без сомнения, вышла бы большая неловкость, но, к счастью, повстречались нам на дороге двое египетских офицеров. Россель, стремительно ухватясь за вожжи, остановил лошадей и с помощью английского языка обратился к ним с просьбой растолковать извозчику дорогу. Слава Богу, те уразумели, наконец, в чем дело и направили нашего возницу на путь истинный. Он погнал лошадей, и мы успели во дворец как раз в последний момент перед выходом хедива. Еще одна минута, и было бы уже поздно.

Кроме С. С. Лесовского с супругой и его

штаба, к обеду были приглашены еще И. М. Лекс и члены местной русской колонии с их дамами, а также высшие чины египетского морского ведомства. Обеденный стол был накрыт в небольшой зале, освещенной по углам четырьмя громадными хрустальными канделябрами с целыми клубами свечных огней, а по середине — большой люстрой, унизанной разноцветными хрустальными подвесками, которые светились и играли миллионами искр, как самоцветные камни. Но более всего в этой комнате замечателен ее пол из какого-то темного дерева с деревянными же инкрустациями: полировка шашек доведена до такого совершенства, что мы сначала приняли было его за яшмовый. Стол был сервирован по-европейски и притом с большою роскошью. На нем красовались серебряные группы, хрустальные плато, наполненные прекрасными фруктами, японские вазы под массивными букетами прелестных и редких цветов. Хрусталь, фарфор и серебро — все это было представлено с большим артистическим вкусом.

Хедив, на котором были надеты русские

ордена, вел к столу Екатерину Владимировну, а С. С. Лесовский жену доктора Шписса, состоящего при нашем консульстве. Затем тут были еще две-три русские дамы. В состав меню изобильного и длинного обеда входили все деликатесы, какими только могут похвастаться фауна и флора Египта, так что обед этот, приготовленный мастером кулинарного искусства, носил, если хотите, чисто местный характер. Дрессировка прислуги замечательная: все ее дело около стола совершалось в величайшей тишине и отменном порядке, ловко, быстро, предупредительно. В начале и в конце обеда музыкальный хор гвардейских зуавов, поставленный во дворе под окнами столовой, исполнял русский народный гимн, который повторялся потом и в момент нашего отъезда. Словом, хедив задал нам обед на славу и до конца был самым любезным и внимательным хозяином.

На обратном пути, едучи по арабскому городу, нагнали мы какую-то веселую процессию, которая на несколько секунд задержала наше движение. Толпа мужчин и мальчиков шла с фонарями и свечами, напевая веселую

песню под аккомпанемент арабской музыки: скрипок, торбанов, дудок, треугольников, тарелок и бубнов. Впереди несли какой-то круглый поднос или лоток, покрытый большим и высоким прозрачным колпаком из розового тюля с длинными ниспадающими концами. Под колпаком горели на подносе маленькие свечи и лежали букеты цветов, разные сласти и какие-то подарочные вещи. Сколь ни объясняли мы нашему арабаджи, что надо остановиться (очень уж хотелось посмотреть, что это за процессия), но он, к сожалению, не догадался о значении обращенных к нему экспликаций и на требование о том Росселя, выраженное жестом, вынул из кармана и подал ему бумагу для свертывания папирос, а сам погнал лошадей далее. Так мы и не узнали, в чем тут дело, но, по-видимому, это было что-нибудь вроде перенесения свадебных подарков.

17-го июля.

Утро прошло в хлопотах по случаю завтрашнего отъезда, да в упаковке моего смирского ковра, а затем я сидел в канцелярии нашего консула и забирал кое-какие нужные

мне сведения и цифры. В шестом часу дня я отправился вместе с И. М. Лексом обедать к Менотто, нашему драгоману из местных левантийских уроженцев. Живет он прекрасно: великолепная квартира в бельэтаже одного из хороших каменных домов со всеми европейскими удобствами. Славно здесь устраиваются в частных домах квартиры: везде высокие потолки, просторные комнаты, много воздуха, много света, не то что наши петербургские стойла вместо комнат в домах новейшей конструкции. Наши только и щеголяют лестницей с газом и швейцаром, а что до помещений, то из здешней одной комнаты петербургский домохозяин ухитрился бы, пожалуй, выкроить целую квартиру о трех комнатах с прихожей и кухней и драл бы за нее с жильца рублей шестьсот в год, по крайней мере, тогда как здесь целая квартира, настоящая, что называется, "барская" квартира, идет в год за полторы-две тысячи франков.

Сам Менотто — замечательная личность. Прежде всего, это лингвист из ряду вон, и, право, затруднительно было бы сказать, какой язык должно считать его природным, так

как он в одинаковом совершенстве владеет русским, греческим, итальянским, французским, английским, немецким, арабским, турецким, коптским, армянским да, кроме того, свободно понимает и может объясниться по-сербски и по-болгарски, так что в этом отношении Менотто для нашего консульства просто золотой человек. Это довольно видный мужчина пожилых лет с седовато-русой бородой и выразительными светлыми глазами. Единственная его слабость, впрочем, совершенно невинная, это ордена, ленточки и отличия (больше орденов, как можно больше!), которыми он очень любит украшать свою грудь, а еще больше говорить о них и не только о своих, полученных им лично, но вообще об орденах, какие они бывают на свете, чем отличаются, какие права с собой соединяют, какие у них степени, ленты, наружный вид и тому подобное. И право же, это такой милый сам по себе человек, что если б от меня зависело, я бы с удовольствием навесил на него все ордена сего мира: носи себе, батюшка, на здоровье! Кроме того, это человек с порядочным артистическим вкусом: он собрал себе

небольшую, но хорошую коллекцию картин и неподдельных египетских древностей, между которыми есть несколько замечательных скарабей[37] в виде разных жуков и букашек из яшмы, лапис-лазури и других камней, представляющих очень изящное и полное подражание натуральными формами этих насекомых, а в кабинете, над широкой оттоманкой висит у него большой щит с эффектно развешанной на нем коллекцией оружия разных диких африканских племен. Тут у него и мечи, и кинжалы, и булавы, и ассагаи[38] на тонких дротиках, и стрелы отравленные, и круглый щит из шкуры носорога, — все это очень оригинально и вполне достойно внимания любителя.

Остаток вечера провели мы на террасе "Райского кафе", наслаждаясь звуками венской музыки и шумом морского прибоя.

18-го июля.

Отъезд наш отложен еще на одни сутки. Я этому и рад, с одной стороны, а с другой — выходит очень досадно: знай я вчера утром, что так случится, укатил бы себе в Каир и вернулся бы сегодня к ночи, а теперь придется отло-

жить поездку туда до возвращения с Тихого океана, а может и навсегда... Ну, нечего делать!

Сегодня И. М. Леке уезжает на несколько дней в Константинополь. Мы собрались позавтракать у Геннадия Гавриловича Шпигельберга, где я имел случай вдосталь налюбоваться на изящную обстановку его гостиной, составленную исключительно из произведений местного искусства и местной промышленности. Майолика, медночеканная утварь, паласовые толстые ткани на мебели и на портьерах, ковры, настольные салфетки, надкаминная рама вокруг зеркала из поливчатого мозаичного кафеля, резные шкафики и мушараби — эти прелестные ажурные ширмы с полочками и выдающимися шкафчиками-фонариками, как это все хорошо, как оригинально, а главное, как все изящно и чуждо общеевропейскому шаблону, столь мозолящему глаза везде и повсюду!..

Проводив И. М. Лекса, пошли мы с Г. Г. Шпигельбергом смотреть и торговать настоящие египетские древности у продавца "с репутацией". Но при этом надо заметить, что и

у репутированных продавцов бывает, что называется, "со всячинкой", и вам очень легко могут сбыть подделку за настоящую вещь, если вы не сумеете их отличить, тем более, что французские подделки здешних вещей иногда достигают совершенства. На этот раз, впрочем, я не гнался исключительно за подлинностью, а просто желал приобрести себе несколько вещей в античном роде на память об Египте. На личное свое знание дела, конечно, я не мог полагаться, и потому такой опытный руководитель как Г. Г. Шпигельберг был для меня сущим кладом. Век живи, век учись — так и в этом деле. Надо, например, знать, как торговаться, ибо на это существует здесь своя особая система. Здешний купец, торгующий "редкостями", или вообще местными произведениями "для любителей", все равно будет ли он араб, армянин, еврей или левантинец, никогда не скажет вам сразу настоящую цену вещи, а всегда заломит вдесятеро. Нужно давать ему нечто вроде $1/10$ того, что он запросил и тогда можете рассчитывать, что при некоторой дальнейшей надбавки с вашей стороны он вам спустит, и вы

сторгуетесь на средней цене окончательно. Нечего слушаться, если при этом по первому вашему слову он выпучит на вас изумленные глаза и покажет вид, будто даже возмущен несообразностью предлагаемой цены: все это не более как известные маневры и штуки, которыми он пытается озадачить вас и сконфузить: "Как, мол, не совестно давать такую ничтожную, цену за такую дивную вещь! Это надо не иметь никакого понятия о деле, или же нарочно посмеяться над честным купцом! После этого, мол, ни показывать, ни разговаривать с вами больше не стоит!" Если вы после такого маневра повернетесь и равнодушно станете уходить из лавки, он, наверное, остановит вас, попросит вернуться и начнет божиться, что вещица стоит даже больше тех денег, какие он запросил, но что уж, так и быть, ради плохих времен и застоя в торговле, готов уступить вам сколько лишь возможно и при этом сделает первую маленькую сбавку. Но если вы имели неосторожность предложить ему половину или, хуже того, две трети, а еще хуже — три четверти запрошенной им цены, то можете быть уверены, что

ни за что не спустит вам ни одной копейки. Почему так? А очень просто: из вашего предложения он сразу увидит, что вы новичок, настоящей цены не знаете, и думает себе: "Коли ты дашь мне столько, то не сегодня-завтра дашь и всю цену, какую я с тебя заломил, если уж больно хочется купить тебе именно эту вещицу". И в этом своем расчете купец почти никогда не прогадывает. Он рассуждает так, что товар его не портится и есть-пить не просит, а потому сбыть его за то, чего он действительно стоит, всегда возможно, если же судьба посылает ему новичка, то этим надо пользоваться вовсю и драть с него как можно больше. Таким образом в наихудшем случае купец не в убытке, а в наилучшем — сразу наживает тысячу на сто. Проверить это я мог и на своем собственном опыте. В тот самый магазинчик, куда пришли мы теперь с Геннадием Гавриловичем, случайно заходил я еще вчера сам и наметил себе пять вещиц, в числе которых была одна премилая бронзовая мумийка, да, наметив, имел еще неосторожность поторговаться за них с продавцом, но в цене мы не сошлись: он просил пятьдесят

франков, я давал сорок. Сегодня же, когда мой спутник спросил о цене этой самой мумийки, то купец, очевидно, узнав меня в лицо и сообщая, что я опять пожаловал к нему именно за ней, заломил вдруг пятьдесят франков за нее одну, тогда как вчера сам предлагал ее в этой цене вместе с четырьмя другими. Это мне показалось курьезно, и я спросил его: что же стоят остальные.

— Все вместе двести пятьдесят франков, — ответил он с невозмутимым видом.

— Но ведь вчера вы сами назначили на них за все пятьдесят?

— Двести пятьдесят франков и ни копейки менее, — повторил он таким тоном, который очевидно делал бесполезными все дальнейшие попытки сторговаться. Оставалось только пожелать ему тароватого покупателя и уйти из магазина.

— И вот сегодня же, — заметил мой спутник, — зайди к нему человек, который за эту самую мумийку предложит ему пять франков, он отдаст ему наверное, потому что больше она и не стоит.

Опытный покупатель обыкновенно делает

так, что зайдет в лавку сегодня, зайдет завтра и послезавтра, затем пообождет несколько дней и снова зайдет, но покупать не покупает, а только все критикует да хает предлагаемые ему вещи. Но хаять надо умеючи, с толком, потому что купец по вашей критике смекает про себя: серьезно ли вы понимаете дело, или так только, зря, товар его бракуете. Поэтому все старания его направлены к тому, чтобы раскусить вас, какой вы покупатель, знаток или просто себе любитель. Ради этого, с каждым вашим заходом, угощая вас кофеем, водой и папиросами, он постепенно показывает вам вещи более и более хороших качеств, расхваливая их напропалую, но самые лучшие все еще таит, и только когда, наконец, убедится, что вы действительно знаете толк, решается показать вам "настоящее дело", но делает это с таким видом, как словно бы хочет сказать: "Ну, уж, на, черт возьми! Тебя, как видно, не надуешь!" — И тут уже торг кончается в несколько минут, коль скоро вы даете настоящую цену.

Выйдя ни с чем от упрямого продавца, мы, однако, добыли то, чего мне хотелось в дру-

гой лавочке, по соседству, и добыли очень сходно и очень скоро, благодаря единственно уменью моего спутника торговаться и опытному знанию нужных при этом приемов. Затем предположили мы с ним отправиться подышать воздухом да заодно и пообедать в Рампе — местечке по линии Розетта-Александрийской железной дороги, наполненном садами и дачами на берегу моря, — но, к сожалению, опоздали на поезд, и пришлось, взамен того, пообедать в баре "Египет", ближайшем к станции ресторане.

После обеда, простившись с Г. Шипигельбергом, едва я вернулся домой, как узнаю, что несколько из моих спутников предполагают совершить интересную экскурсию в арабскую часть города, где один из навязавшихся нам гидов, полячек, говорящий, между прочим, по-русски, обещал показать пляску альмей, или так называемых гаваца. Очевидно, нам предстояло отправиться куда-то вроде александрийских трущоб, — но что же! — тем интереснее, и я, конечно, немедленно же присоединился к компании.

Отправились мы пешком, под предводи-

тельством гида, который вскоре повел нас по каким-то узким, кривым и вонючим переулкам, где уже не было ни триестинской мостовой, ни газового освещения, а только изредка мерцал кое-где масляный фонарь, подвешенный на протянутой через улицу веревке. Встречные мусульмане оглядывали нас как-то подозрительно. Кое-где под заборами или на порогах домов лежали бездомные бедуины и феллахи, завернувшись в лохмотья своих бурнусов и положив голову на камень или на нижнюю ступеньку лестницы. Это были всегдашние места их ночлегов рядом с бездомными собаками. В одной мелочной жидовской лавочке шла еще какая-то торговля при сальной свечке, но в соседних закоулках было совсем уже темно и тихо. На углу одного из таковых наш гид, наконец, остановился перед одностворчатой дверью и брякнул в железное кольцо. Ответа нет. Он брякнул еще сильнее, и на этот раз послышался сверху вялый старушечий оклик, а затем шарканье спускающихся по лестнице шагов, и наконец дверь слегка приотворилась. В образовавшуюся щелку пошли какие-то таинственные пе-

решептывания и переговоры между гидом и кем-то невидимым, а мы стоим и дожидаемся.

— Послушай, черт тебя возьми, куда ты, однако, привел нас?

— Але ж в самое тое место, куда вы хотите.

— Да ты не врешь ли?

— И, Боже ж мой, зачем врать!.. Помилуйте, я же тутай с шесцьдесент третьего року болтаюсь и, могу сказать, знаю всю Александрийку этую досконально.

— Да тут ведь чего доброго и зарежут?

— Не, по малку можно... Зачем резать!.. Народ тихий, благородный, кобеты.

— Так чего ж они не впускают?

— А то ж зараз, зараз, Панове.

И опять пошли перешептываться.

Наконец, дверь совсем растворилась, и мы через высокий порог вступили в совершенно темные сени. Полячек чиркнул восковую спичку и осветил пред нами узкую и крутую деревянную лестницу, по которой мы поднялись во второй этаж и затем очутились в небольшой комнате с глинобитными стенами и таким же полом, на котором был разо-

стлан стоптанный ковер. В стенах поделаны были вроде печурок небольшие ниши, и в одной из них стоял глиняный чирак, налитый кокосовым маслом. Горящий фитиль, ссученный из хлопчатой бумаги, освещал неровным, колеблющимся светом и наполнял копотью это трущобное логово.

Ни сесть, ни примоститься некуда.

Вслед за нами вошла в каких-то болтающихся лохмотьях длинная и тощая старуха с темно-бронзовым лицом и курчавыми седыми патлами волос, выбивавшимися из-под черного платка, повязанного на ней чалмой, — суцая ведьма цыганского типа, — вошла и, бормоча что-то про себя, неторопливо стала заправлять сальные свечи в глиняные подсвечники, а потом притащила несколько засаленных подушек и бросила их у стены на пол, предложив нам садиться. Но внешность их была так сомнительна, что никто из нас не решился присесть на них, и потому гид распорядился притащить откуда-то табурет да три гнутые стула.

— Что же, однако, дальше-то будет? — спрашиваем у него.

— А вот, зараз кобеты танчить будут.

— Да где же эти кобеты?

— Тутай, поховались трошку, зараз выйдут. Но только, господа, вот что: эта почтенная старушка наперед деньги требует, то треба дать ей, такой уж порядок.

— Сколько же дать-то?

— Двадцать франков, по меджидие на каждую балетницу.

Дали. Но старуха недовольна и продолжает торговаться, говоря, что это только четверем танцоркам, а самой ей ничего не приходится, тогда как она-то и есть главное лицо, певица и музыкантша, и стало быть один меджидие надо прибавить и на ее сиротскую долю. Прибавили.

Пересчитав деньги, ведьма завязала их в какую-то тряпицу и опустила к себе за пазуху, затем зажгла сальные свечи и вышла в сени позвать танцовщиц. Вместе с ней проскользнул туда же и наш полячек без сомнения затем, чтобы тут же получить с нее следуемый на его долю "куртаж" из наших денег за привод гостей. Через минуту из темных сеней появились четыре девушки в прозрачных гре-

надиновых сорочках, затканых в узкую полосу золотой нитью, с длинными широкими рукавами и в широких ситцевых шальварах розового цвета. Длинные шерстяные шарфы, в красную с желтым полосу, охватывали им бедра, а курточки-безрукавки, заменявшие лиф, стягивали на застежке их груди. На шее болтались у них разные бусы, кораллы и монеты, в волосах тоже сверкало ожерелье из мелких монет, только не настоящих, на руках серебряные браслеты и намотанные четки. Две девушки были в алых фесках, а другие две оставались с непокрытыми волосами, заплетенными в мелкие косицы. Все они сохранили еще некоторую свежесть молодости, хотя имели уже лет около двадцати от роду (что для Египта далеко не юность), и могли бы, пожалуй, назваться недурными собой, если бы черты их были менее резки и грубы и не безобразились вдобавок продетым сквозь ноздри серебряным кольцом, на котором болталось несколько мелких сережек. Одни глаза, глубокие и несколько дикие, горели, как угли, из-под длинных ресниц и были действительно прекрасны да ровный ряд зубов сверкал

изумительной белизной, когда их крупные, сладострастно очерченные губы раскрывались для улыбки. Все эти особы были несомненно цыганского происхождения, хотя и выдавали себя за чистокровных арабов.

— От-то панна Айше, рекомендую, а та мадемуазель Фатьме; она же зараз имеет нам "бджолку" станчить, — развязно заявлял наш путеводитель, потирая руки. Он, видимо, желал показать, что здесь он совсем свой человек, старый приятель.

Между тем старуха уселась на полу, приклонясь спиной к дверям и, предварительно всласть наглотавшись отравленного гашишом дыма из убогого кальяна, приказала одной из девушек подать себе музыкальный инструмент, состоявший из обыкновенного муравленного горшка, на который туго была натянута бечевками барабанная шкура. Айше в то же время сняла со стены инструмент вроде скрипки, называемый рабаба и состоящий из плоского четырехугольного ящика с приделанным к нему грифом. На рабабу натягивается только одна струна, из которой извлекают звуки посредством согнутого в дугу смыч-

ка самого первобытного устройства. Усевшись рядом со старухой, Айше уперла рабабу в левое колено и приготовилась действовать. Фатьме вышла на середину комнаты и, приподняв на воздух обе руки, стала в позитурку, а две остальные девушки уселись рядом несколько в стороне на подушках.

Старуха подала сигнал, ударив костлявыми пальцами по барабану, и вот послышалось в комнате слабое жужжанье, напоминающее звук пчелиного полета: оно то усиливалось, то ослабевало, как будто пчелка приближалась и кружилась около вас и затем отлетала прочь в другую сторону и снова приближалась, рея где-то над самым ухом. Этот однообразный звук извлекала Айше из своей рабабы, тогда как старуха аккомпанировала ему медлительным перебоем на барабане, на котором она играла просто пальцами, уткнув его к себе в угловатые колена. Две остальные девушки отбивали медленный такт в ладоши, а Фатьме с первым звуком пчелки приняла вид и позу, будто прислушивается к ее жужжанию, затем подняла голову, уловила взглядом ее полет и стала следить за нею глазами.

Вот пчелка приближается к девушке, вьется и кружится около нее, девушка от нее отклоняется, отбегает несколько в сторону, слегка отмахивается, но пчелка продолжает настойчиво атаковать ее. Вот она запуталась в ее волосах, девушка быстро распускает свои кудри и встряхивает ими, чтобы сбросить пчелку. После этого кудри остаются уже распущенными.

Надо заметить, что вся эта пантомима сопровождается и танцем, впрочем, кроме движений рук и разных поз, состоит исключительно в том, что танцовщица время от времени поводит плечами и крутит бедрами, выказывая тем пластичность форм и гибкость своего стана.

Пчелка меж тем, отлетев на некоторое время в сторону, о чем свидетельствует все более и более ослабевающий звук ее плета, начинает понемногу снова приближаться к девушке. Увертываясь от ее нападений, последняя растягивает свою курточку-безрукавку, снимает ее с себя и начинает ею отмахиваться, но это не помогает, и курточка с досадой швыряется в сторону.

Тогда наступает очередь пояса-шарфа. Тан-

танцовщица распускает его на себе и разматывает, кружась на одном месте. При этом шальвары ее падают сами собой. Ловким движением ступней она освобождает от них свои щиколотки, отбрасывает их ногой в сторону и остается перед зрителями в одной прозрачной сорочке, с шарфом в руках, который теперь обращается для нее в средство защиты от пчелки. Затем следуют несколько ловких, гибких и довольно красивых поз и движений с вьющимися вокруг нее в воздухе шарфом. Руки танцовщицы и ноги ее выше щиколоток охватывались браслетами с нанизанными на них серебряными погремушками, которые гроыхали при каждом движении. Мне так и вспомнились Еврейские мелодии Мея:

С смуглых плеч моих покров ночной скользит,
Жжет нога моя холодный мрамор плит,
С черных кос моих струится аромат,
На руках запястья ценные бренчат.

Пчелка меж тем не отстает: напротив, все

назойливее продолжает свои нападения, так что девушка доведена ею наконец до истомы; она уже отказывается от борьбы и, как бы обессиленная, в отчаянии опускает руки. Шарф тихо выскользывает из них, упавая к ее ногам, и она некоторое время стоит неподвижно, озираясь, словно дикая степная кобылицы, впервые укрощенная уздой; лишь взволнованная грудь ее медленно колеблется глубокими вздохами.

Этого-то момента неподвижности только и ждал нападающий неприятель.

Вдруг раздался резкий и короткий взвизг рабабы. Девушка испуганно вздрогнула всем телом и нервно в один миг сорвала с себя последний свой покров и закружилась в какой-то дикой, отчаянной пляске. Пчелка ее ужалила.

Вместе с визгом рабабы вдруг изменились и такт ударов барабана, и хлопанье в ладоши: они все учащались и учащались, сопровождаясь в лад возгласами "гай-вай"... гай-вай!.. Сообразно с этим и пляска становилась все нервнее и быстрее. Фатьме порывисто металась из стороны в сторону, извиваясь все те-

лом, так что у нас в глазах только сверкали ее ожерелья да мелькали резкие, как бы металлические блики на бронзово-смуглых плечах. Взмахи голых рук и кудрявой головы, заволокнутый взор и улыбка со стиснутыми зубами, и трепетание персей, все это выражало какое-то безумно-исступленное сладострастие и алкание... И вот она вдруг упала на ковер и неподвижно распростерлась в вызывающей позе. Этим и окончился танец.

Он груб, но характерен и вполне выражает то, что хочет выразить. Зато следующий, в котором приняли участие все четыре донага раздетые танцовщицы, был только циничен. В нем нет ровно ничего выразительного, а просто какое-то бессмысленное толчение ногами на месте, в прискокку, сопровождаемое ударами в ладоши, и мне сдается, что этот последний танец совсем не есть что-либо национальное, а скорее составляет специальный продукт портового города, чтобы потрафлять на вкусы пьяных европейских матросов.

Мы ушли из этого вертепа задолго до окончания второго танца и, следуя по тихим улицам арабского города, неожиданно попали на

мусульманскую свадьбу.

Случилось это таким образом.

Идем мы по какому-то переулку и вдруг видим, что он во всю ширину свою прегражден завесой из больших ковров и полотнищ палатки. Но наш полячек, ничтоже сумняся, приподнял край ковра и пригласил нас проходить, не стесняясь.

— Это куда еще?!

— Ни докуда, господа, ни докуда; проходите просто.

Мы очутились в зале или гостиной (как хотите) импровизированной среди самой улицы. Точно такие же ковровые завесы преграждали ее и с другой стороны, и вся площадка в огороженном пространстве была покрыта коврами. Большая люстра с хрустальными подвесками висела посредине на веревке, протянутой через улицу, и довольно ярко освещала всю залу. У стен противоположных домов, тоже покрытых коврами, набросаны были подушки и вальки для сидения. Ряды мусульманских гостей, исключительно мужчины, степенно и молчаливо сидели друг против друга, поджав под себя ноги.

Пред ними, на круглых медных подносах, стояли разные угощения: жареные пирожки и пышки, рахат-лукум и орехи, изюм и фисташки, виноград, бананы и персики. Там и сям дымилось несколько кальянов и трубок с длинными чубуками, упертых в ковер на маленькие медные тарелочки.

Видя, что попали куда-то не туда, мы переглянулись между собой и уже решили было ретироваться, как вдруг подошел к нам почтенной наружности пожилой араб и с любезными поклонами предложил занять место на подушках. Отказаться от такого гостеприимства, очевидно, было бы крайне неловко, и мы, волей-неволей, очутились вдруг гостями неизвестного нам хозяина. Положение довольно глупое. Нам тотчас же подали по чашке кофе и каждого окурили ладаном, а затем предложили кальян и трубки.

Теперь, пуская струи дыма, можно было не на скорую руку оглядеться вокруг и заметить некоторые детали. В левом углу между завесой и входною дверью стояла большая медная жаровня, на которой грелись металлические кофейники; здесь суежилась прислуга,

кафеджи и чубукчи, наблюдавшие за тем, чтобы гости не оставались без кофе и трубок. Посредине залы, на особой подушке, восседал певец и сказочник с торбаном в руках и задумчиво перебирал пальцами по струнам, извлекая тихие, мелодичные звуки. На самом почетном месте, между женихом и хозяином дома, который, оказалось, справлял теперь свадьбу своего сына, сидел, как бы согнувшись под тяжестью большой белой чалмы, почтенный подслеповатый старичок с трясущейся бородкой. Он изображал собою невесту, то есть в качестве ее старейшего родственника, служил ее представителем, так как по мусульманскому обычаю, невеста не может присутствовать в обществе мужчин и занимается в это время приемом гостей-женидин у себя, на особой половине. Этот старичок играл роль невесты и пред кадием, во время самого обряда бракосочетания, отвечая за нее на вопросы, требуемые законом и подписывая, по доверенности, условия брачного контракта.

Гости состояли из родственников и друзей дома жениха и невесты и из посторонних,

знакомых и незнакомых, подобно нам, случайно попавших на свадьбу. Несколько таких прохожих завернуло сюда и при нас. Хозяин, не различая их возраста и состояния, неизменно вставал пред каждым навстречу, кланялся, приложив руку к сердцу и предлагал честь и место, а прислуга тотчас же подавала гостю кофе, трубку и окуривала его ладаном, причем гость, зажмурив глаза, с видом величайшего наслаждения подставлял под волны ароматного дыма свою бороду и затем, схватясь за нее обеими руками, кланялся и благодарил хозяина. Все это следовало бы сделать и нам, но — увы! — мы не знали обычая и потому добрый хозяин, вероятно, извинил нам наше "фернгистанское невежество".

Трубка была выкурена и чашка кофе выпита. Нам уже собирались предложить по второй, но инстинкт, на сей раз довольно верный, подсказал нам, что пора откланяться, и мы немедленно исполнили это. Хозяин, встав с места, любезно пожал нам руки, а прислуга, уже у самого выхода, окропила нас розовой водой из красивой медной лоханочки. Кропилом служил пучок тамариска, перевязанный

лентой.

19-го июля.

В семь часов утра мы отправились из отеля на станцию железной дороги, чтобы ехать в Суэц, где должны были пересесть на почтово-пассажирский пароход компании Messageries Maritimes.

Опять эти несносные хамалы и их наглые приставанья!.. Вы не успели еще подкатить к подъезду станции, как они уже гурьбой кидаются на ваш экипаж, причем более ловкие кулаками отстраняют своих товарищей, вскакивают с обеих сторон на подножки коляски и быстро цапают что попало под руку из вашего багажа, чтобы перенести его на вокзал, даже не спрашивая вас, нуждается ли вы в этой услуге. Но чуть коляска остановилась, на этих ловкачей накидываются другие хамалы, пытаясь вырвать у них тот или другой сак, что нередко им и удается, и таким образом ваши дорожные вещи вдруг оказываются у трех, четырех носильщиков, причем из-за них между хамалами нередко дело доходит до кулачного боя. За ними нужен глаз да глаз, потому что один рвет у другого, другой у тре-

тъяго, кончая общею потасовкой, среди которой, при малейшей вашей оплошности, сейчас же что-нибудь из ваших вещей будет утащено. Они, кажется, нарочно с этой целью и устраивают свои потасовки. Это какое-то мажурничество, за которым, к удивлению, местная полиция вовсе не наблюдает. Да добро бы мошенничали одни хамалы, а то от них не отстают, при случае, даже и консульские кавасы. Так было с нами: для пущей распорядительности русское консульство снабдило нас своим кавасом, по происхождению греком, который, сдав приемщикам общий наш багаж, потребовал с нас, якобы в уплату за него в кассу, четыреста франков. Некоторые из нас, еще не зная, что под общий наш багаж сразу взято целое отделение багажного вагона, уже раскошелились было платить, но приостановились только ввиду вопроса: кому, однако, и по сколько платить придется? Потребовали у каваса квитанции или какой-нибудь записки о числе принятых мест и их весе, но он возразил, что без денег никакой записки не выдадут, надо-де сначала все взвесить.

— Но в таком случае, почему же вы знаете, что это будет стоить именно четыреста франков?

— Так... мне так кажется.

Тогда А. П. Новосильский, решив, что расплатится один за всех (потом-де разочтемся), приказал кавасу вести себя к багажной кассе. Тот сейчас же смутился и стал извиняться, уверяя, что он ошибся, что за багаж с нас собственно ничего не требуется, так как плата за целое отделение багажного вагона уже внесена одним из наших спутников (Н. Н. Россе-лем), но что он позабыл второпях об этом обстоятельстве и просит великодушно простить ему. Очевидно, расчет был на то, что за суетой и по неопытности, а в особенности по грансиньорству (здесь, сказать мимоходом, почему-то ужасно рассчитывают на грансиньорство русских) ему отсчитают четыреста франков по одному лишь его голословному заявлению и не потрудятся даже лично справиться, точно ли употребил он их на то, на что спрашивал. Вероятно, проделка эта ему уже не раз удавалась с нашими соотечественниками.

В это время приехал Тонино-бей, нарочно присланный хедивом пожелать от его имени С. С. Лесовскому счастливого пути и сообщить, что хедив приказал приготовить для нас отдельный вагон 1-го класса. Адмирал просил его передать хедиву нашу признательность за все любезное внимание, оказанное нам его высочеством и выразил, что мы уносим из Александрии наилучшие впечатления как о самом хедиве, так и о лицах его двора и министерства, с которыми приходилось вступать в какое-либо соприкосновение.

Дружески простясь с Тонино-беем и лицами нашего консульства, мы ровно в восемь часов тронулись в путь по Каирской дороге.

Вначале она пролегает по известковому грунту пепельно-серого цвета, где нет ни малейшей растительности. На обсыпях откосов лежало и ползало множество ящериц, которых, по-видимому, нисколько не смущает грохот поезда, вероятно, уже привыкли. Это очень красивые животные, величиной около фута, с темно-синей и фиолетовой окраской кожи, которая имеет свойство вдруг переходить в кроваво-красный цвет, чуть только

чем-нибудь нарушается спокойствие ящерицы.

Вскоре путь пошел по довольно узкому перешейку, между озерами Абукир и Мариут; значительная часть последнего уже осушена и обработана под рисовые пашни. Озера эти, впрочем, крайне мелководны, так что стаи стоящих посредине их мрачных марабу и розовых фламинго лишь несколько обмакивают в их водах длинные голени. Мне кажется, это скорее обширные лужи, вроде наших степных среднеазиатских "каков", чем озера в точном значении слова.

За перешейком пейзаж принимает совершенно своеобразный характер: на гладкой, со всех сторон открытой плоскости вы видите полосы роскошной растительности рядом с песчаной пустыней, на которой там и сям мелькают отдельные оазисы садов и милых дач; затем, перемежаясь с пространствами пустыни, идут возделанные пашни и затопленные рисовые поля. На пашнях работают поселяне плугами самого первобытного устройства, причем в такой плуг нередкопряжены рядом верблюды и корова. Поля из-

резаны оросительными арыками, отведенными из нескольких главных каналов, по которым, несмотря на их ширину, не выше трех аршин, ходят парусные лодки, и это является очень оригинальное зрелище: за высотой канальных насыпей (диг) вы не видите ни воды, ни лодок, а движется перед вашими глазами только один косою островерхий парус, который словно скользит сам по себе прямо по зеленеющему полю. Вдоль этих каналов почти всюду видны древесные насаждения, образующие нередко целые рощи, из-за которых кое-где мелькают белые стены построек и торчат локомобильные и кирпичные трубы фабрик и заводов. Населенность страны довольно густая. Арабские и коптские деревушки встречаются нередко; но до чего невзыскательны эти феллахи в своем домашнем обиходе! Их жилища походят более на муравьиные кучи или опрокинутые вверх дном ласточкины гнезда, а то и на кучи навоза. Иногда целое селение состоит лишь из таких убогих кучек-конурок, в иных же деревнях они перемешаны с глинобитными домиками, вроде наших среднеазиатских саклей. Мечеть

или церковь среди этих селений отличается тем, что над первой на глинобитном куполе торчит полумесяц, а над второй четырехконечный крестик. Между селениями там и сям разбросаны кладбища и отдельные могилы марабутов, святых отшельников. Эти последние носят совершенно тот же характер, что и наши среднеазиатские мазанки: четырехсторонняя, кубической формы, мазанка, увенчанная глинобитным полусферическим или луковичным куполом. Над такими могилами всегда почти болтаются на шестах конские хвосты и какие-то тряпицы.

Поселяне-копты ходят преимущественно в черных шерстяных балахонах и женщины их — так же, ничем почти, кроме серег в носу, не отличаясь от мужчин. Арабы же предпочитают балахоны белые из полотна или коленкора, а дамы арабские, жены зажиточных купцов и чиновников, носят исключительно черные шелковые фередже. Их много едет вместе с нами в особо устроенных для мусульманок женских отделениях. Одна из них, должно быть, какая-нибудь пашиха, едет с целым штатом своих гаремных прислужниц,

черных, как сапог, или смуглых, как старая темная бронза. На руках у них находятся разные дорожные принадлежности их госпожи: ридикули, саки, веера, баночки, коробочки со сладостями, пористые кувшины с водой, обезьянка на цепочке и ученый попугай не в клетке, а просто на пальце у одной из служанок. С ним она так и выходит на каждой станции на прогулку, а за ней тянется и вся остальная когорта служанок. Сама же пашиха не выходит, а только лениво смотрит на них из окна благосклонно улыбающимся взором.

Чем дальше мы двигаемся, тем все чаще встречается характерная африканская растительность: тамариск, алоэ, кактусы и финиковые пальмы. Первый, это тот же наш среднеазиатский степной гребенщик, а бородавчатые серо-зеленые кактусы, напоминающие своими формами то дыню, то тыкву, торчат на голых солнцепеках прямо из земли. Их тут, впрочем, несколько разновидностей, и иные достигают довольно значительного роста. На колючих алоэ нередко красуются прелестные большие цветки с глянцевыми пурпурными чашечками. Говорят, что кисловато-слад-

кие плоды алоэ на вкус очень приятны. Но замечательнее всех остальных представителей здешней флоры — это финиковая пальма, которая прекрасно растет только на песчаных солончаках — там, где не выдерживает никакое другое растение, и гибнет, если ее пересадят в лучшую почву. Можно сказать наверное, что где пальма эта особенно плодоносна, там недостаток во всех остальных дарах природы и, прежде всего, в пресной воде. В Египте за нею ухаживают с незапамятных времен и не даром, потому что для кочевых бедуинов и их лошадей ее плод, по большей части, служит единственной пищей. Гибкий и стройный ствол ее достигает шестидесяти футов высоты и завершается метелкой перистых листьев. Плоды ее, которых с одного дерева ежегодно собирается от пяти до семи с половиной пудов, свешиваются из-под лиственной метелки громадными гроздьями, в Египте эта пальма приносит достаточное количество плодов не только для местного потребления, но и для вывоза в Сирию, Турцию и Европу. Из одного Александрийского порта ежегодно вывозится фиников около 6.000 цент-

неров на сумму до 2.000.000 франков. Здесь, между прочим, это дерево обложено огромной податью, и я узнал из данных нашего консульства, что в Египте считается 4.400.000 финиковых деревьев, доход с которых превышает! 115.000.000 египетских пиастров.

* * *

Железнодорожные станции и полустанки часто следуют друг за другом. Беспрестанные остановки поезда на минуту, на две, иногда: более. На платформах чисто восточная пестрота публики, среди которой там и сям мелькают английские пробковые шлемы и белые жакетки европейцев. Вокруг остановившегося поезда в раскаленном воздухе стоит шум и гам туземного населения. Полуголые смуглые мальчишки и курчавые девчонки с кувшинами и стаканами пресной воды лезут чуть не под колеса; взрослые продавцы хлеба, фруктов и орехов то и дело шугают их и стараются оттереть от окон вагонов, но стая маленьких продавцов, на миг отступая врассыпную, снова продирается вперед и протягивает пассажирам воду, зная, что в Египте этот товар самый сбытчивый. Надувательство тут, конеч-

но, царит в виде общего правила, и иногда оно выходит поистине комично. Так, например, на станции Тельбаруд М. А. Лоджио, не выходя из вагона, сторговал себе фунт свежих лесных орехов за три пиастра и бросил продавцу деньги прежде, чем получить товар. Тот, вместо фунта, высыпал ему в шляпу одну горсточку и откланялся, да еще сам, отступая шага на три, тут же стоит и смеется и так хорошо смеется добродушно-плутоватым смехом, что и мы, глядя на его проделку, невольно рассмеялись. Что с ними поделаешь! Так много с них тянут, что подобные проделки не только понятны, но, пожалуй, и простительны.

Особенная толкотня и давка происходят на городских станциях, где находятся буфеты. Тут вас, наверное, будут назойливо преследовать непрошенные услуги со стороны арабов и предложения проводить до буфета. Иногда выскочат вдруг и два, и три человека вместе указывать вам дорогу к буфету, хотя это вовсе и не требуется, так как вывеска, гласящая вам о его присутствии, на английском, французском и арабском языках, находится тут же, на

виду у всех, и сама тычется в глаза своими крупными золотыми литерами на черном фоне железного листа; но арабы все-таки торопливо вас провожают, отгалкивая и оттирая друг друга, и вслед затем назойливо и неотступно пристают за бакшишем. Это какие-то всеобщие, повальные требования бакшиша и за дело, и без дела: все равно давайте. По этому поводу М. А. Лоджио не без остроумия сделал замечание, что в Египте, когда полуторагодовалый ребенок начинает лепетать первые сознательные звуки, то он говорит не "папа" и "мама", как все и повсюду, а так уже, по инстинкту, первым словом произносит "бакшиш"! Это специальная страна бакшиша, где попрошайство составляет чуть ли не основную черту современного народного характера, и черта эта очень изменная, гадкая, унижающая человеческое достоинство; но — что вы хотите! — вспомня экономическое положение народа, она опять-таки становится понятною.

По мне гораздо гаже общее мазурничество со стороны здешних торгующих за буфетами левантинцев и европейцев. У этих оно вызы-

вается уже не нищетой, а хищнической алчностью наживы. Так, на одной из станций вздумали мы купить сельтерской воды, чтобы взять ее с собой в вагон. "Что стоит бутылка?" — "Один франк". — "Дайте четыре бутылки. Вот вам десятифранковик и позвольте сдачу". Отпустил буфетчик воду, но вместо шести, дает только четыре франка сдачи. — "Вы неверно сдали, надо дополучить еще два франка". — Итальянец или француз (кто его там знает?) делает вид, что не слышит замечания. Ему повторяют требование. Тогда он с видом удивления, как человек совершенно правый, объявляет, что сдал совершенно верно, что так и следовало, именно четыре франка. — "Но ведь вы объявили цену один франк за бутылку". — "Я сказал полтора франка бутылка, вы меня не поняли", — отрезал он безапелляционным тоном и притом с самым благородным видом. Мы только переглянулись между собой ввиду такой наглости: все очень ясно и отчетливо слышали первоначально объявленную цену. В это время раздастся звонок, спорить некогда, а пить в вагоне захочется — и два лишние франка (где наше

не пропадало!) прибавляются к выручке "благородного" европейца. Здесь при расплатах надо вообще избегать необходимости сдачи, так как все эти "дети прогресса" всегда норовят надуть на ней хоть на 1/4 пиастра. Другой, подобный же буфетчик, долго отлынивал, чтобы не разменять мне фунт стерлингов до второго звонка, в расчете, конечно, на всегдашнюю торопливость пассажиров, когда учитывать его будет уже некогда, и я получил с него сдачу не раньше, как заявив внушительным тоном, что сейчас же обращусь с жалобой к начальнику станции.

В Танте на платформе бродило несколько торгашей с произведениями местной кустарной промышленности. Одни продавали какие-то картинки и изречения в завитках, намалеванные красками на стекле, другие — мундштуки из тростника, третьи — веера из павлиньих и гусиных перьев; последние были окрашены в малиновый, желтый, фиолетовый и иные цвета, что выходило довольно красиво. К окну нашего вагона подошел пожилой продавец с пучком павлиньих вееров и на ломаном французском языке предлагает

купить у него. При здешней духоте веер, пожалуй, — вещь не лишняя, но араб заломил за него пятнадцать франков, тогда как красная цена ему франка четыре, не более. Эту цену я и предложил, но продавец мотает головой, ни за что не соглашается. Я перестал торговаться и не обращаю на него больше внимания, а он все торчит у окна и старается соблазнить меня своим товаром, кажет его и так и этак, и поигрывает, и помахивает веером то на себя, то на меня, бормоча что-то с подмигиваниями и подшелкиваниями языком, но видя, что это средство не действует, начал понемногу спускать цену. — Но я не отвечаю, а он не отступает. Наконец, раздается третий звонок, и поезд трогается с места, В это мгновение мой араб стремительно кидается к окошку и сует мне веер, крича о своем согласии на мою цену. Но было уже поздно и оставалось разве показать ему нос. Надо было видеть, однако, эту фигуру и тот уморительный по своему внутреннему комизму испуг жадности, какой искажил его лицо, когда он убедился, что добыча ускользает из его рук. Видя, что я непреклонен, он остановился на-

конец на краю платформы и укоризненно покачал головою, а затем вдруг плюнул от бессильной досады и с гримасой показал мне язык. Очевидно, и четыре франка была цена более, чем хорошая, но продавец тянул до последнего момента в надежде, авось удастся сорвать побольше. Это тоже черта чисто местная.

Левый рукав Нила пересекается железною дорогой у Кафр-Заята, последней станции перед Тантой, а правый в Бенка-Асл; отсюда одна ветвь отделяется к югу, прямо на Каир, другая же к северо-востоку, на Загазик, где опять дорога разветвляется: прямое продолжение ее идет на Салихие, южная ветвь на Белбес, а срединная — прямо на восток, к Измаилие на Суэцком канале. Наш путь лежал по этой последней. Хотя дорога эта и находится под управлением англичан, но беспорядки на ней образцовые, не уступающие даже пресловутым румынским. Выйдя из вагона, вы рискуете остаться на станции: на иной станции назначено стоять две минуты, а стоят двадцать; на другой, по расписанию, поезд ждет четверть часа, а он вдруг возьмет да и

уйдет через пять минут. И при этом хоть бы сигнальные звонки подавали, а то где подадут, а где и нет, как вздумается. Дверцы в вагонах с приходом на станцию не отворяют — справляйтесь сами, как знаете; кондуктора, в случае надобности, не дозовешься. Вообще халатность изумительная. А мы-то еще браним наши русские дороги. Да тут и сравнения нет! Прокатитесь по любой румынской или египетской линии, и наши покажутся вам идеалом порядка и порядочности. Внутреннее устройство здешних вагонов первого класса лишено всякого комфорта: тесно, низко, грязно, засалено, и при этом решительно никаких приспособлений для удобств пассажира, даже из числа самых необходимых. На самой худшей из русских дорог первоклассные вагоны неизмеримо лучше во всех отношениях: в наших можно и сидеть, и лежать удобно, а тут узкие скамейки (на два человека каждая) расположены так, что вы с вашим визави непременно должны беспокоить друг друга коленками, и притом скамейки эти обиты темным бархатом, что совсем уже не соответствует с условиями климата: при убийственном зное

и едкой солончаковой пыли бархатные подушки служат чем-то вроде разъедающих кожу припарок. Одно что хорошо в устройстве здешних вагонов, — это длинные крыши, из коих верхняя, приподнятая над нижней на четверть, — вроде тента для свободного тока воздуха и окрашена белой краской, чтобы отражать солнечные лучи. Ради той же цели и вагоны здесь белые снаружи, а без этого в них надо бы просто задохнуться.

От станции Абу-Химит начинается уже более пустынная местность, селения редуют, становятся все меньше, малолюднее, и вскоре вместо них на степи остаются только разбросанные кое-где отдельные дворы да убогие сакли. Путники и поселяне, работающие на полях, встречаются все реже и реже, крупных деревьев не видно, одни только тоненькие пальмочки изредка торчат на желто-песчаных или пепельно-серых равнинах. Но вдоль пресноводного канала, что тянется справа рядом с дорогой, еще сохраняется кое-какая зелень, преимущественно лозняк, осока и кусты тамариска. Этот канал, соединяющий Нил с Суэцким заливом Красного моря, гово-

рят, будто бы относится к числу сооружений древних фараонов. Вполне забытый в течение целого ряда веков, он был случайно открыт и реставрирован только в последние годы, во время работ Лессепса[39], и им воспользовались для снабжения пресною водой пустынных станций Суэцкого канала и железной дороги. Шириной он не более сажени, но, несмотря на то, по нем все же ходят феллаксские челноки под косым парусом, пропихиваясь баграми между камышовыми зарослями, которые в одно и то же время и благодетельны, и вредны для этого канала: благодетельны тем, что не дают наносным пескам засорять его, но зато сами, разрастаясь все более и гуще, задерживают свободный ток воды и заполняют его русло, вследствие чего здесь требуется постоянная расчистка. Стебли и корни камышей выдирают со дна железными граблями и оставляют их зеленые стрелки, в виде стоячей бахромы, только вдоль берегов канала. Последняя арабская деревушка, какую мы встретили, была Рас-эль-вади, около станции того же имени. Рас-эль-вади — значит мыс воды, или мыс, образуемый водой. И действи-

тельно, в этом месте как раз подходит к каналу и сливается с ним под углом, образуя мысок, крайний из бесчисленных рукавов или протоков Нила, не простирающий своего течения далее сего пункта. Весь излишек воды этот рукавчик отдает на пополнение канала.

На станции Рас-эль-вади окно нашего вагона обступили штук пять или шесть арабских девочек, от пяти до семилетнего возраста, с пористыми кувшинами-холодильниками. Одна из них, старшенькая, была очень грациозна и развязна, и все щебетала нам что-то и улыбалась, показывая свои перлово-белые зубенки. Вся эта смуглая детвора протягивала к нам ручонки с кувшинами, предлагая нам напиток. Мы одарили малюток мелочью и пустыми бутылками из-под сельтерской воды, которым они обрадовались даже больше, чем деньгам. Проходивший сторож шутнул их мимоходом, и они с веселым визгом вмиг рассыпались, как воробьи, во все стороны, но тотчас же опять, смеясь и скача, собрались у нашего окошка. Шагах в трех за ними неподвижно стоял длинный и худой, как скелет, нищий араб, пораженный проказой. Все лицо

его было наглухо закрыто спускавшимся с тмени до пят дырявым черным бурнусом, в прореху которого глядело одно только стеклянистое око с веком, изъеденным язвой. Никогда не забуду впечатления от этого ужасного глаза! Он был страшен. Циклоп, закутанный в лохмотья, живое олицетворение человеческого несчастья, араб этот не канючил, не выпрашивал милостыню, как все нищие, а только неотступно, в упор глядел на нас этим своим неподвижным воспаленным глазом. Мы выбросили ему сколько-то мелочи. Не стибая ни шеи, ни спины, он медленно опустил на корточки, неторопливо высунул из-под развеваемых ветром лохмотьев своей хламиды длинную костлявую руку, с усилием заgrabстал узловатыми пальцами одну за другою медные монетки, сунул их себе за щеку, вытянулся во весь рост и снова уставился, словно зловещий призрак чумы или смерти.

За Рас-эль-вади пошла уже голая пустыня, и один только пресноводный канал тянется по ней узкою зеленою лентой, рядом с лентой железной дороги. Крупнозернистый, красновато-темный песок наполняет равнину по обе

стороны пути, образуя иногда как бы застывшие волны, по которым там и сям белеют кости верблюдов. Это уже пошла так называемая Аравийская пустыня, совсем мертвая, без малейшей растительности, и следующая станция Рамзес вполне окружена ею. Говорят, будто название Рамзес дано этой станции в память фараона Рамзеса, предполагаемого соорудителя пресноводного канала.

Пустыня приветствовала нас свойственным ей горячим ветром. Порывами вдруг стал налетать он с юга и обвевал лицо жгучим своим дыханием, словно из жерла калильной печи. Духота в вагоне благодаря этому ветру сделалась такая, что почти нечем было дышать. Пришлось закрыть с правой стороны окна, и когда через несколько минут после этого я дотронулся до стекла рукой, оно было горячо, словно его накалили над лампой. К счастью, ветер продолжался не более часа и, подъезжая к Измаилие, мы его уже не чувствовали.

Признаки культуры опять начинаются только около Измаилие. Тут видна невядалеке роща, насажденная во время работ на Суэц-

ком канале и ныне уже достигшая полного роста и развития. Из-за ее верхушек видны строения городка Измаилие, стоящего при самом канале на берегу озера Тимсах, и часть большого белокаменного двора хедива. Многие постройки на окраине городка носят пока еще как бы временный, барачный характер, частично с плоскими, частично с двухскатными деревянными кровлями. Все это сохранилось еще со времен Лессепсовой работы.

От Измаилие железная дорога поворачивает к югу на Суэц и идет параллельно каналам — Пресноводному и Суэцкому, вдоль береговой линии больших горько-соленых озер Эль-Амбак и Истме, через которые проходит этот последний. Здесь, близ станции Нефише, находится премиленькая деревянная дача Лессепса, построенная отчасти в русском стиле, с резным гребешком вдоль крыши и резными фестонами на деревянных подзорах вдоль карнизов на галерее и балконе. Необыкновенно мило и приветливо глядят ее тесовые стены, окна с узорчатыми балясинами и зелеными жалюзи и легкие крылечки и галерейки из-за роскошной зелени палисад-

ника, наполненного разными цветами, павоями, пальмами и другими южными растениями и деревьями. Среди мертвой пустыни эта прелестная дача-игрушка является для вас совершенным сюрпризом и своим контрастом с окружающей ее природой производит самое приятное, отраднo-веселое впечатление. Здесь, говорят, Лессепс постоянно жил во время работ на канале, да и теперь, вспоминая прошлое, иногда навещает свою дачу и проводит в ней некоторое время. Говорят, он очень ее любит, да и немудрено: с нею должно соединяться у него столько дорогих воспоминаний о днях великого труда и великой борьбы с природой и с людским недоверием к осуществимости его грандиозной идеи. Подъезжая к следующей затем станции, среди песчано-холмистой (бархатистой) местности мы заметили справа, близ самой дороги, крутой обнаженный холм и на нем развалины какого-то мавзолея в смешенном древне-персидском и египетском стиле, известные под именем Серапеума. Здесь же, поблизости, на самом берегу канала, находится небольшое местечко того же имени, возникшее вместе с ка-

налом и потому разбитое на правильные кварталы с прямыми и широкими улицами.

Поверхность горько-соленых озер среди желтой песчаной плоскости отличается глубоко темным синим цветом, совершенно незнакомым и даже странным для жителей севера, которые к такому цвету воды не привыкли. Это далеко не то, что цвет морской воды, а нечто совершенно особенное и своеобразное, приближающееся к тону индиго. Глядя на эти озера, я невольно вспомнил несколько маленьких пейзажей В. В. Верещагина из его индийского цикла, где написаны клочки точно таких же озер и таких же ярко-желтых берегов. Вспомнилось мне, как некоторые петербургские ценители и судьи, никогда и никуда не выезжавшие дальше Парголова и Петергофа, беспомощно критиковали художника за эти "грубые и неестественные эффекты", которые, по их мнению, "невозможны в природе". А вот тут как раз они-то и есть налицо, словно прямо перенесенные с Верещагинского полотна в живую действительность!..

Но еще более оригинальный эффект произ-

водит вид кораблей, следующих по каналу. Миновав озера, вы подвигаетесь далее на юг, уже не видя самой поверхности Суэцкого канала, которую скрывают от глаз прибрежные плотины, так что вам кажется, будто вокруг нет ничего, кроме буро-желтой равнины, — и вдруг вы видите, что по этому песчаному морю медленно движутся один за другим черные корпуса кораблей с высокими мачтами и сложным рангоутом и обгоняет их, двигаясь по тому же направлению целый караван "кораблей пустыни". То бредут себе медленным шагом и вытянувшись гуськом друг за другом одногорбые высокие верблюды с сидящими на них бедуинами в белых, накинутых на голову бурнусах.

Здесь общий характер пустыни уже не так монотонен, как около Рамзеса. Сначала, с правой стороны, открываются последовательно один за другим два горные кряжа, Джебель-Генеффе и Джебель-Авебет, идущие по направлению от запада к востоку. Первый изоборожден по северному склону глубокими поперечными оврагами и на вершине своей образует довольно плоское плато; восточная

оконечность его близко подходит к дороге и несколько времени тянется вдоль ее двухъярусными уступами буро-красноватого цвета. Второй хребет значительно острее и круче, в особенности на своем южном склоне, но силуэт его виден уже в значительном отдалении от дороги. Наконец, одновременно вдали начинают выступать, слева, вершины гор Синайского полуострова, а справа, на африканском материке, соседние с Суэцом и господствующие над ним, крутые и скалистые высоты Джебель-Атака, от 2200 до 2700 слишком метров над уровнем моря. Высоты эти совершенно голы и, при своем буро-красном цвете, отличаются характером безжизненной суровости. Зато уединенные железнодорожные сторожки вносят в общий пейзаж некоторое оживление тем, что около них разведены маленькие, неприхотливые огородцы и садики, — все же хоть какая-нибудь зелень видна. Да и, кроме того, жизнь сказывается уже в самом этом движении "кораблей пустыни" рядом с "кораблями океана".

Мы подъезжали к станции Шалуф-эль-Тераба, когда солнце уже садилось. Рефлексы за-

ката, при совершенно безоблачном и глубоко-ясном небе, отличались отсутствием резких тонов и густых красок, мягкая и нежная окраска неба, в розовато-золотистый бледного оттенка цвет, потухла на западе вскоре после того, как верхняя окраина солнечного диска ушла под горизонт, и не прошло после того и получаса, как небо совсем уже стемнело и вызвездилось мириадами ярко искрившихся звезд. У нас, на севере, никогда этого не увидишь, так как наш влажный воздух никогда не бывает так чист и прозрачен.

В Суэц прибыли в начале восьмого часа вечера. На станции встретили адмирала местный русский вице-консул Георгий Никола-Коста и его племянник, молодой человек, служащий при вице-консульстве драгоманом в силу того, что говорит по-французски. Оба они православные арабы и сами по себе очень милые и радушные люди. На вице-консуле, в петлице его форменного вицмундира, был надет египетский орден, так как русского ордена у него пока не имеется, а таковой, как узнали мы потом, составляет предмет его заветных мечтаний... На стационарном дворе

нас ожидали консульские люди с фонарями и хамалы для сноса вещей; для адмирала же был приготовлен кабриолет, запряженный великолепным белым мулом, которого с обеих сторон вели под узцы два конюха, а впереди выступал консульский кавас с булавой. Таким образом, это вышло нечто вроде "торжественного въезда". Адмирала с супругой отвезли в консульский дом, где для них было подготовлено помещение; мы же все пешком прошли в английский отель "Суэц", где и получили комнаты, по 16 шиллингов за ночь с каждой постели.

Еще на станции вице-консул всех нас пригласил к столу, и теперь, едва успели мы освежить лицо водой, как посланец из консульства пришел доложить, что обед уже готов и что он прислан к услугам "русских милордов" в качестве провожатого. На дворе "русских милордов" опять ожидали люди с фонарями, не столько для освещения пути, сколько ради почета. Никола-Коста живет в двух шагах, в собственном доме, который у него построен о двух этажах, в полуевропейском и полуво-сточном роде. Довольно крутая деревянная

лестница ведет во второй этаж, где находятся две смежные залы. В первой из них, с совершенно голыми стенами, был теперь накрыт обеденный стол, а вторая служит семлямыком, официальной приемной. Здесь, вдоль стен, идут восточные диваны, и против двери, на первом месте, висит портрет Императора Александра II, довольно схожий, но в совершенно фантастическом сине-голубом мундире, с фантастическими орденами и с сине-черной лентой бывшего польского "виртутия" (*virtuti militari*) через плечо, — вероятно, произведение какого-нибудь александрийского художника.

Обед — не преувеличивая — состоял ровно из восемнадцати жарких, и только из одних жарких, но зато здесь фигурировало все, что изобрела по этой части арабская кухня: жареный барашек с какими-то горьковатыми травами (уж не теми ли, что служили приправой пасхальному агнцу евреев при их удалении из Египта?), потом баранина, жаренная ломтиками в собственном соку, затем нечто вроде шашлыка, жаренного на деревянных спицах, жареная телятина с чесночным соусом,

жареная говядина с пореем и другими овощами, жареные перепела, дупеля, фазаны, куры, утки и прочее, и прочее. За столом подавались и вина, даже шампанское, но все такой плохой фабрикации, что наши "подмаренные хереса" куда лучше! Оказывается, к удивлению, что виноградными винами снабжают Суэц, кто бы вы думали? — преимущественно американцы из Сан-Франциско. Европейцам возить сюда этот товар нет расчета, потому что арабы вина не пьют и толку в нем не понимают (вот арак или водка, это иное дело!); американцы же везут его, между прочим, и сбывают местным компрадорам (преимущественно в кредит), у которых оно и держится на случай спроса, весьма, впрочем, редкого, и продается по очень высоким ценам.

От Никола-Коста, благодаря его племяннику толмачу, приобрели мы несколько интересных сведений о Суэце, о наших паломниках и о провинциальной египетской администрации. По размерам своим Суэц вовсе не велик, но вмещает в себе свыше 11.000 жителей, живущих очень скученно. Здесь пять мечетей и три церкви: православная, католиче-

ская и протестантская. Жители снабжаются водой пресноводного канала, для чего близ рейда устроен особый резервуар, из которого наливаются водой за небольшую плату и корабли, стоящие на рейде. Кроме того, в окрестностях, к западу от города, имеются колодцы и особая цистерна для дождевой воды, служащей преимущественно для орошения. В Суэце находятся два порта: один, собственно, рейд, составляет государственную собственность, другой принадлежит компании Суэцкого канала. Первый снабжен порядочною набережной и очень хорошим каменным доком для больших судов, но неудобство его в том, что он находится довольно далеко от города. Материалом для облицовки дока послужил камень, добываемый в окрестностях, именно в Джебель-Генеффе. Второй же, или компанийский порт специально служит местом остановки для судов, проходящих по каналу. Здесь происходит частью разгрузка и погрузка товаров, и здесь же суда, идущие в Средиземное море, ожидают своей очереди, чтобы втянуться в канал.

Суэц служит также стационарным пунктом

для русских паломников, отправляющихся на поклонение синайским святыням. Здесь они обыкновенно выжидают верблюжьего каравана, чтоб отправиться в Синайский монастырь прямо через пустыню так называемым "Моисеевым путем" или же следуют туда на парусных судах до Райфы, откуда уже рукой подать до Синая. Обыкновенно таких паломников бывает в год человек до двухсот. В 1879 году, например, собственно синайских паломников из православных русских было 93 человека, а русско-подданных мусульман, следовавших на поклонение в Мекку, 394 человека, да сверх того 86 уроженцев Средней Азии, да из Болгарии 405 человек, и это только те, которые прошли через Суэц и заявили в местное русское вице-консульство; но большая часть наших мусульман, следуя в Мекку, не останавливается в Суэце, а едет на пароходах прямым сообщением из Константинополя в Джидду.

В числе постоянных жителей Суэца находится русско-подданных шесть человек, из которых один православный, а остальные мусульмане. Последние, впрочем, не прямые

подданные, а только состоят под нашим покровительством, и живется им недурно, благодаря тому, что русское консульство под боком. Что до центрального египетского правительства, то его отношения к иностранцам и вообще христианам вполне толерантны, но, к сожалению, далеко нельзя сказать того же о провинциальных властях, которые на всех иностранцев смотрят недружелюбно, а на христиан в особенности, не делая исключения даже и для египетских подданных коптов.

В административном отношении Египет разделяется на махавзы (генерал-губернаторства) и на мудирие (губернии), которые делятся на марказы, или кесмы, соответствующие нашим уездам, а эти последние на сельские общины. От всех названных административных единиц избираются представители, которые уже из своей среды посылают депутатов в Каирский парламент, заведенный, из подражания Европе, в 1866 году. Но парламентские учреждения плохо вяжутся со складом народной жизни, и потому с самого начала явились мертворожденным плодом; народ им

не сочувствует, да и само правительство Измаил-паши, по-видимому, никогда не смотрело на них серьезно; собирал же экс-хедив своих "представителей страны", так сказать, ради политической комедии в тех случаях, когда по его соображениям нужно было почему-либо выставить на сцену эту декорацию, для отвода глаз европейским кредиторам. Поэтому свою "палату депутатов" хедив всегда держал в руках, и она выражала только такие взгляды и решения, какие строго согласовывались с его личными видами, доставляя ему то несомненное удобство, что, в случае надобности, он всегда мог легальным образом спрятаться за спину этой "палаты", ссылаясь на ее решения или на свободный голос страны. С этой целью он и собирал ее не в определенные сроки, а так, когда ему понадобится, и на первых порах немалым курьезом явилось то обстоятельство, что в "палате" не нашлось никакой "оппозиции". В голове добрых египтян не укладывалось, каким это образом они смеют "делать оппозицию" своему государю и его правительству, и решительно ни один человек не хотел идти на левую, считая это не

только неприличным, но и не согласным с духом верноподданства. Видя, что "оппозиция" никак не составляется, хедив, не долго думая, просто приказал, чтобы была оппозиция, и для этого внушил под рукой своему "премьеру" назначить столько-то человек в оппозицию, и именно таких-то и таких-то, по списку, и велел им непременно противоречить правительственным предначертаниям и мероприятиям и говорить, не стесняясь: чем резче — тем лучше, чтобы в газетах побольше шуму было, а буде плохо станут противоречить, то подвергнутся негласному штрафу; в случае же дальнейшего упорства вернуть их на родину и там прикажут мудирам отдуть палками. Таким-то образом и составила наконец пресловутая египетская "оппозиция из-под палки". С восшествием на престол Тевфика, парламентская затея, по-видимому, оставлена; по крайней мере, правительство до сих пор не изъявляло намерения собрать депутатов, да и европейские кредиторы давно уже не обманываются насчет этой комедии.

* * *

После обеда сделали мы маленькую про-

гулку в город, причем нашим чичероне вызвался быть все тот же племянник вице-консула, молодой Никола-Коста.

Европейских строений тут немного, и мы почти сразу очутились среди туземного города. Пройдя некоторое расстояние по улице, крытой сверху циновками, вышли мы на площадь, значительная часть которой была иллюминирована очень оригинальным образом. Эта часть примыкала к арабской кофейне, около которой рядами и кварталами стояло на площади очень много небольших широких диванчиков, на высоких ножках, с деревянными решетками вместо спинок и ручек. Почти квадратные сиденья их были покрыты циновками, а кое-где и ковриками. На высоких стойках, вбитых в землю между диванчиками, были протянуты в разных направлениях проволоки, на которых висело множество стеклянных лампадок, налитых кокосовым маслом. При полном безветрии, пересекающиеся гирлянды их огоньков горели ровно, ясно и достаточно освещали всю площадь. Публика была исключительно туземная, мусульманская, все белые чалмы, полосатые

бурнусы да красные фески, и это место служит для нее чем-то вроде общественного клуба. На диванчиках, поджав под себя ноги, сидело по два, по три и по четыре человека отдельными группами, а в середине каждой из таких групп стоял либо дымящийся кальян, либо круглый медный подносик с чашечками кофе. Иные играли в шашки и шахматы. Народу было множество, но при этом тишина замечательная: вся публика, как один человек, слушала арабского рапсода.

То был слепой старик с лицом, изъеденным оспой. Он сидел у дверей кофейни на таком же диванчике, как и остальные, а по бокам его помещалось трое других артистов-арабов. Один из них играл на ануне, это нечто вроде цимбал или цитры, другой — на руде — инструмент вроде большой мандолины, исполняющий роль второй, а третий — на бубне, который по здешнему называется розк. Инструментом же самого рапсода была однострунная рабаба, которою владел он очень искусно.

Спросив себе кофе, мы заняли ближайший к музыкантам диванчик, и они всем своим

хором сыграли нам "сапям", то есть приветствие в нашу честь, а затем слепой рапсод, аккомпанируя себе на рабабе, запел монотонным и несколько гнусливым голосом длинную былину "Абузет", которая воспеваает подвиги древних всадников-бедуинов. Вообще предмет арабских песнопений составляют либо былины про их богатырей, либо оды в честь лихого "ветроподобного" коня либо же элегии о "корабле пустыни" да о его белых костях, усевающих мертвые пространства песков и служащих указателем пути странникам. Воспевается также иногда стройная газель, одинокая пальма, ключ живой воды в степи, орел, парящий в синеве небес, горная скала и вообще природа, окружающая бедуина, но женщина и любовь к женщине — никогда; или, по крайней мере, песни о женщине и романсы, ей посвященные, никогда не поются рапсодами. Так уверял меня наш путеводитель.

Пел слепец таким образом, что споев одну двестишею и примолкнет на минуту, продолжая играть на рабабе, а затем начинает следующее двестишею и опять примолкнет, и так

далее. Окончив свою былинку, он изменил такт и запел нам турецкую песню, под названием "Дуляб". О чем, собственно, поется в ней я не добился, так как путеводитель недостаточно знает турецкий язык, но мотив ее несколько напоминает Серовскую арию Рогнеды "Зашумело сине море". Одарив рапсода и его товарищей, мы направились далее, как вдруг где-то тут же на площади, невдалеке от нас, раздались тихие звуки свирели.

— Вы знаете, что это за звуки? — обратился к нам молодой Никола-Коста. — Это призыв братьев-гуков на молитву. Если хотите, мы легко можем увидеть, как это у них делается. Они пускают к себе всех, особенно если еще заплатить им немного.

Видеть братьев гуков (гу-кешан), иначе называемых еще ревунами, было слишком заманчиво, и потому, понятно, мы поспешили воспользоваться предложением нашего путеводителя. Приведя нас к одному из низеньких глинобитных домов, тут же на площади, он вызвал к порогу двери какого-то араба, сказал ему несколько слов и предложил нам входить не стесняясь.

— Потом, уходя, вы оставите им несколько мелочи, — предупредил нас Никола-Коста, когда мы уже хотели было оплатить вперед право входа.

Пройдя через маленькие сенцы, мы очутились в низкой продолговатой комнате, два оконца которой за железными решетками выходили прямо на площадь. При полном отсутствии какой бы то ни было домашней обстановки, эта комната, с ее голым глинобитным полом и голыми стенами, скорее всего напоминала какой-нибудь карцер. Освещали ее две лампадки или, вернее, два стеклянные шкалика с кокосовым маслом, поставленные в две противоположные настенные ниши. Мы вошли и поместились у стены близ двери. С противоположной стороны, между двумя оконцами, сидел на полу, прислонясь к стене, кто-то закутанный в белый бурнус и играл на свирели. Здесь мы застали уже в сборе несколько братьев, да при нас подошло еще человека четыре. Все они были одеты как бы в условный костюм: белые полотняные рубахи длиной ниже колен, подпоясанные тесемчатыми поясками, ноги голы и босы; на голо-

ве феска.

Когда собралось двенадцать братьев гу-кешанов, они расположились в два ряда, лицом друг против друга, образовав между собою проход шага в три шириной; расстояние от человека до человека в каждом ряду было около аршина. Тогда их настоятель, закутанный в белый бурнус вроде савана, поднялся с места и медленными шагами пошел вдоль срединного прохода, приветствуя каждого брата направо и налево молчаливым поклоном. Братья отвечали ему тем же. Дойдя по проходу до двери, настоятель передал свирель тому арабу, который ввел нас сюда, а сам такими же медленными шагами возвратился на свое место. Араб, получивший свирель, стал с ним рядом. Тогда настоятель, воздев руки к небу, возгласил "Керим-Аллах!" (милосердный Боже!).

В ответ на это, гу-кешаны, сжав кулаки на груди, с поклоном в его сторону все враз и в один голос глухо произнесли:

— "Гу!!" то есть "Он!" — одно из 99 имен Бога (сотого имени никто из смертных не знает).

— Керим-Аллах! Керим-Аллах! — повторил настоятель, приложив обе длани к краям ушей своих.

— Гу!! — отвечали точно так же братья с поклоном в противоположную сторону.

Тогда, опустясь на колени и положив на них обе свои вытянутые руки, а очи и голову глубоко потупив долу, настоятель забормотал какую-то молитву. В это же время свирельщик заиграл тихую и грустную мелодию. Под звуки свирели гу-кешаны, медленно и в такт раскачиваясь корпусом, отвешивали поклоны в обе стороны — все враз налево и все враз направо, — сопровождая каждый поклон восклицанием "Гу!". Произносились эти возгласы сначала глухо, как бы с оттенком некой таинственности, потом все громче и громче, но не обыкновенным, а каким-то спертым, утробным голосом, словно звук его с трудом выдавливался изнутри, из самой утробы, и излетал оттуда вследствие усиленного выдыхания воздуха, с хриплым шипением и свистом. Звук этот похож на то, как если бы несколько человек стали враз "от сердца" рубить топорами землю. Вместе с тем и покло-

ны становились все размашистее и напряженнее. Надо заметить, что ноги гукешанов, плотно приставленные одна к другой, стояли на месте в полной неподвижности, а вся эквилибристика производилась только туловищем, обнаруживая замечательно развитую гибкость поясницы. Братья как-то вихляво швырялись всею верхнею половиной своего тела справа налево и слева направо, описывая ею в воздухе размашистую дугу, тогда как их руки с судорожно сведенными кулаками оставались плотно прижатыми к персям. В этих странных, почти автоматических движениях было что-то как бы сверхъестественное, и с дальнейшим своим развитием они приняли наконец какой-то конвульсивный, эпилептический характер. Казалось, будто движет и стройно управляет ими уже не собственная воля, а какая-то посторонняя вошедшая в них сила. Вместе с этим они при каждом размахе стали слегка подскакивать на месте, поднимаясь на носки и опускаясь на пятки. Налитые кровью глаза их получили исступленное, дикое выражение; на губах накипела пена, пот градом выступал на лбу и висках, и капли, его

вместе со срывающеюся пеной брызгали, отлетая в стороны, а в возгласах "Гу!" теперь уже слышался какой-то нечеловеческий сдавленный рев и как бы предсмертное хрипение... И вот, один из братьев на половине своего размаха вдруг опрокинулся навзничь, хлопнувшись затылком об пол, и стал биться и корчиться в ужасных конвульсиях. Настоятель, поднявшись с места, подошел к нему, опустился на колена и пошептал ему что-то на ухо. Вошли двое прислужников, накинули на эпилептика белый плащ и вытащили его из комнаты. Между тем раскачивания и возгласы остальных продолжались без малейшего перерыва, все с большим и большим напряжением. Все гу-кешаны находились уже в полном экстазе, который для каждого из них несомненно должен был окончиться точно таким же припадком эпилепсии. Было просто страшно глядеть на них, — за человека страшно, за этот "образ и подобие Божие", низведенное во имя религиозного чувства до такого нечеловеческого состояния.

Основателем ордена гу-кешанов в первой половине XIV столетия нашей эры был некий

шейх Хаджи-Бекташ, славившийся своею святостью по всему мусульманскому Востоку. Между прочим, он же благословил устройство корпуса янычар в Турции. Благодаря популярности самого Хаджи-Бекташа, основанный им орден получил весьма широкое распространение в мусульманских странах, от Кашгара до Стамбула и от Марокко до Судана. Гу-кешанами прозвали последователей сего ордена в просторечьи, производя это слово от их обычного возгласа "гу!" В официальном же и книжном языке они называются дервишами-бекташи. При вступлении в орден в прежние времена от неофита требовался обет безбрачия и нищенства, но ныне, ради поддержания падающего сообщества, его главари охотно допускают в свою среду и женатых, и богатых (богатых даже в особенности, в расчете на их пожертвования в пользу ордена), требуя, от вступающих одного только обета — непрерывно хвалить и прославлять Аллаха, участвуя притом в общих братских радениях. Хваление Аллаха состоит в беспрестанном бормотании какого-либо из 99 его имен и эпитетов, а в чем заключается радение, мы уже

видели. Впрочем, говорят, что в некоторых сообществах гу-кешанов удержался еще и доселе древний фанатический обряд самообжигания и самоистязания, составляющий заключительный акт радения. По рассказам, это происходит таким образом: когда братья, вследствие своих раскачиваний и подскоков, придут уже в полный экстаз, то служители вносят к ним пылающие факелы, горячие угли и раскаленные железные прутья, а также кинжалы и большие иглы, обвешанные погремешками. Эти последние они втыкают себе в голову, под кожу и прокалывают насквозь обе щеки и мягкие части тела, затем берут в каждую руку по кинжалу и продолжают с ними свои раскачиванья, царапая острыми себя и соседей. После этого, облитые кровью, одни из них хватаются за факелы и проводят огнем длинные полосы по всему телу, другие прижигают железом раны, нанесенные себе иглами и кинжалами; третьи, наконец, кидаются на просыпанные по полу уголья и начинают на них кататься, вопя и ревя свое бесконечное "гу!". Рассказывают про них даже такие невероятные вещи, будто иные

радельцы глотают во славу Аллаха, живых скорпионов, вследствие чего нередко и умирают. Эти уже прямо зачисляются во святые главарями сообщества, и память их чтится последователями как добровольных мучеников во имя Божие. Тунеядцы и лентяи, бегущие от обыкновенного житейского труда, охотно вступают в братство гу-кешанов, принимая на себя обет нищенства, который дает им право приставать ко всем прохожим, заходить в лавки и в частные дома с требованием себе подачек, и эти требования нередко сопровождаются грубостью и насилием. Так, например, многие из них имеют обыкновение носить при себе живых змей, обвивая их вокруг шеи и рук, и если какой-нибудь домохозяин вместо подачи укажет такому попрошайке на дверь, гу-кешан со злобными угрозами кидает к его ногам одну из своих гадин и этим маневром поневоле вынуждает того выбросить себе горсть денег, лишь бы избавиться от такой непрошенной гостьи. Гу-кешаны вообще славятся как кудесники, змеезаклинатели и знахари; они заговаривают кровь, дурной глаз, укушение змеи, скорпи-

она, тарангула и разные болезни, причем обыкновенно промышляют и продажей всевозможных амулетов и талисманов. Турецкое правительство весьма недолюбливает их и смотрит на них подозрительно, так как дервиши этого ордена и родственной ему фракции "календарей" нередко подымали мятежи и, выдавая себя за Махгу, успевали иногда своими фанатическими проповедями соединять вокруг себя по несколько десятков тысяч вооруженного народа, с которым опустошали целые провинции, в особенности в азиатских владениях Турции. В самом Стамбуле дервиши-бекташи всегда принимали деятельное участие в бунтах янычар и с особенным рвением возбуждали их фанатизм во время мятежа 1828 года при султани Махмуде. Еще Магомед IV намеревался уничтожить все дервишские ордена, но суеверная приверженность к ним мусульманской черни помешала ему привести в исполнение свой замысел. В эти ордена часто вписывались значительные лица, и даже самые султаны в старину имели обыкновение надевать иногда, в знак благочестия, дервишский кюлаф (колпак), в како-

вом изображен и Магомед II на знаменитом портрете, писанном венецианским художником Белини. Наконец султан Махмуд порешил вместе с янычарами и дервишей-бекташи, объявили в особом фирмане, что по очищении царства от янычарской язвы он намерен очистить и религию от ее искажителей, ложных чад святого мужа Хаджи-Бекташа, отступивших от его непорочной жизни. Трое настоятелей этого ордена были тогда казнены в Стамбуле, теке (монастыри) их разрушены, а братия сослана в отдаленные области. С тех пор гу-кешаны ни в Константинополе, ни в ближайших к нему провинциях более не появляются, но на окраинах Малой Азии, в Аравии, Египте и других более или менее отдаленных и вассальных областях они удержались и, как мы видели, продолжают действовать и по настоящее время. Несмотря на пристрастие их к опиуму и спиртным напиткам, несмотря даже на явный иногда разврат гу-кешанов, простой народ продолжает питать к ним чувство суеверного благоговения, смешанное со страхом. Их боятся, ибо убеждены, что каждый гу-кешан может наколдовать на

чью угодно голову всяческие беды, болезни и напасти, а в то же время их и почитают за религиозные самоистязания.

Не знаю, чем кончилось радение суэцких гу-кешанов, так как мы удалились из их мрачного вертепа вслед за выносом брата, подвергшегося припадку. Для сильного впечатления и для того, чтоб иметь наглядное понятие о братьях-гуках было достаточно и того, что мы видели. Подавленный впечатлением этой картины, я рад был вырваться на свежий воздух.

И только что перешли на другой конец площади, как вдруг из раскрытых дверей и окон какого-то европейского кабака или Bierhalle вырвались на улицу разухабистые звуки "Стрелочка" Оять эти противные венские немцы со своими виолями и тромбонами, оять вся эта европейская пакостная пошлость!.. И каким кричащим диссонансом насильственно и нагло врывается она в своеобразный степенный строй мусульманской жизни! Как оскорбляет она на каждом шагу чувство мусульманской благопристойности, не говоря уже о вашем личном эстетическом

чувстве! И все это гнездится тут же, рядом с арабскими степными рапсодами и братьями гуками. Эти мясистые нарумяненные немки и тирольки, пронюхав, что в городе появились русские, и увидев теперь нас на площади, пожелали сделать нам "комплимент", польстить нашему национальному чувству и с этой целью "в нашу честь" стали наяривать "Стрелочка". Но после потрясающего впечатления, только что вынесенного нами от гу-ке-шанов, это было уже совсем противно, и мы поспешили пройти мимо.

20-го июля.

Утром спустились мы пить чай во внутренний дворик гостиницы, где устроен небольшой садик. Несколько олеандров и пальмочек в кадках да какое-то вьющееся по стене растение, вот и весь садик, а все же приятно, потому что зелень.

Экий упрямый народ эти англичане! Вчера вечером мы учили-учили ресторатора, как заваривать чай по-русски и, по-видимому, выучили, и он даже остался очень доволен уроком, сам пил сделанный нами чай и очень его похваливал, говоря, что по-русски выходит

гораздо вкуснее, чем по-английски, что тот же самый сорт чая получает в нашей заварке совсем другой аромат, приятность и прозрачный цвет, не теряя должной крепости; а сегодня утром опять подали нам к завтраку под именем чая какой-то мутный и черный как деготь декокт, терпкий и горьковатый на вкус, так что пить его, при всем желании, не было никакой возможности.

— Зачем же это вы нам опять по-английски приготовили?

— Что делать, сударь! Мы уже так привыкли, у нас уже всегда и всем так готовят-ся.

— Но ведь мы же вас просили сделать нам иначе.

— О, да! Но это невозможно!

— Почему же? Разве оно так трудно?

— О, нет! Напротив!.. Но это нарушило бы наш обычай.

Вот и толкуй тут с ними! Они всех и все гнут под свой "обычай", да еще и деньги за это дерут немалые.

В конце завтрака перед нашим столиком появился молодой араб в розовом ситцевом

балахоне, с медным тазиком в руках и, отрекомендовавшись по-французски куафером, предложил, не угодно ли будет кому воспользоваться его услугами. Желаящие нашлись, и в том числе я первый. Он повел меня в особый уголок на открытой галерее, обрамлявшей внутренний дворик, спустил широкую штору, сделанную из тонких деревянных спиц, усадил меня на стул, окутал пудермантелем и с компетентным видом истого мастера своего дела спросил: угодно ли мне бриться, стричься или завиться или же все вместе.

Я отвечал, что желаю только выбриться.

— Очень хорошо. В таком случае это будет стоить вам один шиллинг.

— Все равно, брейте.

Он приступил к своему делу, намылил мне обе щеки и выбрил уже половину лица, но затем вдруг остановился и преспокойно стал прятать свои бритвы и прочие принадлежности, словно окончив свое дело.

— Что же вы не продолжаете? — спрашиваю его.

— Видите ли, сударь... Я взял с вас слишком дешево, и это мне не выгодно... Мои кли-

енты обыкновенно соединяют бритье со стрижкой, и я за это беру с них по два шиллинга; но вам не угодно стричься, а брить за один шиллинг, к сожалению, мне не выгодно.

— Но, черт возьми, об этом следовало предупредить раньше. Вы сами назначили цену, и я с вами не торговался.

— Да, это так. Я виноват, если хотите, но... что же делать, когда мне не выгодно!.. Я подумал и вижу, что это совсем не выгодно. Если вы согласны доплатить мне еще шиллинг, я с удовольствием добрею вас.

Представьте себе комическое положение полувывритого человека с намыленной щечкой. Не говорю уже о досаде на то, что вас поддели на самую грубую и совсем уже неожиданную проделку, нечто вроде мелкого шантажа. Расчет тут очевиден: два шиллинга за бритье — это слишком дорого и такой цены ему, конечно, никто бы не дал; поэтому в начале он объявляет вам одну цену, а в середине другую: или платите, или оставайтесь недобритым. Нечего делать, пришлось согласиться поневоле. Тогда араб-цирюльник потребовал уплату вперед и закончил свое дело

не прежде, как положив карман мои два шиллинга. В конце всей операции он пощекотал мне зачем-то за ушами и под носом, дав понюхать свои пальцы, смоченные каким-то благовонным маслом. Возмущенный наглою проделкой, я заявил о ней рыжему джентльмену, стоявшему за бюро в конторе гостиницы.

— О, это известный плут, — отвечал мне невозмутимый англичанин. — Он постоянно и со всеми проделывает подобные штуки.

— Но если так, то зачем вы его пускаете в свою гостиницу?

— А, это уже *другая* статья. Тут ничего не поделаешь. Он откупил себе у хозяина на несколько лет монополию бриться в нашем заведении и гарантировал себя формальным условием. С нашей стороны, конечно, это была ошибка, недосмотр, но, к сожалению, мы не предвидели возможности таких проделок и должны терпеть их. Этот плут в полном своем праве и, разумеется, пользуется им как только может.

Оставалось лишь пожать плечами пред таким исключительным, чисто английским

уважением к "легальности" всякого права, даже права шантажа, если только этот последний производится "на легальном основании" А впрочем — кто их разберет! — может быть и все они одного поля ягода.

Пользуясь лишним часом, пока пароход, на котором мы должны были плыть далее, не вытянулся из канала на рейд, отправились мы пошататься по базару. Особенность здешнего базара та, что он не покрыт сверху циновками, и потому в лавках светло. Пред каждою лавкой устроен над входом навес, под которым развешаны разные товары. Здесь, кроме английских, нашли мы и местные ткани: это преимущественно шелковые платки, шарфики и узкие шали; а также было несколько довольно красивых полуселковых (на бумажной основе) платков, затканых по пунцовому полю узорами из золотой нити. Не менее оригинальны полосатые шарфы, где сочетаются цвета желтый, пунцовый, синий, зеленый и белый; на концах их висит длинная, но довольно редкая бахрома с шелковыми разноцветными кисточками. Цены на все эти ткани довольно сносны, и хотя с нас как с ев-

ропейских туристов, по обыкновению, заломили втридорога, но мы уже приобрели сноровку торговаться, и потому, скоро сойдясь в цене, купили себе несколько подобных платков и шарфов.

Но вот на береговой сигнальной мачте поднимается флаг: это повестка, что пароход французского общества Messageries Mariâmes уже в виду, подходит из канала к рейду. Мы поспешили вернуться в гостиницу и застали там местного губернатора, Реуф-пашу, приехавшего с визитом к нашему адмиралу. У пристани уже стоял под парами казенный пароход с русским консульским флагом на носу и египетским на корме, чтобы перевезти нас на подходивший пароход "Пей-Хо". Сборы были недолгие. Заплатив неизбежную контрибуцию отельской прислуге и хамалам, переносившим вещи, мы через четверть часа были уже на пароходике, куда вскочил вместе с нами и какой-то пиджачный продавец фотографических видов Суэцкого канала и других достопримечательных мест Египта. Он сбыл нам довольно много своего товара и рассчитывал еще больше сбыть его на палубе "Пей-

Хо" другим пассажирам.

На пути мы прошли мимо островка, на котором воздвигнут в виде бронзового бюста на мраморном пьедестале памятник капитану (представьте мой вандализм: забыл его имя!), впервые сделавшему подробную рекогносцировку Суэцкого перешейка и доказавшему теоретически возможность пересечь его морским каналом. Говорят, что Лесспес, которому пришлось осуществлять его идею, лично настаивал на том, чтоб ему был воздвигнут здесь памятник. Затем прошли мы мимо карантинного здания, возведенного на искусственно поднятой почве, благодаря чему постройка этого небольшого дома обошлась правительству в 10.000 фунтов стерлингов, и вышли на открытый рейд, где приостановился на некоторое время "Пей-Хо".

Широкий пейзаж двух противоположащих материков, африканского и азиатского, с их обнаженными скалистыми высотами был своеобразно красив, несмотря даже на отсутствие растительности. Суэц, этот белый городок с двумя-тремя шпилями минаретов на буро-желтом фоне гор Атаки, казался совсем ма-

леньким в общей широко раскинувшейся картине залива и его прибрежных возвышенностей. Но что в особенности придавало пейзажу оригинальную прелесть, так это удивительная светлость его тонов и мягкость самых нежных красок воды, земли и неба; все это было как бы насквозь пропитано мягким светом и вырисовывалось легкими воздушными абрисами, словно художественный эскиз, слегка намеченный водянистыми акварельными красками. Бледно-лиловые горы, палево-золотистый песок на берегах, похожий на цвет созревшей нивы, бирюзово-зеленоватые волны и серебристо-голубое небо вообще напоминают краски и тоны Неаполитанского залива, только еще гораздо мягче, нежней и воздушнее.

Пароходик наш пристал к высокому борту "Пей-Хо", и здесь мы простились с нашим вице-консулом и его племянником-драгоманом. Заодно я мысленно простился и с тем клочком Египта, в котором довелось мне быть, послав ему свое "до свиданья", с надеждой увидеть его вновь на обратном пути в Россию.

В Красном море

Наши спутники. — Виды берегов. — Источники Моисея. — "Гора Откровения". — Синайский монастырь и его охранители. — Первые неприятности от моря. — Мглистость знойного воздуха. — Нечто об Абиссинии. — Архипелаг Джебел-Зукур и Ганиш. — Следы кораблекрушений. — Рифы Красного моря. — Остров Перим. — Сильные и слабые стороны его стратегического положения. — Судьба французской фактории на урочище Шейх-Саид. — Как англичане украли Перим у французов. — Характер южных прибрежий Красного моря. — Баб-эль-Мандебский пролив. — Приход в Аден.

Продолжение 20-го июля.

П На "Пей-Хо" попали мы прямо к завтраку, который по количеству блюд стоил любого обеда, отличаясь от последнего только отсутствием супа. Здесь был в сборе весь перво-классный состав наших будущих спутников, и мы во время завтрака довольно удобно могли с некоторыми из них познакомиться и сде-

лать, так сказать, беглый обзор остальным. Ехал тут какой-то господин Мишель, который сразу прикомандировался к А. П. Новосильскому и весьма словоохотливо сообщал нашему кружку характеристики и всякие биографические и даже анекдотические сведения почти обо всех пассажирах, в особенности о пассажирках, о пароходном начальстве и даже о пароходной прислуге. Он ехал от самого Марсея и потому за неделю пути успел уже достаточно приглядеться ко всем и каждому. Это был жиденский и юркий французик, вертлявый, искательный, любезный, с кем находил это нужным, нахальный с людьми скромными или застенчивыми и сейчас же пасующий пред тем, кто оборвет его за нахальство. Рекомендовал он себя дипломатом, отправляющимся в Китай, но потом оказалось, что это не более как клерк одного из французских консульств в Китае. Галерея наших спутников предстала нам в таком порядке: на первом плане две английские дамы. Одна из них — да простят мне Аллах и мой читатель — всем складом своей грузной фигуры и выражением угрегато-красной и прессы-

ценно-сонливой физиономии, разительно напоминала то почтенное животное, которое Моисей и Магомет запретили употреблять в пищу своим последователям. Видимо, наевшись до отвала и отсмаковав несколько рюмок Шерри, она растянулась теперь во всю длину на плетеном кресле-качалке, причем, вероятно, невзначай выставила напоказ свои верблюжьи ноги и эпикурейски лениво поглядывала на весь мир Божий. Массивные браслеты стягивали ее поленообразные руки, и длинная золотая цепь от часов охватывала жирную шею. По всем этим аллюрам в ней скорее бы можно было признать американку, чем англичанку, но всеведущий господин Мишель уверяет, будто она несомненнейшая дочь туманного Альбиона. Другая дама — очень милая и вполне приличная особа — была супруга японского дипломата, господина Йошитавне Санномиа, о женитьбе которого на англичанке говорили в свое время все газеты. Теперь эта чета направлялась в Японию, так как молодой супруг нарочно взял отпуск, чтобы познакомить свою супругу с ее новым отечеством.

Затем в галерее нашей следуют: рыжий аббат в очках, сопровождающий на остров Мартинику небольшое общество французских сестер ордена *Sacre Coeur de Jesus*. Между этими сестрами три или четыре довольно еще молодые женщины, и у одной из них, по замечанию господина Мишеля, удивительно страстные и алчущие глаза. Он уверяет и, конечно, врет, будто тут кроется целый роман, который заставил-де эту "интересную особу" променять свой салон в *faubourg St.-Germain* на сутану сестры милосердия.

Тут же едет какой-то рыжий немец, назначенный куда-то на Цейлон вице-консулом. Это страстный охотник играть на фортепиано, но, к сожалению, очень плохо, — только все ноты разбирает и фальшивит, надоедая всем до невыносимости своим бесконечным брэнчанием, от которого некуда укрыться, разве только в душную каюту. Пианино стоит на юте, на открытом воздухе под тентом, где с утра до ночи группируются все пассажиры первых двух классов, как в самом покойном и прохладном месте. Вот юная американка — девица, за которую я подержал бы какое угод-

но пари, что это наша российская нигилистка, до такой степени был знакомо-характерен ее костюм. Представьте себе обдерганное платье по щиколотку, без юбок и шнуровки, широкий кожаный пояс, серый плед на руке (в такую-то жарынь), на носу золотые очки, на голове остриженные волосы и, к довершению всех этих прелестей, из прорехи бокового кармана торчит ручка револьвера. Около этой барышни неотступно увивается какой-то юный мулат, над которым она не стесняется проявлять свои капризы и всю непринужденность своих несколько эксцентричных манер: хлопает его веером по носу, щиплет выше локтя или дергает за ухо. Мишель рассказывает, что вчера за обедом они официально перед капитаном и всем обществом пассажиров объявили себя женихом и невестой, хотя знакомство их перед тем не восходило далее одних суток, так как барышня села на пароход только в Порт-Саиде, нареченный же ее плывет из Марселя. Мишель находит, будто это совсем по-американски, но подобная "скоропалительность" не безызвестна и у нас кое-где на Выборгской, на Васильевском или в По-

дьяческих. Знакомые типы, знакомые нравы!..

Тут же едет во втором классе и еще одна девушка, но совсем другого пошиба. Это очень милая француженка-портниха, отправляющаяся в Манилу, куда ее выписала по контракту на пять лет какая-то хозяйка модного магазина в качестве старшей закройщицы. Одета она очень просто, даже, пожалуй, бедно, но по моде и со вкусом, и ножка обута хорошо; держит себя очень прилично. Вообще ото всей ее фигурки веет некоторым изяществом, хотя по чертам лица ее далеко нельзя назвать хорошенькою.

Между второклассными пассажирами невольно обращает на себя внимание одна идиллическая чета голландских супругов, едущих в Батавию. Оба они белы, мягки, рыхлы и румяны, оба кушают с отменным аппетитом, оба носят самые легкие и прозрачные костюмы, оба улыбаются друг другу детски блаженными улыбками или безмятежно дремлют, прислонясь друг к дружке плечом и сложив на брюшке свои пухлые ручки. Голландские Маниловы, да и только!

Едет также одна китаянка в каком-то смешанном, полуевропейском, полукитайском костюме, состоящем из длинной белой кофты и такой же юбки; прическа у нее своя национальная, а ноги обуты в ботинки, и то обстоятельство, что ступни ее не изуродованы, а остаются такими, как создала их мать-природа, несомненно указывает, что эта особа не принадлежит ни к "благорожденному", ни даже просто к зажиточному классу китайского общества, иначе нога ее непременно имела бы вид маленького копытца. И точно, оказывается, что она из разряда "чернорабочих", простая женщина, долго жившая в нянюшках в одном английском семействе, сначала в Шанхае, потом в Лондоне и теперь возвращается к себе на родину. Говорят, будто китаянки вообще самые лучшие няньки в мире, и я готов этому верить, судя по физиономии той, которую вижу теперь перед собой: ее скуластое лицо очень симпатично, и в узких щелочках приподнятых миндалевидных глаз теплится доброта бесконечная.

Между мужской публикой выделяются по национальностям две группы: англичан и

немцев. Первые преимущественно офицеры, отправляющиеся на службу в Аден, вторые по большей части коммерсанты, приказчики и техники различных специальностей. Эта последняя группа держит себя довольно обособленно, разговаривая только между собой и не стесняясь делает громкие критические замечания насчет всех остальных пассажиров, как бы бравируя: мы-де германцы и потому сам черт не брат нам.

Капитан парохода, бывалый моряк, с наружностью, как говорится, морского волка, и своим видом внушает полное доверие как к своей личности, так и к своей морской опытности. Он давно уже состоит на компанейской службе и считает свои океанские рейсы между Марселем и Шанхаем чуть ли не сотнями. Его лейтенанты, комиссар, судовой врач и старший механик — все это очень любезные люди.

Представительный метрдотель с бюрократической наружностью и котлетовидными бакенбардами отвел мне каюту вместе с М. А. Поджио, который, как человек бывалый, первым же делом перезнакомился со всеми "нуж-

ными людьми", вследствие чего нам и были негласно предоставлены разные маленькие льготы и удобства вне общих правил, вроде, например, разрешения курить у себя в каюте при запертой, конечно, двери, и тому подобное.

Итак, мы с моим каютным сожителем, благодаря его опытности и уменью ладить с людьми, с первой же минуты отлично устроились в нашем помещении, приспособив все свои подручные вещи так, чтобы никакая качка не могла нарушить их равновесия или сдвинуть с места, и, окончив всю эту укладку, поднялись на верхнюю палубу под тент подышать свежим, хотя и знойным воздухом. Пароход уже плавно двинулся вниз по Суэцкому заливу. Все пассажиры были наверху, покоясь в ленивом бездействии на глубоких и длинных плетеных креслах, с удобством заменяющих кушетки и даже постели.

Почему это море называется Красным? В первые часы своего на нем пребывания мы никак не могли определить, чем именно, какую особенность или каким его свойством оправдывается такое название. Темно-синий

цвет воды его скорее всего напоминает Черное море, которое тоже не совсем-то верно называется "черным", так как в действительности оно серо-синее, как стальное.

Берега Суэцкого залива гористы. Сначала вдоль африканского берега виден ряд буро-желтых кряжей, прерываемых незначительными низменностями песчаного характера, а затем южнее тянется прибрежный иззубренный хребт буро-красноватого цвета. Но, сколько можно судить на глаз, это не гранитные скалы, а слоистые шиферные груды да песчаные насыпи, поражающие своею мертвою пустынностью. Там не заметно никаких признаков жизни: ни какого-либо кустарника, ни движения людей или верблюдов, ни даже какой-нибудь одиноко белеющей могилы. В этой картине, опаляемой нестерпимо жгучими лучами солнца, есть что-то гнетущее душу невыразимую тоской. Азиатский берег несколько мягче по своим тонам и контурам, но он также пустынен. В одном только маленьком уголке его ваши взоры с удовольствием останавливаются на небольшой рощице пальм и других деревьев,

под сенью которых белеют два или три небольшие домика с плоскими кровлями. Это место называется Елим, но более известно под названием "источников Моисея". Сюда, по переходе через Красное море, привел великий вождь Израиля народ свой на четвертый ночлег после исхода, пространствовав перед тем трое суток в безводной пустыне Сур и у горько-соленого колодца Мера. "И пришел в Елим, где было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых пальм, и стали тут станом над водами". Замечательно, что число пальм, осеняющих этот маленький оазис, осталось и по сей час то же самое, что упоминается у Моисея в книге Исход: их тут ровно семьдесят, и как в оны дни Израилю, так и теперь дают они тень и прохладу караванам, проходящим от Сура и Мерры через пустыню Син к горе Синайской и обратно. Таким образом, оазис Елим приблизительно сохраняет тот же самый вид и характер, какой имел он слишком за три тысячи лет до нашего времени, и если что прибавилось к нему нового, так разве те две-три убогие арабские сакли, о которых упомянуто выше. Место это состав-

ляет ныне частную собственность Николы-Косты, нашего суэцкого вице-консула. Со времени работ на Суэцком канале европейские жители Суэца наезжают сюда порой отдохнуть на природе или устроить какой-нибудь маленький пикник, так как здесь находится единственная зелень и древесная тень во всей окрестности; сообщение же Суэца с Елимом очень удобно: небольшой парходик перевозит на ту сторону менее чем в час времени. Ввиду всего этого один австрийский немец вздумал было устроить тут для суэцких жителей кафешантан с буфетом и разными развлечениями и уже выписал было из Порт-Саида шансонетных певиц и девиц с трамбонами; оставалось только сговориться с собственником, чтобы снять у него в аренду землю, но тут-то и вышел для австрияка камень преткновения, тем более неожиданный, что он предлагал за аренду оазиса довольно порядочную сумму: Никола-Коста отказал ему наотрез и, как ни обхаживал его немец, не поддался ни на какие соблазны и выгодные предложения. "Это место свято, оно служит предметом поклонения равно для

всех христиан, мусульман и евреев, а вы на нем хотите кабак устроить!". Пока жив Никола-Коста, такому зазорному делу не бывать!" И немец отъехал ни с чем, вынужденный распустить своих девиц с трамбонами и проклиная на всех перекрестках "упрямого араба", лишившего его такой выгодной спекуляции.

В шестом часу вечера садящееся солнце озарило вдали золотисто-розовыми лучами скалистую вершину древне-библейской "горы Откровения". К сожалению, мимо Синая мы проходили уже вечером, когда южная темная ночь вполне овладела природой и зажгла по темно-синему куполу небес бесчисленные мириады звезд, сверкавших как алмазы своим дрожащим светом, в котором играли все цвета спектра. С нами плыл до Адена какой-то весьма скромный на вид купец греческого происхождения. Вечером он случайно очутился подле меня, на верхней палубе у самого борта, и, глядя в темную даль, где как одинокая красная звездочка мерцал какой-то огонек, стал набожно креститься. Сначала было я не домекнулся, по какой причине он это делает, и грек, вероятно, заметив на моем ли-

це некоторое недоумение, спросил меня по-французски:

— Вы русский?

— Русский и православный, — отвечал я.

— Там Синай, — сказал он, простирая руку по направлению к огоньку, — мы как раз проходим теперь мимо.

Я тоже снял шляпу и перекрестился. Это послужило началом нашего непродолжительного знакомства. Оказалось, что грек постоянно проживает в Суэце и служит агентом какой-то французской компании по закупке кофе, а потому весьма часто совершает рейсы до Бакка и Адена, знает хорошо Египет, Нубию, Абиссинию, Палестину и Аравию и неоднократно бывал на Синае. От него, между прочим, узнал я очень любопытное обстоятельство, что Синайская обитель, прошедшая невредимо через все политические и религиозные бури Востока, охраняется не чем иным, как словесным заветом Магомета, который не только запретил своим последователям трогать монастырь или нарушать в чем-либо права и спокойствие монахов, но — мало того — еще поручил соседним с обителью пле-

менам арабов защищать ее и исполнять для нее разные услуги вроде передачи почт, охраны в пути паломников и караванов, следующих к монастырю и обратно, помощи в агрикультурных работах по монастырскому саду и огороду, доставки топлива в случае надобности и тому подобное. И замечательно, что этот словесный завет Пророка до сих пор соблюдается окрестными племенами свято и нерушимо, и при том безо всякого вмешательства правительственной власти турок, а исключительно по их собственной доброй воле. Более десятка веков протекло с той поры, как был изречен этот зарок, и сила его не уменьшилась даже до сего дня, несмотря на все хищнические инстинкты полудиких "сынов пустыни" и на весь пламенный религиозный фанатизм ислама, часто не знавшего никакой пощады в своей борьбе с христианством. Как хотите, но это разительный пример того, что значит сила веры и верности завету в непосредственном, не изъеденном цивилизацией человеке. В то самое время как цивилизованный христианин мечтает о выгодном устройстве кафешантанчика на источниках Моисея,

полуголодные бедняки-мусульмане работают на чуждую им христианскую святыню и защищают ее безопасность только потому, что так когда-то, более тысячи лет назад, было заказано их предком. Монастырь, в свою очередь, не остается перед ними в долгу и по силе возможности снабжает их в неурожайные годы хлебом.

Устройство Синайской обители нерушимо зиждется на древнем уставе ее первых подвижников. Времени для нее как бы не существует, и она в наши дни является в своем обиходе совершенно такою же, как и в первые века христианского иночества. В самом монастыре проживают не более двадцати братьев, остальные же в числе около 130 человек рассеяны по разным православно-христианским странам, где находятся подворья их обители и главным образом в Румынии; епископ же Синайский, избираемый всегда из среды братьев, постоянно пребывает в Константинополе, так как там у него сосредоточено управление всеми филиальными учреждениями и имуществами монастыря. Внутреннее управление в самой обители находится в

руках "совета старцев", периодически избираемого братией. Пользуясь в делах своих полною самостоятельностью, Синайский монастырь тем не менее числится в подчинении у патриарха Иерусалимского, но подчинение это чисто номинальное и выражается только в том, что братия каждый год отправляют патриарху дань в виде корзины фиников и корзины груш из монастырского сада. Патриарх за это подает им свое благословение и утверждает выборы епископа и старцев совета. Все это узнал я в разговоре от моего случайного знакомца-грека, стоя с ним у паровозного борта и любуясь на звездное небо, пока мы проходили мимо Синая. Вид этого неба немного уже изменился против того, каким он является в более северных широтах даже и в самые ясные ночи. Так, Большая Медведица стояла очень низко, почти над самым горизонтом, зато в полном блеске явилось созвездие Скорпиона; Млечный путь опоясывал небосвод с незнакомою для нас, северян, силой белого свечения, как бы оправдывая свое название. Некоторые большие звезды горели так ярко, что свет их заметно отражался вда-

ли тонкими полосами на гладкой поверхности совершенно заштилевшего моря. Переводить мечтательный взгляд от неба к воде и от воды к небу — это почти единственное вечернее занятие пассажиров на верхней палубе, если они не желают заниматься разговорами со своими спутниками или портить себе глаза чтением при свете палубных фонарей; и я тоже предался такому *dolce far-niente*, наблюдая то небо, то воду, в которой ожидал найти явления фосфорического свечения, но ожидания мои на сей раз были совершенно напрасны: никакого свечения в море не замечалось.

Мои мечтательные наблюдения были неожиданно прерваны изумленным возгласом поместившегося рядом Ф. Е. Толбузина:

— Батюшки! Это что еще за мода такая?

Я повернулся к нему с вопросом, в чем дело.

— Смотрите, пожалуйста, в чем эти господа изволят пародировать!

И он кивнул головой на нескольких англичан и немцев, прохаживавшихся по палубе.

Действительно, просторный костюм этих господ для непривычного глаза казался

несколько странным: он состоял из серенькой клетчатой фланелевой кофты и таких же шаровар. То и другое было широкого покроя на завязках и надевалось без белья прямо на тело: обувью служили туфли, надетые на босую ногу. Этот костюм, заменяющий в некотором роде халат, называется патжам и, несмотря на всю свою чересчур уже домашнюю бесцеремонность, приобрел себе право гражданства на всех иностранных пассажирских пароходах, совершающих рейсы в южных водах: мужчинам разрешается облекаться в патжамы после восьми часов вечера и гулять в них свободно по палубе и в кают-компании. На присутствие дам при этом не обращается ни малейшего внимания, и замечательно, что ввели такое халатное обыкновение сами чопорные англичане, которые в своих патжамах не стесняются подходить к дамам, подсаживаться рядом и вступать с ними в самые любезные разговоры. Говорят, будто такой костюм застраховывает от влияния вечерней морской сырости. Может быть и так, но не могу не заметить, что за все время плавания никто из нас, русских, никаких патжамов не

носил и никаких от этого вредных последствий не испытывал.

21-го июля.

На рассвете чуть не наткнулись на две небольшие банки, весьма незначительно возвышающиеся над уровнем воды своею совершенно плоскою желтою поверхностью. Пропшли мы от них в расстоянии не более двадцати сажен и хорошо, конечно, что это случилось не ночью, когда так легко было бы на них напороться, что в Красном море далеко не редкость. В течение всего дня обогнали только один пароход, и этим на сегодня ограничились все наши морские встречи. Утром еще видны были берега, но уже в слабых очертаниях и как бы в серебристом тумане. Так, помнится мне, являлся, бывало, иными днями азиатский берег Мраморного моря во время нашей сан-стефанской стоянки.

Пароходный комиссар (заведующий хозяйственною частью) затеял устроить на палубе "домашними средствами" концерт любителей в пользу семейств моряков, погибших в море. Пароходное начальство вместе с устройтеlem обратилось к нашему адмиралу с просьбой

взять на себя роль почетного председателя в маленькой комиссии по устройству этого благотворительного дела. С. С. Лесовский изъявил свое согласие и предложил нам помочь доброму делу активным образом, то есть принять непосредственное участие в музыкальной и вокальной части концерта. Отказываться не приходилось, тем более, что и публика не могла быть особенно взыскательною по отношению к случайно попавшимся между пассажирами музыкальным силам и способностям даже и не любителей, а просто людей, кое-как поющих или играющих. Главное заключалось в том, чтобы помочь доброму делу, а потому по пословице "чем богат, тем и рад", пришлось и нам справить благотворительно-музыкальную повинность. По этой части "привлекли к ответственности" Н. Н. Росселя и меня, так как нашим русским спутникам было известно, что Россель поет и играет, а я не столько пою, сколько говорю характерные песни и романсы. Матросы под руководством комиссара привели верхнюю кормовую палубу в праздничный вид, убрав ее арматурами и флагами и осветив большими ки-

тайскими фонарями. В восемь часов вечера мы начали наш концерт. Один пассажир из немцев исполнил несколько пьес на цитре; француз Револют, известный путешественник по Африке, под аккомпанемент пианино сыграл на губах, как на тромбоне, весьма удачно подражая с помощью приставленных щитком ко рту ладоней звукам этого инструмента, равно как и звукам волторны; мы с Росселем спели дуэтом глинкинскую "Не искушай" и цыганскую "Я помню отрадно счастливые дни", а затем я — один романс "Что эта жизнь без любви ожидания" и лихую цыганскую "Венгерку", доставшуюся мне, так сказать, по наследству от покойного Аполлона Григорьева. Хотя ржаной каше самой себя хвалить и не приходится, но все же, откинув излишнюю скромность, должен сказать, что русская часть концерта произвела на слушателей очень приятное впечатление благодаря оригинальной прелести наших мотивов, оказавшихся для них совершенно новыми, ни разу еще несслыханными, о чем они и заявляли нам с Росселем, сопровождая эти заявления, конечно, тысячью комплиментов, едва ли, в

сущности, нами заслуженных. Юная американка, которая тоже должна была петь, вдруг перед самым началом концерта заявила, что она больна, и заперлась в своей каюте, а едва концерт окончился, как снова появилась на палубе со своим креолом, одетая в розовый шлафрок, и проскользнула в самое темное и уютное местечко юта. "Не потому ли он и ют, что там удобно ютится, в особенности влюбленным парочкам?" — скаламбурил по этому поводу один из наших спутников. Вообще поведение американской барышни начинает некоторых скандализовать, в особенности англичанок, которые при виде ее многозначительно переглядываются между собой, кидают во след ей сдержанно-негодующие и недоумевающие взгляды и презрительно пожимают плечами. Но барышня, очевидно, бравирует своею независимостью и, совершенно как наши соотечественницы нигилистического пострига, как бы желает показать всем и каждому, что ей на все наплевать.

22-го июля.

Тихое утро. На море почти совсем заштило. Бывалые люди говорят, будто надо ожи-

дать очень жаркого дня, но по каким это признакам — для меня пока еще непонятно. На мой взгляд, день как день, как и все прошедшие дни; утро как будто даже прохладнее, чем вчера, а между тем, предвещают сильный зной. Пароход идет ровно, не колыхаясь. Сказывают, будто длинноусый немец, что едет военным инструктором к китайцам, сочинил какие-то сатирические стишки насчет вчерашнего концерта, и многие весьма интересуются знать, что именно. Однако, судя по этому, морская скука начинает-таки действовать: за отсутствием более крупных интересов дня, мы незаметно поддаемся мелочному интересу сплетни и маленького злословия насчет ближнего. Впрочем, это так понятно...

С полудня поднялся легкий ветерок и начало покачивать килевую качкой. Пароход резал под прямым углом правильно и плавно набегавшие на него гряды пенившихся валов. В небесах не было ни облачка, но, между тем, в воздухе стояла какая-то мгла, словно банный пар. Медно-красноватый диск солнца виднелся сквозь этот пар совершенно без лучей, как бывает иногда на севере зимой в

сильно морозные дни, и, несмотря на отсутствие лучей в воздухе, все же чувствовался гнетущий зной и стояла духота убийственная, точно весь мир обратился в одну паровую ванну. Перед полуднем я имел неосторожность спуститься в свою каюту с целью прилечь на койку отдохнуть немного, но там меня незаметно разморило до такой степени, что через час вышел я на палубу совсем уже больной, испытывая, отвращение и к табаку, и к пище, и таким образом промучился до вечера. Действовала на меня не столько качка, сколько именно эта невозможная духота. Солнце еще задолго до заката совершенно скрылось в густой белесоватой мгле, так что даже и признаков его диска не было видно, а, между тем, гнетущий зной чувствовался и сквозь непроницаемый туман не менее сильно. Говорят, будто в такие "серенькие" бессолнечные дни зной всегда дает себя чувствовать гораздо хуже, чем при самом ярком блеске солнца, и теперь я понимаю, почему по признакам утреннего тумана опытные люди предсказывали на сегодня такую жару. После заката воздух все еще был сильно нагрет, но,

слава Богу, по крайней мере, исчезла эта ужасная духота и явилась возможность дышать свободно. Вечером в воде появились сегодня первые, хотя еще довольно слабые, искры фосфорического свечения.

23-го июля.

Весь день стояла над морем белесоватая мгла, но уже гораздо легче и прозрачнее вчерашней. Солнце, хотя и тускнело порой больше, порой меньше, но смотреть на него нельзя было так свободно, как вчера: лучи уже несколько действовали на глаз, да и медно-красный цвет его изменился сегодня в бледно-желтый. В сравнении со вчерашним днем, на верхней палубе под двойным тентом было менее жарко и душно, что поставляется в прямую зависимость от меньшей плотности сегодняшнего тумана. Воздух не так сперт, потому что слегка продувает тихий ветерок, не оказывающий, впрочем, влияния на поверхность воды: на море сегодня все время почти полный штиль, и мы не испытываем ни малейшей качки. Цвет воды из темно-синего стал переходить в бутылочно-зеленый. "Внешние события" нынешнего дня заключа-

лись во встрече с двумя пароходами: один из них шел в Суэц, другой спускался в Баб-эль-Мандебу. С первым мы довольно быстро разминулись, второй обогнали, салютуя в обоих случаях друг другу приспусканием кормового флага.

Замечательно, как приятно и даже оживляюще действует на человека подобная встреча с проходящим судном среди монотонной морской пустыни. Казалось бы, что тут такого? Проходит мимо какой-то пароход — ну и Бог с ним! Что до него за дело! А между тем, все пассажиры, и наши, и на том судне кидаются к борту, с живым любопытством направляют — те сюда, а эти туда — свои пенсне, лорнеты и бинокли, приставляют щитком к глазам руки, иные машут платками и шляпами, не зная, кому именно шлетя это приветствие. Все равно оно льется людям, неведомым собратьям, таким же путникам, как и мы. Сейчас же лица, улыбки и разговоры становятся оживленнее, слышатся замечания насчет конструкции, внешнего вида, назначения, морских качеств и силы хода встречного судна. Прошло оно, и через несколько минут

о нем позабыли, но самой встречи с ним, несомненно, все были рады: она послужила как бы некоторую новостью, доставила, хотя минутное, развлечение среди однообразия безбрежной морской картины, где не на чем остановиться взору; тем более, что к этому однообразию прибавляется еще однообразие судового хода и стука мерно работающей машины, что в совокупности начинает несколько утомлять нервы. В море более, чем на суше, чувствуешь пустыню и притом пустыню стихии, более чуждой человеку, чем суша. Поэтому-то человек и рад так случайной встрече с другими живыми людьми: при виде их все же кажется, будто мы не так уже отчуждены на этой палубе от остального мира.

Другим развлечением служило сегодня появление чаек и дельфинов. Первые долго кружились за кормой, то порывисто припадая грудью к волнам или мимолетно черкая их поверхность концом острого крыла, то вспарывая плавными кругами ввысь и как бы купаясь в теплом воздухе. Дельфины же целою стаей резво гнались за пароходом, появляясь то с одного, то с другого борта и иногда обго-

няли нас, причем презабавно кувыркались в воде, мелькая над ее поверхностью своим острым темным плавником, а иные с разбегу и вовсе выпрыгивали вон и мгновенно, описав пологую дугу по воздуху, с плеском ныряли в пучину. В этой игре им, очевидно, доставляет особенное удовольствие перегоняться с парходом.

С наступлением вечерней темноты в воде опять появилось фосфорическое свечение, но, впрочем, значительно менее против вчерашнего. При волнении это явление заметнее, чем при полном затишье. Над африканским берегом, где-то очень далеко мигали тусклые зарницы, и судорожно перебегающие их огни захватывали значительный район горизонта, на мгновение окрашивая водную даль то голубовато-зеленым, то красноватым отблеском. Мы долго любовались их прихотливою игрой.

— Ого, какая, однако, гроза над Абиссинией! — заметил, подойдя ко мне, мой вчерашний знакомец, грек из Суэца.

— Разве мы уже под 16 градусом северной широты? — спросил я, не успев еще позабыть

вычитанное мною только вчера у Гельвальда [40] сведение, что Абиссиния лежит между 16 и 8 градусами северной широты.

— Под каким именно градусом, про то уж не знаю, — ответил мой грек, — но знаю по опыту, что это именно над Абиссинией. Там очень частые и сильные грозы, — горная ведь страна и притом орошена изобильно; на низменностях много болот и девственных лесов, постоянные испарения... Но, кроме того, нередко бывают и сухие грозы, без дождя... Это самые страшные.

И действительно, судя по тому, что молнии вспыхивали одна вслед за другою почти непрерывно, гроза, должно быть, была очень сильная.

Мы разговорились. Я осведомился, часто ли он бывал в Абиссинии. Оказалось, что дважды, и оба раза по кофейному делу. По его словам, абиссинский кофе не уступает арабийскому, и восточная Африка считается даже его первоначальною родиной, но, к сожалению, туземцы культивируют его далеко не в той степени, в какой могли бы. Они довольствуются почти только тем, что дает им сама

природа, и потому этого продукта у них едва лишь хватает на собственное употребление, тогда как он мог бы служить важною статьей вывоза и смело конкурировать с аравийским. Беда в том, что абиссинцы вообще мало занимаются земледелием и плантационным делом, предпочитая скотоводство, для которого великолепные луга их обширных плоскогорьев и южных степей представляют все удобства. По натуре своей они более всего склонны быть или купцами, или хорошими воинами, наездниками и стрелками; земледелие же и садоводство развиты у них только в размерах насущной необходимости. "Да и зачем, — рассуждают они, — трудиться нам над этим делом, если сама природа и помимо труда дает нам все, что нужно и даже более чем нужно?" И действительно, берега их рек обрамлены богатейшими зарослями сахарного тростника, кукуруза растет целыми кустами, маслина произрастает в диком состоянии, равно как финики, баобаб и бананы, а затем, при некотором уходе, получают несколько сортов винограда и прекрасные плоды от апельсиновых, персиковых и абрикосовых дере-

вьев. В этой благодатной стране сходятся все климаты — от тропического до альпийского, и туземцы подразделяют ее на три пояса: в нижнем средняя годовая температура равняется +24 градуса R, в среднем она подходит к температуре южной Италии, то есть около +12 градусов и в верхнем от +7 до +8 градусов R, падая по ночам нередко ниже нуля, так что местные горцы ходят в овчинных шубах. Змеи, скорпионы и хищные животные в этот пояс уже никогда не поднимаются, и так как на его плоскогорьях находятся великолепные клеверные поля, то тут и развивается скотоводство в полной безопасности и в обширных размерах. Тип жителей очень красив, и по чертам лица приближается к индо-кавказской расе: они высоки, стройны, ловки и отличаются буро-оливковым цветом кожи, который на севере гораздо светлее, чем на юге, и женщины их вообще славятся красотой. Вся Абиссиния, как известно, исповедует христианскую веру толка монофизитов, коих догмат, осужденный на Халкидонском соборе[41] заставляет страдать на кресте самое божество; но со стороны обряда они строго придержива-

ются установлений православной церкви, сохраняя все ее таинства и употребляя в таинстве святого причащения хлеб квасный и вино с водой. Иезуитские миссионеры до сих пор пока тщетно стараются склонить их к унии: абиссинцы сильно тяготеют к православию и желают более близкого общения с восточно-католическою церковью, из чего, между прочим, проистекает и большое сочувствие их к России, которое, по словам моего собеседника, простирается до того, что они были бы рады и счастливы, если бы русский монарх объявил их страну под своим протекторатом.

— К сожалению, — прибавил он, — вы так мало ею интересуетесь, что не хотите даже иметь в Гондаре (столица страны) какого-нибудь дипломатического агента, хотя мне известно, что на службе у негуса (императора) Иоанна II в войсках находится несколько десятков ваших русских выходцев из казаков.

Признаюсь, это последнее обстоятельство было для меня совершенно неожиданною новостью. Не знаю, насколько оно достоверно, но во всяком случае не считаю себя вправе

обойти его молчанием.

24-го июля.

В седьмом часу утра проходим под четырнадцатым градусом северной широты, мимо архипелага Джебель-Зукур и Ганиш, который, состоя из двух больших, двух средних и около трех десятков малых островов, рассеян в направлении с севера на юг на протяжении тридцати морских миль (52 1/2 версты). Происхождение этих островов вулканическое; холмы их, достигающие на Джебель-Зукуре без малого до 2.000 футов высоты, состоят из черной и красной лавы. Острова эти окружены многочисленными коралловыми рифами, из коих многие сами образуют небольшие островки, крайне опасные для мореплавателей, здесь на рифах около острова Джебель-Зукура и красивой скалы Готт, отдельной торчащей из моря как четырехгранная пирамида, видели мы печальные остатки двух кораблекрушений. Почти рядом, на протяжении какой-нибудь полумили лежали на боку два английские парохода, разбившиеся о рифы. Один, двухмачтовый, потерпел крушение в ноябре 1879 года, а другой, четырехмач-

товый, по имени "Герцог Ланкастерский", только две недели назад, половина его палубы находится еще под водой. Около него на берегу Джебель-Зукура разбито несколько палаток и видны люди, работающие над снятием с судна металлических частей и прочего, еще возможного к спасению материала.

Капитан нашего парохода говорит, что нет моря опаснее Красного, что оно самое предательское в мире, так как, следуя по нему, даже при всех наилучших условиях, вы никогда не можете быть уверены, что пройдете его благополучно, хотя бы шли по самой знакомой, так сказать, наторенной, исхоженной морской дороге. Дело в том, что в Красном море очень деятельно продолжается еще работа кораллов; рифы в нем растут, если можно так выразиться, как грибы после дождя. Вы сто раз в течение уже нескольких лет ходите по известной дороге, не встречая на ней никогда ни малейшего препятствия и не замечая, чтобы даже где-нибудь поблизости существовали признаки какой-либо опасности, как вдруг на сто первый раз наталкиваетесь на подводный риф там, где еще месяц назад вы же сами про-

шли совершенно свободно. Но дело в том, что может быть, в этот-то именно месяц кораллы и довели свою подводную работу до той высоты, где вы неизбежно должны на нее напороться. Это, конечно, несчастный случай, которого могло бы и не быть, возьми вы несколько вправо или несколько влево, но под водой ведь не всегда увидишь! И можно наверное сказать, что тысячи, десятки тысяч всевозможных судов проходят мимо неведомого подводного врага, пока случайно одно из них не напорется на него. Тогда этот риф будет отмечен на морских картах особым крестиком, и суда станут обходить его уже сознательно. Два прекрасные судна, лежащие теперь у Джебаль-Зукура — жертвы подобных же несчастных случайностей. Другое зло Красного моря, свойственное только ему, это песчаные бури, когда сильный береговой ветер несет в море густые тучи мелкого песку и пыли, которые до того затемняют воздух, что нет возможности разглядеть что-либо впереди на расстоянии каких-нибудь двадцати сажен. Во время такой-то бури "Герцог Ланкастерский" и наткнулся на старый, хорошо из-

вестный риф у самого берега Джебаль-Закура.

В половине второго часа дня проходим узким или "Малым" проливом между мысом Баб-эль-Мандеб и островком Перим, известным у туземцев более под именем Мейона. Так вот каков этот знаменитый Перим, "английский страж Красного моря", запирающим своим фортом все доступы в его воды из Индийского океана. Островок не велик — всего до четырех миль в длину и около двух в ширину; в южной своей части он скалист, а в северной полого спускается к морю и у береговой черты переходит почти в полную низменность. Наивысшая точка его всего 214 футов и на ней-то стоит построенный англичанами в 1861 году маяк, окруженный небольшим фортом. Соседние возвышенности Баб-эль-Мандеба значительно превосходят те, что на Периме. Так, например, Черный мыс, лежащий против Перимского форта в расстоянии $2 \frac{3}{4}$ мили от последнего, имеет 300 футов высоты. Шейх-Саид в трех милях до 550 футов и остроконечный пик Джебель-Мангали в четырех милях 886 футов над уровнем моря. Вообще Баб-эль-Мандебские возвышен-

ности командуют над Перимом, и тому, кто завладевает ими, нетрудно будет в случае войны с англичанами сбить своими орудиями пушки Перима. Вероятно, в предвидении подобной возможности англичане и протестовали, когда французская компания Fraissinet et Rabaud устроила на урочище Шейх-Сайд свой складочный пункт. Один из лейтенантов "Пей-Хо" сообщил мне, что вследствие английского протеста компания года два, три тому назад прекратила на Баб-эль-Мандебском берегу свою коммерческую деятельность, сохранив, однако, за собой тот клочок английской береговой территории, где построены ее бараки и высокое белое здание фактории. Это злосчастное, ныне совсем покинутое здание, по-видимому, обречено на разрушение [42].

Перим представляет совершенно обнаженную поверхность, частью скалистую, частью песчаную, и песок этот какого-то темного, как бы угольного цвета. На северном склоне у подножия маячной возвышенности разбросано несколько рыбацких хижин и сарайчиков, но обитателям их приходится ездить за водой

на аравийский берег, так как на Периме нет пресноводного источника. Два или три водомойные русла спадают с ребер его возвышенности во внутренний залив, но они наполняются водой на самый короткий срок, лишь во время проливных дождей, которые, однако, составляют здесь большую редкость. Слышно, впрочем, что англичане выкопали на острове какой-то колодезь, но воды его далеко недостаточно на удовлетворение местной потребности, и потому им постоянно приходится прибегать к помощи опреснительного аппарата. Юго-восточная сторона Перима представляет хороший порт во внутреннем заливе, имеющий в ширину при входе около полумили и достаточно укрытый ото всех опасностей и ветров. Лейтенант "Пей-Хо" сказывал мне, что на берегу этого порта до сих еще видны остатки построек французского лагеря, но когда и по какому случаю был французами занят и потом оставлен этот остров, объяснить мне он не мог. Зато вполне известно, каким образом англичане, что называется изпод носа, украли его у французов. История эта напоминает отчасти басню про ворону и ли-

сицу. Помните? — "Вороне где-то Бог послал кусочек сыру..." Нечто подобное произошло и в этом курьезном случае.

Надо сказать, что до занятия англичанами островок этот был совсем необитаем и, не представляя никому никакого интереса, не составлял ничьей собственности. Но вот Лессепс приступает к осуществлению своего гигантского проекта на Суэцком перешейке. Красное море из закрытого и почти бесполезного залива готовится сделаться одним из важнейших мировых путей, и в это время правительство Луи-Наполеона, уверенное, что никто иной, как только Франция, будет держать в своих руках ключ от этого пути у его северного входа, домекнулось, что не дурно было бы захватить себе ключ и от южных ворот Красного моря. Поэтому поводу в морском министерстве вспомнили о существовании Перима, и вот капитан какого-то французского военного корвета получает приказание идти в Аденский залив и занять именем Франции в Баб-эль-Мандебском проливе островок Перим. Капитан, конечно, тотчас же отправился, но после длинного океанского пе-

рехода почувствовал необходимость зайти на денек в попутный Аден, где можно освежить кое-какие запасы и отдохнуть немного, тем более, что от Адена до Перима рукой подать. По приходе в порт разменялся корвет салютом с английскою крепостью, и затем капитан съезжает на берег сделать визит местному губернатору. Этот последний, как истинный джентльмен, встречает капитана весьма любезно, немедленно же отдает ему визит на корвете и, кстати, при этом приглашает его вместе со всеми офицерами к себе в тот же вечер к обеду. Те в назначенный час являются и застают у любезного хозяина несколько офицеров из местного гарнизона. Размен взаимных любезностей, затем изобильный обед и еще более обильные возлияния. Англичане в качестве хозяев стараются как можно более и занимать, и угощать своих гостей; на каждом двух пришлось по одному французу, а на долю губернатора сам командир корвета. После обеда, когда по английскому обычаю хозяева и гости особенно приналегли на разные напитки, душа у капитана оказалась нараспашку, и он нечаянно как-то проболтался губер-

натору, что идет по поручению императорского правительства занимать остров Перим. Ничего не сказал ему на это английский губернатор, только стал еще более угощать и удвоил свою любезность до того, что уложил французов даже спать в своем доме, когда те окончательно уже, как говорится, "не вязали лыка". На следующий день, сопровождаемые тысячью любезностей и пожеланиями всякого успеха, французы оставили Аден и направились к Баб-эль-Мандебу. Вот и Перим в виду. На корвете уже готова десантная команда, готов и национальный флаг, который исполнительный капитан готовится собственными руками водрузить на вершине Перима и, быть может, получить за это в награду "Почетного Легиона"; уже заряжены и пушки, чтобы с триумфом салютовать этому флагу, когда разовьется он над островом; словом, все готовится к близкому торжеству... Но вот корвет входит во внутренний залив Перима, и что же?! Там уже стоит на якоре какая-то военная шхуна под английским флагом; на берегу уже расположились люди английского десанта, а на вершине гордо развевается флаг

"коварного Альбиона".

Ворона каркнула во все воронье
горло, —
Сыр выпал, с ним была плутовка
такова!..

Французы спустили, однако, шлюпку с лейтенантом узнать, в чем дело и когда именно остров занят англичанами. Те очень любезно отвечали, что остров занят именем королевы, по распоряжению его превосходительства достопочтенного губернатора Адена сего числа в восемь часов по полуночи. И французам, не солоно похлебав, пришлось вместо своего отсалютовать английскому флагу и уйти подобру-поздорову. С тех пор островок этот остается за Англией, составляя ее "непререкаемую" государственную собственность. Тотчас же было приступлено к сооружению маяка и сильного форта, постройка коих в 1861 году была вполне уже окончена, и форт вооружен в должном количестве надлежащей артиллерией. Перим как всеми припасами, так и гарнизоном, снабжается из Адена, состоя под ведением тамошнего губернатора. Гарнизон в мирное время в количе-

стве одной роты и команды артиллеристов переменяется здесь каждый месяц, и люди за время своей службы на острове, считаясь в командировке, получают усиленное содержание. Долее месяца оставлять в этом пекле команду нельзя: люди начинают хиреть и чахнуть. По отбытии срока их обыкновенно возвращают в Аден "для освежения" и на некоторое время совершенно освобождают от служебных занятий. Так, по крайней мере, говорили английские офицеры, отправлявшиеся в Аден на службу. А и в самом-то Адене, надо заметить, служба войск продолжается не более полутора года, так как долее средний организм европейца не выдерживает безнаказанно этого климата.

Как мертвенно угрюм характер южных прибрежий Красного моря. Вот уж именно — места Богом проклятые!.. Нигде ни единого кустика, ни клочка земли. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, одни только скалы и скалы с зубристыми вершинами, покрытые на своих более пологих скатах крупно-зернистым черным песком и каменьями, которые имеют вид каких-то перегорелых шлаков; одни из

них, совершенно черны как уголь, другие темно-бурого, третьи пепельного цвета. Песок у берегов местами совершенно белый, издали словно снег, так что глазам даже больно смотреть на него под вертикальными лучами солнца.

Перим делит Баб-эль-Мандебский залив на две неравные части: из них Аравийская шириной в 1 1/4 морской мили и Африканская, около девяти миль, но суда обыкновенно предпочитают первый проход, так как он короче и, проходя им, не надо огибать большою дугою Перим. В проливе сталкиваются два противные течения, Красноморское и из Аденского залива, но это не оказывает никакого заметного влияния на ход судна.

Прошли пролив, и вдруг в воздухе стало свежее, как будто океаном пахнуло... Но это еще не океан, а только его преддверие, дающее себя чувствовать залетными дуновениями океанского муссона. Остальную часть пути до Адена несколько покачивало.

Пока до обеда все наши принялись писать письма на родину, так как комиссар заявил, что те из писем, которые будут сданы почт-

мейстеру за час до прихода "Пей-Хо" в Аденский порт, пойдут в Европу с первым отходящим туда пароходом. Писали мы все в кают-компании или зале 1-го класса, причем приведенные в действие панки [43], производя движение воздуха, навевали некоторую прохладу и, благодаря им, мы не испытывали ни духоты, ни жары, тогда как в это самое время термометр в тени показывал +33 градуса Реомюра.

Ах, просто ужасны эти любители бренчат на фортепиано не совсем-то умелыми руками!.. До чего ведь надоедают!.. И каково же это здесь, на пароходе, где от их бренчанья решительно некуда укрыться! С нами, к несчастью, едет один такой мучитель, рыжий Немец, отправляющийся куда-то на Цейлон вице-консулом. Ну можно ли быть таким меднолобым человеком чтоб ежедневно, по целым часам наигрывать победные гаммы, марши и песни в честь немецкого фатерланда, Бисмарка, Мольтке и проч. Из-под его фальшивящих пальцев то и дело раздаются звуки или победного марша "Vorwärts!" или "Wacht am Rhein" или "Heil dir im Siegerkranz!" и т. д.,

причем он, вероятно, забывает или не может принимать в соображение что едет и проделывает все это на французском судне. Возмутительная бестактность! А еще дипломатический чиновник...

В десятом часу вечера подошли к Адену и, в виде позывного сигнала, чтобы вызвать к себе лоцмана, сожгли фальшфейер. Лоцман вскоре прибыл в лодке с несколькими гребцами-арабами, которые, пристроясь на буксире у нашего левого борта, время от времени напевали все в унисон какие-то свои песни гортанными, надсадными и как бы из глубины утробы исходящими голосами, словно они не поют, а нудятся и тужатся. Это выходит очень некрасиво.

Без пяти минут в десять часов вечера "Пей-Хо" бросил якорь на Аденском рейде, и не прошло после того пяти минут, как над Аденом пролетел великолепный метеор, освещающая всю окрестность сначала зеленым, а потом красным светом, и рассыпался в бесчисленных искрах над степною пустыней.

Ах, и порядки же на этих иностранных пароходах! В десять часов вечера, хоть умри, не

достанешь перекусить ни кусочка. А буфет под боком, и сам буфетчик налицо. То ли дело у нас, на пароходах хотя бы Русского Общества!

Аден

Флотилия арабских лодок, их публика и товары. — Арабчата-ныряльщики. — Желтоволосые арабы. — Картина Аденской местности. — Наследие Каина. — Как ревниво оберегают его англичане. — Наемное убийство французского консула. — Джебель-Гассан и Джебель-Шамшан. — Аденский порт. — Соседняя степь и ее обитатели. — Арабский город. — Торговое значение Адена. — Что сделали из него англичане. — Условия их службы в Адене. — Состав гарнизона. — Артиллерийские казармы и офицерский клуб. — Жизнь английских офицеров в Адене. — Европейская часть города. — Извозчики и их экипажи. — Арабская деревушка. — Аденское ущелье и его укрепления. — Характер аденских построек. — Знаменитые цистерны. — Неудачный садик. — Что такое для

Адена дождь. — Курьез насчет утolenия жажды. — Аденские женщины, их татуировка и роль относительно их английского правительства. — Опять английское фарисейство. — Арабская кофейня и ее публика. — Мой монокль в роли шайтана. — Аденский кофе как напиток. — Наш уход из Аденского порта. — Перед океаном.

25-го и 26-го июля.

Рано утром разбудили меня разнообразные крики и гортанный говор множества суетившихся арабов. Крики эти и говор неслись и с верхней палубы, и извне, из-за бортов парохода. Я выглянул в открытый иллюминатор своей каюты и увидел, что весь борт с нашей (правой) стороны парохода просто облеплен разнообразными лодками и челночками, которые подбрасывало на волнах словно ореховые скорлупки. В этих утлых посудинках сидели, стояли и лежали арабы, старые и молодые, и мальчишки, даже трехлетние младенцы. Иные из них были полуодеты или задрапированы каким-нибудь дырявым полосатым бурнусом, другие прикрыты только одним лоскутом, а третьи, преимущественно

но мальчишки, и вовсе без малейшей одежды. Только лодочники по ремеслу, или "штатные", были в белых рубахах, на которых с левой стороны груди виднелся номер лодки, вышитый черной тесьмой.

Одни из лодок были обыкновенного европейского, другие же местных типов и довольно разнообразных как по величине, так и по конструкции. Тут были и востроносые, и плосконосые, и плоскодонные двукормовые вроде длинных ящичков, и двуносые вроде наших душегубок, и совсем миниатюрные челночки, выдолбленные из одного куска дерева, которые легко могут быть унесены любым мальчишкой на голове, а взрослым под мышкой. В этих последних скорлупках, напоминающих своим видом те лодочки, что делают себе на забаву дети из расщепленных напополам свежих стручьев гороха, сидели исключительно маленькие арабчата, и то не более как по одному человеку, причем весла заменяли им по большей части свои собственные ладони, опущенные за борт. Что же касается вообще туземных весел, то они отличаются очень оригинальной формой: нашу лопасть

заменяет в них деревянный плоский кружок, около полутора фута в диаметре, прикрепленный к короткой цилиндрической палке. В больших лодках употребляется от двух до шести пар подобных весел, а в малых седок нередко управляется и с одним веслом, но в таком случае деревянные кружки бывают насажены на оба конца более длинной палки. Система руленья с кормы, как у итальянцев или китайцев здесь не известна; арабы просто гребут с бортов, причем, однако, обходятся без уключин, широко хватаясь за веслице обеими руками.

Вся эта флотилия, как уже сказано, тесно абордировала наш пароход, причем задние лодки в настойчивом старании своих хозяев протиснуться вперед и оттереть соседей, сталкивались носами и кормами и, шарыгаясь одна о другую бортами, сильно кренились то вправо, то влево, через что весь товар их подвергался опасности вывалиться в море. Соперники и конкуренты, желая раздобыть себе более выгодное место и для того тискааясь поближе к борту парохода, сцепляли борт о борт свои лодки, нередко с величайшим азартом

вступали друг с другом в жестокую потасовку, которая обыкновенно встречалась регочущим смехом, криком, бранью, шутками и поощрениями со стороны всей остальной этой публики, тогда как мальчишки из своих скорлупок старались заплескать дерущихся водой. Нередко такая же потасовка подымалась и между мальчишками. При этом скорлупки их черпали бортом, опрокидывались, и маленькие задорные бойцы вдруг оказывались в воде, но это нимало не охлаждало их пыла: быстро схватясь одною рукой за опрокинутый челночок, чтоб иметь точку опоры на воде, они другою рукой старались наносить противнику как можно больше ударов, исцарапать ему лицо или вцепиться в густую паклю длинных курчавых волос. Тогда побежденный прибегал к последнему маневру, состоящему в том, чтобы нырнуть поглубже и увлечь за собой победителя. На глубине они обыкновенно прекращали драку и, вынырнув каждый особо на свет Божий, заботились теперь только о том, чтобы поймать свои скорлупки. Эти чертенята совершенные маленькие тритоны, для которых вода — своя родная

СТИХИЯ.

Лодки взрослых арабов были переполнены всякою всячиной из числа местных естественных и кустарных произведений, и продавцы наперебой стремились показать и продать свой товар пароходным пассажирам. У одних пестрела и отливала перламутром гряда различных раковин и рядом с нею белые и серые кораллы, пунцовые морские звезды, радужные морские ежи, зубчатые длинные носы пилы-рыбы; у других — свежая, только что наловленная рыба или большие страусовые яйца; у третьих — корзины и кубышки, очень искусно и даже изящно, с весьма своеобразным узором сплетенные из соломы и камыша, окрашенного в желтый, кубово-синий и буро-красный цвета; у четвертых — разная посуда и в особенности из необожженной белой и желтой глины. Те привезли сюда просо, эти — вяленые финики, иные — живых баранов, иные — мешки кофе, циновки, барсовые шкуры, бурнусы из пальмовых и конопляных волокон и верблюжью шерсть, которая, впрочем, едва ли кому могла бы понадобиться на нашем пароходе. Все эти торговцы и промыш-

ленники, выхваливая каждый свои товары, невообразимо шумели и галдели своими гортанными голосами, выразительно жестикуютировали и подмигивали и протягивали руки, выпрашивая Бог весть за что бакшиш, а иные, преимущественно молодые парнишки лет пятнадцати, ухитрялись какими-то судьбами по приставленным из лодок к пароходному борту баграм и веслам взбираться до высоты наших открытых иллюминаторов с каким-нибудь морским ежом или красивою раковиной. Таких ловкачей наши матросы обыкновенно обдавали с верхней палубы струей воды из брандспойта, потому что они под предлогом продажи всегда норовят стащить что-нибудь из каюты в открытый иллюминатор. И вся эта оригинальная кутерьма и базарная суতোлка происходила на зыбких волнах, которые беспрестанно то поддавали кверху, то опускали вниз качавшиеся с боку на бок лодки.

Но забавнее всего были, конечно, голые мальчишки от шести до десяти лет, предлагавшие из своих скорлупок купить у них для чистки зубов нарезанные черенками (вершка

в два длины) кусочки какого-то обструганного желтоватого дерева вроде акации. Желая тут же на деле показать и самый способ употребления этих черенков, они терли ими свои ровные блестящие белые зубы. Эти чертенята дразнили взрослых, дразнились и между собой, плескались друг в друга водой, пели песни, хлопали в ладоши, скалили зубы, выпрашивали бакшиш, кувыркались в воде и предлагали показать свое искусство ныряния. Для того, чтобы видеть последнее, с верхней палубы парохода обыкновенно бросается в море какая-нибудь мелкая серебряная монета. Мальчонка зорко следит за ее полетом в воздухе, замечает, где именно упала она в воду; затем, моментально выпрыгнув из своего челночка, ныряет за нею в глубину. Проходит несколько секунд, и курчавая голова показывается над водой, с торжеством держа в руке или в зубах пойманную монету, которая обыкновенно и служит мальчику наградой за ловкость. Но надо заметить, что для этой штуки кроме ловкости нужна еще и смелость, так как на рейд иногда заходят из Аденского залива хищные акулы, и редкая неделя про-

ходит здесь без несчастного случая для подобных смельчаков: у иного этот "морской тигр", как величают акулу местные арабы, отхватит руку, у другого ногу; но это никого из них не останавливает, и большинство здешних арабчонков до того наловчатся в своем искусстве, что хватают монеты чуть не из-под пасти у акулы, пользуясь ее известною неповоротливостью.

К числу особенностей туалета здешних арабов должно отнести их обыкновение намазывать себе голову какою-то смесью из извести и белой глины, пенящейся как мыло, отчего их волосы получают вид серой мерлушки, а высохнув, принимают тот рыжий цвет, которому, быть может, от души позавидовала бы любая парижская кокотка. От продолжительной смазки эту смесь волосы окончательно теряют свой естественный черный цвет; они как бы выгорают или выцветают и становятся либо чалыми, либо желтовато-бурыми, как у верблюдов. Такая "мода", как уверяют, имеет свое основание в том, что здешние арабы не носят никаких головных покровов, и эта смесь, а впоследствии и са-

мый цвет волос защищают их головы от действия вертикальных лучей солнца.

Окончив поскорее свой туалет, я поднялся на верхнюю палубу, чтобы взглянуть на общий вид города и берегов Аденской бухты.

Старший лейтенант "Пей-Хо" [44], уже много раз посещавший эти воды и хорошо знакомый с их ближайшими береговыми окрестностями, весьма любезно сообщил мне о них несколько интересных сведений. Но сначала скажу об общей картине Адена. Первое, что поражает вас при взгляде на нее, это как бы опаленные огнем и навороченные в чей-то исполинской борьбе груды скал и совершенно безжизненных кряжистых гор красновато-бурого, пепельного и черного цвета, словно их ребра и вершины были облизаны некогда гигантскими языками адского пламени, оставившими на них неизгладимые следы копоты. Местами кажется, будто на них застыла вулканическая лава и накипь. Многие камни, разбросанные на откосах и при подошвах этих закопченных скал, напоминают своим видом перегорелые шлаки. Почва — камень и крупно-зернистый черноватый песок. Силу-

эты гор и скал прихотливо зубчаты, и около них, ни внизу, ни вверху, ни малейшей растительности.

К северу от берегов бухты далеко и широко простирается в глубь страны песчаная низменность, кое-где словно кочками покрытая низеньким серым кустарником, и по этой равнине разбросано торчат вдали несколько убогих сереньких пальм, которые вовсе не поэтически напомнили мне своим видом казарменные мочальные швабры, выставленные метлами вверх для просушки. Да простит мне читатель такое неизящное сравнение, но, в самом деле, в них не было ровно ничего красивого, и лучше бы их тут вовсе не имелось, — тогда, по крайней мере, ничем не нарушался бы характер пейзажа, лишённого зелени. Тем не менее, вся картина в общем производит сильное, невольно давящее душу впечатление чего-то мертвенно-мрачного, ужасного... Есть у здешних арабов предание, будто в этих местах скитался Каин после братоубийства и кончил жизнь свою на этих Богом проклятых знойных скалах, изнемогая от неутоленной жажды. И в самом деле, в харак-

тере всей этой суровой местности как будто сказывается некий ужас, нечто Богом отверженное, спаленное гневом Божиим, нечто такое, на чем лежит извечная печать проклятья. Есть у тех же арабов и другое предание, утверждающее, будто Рай прародителей наших существовал именно на этом месте, но после их грехопадения пылающий меч архангела превратил его в такую печальную, мертвую пустыню затем, чтобы в человечестве не осталось и следа воспоминаний о прежнем блаженстве. Поэтому и самое имя "Аден" производят будто бы от европейского Ган-Эйден (Эдем, рай). Нельзя не заметить, что оба эти предания, созданные поэтической фантазией "сынов пустыни", как нельзя более подходят к характеру Аденской местности: они выражают собой весь ее смысл, всю ее сущность.

В настоящее время наследие Каина принадлежит англичанам, и так как Аден является одним из пресловутых "ключей", отпирающих Индию, то они ревниво оберегают свое достояние от малейших на него посягательств, не брезгая пользоваться для этого даже и каинскими средствами. Ныне совсем

уже забытая, а в свое время наделавшая немало шума история убиения в Адене французского консула Ламбера, служит тому достаточным подтверждением. Ламбер, офицер морской пехоты, исправляя обязанности французского консула в Адене, вознамерился основать на Аравийском берегу в некотором расстоянии от Адена французскую факторию, которая могла бы служить центром для снабжения проходящих французских судов припасами. С этой целью он завязал дружеские сношения с шейхами соседних кочевников и часто совершал к ним небольшие экскурсии. Он сумел внушить им, что их собственный интерес требует поставить хоть какую-нибудь преграду распространению власти англичан и что для этого самое лучшее было бы уступить за известную плату часть их территории французскому правительству, в котором они могли бы находить противовес давлению англичан. Арабам эта идея очень понравилась, и дело было почти уже слажено, как вдруг однажды, возвращаясь домой из одной подобной экскурсии, Ламбер на глазах у английских часовых был убит в своей соб-

ственной лодке в каких-нибудь пяти-шести саженьях от берега несколькими кочевниками, кошельки которых, как выяснилось потом, были набиты английским золотом. Жакольё, подробно повествующий об этой истории, между прочим, замечает, что горесть английского коменданта Аденской крепости по поводу смерти его "искреннего приятеля" могла сравниться разве с горестью английского же миссионера Эллиса. Отого-то и поспешил он послать своему правительству депешу, в которой заклеял это преступление названием "бессмысленного, совершенного фанатиками-арабами безо всякого повода и единственно с целью удовлетворения своим кровожадным инстинктам". Франция тогда потребовала наказания виновных от Англии, но та отвечала, что, к сожалению, убийство было совершено в нескольких футах расстояния от границы английской территории, а потому мы-де ничего тут не в состоянии сделать, но что Франция может, если желает, сама искать и преследовать виновных. Правительство Луи-Наполеона сделало вид, будто удовлетворилось английскою шуткой, так

как это было во время его "сердечного союза" с Англией и послало к берегам Аравии военное судно. Благодаря указаниям "добрых союзников", командир этого судна арестовал тогда до пятнадцати человек разных посторонних арабов, но следствие ровно ничего не открыло и, по словам одного из военных судей, во время допроса мнимых виновных судьи на каждом шагу чувствовали чье-то постороннее влияние, мешающее прямому ходу следствия, и злились на свое бессилие, так как вслед за приступом к делу получили свыше формальный приказ не производить никаких серьезных розысков относительно щекотливого вопроса о том, кто был действительным руководителем данного преступления. "Еще и теперь, — замечает Жакольё, — хохочут над этим Foreign Office, и мы (французы) слышем там за нацию, над которою очень легко издеваться в деле колонизации". Но как бы то ни было, а англичане добились своего, так как с тех пор в Адене нет французского консула; обязанности же консульской агентуры исполняет агент компании Messageries Maritimes, и ему строго запрещено касаться каких бы то

ни было вопросов политического оттенка.

При входе в Аденский порт с открытого моря, вы видите по бокам водного прохода в четыре мили ширины две большие скалистые группы горных вершин — восточную и западную. Та, что высится слева, или западная, известна под названием Джебель-Гассан, а та, что справа — Джебель-Шамшан. Каждая из этих групп образует особый полуостров, примыкающий своим перешейком к равнинной низменности Аравийского материка, от которой, впрочем, оба полуострова почти отделены руслами двух горных потоков, сбегаящих в бухту. Но эти последние наполняются водой только во время сильного дождя, составляющего здесь довольно большую редкость. Русла эти придают обеим группам вид как бы двух островов, оберегающих доступ к прекрасной бухте, лежащей позади их обширным бассейном в низменных песчаных берегах. Массив Джебель-Гассана состоит из гранита и занимает пространство в шесть миль от востока к западу и в три мили от юга к северу. Главная его вершина высится на 377 метров (1,131 фут) над поверхностью моря и

отличается продлинновато-конической формой, почему и известна мореходам под названием "Сахарной головы". На восточной оконечности Джебель-Гассана находится почти отвесный двухвершинный пик в 633 фута высоты, замечательный своею оригинальною формою, вследствие которой по сходству его назвали "Ослиными ушами". В общем, зубчатые очертания Джебель-Гассана очень выразительны и красивы.

Джебель-Шамшан, известный также под названием Аденского мыса, точно так же как и его западный сосед, представляет возвышенный и скалисто-кряжестый массив в пять миль длины от востока к западу и в три мили ширины. Собственно Джебель-Шамшаном называется наиболее возвышенная часть этого полуострова, темя которой носит на себе несколько скал, похожих на башни (из этого сходства возникло и само название "Шамшан"). Наиболее высокая из них в 1,623 фута над морским уровнем видна с моря в ясную погоду за 60 миль от берега. Самый мыс Аденский состоит из плотного известняка и очень напоминает скалу Гибралтара. Англичане

овладели этим пунктом в 1839 году и с тех пор понастроили на нем укреплений, которые делают его почти неприступным. Вершины Аденского мыса представляют гораздо большую возможность прицела с высоты и большую широту обстрела, чем самые знаменитые крепости в Европе. Скалистые выступы, окружающие этот горный массив, образуют множество заливчиков, которые в бурю доставляют мелким судам надежное закрытие.

Бандер-Тувайгии, или западный залив, известный более под названием Заднего Аденского порта, лежит между Джебель-Гассаном и Джебель-Шамшаном и вдается в глубь низменного солончаково-песчаного материка на четыре мили к северу; ширина же его от востока к западу восемь миль. В нем есть еще три внутренних залива, в одном из коих и находится собственно порт. Глубина воды здесь от 16 до 22 футов, дно илистое и песчаное. Остальные внутренние заливы Тувайгии мелководны и доступны лишь для арабских бакгалах, которые, впрочем, отваживаются выходить и в открытое море и переплывают оке-

анский Аденский залив, в Берберех, Зейду и Таджуру.

Равнинная низменность уходила к северу, теряясь безо всяких очертаний в белесоватой мгле горячего воздуха; она вся казалась пепельно-белою и местами, на солонцах, даже сверкала под лучами солнца как зеркало. Там, в расстоянии, около семи верст от берега, ярко белела могила шейха Кадыра в виде квадратной часовни, покрытой мавританским куполом, несколько в стороне от нее виднелась арабская деревушка Бир-Ахмед (иначе Бий-ар-Ахмед), защищенная глиняным фортом арабской постройки. Над нею торчало несколько тощих пальмочек. Хотя в Бир-Ахмеде не более двухсот пятидесяти оседлых жителей-арабов, тем не менее деревушка эта считается столицей султана независимого племени Акраби, который и имеет там свою постоянную резиденцию. Племя или род Акраби в числе около шестисот человек, не считая детей и женщин, кочует в окрестностях Туавайгии, где ему принадлежат два маленьких доступных для бакгалах залива — Бандер-Шейх и Кюр-Кадыр; территория же Акра-

би занимает площадь около 20.000 десятин и главнейшим продуктом их владений является джовари: — просо, составляющее первый предмет их отпускной торговли. Это маленькое племя окружено к северу и востоку племенами Абдали и Гасгаби, а к западу — Зубейги. За стенами своего форта Акраби хранят свой племенной склад кофе, просо, собственных мануфактурных произведений и кое-каких иных предметов торговли, вроде барсовых шкур, страусовых яиц и пальмовых циновок, всегда готовых к отправке на бакгалахах, заходящих иногда в Бандер-Шейх и Кюр-Кадыр, да и сами они имеют на берегу этих заливчиков кое-какие свои собственные челноки и лодчонки, которыми и пользуются в тех случаях, когда в Аденский порт приходит с моря большое пассажирское судно, чтобы продать на борт кое-что из своих произведений или стащить, что плохо лежит.

Самый город Аден находится на территории племени Абдали, которое, по собственному показанию его сынов, насчитывает у себя до 10.000 мужских душ. Они все без исключения весьма строгие мусульмане, до фанатиз-

ма следуют велениям Корана и крайне враждебно настроены ко всем вообще европейцам, а к англичанам в особенности. Поэтому не совсем-то благоразумно выходить путешественнику за черту города, а высаживаться на берег с пустынной западной стороны Тувайгии, на Гассане или на низменности и вовсе уже небезопасно: Абдали (а под их руку порой и Акраби) того и гляди заарканят неосторожного туриста и уволочут его подалее в степь, чтобы потом потребовать за него богатый выкуп или обратить его в рабство и заставить вечно толочь для них просо и таскать воду. Если же у пленника нет никого, кто мог бы внести за него нужную сумму и сам он оказывается слабосильным для рабского труда, то его просто прирезавают "во славу Аллаха". Подобные примеры нередко бывали прежде, да и теперь случаются.

Город состоит из двух частей — европейской и мусульманской, которые отделены друг от друга довольно значительным расстоянием, так что в сущности являются двумя особыми городами, хотя и находятся оба в черте английских укреплений. Тот и другой

расположены на Шамшане, но европейцы об-
селили западную часть берега, обращенную к
порту Тувайгии, а туземцы вместе с пришель-
цами из разных стран Азии и Африки и евро-
пейскими миссионерами остались на восточ-
ной стороне, глядящей в океан. Арабский
Аден залегает в глубокой котловине, как бы
на дне потухшего кратера, и окружен со сто-
роны материка остроконечными иззубренны-
ми вершинами горных массивов. Он занима-
ет площадь около половины квадратной ми-
ли, не считая того участка, где находятся
древние цистерны. Восточный конец его вы-
ходит прямо к морю, где перекрывает его
небольшой скалистый островок Сирах, кото-
рый, возвышаясь в южной своей части на 393
фута, командует всем восточным рейдом, и
потому англичане, конечно, не оставили его
без надлежащих укреплений. Проливчик
между материком и Сирахом ныне перепол-
нен наносным песком, обнажающимся во
время отлива, вследствие чего образуется как
бы перешеек, соединяющий островок с бере-
гом. В арабском городе остается теперь около
30.000 душ населения.

Аден был объявлен англичанами порто-франко в 1850 году и с того времени перебил у Мокки почти всю кофейную торговлю, так как здешний порт гораздо удобнее Моккского. Главнейшие статьи здешнего вывоза составляют кофе и мед с Геджасских гор, как говорят, самый вкусный на свете, а предметами ввоза служат каменный уголь, манчестерские произведения, кожа, выделанные баряньи шкуры, лес в виде бревен и досок, вина, спирт, шелковые материи, стальные изделия и прочее.

Аден более всего страдает отсутствием пресной воды. Несколько попыток добыть подпочвенную воду посредством колодцев не привели к желанному результату: во всех случаях вода оказывалась со значительной примесью горьковатых солей. Теперь недостаток этот до некоторой степени устранен: несколько лет тому назад в одном из маленьких заливчиков Тувайгии англичане устроили дистиллярню для опреснения морской воды, где постоянно работают два опреснительных снаряда, благодаря чему моряки могут получать здесь довольно сносную воду по 13

шиллинг (16 франков 25 сантимов) за тонну (бочка в 60 пудов весу), кроме стоимости бочек и доставки на борт. Аден служит одною из важнейших угольных станций на пути между Европой, Азией и юго-восточной Африкой; поэтому здесь сосредоточены громадные запасы каменного угля (преимущественно кардиф), коего главный склад принадлежит компании *Péninsulaire et Orientale*. Здесь же можно получать и провизию всех сортов, но фрукты и овощи довольно редки и очень дороги.

Выше я сказал, что наследием Каина воспользовались англичане, и должен прибавить к этому, что воспользовались с толком. Достаточно побывать в Адене и воочию увидеть все, что сделано здесь англичанами за какие-нибудь десять-пятнадцать лет, чтобы безусловно отдать справедливость их национальному гению. Одна уже решимость жить в таком месте чего стоит! Правда, зато служба офицеров здешнего гарнизона и административных чиновников оплачивается отлично. Говорят, что место здешнего губернатора (он же и комендант крепости и главный началь-

ник над портом) с обязательством прослужить и на нем безвыездно четыре года, оплачивается правительством до 3.000 фунтов в год, кроме казенного дома со всею обстановкой, прислугой, лошадьми и экипажами. Но говорят в то же время, что и выжить здесь четыре года есть в некотором роде замечательный подвиг самоотвержения, тяжелый искус, который далеко не все способны дотянуть до конца, не расстроив окончательно свое здоровье. Если уж сами арабы, исконные жители этого места, поселили сюда в своей легенде Каина в наказание за братоубийство, то можно представить себе, что это такое и какую пыткой должна быть жизнь в условиях этого климата и местности для непривычного европейца! Но англичане живут и создали себе тут целый городок, перестроили по своему плану арабский город, понастроили казарм для своих солдат и сипаев, все выдающиеся скалистые вершины увенчали каменными фортами, пробили в толще горных кряжей туннели, для большего удобства и краткости сообщений в крепости, и истратили громадные суммы на реставрацию древних араб-

ских цистерн. Но эти грозные форты вооружены пока старинными чугунными пушками, да и тех-то немного. Орудия современной конструкции, в числе четырех или шести штук, находятся лишь на одной портовой батарее, защищающей доступ с моря к европейскому городу.

Гарнизон Аденской крепости состоит из полка английской пехоты, полка сипаев, артиллерийской роты и эскадрона регулярной кавалерии, всего в числе 1300 человек. Теперь войска выведены в лагерь, за три мили от города, но лагерь этот не имеет ничего общего с европейскими лагерями; войска в нем помещаются в кирпичных, выбеленных известью бараках, с широкими галереями-верандами, и существует этот лагерь только для того; чтобы можно было периодически освежать и ремонтировать крепостные казармы. Учения производятся дважды в день: ранним утром и перед закатом солнца, причем на каждое из них употребляется отнюдь не более часу времени.

Артиллерийские казармы находятся в порту, между европейским городом и телеграф-

ною станцией. Они одноэтажные, барачной системы, и снабжены широкими верандами, чтобы солнечные лучи не могли проникать сквозь окна в комнаты. Перед их фронтом простирается небольшой плац, где стоят несколько мортир и старых чугунных орудий. Тут же на плацу устроено место для игры в теннис, без которой не обходится ни одна английская казарма, как и ни одна английская колония во всех частях света. Казармы эти вытянуты на ровной низине между двумя горбатыми скалами. На хребте одной из них стоит дом телеграфной станции, куда ведет высеченная в камне лестница в девяносто ступеней, и на скале другой возвышается белое двухэтажное здание офицерского клуба, построенное в обычном английском "колониальном характере", то есть корпус здания в обоих своих этажах опоясан широкими крытыми галереями-верандами с легкими аркадами, которые на сей раз довольно неуклюже стараются изобразить собою нечто в мавританском вкусе. Впрочем, эта неудачная претензия не мешает офицерскому клубу внутри быть очень комфортабельным убежищем в

часы томительного зноя. В нем повсюду царствует приятный мягкий полусвет, резкие тени и яркие блики не раздражают глаз, а устроенная в каждой комнате панка доставляет легкий ветерок и прохладу, благодаря которой офицер, окончивший служебные занятия, может целые часы дремать за газетой или мечтать о далекой родине, неподвижно лежа с задранными кверху ногами (любимая их поза) в плетеном кресле-качалке особого устройства. Эти длинные, горизонтально вытянутые кресла приспособлены гораздо более к лежанию, чем к сидению, и вы всегда их встретите в достаточном количестве на веранде каждого английского дома на Востоке. Кроме клуба офицеру здесь решительно некуда деваться, и поэтому клуб соединяет в себе все, чтобы доставить своим посетителям как можно более удобств и покоя. Избранного женского общества среди европейского населения в Адене почти не существует; семейных вечеров и спектаклей не бывает, ухаживать, кроме негритянок, не за кем, и таким образом все развлечения офицеров поневоле ограничиваются крокетом, билиардом, иг-

рой в карты да разного рода спортом, в котором выдающуюся роль играет устройство для арабов скачек с препятствиями на верблюдах. Разбежавшийся вскачь неуклюжий верблюд и без того уже представляет забавное зрелище, а на преодоление разных препятствий, вроде небольшого рва или барьера, он, как рассказывают очевидцы, способен заставить рассмеяться самого угрюмого человека. Скачки эти всегда бывают на призы и потому в охотниках между верблюжатниками никогда нет недостатка. Случается, что их дромадеры, запнувшись или заупрямясь перед каким-либо препятствием, столпятся в одну ошалевшую кучку и ни с места. Тут же раздосадованные верблюжатники, сидя на их горбах, принимаются хлестать по ним нагайками и хвостинами и хлещут сначала своих, потом чужих и наконец в азарте, уже ничего не различая, сыпят удары друг на друга, причем между ними, к наивысшему удовольствию зрителей, среди рева и стопа верблюдов, происходит генеральная трепка. Удовольствие, нельзя сказать, чтоб особенно возвышенное или изящное, но, за неимением лучшего англича-

не и тем довольны. Впрочем, если кто и едет сюда на службу, то уже, конечно, не из-за удовольствия служить в таком месте, а только ради крупного содержания, чтоб поправить расстроенные дела или скопить несколько денег.

На Аденском рейде для местных служебных надобностей всегда находятся два военные судна, одно транспортное, чтобы держать сообщение с Перимом, Берберехом, Зейлой и другими соседними приморскими пунктами, а другое — канонерка на всякий случай.

Европейский город очень невелик. В нем не более трех-четыре десятков домов, исключительно каменных, которые расположены у подножия скалистых возвышенностей, столпившихся полукружием над большою площадью, что примыкает к самому берегу. Здесь устроены мол и крытая пристань. Дома строятся широко, в два и три этажа. По фронту нижних этажей тянутся широкие каменные аркады, как у нас в гостинных дворах, а вдоль верхних устроены легкие крытые галереи. Кровли большею частью плоские и только на некоторых четырехскатные или пологодвух-

скатные; стены сплошь выбелены известью; окна снабжены снаружи зелеными жалюзи. Компрадорские магазины, мануфактурные, бакалейные и иные европейские лавки сосредоточены исключительно в нижних этажах, под аркадами. Ближайшая к берегу часть порта усеяна маленькими лодочками, гичками и яхточками, принадлежащими исключительно европейским жителям. Среди площади устроен сквозной навес для извозчичьих экипажей, которые представляют здесь род маленьких четырех и шестиместных кареток с легким деревянным или парусинным верхом и боковыми шторками вроде балдахина. Лошади мелкорослые, и не скажу, чтобы красивые, — в отечестве арабских коней можно было бы ожидать чего-нибудь получше, чем какие-то ублюдки английских пони. Извозчики исключительно арабы, и вся одежда их состоит из куска миткаля, обернутого вокруг бедер. У каждого из них непременно есть свой помощник, который во время езды стоит сбоку на подножке и, в случае надобности, моментально срывается с места и бежит к лошадям, чтобы подбодрить или утишить их бег или

направить его в должную сторону. Некоторое время он шибко бежит рядом с ними по страшному солнцепеку, держит к ним какие-то речи, сопровождаемые сильными жестами и восклицаниями, и затем снова вскакивает так же моментально на подножку с той или другой стороны экипажа и продолжает свой прерванный разговор с кучером. Это повторяется у него поминутно, и я, право, не знаю, причем, собственно, тут кучер или причем его помощник.

Арабский город находится в расстоянии около трех лье от порта. Отправляясь туда из европейской части, надо проезжать довольно пустынную местность, где торчат камни и плиты арабского и еврейского кладбища, а на половине пути находится почти при самой дороге жалкая арабская деревушка, обитатели которой живут в шалашах и хижинах, построенных кое-как, на скорую руку, из тростника и циновок, при помощи тонких жердинок. Тут не заметите вы ни малейшей домовитости; ни кур, ни коз, ни осликов они не держат, потому что их нечем было бы кормить; даже вся домашняя утварь их ограни-

чивается глиняными кувшинами для воды, ручным жерновом для размолки хлебных и кофейных зерен, чугунным котелком для варки пицци да несколькими мешками, где хранится их просо. Спят они на войлоке и, вместо одежды, обертывают себя, как простыней, полотнищем миткаля или грубой холстины, но и эта одежда по большей части представляет лишь дырявые, отрепанные лохмотья.

Чем именно занимаются и промышляют жители этой курьезной деревушки, в точности никто не знает: "живут, мол, себе да и только"; случится какая-нибудь работа в порту, вроде перетаскивания тяжестей, работают; не случится, сидят без дела и питаются чем Бог пошлет, при случае выпрашивают милостыню или назойливо пристают за бакшишем, при случае поворовывают (и это, кажется, главное), а выдастся особенно счастливый случай в ночное время, то не прочь и ограбить; но так вообще, народ они смиренный, если видят на нашей стороне перевес силы, и даже очень любят навязываться со своими услугами; последнее, впрочем, в чаянии бакшиша.

Между портово— и арабскою частями города проложено очень хорошее широкое шоссе, часть которого идет зигзагами по откосам скалистых гор; местами путь освещается по вечерам изредка расставленными европейскими городскими фонарями; тут же рядом тянутся столбы телеграфа, соединяющего город и разные части обширной английской крепости с квартирой губернатора. На второй половине пути между портовой частью и арабским городом надо проезжать через узкое скалистое ущелье, над которым в вышине перекинута полукруглая арка, построенная англичанами в качестве моста между двумя соседними укреплениями, лежащими одно против другого на вершине обеих скал, образующих ущелье. Это довольно сильные, хотя и слабо вооруженные, каменные форты, снабженные широкими круглыми башнями, коих крылья в виде оборонительных стенок спускаются по кремнистым ребрам к арке, висящей над проходом. Самый проход точно так же укреплен особою батареей, при которой находится казарма, служащая гауптвахтой. После девяти часов вечера железные ворота в

ущелье запираются на замок, и сообщение между арабским городом и портовой частью прекращается до рассвета.

Так как времени до отхода "Пей-Хо" оставалось очень немного, то по арабскому городу мы успели только прокатиться, чтобы взглянуть на знаменитые аденские цистерны, да и эти-то последние (не говоря уже о самом городе) могли видеть лишь вскользь, мимоездом. В городе находится несколько мечетей, но большею частью без минаретов, английский и французский госпитали, англиканская и лютеранская церкви и монастырь католических миссионеров. Тут же, на обращенном к северу склоне горы, стоит официальный дом губернатора, где помещаются канцелярия и разные правительственные учреждения, а внизу расположены казармы кавалерийского эскадрона и батальона сипаев; последние обведены каменной стенкой с бойницами и рвом, так что могут служить превосходным редутом на случай возмущения в городе. Здания здесь исключительно каменные или глинобитные, построены в один и в два ряда с полукруглыми окнами и плоскими кровлями, а

корпуса лавок на базаре выглядывают из-под широких аркад. Несколько магазинов и складов с европейскими колониальными товарами содержатся почти исключительно купцами-персами, которые держат также и несколько караван-сараяев, носящих громкое название "отелей". По вечерам улицы арабского города освещаются фонарями, где в стеклянных лампадах горит кокосовое масло, а на углах и днем и ночью торчат кое-где английские констебли из индийцев и малайцев, которых вы легко признаете по красной суконной перевязи через плечо и по известной толстой полицейской палочке. Вообще, большую часть этого города англичане успели уже перестроить радикальнейшим образом, разбив его на правильные кварталы с широкими шоссированными улицами, так что в Адене с первого же шага поражает вас замечательная чистота и благоустроенность, вовсе несвойственная Востоку.

Тут же, на дне грандиозного ущелья, находятся и знаменитые цистерны. Они как бы вдвинуты в это ущелье и врезаются в глубь его клином. Это целый ряд громадных водое-

мов, расположенных на различной глубине и выложенных цементированным камнем с парапетами, массивными стенками, баллюстрадами, площадками, мостиками, каналами и галереями. Дно бассейнов залито твердым цементом, а стены окончательно непроницаемы для влаги. Вообще все это громадное сооружение поражает своей грандиозностью (чему, конечно, немало способствует и самая природа окружающих его скал) и носит в себе нечто циклопическое, словно работали над ним какие-то допотопные гиганты. Относительно времени постройки этих цистерн нет вполне точных указаний; одни предания относят их к первому веку магометанской эры, другие же за двести лет до Рождества Христова. Англичане в начале шестидесятых годов привели их в совершенно исправный вид, и эта реставрация, как говорят, обошлась их правительству более чем в 750.000 франков. Но тщетно истощают они усилия в попытках преодолеть природу и развести у цистерн небольшой общественный садик. Почва такая, что высаженные в нее деревья, несмотря на ежедневную поливку, сохнут, а те, что но-

сят еще листья, отличаются крайне чахлым видом; несколько тропических видов растут здесь в кадках, но листья их вялы, бессильны и вообще вся эта растительность производит самое жалкое впечатление. Только в немногих местах, по некоторым расселинам да под заслоном высоких скал, где бывает более продолжительная тень, усилия человеческой культуры отчасти превозмогли природу, и там, при постоянной поливке, довольно сносно растет белая акация, джида и тому подобные виды невзыскательной растительности. Садик этот стали англичане разводить только с тех пор, как завелись у них в Адене опреснители; до того же времени это было немислимо, как безумнейшая роскошь, потому что привозная издалека пресная вода покупалась очень дорого, и ее едва-едва доставало на утоление жажды и для необходимых жизненных потребностей. И вот оттого-то, что хорошая вода здесь такая редкость, древние обитатели Адена и соорудили для хранения ее эти обширные цистерны. Они наполняются исключительно дождевою водой, а дождь в этих странах сам по себе представляет чрезвычай-

но редкое, почти исключительное явление. Средним счетом бывает он один раз в три года, обыкновенно в эпоху муссонов, но случается и так, что, несмотря на муссоны, период бездождия продолжается до семи лет; зато уже раз, что собрались над Аденом грозовые тучи, с величием и силой здешней грозы, сопровождаемой ураганом, ничто не может сравниться. Тут уже действительно "разверзаются хляби небесные", и над мертвыми скалами в течение нескольких часов, а то и нескольких суток, изливается такая масса воды, что она сбегает с них целыми каскадами и наполняет собою цистерны на несколько метров, а иногда и до верху; в последнем случае этого запаса, при очень умеренном расходе, хватает на целое трехлетие, но это бывает очень редко; обыкновенно же дождевая вода держится в цистернах от трех-четырех месяцев до полутора года, иногда до двух лет; остальное же время, до нового дождя, аденцы в прежние годы страшно бедствовали, и кто мог, тот бежал во внутрь страны, где есть водные источники. Опресненная вода, хотя и невкусна (она отзывается нафтали-

ном), но все же возможна к употреблению, и, заведя пару опреснителей, англичане оказали тем Адену величайшее благодеяние.

В то время, когда мы осматривали цистерны, в них не было ни капли воды; между тем, благодаря зною, сухости воздуха и мельчайшей едкой пыли, все мы испытывали сильную жажду. На вопрос, нельзя ли где добыть чего напиться, проводник доставил нас в особый квартал на краю города, под скалой, где, как тотчас же оказалось, проживают местные альмеи. Изумленные таким неожиданным сюрпризом, мы не без досады объяснили ему, что нам нужно вовсе не это.

— О, да, — подхватил он с уверенностью, — я очень хорошо знаю, что милордам хочется пить... Я понял милордов с первого слова, поэтому-то и привел их сюда.

— Ну, однако, ты оставь эти глупые шутки и веди нас в какую-нибудь кофейню.

— Я вовсе не шучу, милорды, а кофейня — вот она, перед вами, но там вы можете напиться только кофе.

— Да мы хотим не кофе, а воды, сельтерской или содовой воды, понимаешь ли?

— О, я отлично понимаю, но воды милорды здесь не получают, а вот если угодно милордам лимонаду...

— Ну, все равно, давай хоть лимонаду, но только поскорее.

— В таком случае пожалуйста! Это именно здесь, куда я привел вас.

Как это не курьезно, однако, в самом деле оказалось (если только проводник не схитрил), что лимонаду в арабском Адене можно достать только у местных альмей. Но те объявили, что могут угостить нас (за наши собственные деньги, разумеется) не иначе, как если мы наперед сторгуемся с ними в цене насчет танцев, которые они изобразят нам, и что при этом мы должны угостить лимонадом и их самих. Условия, как видите, были довольно сложные и накладные. Мы, однако, несмотря на жажду, попытались вступить в переговоры, объявив, что смотреть на танцы нам некогда, а угостить их лимонадом, пожалуй, согласны. Но альмеи не соглашались, настаивая непременно на танцах; поэтому оставалось только обругаться с досады и волей-неволей направиться утолять жажду в со-

седнюю кофейню. Этот решительный маневр подействовал, и женщины тотчас же вытаскивали, вдогонку нам, несколько бутылок лимонаду. Мы тут же распили их с величайшей жадностью и заплатили по шиллингу за бутылку, причем альмеи не замедлили, конечно, попросить еще и бакшишу. Лимонад оказался теплый и вообще прескверный, но и тропическая жажда не свой брат... Сначала надо было утолить ее, а потом уже разбирать качества напитка. Не скажу, чтоб эти женщины могли назваться красивыми. У некоторых из них еще сохраняется кое-какая свежесть молодости, но у большинства она уже блекнет, да и, кроме того, на мой взгляд, впечатлению красоты мешает резкость и грубость их черт не менее чем землисто-смуглый и даже какой-то зеленоватый цвет лица, изуродованного вдобавок татуировкой и кольцами, продетыми между ноздрями. Наколы татуировки обыкновенно идут у них либо по щекам продольными бороздками, по три и по четыре рядом, либо лучами расходятся по лбу от межбровья, либо же наконец от нижней губы направо и налево к подбородку и скулам. Ино-

гда эти бороздки принимают узор вроде елоч- ки, а иногда располагаются кривою линией, что называется "червячками". Цвет их исси- ня-черный.

Меня уверяют, что эти женщины доставля- ются сюда правительственными контрагента- ми частью из Египта и Судана, а больше всё из разных глухих мест красноморского и во- сточно-африканского побережья за казенный счет. Они водворяются здесь на жительство местными властями по негласному распоря- жению английского правительства, которое будто бы простирает заботливость о комфор- те своего вербовочного солдата даже и до этой степени, хотя местные власти и знают по секрету, что наибольший процент таких женщин попадает сюда вовсе не доброволь- но, а продается скупщиком в рабство. Эти же правительственные контрагенты состоят здесь и ответственными содержателями до- мов, где обитают альмеи. Я затруднился было поверить участию какого бы то ни было пра- вительства в подобном деле, но люди сведу- щие заверяют меня, что клеветать им нет ни- какой надобности.

— Разве вы не знаете, — прибавляют они, — что господа англичане во имя либеральных и гуманных принципов громко преследуют торговлю рабами только там, где это не перечит их собственным интересам, а тут в Адене... да кто об этом узнает!. Это их домашнее дело!

На прощанье с арабским городом заглянули мы на несколько минут и в соседнюю кофейню, чтобы посмотреть, что это такое. Там было полным-полно народу: и мужчин, и детей, и женщин, причем последние не стеснялись сидеть с открытыми лицами. Более всего мелькали в глазах обнаженные плечи, руки и спины всевозможных темных оттенков, вообще множество человеческого тела. Гортанный говор всех этих людей сливался в какой-то неопределенный гомон и гул, словно в пчелином улье. Комната была заставлена скамейками и тростниковыми диванчиками, вроде кроватей, на которых, поджав под себя ноги, тесно сидела вся эта публика, а кому не достало места, те толкались, где попало, стоя или присев на корточки. Там и сям дымились высокие кальяны, и голубоватый дым

их мешался с куревом ладана. Свет проникал сюда только в отворенную дверь, а окна были завешаны циновками. На стенах с помощью охры, синьки, яри и сажи были намалеваны, очевидно, местными художниками-самоучками парходы, плывущие по волнам и вазоны с цветущими померанцами. У средней стены, против входа, сидел на камышевом диванце рапсод и аккомпанировал себе на трехструнной гитаре, корпусом которой служила половина скорлупы кокосового ореха с натянутым на нее бычачьим пузырем и кое-как прилаженным к носику грифом.

Появление наше произвело здесь некоторую сенсацию. Публика зашевелилась и загудела еще более. Все, что только могло, тотчас же бросилось к нам и тесно обступило нашу кучку со всех сторон с величайшим, но сдержанным в своих проявлениях любопытством. Видно было, что каждому из этих полудикарей ужасно и совершенно по-детски хотелось дотронуться до нас, до нашего тела и лица, ощупать наше платье, наши вещи, посмотреть, из чего и как все это сделано. Но мой монокль в особенности производил наиболь-

шую сенсацию и просто повергал их в пучину недоумения: каким это образом может он сам собою держаться у меня в глазу, не будучи ничем приклеен. Вскоре я заметил, что те, на ком случайно доводилось мне останавливать несколько пристальный взгляд, обнаруживали вдруг некоторое смущение, беспокойство и тотчас же норовили спрятаться за спину соседа. Некоторые юноши и мальчишки пытались было передразнить меня, приставляя к своему глазу кружок, составленный из большого и указательного пальцев, но как только я начинал замечать эту проделку, они тотчас же приседали на корточки, пряча в ладонях свои черные рожицы, или прятались за взрослых. Что мальчишки шалая дразнили меня, это было понятно, но я решительно не мог догадаться из-за чего прячутся от моего взгляда взрослые, пока наконец не вывел меня из недоумения наш проводник, служивший и за переводчика. Он объяснил, что его собраты очень боятся моего монокля, полагая, что в нем сидит шайтан, нечистая сила, потому что как же иначе мог бы он сам собою держаться перед глазом человека! — и таким образом,

решив, что тут не без шайтана, они стали пугаться моего взгляда, в том убеждении, что я легче легкого могу сглазить человека и наслать на него всяческие болезни и беды.

Хозяин кофейни тотчас же очистил для нас особый диванчик напротив рапсода и, кроме того, притащил еще скамью да низенький столик, на который поставил несколько фаянсовых лоханочек, вроде наших полоскательных чашек, и затем собственноручно разлил в них из большого медного кумгана кофе. Но увы! То оказалась теплая жиденьякая водичка мутно-коричневого цвета, и едва я попробовал один глоток, как поспешил выплюнуть эту неподсахаренную, отчасти как будто солоноватую бурду, — до того она была невкусна и даже нисколько не напоминала кофе по запаху. А так как приготавливается этот местный напиток несомненно из косточек арабийского кофе, даже, может быть, гораздо лучшего качества, чем тот, какой мы обыкновенно употребляем у себя дома, то тут стало быть все дело зависит только от способа приготовления. Послушав рапсода, гнусившего себе под нос какую-то монотонную песню, мы

расплатились и за его пение, и за кофе и поспешили вон из кофейни, где воздух был донельзя пропитан тяжелым запахом ладана, табака с гашишем, живого тела и кокосового масла. На улице хотя и пышет зноем, но нет по крайней мере этих ужасных одуряющих запахов.

На этом и кончилось наше мимолетное знакомство с арабским городом. Может быть, придется еще побывать здесь на обратному пути, а пока надо было торопиться на свой пароход, которому вскоре предстояло сниматься с якоря, — и вот **26-го июля**, в 6 1/2 часов вечера, мы наконец снялись. Лоцман провёл нас до выхода из залива, и, пока не совсем еще стемнело, мы долго любовались отражениями заката на конических и почти отвесных зубцах и шпилях Джебель-Гассана и на крутых каменных обрывах Аденского мыса. Спустя час, эти берега уже остались далеко за нами и едва виднелись своими темными массивами на погасшем небосклоне. Впереди развевалась полная таинственности темная даль океана...

Однако начинает покачивать...

?????

В Индийском океане

Вид океана. — Приготовление к шторму. — Первая трепка. — Океанская прохлада. — Молочное свечение моря. — Влияние качки на моральное и физическое состояние непривычного человека. — Араб, спасенный от голодной смерти. — Участие ко мне С. С. Лесовского. — Закат солнца в океане. — Разница между температурой в Красном море и в Индийском океане. — До чего доходит скука на судне. — Летучие рыбки и их враги. — Особенности фосфорического свечения в океане. — Экзальтация во время бессонницы. — Купец-невежа. — Пожарная тревога на судне.

27-го июля.

К шести часам утра уже сильно качало, и волны нередко хлестали на палубу. Поэтому пришлось закрыть люки. Вид моря, на всем его доступном глазу пространстве, испещрен бесчисленным множеством белопенных "барашков", словно гребни этих волн то и

дело поднимают на себе огромные хлопки пушистой ваты. Цвет воды глубоко-синий, как индиго. Небо заволкнуто сплошною пеленой белого тумана, сквозь который слабо просвечивает солнце; но на палубе, по влажности испарины собственных рук замечаешь, насколько жарко даже и в этом воздухе, намного уже освеженным и морем и ветром.

Сегодня в первый раз мы обедаем "со скрипкой". Так называется на морском языке особого рода приспособление, состоящее в том, что вдоль стола туго натягивается с известными промежутками несколько рядов бечевки, под которые подкладывается поперек и потом ставится ребром, на некотором расстоянии друг от друга, ряд прямых и ровных линеек. Это отчасти напоминает кобылку под струнами скрипки; отсюда, по сходству, получилось и самое название данного приспособления. Таким образом, продольные бечевки и поперечные линейки образуют ряды клеток и перегородок, куда вставляется посуда и разные принадлежности столовой сервировки для того, чтобы придать им более устойчивости и предохранить от падения во время зна-

чительной качки.

В седьмом часу вечера, в ожидании неизбежно предстоящей тридцатичасовой качки во время прохождения мимо острова Смокотры, где никогда почти не обходится без формального шторма, матросы стали протягивать вдоль по палубе леера (веревки, служащие во время бури поручнями при ходьбе); укрепили тент, набили с наветренной стороны на капитанскую рубку парус, чтобы предохранить ее внутренность от вкатывающихся на палубу валов, — словом, по всем статьям приготовились к буре, которая и не замедлила разыгаться около десяти часов вечера.

Это была мучительная для меня ночь. По соседству забыли закрепить какую-то дверь или решетку, состоявшую из ряда железных выдвигаемых болтов, и она, в течение всей ночи, билась и хлопала обо что-то со страшным шумом и грохотом при каждом наклоне судна, не давая мне заснуть ни на минуту. Тело мое устало наконец от бессонницы и наболело от беспрестанного напряжения то тех, то других мускулов при качке, когда с непривычки все стараешься балансировать и удерживать равновесие.

живаться, чтобы не вывалиться из койки. В особенности разболелась голова, словно ее налили свинцом, и почувствовалась ломота в затылке. Кроме того, каждый раз при ударе сильной волны в наш борт (правый), меня обдавало брызгами даже и сквозь закрытый иллюминатор.

Неприветливо, однако, встретил нас океан чуть не на первом же шаге.

28-го июля.

Около полудня вышел, шатаясь, на верхнюю палубу. Дул свежий юго-западный муссон, и на палубе, к удивлению моему, сделалось даже очень и очень прохладно. Море, как и вчера, было покрыто пенистыми "барашками", но приняло вместо синего какой-то зеленовато-серый оттенок. Шум волн и качка продолжают. Идем теперь средним ходом, а ночью, во время "свежей погоды", шли только до десяти узлов.

Сегодня вечером в воде наблюдалось одно из замечательных явлений: все море окрест, доколе хватает глаз, представляло тускло светящуюся молочного цвета поверхность, напоминая снежные поляны, озарен-

ные светом, так что небо казалось гораздо чернее воды. Это была неизмеримая масса мелких, фосфорно-светящихся организмов, сильно взбудораженных бурей.

29-го июля.

Чувствую себя дурно. Скверный вкус во рту, ни малейшего аппетита, поминутная, чисто нервная зевота. Противны стали всякие запахи и в особенности столь любимый мною запах хорошей сигары. Полная апатия, не хочется двинуться с места, даже как будто тяжело лишний раз шевельнуть пальцем. Тем не менее я преодолел себя и вышел из каюты на палубу.

Качка все еще сильна, и ветер свеж настолько, что пришлось надеть пальто и даже наглухо застегнуться. Или это во мне лихорадочное состояние?..

Цвет воды стальной, цвет неба и облаков совершенно петербургский, как бывает там в сырую переменчивую погоду. Те же самые краски.

Но как надоедает этот вечный шум и плеск волн, этот монотонный глухой стук машины и визг в ней чего-то испортившегося или раз-

винтившегося и, наконец, это вечное содрогание всего корпуса нашего судна! Какую тоску все это способно нагнать даже и на не особенно впечатлительного человека!.. Вероятно, она у меня со временем пройдет, когда образуется уже некоторая привычка, но сегодня я чувствую, как порой становится ненавистным мне самый вид моря. А я ли не любил его, в особенности с берега или на картинах Айвазовского!.. Но более всего противен этот стоящий по всей палубе и даже внизу запах прели и именно прелого белья, издаваемый, словно в прачечной, намокшим полотном тента и парусов, которое испускает из себя испаряющуюся влагу. От этого ненавистного запаха я испытываю тошноту со всеми ее последствиями, но — увы! — от него некуда деться на судне, он проникает повсюду и в особенности становится силен, чуть только проглянет на несколько минут солнце.

Сегодня, в четыре часа дня, на пароходе произошло неожиданное открытие. Кому-то из рабочих понадобилось спуститься за чем-то в товарный люк, и там он открыл неизвестного араба, полумертвого от голода. Ока-

залось, что араб нанялся еще в Адене для временной работы по погрузке товаров на месте да прикорнул между ящиками и заснул так сладко, что не слышал, как товарищи его кончили работу и ушли, как захлопнулась над ним крышка люка и как пароход снялся с якоря. Если бы не сегодняшний счастливый случай, вероятно, мы привезли бы в Пуан-де-Талль один труп его. Когда этого несчастного вытащили на свет и привели в себя, а затем накормили, он первым же делом — что бы вы думали?! — потребовал со своих спасателей "бакшиш". Такова уже арабо-семитическая натура! Поблагодарите его подачкой даже и за то, что вы спасли его от ужасной, мучительной смерти.

30-го июля.

Погода прекрасная, не жарко, качка умеренная. Увидев меня на палубе, наш добрый адмирал выразил мне большое участие, ободрил меня и, взяв под руку, довольно долго водил по палубе. Спасибо ему за это!.. Он говорит, что мне необходимо приобрести себе "морские ноги", чтобы свободно ходить в качку по палубе, а это дается только навыком.

Поэтому надо практиковаться, и вот сегодня он дал мне первый практический урок сему искусству. А после урока я уже и сам без посторонней помощи принялся ходить по палубе, и ничего себе, дело идет на лад.

Ах, все было бы хорошо, если бы не этот противный невыносимый запах прели!..

День прошел тихо. К вечеру, в шестом часу, почти совсем заштило, так что пришлось убрать паруса. Обедали сегодня в первый раз при свечах, — значит спускаемся все ближе к экваториальным широтам, в область вечного равноденствия, где день всегда продолжается, минута в минуту, от шести часов утра до шести вечера, всецело предоставляя остальные полсутки царству ночи. Сегодня в шесть часов пополудни солнце стало закатываться. Я ждал великолепной картины южного заката в океане и — увы! — разочаровался, как нельзя более. Солнечный диск был тускловатого бледно-желтого цвета, вроде так называемой белой меди, и сообщал окружающим его облакам самую бледную окраску: на ближайшем плане заката они были перлово-серые, а на дальнейших — бледно-пале-

вые. И говорят, что закат в океане всегда таков в это время года.

31-го июля.

Полный штиль. Погода великолепная. Яркое солнце, однако, дает чувствовать жгучесть своих лучей даже и сквозь двойной тент, растянутый над палубой. Цвет воды голубой, но все же не такой чистейший кобальт, как в Средиземном море. Чувствую себя гораздо лучше, почти нормально, и только когда курю, то какой-то особый вкус табака (но не в табаке, конечно, а у меня самого) доказывает, что организм все еще не пришел в совершенно нормальное состояние.

Скука между пассажирами доходит до того, что один из немцев, тот, который выдавал себя сначала за прусского офицера, приглашенного на службу в Китай, но потом оказался просто пивоваром, целый день играет сам с собою в шахматы.

В пятом часу дня нагнали какое-то парусное судно (штилюет, бедное!), но прошли очень далеко от него; видны были над горизонтом воды одни только его мачты, но и это маленькое "событие" внесло на минуту неко-

торое оживление в среду скучающих пассажиров.

Единственное развлечение, кроме разговоров о нашем возвращении в Россию (а разговоры эти что-то начались у нас уже давно!), доставляли нам летучие рыбки, из которых иные залетали даже на палубу, где от удара с разлету об пол или об стену рубки, а также и от отсутствия воды, умирали очень скоро. Интересно наблюдать, как они вдруг выныривают из-под носа судна и порывисто летят вперед над волнами, точно вспугнутые птички. И действительно, по характеру своего полета, летучие рыбки очень напоминают ласточек-стрижей, когда те мелькают низко над уровнем воды. Но рыбки иногда поднимаются и на несколько метров ввысь, и вот в таких-то случаях иногда попадают на палубу. Летают они большею частью по две, одна вслед за другой, — вероятно, самцы и самки, но случаются перелеты и целыми стаями, штук по восемь-по двенадцать, в особенности при выпархиваниях из-под настигающей их громады корабельного носа. Белое брюшко и бока в соединении с темно-стальной спиной,

горбоносою тупою головой и черными, длинными, остроконечными крыльями-плавниками придают издали этим рыбкам даже и наружное сходство с ласточками. В сущности, это очень несчастные создания, обреченные вести ежеминутную борьбу за существование со своими многочисленными подводными и воздушными врагами: в воде их настойчиво преследуют хищные бониты, от которых они спасаются выпрыгивая на воздух, а здесь их уже зорко сторожат прожорливые морские птицы, с необычайною быстротой и ловкостью подхватывающие на лету свою добычу. От бонита в воздух, от чайки в воду — и в этом, в сущности, вся задача, весь смысл существования маленькой, изящной летучей рыбки. Чайки, ради этой охоты, обыкновенно пускаются в открытое море, где их нередко приходится встречать за несколько сот миль от материка, и освобождается летучая рыбка от своих воздушных врагов только на очень больших расстояниях от берегов, в самых пустынных, центральных пространствах океана, куда чайка уже не залетает.

Вечером наблюдалось сильное фосфориче-

ское свечение воды в областях ближайших к бортам парохода и за кормой. Судно наше временами наплывало как бы на целые оазисы или острова светящихся моллюсков, так как они встречались нам периодически, то вдруг появляясь целыми массами, то совсем исчезая. Одни из моллюсков светились яркими, но мелкими и притом мгновенными искорчками, точно блески; другие же представляли целые букеты или узоры более крупных искр, соединенных в разнообразные группы, прихотливо и как бы калейдоскопически менявшие свои очертания; наконец, третьи, коих свет был наиболее продолжителен, являлись в виде светящихся пятен неопределенной формы и большей или меньшей величины и яркости. Эти последние тела вообще светятся тусклее, чем искровидные, но все же настолько сильно, что свет их ясно заметен на поверхности воды, когда само животное находится на некоторой глубине, — так, по крайней мере, это представляется глазу.

Одно из существенных неудобств судовой жизни — это отсутствие мускульного движе-

ния, моциона, и, чтобы восполнить сколько-нибудь этот недостаток, я решил делать ежедневно по шесть тысяч шагов: три тысячи утром и три тысячи вечером, гуляя вдоль по палубе. Но, несмотря на такой моцион, нынешнюю ночь почти всю напролет промучился бессонницей, хотя судно шло самым спокойным образом, без малейшей качки. И что замечательно: не знаю, почему воображение мое в часы этой бессонницы работало необычайно быстро, живо и ярко, словно под влиянием гашиша. Представлялось мне, как дело совершенно возможное и легко осуществимое, как я, по возвращении в Россию, куплю себе клочок земли в Павловске и какой на этом клочке сооружу себе дом, и какой сад разобью, и каким образом все это устрою относительно материальных средств, и как уберу свой кабинет с помощью разных редкостей и изящных вещей, какие накуплю себе во время этого путешествия в разных странах Азии. Такая работа воображения, и притом ни с того, ни с сего, была по моей натуре совсем не нормальна. Не понимаю, что это значит, тем более, что решительно не знаю при-

чины, которая могла бы обусловить такое явление.

1-го августа.

Ясно и тихо, как вчера. При таких условиях в морском путешествии есть своя прелесть, если только вы можете помириться с тридцатиградусной жарой в полдень и с монотонным ходом жизни на судне. Впрочем, последнее неудобство мы стараемся по возможности облегчать себе интересным чтением. Я еще в Петербурге, готовясь к дальнему плаванию, накупил себе целую маленькую библиотечку разных "путешествий" и этнографических очерков о тех странах, где рассчитывал быть, и теперь, на досуге, поглощаю весь этот запас чтения и делюсь им с товарищами.

Около десяти часов утра мимо нас совсем близко прошел какой-то большой трехмачтовый пароход, который, не поднимая своего флага, выкинул сигнал с вопросом "который час?" Капитан наш приказал оставить этот вопрос без ответа на том основании, что вопрошавшее судно предложило его, не соблюдая предварительно требований морской

вежливости, которая обязывала его выкинуть свой национальный флаг, что равняется рекомендации себя тому, к кому обращаешься. По этой невежливости наши французские моряки-офицеры заключили, что встретившийся пароход был, наверное, Купец-Англичанин.

В половине четвертого часа дня у нас было сделано по тревоге "пожарное учение". Тревога подана особым сигналом, по свистку, и чуть раздался он, как все матросы и судовая прислуга, не исключая лакеев и метрдотеля, обязательно выскочили наверх и принялись качать помпы, а часть матросов с топорами стала особо, в виде резерва, готового к действию своим оружием. Четыре рукава в ту же минуту высокими фонтанами выбросили сильные струи воды, направленные помпьярами за оба борта, что доставило пассажирам развлекательное зрелище. Через четверть часа был подан отбой, и обычная пароходная жизнь опять пошла своею чередой.

Только такими-то случайными и несчастными "событиями" и разнообразится несколько непроходимая скука нашего пароходного существования.

Цейлон

Признаки близости твердой земли. — Вид западных берегов Цейлона и что он нам напомнил. — Цейлонская пирага и ее устройство. — Неприятная особенность Пуан-де-Галльского рейда. — Первое впечатление тропической природы. — Светляки и ночные бабочки. — Эффекты лунного света. — Пуан-де-Галль, как город. — Кофейный рынок и городской базар. — Бетель. — Рыбный и фруктовый ряд. — Сингалезский кабачок. — Обстановка сингалезского дома. — Цейлонские баядерки. — Родии, цейлонские парии — Отношения к ним буддистских и христианских миссионеров. — Невозможный патриот. — Здешние гостиницы и их цены. — Змеезаклинатели и фокусники. — Жилища европейцев и их обстановка. — Магазины редкостей и местных изящных произведений. — Старый голландский форт. — Сингалезский город. — Разнообразие и роскошь растительности. — Сингалезские хижины. — Европейские бенглоу. —

Уличная жизнь в сингалезском городе. — Арбы и зебу. — Что такое кокосник для цейлонца. — Сингалезы. — Покорители Цейлона. — Легенда о белом магарадже. — Каково живетя сингалезам под англичанами. — Торгаши на палубе "Пей-Хо". — Наш семейный праздник. — Вид южных берегов Цейлона. — Пик Адама. — Опять в океане.

2-го августа.

Погода прекрасная и море спокойно, так что нас почти не качает. Цвет воды зеленоватый, признак того, что подходим к берегу, и точно: после полудня в прозрачном тумане стали обрисовываться легкие контуры Цейлона.

Сели за обед, по обыкновению, в пять часов дня, и в это время стало покачивать все сильнее и сильнее. Говорят, что это также один из признаков близости твердой земли: глубина моря здесь уже значительно меньше, а потому и волнение сильнее.

После обеда мы вышли на палубу, и здесь, к общему удивлению и удовольствию, юго-западная оконечность Цейлона оказалась вдруг совсем на виду, позволяя любоваться множе-

ством красивых деталей общего пейзажа, который действительно прелестен, и эту прелесть в особенности придают ему роскошные леса пальм, что покрывают и низменности берегов и их возвышенности. Сильный прибой, местами ударяясь о скалы, бил так высоко, что всплески белой пены походили на дымки пушечных выстрелов, а местами застилала некоторые части пейзажа точно серебристою пылью. Издали и в общем этот пейзаж отчасти напомнил мне наш Петергоф, когда подъезжаешь к нему со взморья. Один бенглоу[45], окаймленный белою набережной и балюстрадой, расположен почти так же, как и наш Монплеzir[46], выглядывающий на взморье из-за куп роскошных деревьев. Вдали виднеется в синеватом тумане какая-то возвышенность, тоже напоминающая своими контурами Дудерову гору, и положение ее в общем пейзаже такое же, как и Дудеровой горы в общем виде петергофского берега. Затем, вправо, как петергофский берег начинает несколько подниматься в направлении к Ораниенбауму, так точно и здесь плавно поднимается берег, на котором расположена часть

сингалезского города. Это сходство немало потешило нас своею неожиданностью. Некоторые путешественники, записки коих довелось мне теперь прочесть, говорят не иначе как с восторгом и восклицательными знаками об общем виде на Пуан-де-Галль и его прибрежье с моря, и они, разумеется, правы. А между тем не помнится мне, чтобы кто-либо из печатавшихся путешественников не только восторгался, но даже упоминал бы о нашем петергофском побережье, как о чем-либо замечательном. Это только доказывает, что все в сем мире условно и относительно. Впечатление, производимое картиной цейлонского берега, действует так сильно потому, во-первых, что вы в течение нескольких суток не видели ничего, кроме утомляющего своим однообразием океана и неба, а во-вторых, потому, что путник, начиная с Суэца и до Адена, видит только суровые и угрюмые очертания безжизненно голых скал и песчаных равнин, где даже тоненькая пальмочка, являющаяся как редкость, и та уже ласкает до известной степени взор, ибо хотя и бедно, но все же напоминает о жизни среди мертвенности этих

поистине Богом проклятых мест. А тут, с приближением к Цейлону, перед вами вдруг разворачивается панорама зеленых берегов, в изобилии унизанных тропической растительностью. За все предшествующее время вы слишком уже отвыкли от красот растительной зелени и слишком утомились однообразием моря; поэтому внезапный вид зелени и заселенности берега действует на вас вдвойне чарующим образом. Отнимите все эти предшествовавшие причины, и очень может быть, что вид Цейлона произвел бы на вас не большее впечатление, чем заурядный берег Петергофа.

Вот приближается к борту "Пей-Хо" плоскодонная пирога, каких не увидите вы нигде, кроме Цейлона. Устройство этого углого суденышка чрезвычайно оригинально. Узкий и длинный корпус пироги вытесан и выдолблен из цельного куска дерева; к нему подставлены или, вернее сказать, пришнурованы пальмовыми веревками два высокие прямые борта, каждый борт выкроен из цельной широкой доски и скошен с обоих своих концов сверху таким образом, что в пироге образуют-

ся два носа; промежутки между двумя бортами в их скошенных носовых частях забраны каждый цельною доскою, служащие как бы надводным килем. Сравнительно со своею длиной, лодка эта и очень высока и крайне узка, так как расстояние между ее совершенно прямыми и параллельными бортами едва ли превышает полтора фута. Поверх бортов устроено несколько узеньких скамеек, на которых вполне свободно может усесться только ребенок, а взрослому человеку приходится балансировать. Но самой оригинальною частью конструкции этой пироги является особый снаряд, служащий для придания ей устойчивости на воде, потому что без него эта посуда сейчас же перекувыркнулась бы. Снаряд представляет собою длинный чурбан или поплавок, вытесанный в виде заостренной с обоих концов сигары из цельного бревна и по длине своей равный нижнему, то есть выдолбленному корпусу пироги. Поплавок прилаживается параллельно судну, в расстоянии около шести или семи футов от одного из его бортов и соединяется с ним посредством двух слегка выгнутых поперечин, вроде огло-

бель, которые одним концом своим прикрепляются веревками к верхнему краю обоих бортов, а другим к поплавку. Нижняя часть сего последнего находится в одной горизонтальной плоскости со внешним дном пироги и таким образом скользит вместе с ним по поверхности волн, почти безо всякой осадки. Такое устройство придает судну замечательную легкость, а благодаря тому, что у него два носа, оно может, не прибегая к поворотам, двигаться и в эту, и в обратную сторону. На лодке три весла, все они находятся с внутренней стороны, то есть между судном и поплавком, продеваясь в канатные ушки, по верхнему краю борта; одно из них заменяет руль, остальные служат для гребли. Весло состоит из короткого веслица и удлиноватой лопатки с двумя дырочками, в которые продевается веревочная петля, служащая для прикрепления лопатки к веслицу. Кроме того, пирога снабжена еще и косым парусом, для коего мачта прилаживается не внутри судна, а извне, будучи привязана за нижний свой конец к одной из поплавокных поперечин, так что центр ветрового давления на парус и

приходится между судном и поплавком, облегчая и уравнивая движение того и другого. На всей этой посудине нет ничего металлического, все ее части сшиты между собой исключительно при помощи пальмового троса да деревянных колков и заклепок; поэтому она легка настолько, что на берегу два человека без особенных усилий могут ее поднять и перенести с места на место.

Пирога, приставшая к борту "Пей-Хо", привезла нам лоцмана-англичанина, который должен был ввести наш пароход на рейд. В ней сидело несколько голых матросов-малайцев в испанских шляпах, коих форма сохранилась здесь, вероятно, по традиции, еще со времен португальского господства.

Спустя около получаса, "Пей-Хо" уже стал на якорь.

Пуан-де-Галль пользуется только открытым рейдом, который во время юго-западных муссонов[47] неудобен и даже не безопасен для стоянки океанских судов. Так и теперь, например, ветра нет ни малейшего, а между тем пароход качает все сильнее и сильнее, и качка не прекратилась даже после того, как

он стал на якорь, — напротив, с этой минуты она получила размеренную правильность маятника, что совсем неприятно даже и для людей, не подверженных морской болезни. Широкая, громадная и спокойная волна, не встречая себе препятствия, мерно и плавно идет от запада, из пустынь океана, и бьет в низменный песчаный берег порта, подкатываясь к нему по мели роскошно-красивыми, громадными бурунами. Здесь вы словно чувствуете дыхание и пульс океана. И что замечательно: в то время, как правильность боковых размахов на пароходе сделалась невыносимой настолько, что заставила нас поскорее бежать на берег, в лодке положительно не качало. Едва мы спустились в нее и отвалили от борта "Пей-Хо", как уже не испытывали ни малейшего колебания волны и пристали к берегу самым спокойным образом. А между тем лица, следившие за нашей шлюпкой с палубы парохода, говорили нам потом, что она все время как бы ныряла по волнам, то совсем исчезая за валами, то взлетая на их гребни. Мы же ничего подобного не замечали, и это потому, что океанская штилевая волна слишком

велика, широка и плавно спокойна, чтобы маленькая шлюпка могла ее почувствовать.

Уже смеркалось, когда мы вышли на пристань, от которой ведет на берег длинная сквозная галерея под дощатою крышей. Между большими ящиками и бочками разных мускателей, готовых к погрузке, отдыхало лежа и сидя несколько десятков почти совершенно голых портовых носильщиков. Они кинулись было к нам с предложением донести наши сакки до гостиницы, но сделали это без малейшего гвалта, без нахальничанья и толкотни, — не то что неотвязные, назойливые арабы, — а затем, чуть увидели, что наш багаж уже сдан двум из их сотоварищей, все остальные тотчас же расступились и отстали, не напрашиваясь более со своими услугами, — и это одно уже с первого шага расположило нас в пользу сингалезов.

От порта к городу ведет превосходное шоссе, обсаженное роскошными тенистыми деревьями, и так как у пристани не оказалось ни одного извозчичьего экипажа, то нам поневоле пришлось совершить по этому шоссе небольшую пешеходную прогулку до отеля

"Ориенталь", где мы решили занять себе комнату до следующего утра, чтобы хотя одну ночь провести без качки. Вообще, должен сказать, что нужно прокачаться несколько суток в океане, чтобы достойно оценить "сухопутное положение", то есть твердую почву, и понять то внутреннее довольство, какое доставляет человеку ощущение ее под собою. Да мне кажется, что и сами-то моряки, если любят море, то едва ли ради его самого, а чуть ли не за то только, что оно дает им удовольствие съезжать при первой возможности на берег.

Пока мы шли к гостинице, на дворе совсем уже стемнело, и луна показалась из-за деревьев. Массивные каменные стены старой голландской крепости, красиво обросшие ползучими растениями и лишаями; старинные здания тяжелой архитектуры, под черепичными кровлями; террасы, украшенные редкостными цветами; колонны на верандах и балконах, обвитые лианами и иными вьющимися растениями, между которыми в особенности одно бросилось мне в глаза своими пышными звездами больших лиловых цветов, вроде *belle-de-jour*; ярко освещенные окна и на-

стежь раскрытые двери в некоторых домах, где за приподнятыми драпировками, в полосе света, мелькают порой силуэты женских головок; китайские и японские расписные фонари под потолками на верандах; клумбы в палисадниках, залитые пестрыми цветами, и сады, наполненные роскошными тропическими деревьями; наконец, оригинальная наружность сингалезов с их женскими прическами и женским костюмом — все это, озаренное как бы фосфорически-ярким светом луны, походило скорее на прекрасную и несколько фантастическую декорацию из какой-нибудь оперы или балета, чем на действительность.

В воздухе был разлит аромат мускуса и еще какой-то острый азиатский запах, напоминающий духи шипр. В первые минуты, с непривычки, это подействовало на мои нервы одуряющим образом, и я, испытывая головокружение почти до полной дурноты, едва мог дойти до гостиницы "Ориенталь", к счастью, оказавшейся поблизости. Первым же делом, освежась сельтерскою водой и отдохнув на веранде, где, между прочим, я не удержался от соблазна купить себе у подвер-

нувшего разносного продавца за две рупии красивую инкрустированную палку из эбенового дерева, мы заказали себе в отеле комнату с постелями и холодный ужин, а сами, сдав свои вещи кельнеру, отправились, под предводительством приглашенного из гостиницы гида, осматривать город.

И вот опять разворачивается перед нами та же декорация из волшебного балета, только теперь она стала как будто еще фантастичнее. Луна поднялась уже высоко и обливала своим светом громадные нежные листья бананов и кроны высоких пальм, которые целым лесом, словно зачарованные, склонялись над водой по ту сторону бухты. Внизу, под кущами садов и леса, лежала совсем черная тень, в которой лишь местами проступали кое-где небольшие пятна и полосы лунного света; зато на выдающихся выпуклостях ветвей, озаренных этим светом во всю его силу, листва, увлажненная легкою росой, не казалась неопределенно-серою, как у нас на севере, а напротив, сохраняла свой зеленый цвет, но только с несколько фантастическим оттенком, какой бывает у ночной зелени, когда на

нее падает слабый отблеск белого бенгальского огня или смягченный луч электрической лампы.

В воздухе, то вспыхивая, то мгновенно потухая, носились по всем направлениям огнистые точки светящихся насекомых, быстрый полет коих оставлял в глазу впечатление как бы прерывистых нитей фосфорического света, мелькавших в темном пространстве. А некоторые густолиственные деревья, как например сулера, были так изобильно усеяны ими снизу доверху, что дерево стояло словно бы облепленное маленькими горящими свечками, напоминая отчасти наши рождественские елки, и это искрящееся дрожанье и миганье огнисто-голубых, зеленых и золотых точек на листьях производило необычайный, просто сказочный эффект.

Но вот нечто еще чуднее: быстрою и легкою походкой вдруг проскользнули мимо нас две молодые девушки-сингалезки, одна из них с большим красивым попугаем на пальце — и у каждой над головой, точно ореол, сияла дуга такого же фосфорического света, и этот свет как бы дышал и реял над ними, то

усиливаясь до полной яркости так, что даже бледно озарялись их смуглые лица, то замирая до слабого мерцания. Это было и красиво, и поэтично, и как-то призрачно, точно райские перы в сияющих венцах промелькнули перед нами... Гид объяснил нам, что у здешних девушек еще с незапамятных времен существует обыкновение украшать свою прическу светящимися жучками. Для этого они устраивают себе из кисеи, либо из тюля тюрбан вроде кийки, куда напускают несколько жучков и затем, в виде венка или повязки, надевают его себе на голову. Но до чего это кокетливо, если бы вы знали!..

Летучие мыши и ночные бабочки, сфинксы и бомбиксы крупных размеров, точно маленькие птички, летали неровным блуждающим полетом, купаясь в лунном свете, и нередко присаживались на наши белые жакетки и шляпы, трепеща своими узорчатыми крылышками. Большие темные жуки пронеслись мимо, гудя, как струна контрабас; мириады цикад стрекотали в траве, сливаясь всем своим хором в одну бесконечную музыкально-звонящую ноту. На белом песке при-

брежья тускло светились под луной блики разных морских ракушек, и мелких, и крупных, играя кое-где искрами своего перламутра, и тут же мерно, вал за валом набегал на берег могучий океанский прибой, кипящий кудрявою пеной. Шумно ударяясь о камни, он взметал вверх целые столбы всплесков и водяной пыли, пронизанной лунными лучами, и рассыпаясь с шипеньем и грохотом, отливал вспять, до нового кипучего набега.

При виде этой необычайной красоты и прелести невольно как-то приходили на память стихи из роскошной "Фантазии" Фета — помните?

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.
Листья полны светлых насекомых,
Все растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.
Переходят радужные краски,

Раздражая око светом ложным;
Миг еще — и нет волшебной сказ-
ки,
И душа опять полна возможным.

Да, это был миг, один только миг, этот чуд-
ный вечер в Цейлоне и, наслаждаясь им всем
существом своим, переживая его как упои-
тельное сновидение, я с чувством некоторой
щемящей боли в душе сознавал, что он —
уву! — никогда, никогда уже больше для ме-
ня не повторится... Никогда — потому что раз-
ве приведет меня судьба сюда вторично? В
Пуан-де-Галле нет, собственно, того, что назы-
вается в строгом смысле слова "европейским
кварталом", хотя главная часть европейских
зданий, присутственные места, казенные ма-
газины, военные казармы, помещения офи-
циальных лиц и некоторые гостиницы распо-
ложены еще с прежних времен внутри крепо-
сти. Но за всем тем, значительное число до-
мов, принадлежащих европейцам, все так на-
зываемые "бенглоу" с их садами, миссионер-
ские учреждения, часть казенных зданий и
складов, некоторые казармы, равно как и ба-
зарные постройки вынесены за пределы кре-

постных стен и перемешаны с плантациями, домами индийских купцов и скромными хижинами туземцев. В крепостной части города лавки и магазины были уже заперты, да и не они, собственно, нас интересовали. Гораздо любопытнее было нам взглянуть на базары, где разворачивается туземная жизнь и промышленность и где в этот час вечера шла еще бойкая торговля при свете лампад, наполненных кокосовым маслом.

Прежде всего посетили мы кофейный рынок. Это обширное длинное здание, вроде мажежа, на каменных устоях, промежутки между коими забраны большими стекольчатými рамами. В середине, вдоль всего здания оставлен довольно узкий проход, по сторонам которого сидят в несколько рядов над мешками и плетеными кошелками сингалезские женщины и девушки, занятые сортировкой кофейных зерен. Снаружи к этому зданию примыкает обширный двор, где происходит насыпка кофе в мешки, а в соседних сараях — его укупорка, взвешиванье и складыванье в бунты для хранения впредь до отправки в море. Грандидье[48] говорит, что хотя кофейные

плантации бесспорно способствуют развитию на Цейлоне богатства, но всеми выгодами от этого торгового развития пользуется не туземное население, так как рабочие прибывают сюда обыкновенно из чужих мест и спешат возвратиться на родину тотчас, как только им удастся скопить сколько-нибудь деньжонок, сами же владельцы плантаций, англичане, приезжают на Цейлон на время, для того только, чтобы разжиться, и потом возвращаются обратно в Англию. "Таким образом, — замечает тот же путешественник, — не только произведения цейлонской почвы потребляются вне острова, но и сбыт их обогащает исключительно иностранцев". Что до собственников здешних плантаций, то замечание Грандидье, бесспорно, вполне справедливо; относительно же рабочих должен сказать, что быть может в 1863 году, когда Грандидье посетил этот остров, оно было и так, но теперь в числе работников и работниц кофейного рынка в Пуан-де-Галле мы видели почти исключительно туземных жителей. Хотя первые плантации кофе были заведены на Цейлоне голландцами уже более двухсот лет на-

зад, но действительно промышленная культура этого растения развилась здесь только в половине сороковых и в пятидесятых годах текущего столетия, а в настоящее время кофе составляет важнейший предмет здешнего вывоза, наравне с корицей, которую вывозили отсюда индийские и арабские купцы-мореходы еще в глубокой древности.

С кофейного рынка прошли мы на городской базар, где помещаются ряды: рыбной, мясной, овощной, фруктов, рисовый и так далее. Здесь тоже горели лампы с кокосовым маслом, а торговля, по-видимому, только что входила в полный разгар. Теперь именно был час, когда множество всякого рабочего люда из порта и с плантаций, по окончании дневных трудов, спешило сюда к закусочным лавочкам, чтобы перекусить чего-нибудь на сон грядущий. Холостые мужчины и одинокие женщины-работницы толпились перед закусочными ятками, ларями и лотками и ели стоя, либо присев на корточки, а то и на ходу; люди же семейные спешили купить какой-нибудь провизии, вроде рыбы, каракатицы, рисовых лепешек и тому подобное, и, за-

вернув покупку в свежий банановый лист, бережно несли ее к себе домой, чтобы там поужинать с семьей. Голые продавцы и едва одетые торговки только успевали собирать деньги и наделять покупателей съестными продуктами. Стручковый перец, помидоры, финики, лук, чеснок, мускатные орешки и готовый бетель[49], все это, поделенное на порции, разложено было маленькими симметричными кучками просто на фиговых листьях и выставлено на лотках и прилавках для приманки туземных потребителей, поедающих подобные пряности как лакомство. Тут же бродило немало нищих, питающихся объедками, и босых английских полисменов из малайцев и индийцев-магометан, одетых в низенькие круглые шапочки с номером и с неизменным жезлом констебля в руке. Полисмены нередко заходили в лавочки и там, по знакомству, получали от хозяина подношение — угощение бетелем или рисовую лепешкой, и все это как давалось, так и принималось вполне благодушно.

Курят здесь мало, но зато жуют бетель все, от мала до велика, и мужчины и женщины, и

потому, кроме отдельных продавцов, торгующих исключительно этою жвачкой, бетель вы найдете и в съестных, и в кофейнях, и в любой лавке, где покупателю предложат его как угощение для оказания любезности и почета. Вообще сингалезы любят жевать всякую всячину, лишь бы она прямо щипала и жгла во рту, но бетель предпочитают всему на свете.

Обычай жевать бетель распространен по всему югу Индии, на Цейлоне, в Индокитае, на всех Малайских и отчасти Полинезийских островах. Здесь ни один человек не позволит себе говорить с высшим лицом, не положив предварительно в рот эту жвачку; даже люди равного положения, встречаясь друг с другом, начинают свои приветствия и разговоры с того же приема, так как иначе они рисковали бы обнаружить свою неблаговоспитанность или сделать невежливость относительно друг друга. Вообще, кодекс местных приличий требует, чтобы бетель всегда находился за щекой порядочного человека, и многие, даже ложась спать, кладут его себе в рот на ночь. При посещении малайца или сингалеза, хозяин пер-

вым же делом предложит своему гостю бетель, как у нас предлагают папироску, и повторит то же самое при прощании. У малайцев взаимный обмен бетелем считается даже символом вечной дружбы. Главным ингредиентом, входящим в состав этой жвачки, служит кислый орех арековой пальмы, которая по наружности похожа на кокосовую, только листья ее несколько короче и окрашены в более яркий зеленый цвет. Тонкий ствол ареки поднимается в высоту на сорок футов, и плоды ее, величиной с каштан, свешиваются из-под кроны большими кистями. Арековый плод стружится или растирается в крупный порошок на терке и заворачивается в ароматический листок бетелевого перца — растения, которое, подобно плющу, нередко обвивается вокруг ствола арековой пальмы. А чтобы листок не развертывался, его обливают снаружи составом хинам, который есть не что иное как известь из пережженных раковин, подкрашенная слегка кошенилью, вследствие чего она получает очень приятный бледно-розовый цвет. Приправленный таким образом бетель подается после стола в качестве сред-

ства, помогающего пищеварению и продается на всех перекрестках и базарах. Я было рискнул его попробовать, но тотчас же выбросил вон, так как раньше еще, чем успел разобрать его аромат и вяжущий вкус, он уже сильно обжег мне рот и стянул на внутренней стороне губ всю кожу. Судя по такому опыту, могу сказать, что это лакомство, вполне достойное Люцифера, и удивляюсь, каким образом его жуют малые ребята, начиная с пяти, шестилетнего возраста, а жуют они эту мерзость с видимым удовольствием.

С непривычки даже неприятно смотреть на жующего бетель человека, когда он говорит с вами. Губы и десны его раз навсегда принимают темный, буровато-красный цвет и кажутся окровавленными, словно с них содрана кожа; а так как бетель возбуждает обильную слюну и окрашивает ее в такой же цвет, то вся полость рта жевальщика представляется как бы наполненной кровью. Сверх того, от бетеля сильно чернеют и разрушаются зубы, так что здесь вовсе не редкость встретить тридцатилетнего мужчину или молодую женщину совершенно беззубых. Но

укоренившийся веками обычай столь силен, что некрасивые и печальные его последствия никого не останавливают, и человек, однажды уже приучившийся к бетелю, не может отстать от своей привычки.

Прошлись мы по рыбному ряду, где были выставлены напоказ всевозможные "дары океана" в виде крупных и мелких рыб, омаров, крабов и каракатиц; некоторые экземпляры невольно бросались в глаза своими размерами и оригинальными формами, но запахи. Запахи совершенно напоминали мне нашу Сенную, с ее лавками вяленой и сушеной рыбы. Отсюда попали мы в овощной и фруктовый ряд, где были навалены груды бататов и ямса, больших кокосовых орехов, бананов, ананасов и палок сахарного тростника. Мы купили за один шиллинг громадный ананасище, величиной вроде снаряда восьмидюймового орудия, за который у нас в Милютиных лавках надо бы заплатить рублей 25 (да я и не видал там подобных), а здесь, заметьте, с нас еще что называется содрали втридорога как с иностранных путешественников — что запросили, то мы и дали без тор-

гу. Тут же впервые познакомился я со вкусом банана и мангустана. Бананы продаются здесь, как у нас огурцы, на которые они и похожи величиной и формой. Совершенно зрелый плод облечен нежною желтою кожурой, которая сдирается с него очень легко; у недозрелого же кожура зеленая. Цвет самого плода желтовато-белый, матовый, как захоложенное сливочное масло, а по вкусу на первый раз он мне не особенно понравился: очень нежный, мучнисто-маслянистый, с легким привкусом Ландринских, так называемых "ананасных" карамелей. Впрочем, в банан надо вѣстѣся, чтобы вполне оценить и полюбить его, и это впоследствии испытал я на самом себе, когда десерт из бананов сделан для меня просто необходимостью. Но здесь он служит не одним только лакомством, а по своей питательности заменяет для бедняков и хлеб насущный. Едят его и в сыром, и в вареном, и в поджаренном виде. Поджаривают обыкновенно на углях недозрелый плод по снятии кожуры, после чего его смазывают коровьим или оливковым маслом, и большинство работников на базаре

питалось именно этим кушаньем, тут же и приготавливаемым; а в вареном виде подают его как овощ вместе с мясом. Кроме того, на здешнем базаре можно найти в продаже банановую муку, похожую с виду на наше толокно; выделяется она из сушеных плодов, которые толкут, а затем размалывают в ступе и наконец просеивают сквозь сито; англичане обыкновенно употребляют ее для пудинга. Здесь, во фруктовых и овощных лавочках, вы встретите целые пучки или гроздья банановых плодов, подвешенные под потолок, и эти большие гроздья кругло-конической формы, на основном стебле которых нередко сидит до трехсот штук бананов, весят от 60 до 70 фунтов каждое. Плоды развиваются, тесно прижмурив один к другому, и лежат спиралью ряд на ряде, как черепицы, но дозревают они не одновременно и когда верхний ряд, при основании стебля, начинает уже чернеть и гнить от перезрелости, нижние, ближайšie к вершине конуса ряды, только еще наливаются и зеленеют. Поэтому гроздья обыкновенно срезаются от стебля, чуть только верхний ряд пожелтеет, и затем их подвешивают в тени-

стое место, где они могли бы проветриваться, что способствует скорейшему дозреванию; снимают же ряды плодов со стебля по мере того как они желтеют.

Но верх гастрономического наслаждения доставляет, без сомнения, мангустан, этот, по выражению малайцев, "царь фруктов", который дарит обитателям ближайших к экватору стран гарциния, дерево с листьями, похожими на листья лавра и известное в ботанике под именем *Garcinia mangostana*. Плод, величиной с яблоко средних размеров, окрашен снаружи в буро-гранатовый цвет и снабжен довольно толстою рыхлою кожурой того же цвета, только более чистого оттенка. Кожура осторожно взрезается в поперечнике, после чего верхняя половина ее легко снимается прочь и тогда перед вами открывается, как куполок, красиво расположенный шестидольный снежно-белый студенистый плод, напоминающий по виду порцию отлично охлажденного лимонного мороженого. Он очень сочен, слегка ароматен, приятно кисловат и сладок, причем отлично освежает вкус и утоляет жажду, даже прохлаждает, потому что

имеет свойство всегда сохранять в себе под экваториальным солнцем холодную и утреннюю температуру. Во рту мангустан тает, как мороженое, и лакомиться им в знойный день, действительно, одно из величайших наслаждений. Полной зрелости достигает этот плод только под экватором и в ближайших к экватору широтах северного и южного полушарий. Вы найдете его на Суматре, в Сингапуре, в южной части Малаккского полуострова, на Яве, но на Цейлоне мангустан, как уверяют меня, хотя и растет, но уже не вызревает, и его привозят сюда из Ачина и Сингапура, причем значительная часть плодов не выдерживает перевозки и в течение пятисуточного пути портится еще в дороге.

Тут же на базаре заглянули мы в сингалезский кабачок, соединяющий в себе и кондитерскую. Раскрытые окна и длинная стойка этого заведения были заставлены разнокалиберными флаконами и бутылками с разноцветными жидкостями, преимущественно ликерами и лимонадами местного производства. Не было недостатка и в английских араках, бренди, виски и джинах, но туземцы

предпочитали всем этим спиртуозам свой каллю, хмельной напиток из перебродившего сока кокосовых орехов. Рядом с флаконами на стойке были выставлены в виде закусок финики, сотовый мед, рахат-лукум и какие-то сладкие печенья, а над ними в двух китайских вазочках возвышались большие раскидистые букеты лилий и еще каких-то крупных пунцовых и желтых цветов, из-за которых, словно некий буддийский идол или китайский бог благополучного богатства и благоутробия, выглядывало безбородое, луноподобное лицо и дородный торс хозяина этого заведения. Судя по женской прическе, перехваченной высоким черепаховым гребнем, и по дородству персей мы было приняли его сначала за представительницу здешнего прекрасного пола и потому даже слегка сконфузились, подумав, что своим приходом учинили в отношении ее некоторую нескромность; но мнимая сингалезская матрона, нимало не смущаясь откровенностью своего туалета, приветствовала нас совершенно мужским и даже несколько хриплым басом, что и обнаружило тотчас же нашу невольную ошибку.

Этот китайский божок очень любезно предложил нашему выбору свои ликеры, бренди и сласти, но от первых мы отказались, предпочтя выпить по стакану содовой воды с несколькими каплями коньяку, так как уверяют, будто неподкрепленная некоторою дозой алкоголя она в этом климате небезвредна для желудка. Что же до разных рахатов и печений, то они оставили нам по себе не совсем-то приятное впечатление, так как при чрезвычайной приторности в них есть еще какой-то противный привкус кокосового мыла. По всей вероятности они изготовляются на кокосовом масле.

Проводник, между прочим, предложил взглянуть на танцы здешних баядерок. (Это, кажется, единственное развлечение, каким пока угощают нас на Востоке.) Отчего не взглянуть! Очень даже любопытно, если вечером ничего другого не увидишь, и мы отправились в один из прибрежных кварталов, населенный, кажется, исключительно туземцами. Привели нас в какой-то дом очень легкой постройки, так как часть его стен была забрана просто тростниковыми чиями[50]. Тут, по-

видимому, попали мы в какое-то семейство, кружком сидевшее на полу за вечернею трапезой при свете кокосовых лампад. Пожилой отец семейства, самой почтенной наружности, в кофте и юбке, как подобает прилично-му человеку, поднялся нам навстречу и, несколько не удивясь приходу незнакомцев, самым любезным образом предложил нам садиться. Инструментом для сиденья служила продолговатая четырехугольная рама на ножках, с туго натянутою на нее веревочною сеткой из кокосовых волокон, — нечто вроде саратовской кровати, какие находятся в повсеместном употреблении в Средней Азии и очень хорошо знакомы русским жителям Ташкента. Эластичная сетка этой кровати была покрыта барсовыми шкурами. Проводник объяснил отцу семейства цель нашего прихода, которую тот, по-видимому, остался очень доволен и тотчас же отдал какие-то приказания девочке лет десяти, вероятно, своей дочери. Девчоночка живо вскочила с места и побежала куда-то из дому. Несколько минут спустя, она возвратилась и привела с собой двух девочек-подростков, лет по четырнадцати, ко-

торые, наскоро поздоровавшись со всеми, полезли вместе с хозяйскими дочерьми и племянницами вверх по крутой, почти вертикальной лестнице, упиравшейся в край проделанного в потолке открытого люка. Перед лестницей висела, спускаясь из этого люка, толстая веревка с несколькими узлами, за которую карабкавшиеся девушки хватались руками, как за поручень, а некоторые из них взбирались и прямо по веревке гимнастическим способом, не прибегая к помощи лестницы, что совершенно напоминало обезьяньи манеры лазанья. Но представьте наше затруднение, когда вслед затем почтенный отец семейства предложил и нам совершить тем же способом путешествие на антресоли. Нечего делать, пришлось покориться и этой комической необходимости.

Верхняя комната была такой же величины, как и нижнее помещение, с тою разницей, что здесь уже не одна, а все четыре стены были забраны тростниковыми чиями по бамбуковому каркасу, а вместо потолка над головой простирался прямо скат кровли, крытой пальмовыми листьями. Убранство состо-

яло из трех придвинутых к стенам кушеток, точно таких же, как та, что внизу, с накинутыми на них барсовыми шкурами. Последнею влезла наверх пожилая особа, вероятно, мать семейства, которой хозяин подал снизу тебуну, инструмент вроде двухструнной гитары, и затем вскинул туда же там-там, очень ловко подхваченный на лету одною из девушек.

Костюм их состоял из длинного ситцевого полотнища, обернутого в виде юбки вокруг бедер и затем перекинутого через левое плечо на спину, где конец его затыкался в юбку у поясницы; грудь и плечи были в обтяжку прикрыты коротенькою белою кофточкой с короткими рукавами; на шее болтались ожерелья из разных металлических подвесок, монет и амулетов; обыкновенная прическа с пробором по середине украшалась металлическою чешуйчатою повязкой вроде обручика, которая закреплялась на висках двумя серебряными выпуклыми розетками филигранной работы, и, кроме того, с этой же повязки спускалась на лоб в виде звездочки такая же розетка, лишь несколько меньших размеров,

украшенная самоцветными камнями, а вернее, просто стеклышками; в ушах болтались тяжелые крупные серьги с бахромчатыми подвесками и сквозь обе ноздри тоже были продеты маленькие сережки, соединенные между собой тонкою серебряною проволокой, на которой обыкновенно болтается над верхней губой либо маленькая золотая монетка, либо жемчужина. Коса, закрученная в узел на затылке, прокалывалась черепаховою или серебряною шпилькой с булками, и, кроме того, в волосы каждой девушки было еще воткнуто по одному большому цветку: у одних магнолии, у других что-то вроде махровой астры. На руках и ногах были надеты браслеты, которые носят здесь все женщины, как молодые, так и старухи. Ноги у всех были босые. Дополнением к этому костюму обыкновенно служит либо складной китайский, либо индийский из павлиньих перьев, либо же наконец простой круглый веер из молодого засушенного листа зонтичной пальмы.

Все молодые танцовщицы на вид казались не старше лет пятнадцати, хотя в действительности им могло быть и гораздо больше. В

их худощавых недоразвившихся фигурках сказывалось что-то детское и, как говорится, сублильное; все они были небольшого роста и отличались тонкими чертами лица, с каким-то задумчивым, кротким и отчасти даже робким выражением глаз и улыбки. Манеры и движения их полны были скромности и природной грации, а танцы не только не заключали в себе чего-либо цинического, но и просто страстного; в них даже не было особенной живости, и весь характер танца главным образом состоял в плавных покачиваниях корпуса из стороны в сторону и как бы в ленивых движениях рук, плеч, стана с медленным прихлопыванием в ладоши; ноги менее всего участвовали в мерном переступании в такт мотива со ступни на ступню, в приподнимании на носках да иногда в кружении на одном месте.

С понятием о баядерке у европейцев всегда соединяется представление о жрице разврата, и, конечно, такое убеждение сложилось не без основания, но я должен заметить, что к тем плясуньям, которые теперь стояли перед нами, менее всего могло бы быть применено

в этом смысле название баядерок: до такой степени вся их наружность, выражение лиц, манеры и танцы отличались безукоризненною скромностью. Глядя на них, скорее всего можно бы было подумать, что нам являют свое искусство благовоспитанные девицы из очень почтенного и благочестивого семейства. А между тем на самом деле это были несомненные баядерки. Значит, естественная скромность, по всей вероятности, составляет врожденную черту в характере сингалезских женщин. Потом мы узнали, что все это семейство принадлежит к числу родиев, цейлонских парий, переселившихся в Пуан-де-Галль из Кандийского округа. О родиях, между прочим, находим несколько весьма интересных сведений у Грандидье, сообщающего, что местные традиции ведут происхождение этих отверженцев от принцессы Наваратна-Валли, которая допустила себя до незаконной связи с человеком низшей касты и случайно избежала смертной казни, коею по закону должна была искупить свое преступление. Отверженная обществом, она, бежала вместе со своим ребенком в пустыню, где к ней присоеди-

лись все благородные цейлонцы, униженные и изгнанные из общества за измену или святотатство. Родии разделяются на две группы, тиррингас и галпагай, которые, хотя и живут вместе, но не вступают между собой в браки из опасения унижить себя таким союзом, ибо каждая из названных групп ведет свой род непосредственно от царей. До перехода Цейлона под владычество англичан, родии находились в самом униженном положении. Всеми презираемые и объявленные вне закона, они не имели права ни владеть землей, ни заниматься торговлей, ни селиться иначе как только особняком, вдали от жилищ других цейлонцев. Им запрещалось черпать воду из колодцев и рек поблизости городов и селений и даже жить в хижинах обыкновенного местного устройства: для них допускались только шалаши. Питаться они могли продуктами лишь собственной своей охоты и ловли и не имели права прикрывать одеждой ни ног своих, ни груди, а для прикрытия чресл разрешалось им носить только кусок грубого полотна. При выходе из своего шалаша родия обязан был опоясывать себя сухими

пальмовыми листьями, шелест которых предупреждал бы прохожих о приближении отверженца. Кроме того, он должен был предупредить прохожего своим криком, дабы тот мог приостановиться и выждать, пока родия скроется. Во время господства туземных раджей одним из самых тяжелых наказаний для женщин высшего класса считалось получение бетеля из руки родия. На этих париях лежала обязанность очищать дорогу от животной падали и доставлять раджам ежегодную дань ремнями для содержания на привязи диких, недавно изловленных слонов, и это был единственный промысел, которым они могли заниматься невозбранно. Даже скот, принадлежавший родиям, считался нечистым и должен был в виде отличительного знака носить на шее скорлупу кокосового ореха. Англичане, однако, установили полнейшую равноправность между всеми жителями острова, и под их владычеством родии могли, наконец, вздохнуть свободно и зажить по-человечески, не стесняясь ни в образе жизни и жилища, ни в роде занятий, ни в пище и одежде. Тем не менее сила презрения к ним со стороны ту-

земцев столь велика, что родии всеми благами равноправности могут свободно пользоваться только под крылом англичан, под их непосредственным покровительством в тех местах, где англичане имеют свою оседлость, но за глазами их, особенно внутри страны, окруженные одними туземцами, родии доселе продолжают влачить некоторые особенности своего прежнего существования. Поэтому каждый из родиев, как только может, стремится переселяться в города, поближе к англичанам. Но, к сожалению, целые века жизни унижения и лени давно уже убили в них энергию и охоту к труду. Самые трудолюбивые из них готовят плети и ремни или возделывают небольшие поля, за право пользования коими обыкновенно обязываются доставлять владельцу известное количество ремней. Большинство же родиев чувствует решительное отвращение к какой бы то ни было работе и предпочитает легкие и темные профессии, вроде прошения милостыни, мелкого воровства, рассказывания сказок или пения и плясок в публичных местах. В особенности охотно промышленяют они в пор-

товых городах баядерством своих жен и дочерей, на чем некоторые сколачивают себе даже порядочные состояния. Тем чуднее кажется мне в этих людях сочетание столь некрасивых нравственных качеств с такою, по-видимому, патриархальною семейственностью их домашнего быта и в особенности с безупречною наружною скромностью их женщин. Родии исповедуют буддизм, искаженный, впрочем, самыми грубыми суевериями и обходящийся безо всяких обрядов; ни браки, ни похороны у них не сопровождаются никакими обрядовыми церемониями: о предстоящем или состоявшемся браке не уведомляют даже ближайших родственников, а покойника просто завертывают в циновку и зарывают в землю на седьмой день после смерти. Родиям возбранен доступ даже в храмы для молитвы; тем не менее бывали примеры, что к ним отправлялись буддистские монахи для религиозной пропаганды. На упреки раджей миссионеры эти отвечали, что буддизм не делает никакого различия между отверженцами и сильными мира сего. Но увы! Далеко не так поступают миссионеры христианские не

только католической, но и англиканской церкви. Эти тоже не допускают родиев в храмы, оправдываясь тем, что если мы-де не станем изгонять их из наших церквей, то тем самым изгоним оттуда все другие касты, которые никогда не захотят находиться под одним кровом с париями. Замечательно как хорошо, не мешая одно другому, уживаются вместе пресловутая английская "равноправность", позволяющая родиям свободно селиться где угодно и еще свободнее торговать своими женами, и фарисейское лицемерие английских миссионеров, изгоняющих тех же родиев из церкви даже и в том случае, когда отверженец искренно ищет единственного прибежища и утешения в лоне веры Христовой. Кто же кого тут дурачит? И ради чего все это?

А вот еще случайно подмеченная маленькая картинка, не лишенная, однако, большой характерности.

В то время как баядерки плясали перед нами под тихий аккомпанемент тебуни и там-тама, из соседнего двора доносился к нам какой-то гомон, смешанный шум громких раз-

говоров и нестройного пения с визгом и ударами в там-там, на что сначала мы было не обратили внимания, но затем этот шум стал положительно мешать нам слушать сингалезскую музыку. Желая узнать, что там такое, я раздвинул тростинки настенного чия, и что же? Заглянув во двор, вижу, под раскидистым деревом сидят за столом, при свете нескольких фонарей, наши пароходные немцы и наслаждаются пивом. Перед ними пять или шесть баядерок, взявшись за руки, составили хороводный круг и движутся то вправо, то влево, подплясывая и напевая какую-то песню, а в середине их круга толчется чуть не в костюме праотца Адама тот усатый немец, что облыжно выдавал себя за прусского офицера, едущего в Китай инструктором, и, ударяя в ладоши, поет или, вернее, сказать, орет с великим энтузиазмом, все ту же свою неизменную "Heit dir im Siegerkranz", переходя затем к "Wacht am Rhein" и путая ее с какою-то "Wir sind Deutsche, Deutsche, Deutsche..." Остальные ему аплодировали и время от времени кричали "Hoch" и "Hurrah".

Патриотизм, конечно, дело похвальное, но,

Боже мой, зачем они повсюду и кстати, и некстати так назойливо тычут им в глаза всем и каждому!..

Комната, которую мы заняли на ночь, была о двух окнах, но окна без стекол с одними жалюзи, в щели которых свободно могли пробираться не только комары и мустики, но и всякая другая гадина; пол был кирпичный, а потолок... потолка совсем не было: вместо потолка была прямо крыша, состоявшая из положенных на стропила циновок, что, пожалуй, и недурно, так как этим увеличивается в комнате количество воздуха; но беда в том, что по этой крыше и по стенам ползает множество маленьких ящериц, которые то и дело падают к вам на стол, на постель, на платье, на голову и вообще куда ни попало. Положим это и совсем безобидное животное, но все же с непривычки как-то неприятно, когда неожиданно шлепнется оно к вам на голову и побежит по лицу своими холодными лапками. Убранство комнаты состояло, во-первых, из двух железных кроватей, обыкновенного больничного типа и даже без пружинных тюфяков, но с мустикерами; во-вторых, из двух

табуретов и простого стола, на котором стояли умывальная плошка с кувшином и обыкновенный стакан с кокосовым маслом и свечной, заменявшей лампаду. Вся эта обстановка напоминала скорее какое-нибудь помещение для "благородных" арестантов, чем номер в порядочной гостинице, и тем не менее за одну ночь, проведенную там, взяли с нас двадцать франков, не считая утреннего чая, а за ужин, состоявший из шести ломтиков ветчины толщиной чуть не в листок бумаги, четырех костлявых кусков холодной курицы, ананаса, нами же самими купленного на рынке, и бутылки шампанского, заплатили мы по счету ровно шестьдесят франков. Это называется "по уменьшенным и умеренным ценам". Каковы же были не "уменьшенные"?!

3-го августа.

Долго не спалось нам в нашей "благородной арестантской". Воздух ли этот, напоенный ароматами, картины ли цейлонской природы при эффектах лунного освещения или невозможно крепкий английский чай возбуждали до бессонницы наши нервы, уж не знаю. Ночью два раза принимался барабанить по

крыше дождь со всею силой ливня и каждый раз утихал менее чем через пять минут времени. Здесь такие короткие дожди являются истинною благодатью, освежая по несколько раз в сутки сильно нагретый воздух.

Разбудили нас, как было приказано, в пять часов утра на рассвете и принесли вместо чая какой-то английской бурды с молоком, которая на вид казалась шоколадом, а на вкус оказалась очень терпким декоктом с некоторым запахом сильно перепрелого чайного настоя. Наскоро совершив свой туалет и отведав этой бурды, мы тотчас же отправились осматривать город при лучах восходящего солнца, пока еще было не жарко. Перед гостиницей, на небольшой площадке уже торчало несколько сингалезов в своих женских костюмах. Одни из них продавали эбеновые палки и разные точеные вещицы из дерева и слоновой кости, другие — плетеные изделия из рисовой соломы и пальмовых листьев, а два-три человека с маленькими обезьянками на плече держали в руках тщательно закрытые деревянные лукошки и кожаные торбы с кобрами и другими змеями. Это были индийские фокусни-

ки и змеезаклинатели, которые за самое пустячное вознаграждение показывают нам здесь же, не сходя с места, такие изумительные вещи, перед которыми невольно пасует всякое человеческое разумение, и ум отказывается объяснить, каким образом это может быть сделано, если не впутывать сюда факторов вроде "четвертого измерения" и вообще участия какой-то неведомой нам чертовщины. Об этих фокусах многое и многим уже было писано, и я не стану повторять рассказа хотя бы о ячменном зерне — как оно, будучи посажено в горшок с землей, через несколько минут, под влиянием разных магнетических пасов и манипуляций фокусника уже дает росток, который через четверть часа постепенно развивается в стебель с листьями и так далее, до полной зрелости колоса. Тут еще, хотя и с большими натяжками, могут быть допустимы предположения или объяснения вроде существования какого-нибудь особенного, неизвестного нам химического состава почвы, в которую бросается зерно, в соединении с действием на него тоже неизвестной пока особенной, теплотворной силы и тому подоб-

ного. Но попытайтесь объяснить хотя бы следующий фокус: в руках у фокусника вы видите слабо смотанную в большое кольцо бечевку, вроде морского линя, толщиной в мизинец и длиной в несколько сот футов. На одном ее конце закреплен деревянный костылек, служащий ручкой, а на другом привязан обыкновенный бубенчик, величиной с яблоко. Раскачав этот последний конец до сильного вращательного движения бубенчика, фокусник с силой пускает его вверх и затем только обеими руками живо помогает бечевке разматываться. Конец с бубенчиком между тем все выше и выше стремится вверх, в совершенно вертикальном направлении, словно его тянет туда какая-то посторонняя внешняя сила. Но вот, наконец, все кольцо разматано, и фокусник, словно опасаясь, как бы бечевка совсем не ускользнула из его рук и не улетела бы в небо, быстрым движением пропускает конец ее между средним и безымянным пальцами левой руки, которую при этом вдруг рвануло кверху, как бы действием все той же внешней силы; но он успел зажать костылек в кулаке и через несколько мгнове-

ний, с некоторым усилием, но плавно опускает руку до высоты своей груди. Совершенно вытянутая бечевка так и остается в вертикальном положении, а верхнего конце ее с бубенчиком даже нельзя разглядеть в блеске воздушного пространства, пропитанного яркими солнечными лучами. Тогда фокусник правой рукой снимает со своего плеча маленькую макаку и подносит ее к бечевке, за которую обезьянка тотчас же хватается всеми четырьмя руками и быстро лезет вверх, подбодряемая словами и жестами свободной руки фокусника. Через несколько минут в воздушной вышине она едва виднеется уже, как чуть заметная точка. Выждав некоторое время и не выпуская костылька из руки, фокусник начинает сматывать бечевку по-прежнему в кольцо, но уже гораздо медленнее, чем шла размотка и не без некоторого напряжения ручных мускулов. Проходит еще несколько времени, кольцо бечевки наматывается все больше и больше, а вертикальная часть ее становится все ниже, и вот вы видите, как на самом конце ее преспокойно сидит себе верхом на бубенчике маленькая макака, очевид-

но давно уже привыкшая к такому роду воздушных путешествий, и только старается покрепче держаться задними руками за бечевку. Через минуту она опять уже гримасничает на плече у своего хозяина, а бечевка, сослужившая ему такую изумительную штуку, бросается в мешок как "вервие простое". Вот и весь фокус, но объясните, если можете, как это делается вопреки закону тяготения и вообще, что это такое?

А здесь это один из самых обыкновенных фокусов, который охотно покажет вам любой уличный фокусник за несколько пенсов.

Для скорейшего осмотра города (так как времени в нашем распоряжении оставалось немного) наняли мы себе экипаж — продолговатую карету типа маленьких дилижансов, в которую запряжена была пара тату, малорослых туземных лошадок, отличающихся замечательной силой и энергией. Извозчик (поздешнему, виндиагар) запросил было сначала по рупии с человека (нас было трое), но, по врожденной мягкости сингалезского характера, тотчас же согласился повезти нас вокруг города за одну рупию. Сели, поехали и сначала

ла в крепостной квартал. Здесь европейские дома построены большею частью в один и редко в два этажа, но не выше. Строения почти исключительно каменные, старинной солидной постройки, с открытыми верандами, на которых, против входной двери, обыкновенно ставится заслон от посторонних любопытных глаз в форме большого экрана, обтянутого красным кумачом либо тростниковой плетенкой. Принадлежностью каждой веранды непременно являются цветы в горшках и тропические растения в кадках, за которыми разбросано несколько плетеных бамбуковых кресел, устроенных так, чтобы можно было растянуться на них с ногами; тут же всегда стоит большой круглый стол, иногда с мраморной доской, а около него обыкновенные кресла, стулья и табуреты красного дерева, на которых, впрочем, мягкие матерчатые сиденья и спинки являются как редкое исключение: они всегда здесь либо досчатые, либо из плетенки, по климату, чтобы не так жарко было сидеть. Вообще заметно, что в домах много комфорта специально приспособленного к местным климатическим условиям.

Зашли в один из синегалезских магазинов с весьма неказистой внешностью. Здесь продается множество самых разнообразных предметов, начиная с разных драгоценных камней в отделке и без отделки и кончая английской ваксой и персидскую ромашкой. В особенности хороши были камни азиатской отделки (неграненые), вправленные в перстни, серьги и кольцо в сингалезском вкусе. Затем очень интересен был отдел так называемых изящных произведений местного производства и характера. Тут были бьювары и шкапулки из черного и кокосового дерева; украшенные резьбой сосуды из кокосовых орехов в серебряной и бронзовой оправе; узорчатые коробки очень искусно сплетенные из пальмовых листьев таким образом, что они в числе от шести до двенадцати штук свободно укладываются одна в другую; женские рабочие ящики, составленные из игол дикобраза; разные эбеновые трости, узорчато-инкрустированные перламутром и слоновою костью, с ручками в виде змеиной или слоновой головы; пресс-папье в образе слонов из эбенового же дерева или в виде плиток, выпиленных из

слонового зуба и великолепно отшлифованных, так что сначала вы легко можете ошибиться, приняв их за светлую яшму с прелестными молочными жилками зубчатого рисунка; наконец тут же продавались очень искусно сделанные разной величины модели местных пирог со всеми их мореходными приспособлениями. Накупив несколько наиболее характерных вещей, мы зашли в другой магазин, где я приобрел фотографическую коллекцию видов Пуан-де-Гапля и других мест Цейлона и типов туземных жителей. Отослав все это с носильщиком в гостиницу, поехали мы наконец взглянуть на сингалезскую часть города, где, впрочем, хижины туземцев, как уже сказано, перемешаны с домами индийских купцов и дачами (бенглоу) европейцев.

Путь лежал через крепостные ворота, на фронте коих был высечен какой-то герб, вероятно, оставшийся еще от голландцев, построивших эту крепость. Каменные стены форта в изобилии покрыты лишайниками, ползучими и иными растениями, нашедшими себе место в рассевшихся швах каменной кладки; многие из растений еще в цвету, и

это придает серым стенам очень красивый вид. Миновав мост, перекинутый через крепостной ров, мы выехали на эспланаду в виде обширной зеленой луговины, по другую сторону коей укромно уютится среди садов и пальмовых роц сингалезский город и выглядывают из-за верхушек зелени две изящные белые башни и белый купол католического костела, который, как нам сообщили, остается еще памятником владычества португальцев. Отсюда, из-за моста, я еще раз бросил взгляд на наружную часть форта. По стенам, на барбетах[51] и в амбразурах виднелись кое-где старинные чугунные пушки, а на одном из исходящих углов торчал английский часовой, весь в белом костюме и в белом пробковом шлеме. Стоя на часах, он преспокойно покуривал себе сигару, что, как видно, здесь допускается. На Цейлоне английских войск всего два батальона пехоты и одна батарея артиллерии, разбросанные по разным пунктам острова для содержания гарнизонов; но, при спокойном, миролюбивом характере сингалезов, пожалуй, больше и не требуется. По луговине маршировали куда-то команда

белых пехотинцев и отряд белых полисменов в синих мундирных блузах и красных шапочках с медным на них номером.

Миновав оштукатуренную ограду голландского кладбища, сооруженную, как значится в наворотной надписи, еще в 1783 году, мы поехали по набережной дороге, мимо мясного ряда. Жемчужно-белый бурун красиво катился по белому песку отлогого, почти плоского берега и отпрядывал назад у самой дороги, оставляя на ее обочине массу мелких ракушек и много раковин крупных и нередко очень красивых. Затем мы въехали, как показалось нам с первого взгляда, в тропический лес, но это была одна из улиц сингалезского города. Какая масса и роскошь растительности и что за разнообразие растительных форм!.. Недаром же у индийцев есть предание, что рай наших прародителей был именно здесь, на Цейлоне, и что в память его сохранился на вершине горы Адама в диком камне след гигантской пяты первого человека. Все то, на что петербуржцы любят в миниатюре в императорском ботаническом саду или в теплицах, какие были у покойного

В. Ф. Громова, здесь обретаются в диком виде, в гигантских размерах и в громадном изобилии. Все эти тамаринды, корнепуски, пламенники, мангу, баобабы, бананы и разнообразные пальмы образуют над улицей как бы сплошной зеленый свод и так высоки, что не только люди, но и домики в сравнении с ними кажутся карликами. Здесь, по выражению поэта, действительно "все растет и рвется вон из меры", и все это перепутано висячими гирляндами и хвостами лиан и ротангов, цветущими вьюнками, ползучими розами и виноградом, все живмя-живет — живет всем радостным трепетом и свежестью утренней жизни и дышит негой, омытое за ночь дождем и исполненное ярких красок, теплой прозрачной тени и целой музыки разнообразных звуков, шелестов и "зеленого шума" среди мелодичных высвистов, трелей, щебетанья и криков разных пташек и красиво оперенных сиворонков, попугаев, фазанов и павлинов, глядя на которых нам опять-таки невольно вспоминаются все те же стихи нашего поэта[52]

На суку извилистом и чудном,

Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном.
Над водой качается жар-птица...

Словом, вся изумительная роскошь, все чудеса растительного мира, какие только можете вы себе вообразить на фантастической декорации или какие мерещились вам порой в поэтической грезе, здесь всецело перед вами наяву, во всей своей реальной действительности; вы их видите, осязаете, рвете их пышные цветы, обоняете их аромат, испытываете всеми нервами чарующие красоты их форм, благоухания и красок. Это какой-то сон наяву или волшебная сказка, осуществленная в действительности. На сто футов от земли поднимается стройный цилиндрический ствол кокосовой пальмы и завершается в вышине пышным букетом трехсаженных листьев, из которых нижние красиво выгибаются и клонятся к земле, как султан из страусовых перьев, и из-под этих роскошных крон свешиваются громадные гроздья плодов, от двадцати до тридцати орехов в каждом и притом во всех степенях развития, начиная с разветвленного початка белых цветов и до вполне со-

зревшего плода. Тут же растет и зонтичная пальма, которую сингалезы называют талиподом и пользуются ее листьями как дождевыми зонтиками. Рост талипода не превышает шестидесяти футов, но крона — это в своем роде верх красоты. Представьте себе громадный листовой черешок от четырех до пяти аршин длины, на котором разворачивается исполинский диск зубчатого листа, а чтоб определить вам величину этого диска, достаточно сказать, что под ним двенадцать человек могут укрыться от дождя и зноя, и вот из таких-то листьев состоит роскошная крона зонтичной пальмы, покрывающая ее как шапка или купол. Гартвиг[53] рассказывает, что просяв в таком виде от тридцати до сорока лет, талипод испытывает странную метаморфозу: из центра кроны вдруг появляется глянцевито-белая цветочная ось, которая через три-четыре месяца достигает тридцати футов высоты. На это явление как бы истощается вся растительная сила пальмы: листья опадают, и голый ствол стоит среди зеленого леса) как обнаженная громадная мачта. Но жизнь кипит в цветочной оси, и в три месяца выраста-

ют из нее гладкие длинные ветви (нижние до 20 футов длины) как огромные канделябры. Из ветвей развиваются веточки, обсаженные множеством маленьких белых цветков, что придает им весьма красивый вид. За цветками развиваются маленькие ягоды, после чего початки вянут и дерево умирает, а количество его плодов, из которых здесь точат шарики для браслетов, ожерелий и четок, достигает до двадцати тысяч. Тут же вас поражает своим исполинским ростом ствол священной смоковницы, предмет благоговейного поклонения цейлонского буддиста, так как под одною из таких смоковниц родился Вишну и проповедовал Сакья-муни, то есть сам Будда. Вот и другой вид смоковницы, только вышина ее не более обыкновенного человеческого роста; она угловата и как бы спаяна из нескольких стволов, а широкие ветви ее далеко расходятся в стороны и изгибаются самым причудливым образом, сплющиваясь между собой в горизонтальном положении до такой степени плотно, что на образуемых ими площадках ходят домашние козы и щиплют молодую листву. Эту извилистую смоковницу

чаще всего вы встретите во дворах, около сингалезских хижин, где под сенью ее ветвей стоят маленькие буддийские божнички. В некоторых садах видны небольшие темно-зеленые рощицы коричневого дерева, и как красивы на темном фоне их листвы бледно-желтые и огненно-красные листья молодых побегов корицы! Здесь не допускают коричневых деревьев до полного роста, так как кора старого дерева менее ценится. В настоящее время на коричневых плантациях, которые наиболее распространены в окрестностях Коломбо, работают около пятидесяти тысяч сингалезов, коим, впрочем, не грозит теперь смертная казнь за тайную продажу корицы с плантации, хотя бы даже не более одной трубочки, как было во время голландцев, когда торговля этим продуктом составляла правительственную монополию.

Сингалезские хижины, по местному "казы", выходят прямо на улицу своими большими верандами. Дверей и окон у них нет, а свет проникает внутрь в разборчатую переднюю стену, которая на ночь запирается деревянными или циновочными ставнями. Стро-

ятыся эти казы на бамбуковом или тростниково-вом каркасе, с наугольными устоями и венцами (нижним и верхним) из пальмовых бревен. Под нижний венец иногда подкладывается булыжный или плитняковый фундамент. Задняя и две боковые стены облепляются изнутри и снаружи глиной, смешанною с коровьим пометом и резкой из рисовой соломы, и этот цемент, быстро высыхая под лучами здешнего солнца, получает плотность и твердость камня. Передний фас казы поддерживается и разгораживается на два или на три прохода деревянными стойками, вроде колонок, утвержденными между нижним и верхним венцами; к ним-то и прислоняются ставни, когда нужно защититься от зноя или непогоды. Крыши у хижин четырехскатные, совершенно в том роде, как у нас на малороссийских хатах, и кроются либо тростником, либо сухими ветвями кокосовой пальмы. Некоторые, впрочем, кроют и черепицей, но это уже роскошь, которую позволяют себе люди более или менее зажиточные, ведущие в своих домах какую-либо торговлю. Рядом с сингалезскими казами ютятся за глинобит-

ными, бетонными или сырцово-кирпичными заборами европейские одноэтажные домики, исключительно под черепичными кровлями, сохранившие в некоторых наружных украшениях карнизов и фасадов и в закругленных изгибах очертаний своих фронтонов вполне голландский тяжеловатый характер, сказывающийся точно так же и в массивных, тумбообразных, четырехсторонних столбиках с шарами или конусами наверху, что служат в заборах пролетами для ворот и калиток. Да я думаю, что и уцелели-то они еще с прошлого столетия, со времен голландского владычества. Англичане таких домов не строят, потому что у них для своих бенглоу вполне выработан собственный тип колониальной архитектуры, в котором отсутствие художественного стиля восполняется избытком комфорта. Но все равно, и даже сингалезским хижинам, придает прелесть это изобилие и разнообразие окружающей их растительности.

В туземном городе, когда мы проезжали по его улицам, дневная жизнь уже вступила в период своей деятельности. Сингалезские дети и женщины, сидя на корточках над

небольшими полоскательными чашками, перед своими казами, тут же на улице совершали свой утренний туалет, мылись, чистили себе зубы и расчесывали волосы. Матери семейств у порога варили на очагах в глиняных горшках какую-то похлебку на завтрак, другие крошили овощи, третьи потрошили и мыли рыбу; везде шла очень деятельная стряпня, которою были заняты исключительно женщины. Мужчины тоже давно уже были за работой, одни в порту, другие на плантациях. Ремесленники, обнаженные до пояса, а другие и вовсе голые (если не считать за одежду так называемый шомик, кусок полотна для обертывания бедер), стругали доски, пилили бруски и стучали своими молоточками в открытых снаружи мастерских. Бочары (одна из важнейших здешних профессий) наколачивали обручи на разнокалиберные бочки, служащие для вывоза сахарного тростника, кофе и кокосового масла. Мужчины и женщины из окрестных селений легкою походкой торопились на рынок, неся на продажу молоко, ключевую воду, яйца, кур и разные овощи, цветы и фрукты. Рыбаки и рыбачки поспешали туда

же с разными продуктами своей предрассветной ловли, неся на головах в плетеных кошелках омаров, крабов и шримсов, каракатиц и разнообразных океанских рыб. Навстречу нам часто попадались туземные двухколесные возы вроде среднеазиатских арб, только с более низким ходом, прикрытые сверху от солнца циновочной кибиткой, с запряженной в ярмо парой горбатых волов (зебу). Все эти возы были нагружены мешками с рисом, ячменем и просом. Несколько в стороне, множество почти совсем голых работников толпилось у складов кокосового масла, где они накачивали его посредством ручных насосов в бочки, положенные правильными рядами, и затем нагружали этими бочками плоские двухколесные платформы для отправления в порт. Маленькие, совершенно голые ребяташки с любопытством встречали и провожали нас глазами, но — замечательное дело — ни один из них не протянул руку за подаянием и ни один не побежал за нашим экипажем. А будь это арабчата, тут бы их бежала целая армия.

Но вот любопытное зрелище: молодой па-

рень лет двадцати лезет на пальму громадной вышины, чтобы добыть с нее несколько кокосовых орехов. Делается это очень оригинальным способом, на который стоит обратить внимание, тем более что он одинаков как у индийцев с сингалезами, так и у малайцев с полинезийцами. Одежда парня, для наибольшего облегчения при значительной мускульной работе, состоит из одного только шомикю да из бумажного полотенца, которым он вроде чалмы обернул себе голову, чтобы предохранить ее во время своего гимнастического путешествия по открытому стволу дерева от непосредственного действия вертикальных солнечных лучей. Усевшись на землю перед самым стволом, парень связывает себе щиколотки ног веревкой из лыка кокосовой же пальмы таким образом, чтобы перемычка между ними была около пяти-шести вершков. После этого, поднявшись на ноги, он руками притягивается к стволу и вспрыгивает на него, стараясь попасть перемычкой на одно из рубчатых колец, образующихся по стволу в местах прикрепления прежде бывших ветвей; эти кольца, задерживая перемычку,

служат ему как бы ступенями. Таким образом, постепенно подтягиваясь руками по шероховатой коре дерева и перенося движением ног перемычку с кольца на кольцо, парень достигает наконец самой вершины, которая эластично гнется и раскачивается под его тяжестью. Там, под самою кроной, ухватясь левой рукой за один из надежных листовых черенков, он срывает орех за орехом и кидает их на землю, повернув наперед острым концом вниз для того, чтобы плод не раскололся при ударе о почву.

Здесь нет той хижины, которая не имела бы несколько собственных кокосников и бананов, нередко служащих для ее обитателей единственным средством пропитания и в зеленом, и в спелом, и в сыром, и в вареном или жареном видах. Плод кокосника не только доставляет пищу и вкусное освежающее питье, но из него добывается еще и масло, идущее в твердом состоянии на выделку свеч, а в жидком — горящее без копоти и запаха в лампадах. Гартвиг говорит, что кокосовое масло стало известным в Европе только с начала текущего столетия и в настоящее время

приобрело уже серьезное торговое значение. Наибольшее количество этого продукта доставляется Цейлоном, где за галлон (4 1/2 литра) платится от 30 до 35 копеек. Кокосовые выжимки составляют прекрасный корм для свиней и домашней птицы; из твердой скорлупы выделывают разные домашние сосуды, как например, ложки, сулеи, кальяны. Чашки и стаканы обыкновенно делаются из недозрелой скорлупы, причем их обскабливают почти до прозрачности. Из самих листочков сингалезы плетут прекрасные корзины и циновки, или так называемые каджаны, употребляемые для подстилки, обивки стен и для изгородей, а ствол доставляет им строительный материал для хижин, ветви же — для покрытия кровель; дерево это хорошо полируется, а потому идет и на столярные поделки. Самые молодые и нежные листочки в поджаренном или вареном виде составляют для сингалезов даже одно из лакомств, но только очень дорогое, так как от обрывания их гибнет все дерево. Влагалища, поддерживающие листовые корешки, образуют плотную, волокнистую, эластичную сеть, похожую на грубое

сукно, которая может сниматься большими кусками. Из этой ткани готовят рыбаки плащи, мешки и паруса для пирога, а из волокнистой оболочки плода, известной в торговле под именем копра, высучивают легкие, упругие и очень прочные веревки и морские канаты. Цейлон в особенности промышляет такими канатами. Из кожистой оболочки, прикрывающей цветы, прежде чем она раскроется, посредством надрезов добывается сладкий сок, который до своего брожения действует как укрепляющее и кровоочистительное средство; когда же под влиянием солнечных лучей сок этот начинает бродить, то сингалезы готовят из него тодди, или пальмовое вино, а из перебродившей жидкости ореха, как уже сказано выше, выделяется хмельное калю. Таким образом, вот сколько проку и разнообразных применений и средств для жизни приносит обитателю тропиков одна только кокосовая пальма. Уже она одна, сама по себе, в состоянии удовлетворить всем главнейшим потребностям его неприхотливой жизни. И удивляться ли после того, что сингалез по своей натуре скло-

нен к некоторой лени? Для меня, напротив, удивительно то, что он, относительно говоря, еще много работает, ибо для чего бы ему особенно трудиться, если в его распоряжении всегда найдется несколько никому не принадлежащих благодетельных кокосников, бананов, смоковниц и кириагумов, или так называемых "молочных деревьев", которые дают превкусный млечный сок, употребляемый сингалезами, как у нас молоко. Щедрая природа доставляет сингалезу все, что нужно и даже более того, сколько нужно для безбедной жизни.

Общий вид сингалеза очень симпатичен; они отличаются стройным средним ростом, тонкостью стана и гибкостью членов, недостаточно, впрочем, развитых в мускулатурном отношении. У них прекрасные, умные и очень добрые глаза, нередко серого и даже голубого цвета, что производит весьма своеобразный эффект при черных, как смоль, волосах и темнобронзовой коже. Тихая, кроткая улыбка, веселый мелодический говор, гибкая, легкая и грациозная походка, несколько ленивая плавность манер и замечательная веж-

ливость, простирающаяся до того, что ни один сингалец не пропустит вас при встрече на улице без приветствия, которое выражается в прикладывании правой руки ко лбу — все это делает их красивыми и очень приятными в общении людьми. Жакольйо говорит, что цейлонцы робки и кротки, как дети, и до такой степени безобидны, что можно проехать весь остров одному и без оружия, не встретив и тени опасности. По его словам, вас везде ожидает самый ласковый прием, и каждый окажет вам гостеприимство согласно своему положению: бедный разделит с вами свою казу и станет служить вам, а богатый предложит свой дворец и целый полк слуг для предупреждения малейших ваших желаний. Но Грандидье несколько иного мнения насчет характера сингалезов. Так, например, он говорит, что живое воображение своеобразно соединяется в них с редкою солидностью, что в них нет и следа того резвого увлечения, которое мы привыкли встречать у европейцев, что недостаток энергии весьма ощутим в них, являясь естественным результатом климатических условий страны; лени-

вые, трусливые и беспечные, они, вместе с тем, отличаются замечательною хитростью и сообразительностью; на Цейлоне вы будто бы не найдете ни искренности, ни предупредительности, ни великодушия но недостатки эти нельзя-де приписывать исключительно влиянию почвы и климата, обуславливающих питание и физическое сложение жителей: тяготевшая над ними вековая правительственная тирания оказала-де немалую долю влияния на образование их характера, а постепенно пробуждавшееся сознание своего полнейшего бессилия перед энергичным европейцем сделало цейлонский народ еще хитрее, обратив все силы его ума на изощрение в себе этого качества. Живое воображение цейлонца, легко переносящееся от одного предмета к другому, поучает его безропотно покоряться судьбе и в суждениях его высказываются не столько доводы разума, как впечатления минуты. Сингалезы исповедуют буддизм, но у них нет в сущности никаких строго выработанных религиозных правил, и они меняют религию с невероятною легкостью. Таково мнение Грандидье. Что до меня,

то я слишком мало был на Цейлоне, чтобы составить себе свой собственный взгляд на народный характер сингалезов и судить, который из двух цитированных мной французов в этом случае правее. Скажу только, что на меня лично сингалезы произвели самое приятное впечатление.

По костюму вы почти не отличите мужчину от женщины. Как те, так и другие носят в ушах серьги и приподнимают на затылке свои длинные, никогда не подстригаемые волосы в виде шиньона, заколотого высоким черепачовым гребнем; другой, меньший дугообразный гребешок, употребляемый только мужчинами, отводит волосы назад ото лба и это составляет единственное отличие мужской прически от женской. Одежда состоит из длинного куска миткаля или ситца, который охватывает в два или три оборота поясницу и ниспадает до пят в виде юбки или, вернее, малороссийской плахты; затем, открытый спереди белый жилет или кофточка, а у зажиточных жакет европейского покроя, и вот вам весь костюм мужчины, придающий ему такую женоподобность. Голова покрывается

иногда какою-нибудь белою повязкой, но никогда никакой шляпой. Вообще сингалезы предпочитают вовсе не носить головного убора, чтобы не скрывать красоты своих причесок, а от солнца защищаются листьями зонтичной пальмы. Женский костюм разнится от мужского только легкою кофточкой, и потому-то так легко ошибиться, приняв один пол за другой, тем более, что женатые мужчины в силу обычая не носят ни усов, ни бороды, предоставляя это украшение исключительно холостым; поэтому последние кажутся в своих женских юбках и шиньонах какими-то Юлиями Пастранами[54], с тою лишь особенностью, что это все очень красивые Пастраны. Костюм и прическа сингалезов, без сомнения, являются у них наследием глубокой древности, так как еще за 1700 лет до нашего времени Птоломей называл жителей Цейлона "людьми с женскими волосами".

Сингалезы говорят на своем самостоятельном и столь же древнем языке, как и санскритский, из которого, впрочем, в него вошло немало слов. Так, все понятия, касающиеся области философии и науки, выражаются

словами санскритскими, а все, что относится к религии, — палийскими. Кроме того, сюда вошли еще слова тамульского (южно-индийского) языка, который везде на Цейлоне понимают довольно хорошо. Письмо у сингалезов фонетическое, и таковым оно было еще в глубокой древности. В разговоре они любят употреблять кудрявые выражения вместе со множеством тропов и метафор. Нынешние жители городов все более или менее понимают, а многие и говорят по-английски, как отцы и деды их говорили по-голландски, а прадеды по-португальски. Теперь, разумеется, эти языки позабыты за исключением, может быть, несколько слов, да и сами англичане постарались стереть здесь всякую память о своих предместниках, кроме каменных стен форта, которые и им, конечно, годятся.

Цейлон, прекрасное наследие магараджи Кандийского, был завоеван сперва португальцами, первоначально прибывшими сюда в 1505 году. Затем, полтора столетия спустя, в 1656 году португальцы были изгнаны голландцами, а этих, в свою очередь, изгнали в 1795 году англичане, которые в 1802 году освятили

свое владычество на этом острове Амьенским трактатом[55]. Будут ли со временем изгнаны и англичане и кто их изгонит, это пока еще вопрос будущего. Но странное дело! У цейлонцев, как и у всех народов Индии, есть неведомо когда и как сложившееся убеждение или верование, что освобождение от европейского ига должно прийти к ним с Севера, что принесет его белокурый народ, у которого испокон веков живет все один и тот же, никогда не умирающий белый магараджа и что по слову этого магараджи все и свершится: стоит только сказать ему это заветное слово, и тогда, освободив Цейлон от рыжих варваров, белый магараджа восстановит в прежнем достоинстве наследников магараджи Кандийского.

Возвратясь на "Пей-Хо", мы застали на верхней палубе множество торгашей-сингалезов, мавров, евреев и индийцев. Одни из них продавали очень изящные шкатулки, ящички, несессеры и вообще различные точеные и резные изделия из эбенового, кокосового и сандалового дерева; другие — сосуды из скорлупы кокосового ореха, запонки, меда-

льоны и разные украшения из перламутра, черепахи и слоновой кости, браслеты, колъе и четки из зерен талипода, пресс-папье в виде полированных плиток из слоновых коренных зубов; третьи предлагали попугаев и других редких красивых птиц, живых черепашек и жуков-великанов из породы оленей и носорогов, а также обезьян-павианов, мартышек и макак; четвертые показывали мастерски плетеные изящные циновки, коробки и корзинки. Евреи соблазняли поддельными рубинами и всевозможными драгоценными камнями, которыми Цейлон снабжается из Лондона, чтобы сбывать их доверчивым туристам в качестве "настоящих цейлонских" и "неподдельных" драгоценностей. Индийцы развешивали свои ткани, шали, ковры и вышивки по сукну и атласу золотом и цветными шелками. Иные совали вам красивые громадные букеты, другие предлагали роскошные тропические плоды, между которыми преобладающую роль играли ананасы, гуява, мангу, бананы и фиги. Цены при этом, конечно, запрашивались невозможные, но я должен, однако, заметить, что сингалезы далеко не так назойли-

вы, как евреи и арабы, а торговаться с ними, несмотря на первоначальный запрос, почти не приходится, так как, по врожденной мягкости и уступчивости своего характера, сингалез отдает вам вещь с трех, четырех слов, если только вы предлагаете ему мало-мальски подходящую цену, а за большим барышом он не гонится, он не стяжате́лен и не жа́ден.

Борты нашего парохода были облеплены лодочками этих торгашей, и тут-то можно было и надивиться, и налюбоваться, какими судьбами ухитряются они не только сами по несколько человек уместаться в таких невозможно узких и неустойчивых посудинах, но еще и привозить с собою тучу товаров.

В 10 1/2 часов утра "Пей-Хо" снялся с якоря, и я навсегда простился с Пуан-де-Галлем.

Сегодня мы отпраздновали день именин нашего адмирала, хотя, собственно говоря, этот день был вчера, и ради именинника заказали повару особенное пирожное. Обедали за отдельным столом одни только мы, русские, и повар за десертом вполне явил свое искусство, представив нам целый киоск из

каленных и засахаренных орехов, увенчанный сахарной фигуркой Беллоны [56] с мечом, держащей в руке высоко поднятый вице-адмиральный флаг. Вечер провели все вместе, своим кружком, болтали и немножко пели под аккомпанемент пианино, но шум волн и стук винта таковы, что заглушают звуки, а духота в кают-компании и без того заставила вскоре прекратить это занятие.

До самого вечера с левого борта виднелись мягкие очертания берегов и отдаленных внутренних гор Цейлона. Сначала, по выходе из Гальского рейда, нам ясно была видна изжелто-белая песчаная полоса, окаймлявшая окраину берегов; непосредственно над ней тянулась зеленая полоса пальмовых лесов, а над ней — синеватые контуры возвышенностей, в которых не заметно ни одной резкой или зубчатой линии суровых гор, с какими познакомил нас Аден. Напротив, здесь волнистые линии идут так плавно и мягко, что их неровности нельзя даже назвать изломами, а только закруглениями. Иногда встречались у берегов скалистые места и рифы, но вершины и склоны этих скал всегда покрыты кудря-

вою зеленью пальм и ползучих растений, да и самое присутствие их в этой зелени обнаруживалось только благодаря хлеставшим в них жемчужно-белым бурунам, которые у некоторых утесов бьют очень высоко, достигая даже до вершин и рассыпаясь на них радужною пылью. В тех же местах, где невысокие рифы занимают вдоль берегов более или менее значительное пространство в длину, брызги прибоя стояли сплошным серебряным туманом, который то уляжется на несколько мгновений, то вновь поднимается. Дальние горы, наполняющие внутренние страны острова, тоже были подернуты дымкой голубовато-серебристого тумана, как и всегда бывает здесь в это время года; порой эта дымка начинала все более и более сгущаться, так что горы совсем исчезли в ней, и казалось, будто весь остров состоит из громадной низменной плоскости, покрытой сплошным пальмовым лесом; но иногда этот туман поднимался вверх, или ветром относило его несколько в сторону, — и тогда из-за него, словно из-за театральной завесы, вдруг открывались кокетливо мягкие очертания вершин и возвышен-

ностей. В одну из таких благоприятных минут перед нами открылся и пик Адама — высшая точка Цейлона; но — увы! — любоваться на него в бинокли удалось нам лишь несколько мгновений, так как досадная пелена тумана опять спустилась на него, подобно театральной завесе, скрыв от нас его конус совершенно и уже навсегда... Конечно, я никогда не увижу его более.

В начале шестого часа дня узкая полоска берегов Цейлона окончательно исчезла вдали, как бы испарилась на наших глазах, и снова, плавно покачиваясь, неслись мы среди пустыни вечно волнующегося океана...

В Малаккском проливе

Наблюдения над пассажирами как результат морской скуки. — Один из примеров того, что значит немецкий характер. — Немецкие дамен-оркестры на Востоке. — Лунный свет в океане. — Какова бывает иногда сырость. — Дождливый день. — Вход в Малаккский пролив. — Берега Суматры. — Холмы и пики. — Посевы горного риса. — Изменение температуры и колорита в окружающей природе. — Стада дельфинов и кашалотов. — Картина солнечного заката в тропическом море. — Гроза при лунном свете. — Суматра, просившаяся в русское подданство. — Метеорологические наблюдения. — Островок-игрушка. — Особый тип малайской лодки. — Один из немцев вступает в знакомство с нами. — Бурная ночь. — Виды Малаккского берега. — Следы ночной бури. — Азорское марево.

4-го августа.

Опять та же морская скука...

Однообразный шум волн, плеск случайно набежавшего буруна о борт парохода, стук и монотонное повизгивание машины... Вместе с этим у нас как-то невольно, сами собою, являются разговоры или, скорее, взаимные мечтания вслух о родине, о сроке возвращения в Россию и о том, каким путем мы будем возвращаться. Что до меня, то я предпочел бы обратный путь через Сибирь, чтобы хотя несколько познакомиться с этой страной, которая, несмотря на свой близкий для нас интерес, знакома нам во многих углах своих едва ли более, чем внутренние страны Новой Голландии или пампасы Южной Америки.

Вместе со скукой, и как прямой ее результат, являются также и наблюдения над некоторыми пассажирами и почти невольные разговоры о том или другом из этих господ. Кто что ни говори, но на этот раз самыми несносными из пассажиров были немцы. Англичанин, тот в гордом и самодовольном сознании своего английского превосходства, уткнет нос в книжку удобного карманного формата и лежит себе целый день, задрав ноги, на своем плетеном кресле да мнет в зубах

дымящуюся сигару, а если не читает, то созерцает тусклым равнодушным взором однообразную картину моря и молчит — молчит во всяком случае: он скуп на разговоры даже со своими, а не то что с посторонними. Он скушает "благородным манером", как выразился один из наших спутников. Ты его не тронь, и он тебя не трогает; он игнорирует все, кроме собственного комфорта и спокойствия. Англичанин вообще имеет то великое преимущество, что его можно не замечать, как и сам он, по большей части, никого и ничего не замечает. Но немец, немец совсем иное дело. Немец назойливо тычется всем в глаза и всем надоедает. Немцы на нашем пароходе устроились себе особым кружком. В этом, разумеется, нет ничего дурного; свой к своему на чужбине поневоле льнет. Но назойничают они главным образом своей бесцеремонностью относительно всех остальных пассажиров, этими нахальными, вызывающими взглядами, которыми окидывают всех и в особенности французов, этими громкими разговорами и спорами между собой, нарушающими общепринятую, ради приличия, тишину на палубе

и в кают-компании, этими своими приказчицки-буршевскими манерами, причем если один из них даст другому тычка в спину или туза по шее, то это считается лишь милою приятельскою шуткой, и наконец более всего надоедают они этим вечным славословием своих военных подвигов и победными гимнами в честь Мольтке, Бисмарка и прочих, гимнами, которые они и между собою напевают, и на пианино наигрывают, решительно не желая понять, насколько это неприлично на французском судне.

К сожалению, должно сказать, что при всех блестящих, завидных достоинствах германской нации, упоение своею победоносностью у отдельных лиц этой национальности доходит до грубости, до полного невежества по отношению к посторонним людям, невольно связанным с ними общностью путешествия. Так, например, если англичанин неподвижно лежит в плетеном кресле, приведя в горизонтальное положение свои ноги, то немец, лежа в таком же кресле, непременно раскинется и даже раскорячится до неприличия, несмотря на то, что тут же, в пяти шагах

от него сидят дамы. Правда, объясняется это жарой; но от жары и другие страдают не менее, однако же, держат себя прилично. Нет, принимая на своей лежалке самые расхлябанные позы, допускаемые свободно разве в бане, он как будто хочет сказать этим: "Черт вас побери, я победоносный немец, и потому плевать!" Это, однако, еще не все. Чуть пробьет восемь часов вечера, немцы выходят в кают-компанию и на палубу в самых легких спальных костюмах и наслаждаются вечернею прохладой, опять-таки задрав кверху ноги, или начинают прогуливаться в своих пижамах и халатах мимо тут же сидящих дам, причем их нимало не смущает, если порыв ветра распахнет полы халата и обнаружит некоторые принадлежности непоказного туалета. Воображаю, как это должно коробить в душе наших дам и в особенности англичанок.

У этих немцев есть еще одна страсть: показывать свои костюмы. Более половины их кружка безо всякой надобности переменяют свое платье раза по три-по четыре в день, словно желая похвастаться богатством и разнообразием своего гардероба, не думаю, что-

бы в этих беспрестанных переменах костюма играла какую-либо роль гигиеническая потребность и вообще что-либо, кроме филистерского щегольства и тупого тщеславия, потому что ни французы, ни мы, ни даже чопорные англичане, словом, никто не находит нужным менять подобным образом свои костюмы, а тем более щеголять в халатах перед дамами. Мы, "северные варвары", надо отдать себе справедливость, в этом отношении являемся безукоризненнее всех: мы находим вполне возможным обходиться в публике без пижам и халатов, оставаясь с утра до позднего вечера вполне одетыми, как того требует приличие, а также довольствуемся общепринятым способом сиденья на стульях и скамейках, не увеличивая, своего комфорта задираньем ног. О распевании победных гимнов нечего и говорить, так как россияне вообще склонны скорее к самооплевыванию, чем к самовосхвалению, и надо заметить, что скромность нашего поведения не осталась без воздействия и на других. Так некоторые из англичан (хотя, разумеется, не все), заметив, что русские никогда не позволяют себе

в присутствии дам ни одной мало-мальски небрежной позы, и сами перестали валяться и заламывать кверху ноги. Но немцы... Ах, эти немцы!.. Им хоть кол на голове теши, а они все свое "Was ist des Deutschen Vaterland..." Один из этих немцев имел торговые дела в Боливии. При объявлении войны с Чилийской республикой, все европейцы, не принявшие боливийского подданства, получили от высшей местной власти приказ покинуть страну в 24 часа. Так, по крайней мере, рассказывает наш немец. В числе прочих, разумеется, Пришлось выехать и ему, покинув на произвол судьбы свой дом и все свои дела и коммерческие предприятия. Он уехал в Европу, где удалось ему законтрактоваться на должность приказчика в одном из немецких торговых домов в Гонконге. На пути к Гонконгу, на одном пароходе с нами, он неожиданно застаёт в Адене телеграмму на свое имя из Боливии с извещением, что имущество его цело и все дела, благодаря содействию боливийских друзей, сохраняются в наилучшем порядке. Обрадованный немец вновь почувствовал себя счастливым человеком; тем не ме-

нее, он находится теперь в крайнем затруднении, как быть с Гонконгом. Приходится платить неустойку, и он не придумал еще, каким бы образом от нее избавиться. Но замечательно, чем выразилось его довольство по поводу столь счастливого оборота обстоятельств. До самого Адена он ходил в очень скромном, хотя совершенно приличном жакете, а с Адена вдруг пошла перемена декораций, и теперь наш счастливый немец чуть ли не чаще и не яростнее всех остальных своих соотечественников меняет свои костюмы, галстуки и головные уборы. Даже на вечернем бархатном берете его вдруг появилась шелковая кисть, которой до Адена не было.

— Вот чем выразилась его радость по поводу возвращенного благосостояния, именно эту шелковую кистью, — заметил шутя В. С. Кудрин.

— Как знать! — возразил на это М. А. Поджио. — Быть может, он сорвал ее в минуту отчаяния и потому поспешил пришить ее в минуту радости.

Но, шутки в сторону, эти немцы, с их настойчивою энергией и предприимчивостью, а

главное, с их выдержкой, достойны уважения и... подражания, сказал бы я, если бы русский человек способен был в чем-либо подражать немцу, кроме его канцелярщины да кантиков и петличек. Вот, например, этот самый много-костюмный немец. Ему едва перевалило за тридцать лет, он еще молодой человек, даже жениться не успел (ибо приберегает сие под старость). В родной Германии отбыл он свою воинскую повинность, уволен в запас унтер-офицером и тотчас же с несколькими сотнями марок в кармане (что составляло все его наследственное и, частью, благоприобретенное состояние) пускается себе, ничтоже сумняся, в какие-то неведомые страны, в Колумбию и Боливию, начинает там торговую деятельность, сначала в качестве приказчика, потом, приглядевшись к делу, пытается взяться за него и самостоятельно, "по маленькой", а потом все больше и больше; делает себе относительно в короткий срок хорошее состояние и... неожиданно прогорает, то есть, по-видимому, должен был бы прогореть, благодаря местным политическим обстоятельствам, а потому, основываясь на простой логике, счи-

тает себя прогоревшим. Но это не приводит его в отчаяние; напротив, заручившись в отечестве новым, хотя и очень скромным местом, он снова пускается "в неведомый путь", только уже не на крайний Запад, а на крайний Восток, и опять начинает с начала, то есть со скромного положения приказчика, ни на минуту не теряя бодрости и надежды на лучшую будущность. Я желал бы видеть русского (истинно-русского, а не русско-подданного) человека, который в годы, полные сил, пустился бы, не говорю уже в какую-нибудь Боливию или Перу, а хотя бы на наши русские дальние окраины с твердым намерением сделать себе там состояние путем коммерческого или промышленного труда и осуществил бы это намерение на деле... Таких вы назовете у нас два-три имени, не более. Правда, было время, которое, кажется, и до сих пор не совсем-то кончилось, когда наши идеалисты "свободного труда" пускались на авось в Северо-Американские Штаты; но кому не известна жалкая судьба их и то несчастное существование, какое влачат эти люди в Америке!

Я вот сейчас чуть не гимн воспел в честь немецкой энергии и характера, да тут же и задумался, вспомнив, что читал, не далее как вчера вечером у Жакольйо, про "белокурых дочерей северной Германии", эмигрирующих на Восток ради профессиональной проституции, "не мешающей им мечтать о Фрицах, Гансах и Карлах, к которым они возвратятся через несколько лет с сердцем, оставшимся чистым, так как они сумели предохранить его метафизически от телесного растления". Это у Жакольйо, в самом деле, тонко подмечено. Он рассказывал про "белокурых дочерей северной Германии"; я же позволю себе в добавление к этому рассказать о другой весьма характерной профессии, в коей упражняются тоже "белокурые дочери Германии", но только не северной, а южной, преимущественно из Швабии. Я говорю о дамен-оркестрах. Еще во время стоянки наших войск под стенами Константинополя впервые познакомился я в Сан-Стефано с тем, что называется "немецкий дамский оркестр" (не женский, а именно дамский, так оно и в афишах значится). Это есть собрание доброй дюжины или около того

швабских (венских, чешских и тирольских) девиц, из которых одни играют на скрипках, другие на трамбонах, третьи на барабанах. Честь играть на турецком и на обыкновенном барабане всегда и во всех дамен-оркестрах принадлежит исключительно девицам, и лишь инструменты заднего плана, как контрабасы и большие медные трубы, предоставляются мужчинам, этим, поистине париям дамских музыкальных артелей, которые только терпимы в них по необходимости, ибо дамы почему-то не любят пилить на контрабасах. Но мужчины и не играют тут никакой выдающейся роли, это почти все пожилой и очень скромный народ, прячущийся в сосредоточенной меланхолии на задних скамейках; передние же и боковые места, как наиболее видные, принадлежат исключительно артистическим девицам, дабы доставить им возможность всегда быть на виду у публики, стрелять глазами и являть в полном блеске как свое искусство, так и еще более свои прелести. Начиная от Рущука и продолжая Константинополем, Смирной, Александрией, Суэцом, Аденом и далее, как уверяют, до Иокота-

мы, с одной стороны, и до Мельбурна, с другой, почти нет того порта, где не было бы своего немецкого дамен-оркестра. Эти юные швабки, часто едва достигнув семнадцати лет и научившись кое-как пилить на скрипке или трещать на барабане, бросают свою родину и семью, чтобы отправиться куда-нибудь на край света, за тридевять земель с целью делать себе посредством музыки по разным кафе-шантанам "карьеру и приданое". На вид они держат себя довольно скромно, и после каждых двух подряд сыгранных пьес одна из наиболее привлекательных девиц по очереди с другими более или менее привлекательными подругами сходит с эстрады с тарелочкой или с тетрадкой нот в руках и начинает обходить всю публику, собирая с нее всю посильную лепту. Весь этот вечерний сбор поступает в общую кассу и ежемесячно делится между членами артели не поровну, а смотря по степени их важности, красоты и полезности. Бывает нередко, что иные из публики влюбляются в этих юных артисток до безумия, что и понятно на Востоке при недостатке там европейских женщин, а влюбившись, иной пред-

лагает вместе с сердцем и свою руку или же начинает, как азартный игрок, тратиться всю на подарки в надежде купить себе, наконец, неподатливое сердце какой-нибудь виоли-примы или турецкого барабана. В первом случае вопрос разрешается просто и коротко: карьера сделана, и турецкий барабан, взвесив предварительно все шансы, стоит или не стоит ему выходить замуж за такого-то, решает в случае подходящих условий положительным "да"; тогда осиротевший инструмент переходит к новой кандидатке, а нежная ручка прежней его обладательницы, привыкшая выколачивать дум-бум на собачьей шкуре барабана, нередко продолжает то же полезное упражнение на щеках или спине своего супруга. Во втором же случае, когда законный брак почему-либо невозможен, виоля-прима, сколь бы ни нравился ей самой ее обожатель, никогда не поступит относительно своих чувств и влечений неосмотрительно, с опрометчивою поспешностью. Она прежде раз десять примерит, чем один отрежет; она постарается высосать из обожателя все, что можно, и затем, по большей части, оставит его в дура-

ках, при несбывшихся надеждах, ибо никогда не забывает, что ей прежде всего требуется сделать себе карьеру и приданое, а если уж решится "пожертвовать" собою, то не иначе как за хороший куш, которого сразу хватит ей на полное приданое, тем более что эти артистки не выходят за пределы скромности в предполагаемых и желаемых цифрах сего приданого. От трех до пяти тысяч гульденов, это их желаемый предел; а десять, о! десять тысяч это уже идеал, до которого, впрочем, иные и достигают, сколачивают себе такой куш не сразу, конечно, а с благоразумною постепенностью, откладывая "маленькие сбережения от каждого нового "самопожертвования". Таким образом, когда после нескольких лет бродячего кафешантанного существования, вдосталь покочевав от Александрии до Адена, а то и дальше, виоля-прима скажет, наконец, сама себе "Теперь хватит!", она выходит из музыкальной артели и возвращается на родину, в объятия своих "бедных, но честных" родителей, и стыдливо отдает свою руку давно поджидавшему ее жениху, ради которого, собственно, и кочевала она по белу све-

ту с целью принести ему на разживу и в основание будущего супружеского счастья свои "маленькие сбережения". Она всегда, всегда любила этого жениха; за все время ее артистических скитаний воспоминание о нем не покидало ее сердца, но... для того, чтоб он мог жениться, ему нужно принести маленькое приданое, на которое он откроет какое-нибудь торговое или ремесленное заведение и заживет сам хозяином со своею "лучшей женой"... И он очень хорошо знает, ради чего, собственно, его "любимая" отъезжает в дальние страны, но по ее возвращении, видя, что вернулась она не с пустыми руками, он благо-разумно не интересуется остальным, получает приданое, женится, и новая немецкая счастливая пара начинает плодиться и мно-житься.

Ехать Бог весть куда, обречь себя на несколько лет чисто собачьего существова-ния и все лишь затем, чтобы добиться "ма-ленького приданого и супружеской карьеры", на это, как хотите, нужно много энергии и си-лы воли. Это тоже характер, знающий, куда он идет и чего хочет. Все это так, но только...

Что же в этом хорошего?..

Нет, Бог с ними совсем!.. Не пожелаю я для русской женщины ни такой "карьеры", ни такого "характера".

Явления фосфоричности совсем не замечается более в океане. Зато сегодня картина лунного света великолепна. Водный горизонт вдали, словно весь залит растопленным золотом, и столб лунного отражения на волнах ложится зыблющимися блестками через все видимое пространство вод, от горизонта почти до самого борта. Не оторвался бы от этой картины, так хорошо!

5-го августа.

Проснулись — солнца нет, небо все в тучах, совсем осеннее. В воздухе насквозь пронизывающая сырость. Иллюминаторы закрыты, но сырость эта проникает повсюду, в коридоры и каюты, и так она сильна, что настенное зеркало в нашей каюте, сколько ни обтираю его полотенцем, беспрестанно покрывается крупным потом. Белье, платье, бумаги и книги, все это пропитано сыростью. Одеваешься во все мокрое. Еще на рассвете шел мелкий дождь, который с девяти часов утра превра-

тился в тропический ливень и продолжался до полудня, затем перестал, но небо оставалось покрыто сплошными тучами до вечера, когда из-за громадных разорвавшихся облаков стала порой проглядывать луна. Капитан опасается, как бы и завтра не было дождя, потому что если туман или дождевое прясло застелет горизонт, то нам, не видя берегов, невозможно будет войти в Малаккский пролив и придется, быть может, в нескольких милях от пролива ожидать, когда прояснится погода, а такое ожидание может продлиться и несколько суток, если капитан не вздумает идти на авось, рискуя посадить судно на рифы, которых здесь-таки достаточно. Из предосторожности подвигаемся черепашьим ходом.

6-го августа.

Около семи часов утра, при пасмурной, но слава Богу, не туманной погоде, впереди стали тускло обрисовываться берега Суматры, а спустя два с половиной часа "Пей-Хо" благополучно вступил в Малаккский пролив. Конец океану!

Справа виднелись один за другим два ска-

листных рифа, похожие издали (в особенности передний) на развалины каких-то храмов с башнями, колоннами и шатровидным куполом. Они предшествуют северо-западной оконечности Суматры, материк которой находится от них в расстоянии не более двух-трех кабельтовое. Здесь расположен город Ачин, которого, впрочем, за скалами и легким туманом не могли мы разглядеть. При входе встречается довольно значительное течение из пролива, сила коего, по наблюдениям нашего капитана, равняется трем узлам. На одном из выступов возвышенного берега белеет высокая башня голландского маяка и при нем несколько белых каменных домиков, а на вершине соседнего холмика — чей-то могильный мавзолей с полусферическим куполом, в обыкновенном мусульманском стиле. С левой стороны от нас видны два острова, на ординарных картах не обозначенные; тем не менее размеры ближайшего из них довольно крупны. Оба они от берега и до самой макушки покрыты роскошной растительностью, которая сплошь кудрявится по их склонам, как мерлушка; но ни тот, ни другой, кажись,

необитаемы. Суматра покрыта точно такою же растительностью. Силуэт этого острова представляется в виде непрерывного ряда холмов разнообразных очертаний, то пологих и волнисто мягких в линиях своих изломов, то иззубренных, то конических; но все они сплошь поросли тропическими лесами. В глубине острова, на значительном расстоянии друг от друга, синеют два конических пика, вершины коих вырезаются в небе из-за гряд облаков, охвативших ребра этих гигантов на половине их высоты. Дальнейший пик кажется выше и коничнее первого. Общий вид на Суматру с моря широк и картинен. Жаль, что нет солнца: в тумане скрывается от нас множество интереснейших деталей. Вот открылся было и третий пик, но через несколько минут его совсем закутало густыми, иссиня-белыми облаками.

Плывем далее вдоль берегов Суматры, в расстоянии от них около пяти миль. Прибрежная всхолмленная полоса покрыта часто лесами, частью кустарником, но чем дальше к востоку, тем все чаще начинают встречаться холмы, покрытые только травой буро-жел-

того цвета, словно она уже выжжена солнцем; лишь на более возвышенных или затененных местах видны бледно-зеленые полосы посевов. Это так называемый суходольный или горный рис, составляющий растительную особенность именно Суматры. Культура горного риса не требует предварительного превращения нивы в болото, ни предварительной рассады рисовых ростков. Так как дожди выпадают здесь круглый год и только с апреля по июль устанавливаются более сухие дни, то этим временем земледельцы пользуются, чтобы разрыхлить деревянными мотыгами почву, достаточно размягченную предшествовавшими дождями, и сеют горный рис таким же способом, как ячмень и пшеницу. Горный рис родит только сам тридцать, достигая иногда до сам-сорока, тогда как культивируемый при посредстве искусственного орошения приносит не менее как сам-пятьдесят; но зато горный или суходольный способ гораздо проще, не требует таких хлопот и ухода, да и не так вреден для здоровья в стране, где злокачественные болотные или так называемые "рисовые" лихорадки уносят

столько жизней среди земледелов.

В проливе полный штиль, качки ни малейшей. Солнце скрыто за сплошным туманом, задернувшим все небо, но жар его все же чувствителен. Несмотря на легкий ветерок, стало значительно жарче, чем в океане, где мы чувствовали себя в прекрасной умеренной температуре, и не будь там порой такой всепроникающей сырости, как вчера, лучшего и желать бы не надо. Цвет воды в Малаккском проливе пока еще синий, но при отражении этого неба, закутанного дымкой тумана, поверхность воды приняла, на взгляд, очень приятный, мягкий, серо-перловый цвет. Вообще колорит небес, облаков и моря напоминает сегодня наши северные краски, какими вы можете любоваться и на Финском заливе.

Опять появились дельфины, резвость которых доходила порой до того, что иные из них совсем выпрыгивали из воды и, описав в воздухе небольшую пологую дугу, ныряли вниз головой. Час спустя, слева от нашего парохода на расстоянии менее версты появилось громадное стадо кашалотов. Эти "чудища облы,

огромны, озорны" в своей охоте за стаями мелкой рыбы, производили очень оживленные маневры и выставляли иногда над поверхностью воды свои массивные черные спины. На пространстве, занятом кашалотами, беспрестанно пенились белые "барашки", тогда как над остальными водами царил ленивый покой полного штиля. Около четырех часов дня опять появились стаи летучих рыбок, вылетающих чуть не из-под бортов парохода.

Сегодня я в первый раз имел случай любоваться дивною картиной солнечного заката в тропическом море.

Я замечал доселе, что в открытом океане краски заката бледны и монотонны, что в них есть нечто как бы мертвенное, тусклое (впрочем, быть может, это только в теперешнюю пору года). Впервые в тропических широтах пришлось мне увидеть в закате краски, более яркие и разнообразные, чем прежде. Доводилось мне на своем веку видывать закаты и среди скал Финляндии, и во многих полосах Европейской России, и в степях Молдавии, и на Балканах, и на Босфоре, и все эти закаты,

каждый сам по себе, были очень красивы, но прелестная и оригинальная картина заката в Малаккском проливе, на мой взгляд, превосходит все виденное мною доселе. Описать ее во всей ее чудной прелести очень трудно, почти невозможно. Эти дивные, почти неуловимые переливы самых нежных и самых густых тонов могла бы схватить и перенести на полотно разве кисть Айвазовского.

— Ведь напиши все это художник, — заметил, любуясь на этот закат, доктор Кудрин, — на Севере никто не поверит ему! Скажут: врет, фантазирует!

И точно: представьте себе массивы облаков различной плотности, от самых густых, почти непроницаемых солнечными лучами, до самых эфирных и тонких, как дымка легкого вуаля, которые насквозь пропитаны солнцем. Одни из этих облачных масс ложатся вдоль горизонта то прямыми, то волнистыми, то клубковатыми полосами с широкими и узкими просветами; другие же массы, клубясь в самых прихотливых очертаниях, поднимаются вверх из-за черты моря в перпендикулярном к ней направлении, словно башни ка-

ких-то фантастических развалин, и все это как бы тает, насквозь пропитанное горячими косыми лучами. Представьте себе целую вереницу воздушных перспектив, образуемых грядами этих облаков, лежащими одна за другою и окрашенными во всевозможные оттенки цветов, начиная с густого иссера-фиолетового и серо-синего и переходя затем к пурпурным, дымчато-розовым, золотисто-желтым и к растопленному золоту на окраинах до бледно-палевых и бледно-зеленоватых тонов в самом небе, которое проглядывает местами в дыры и щели между облаками. И все это в самых фантастических причудливых формах, где воображение ваше легко нарисует целые озера, заливы, реки, берега, долины и горы, и рядом гигантские силуэты форм каких-то животных, верблюдов, слонов и птиц с распростертыми крыльями, склоненных и как бы молящихся людей в монашеских капюшонах... Все эти вереницы кудрявых клубов и продолговатых полос, рисуясь одни на других, ежеминутно меняют свою окраску, переливаясь и играя всеми цветами радуги, а под ними вырезаются очертания берегов и воз-

вышенностей Суматры, точно так же залитых светом заката. Они то блестят, то млеют в золоте и пурпуре, меняя свою светлую окраску, словно гигантские опалы, вынырнувшие из глубины океана. И отражение всех этих красок перламутром играет на стеклистой поверхности моря.

А в то же время на юге скопляются массы облаков другого характера. Они собираются там над самую Суматрой, над внутреннюю часть страны. Наземная нижняя полоса их, густо слилась в одну тяжелую, сплошную темно-синюю тучу холодноватого тона, а верхушки клубятся гигантскими группами жемчужно-серого и белого цвета, и только края их, обращенные к западу, слегка румянятся розоватым отливом. Здесь, в этих южных тучах, гуляет гроза: поминутно рассекаются они и вдоль и поперек голубовато-зелеными молниями, яркий блеск которых гасит на мгновенье краски заката, но после того они выступают снова еще привлекательнее. Это явление продолжалось около получаса; затем переливы световых тонов стали слабеть и краски сгущаться, потом тускнеть и наконец блекнуть,

а молнии на юге все более и более черкали и раздирали своими стрелами темно-синий фон грозowych туч, сверкая все ярче. И едва солнце скрылось за чертою вод, как в вышине, на юго-восточной стороне неба, появилась полная луна и залила всю эту картину своим холодным фосфорическим светом. Одновременный эффект лунного света и этих молний был необычайно красив, и его уже едва ли в состоянии была бы перенести на полотно кисть самого гениального художника. Я долго не мог оторваться от этой дивной картины.

Проходя мимо Суматры, не излишне будет сообщить моим соотечественникам, что могущество русской державы в среде местного населения этого острова, по-видимому, пользуется большим обаянием. Полагаю, вам небезынтересно будет узнать, что не далее, как год тому назад Россия легко могла бы, если бы только захотела, сделать себе роскошное приобретение в экваториальных странах по южную сторону Индии, так как населения Суматры просили особою петицией принять их в русское подданство.

Теперь уже это дело прошлое и покончен-

ное, а потому нет причины, чтоб оно оставалось долее под покровом канцелярской тайны. Вот как это случилось:

В конце ноября и в декабре 1878 года клипер "Всадник", состоявший в то время под командой капитана 1-го ранга Андрея Павловича Новосильского, находился в течение около трех недель в Пенанге (порт на западном берегу Малаккского полуострова, против Суматры) для некоторых исправлений на судне. 4-го декабря на борт "Всадника" явилось несколько человек азиатов, одетых весьма богато в свои живописные парадные костюмы. Судя по виду, это все были люди очень солидные, сановитые, с умными и выразительными лицами. На вопрос вахтенного офицера: что им угодно, один из них отвечал по-английски, что они имеют надобность переговорить непосредственно с самим командиром судна. Будучи приняты в капитанской каюте, люди эти заявили капитану Новосильскому, что желают говорить с ним совершенно секретно по делу громадного для них значения. Андрей Павлович отвечал, что готов выслушать и что они могут высказаться, не опасаясь.

ясь ни за какую нескромность. Тогда гости объявили, что они уполномоченные посланцы султана ачинского, который поручил им некое дело государственной важности. Затем рассказали, что народ ачинский и соседние с ним племена доведены до отчаянного положения, но что, истощаясь в военной борьбе с голландцами, они ни под каким видом не хотят покориться их тяжкому и суровому владычеству; что берега их острова находятся в тесной блокаде со стороны голландских крейсеров, вследствие чего подвоз оружия и военных запасов становится невозможным, но, несмотря на все это, ачинцы решились скорее погибнуть все до последнего с одним холодным оружием в руках, чем счесть себя побежденными. А потому, пользуясь пребыванием в Пенанге русского военного судна, их султан и соседние с ним владетельные князья решились наконец привести в исполнение план, давно ими задуманный и пользующийся на всем острове, а в Ачине в особенности, большою популярностью, — именно: ходатайствовать перед престолом великого Белого царя о принятии их под непосредственное покрови-

тельство всемогущей русской державы. При этом они заверяли, что если Белый царь отнесется к сему ходатайству благосклонно, то вслед за Ачином вся Суматра с радостью отдастся "под сень его высокой руки". Они умоляли Новосильского не отказать их просьбе принять на себя передачу ходатайства их султана и князей к подножию русского престола, так как снаряжать особое посольство в Петербург ни султан ачинский, ни другие владельцы при нынешних трудных обстоятельствах не имеют возможности.

Выслушав столь неожиданное заявление, А. П. Новосильский почувствовал себя в большом затруднении. С одной стороны, думалось ему, не становится ли он жертвой какой-нибудь мистификации, так как где же видано в самом деле, чтобы подданство целого султана с трехмиллионным населением и с перспективой присоединения затем громадного острова с 19 миллионами населения предлагалось подобным образом! Но с другой стороны, видя такую серьезность и настоятельность просьбы, а также важность возлагаемого на него поручения, сопряженного с облег-

чением участи трех миллионов людей и с добровольным присоединением к России одной из богатейших стран в мире, он не счел себя вправе ответить этим людям безусловным отказом.

— Мы знаем, что вы в войне с голландцами, — сказал им между прочим Новосильский, — но если вам в самом деле пришлось уже так плохо, отчего же вы не обратились за протекторатом к англичанам?

— К англичанам?.. — весь встрепенувшись, выпучил на него глаза объяснявшийся ачинец. — К англичанам?!

— Ну да, к англичанам. Они же к вам гораздо ближе и вы их хорошо знаете. Что это вас так удивляет?

— О, да!.. Конечно, мы их знаем! Мы даже хорошо их знаем!.. Но ведь это все равно, как если бы мы обратились за помощью к голландцам. Англичане, быть может, и помогли бы нам, но они будут такие же. как и голландцы, если не хуже... Нет, избави нас Бог от тех и от других!.. Ни к кому и ни под кого, только под руку русского императора! — решительно добавил он убежденным и веским тоном.

Подумав, каким бы образом удобнее перевести это дело на практическую почву, Новосильский предложил посланцам приложить к петиции английский перевод ее текста, скрепить то и другое именными печатями султана ачинского и всех прочих владетельных князей Суматры и переслать на его имя до востребования в Неаполь. На все это он дал им трехмесячный срок, так как рассчитывал к марту месяцу быть со своим клипером на неаполитанском рейде. При этом было условлено, что какой бы оборот не получило это в Петербурге, он уведомит о его результате проживающего в Пенанге агента султана ачинского (бывшего в числе уполномоченных) условною телеграммой.

К назначенному сроку петиция была прислана в Неаполь, и А. П. Новосильский представил ее при рапорте по начальству для передачи в министерство иностранных дел. По прошествии некоторого времени ему было отвечено, что прошение султана Ачинского и прочих не может быть принято во внимание, так как Россия находится с Голландией в дружественных отношениях. Тогда Новосиль-

ский телеграммой на имя султанского агента ответил, как было условлено, двумя словами: "No chance" (не идет), и на том дело было покончено.

7-го августа.

В течение ночи берега Суматры совершенно скрылись из виду. Малаккского берега тоже не видать пока, и мы плывем проливом, точно в открытом море. Полный штиль. Поверхность вод гладка, как зеркало, и отражает в себе длинными полосами блики жемчужно-белых облаков. Солнце спрятано в дымке тумана, но печет сегодня так, что и под двойным тентом чувствительно. Попались два парусных судна: одно, совершенно белое, шло навстречу; другое держалось в стороне, направляясь к берегам Суматры. Около трех часов пополудни прошли мимо совершенно одинокого миниатюрного островка пирамидальной формы, называемого Пуло Джара, что значит лошадиный остров, но лошадям тут решительно негде держаться, так как окружность всего островка, судя на глаз, едва ли будет во сто сажен. Впрочем, лейтенант парохода "Пей-Хо" говорит, что у малайцев

под именем джара известно одно дерево, растущее, между прочим, и на этом островке, которое отличается необычайной крепостью: оно неподатливо ножу, как железо. Таким образом, вернее может быть, что островок получил свое имя от этого дерева. Могу сказать одно только, что он прелестен в полном смысле слова. Это какая-то игрушка. Покрытый от берегов своих и до самой макушки густейшею и роскошнейшею растительностью и среди разнообразных оттенков зелени, испещренной цветами, он представляется совершенным букетом, вынырнувшим из глубины водного пространства. Узенькая полоска белого кораллового рифа, служащего ему подводным основанием, представляется в виде изящного бордюра, над которым словно "Венерины кудри" махрово свешиваются к воде кудрявые светло-зеленые ветки прибрежных кустарников и молодых деревьев. Прелестнее и своеобразнее этой картинке трудно и представить себе что-либо. Тут же невдалеке лавировала и небольшая малайская лодка с тремя полосатыми парусами. Часом позднее мы встретили другую такую же лодку, проскользнувшую у

нас почти под самым бортом. Это малайское рыбацье суденышко отличалось совершенно особенною конструкцией: низкий зарывающийся нос и высокая приподнятая корма, где находится каютка; в середине что-то вроде садка или ящика с люком, служащего как бы палубой; на судне три небольшие мачты: средняя повыше остальных торчит прямо кверху посередине судна, другая, пониже, с некоторым наклоном вперед, на самом конце носа, а третья, совсем маленькая с уклоном назад, — на самом конце кормы. На каждой мачте поднимается по одному прямому четырехугольному парусу соответственных размеров. Паруса здесь рогожные: они весьма искусно плетутся отдельными узкими полотнищами из тонкого пальмового лыка и сшиваются полотнище с полотнищем в несколько продольных или поперечных полос: одна полоса буро-красная, другая желтая. Поперек паруса, на равных промежутках, пропускаются в нашитые рядами петли несколько тонких бамбуковых реек, но к мачте прикрепляется только верхняя рейка, от коей веревочная снасть пропускается через мачтовый блок, и

свободный конец ее находится под рукой кормчего. Такое устройство парусов имеет ту выгоду, что при внезапном налетевшем шквале один человек может убрать их моментально: для этого ему стоит только отдать свободные концы снастей, и паруса тотчас же упадут вниз, как падает штора или как складывается веер.

Счастливым немец с кисточкой с некоторого времени подсаживается от скуки к нашей сестре Степаниде Алексеевне и вступает с ней в беседу; он по-немецки, она по-русски. Когда ему нужно объяснить ей что-либо, он пускает в ход и мимику, и звукоподражание, и жестикуляцию, что в совокупности выходит преуморительно. Сегодня вечером, желая объяснить своей собеседнице что-то касающееся крови, он подходит и спрашивает у кого-то из наших, как по-русски будет *das Blut*. Ему отвечают: кровь. Тогда немец поясняет, что желал узнать у сестры, много ли она на войне видела крови и правда ли, что в нашей Дунайской армии была и чума, и холера. Доктор Кудрин, вмешавшись в разговор, заметил, что как военный врач, бывший на Дунае, он

может засвидетельствовать, что ни той, ни другой у нас не было, а был тиф и нередко в очень тяжелых формах. Затем завязался с немцем разговор, в котором наш доктор отвечал на предлагаемые ему вопросы. К разговору присоединились и еще некоторые из наших, а на прощанье немец, благодаря доктора за его интересные сообщения, прибавил не без приятного удивления:

— Однако я замечаю, что вы все, господа русские, говорите по-немецки?!

— Да, более или менее, — согласился доктор.

— Так почему же в таком случае... — начал было немец, но вдруг как-то осекся и не досказал своей фразы. Очевидно, он хотел спросить: почему же мы в таком случае не разговариваем с его камрадами, но, как видно, спохватился вовремя, смекнув, что причиной этому вовсе не незнакомство наше с языком Германии и что если между ними и нами не произошло до сих пор никакого сближения, то не мы в том виноваты.

В одиннадцать часов вечера мы увидели с левой стороны, как раз на траверзе нашего

судна, перемежающиеся огни маяка на Малаккском берегу. Вскоре после этого к полуночи засвежело, а в пять часов утра стало так трепать, что пришлось закрыть все люки.

8-го августа.

К семи часам утра ветер упал совершенно, и волнение стало улегаться. Погода по-вчерашнему, только, кажись, еще жарче. Црет морской воды опять стал зеленоватым. Суматры не видать: зато слева тянется низменная, поросшая пальмовыми лесами полоса Малаккского берега, на котором кое-где синют отдельные, довольно, впрочем, пологие холмы, а за ними, еще дальше, сквозь дымку знойного тумана, порой можно разглядеть более высокую гряду внутренних гор полуострова. На поверхности моря время от времени встречаются плывущие деревья; либо подмытые бурунами, либо сломленные бурей. Попадались на волнах и кокосовые орехи, вероятно сорванные с прибрежных пальм порывами сегодняшнего ночного ветра. Куда-то занесет их!..

Нынче в первый раз мы видим морское марево: отдельные стоящие на низменном бе-

регу деревья, вследствие рефлексии, представляются гигантами необычайной вышины, и так как полоска земли совсем ускользает от глаз в зеркальном блеске морского горизонта, то кажется, будто эти деревья поднимаются прямо из моря, а еще несколько времени спустя начинает казаться, будто они висят просто в воздухе, над водой, в которой только чуть заметно их отражение.

Сингапур

Сингапурский архипелаг. — Свайные постройки. — Порт и рейд. — От порта до города. — Характер городских построек. — вывески. — Жизнь на канопе. — Китайский праздник в честь Злого Духа. — Приемная и домашний алтарь в китайском жилище. — русские дамы в Сингапуре. — Прогулка по городу. — Отель Лорн и его концертный зал. — Артистическое семейство. — Как отыскали ты себе ужин. — Хваленый отдельный комфорт. — Утренняя уличная жизнь Сингапура. — Свинья в почете. — Китайские каменщики на постройке. — Две буд-

дийские пагоды. — Сиамский регент с семейством и их костюмы. — Площадь Raffals square. — Мечеть на Кампомглане. — Дворец сингапурского раджи. — Малайское оружие. — Кокосовое молоко. — Табачные и мануфактурные лавки в Андийских рядах. — Китайские циновки. — Сингапурское население. — Кафедральный собор. — Крокет и его любители. — Английские солдаты местного гарнизона. — "Обратные" русские пассажиры. — Загородные сады. — Ботанический сад. — Китайский галантерейный торговец в разнос. — Броши, серьги и браслеты как талисманы. — Русская кухня в Лорн-отеле. — Сино-Малайский театр. — Содержание пьесы, которую мы видели. — Сингапурский высший свет на вечерней прогулке. — "Сливки" и "подонки". — Английский военный оркестр. — Индус-политик.

Продолжение 8-го августа.

Половина третьего часа дня. Подходим к Сингапуру. Остается не более полутора часа пути. Земля видна уже и налево, и направо, и впереди. Низменные, слегка кое-где всхолм-

ленные берега сплошь покрыты лесами. Против 1-го бакана, вдали, на берегу Сингапура прежде всего кидается в глаза желтизной своих глинисто-песчаных осыпей какой-то высокий круглый холм. Он совершенно гол, как череп, но на самом темени его поднимается тесная группа очень высоких кокосников: издали точно чуб на макушке плешивой головы. Впереди справа, на краю группы небольших островов, белеет на отдельной скале стройная колонна маяка, высотой до 105 футов. Проход Салат-Синки, вдоль которого мы теперь следуем, обставлен на балках и рифах баканами-маячками на якорях, где по ночам зажигаются фонари. По обеим сторонам прохода разбросаны живописные группы прелестных маленьких островков, из которых каждый, словно курчавую шапкой, покрыт купами роскошной растительности. Точно букеты и корзинки цветов выдвигаются они из тихих вод к нам навстречу. Между ними есть совсем миниатюрные, не более десяти шагов в поперечнике. И как хороши на них эти густые заросли саговых пальм, латаний и кокосников, перепутанных ротангами и разными

ми павоями!.. Есть там также и другие какие-то деревья, похожие своей листвой на наши европейские породы. Зелень везде чрезвычайно свежа и колоритна. На некоторых островах зеленеют отдельные холмы, в роде курганов, покрытые одною лишь травой (иногда весь островок состоит только из такого холмика), но зато на их подножия словно накинута венки: так пышно окружены они бордюром из всевозможной тропической заросли, кустарниковой и древесной. Кое-где видны на островах среди зелени скалистые глыбы розового гранита, а на склонах пригорков слева, между густыми рощами — какие-то плантации, где насаждения разбиты правильными рядами.

Вода приняла светло-зеленый цвет, как в Смирнском заливе, и море, похожее теперь скорее на озеро, становится все оживленнее: то и дело попадаются местные лодки с плетенными полосатыми парусами, снующие в разных направлениях между островками. Там и сям на утлых маленьких челночках рыбачат темно-бронзовые малайцы, а на отмелях и банках они и просто бродят в воде по колено,

копошатся там за каким-то делом и словно ищут чего-то. Вдали, на самом горизонте, справа виднеются особою группой несколько высоких деревьев, под которыми совсем не заметно почвы, словно они поднимаются прямо из воды. Это опять-таки очень эффектное действие рефракции.

Приостановились на минуту, чтобы принять лоцмана, и идем далее. Розоватые обрывы на островах попадаются все чаще: они состоят из песчаного, выветрившегося гранита. Вот, у самого берега одного из таких островков, при входе в порт, торчит белая игла, вроде обелиска, и на ней доска с четкою черною надписью "Граница порта". Вход очень узок, так что двум морским судам здесь, пожалуй, и не разойтись. Он защищен старою и совершенно ничтожною земляною батареей, на которой нет и орудий. Западная часть порта очень узка и идет как бы каналом между сингапурским берегом с левой и островками с правой стороны, где на холмах и площадках розовых обрывков растут аукарии, заменяющие здесь наши елки. Все эти островки — те же наши финские шхеры, только с тропиче-

скою растительностью. На них из-за зелени приветливо выглядывают европейские бенглоу под черепичными и гонтовыми кровлями, с уютными верандами, зелеными жалюзи и холщевыми маркизами. Но тут же вы можете видеть и живые образцы свайных построек. Это Тангонг-роо, целая малайская деревня, в несколько десятков хижин, с сарайчиками, лавками и даже с трактиром и кабачками, выстроенная прямо в воде, на довольно тонких сваях. Строения вытянуты в известном порядке, так что образуют нечто вроде водяных улиц и переулков. Постройка обыкновенно идет таким образом, что во время отлива вбивают в иловый грунт морского дна обожженные и осмоленные снизу бревна, преимущественно пальмовые. Вбивают их правильными рядами, с известными промежутками друг от друга, на протяжении всей площади, какую предполагается занять под будущее строение, и затем для связи надевают на их верхние концы продольные и поперечные перекладины, на которые настилают плотными рядами сперва жерди, а потом доски, и прикрепляют их к перекладинам гвоздями

или деревянными шипами. Таким образом, на высоте от трех до пяти аршин над уровнем воды получается досчатая платформа, где уже и строится самая хижина о двух— или четырехскатной, довольно высокой кровле, иногда с наружною галерейкой вроде веранды. Наугольные и средние устои, по которым налаживается каркас хижины, вбиваются в грунт вместе со сваями, вдвое превосходя последние длиной. Стены и кровля обшиваются по каркасу пальмовыми или камышовыми циновками, причем стены обмазываются иногда глиной и штукатурятся снаружи известкой. От дверей хижины всегда спускается к воде приставная лестница, где рядом с нею привязываются к сваям хозяйские челны и легкие лодки, которые на ночь поднимаются на канатах вверх на платформу. Здесь, в самом порту, есть две такие свайные деревни, и в обеих живут рыбаки, грузчики, портовые носильщики, люди, занимающиеся ловлей и продажей раковин, крабов, улиток, и тому подобный народ, перебивающийся из-за куска хлеба или живущий поденною работою собственно при порте.

В половине четвертого часа мы вышли из узкого канала в более просторную часть порта, откуда виден широкий рейд, и к четырем часам дня уже ошвартовались у самой пристани, в расстоянии менее десяти сажен от берега, подойдя к ней вплотную левым бортом. Пристань эта, в виде свайной эстакады, тянется широким помостом на несколько сот шагов перед громадными каменноугольными складами: она так велика, что вдоль ее борта могут грузиться углем несколько больших пароходов сразу.

Сингапурский рейд — один из самых обширных в мире. По южную его сторону, в расстоянии около десяти миль, виднеются покрытые растительностью берега больших островов Баттама и Бинтанга, а позади их, уже в очень значительном отдалении, чуть синеют горные вершины Суматры.

Мы еще только подходили к пристани, как уже были окружены целою флотилией малайских лодок с двухскатными циновочными кровлями и миниатюрных челночков, выдолбленных из цельной колоды красного дерева, по форме совершенно таких же, как в

Адене, и в них голые малайчата кричали и плескались водой точно так же, как и там арабчонки, не успели мы ошвартоваться, к правому борту уже пристало несколько широких шаланд с тюками каких-то товаров, которые должен был принять "Пей-Хо" для перевозки в один из попутных ему портов крайнего Востока. Каждую такую шаландой очень умело управляли только двое голых китайцев, которые, стоя на корме, вдвоем гребли с руля одним большим и длинным веслом и делали это столь искусно, что такая, по-видимому, неуклюжая посудина шла у них вперед, лавировала между другими лодками и делала должные повороты достаточно скоро и ловко.

На пристани ожидали "Пей-Хо" несколько европейцев в белых касках и толпа полуголых бронзовых и черных людей разных национальностей в ярких и пестрых лоскутьях вместо одежды. Далее же на берегу стояло несколько извозчичьих карет вроде небольших продолговатых дилижансов со сквозною двойною крышей и с жалюзи вместо стекол.

К нашему адмиралу тут же явились адъютант местного губернатора с приветствием

от имени своего начальника, голландский консул, исполняющий в то же время обязанности и русского консула, командиры стоящих на здешнем рейде наших военных судов: капитан-лейтенанты Алексеев ("Африка") и Ломен ("Забияка"), а также капитан-лейтенант Постельников, сопровождающий военно-морские грузы на зафрахтованном нами судне "Малага", и командир 2-го восточно-сибирского стрелкового батальона полковник Флоренский. С. С. Лесовский принял всех очень любезно и, отпустив английского офицера с голландским консулом, пригласил русских остаться на "Пей-Хо", чтоб отобедать с ними вместе.

Хотели мы было тотчас же отправиться в город, но задержала возня с прачками, роль которых здесь исполняют мужчины малайцы и китайцы. У нас на "Пей-Хо" не берутся мыть белье пассажирам, и потому всегда приходится пользоваться для этого остановками в попутных портах, где моют наскоро и прескверно, да вдобавок еще путают ваши вещи с чужими. В ожидании, когда подойдет моя очередь сдать прачке-малайцу свой узел белья, я

стоял на палубе и поневоле смотрел на процедуру таскания китайскими кули каменного угля в наши трюмы. У сходней, ведущих с пристани к угольному складу, сидел за маленьким столиком китаец-подрядчик и отмечал у себя в книжке каждую корзину угля, проносимую на коромысле двумя голыми кули. Перед ним стояла плетенка, наполненная медными центами. Каждая пара кулиев, возвращавшаяся с парохода с пустою корзинкой, останавливалась на минуту перед столиком и получала с рук на руки от подрядчика по центу, а затем шла в склад за новой нагрузкой. Все это делалось быстро и ловко, без малейшего замешательства, толкотни и споров. Круговращательное движение кулиев от склада на пароход и с парохода к складу совершалось, как нечто хорошо разученное, с автоматической точностью, напоминая выплывающих уточек в известной детской игрушке. Но что за отвратительный запах какой-то смеси кокосового масла с касторовым и чеснока с пачули установился в окружающей атмосфере!.. Это характерный запах китайцев, который внесли с собою работающие

в поте лица своего кули.

В город отправились мы после обеда, когда уже стемнело. Проехав мимо нескольких деревянных хижин и барачных лавчонок, уютившихся около угольных складов, свернули на шоссе, идущее берегом, мимо свайных построек малайской деревни. Затем шоссе входит в болотистый лес и там идет местами дамбой, обрамленное дренажными канавами. Но как сейчас же сказывается практический гений англичанина, не жалеющий денег ради пользы и комфорта! Мало того, что шоссе это само по себе превосходно, оно еще на всем своем протяжении освещено газовыми фонарями и особенно в том месте, где проходит через пустырь болотистого леса. За лесом пошли сады, плантации, дачи на маленьких холмиках и китайское кладбище со своими подковообразными могилами. Но вот наконец и город. Вы въезжаете прямо в главную улицу, которая длинным проспектом прорезывает весь Сингапур в северо-восточном направлении и носит несколько названий: сначала, до моста на канале, она называется Southbridge, потом Кафедральным проспек-

том, потом Victoria Queen, а дальнейших названий не знаю. Улица эта, однако, далеко не блещет изяществом своих построек — по крайней мере, в районе Southbridge дома, в большинстве случаев, хотя и каменные, но безо всякого архитектурного стиля: зато в каждом из них, безусловно, сказывается меркантильно-промышленный характер. Здания не высоки и отличаются замечательным однообразием постройки: все они полтораэтажные, то есть над нижним этажом, где под неизменно крытою галерейкой помещаются исключительно лавки и ремесленные заведения, имеется надстройка в половину высоты нижнего этажа, служащая жилым помещением. В этой надстройке непременно есть своя маленькая верандочка, где из-под цинопочных штор всегда торчат наружу какие-нибудь подушки, пестрые одеяла и разные принадлежности домашнего обихода и туалета. Есть несколько домов и европейского характера, обыкновенно двухэтажных, но опять-таки не ищите какого-либо стиля в их приземисто-коренастой, основательной архитектуре: они строены без затей и без вкуса, но прочно,

солидно, на веки-вечные и глядят, точно английские бульдоги с ожирелым затылком. Все вообще сингапурские постройки крыты черепицей. Выставясь на улицу из-под лавочных навесов, как ленты, качаются на крючках китайские вывески, написанные сверху вниз золотыми и черными литерами на продолговатых красных, желтых, черных и зеленых досках или на листах жести и лакированном картоне. Точно также вывесками служат и бумажные китайские фонари разнообразных форм, горящие перед входами в лавки. Повсюду газовое освещение, а на канале даже своеобразная иллюминация: там, в покрытых цинковками лодках, живет целое население туземцев, которое еще нельзя причислить к безусловным беднякам, так как у каждого из них "свой дом", своя собственность, в виде крытой лодки, служащей для целой семьи местом постоянного жительства. На крышах некоторых лодок разведены даже миниатюрные цветники и огородцы. Там обыкновенно на носу или на корме устроен очажок, на котором варится пицца, и эти-то костерки, вместе с лодочными фонарями, подвешенными у

входа под циновочные кровли, каждый вечер доставляют каналу своеобразную, оживленно движущуюся иллюминацию.

Приехав в город, мы как раз попали на большой общественный праздник в китайском квартале. Этот день желтокожие "сыны неба" посвящают умилоствивлению "Злого Духа" и ублажают его всяческими лакомствами, курением и музыкой, лишь бы только он в течение года не делал им каких-нибудь особенно крупных пакостей, без мелких же само собою, как черт, он обойтись не может, но "сыны неба" за это на него уже и не претендуют. Весь китайский квартал был залит огнями разнообразной иллюминации. Тут горели свечи и лампы, плоски и шкалики, лампионы и стеклянные разноцветные шары, бумажные фонарики и люстры из разнокалиберных фонарей и даже целые фонарища, подлинные монстры, с намалеванными на них драконами: китайщина мешалась с европейщиной, включительно до газовых звезд, букетов и вензелей в виде китайских литер. Тут же жгли большие костры из сухого тростника и пальмовых листьев. В некоторых местах,

вдоль тротуаров, этот материал для костров лежал целыми грядами на протяжении нескольких десятков шагов, и нередко такие гряды нарочно поджигались, так что казалось, будто горит сплошь целая сторона улицы, и остается только удивляться, как при этом и в самом деле не случилось ни одного пожара.

Кроме иллюминации "Злого Духа", было устроено еще и громадное пиршество. Каждый китаец, как богатый, так и бедный, по мере возможности, непременно заготовил к этому дню какие-нибудь яства, сласти и вино, расположил их покрасивее на блюдах и плетенках, украсил цветами, маленькими флагами и свечами из растительного воска и затем отнес все это в пагоду. Там вокруг храма и вдоль улиц, окружающих его ограду, бонза [57] уже заранее наставили длинные ряды широких столов, на которых очень красиво разместили в известном порядке все доставленные в пагоду блюда. Над столами висели на проволоках лампы и группы разнообразных цветных фонарей, а равно и на столах горели канделябры и солнечные лампы с шара-

ми. Углы и центр каждого стола были украшены пирамидальными сооружениями из сладких пирожков. Одни из этих сооружений имели форму конуса, другие — цилиндра, третьи — вид громадных широкотелых флаконов с длинным, постепенно сужающимся горлом и расширяющимся, как у музыкальной трубы, устьем, и все эти пирамиды, конусы, цилиндры и флаконы были увиты ленточными гирляндами, усыпаны зеркальными блестками, утыканы треугольными маленькими флагами и тлеющими палочками священного курева, иллюминированы множеством свеч из разноцветного воска. Кроме того, цветочные гирлянды и пестрые флаги различной величины входили в убранство столов, балконов, окон и дверей, как самостоятельное украшение. Между блюдами особенно почетное место занимали жареные поросята и огромные свиные окорока, шкурка которых отличалась ярко-малиновым цветом, что придавало им красивый и особенно вкусный вид. Затем на блюдах красовались превосходно зажаренные цыплята и куры, фазаны, утки, индейки и гуси, а рядом с ними вы-

сились груды круглых караваев пшеничного и рисового хлеба, пироги, пышки и великолепные торты, украшенные сахарными узорами и бумажными цветами, совершенно как наши пасхальные бабы и куличи. Наконец, немалым украшением столов служили плоды и фрукты, между которыми ананасы, баобабы, мангустаны, орангпатаны, сахарный тростник, мандарины, громадные апельсины, чуть не с детскую голову, каштаны и бананы играли выдающуюся роль: вообще же из плодов и овощей здесь было соединено все, что производит местная флора. А чего она не производит! Каждое блюдо яств и каждая корзина фруктов или овощей непременно были украшены живыми и искусственными цветами, треугольными маленькими флагами и горящими свечами. В общем, все это очень напоминает наши пасхальные столы у церковных оград в ожидании освящения, только здесь оно является в более массовом виде. Тут же пускали в разных местах ракеты, огненные фонтаны, колеса, бенгальские огни и тысячи шутих и хлопушек. В одном месте показывают китайские тени, кои силуэты выреза-

ны артистически и вполне натурально; в другом — театр марионеток, совершенно как наши "петрушки"; в третьем — клоуны и жонглеры изумляют толпу зрителей своим проворством рук и акробатической ловкостью. Все эти представления сопровождаются оглушительной музыкой. Мелодию флейт и гитар не только разобрать, но и расслышать невозможно, так как она заглушается звуками гонгов, там-тамов, трещоток и каких-то больших металлических сковород. Сочетание звуков всех этих инструментов выходит действительно адское, раздирающее человеческий слух, и потому, вероятно, должно нравиться китайскому "Злому Духу".

Толпы китайского люда чинно прохаживались по иллюминированным улицам и вдоль столов, любуясь на их лакомства и украшения, причем отцы и матери нередко таскали на плечах и за спиной маленьких детей. Над толпой гудел веселый праздничный говор, но вела она себя в высшей степени чинно и благопристойно: на веселых лицах сияло радушие и просто детское наслаждение блестящим зрелищем. И замечательно, во всей этой

бесчисленной толпе (говорят, будто китайское население Сингапура достигает двухсот тысяч душ) не встретили мы ни одного пьяного. Правда, были подгулявшие, и то не особенно много, но таких, чтобы, как говорится, лыка не вязали — положительно ни одного.

После полуночи должно было начаться угощение, и все эти богатые приношения поступали в пользу бедных, которые отлично скушали их за здоровье "Злого Духа". Конечно, не забыли себя при этом и многочисленные бонзы, служители китайских храмов, но и бедных в Сингапуре немало, так как каждый кули, живущий поденным трудом, имеет полное основание причислить себя к разряду неимущих. К утру все уже было съедено, украшения разобраны любителями "на память", флаги и фонари сняты, столы убраны, и улицы с восходом солнца приняли свой обычный вид.

Во время праздника двери всех китайских жилищ были раскрыты настежь: входи кто хочет. Приемные комнаты освещены: в них наготове расставлены чай, различные сласти, рисовые лепешки, сигары и особого устрой-

ства маленькие медные кальяны — для гостей, а может, и для "Злого Духа". Желая взглянуть на внутреннюю обстановку китайского жилища, мы остановились на минуту перед входом одного из них. В комнате никого не было: вероятно, хозяева отправились на праздник. Створки входных дверей шли не до верхнего, а только до половины боковых косяков: они были из красного дерева и великолепно украшены ажурной резьбой, несколько напоминавшее, в общем Царские врата некоторых наших иконостасов. У стены, противоположной входу, находился домашний алтарь, который представлял собою продолговатый узкий столик с несколько завитыми кверху боковыми краями столешницы. Ножки, ящики и полочки внизу были пройдены резьбой с позолотой и покрыты красным и черным лаком. Над столиком висел на стене образ какого-то китайского бога, писанный меловыми красками на большом и широком листе бумаги: сверху и по бокам он был задрапирован вроде балдахина алым сукном с вышитыми на нем шелком и золотом изображениями драконов, птиц, цветов и бабочек. Та-

кая же расшитая пелена лежала на столике, спускаясь с него вершков на шесть. Верхняя часть драпировки была еще украшена какими-то картонажами, в виде продолговатых сердец из золотой бумаги, с блестками, зеркальцами и павлиньими перьями. Все это имеет значение каких-то талисманов. Из-под них висели длинные шелковые кисти с перламутровыми амулетами и свернутые особым образом полоски бумажек с начертаниями молитв и заклинаний. Оленьи рога, этот общий всему востоку символ могущества и силы, венчали собой верхний край драпировки, из-под которой китайский бог глядел на вас, как из ниши. Перед ним на столике стояла оловянная жертвенная курильница красивой и характерной формы, увенчанная пластическим изображением "корейского льва" (более, впрочем, похожего на собаку-болонку), с дрожащими на спиральных пружинах хвостом и яблоком в лапе, а по бокам этой курильницы — пара оловянных подсвечников в форме какого-то символического знака из китайской азбуки и в них курительные свечи, связанные красивыми пучками, в виде тон-

ких и длинных конусов с украшениями из пурпуровой и золотой бумаги. Кроме этих предметов, на алтаре стояли еще две китайские вазочки с цветами, маленькая медная жаровня, наполненная белым пеплом, и фарфоровая чашка с рисом, в качестве жертвоприношения богу. На боковых стенах висели на катушках длинные свитки красной и белой бумаги. На некоторых из них были изображены золотыми литерами какие-то изречения назидательного и философского характера, а на других — живописные сцены из какого-то романа с пояснительным текстом. Несколько широких стульев с прямыми низкими спинками вдоль тех же боковых стен и квадратный стол посередине комнаты, уставленный угощениями, дополняли обстановку этой парадной приемной. Пол ее был устлан чистыми циновками очень тонкой работы.

Вдоволь наглядевшись на оригинальное убранство этого жилища, мы отправились в лучшую из здешних гостиниц, отель "Европа", чтобы занять себе комнаты на ночь. Рекомендацию этого отеля, писанную по-русски, получили мы еще на пристани от комиссио-

нера, который поднес нам ее на особом листе, за подписью всего общества армейских и сухопутных офицеров с добровольца "Россия". В общей зале, где устроены бильярд, читальня, справочное бюро и обширный буфет прохладительных и горячительных напитков, мы неожиданно нашли большое русское общество: тут были моряки с "Африки" и "Забияки", артиллеристы, инженеры и стрелки с "Малаги", и, к довершению приятной неожиданности, много русских дам, ехавших вместе со своими мужьями-офицерами через Сингапур в Хабаровку и другие места Приморской области. Экая, подумаешь, страна, эта матушка Россия! Чтобы с одного конца ее попасть на другой "скорейшим и удобнейшим путем", надо обогнуть половину вселенной, спуститься к экватору и подняться чуть не до полярного круга. Только изведав на опыте весь этот путь, начинаешь чувствовать, что это за громада –

Владенья Русского Царя.
В которых солнце не заходит.

И ничего, едут не только дамы, но и малых

ребят везут с собой.

Проведя около часа на веранде гостиницы в беседе со знакомыми моряками и офицерами с "Малаги", мы отправились своим маленьким обществом бродить по Сингапуру. Был десятый час вечера. Прогулка по тропическим аллеям, при лунном свете и вечерней прохладе, когда с моря веет легкий бриз, — это прелесть что такое! Как красивы показались нам при луне городской собор со своею готическою колокольней на обширной лужайке, белые здания суда и театра, обелиск и монумент с бронзовой фигурой слона, высокий цепной мост на канале и широкий вид на рейд со спящими на нем вдали черными громадами океанских судов... Повернули на Колеманстрит, против Кафедральной площади, и вдруг слышим звуки музыки и видим освещенный парой фонарей вход в садик. Читаем вывеску: "Отель Лорн. Концертный зал". Заходим взглянуть. Что такое? Вход бесплатный. Зала, освещенная несколькими настенными лампами, и в ней разбросано десятка три легких столиков с мраморными досками, вокруг которых, с сигарами в зубах, сидят на

буковых стульях за пивом и абсентом с содой группы английских, немецких, голландских и иных "каптейнов", арматоров, компрадоров, коммерсантов, приказчиков и конторщиков и несколько посетителей того общественного шаблона, от встречи с которыми вы никогда и нигде не избавлены, но по которому труднее всего определить действительную национальность и род занятий данного субъекта: черт его знает, не то француз, не то швейцарец, не то грек или итальянец, а не то и жид, и последнее почти всегда оказывается наиболее вероятным, чуть только вы несколько внимательнее в него взгляните и уловите в его лице тот особенный, прирожденный "семитический нерв", который иногда очень удачно скрывается его обладателем под космополитическим лоском общеевропейской маски. В конце залы были устроены подмости "домашней" сцены с размалеванными кулисами и стояло на них сбоку старенькое пианино, а посредине пять пюпитров, на которых пять благородных сынов Израиля "з Броды чи з Радзивилова" с нервными жестикациями и кривляниями "наяривали" на "вио-

лях и флютках" что-то жидо-венгерское. Когда же они кончили при жиденских аплодисментах и китайский кули в белом балахоне убрал после них стулья и пюпитры, то на сцену вышел унылого вида худощавый немец и сел за пианино, а затем выплыла его дебелая пожилая лет супруга, в декольте и со взбитым шиньоном с розами и провизжала, к удивлению нашему, по-русски романс "Зацелуй меня до смерти". После нее вышел мальчик лет двенадцати, наряженный в женское платье со шлейфом, и спел "Стрелочка". Затем встал из-за пианино сам немец и продекламировал какие-то куплеты по-немецки; затем тот же мальчик, но уже переряженный в жидовский лапсердак и ермолку с пейсами, выскочил на сцену со своею маленькою сестренкой и протанцевали они так называемый "еврейский танец", какой не раз, вероятно, случалось видеть и вам на подмостках разных ярмарочных балаганов в России. Очевидно, все это проделывалось ради нас, русских, дабы нам "сделать комплимент" (Бог их знает, почему, но это уже в который раз мы замечаем, что при всей нашей скромности, где бы мы ни по-

явились, в нас сейчас признают русских). Оставалось только поблагодарить их за такую любезность несколькими шиллингами, что мы, конечно, и исполнили. Но откуда вдруг взялись все эти "Стрелочки" и "зацелуй" в Сингапуре? По справке оказалось, что артист унылого вида, в некотором роде наш соотечественник. Он рижский немец, держал где-то в Якобштадте или в Феллине увеселительный кафе-шантан, прогорел и пустился со всею своею семьей в "артистическое путешествие" по белу-свету, пока не очутился наконец в Сингапуре. Дела его, разумеется, идут плохо, концертных заработков едва на перекуску хватает, и чем он будет жить завтра, где очутится послезавтра и когда вернется в Ригу, да и вернется ли, это для него самого пока еще "темна вода на облацех".

Не было еще одиннадцати часов, когда мы вернулись в "Европейскую гостиницу", несколько проголодавшись. Обращаемся в буфет, нельзя ли нам дать какой-нибудь холодной закуски?

— Нельзя.

— Почему так?

— Время уже прошло: у нас дают только до десяти часов вечера, а теперь кухня закрыта.

— Но ведь у вас в буфете остались же какие-нибудь бутерброды, хлеб, сыр, ветчина?

— О, конечно.

— И, стало быть, достать их из буфета не представляет особенного труда.

— Ни малейшего.

— Так достаньте же, пожалуйста.

— Невозможно. Это нарушает принятый порядок.

Что тут поделаешь против такого педантизма! А есть хочется. Подумали мы да и решили: дай, махнем на счастье в "отель Лорн", авось там достанем. И что же? Действительно достали, да еще с каким приятным сюрпризом: оказалось, что хозяин хорошо говорит по-русски. Он привел нас в особую столовую и просил заранее быть не особенно взыскательными относительно ужина, так как гостей он не ждал, а чем богат, тем и рад, к нашим услугам. Подали нам холодную тушеную говядину и десерт из ананасов да две бутылки норвежского пива. Ужин вышел чисто по-семейному, потому что за стол вместе с нами

сели сам хозяин, его жена и свояченица. Разговорились. Он поведал нам о себе, что фамилия его Берковиц, что родом с Угорской Руси, славянин, австрийский подданный, жил несколько лет по торговым делам в Подольской губернии и в Одессе, а потому вполне-де понимает, как должно быть досадно русскому человеку не получить из-за глупых здешних порядков ужина, когда ему есть хочется. Часа полтора за столом прошли у нас очень приятно, а когда дошло дело до расплаты, то хозяин объявил, что с нас ничего не следует, что мы его гости и он очень рад, если мог разделить с нами свой семейный стол. Все наши протесты не привели ни к чему, и единственное, на чем он наконец согласился помириться вследствие наших настояний, это чтобы мы заплатили буфету за пиво. Не желая все-таки оставаться в долгу, мы ему заказали обед на завтра к шести часам дня, но с тем, чтобы за этим обедом он со своим семейством был нашим гостем. Берковиц принял приглашение и вызвался приготовить обед по-русски.

— Вам, вероятно, уже надоел-таки французский да английский стол. Хотите, — пред-

ложил он, — я вам приготовлю ленивые щи, жареные пирожки с говяжьей начинкой, разварную рыбу и цыплят по-польски?

Русский обед в Сингапуре — чего же лучше и чего еще неожиданнее! Мы, разумеется, изъявили свое согласие и уже заранее, так сказать, мысленно предвкушали предстоящее нам гастрономическое баловство.

Возвратились мы в отель "Европа" около часу ночи и чуть было не нажили себе пренеприятную историю. Отель этот занимает целый обширный квартал и состоит из нескольких отдельных корпусов и домиков, соединенных между собою крытыми галереями и расположенных среди цветников и садилов, что придает всей этой гостинице очень уютный и приятный характер. Общая зала была уже пуста, но за бюро сидел еще при лампе главный конторщик, немец, и сводил дневные счета. Он сообщил нам, что ключи от своих комнат найдем мы у боя, который находится при нашем корпусе на нижней галерее. Действительно, как раз в указанном месте нашли мы спавшего на плетеном диване слугу, китайца, который после долгого пробужде-

ния поднялся, наконец, на ноги, но лишь для того, чтобы пробормотать какое-то китайское ругательство и снова повалиться на свое место. Новосильский опять принялся его расталкивать, и на этот раз озлившийся "сын неба", вскочив на ноги, накинулся на нас с грубыми ругательствами по-английски. Тщетно пытались объяснить ему, что мы здешние постояльцы, что нами заняты такие-то номера и что мы требуем от них ключей. В ответ на это он послал нас к черту и объявил, что у него нет никаких ключей и чтобы мы не смели беспокоить его более. Невозможно наглый тон этого человека, видимо, бил на то, чтобы вызвать нас на так называемое "оскорбление действием", и действительно трудно было удержаться от искушения вытянуть его палкой. Мы, однако же, воздержались и отправились с жалобой к конторщику, пригласив его вмешаться в дело. Немец отправился вместе с нами, и только благодаря его личному вмешательству, удалось нам, наконец, проникнуть в наши комнаты.

— Этот негодяй, конечно, завтра же будет прогнан, — объявил нам конторщик, извиня-

сь. — Но что прикажете делать! Такова уже почти вся прислуга в здешних отелях, и это прямой результат отношения к своему делу здешних английских судей.

Мы непритворно выразили недоумение, причем же тут могут быть судьи. Но оказалось, что очень и очень "причем". Дело в том, как объяснил нам конторщик, что у этих судей есть два мерила справедливости: одно для англичан и другое для иностранцев. Случись подобная история с англичанином, судья непременно приговорил бы боя-китайца к тюрьме и оправдал бы англичанина даже и в том случае, если бы последний избил его: бой, во всяком случае, был бы виноват и наказан, знай-де, какво надерзить англичанину! Но совсем иной оборот получает история, когда на месте англичанина является иностранец. Для примера конторщик рассказал нам недавний случай с одним проезжим французом, следовавшим на одном из пароходов "Messageries Maritimes" в Сайгон по какому-то срочному делу. Точно так же, как и мы, остановился он на одни сутки в этом же отеле и точно так же, как и нам, коридорный слу-

га-китаец наделал ему по какому-то поводу грубостей. Тот не воздержался и в запальчивости вытянул его хлыстом по лицу два раза. Бой с воплями и плачем, царапая себе до крови лицо, тотчас же бросился к полисмену составлять протокол, причем два-три другие боя, такие же китайцы, явились свидетелями, и протокол немедленно был передан судье для разбирательства. Судья в тот же час обязал француза через полицию подпиской о невыезде и проморил его в ожидании разбора дела целую неделю, а при разборе порешил тем, что присудил француза за личное оскорбление уплатить бою пять фунтов да за нарушение тишины в общественном месте к аресту на одни сутки. И, таким образом, бедный француз, потеряв свое место на пароходе, должен был взять новый билет до Сайгона и заплатить штраф китайцу, проживаться целую неделю в гостинице, опоздать к месту своего назначения и наконец перенести обиду тюремного ареста. Вся эта история, кроме потери времени и прочего, стоила ему более тысячи франков. Знай-де, что значит оскорбить английского подданного! Таким-то де-

шевым способом английские судьи приобретают себе популярность между туземцами и китайцами и в то же время практически учат их разнице, что значит иметь дело с англичанином и что с иностранцем. Поэтому ни один китаец никогда не осмелится оскорбить самого паскудного англичанина и охотно лезет на оскорбление иностранца, с целью быть побитым и получает за то весьма выгодное вознаграждение. Все эти бои отлично знают эту штуку — и вот вам причина, почему просто нет сладу со здешнею отельною прислугой. Бой во всяком случае не в накладе: прогонят его сегодня с места из этой гостиницы, он как говорящий по-английски сегодня же будет принят на такое же место в другую и, конечно, при первом удобном случае, постарается такую же проделкой заработать себе выгодный штраф с иностранца.

Вот вам и хваленое английское правосудие! Но нельзя не заметить, что в этом сказывается у судей своя система, в силу которой они явно стараются оттенить в глазах туземца резкое различие между значением англичанина и всего остального человечества.

Комнаты наши мы нашли весьма просторными. Окна были без стекол, полы устланы циновками, под кроватью мустикер, перед дверью экран, а на стенах и потолке ящерицы, словом, все как и быть должно в "порядочной" гостинице на крайнем Востоке.

9-го августа.

Нас будят в шесть часов утра. Опять эта ужасная бурда с молоком вместо чая! И как это могут англичане пить такую мерзость да еще похваливать ее!.. Приступаем к утреннему туалету — опять беда: полное отсутствие приспособлений к одиночному умыванию. Вместо умывального шкафчика с педалью поставлена на полу просто плоская тарелка с кувшином и справляйтесь с ней, как знаете. Вот и хваленый английский комфорт, да еще в лучшей гостинице! Впрочем, мы кое-как справились с этим затруднением при взаимной помощи друг другу. Едем в порт, на "Пей-Хо" узнать, нет ли каких распоряжений на сегодня. Прекрасная погода, не жарко, улицы уже политы и лавки открыты. Торговая и ремесленная деятельность спешат пользоваться часами, пока еще нет томительного зноя. Лавки с ово-

щами и со свежую, сушеною и вяленою рыбой уже осаждаются хозяйками и рабочим людом. Китайцы, сидя на корточках на улице в тени, наскоро закусывают рисом, рыбой и кореньями; китайские цирюльники тоже на воздухе являют свое искусство над роскошными длинными косами "сынов неба", моют их, расчесывают и заплетают жгутом. Это был час морского отлива, и жилые лодки в каналах представляли теперь зрелище жалкой беспомощности: многие из них лежали, покосившись набок на обнаженном илистом и зловонном дне в ожидании прибыли воды, причем, разумеется, и цветники с огородами на их циновочных кровлях приняли неестественное наклонное положение. Движение на улицах становится все больше и больше. Вот катит на паре пони желтый омнибус с совершенно голым желтокожим возницей на козлах; вот тащат каких-то больших рыб и тяжелые гроздя бананов; проскрипела арба, наполненная грудой ананасов; вот несут кому-то новый гроб, китайский, выдолбленный из целой колоды красного дерева и отлично отполированный; тащат на коромыслах ка-

кое-то черное дрожащее желе в больших полусферических чашках; двое кули очень бережно несут откормленную донельзя черную китайскую свинью с глупым рылом и отвислыми ушами, как у лягавой собаки, и как еще несут! На оглоблях, в особой клетке, сплетенной из бамбукового дранья, где и тень над нею нарочно устроена из свежих банановых листьев, и вынесли они ее, как бы вы думали, зачем? На прогулку, подышать свежим воздухом. Вы недоверчиво улыбаетесь? А между тем, это в самом деле правда. Здесь за китайскими свиньями ухаживают гораздо больше, чем за людьми, и житье им, надо думать, куда привольнее, чем многим и многим тысячам этих самых кули. Свинья, вынесенная на утреннюю прогулку, без сомнения, принадлежит какому-нибудь богатому китайскому коммерсанту, и так как китайцы более всего любят свиное мясо и окорока, то богатые люди для своего стола нарочно откармливают лучших отборных свиней, доставляя им всяческий комфорт до того рокового часа, когда нож повара прикончит счастливое существование выхоленного животного. Но и в этом

существовании не без терний. Для того, чтобы свинья наедала себе как можно более жиру, ее совсем лишают движения, оплетая всю бамбуковую клеткой и оставляя свободным одно только рыло: но зато уже не только кормят и поят доотвала, и не только на прогулку выносят, а еще и моют, и чешут, и даже нанимают мальчонка, чтобы веял на нее веером, когда она начинает выказывать признаки истомы от духоты и жары.

Вот строят кирпичный дом: постройка доведена уже до второго этажа, и как своеобразно прост китайский способ доставки кирпичей на второй этаж. Один рабочий внизу кидает по кирпичику вверх, а другой, стоя на краю стены, живо ловит его руками и передает третьему, который уже складывает кирпичи в известный порядок — вот и все, вместо того, чтоб обременять себя доставкой на собственной спине по лестнице. И какая замечательная сноровка: заинтересовавшись этой эквилибристической штукой, мы приостановились здесь на минуту, в течение которой было переброшено таким образом кирпичей пятьдесят по крайней мере и ни один из них

не пролетел мимо рук верхнего человека. Работа эта идет не только ловко, но чрезвычайно быстро, так что третий человек только успевает подхватывать!

На улице Southbridge находятся рядом две буддистские пагоды, огражденные высокими каменными заборами. Над входом одной из них высятся две стройные четырехугольные тонкие башни в тринадцать низеньких этажей, с парой маленьких, вроде голубиных, окон в каждом этаже по каждому фасу и с ажурною каменною решеткой над крытыми воротами. Обе башни увенчаны грушевидными куполками с продольными бороздками. Следующая пагода тоже стоит внутри двора, отделенного от улицы каменным забором, на гребне которого развешаны на равных дистанциях изваяния нескольких лежащих коров с поднятыми головами. Над главными воротами этого храма высится широкая плоская башня в три этажа с разными изваяниями и колоннами в индийском стиле. Кровля ее увенчана продольным гребнем в виде пяти широких копий, заключенных между парой гигантских коровьих рогов. Мы зашли во

двор этой последней пагоды, которая представляла собою довольно широкое одноэтажное здание, окруженное со всех сторон крытою галереей и разделенное внутри поперечными балюстрадами и колоннами на три части. На фронте, украшающем главный вход пагоды, находятся различные каменные изваяния, между коими центральная фигура в особенности остановила на себе наше внимание. Она представляет женщину, как бы исходящую из цветочной чашечки лотоса: ног ее не видать, фигура обрезана по нижний край чресел и облечена в ризы, руки ее приподняты до высоты лица и длани вытянуты ладонями наружу, на голову накинута покрывало. Из лона этой женщины исходит восседающий на лотосе младенец с руками, простертыми для благословения всего мира. Очень любопытно было бы взглянуть на внутреннее устройство и украшения пагоды, но, к сожалению, бонза, встретивший нас во дворе и очень свободно изъяснявшийся по-английски, объявил, что вход туда недоступен, а взамен того предложил отворить нам часовню, находящуюся на том же дворе, где мы свободно можем созер-

цать изваяния некоторых буддийских "духов" и "святых подвижников". Но это были грубо вырезанные из обрубков дерева и вдобавок пребезобразные фигуры, щедро размазанные синькой, охрой, киноварью и ярью, тронутые кое-где сусальной позолотой. Если они имеют интерес древности, то и тот в значительной мере нарушен новейшею подмалевкой. Кроме того, стояли эти истуканы как попало, безо всякой подходящей обстановки, которая хоть сколько-нибудь напоминала бы об их религиозном значении и о религиозном чувстве их хранителей. Эта часовня скорее похожа на кладовую для всякого храмового хлама, да, вероятно, таково и назначение ее в действительности. Пока мы смотрели на идолов, бонза вынес из храма сковороду, наполненную очень чистым белым пеплом, в котором лежали какие-то розовые цветы, и приветливо вручил каждому из нас по одному цветочку: "от Будды". Взамен этого мы ему вручили два шиллинга "на Будду". Он остался очень доволен и с низкими поклонами проводил нас до улицы.

Кирпичные тротуары со сточными канав-

ками с краю доходят до самого конца города, а шоссе продолжается и далее, ветвясь в разные стороны между плантациями и бенглоу по всему острову, и пролегает местами вроде плотины вдоль канав и болотистых запруд. На вид оно все, и земля, и щебенка железисто-красноватого цвета и всегда полито в меру, так что в громадном городе и его окрестностях на самых отдаленных улицах нет ни малейшей пыли, ни грязи. Вот подъезжаем к Тангонг-роо, и здесь случайно обратил я внимание на малайский кофейный дом на сваях, где на платформе в ящиках, наполненных землей, разведен цветник, в котором среди тропических цветов кивают оранжево-красными головками и наши северные "бархатцы" да "ноготки", невольно напомнившие мне родину...

Только что прибыли мы на наш пароход, как следом за нами посетил его Сиамский регент[58] с тремя своими женами. Сам он был одет в синюю суконную куртку поверх пестрой шерстяной юбки, а на женах красовались китайские парчовые курмы (род косоворотых длинных кофт с широкими рукавами) поверх

широких штанов из синего, пунцового и желтого атласа. Две из этих жен были совсем уже старухи, хотя сказывают, что одной из них только тридцать, а другой двадцать семь лет от роду; зато третья глядела совсем девочкой лет четырнадцати, но как старые, так и молодая вовсе не отличались красотой. Сопровождали их какой-то очень толстый сиамский gentier [59] со своею, еще более толстой супругой, приехавшие в прекрасной европейской коляске. Они приехали просто из любопытства и просили капитана показать им все устройство нашего судна. Тот, конечно, с удовольствием исполнил эту просьбу и поручил комиссару быть их путеводителем.

Узнали мы, что наш адмирал с супругой приглашен сегодня на обед к сингапурскому губернатору и что никаких особых распоряжений на нынешний день не имеется, а потому после завтрака тотчас возвратились в город.

На прекрасной площади Raffals-square, посреди коей разбит прелестный садик с фонтаном, обнесенный красивою чугуною решеткой на гранитном цоколе, находятся лучшие

каменные дома Сингапура о двух и даже трех этажах, построенные очень солидно в колониальном стиле, с аркадами, балконами и верандами. Здесь же помещаются и лучшие европейские магазины, где чего хочешь, того и просишь, от корабельных канатов и копытной мази до брюссельских кружев и детских сосок включительно. В один из таких магазинов под фирмой "Братья Катц", завел нас М. А. Поджио, и по старому знакомству попросил хозяина снабдить нас хорошим малайским драгоманом, достаточно знающим по-английски, который мог бы быть путеводителем по городу. Мистер Катц охотно исполнил эту просьбу и дал нам смышленного малого из своих туземных артельщиков, с которым, не теряя времени, отправились мы в экипаже куда-то на край света, в отдаленный малайский квартал покупать малайское оружие. Но сначала завернули в улицу Кампомглан посмотреть на мусульманскую мечеть. Это здание, стоящее среди открытого двора за сквозною оградой, представляет весьма странное сочетание в одном целом архитектурных стилей, не имеющих между собою ничего общего.

Оно совершенно квадратное и, по обыкновению, обнесено со всех сторон крытою галереей, на каменных устоях с романскими пилястрами. У этой галереи с каждого фаса приделано по одному греческому портику, которые покоятся на колоннах дорического ордена. Фронтоны портиков испещрены красивою вязью арабских текстов, а трехъярусная чешуйчатая крыша, с курносими наугольниками и рядами шаровидных зубцов на боковых продольных гранях, являет в себе характер чисто китайский. Белокаменный минарет стоит отдельно в виде шестигранной трехъярусной башни, охваченной по двум нижним ярусам легкою баллюстрадой и увенчанной остроконечною крышей вроде китайской шляпы, которая сидит на нескольких деревянных подпорках, образуя под собою сквозную беседку, откуда муэдзин в урочные часы призывает правоверных к молитве. Извольте разобраться в этом смешении элементов романского и греческого с арабским и китайским! Но английский строитель, "создавший" проект этой мечети, почему-то находит, что оно так и нужно и что ему удалось остроумно

сочетать несочетаемое. Впрочем, англичане в своих колониальных постройках (по крайней мере, в тех, какие мы видели до сих пор) вообще не отличаются особенным изяществом вкуса и выдержкой какого-либо стиля, если не считать за таковой то, что у них называется "колониальным стилем".

На длинном пути в малайский конец города показали нам только одну "достопримечательность", нынешнюю обитель сингапурского раджи, которой название "дворца" англичане дали, вероятно, в насмешку. Снаружи это очень невзрачный, даже бедный домик с деревянным забором и кое-какими надворными хозяйственными постройками. Других "достопримечательностей" не оказалось, и мы, наконец, благополучно прибыли в малайскую часть, где драгоман остановил нашего извозчика перед оружейными мастерскими.

Малайские мастера производят только холодное оружие, преимущественно кинжалы, а затем мечи и копья. Железо они сваривают слоями из особо приготовленной проволоки и, закалив клинок, по большей части не подвергают его шлифовке, а оставляют в сво-

ем первоначальном виде, при слоисто пещеристой поверхности. Делается это будто бы для того, что если такой шершаво-бугристый клинок напоить ядом, то яд остается в его скважинах и пещерках навсегда, тогда как со шлифованной поверхности свести его легко. Оружие малайцев вообще, а кинжалы в особенности, отличаются оригинальностью своих форм. Наиболее употребительная из них есть форма змееобразно извилистого клинка, какой иногда в виде пламенного меча можно видеть на некоторых религиозных изображениях; другая же, рыбообразная, представляет обоюдо-изогнутые лезвия, таким образом, что в первой половине клинка, начиная от широкого основания (хвост), они в виде выгнутых дуг плавно и постепенно суживаются к середине, а затем в виде дуг выпуклых (рыбьи бока) столь же плавно и постепенно расширяются до второй его половины и оттуда спускаются к концу острия как бы к носу. Ручки кинжалов из дерева и кости вообще неудобны тем, что они неестественно изогнуты и коротки, так что могут вполне прийтись по руке разве мальчику, но отнюдь не взрослому

человеку. Бывают, впрочем, еще ручки медные (исключительно у кинжалов), которые представляют собою глубокую дугу с внутренней перемычкой: эта последняя, собственно, и служит ручкой, а назначение самой дуги предохранять кисть руки. Ножны малайцами употребляются не только для мечей и кинжалов, но надеваются в виде деревянного чехла и на копья. Они делаются обыкновенно из камфарного дерева с расширенными чушками для нижней части эфеса, на вид довольно красивы, всегда отлично отполированы и нередко украшаются роговыми или костяными гайками, перехватками и наконечниками.

Едва мы вошли в мастерскую, по обыкновению вполне открытую с улицы, как туда тотчас же набежала толпа ротозеев и зевак, которые сразу стали вмешиваться в торг и давать свои советы, одни нам, другие хозяину-мастеру, так что сейчас же из них образовались как бы две партии: одна за нас, другая против; одна хвалит, другая хаит оружие и зовет нас в другие мастерские; одна убеждает хозяина уступить, другая уговаривает не спускать ни копейки и ругает его даже за то, что

дешево-де запросил, цену товару сбиваешь. Начинается спор, гвалт, руготня между собою, чуть не драка и во всяком случае большая помеха торгу. Хозяин совсем уже было продал нам два копья и два кинжала, но затем вдруг отказывается от денег, берет все вещи назад и, извиняясь, объявляет, что он раздумал, что это слишком дешево, так дешево, что ему даже совестно перед добрыми людьми, которые за это над ним смеются и простаком называют. Оставалось только плюнуть и уйти. Но когда он увидел, что мы не шутя ушли из его мастерской и готовы уехать, то сию же минуту бросился вслед за нами и уступил, ругая все тех же "добрых людей", которые-де только путают, сами не зная зачем и сбивают с толку честного человека. Очевидно, все это не более как очень наивные торгашеские хитрости и уловки, но они способны раздосадовать непривычного человека и во всяком случае совершенно бесполезно заставляют вас тратить свое время на лишние разговоры.

На обратном пути для утоления жажды захали в одну из овощных лавок и спросили себе кокосового молока. Нам дали на выбор

несколько молодых зеленых орехов и, про-
ткнув в одном из них глазок, нацедили из
него полный стакан совершенно прозрачной
и холодной воды, на вкус напоминающей
несколько коровье молоко с легким, но не
противным специфическим привкусом коко-
са. Питье это чрезвычайно освежает и надол-
го утоляет жажду.

Проехали в индийские торговые ряды, где
приютилось также большинство табачных и
меняльных лавок. В табачных на первом пла-
не фигурируют малайские черутты, а также и
местные маленькие сигары, затем тут же най-
дете вы разные сорта, так называемых турец-
ких и японских табаков (последние в велико-
лепной тончайшей крошке) и русские папи-
росы Лаферма, специально направляемые в
Индию под особенною бандеролью, на штем-
пеле которой изображен слон. Здесь же про-
дается и тертый нюхательный табак, употреб-
ляемый, впрочем, многими туземцами не для
нюханья, а для закладки под язык или за ще-
ку. В индийских лавках повсюду смесь това-
ров европейских с туземными, но манчестер-
ские ситцы и вообще английские ткани пре-

обладают над индийскими, которые, по словам здешних купцов, с каждым годом приходят все в больший и больший упадок, не выдерживая, как ручная работа, машинной английской конкуренции, и уже не далеко время, когда все эти туземные кисеи, гренадины, парчи и кашемиры отойдут в область преданий. В одной из таких лавок, где, между прочим, были выставлены разные токарные, резные и инкрустированные вещицы, я спросил продолговатую шкатулку для женских перчаток. Отвечают, что таких нет, все вышли, а вот не угодно ли туалетные шкатулки из черного и сандалового дерева. Нечего делать, пришлось купить туалетную, которая все равно предназначалась мною для подарка на далекой родине, и это действительно была великолепная вещица, вся в мельчайших инкрустациях, звездочками и точками, обложенная бордюрами из слоновой кости. Но лишь только мне ее завернули, как продавец вдруг вытащил из-за прилавка более дюжины именно таких перчаточных шкатулок, какие я спрашивал.

— Как же вы сказали, что у вас нет таких!?

— Это было маленькое недоразумение, — ответил продавец с извиняющеюся, но лукавой улыбкой. — Но не все ли равно? Так как вы купили уже туалетную, то что вам стоит докупить и перчаточную! Тем более, что это так хорошо и так дешево.

Это, видимо, была опять-таки торгашеская уловка, чтобы заставить вас купить побольше, и расчет купца на сей раз вполне оправдался: по слабосердечию к изящным вещам, я соблазнился и купил еще одну шкатулку.

Искали мы индийскую медно-чеканную посуду с инкрустациями и резьбой, но нигде не нашли, зато купили очень тонкие китайские циновки, как нельзя более удобные в качестве постельной подстилки, именно в тропических странах, где нагретые в течение знойного дня матрацы не остывают и к ночи, а эти циновки так мягки, нежны и так хорошо прохлаждают истомленное жарой тело.

Весь Сингапур, это в сущности громаднейший базар, за исключением загородных европейских бенглоу, здесь нет ни одного дома, где нижний этаж не был бы сплошь занят лавками. Но, кроме немногих европейских и

индийских купцов, вся торговля находится в руках пришлых китайцев. Малайцы почти совсем не занимаются ею: они земледельцы, рыбаки, чернорабочие и ремесленники, но и во всех этих отраслях труда китайские кули с каждым годом все более являются для них опасными конкурентами. Я уже говорил, что китайцев здесь около 200.000 душ, а оседлых европейцев, не считая войск, всего 500 человек!.. Тем не менее, вы видите тут и прекрасное шоссе, и газовое освещение, цепные мосты, широкие каналы, роскошные здания собора, гимназии, суда, театра, клуба, словом, полное благоустройство на европейскую ногу. Но не думайте, чтоб английскому карману стоило оно хоть одну копейку: все это устроено на податные средства местного населения. Каким прессом эти средства выжимаются, про то не спрашивайте, но факт налицо: ради собственного комфорта англичане умеют широко применить их к делу.

Возвращаясь с базара, заехали мы взглянуть на внутренность кафедрального собора, но нашли в нем только одну особенность, а именно панку, которая во время богослуже-

ния действует над рядами скамеек для поставления молящимся освежительной прохлады. Во всем своем внутреннем строе и в архитектурных украшениях храм этот представляет самое ординарное здание в англоготическом стиле. Ни по части резьбы, ни по части изваяний, ни в живописи, ни в цветных окнах, словом, ни в чем не дает он ничего такого, на чем особенно стоило бы остановить внимание: все это, пожалуй, хорошо, но хорошо каким-то самым бесцветным, заурядно шаблонным образом, как будто на все на это наложена печать самодовольно солидной посредственности: много комфорта, но ни капли вдохновения.

На лужайке перед собором, на самом солнцепеке устроена игра в теннис, на которую любители выходят в особых костюмах: телесного цвета фуфайки, белые панталоны и пунцовый шелковый пояс в виде шарфа, сплетенного мелкою сеткой, с длинными кистями. Для солдат же местного гарнизона игра эта является чем-то вроде обязательного занятия, так как выводят их на нее командами, в касках, и ведется она под надзором офицеров. В

то время как одни из солдат играют, товарищи их, отпущенные после занятий в город, прогуливаются тут же по аллее, в легких шотландских шапочках, с сигарами в зубах и с тросточкой в руке. Одеты они очень чисто, даже щеголевато: при встрече с офицерами отдадут им честь не без приятной грации, скорее как бы по знакомству, чем по долгу службы. По-видимому, они очень заняты собой, своим щегольским костюмом, вообще своею "партикулярностью", как говорят наши писари, и по манерам стараются держать себя вполне джентльменами, но при всем этом в них не достает чего-то военного — "косточки военной" нет, "жилки" военной не хватает. Не знаю, может быть, я и ошибаюсь, но по крайней мере таково было при взгляде на них мое первое впечатление, которое не изменилось и впоследствии.

Приезжаем в Лорн-отель, где неожиданно застаем нескольких пассажиров с "Нижнего Новгорода", возвращающихся из Приморской области и Уссурийского края в Россию. Познакомились, разумеется.

— Что нового? — спрашиваем.

— Да ничего, — отвечают. — Все благополучно. Это у вас надо спрашивать про новости-то. — Вы, так сказать, у источника.

— Да мы пока ничего еще не знаем.

— Ну, а мы и того менее.

— Однако, что же китайцы? На границе-то как?

— Да никак, по-старому. Перемены никакой не заметно.

— К войне готовятся?

— Кто это? Китайцы-то?.. Зачем? — Никакой войны не будет, вот посмотрите — все обойдется и так! Ни им, ни нам воевать там пока не сподручно, да и расчета нет. Или разве от скуки в Петербурге сочинят войну?

Так вот каково убеждение людей, едущих "с места". Они даже не верят в возможность войны между Россией и Китаем. "Все, мол, и так обойдется благополучно". Такая спокойная уверенность несколько разочаровала и охладила наши ожидания... Но что же, в результате все-таки окажется (по крайней мере для меня) очень интересная поездка в страны крайнего Востока.

В половине пятого часа пополудни, когда

жара уже несколько спала, нам привели заранее заказанное ландо, чтоб ехать в Ботанический сад, куда в обыкновенных извозничьих экипажах днем почему-то не пускают, а вечером можно. Так, по крайней мере, нам объявили нынче утром в Европейской гостинице, кстати предложив поэтому к нашим услугам свое ландо.

Дорога туда идет все время загородными садами, среди коих виднеются европейские бенглоу, китайские фанзы и маленькие хижины, выбегающие иногда и на самое шоссе, которое и в этом участке все также прекрасно содержится, всегда в меру полито и по вечерам освещается газовыми фонарями. Каменные мостики на нем, возведенные над дренажными трубами, отличаются весьма солидною постройкой, боковые канавы наполнены чистою прозрачною водой и, сообщаясь со множеством побочных арыков и с особыми цистернами (которые замечаете вы тут же, несколько в стороне), входят в состав целой оросительной сети, распространяющейся по всем прилежащим садам и плантациям. Вправо, из-за зелени, виднеется на неболь-

шой возвышенности обширный губернаторский дом с колоннами, бельведерами, широкими балконами, террасами и с многочисленными службами — целый дворец, необходимый "для внушительности" и поддержания английского "престижа" среди туземцев, на гроши которых он и выстроен. Живою изгородью садов служит здесь преимущественно грациозно-легкая, перистая мимоза, не терпящая никакого прикосновения даже дождя и ветра. Из-за кустов ее поднимаются ввысь тысячи всевозможных пальм, корнепусков и других тропических гигантов. В особенности хороши папоротники и веерные пальмы. Ветви последних образуют не шапку или метелку, как все другие виды пальм, а плоский, вертикально поставленный на верхушке ствола полудиск, походящий на распущенный обыкновенный веер. Нередко из-за изгородей свешиваются к дороге ветви разных фруктовых деревьев, обремененные зрелыми и поспевающими плодами. Так, вы видите тут орангпотаны, апельсины и мандарины, манту в виде громадных желтых слив, плоды благовонного пандана, похожие на сосновые

пишки, весом от четырех до восьми фунтов и напоминающие вкусом наши лесные орехи, смоковницы, баобабы, мангустаны... О бананах, кокосах и ареках уже не говорю, их тут массы. Но вот прекрасное дерево — это саговая пальма, кроны которой еще роскошнее, чем у кокосовой, и ствол очень массивен. Из сердцевины ее добывается саго, и в Сингапуре, говорят, более тридцати заводов заняты обработкой этого продукта. Вот перечные плантации, где растение это, напоминающее по виду обыкновенный плющ, подобно нашему хмелю, вокруг тычин, насаженных правильными рядами на грядках, вперемежку с бананами, которые нарочно разводят на перечных плантациях для доставления перечному вьюнку тени и влаги. Мускатные, гвоздичные, коричные и ванильные деревья также наполняют здешние сады вместе с гигантскими павловиями, аруакариями, эбенами, сандаловым деревом и гуттатубанами. Но всей этой роскоши растительного царства и не перечислишь!..

Путь к Ботаническому саду неблизок, и пока его проедешь, успеешь вдосталь налюбо-

ваться на тропическую фауну. Но, увы, вместо чистого воздуха вы все время вынуждены дышать противною гарью, распространяемую кизяком, который нарочно жгут в садах ради избавления от комаров и москитов. Здесь такое множество этих несносных воздушных кусак всевозможных родов и видов, что без кизяковой гари от них под вечер и житья бы не было. Поэтому из двух зол приходится выбирать меньшее и чуть не задыхаться от едкого дыма, который иногда, как туман, стелется пеленой по низинам садов, под деревьями.

О самом Ботаническом саде приходится сказать немного. Он очень обширен и славится тем, что соединяет в себе решительно всех представителей растительности тропической Азии и островов Ост-Индского и Японского архипелагов. Впрочем, как исключение или, скорее, как редкость встречаются в нем и несколько деревьев более умеренных и даже северных широт, как ель, кедр, лиственница и другие, за которыми здесь в особенности ухаживают — все равно как у нас за экзотическими растениями. Была, говорят, одно время

и наша береза, да не выдержала климата, зачахла. Сад разбит в английском вкусе, как парк, соединяя в себе обширные газоны с клумбами цветов и бордюрных растений и широкие луговины с отдельными купами различных кустарников и древесных рощ, перерезанные извилистыми дорожками и тенистыми аллеями для катанья верхом и в экипажах. Здесь эту прихотливо-роскошную тропическую флору английские ученые садоводы заставили сбросить с себя всю необузданность ее дикого роста и свободного развития, составляющих ее главную прелесть и художественную красоту в индийских лесах и джунглях, и педантически подчинили ее известному "режиму", кое-что подстригли, кое-где подчистили, там подрубили, тут пообкарнали и вообще заставили дикарку познакомиться с английскою, несколько щепетильною чистотой и наложенною опрятностью. Но и в этом виде, поставленная как бы "под ранжир", классифицированная по семействам, родам и видам и изображающая собою декорацию парка в английском вкусе, эта флора все же прелестна. Зато ботаник, который захотел бы

во всей подробности изучить растительность южной и островной Азии, найдет здесь сразу все, что ему нужно, и в этом, конечно, несомненная заслуга учредителей сада перед наукой. В саду находится и птичник с несколькими экземплярами редких и нарядных пернатых; но вообще для местной орнитологии в нем могло бы быть собрано гораздо больше интересных и разнообразных особей. Теперь же многие отделения птичника совсем пусты.

Гуляющей публики в саду было немного, и то более из проезжих иностранных гостей, в числе коих находилось и несколько русских дам с "Малаги" и "Нижнего Новгорода", а также и сиа́мский резидент со своими женами и свитой. Что же до местных жителей-европейцев, то в эту пору дня они почти совсем тут не гуляют; мы, по крайней мере, встретили только одно тильбюри с каким-то проглотившим аршин трехполенным джентльменом, который катал своего чернокожего, обезьяноподобного карлика-грума, да одно ландо, в недрах коего вмещалось целое английское семейство с представителями и представительницами трех, если не четырех поколе-

ний. Зато из туземной публики здесь прокатилось мимо нас несколько крупных китайских торговцев, видимо, щеголявших своими великолепными фаэтонами и колясками. Европейская публика собирается сюда гораздо позднее, уже после обеда, в девятом часу вечера, подышать вечернею прохладой при звуках военного оркестра. К этому времени и мы намерены возвратиться сюда, а пока спешим в Лорн-отель, где ожидают нас русские щи и прочие прелести отечественной кухни.

Пока до обеда расположились мы в Лорне на веранде, выходящей в уличный палисадник, и здесь я впервые познакомился с типом мелкого торгоша-китайца, который всю свою лавочку носит на ручном лотке да в заплечном коробе. Но чего-чего только нет у него в этой лавочке! Мне он совершенно напомнил тех юрких жидков-коробейников нашего западного края без знакомства с которыми не обойдется ни один проезжий, остановившийся на почтовой станции или в "заездном доме". Разница только та, что китайцы этого сорта не так назойливы, как жидки, и держат себя солиднее, с большим достоинством. Из

числа всякой всячины, выложенной перед нами китайцем на выбор, более всего обратила на себя внимание преоригинальная парюра, состоявшая из броши, серег и браслета. Первые три вещицы были сделаны из когтей, а последняя из целого ряда зубов тигра в золотой оправе тончайшей филигранной работы с легким эмалевым узором. Тут же были брелочки и медальоны тоже из тигровых когтей и еще одно кольцо из зубов акулы, которые, надо отдать им справедливость, по своей форме и по изумительно нежной белой эмали, не только красивы, но даже, можно сказать, изящны и, будучи соединены в одну общую цепь легкими золотыми звеньями, действительно составляют весьма недурное украшение. Но что за своеобразная, чисто китайская фантазия — употребить такие предметы для женских уборов! Впрочем, по объяснению торговца, они все имеют значение как талисманы, предохраняющие от опасных встреч с дурными людьми и хищными животными и придающие носящим их лицам лишнюю дозу храбрости.

Наконец раздалась в палисаднике зычные

удары в гонг, служащие в здешних гостиницах обычным призывом постояльцев и абонентов за table d'hote (к столу), и мы отправились по-вчерашнему в особую стоповую вместе с хозяевами Лорн-отеля. Ленивые щи и пироги с ливерною начинкой, и цыплята, и все прочее вышло просто на славу, точно мы и в самом деле благодужествовали за столом не в Сингапуре, а где-нибудь у себя на родине.

После обеда отправились мы в Сино-Малайский театр, где дает смешанные представления труппа, состоящая из китайских и малайских артистов. За вход с нас взяли по доллару — нельзя сказать, чтобы особенно дешево, но это во внимание к тому, что мы "европейские туристы", а туземная публика платит за место всего лишь по несколько центов. Театр находится внутри какого-то двора, куда надо пробираться узкими закоулочными проходами, по миновании коих вы прямо наталкиваетесь на китайский буфет с прохладительными и горячительными напитками фруктами, сладостями, жареными пирожками и совершенно европейскими "бутербродами" с ветчиной. Самый театр представляет собою

открытый сарай, без боковых стен, одна половина которого занята сценой, а другая местами для зрителей. Сцена устроена весьма своеобразно, с боковыми крыльями, в виде подковы, обращенной выемкой к публике. Кулис и боковых декораций не полагается, а в случае надобности, перед заднею стеной ставится небольшой экран, на котором намалевано, что требуется по ходу пьесы: дом, сад, лес, море, небо с облаками, геена огненная и тому подобное. Это и служит декорацией, по которой зрители знают, где происходит действие. На обеих концах задней стены находится по одной занавешенной двери, которые ведут в уборные. В эти двери обыкновенно входят и выходят во время представления действующие лица. Сцена и зрительная зала освещаются подвешенными к потолку и на столбах лампами без стеклянных колпаков, где горит кокосовое масло. Музыканты в числе пяти-шести человек помещаются вдоль задней стены, на сцене же, и в случае надобности, принимают со своими инструментами непосредственное участие в самом ходе пьесы, как актеры. Зрительная зала разделяется на три

отделения: первое помещается на возвышенной эстраде, находящейся против сцены, там, где у нас "места за креслами". Здесь наиболее дорогие места, предоставляемые "избранной" туземной публике. От этой эстрады вплоть до подножия сцены идет посредине узкий проход, разделяющий залу на две боковые половины, где с каждой стороны устроено по одной досчатой трибуне, которые уставлены рядами скамеек и спускаются наклонною плоскостью к сцене. Они соответствуют нашему партеру, причем левая сторона предоставляется мужчинам, а правая женщинам и детям. Наконец, последние места устроены снаружи театра параллельно боковым крыльям сценических подмостков, и здесь уже царство исключительно "серой", или самой "дешевой" публики, которая всегда принимает живейшее участие в ходе пьесы, громко выражая свое одобрение или порицание действующим лицам, но не как актерам, а именно как героям пьесы, заслужившим своими поступками ее симпатии или антипатии. В первом случае на сцену нередко летят апельсины и сласти, а в последнем — апельсиновые и дынные корки,

кожура бананов и мангустанов и шелуха орехов. Эта же публика зачастую вступает и в приватные разговоры с актерами, спрашивая у них пояснения тому или другому действию и подавая свои советы, как, по ее мнению, следовало бы поступить герою в том или другом случае. В узком проходе расхаживают время от времени продавцы свежей воды, сигар и фруктов, командируемые от буфета.

Костюмы и гримировка артистов очень эксцентричны: белила, кармин, сурик и сажа в большом ходу для разрисовки лица, равно как конопляная пакля и конский волос для бород, усов и париков. Нередко характер гримировки напоминает наших цирковых клоунов: загримированные чертями приставляют себе бычьи рога и хвосты и вымазывают все тело суриком или сажой, а добрых духов изображают набеленные и нарумяненные дети в голубых и белых балахончиках. Женские роли исполняются исключительно мужчинами, причем для жен-премьерок избираются обыкновенно красивые мальчики лет пятнадцати. Костюмы очень богаты и строятся из самых дорогих материй: атласа, затканного

пышными букетами и драконами, парчи и бархата, расшитого золотом и блестками. Характер костюмов либо национально-китайский, либо фантастический, в том роде, какой вы можете видеть на китайских же картинках, изображающих романические или боевые сцены и похождения их мифических полубогов и героев. Усиленная экспрессивность мимики, поз и движений обыкновенно бывает утрирована до того, что впадает в карикатуру, особенно в моменты трагических положений. Но это только на наш европейский взгляд: туземцы же восхищаются ими самым серьезным образом. При нас шла какая-то опера, сюжет которой, насколько можно было понять из самого действия, заключался в том, что молодой чужестранный принц влюблен в принцессу, в которую влюблен в то же время и злой колдун, препятствующий их браку с помощью темных сил ада. Но молодым влюбленным покровительствуют добрые гении, и когда злые духи, вызванные волшебником на сцену в количестве целой дюжины красных и черных чертей, выслушав его распоряжения, уже готовы начать всякие каверзы против

молодого принца, ангелы-хранители и покровители влюбленных появляются из другой двери и вступают с ними в спор, который вскоре принимает очень горячий характер. Черти с деревянными мечами и двурогими копьями, вроде наших ухватов, гурьбой кидаются на двух гениев-покровителей, которые в этот момент чертят в воздухе своими жезлами какой-то таинственный знак, — и на сцену выбегает дюжина малых ребят от шести до двенадцатилетнего возраста, имея в руках цветочные гирлянды и махалки из белого конского волоса, какие употребляются бонзами при буддийском богослужении. Ребята эти изображают роль добрых духов и окружают двух гениев-покровителей. Тогда рать становится против рати и начинается воинственный балет, изображающий битву злых духов с добрыми. Злые, в самых невозможных воинственно-патетических и фехтовальных позах, нападают со своими ухватами на добрых, а добрые отмахиваются от них махалками и хвостами цветочных гирлянд и, наконец, побеждают злых. Последние, кривляясь, якобы в корчах ужаса, бегут со сцены, провожаемые

ребятишками, которые лупят их по спине своими махалками и гирляндами. Итак, добродетель и любовь на первый раз торжествуют, и гении-покровители, утомленные борьбой, идут предаться сладкому сну. Но не дремлет изобретательность злого волшебника, который вызывает к себе на тайный совет главного начальника злых духов. У этого последнего одна сторона тела красная, другая черная, вместо волос длинная золотая грива, рога и когти тоже золотые и даже хвост позолочен. Волшебник задается мыслью отвлечь внимание гениев-хранителей от влюбленной четы, дабы тем легче похитить влюбленного принца и овладеть принцессой. Для этого на совете с главным начальником чертей решено наслать на всю страну всяческие напасти, борьба с которыми всецело заняла бы гениев-покровителей, и в виду необходимости спасти человечество от общего бедствия, заставила бы их отвлечь хотя временно свое внимание от личных судеб влюбленной пары. С этой целью златогривый дьявол посылает на землю, во-первых, ужасную грозу. Перед задней стеной ставят экран, изображающий небо с клу-

бьшимися тучами и молниями. При этом рать чертей опять выбегает на сцену и поднимает ужаснейшую возню: они бегают, как ошалелые, вертятся, кривляются, кувыркаются, барахтаются между собою и вообще производят в некотором роде кавардак во вселенной. Чтоб изобразить грозу, поднимается ужаснейший шум и треск. Одни из чертей колотят, что есть мочи в гонги, там-тамы, барабаны, бьют доской о доску, трещат в трещотки и потрясают жестяными листами, а другие производят сандаракowym порошком[60] огненные вспышки. Это значит гром и молния. Гроза зажигает ужаснейший пожар. Для этого на сцену вносят бумажные домики и подпаливают их сандараковой вспышкой. Зрители должны понимать, что это горит столичный город и дворец, где живет принцесса со своим возлюбленным. Второе бедствие заключается в наводнении и извержении огнедышащей горы. На сцену вносят два экрана: на одном волнующееся море, на другом вулкан. Для усиления впечатления, один из дьяволов становится позади последнего экрана и поджигает шипучий фейерверочный фонтан:

тысячи искр сыплются на сцену, а черти, взявшись за руки, начинают дрожать и подпрыгивать. Это значит землетрясение. Пока одна половина чертей производит все сии действия, другая спешит переодеться за сценой в костюмы обыкновенных обывателей и появляется вновь уже в роли мирных граждан, разоренных и удрученных всеми случившимися злоключениями. Мирные граждане с жестами горя и отчаяния взывают к небу о помощи, и вот на сцену выходят гении-хранители с сонмом добрых духов и начинают врачевать раны и горести страждущего человечества: одним дают деньги, другим подносят плоды, третьих снабжают одеждой. Для меня осталось только не совсем ясно — точно ли это добрые обыватели, действительные представители страждущего человечества или же черти, притворившиеся таковыми с тем, чтобы лучше надуть благодетельных гениев. Во всяком случае, эти последние так увлеклись своим добрым делом, что и не замечают, как на сцене появляется влюбленная чета. Принц и принцесса изнемогают от страданий и усталости и засыпают на конце правого

крыла сцены, в то время как добрые гении рассыпают свои благодеяния на левом. Пользуясь этим, злой волшебник с златогривым дьяволом тишком-молчком прокрадываются к спящей чете и похищают сперва сонного принца, которого дьявол утаскивает, вероятно, в преисподнюю; затем они возвращаются за принцессой и уже берут ее сонную к себе на руки, как вдруг добрые гении, кстати уже успевшие удовлетворить человечество, заметили этот маневр волшебника и злого духа. Они повелительно заграждают им путь и вступают в борьбу за спящую принцессу. Опять появляется рать злых духов, и зрители наслаждаются новым воинственным балетом. Один из гениев-хранителей вступает в единоборство со златогривым дьяволом. В руках у обоих длинные китайские бердыши, какие вы опять-таки можете видеть на героических китайских картинках. Каждый противник держится за свой бердыш обеими руками как за балансир и принимает с ним разные позы. Начинается танец с фехтованием, изображающий поединок. Конеч, разумеется, тот, что добрый гений побеждает злого и допы-

тывается у него, куда он девал несчастного принца. Между тем злополучная принцесса в отчаянии, что у нее пропал возлюбленный, и не знает, что ей делать. Добрые гении утешают ее и сообщают, что принц ее жив и здоров, но что злой дух запрятал его в какую-то отдаленную страну, куда принцесса должна отправиться за ним на поиски, если желает получить его обратно. Принцесса, конечно, желает и немедленно снаряжается в путь: с нею отправляется и ее наперсница, отыскавшая наконец свою госпожу после всех погромов, произведенных во вселенной злыми духами. На сцену вносят экран, изображающий реку с цветущими берегами и китайскими лодками, а посреди авансцены ставят один за другим два стула: тот, что впереди — с обыкновенною, а задний — с высокою спинкой, к которой привязано весло. Это значит лодка. Кормщик, наставляемый добрыми духами, взбирается на задний стул, садится на его спинку и начинает юлить веслом. Принцесса поместилась на переднем стуле, а наперсница у ее ног. Один из музыкантов подходит и подает наперснице четырехструнную плоскокруглую

мандолину, звуками которой она должна развлекать тоскующую принцессу. Итак, напутствуемые добрыми гениями странники пускаются в продолжительное плавание, в течение коего кормщик на заднем стуле без усталости юлит своим веслом, изображая греблю. Плавание действительно выходит чересчур уже продолжительным, так что мы даже соскучились, слушая, как грустящая принцесса поет бесконечную песню под тихий аккомпанемент мандолины и других струнных инструментов. Гонги и там-тамы в этом аккомпанементе, к счастью, не участвуют, и это обстоятельство в соединении с продолжительностью пения помогло мне не только уловить, но и запомнить мотив арии принцессы. Без сомнения, вы удивитесь, когда я скажу вам, что он очень напоминает известную русскую песню: "Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской по дороженьке". Если вы первые два колена этой песни споете вместо мажорного в минорном тоне, а последние два будете петь совершенно так же, как они поются в нашей песне, то это будет вполне точное воспроизведение китайской арии. Молодой ак-

тер, изображавший принцессу, довольно удачно подделывал свой высокий фальцет под женский голос, и, слушая его, я долго не мог понять, почему в его арии чудится мне что-то знакомое, но что именно — этого я сначала, несмотря на все усилия, никак не мог вспомнить. Да и мудрено, в самом деле, чтобы такое странное сочетание, как китайская ария и подмосковная русская песня могло сразу прийти в голову да еще где — в Сингапуре! Наконец я вспомнил, и, не доверяя самому себе, стал вслушиваться: точно ли это так, не ошибаюсь ли я? Но нет, сходство мотива несомненное. Да и не одному мне оно так показалось: когда я спросил моих сотоварищей, не напоминает ли им этот напев нашу "Вдоль по Питерской", то они согласились, что действительно напоминает. Отмечаю это в виде курьеза.

Чем, однако, кончились похождения прекрасной принцессы, я не знаю, потому что отвратительный запах китайского табака, несмотря на все наше долготерпение, выкурил нас наконец из театра.

Китайцы курят в театре почти все, и даже

некоторые женщины, употребляя отчасти манильские и сингапурские сигары, а в большинстве — трубку и карманный кальян; но беда в том, что курят они свой местный, очень грубый табак, да еще вдобавок сдобренный бараньим салом (свечным) и опийным раствором. Можете себе представить, каков аромат из этого выходит!

Был уже десятый час вечера, стало быть, как раз пора в Ботанический сад, чтобы взглянуть на высший свет сингапурского общества.

Поехали мы в двух экипажах, причем я сел в последний вместе с А. П. Новосильским. Малаец-извозчик вскоре отстал от передового экипажа и, должно быть, мы не вразумительно ему втолковали, куда ехать, только он завез нас совсем не в то место, куда следовало. Разговаривая, мы и не заметили, как очутились где-то за городом, в болотистой низине, у цилиндрических резервуаров газового завода, где болотные испарения сразу охватили нас прелюю сыростью. Во избежание лихорадки оставалось только поскорее выбраться отсюда, и к счастью возница наш, на сей раз со-

вершено ясно поняв моего спутника, благополучно доставил нас спустя около получаса к Ботаническому саду.

Здесь уже все общество было в сборе. Среди обширной бархатистой лужайки на зеленом пригорке расположился у пюпитров круг музыкантов военного оркестра. У подножия пригорка, на круговой дорожке столпились собственные экипажи, исключительно ландо и коляски, в которых сидели нарядные дамы и солидные джентльмены — мужья и дядюшки. Извозчичьи каретки, остановившиеся поодаль, были распряжены, и их кургузые пони преспокойно паслись себе на лужайке, тогда как возницы, усевшись за каретками на корточки в свой особый кружок, с увлечением предавались игре в чет-нечет на китайские чохы. Кроме этих извозчиков, никого из туземной "серой" публики сюда не пускают, так как англичане вообще не любят мешаться где бы то ни было с туземцами, даже с людьми высших каст и европейски образованными; да и извозчики-то проникают сюда только потому, что наняты на вечер англичанами. Впрочем, чета толстых сиамцев и три-четыре

китайских купца присутствовали тут в собственных колясках.

"Чистая", то есть европейская, публика прогуливалась пешком по кругу впереди "собственных" экипажей. Тут были почти исключительно одни мужчины, если не считать проезжих россиянок, француженок и голландок. Англичанки же восседали только в экипажах, и в то время как проезжие дамы гуляли в обыкновенных сереньких костюмах, эти были положительно *en pleine toilette*, в легких гренадиновых, батистовых и кисейных платьях белых и бледных цветов, с кружевами, *manches courtes*, с букетами на груди и в руках, едва прикрытые воздушными шляпками. Сообразно климату, здешние дамы и днем носят хотя и самые легкие туалеты, но всегда с *col montant* и длинными рукавами, через которые, однако, достаточно сквозят их плечи и руки; к обеду же они переодеваются, причем декольте и короткие рукава считаются как бы обязательными, и в этом последнем туалете остаются уже на весь вечер и едут на прогулку, захватив с собою в экипаж, на случай сырости, кашемировую шаль или какую-нибудь

более существенную накидку. Бедные женщины! Представьте себе, что среди постоянных обитательниц Сингапура, которых видели мы в течение нынешнего дня, не встретил я ни одного свежего, здорового лица! И не только женщины европейские, но даже дети их поражают вас своим болезненным видом.

Это все какие-то вялые, малокровные, испитые лица с желтизной и зеленоватым оттенком, костлявые плечи, спичкообразные фигурки, словом, то, что у нас весьма метко называется "дохленькими". Причина этому, конечно, климат, к которому, за весьма редкими исключениями, не могут привыкнуть северные женщины, а тут еще эта болотисто-низменная, лихорадочная местность.

Приятное исключение из общего правила на сей раз составила только наружность супруги голландского консула: но и то потому, что эта особа еще недавно поселилась в Сингапуре. И тем жальче становится, глядя на нее, когда подумаешь, что не далее как через год и эту свежую, цветущую здоровьем и молодостью женщину, по всей вероятности, ожидает общая участь здешних европейцев.

Только женщины, родившиеся от европейских родителей в самом Сингапуре и в нем выросшие, уже не так подвержены влиянию климата, а иные даже и совсем хорошо его переносят. Вполне же нечувствителен он только для туземок и метисок.

Мужская публика, гулявшая по кругу пешком, имела смешанный характер: тут были и фраки с белыми галстуками, и черные редингтоны, и белые фланелевые жакеты, и совсем уже демократические пиджаки. По всем этим костюмам вы могли бы почти безошибочно определить, к какому слою общества принадлежат их обладатели, от "сливок" и до "подонок". Тут были и более крупные чиновники администрации, и крупные негоцианты, и консулы со своими секретарями, и офицеры местного гарнизона, гулявшие в расстегнутых форменных куртках из красного сукна с золотыми галунами и в красных же шапочках без оружия. Это все "сливки". Затем идет "молоко" в виде разных комми, конторщиков, техников, мелких чиновников, клерков, лоцманов, каптейнов и тому подобного люда, и наконец пиджачные "подонки", изоб-

ражаемые разными отдельными комиссионерами, вольными матросами, маклерами, лакеями без места, поварами, отставными солдатами, навсегда оставшимися в Сингапуре, и теми неопределенными личностями, которые чаще всего встречаете вы около кабачков и гостиниц. Но надо отдать справедливость, все это было в высшей степени чинно и даже чопорно, хотя легкий послеобеденный букет бренди, шерри и портвейн на заметно носился в воздухе. Англичане, как известно, ни под какими широтами не изменяют своим островным привычкам, благодаря чему и мрут в значительной пропорции, как мухи. Но это их не удерживает. "Сливки" держались совершенно отдельно, не смешиваясь с плебсом, и по большей части оставались около экипажей, любезно беседуя с дамами. Все гулянье это происходило при ярком лунном освещении. Музыканты, в красных мундирах и черных обтяжных брюках, играли почти исключительно пьесы английского репертуара, причем некоторые были весьма серьезного характера, а другие сопровождались частью и хоровым пением. Как особенность этого ор-

кестра можно отметить, что в числе его инструментов (медных и духовых деревянных) находился и контрабас, но почему только один контрабас, этого я уж не знаю. Оркестр этот, говорят, играет здесь три раза в неделю с девяти часов вечера до одиннадцати.

На обратном пути заехали мы с А. П. Новосильским в один из знакомых ему индийских магазинов, где давеча был им заказан шелковый гамак (сетчатая койка), который обещали ему приготовить к вечеру. Хозяин, почтенного вида седобородый индус, встретил нас очень любезно и, извинившись, что гамак еще не принесли из мастерской, просил подождать, пока за ним сбегают, и пригласил нас в особую заднюю комнату при магазине, служащую ему кабинетом и интимною приемной. Радушно пожимая обоим руки, усадил нас на буковые кресла и принялся подчивать холодным лимонадом с кальяном и манильскими сигарами. Здешние индусские и китайские купцы все более или менее знают английский язык, а этот владел им совершенно свободно, и потому у него с Андреем Павловичем, как со старым знакомым, завязалась

очень оживленная беседа, принявшая вскоре, как показалось мне, тон какой-то таинственности, по крайней мере, хозяин стал говорить тише, чем вполголоса, но очень выразительно, как бы стараясь убедить в чем-то своего собеседника. Но так как я по-английски не говорю, то мне гораздо интереснее была моя сигара, на белом пепле которой я и сосредоточил пока свое внимание. Минут через двадцать из магазина пришли сказать, что гамак принесен, и мы расстались с радушным хозяином.

— Бывают же чудачки на белом свете! Вы знаете, о чем он говорил мне? — с улыбкой обратился ко мне Андрей Павлович, когда мы поехали далее. — Представьте себе, ни более, ни менее, как об ожидании пришествия русских!

— Куда это? — спросил я.

— Да все сюда же, в Индию! Началось с того, что спрашивает он меня: правда ли, что мы сосредоточиваем во Владивостоке очень сильную эскадру, как пишут в ихних газетах. Я говорю: правда. "Ну, и неужели же, — говорит, — это вы в самом деле против китай-

цев?" Да, говорю, на всякий случай. "Полноте, из-за чего вам воевать с Китаем? Китайцы вам не враги, у вас здесь есть враги гораздо посерьезнее, и мы все убеждены, что вы готовитесь против Китая только так, для виду, а в сущности совсем для другого". Я ему ответил, что виды правительства мне неизвестны, и что коли прикажут, то будем драться против кого бы то ни было. "Ну, вот это так! Это другое дело!.. Но во всяком случае, — говорит, — будет ли у вас война теперь или впоследствии, а только, по нашему мнению, вам не мешало бы постоянно держать во Владивостоке сильную эскадру". То есть для чего же? — спрашиваю его. "А для решения Восточного вопроса". Признаюсь вам, это неожиданное упоминание Восточного вопроса порядком-таки меня озадачило. Смотри, пожалуй, политик какой выискался! Но все же, думаю, интересно знать, как он это понимает, и спрашиваю: где же мы тут решать его будем? "А здесь, — говорит, — в Сингапуре". Вот-те и раз!.. Я на него даже глаза выпучил. А он мне: "Не изумляйтесь, — говорит, — была бы охота, а дело вполне возможное, — и стал

развивать свою мысль. — Представьте себе, — говорит, — что у вас во Владивостоке сильная эскадра и пять-шесть тысяч десантного войска. Пять, шесть или сколько бы там ни понадобилось, больших транспортных пароходов вы всегда можете, в случае надобности, нанять в Сан-Франциско или в Японии. От Владивостока до Сингапура только тринадцать дней пути. В самом начале войны, под прикрытием своей эскадры, вы бросаете эти пять-шесть тысяч десантных войск в Сингапур, ничем, в сущности, не защищенный. Места для высадок тут есть и очень удобные, мы их знаем. План, конечно, смелый, но не невозможный. А затем что? Англичане, конечно, из кожи вон вылезут, но постараются собрать двадцать, тридцать тысяч сухопутного войска, чтобы, в свою очередь, форсировать высадку на Сингапур. Очень возможно, что это им удастся, и они ваш отряд сбросят в море, возьмем наихудшую случайность. Но, во всяком разе, пока-то это еще случится, пройдет по меньшей мере три-четыре месяца, в которые англичане будут собирать свой 20–30 тысячный корпус (в Англии ведь это не так лег-

ко делается), да пока-то они перевезут его к Сингапуру, пройдет и еще месяца полтора-два, а всего, стало быть, от пяти до шести месяцев. Но ведь вы в это время, занимая Сингапур, окончательно зарежете всю транспортную английскую торговлю. Ведь Сингапур, это центральный узел всех морских торговых путей между Европой, Африкой и Индией, с одной стороны, и Западною Америкой, Австралией и крайним Востоком, с другой стороны, и мимо этого узла не пройдешь. Ведь ни один английский "купец" не выйдет в море: английский товар будет подорван на одном лишь высоком фрахте да на страховой премии, а главное, что за это время все фрахты из английских рук перейдут в руки германского, французского и других торговых флотов, да и китайцы с японцами кое-чем попользуются. А раз торговля нашла себе новый транспорт, она не вернется к старому. За примером недалеко ходить: та же Северная Америка. Вспомните, чем был ее коммерческий флот до междоусобной войны и что он теперь! Да, удар на Сингапур есть удар прямо в сердце, и мы думаем, что вы одни только в со-

стоянии когда-нибудь нанести его. Но для этого надо быть сильными во Владивостоке". Что вы на это скажете?

— Вы меня это спрашиваете? — отозвался я на вопрос Новосильского.

— Да хоть и вас, пожалуй.

— Что ж, скажу, что это очень смелая и, пожалуй, игривая индийская фантазия.

— Фантазия, да. Конечно, фантазия. Но я и не беру ее с серьезной стороны как проект стратегический. Для меня тут всего интереснее видеть, какого рода "фантазии" разыгрываются в голове их индусов и в каком направлении. И знаете ли, что я скажу вам, — прибавил Андрей Павлович, — не в первый раз уже приходится мне плавать в этих водах и сталкиваться с этим народом. С этим купцом, например, мы ведь старые приятели, да и других таких же есть у меня по разным портам немало. Ну, так вот что: во всех них живет какая-то странная, непонятная для меня вера в то, что спасение придет к ним с Севера. Откуда и когда она возникла, где ее начало и как она распространилась по лицу всей Азии, это для меня необъяснимая загадка. Но факт тот,

что вера в какого-то полумифического "Белого Царя", который должен прийти с севера с "русским народом" и возвестить им спасение, эта вера, это чаяние у них доходит до своего рода мессианизма. В нем есть нечто стихийное... И мы сами не подозреваем даже, насколько сильны мы нравственно в Индии этой стихийною верой в нас ее народов! Вот с какой стороны важна для меня "фантазия" моего сингапурского приятеля.

Во втором часу ночи возвратились мы на "Пей-Хо", где только к тому времени прачка-малаец привез наше белье. Утомленный всеми впечатлениями дня, я с наслаждением бросился в свою койку, но несносная работа паровой лебедки, принимавшей в трюм товарные грузы с портовых шаланд, до самого рассвета не давала уснуть спокойно.

От Сингапура до Сайгона

Уход из Сингапура. — Маяк на камне. — Южное Желтое море. — Жара. — Новая картина заката. — Знойная ночь. — Покойник на судне. — Еще один закат. — Мыс святого Иакова. — Устья Меконга. — Прибрежные поселения. — Характер берегов. — Джунгли и виды местной растительности. — Рукав Фок-Бинг-Конг. — Типы аннамских судов. — Извилистость реки. — Серые буйволы. — Хижины на деревьях и сваях. — Рисовые поля. — Луга и рощи — Административные сампанги. — Цвет воды и разный сор Меконга. — Птицы. — Сходство Меконга с нижним Дунаем. — Первое впечатление, производимое видом Сайгона. — Капризная пушка. — Приход в Сайгон.

10-го августа.

В семь часов утра приняли лоцмана и вышли из Сингапурского порта. Над зелеными водами рейда еще носился легкими слоями серебристый туман, в котором, как сквозь вуаль, вырисовывались стоящие на якоре су-

да и между ними наши военные: "Забияка" и "Африка".

Плоские берега обрамлены пальмовыми лесами, по большей части полого-конического профиля. Лоцман вывел нас за урочную черту, получил свой гонорар и, сделав на прощанье характерно-английское приветствие капитану, спустился в свою паровую шлюпку, которая все время шла у нашего борта на буксире.

Прощай, Сингапур!..

Берега стали как бы расступаться и отдаляться от нас все более и более, открывая морю большой простор. Остров Бинтанг остался наконец далеко позади, и только слева в нескольких милях от нас тянулся еще в голубовато-серебристой дымке берег Малакки, усеянный рифами.

Вот проходим мимо высокой белой колонны маяка, одиноко брошенной среди открытого моря на маленьком камне, окружность коего едва ли превышает 12–15 метров. Это значит, что отошли от Сингапура уже 32 мили. Но, Боже мой, какова должна быть скука жить на таком маяке, вдали от всего живого,

на убийственном и вечном солнцепеке, никогда не видя ни малейшей зелени, так как тут на совершенно голом камне не растет ни травинки, — жить среди бесконечного шума и плеска волн, разбивающихся о крошечную скалу, где даже и прогуляться-то негде, потому что основание маяка занимает как раз всю ее поверхность, едва лишь на несколько футов приподнятую над водным уровнем. А ведь живут же люди!

Итак, мы вступили в Южное Желтое море, пользуясь у моряков наравне с Восточным и Северным Желтыми морями весьма дурною репутацией, благодаря своим рифам, пиратам и тайфунам [61], в которых нередко погибают суда целыми сотнями. Но сегодня оно к нам милостиво, если только это не предательская ласка, и встречает нас полнейшим штилем. Водная гладь, как растопленное стекло и неподвижно горит под вертикальными лучами солнца нестерпимым блеском, так что больно глядеть на нее: глаза режет и выступают слезы. Движение нашего судна как бы выдавливает эту стеклистую массу, гладкую поверхность которой слегка бороз-

дят порой стаи маленьких летучих рыбок, выпархивающих из-под киля на воздух и снопами разлетающихся в стороны.

Но и жара же сегодня! Даже Красное море напоминает... В половине шестого часа дня, то есть за полчаса до заката, Реомюр показывает 38 градусов на солнце.

Зато закат сегодня дивный! Горизонт на западе горит в тяжелых густо-лиловых тучах, из которых поминутно сверкают зигзаги молний, а из-за этих туч по ясному небу раскинулись радиусами до самого зенита снопы розовых лучей и от них вся поверхность моря приняла перламутровый отсвет.

Мы жадно ожидали ночи, надеясь, что она принесет нам хотя сколько-нибудь прохлады, но увы! Даже и к десяти часам вечера воздух еще не остыл, и было в нем что-то гнетущее. Жара продолжалась и позднею ночью. От раскаленных за целый день бортов и переборок в каютах установилась такая духота, что, несмотря на открытые иллюминаторы, почти нечем было дышать.

Нет, эти тропические жары, пожалуй, будут похуже наших северных морозов!..

11-го августа.

С восходом солнца мы находились уже почти на половине пути между Сингапуром и Кохинхиной[62], курс NNO. В десять часов утра Реомюр показывал 26 градусов в тени под двойным тентом. Ужасная жара, и ни малейшего дуновения в раскаленном воздухе. Чувствую, как мне трудно работать, даже записывая в дневник мои краткие заметки. Не только что каждое значительное физическое движение становится в тягость, тяжело даже водить карандашом по бумаге, тяжело сосредоточивать свои мысли на каком-нибудь определенном предмете. Чтобы писать и думать, надо делать над собою большое усилие, да и то работа подвигается медленно, черепашим шагом, со значительными и частыми перерывами: угнетенный мозг и тело, изнеможенное жарой, требуют беспрестанного отдыха.

Начиная с третьего часа ночи, на верхней палубе, где-то там, на носу, стала вдруг завывать матросская судовая собака. Протяжный вой ее длился всю ночь, да и теперь продолжается, как ни цыкают на нее матросы.

Проснувшись, поднимаемся на верхнюю палубу и видим приспущенный флаг на корме и накрест потопленные реи — знак траура. Узнаем печальную новость, что у нас на судне покойник. В третьем часу ночи скончался от последствий солнечного удара один из пассажиров, молодой хромоногий шотландец, только что сдавший в Англии экзамен на степень доктора медицины и ехавший в Гонконг на службу врачом тамошнего гарнизона. Еще не далее как третьего дня утром мы его видели в Сингапуре совершенно здоровым и веселым, и вдруг... Что за причина? Отчего это с ним случилось? Один из его спутников, англичанин, рассказывает, что в Сингапуре покойный встретился с каким-то своим приятелем, который пригласил его позавтракать вместе в "Европейской гостинице"; за завтраком они выпили по бутылке шампанского, только и всего, а затем отправились осматривать город в два часа дня, то есть в самое неудобное для подобных экскурсий время, когда действие солнечных лучей достигает своего максимума. Вечером шотландец возвратился на "Пей-Хо" со страшною головою бо-

лью, продолжавшиеся у него и весь вчерашний день с такою силой, что он не мог поднять с подушки голову и поневоле должен был целый день вылежать в убийственно душной каюте, а сегодня в ночь и Богу душу отдал, бедняга. По словам судового врача, почти ни один рейс не приходится без того, чтобы на судне не оказалось одной или двух жертв солнечного удара, и все больше в этих проклятых Красном и Желтом морях! Этот климат не прощает новичку ни малейшей неосторожности.

Труп вынесен теперь в одну из запасных кают, где двое матросов "обшивают" его в последнее странствие... В присутствии судового начальства и соотечественников почившего составлен врачом акт о смерти, а комиссаром — инвентарь его наличного имущества, которое опечатано и положено на хранение в трюм до сдачи английскому консульству в Сайгоне. По исполнении этих необходимых формальностей труп, зашитый в холщовый мешок с привязанной к ногам трехпудовою балластиной, положили на решетчатый трап вместо носилок и покрыли английским наци-

ональным флагом, а затем поднесли к открытому люку с левого борта, где один из англичан прочитал над ним по книжке несколько молитв. В машинное отделение была между тем подана команда остановить ход, после чего четверо матросов подняли трап, выдвинув конец его за борт, и едва лейтенант успел сдернуть с покойного флаг, как внутренний конец трапа поднялся кверху, а вслед затем в море раздался плеск упавшего тела. Мгновение, и все было кончено... В машину тотчас же дан сигнал полного хода, кормовой флаг поднят на обычное место, реи поставлены прямо, и "Пей-Хо", как ни в чем не бывало, пошел себе далее.. — Осталось только на некоторое время общее грустное настроение и раздумье среди пассажиров.

И в самом деле, как мало нужно здесь, чтоб это страшное солнце убило совершенно здорового и сильного человека!.. Мне еще в первый раз в жизни пришлось быть свидетелем "морских похорон" во всей их суровой, но трогательной простоте, и на меня они произвели более грустное впечатление, чем какие бы то ни было похороны "сухопутные", если будет

позволено употребить такое выражение.

В три часа дня небо заволокло тучами и подул легкий северозападный ветерок, а вскоре затем и небольшой дождик прыснул. Слава Богу, хоть чуточку освежило, есть чем дышать! А то эту ночь от недостатка воздуха я чуть было не задохся, проснувшись в четвертом часу ночи со страшною тяжестью в груди, шумом в ушах и головною болью, так что должен был на целый час высунуться в открытый иллюминатор, чтобы хоть сколько-нибудь отдышаться.

Дождик скоро прошел, но северо-западный ветер, к счастью, остался.

Закат опять великолепен и все-таки являет собою новую совершенно оригинальную картину. На этот раз из-за громады облаков, которые в тропических странах всегда массивны, самого солнца не видно. Облака первого плана носят иссера-лиловатую окраску, а дальнейшие, задние — совсем лиловую, и из-за них полнеба объято золотисто-розовым заревом. Рефлекс на воде — лиловый, местами с зеленым отливом, вроде того, как бывает на шелковых "материях changeantes". Минут два-

дцать спустя, все эти тоны стусились, тучи на западе приняли еще более темный лилово-серый оттенок, и сквозь них только в трех-четыре местах, как бы в маленькие дырья на громадной завесе, просвечивал огненно-багровый отсвет садящегося солнца. Хорошо, если этот багровый свет не предвещает нам тайфуна... Капитан что-то с беспокойством поглядывает то на закат, то на барометр и все как бы нюхает воздух.

12-го августа.

Ночь, однако же, прошла спокойно.

В восемь часов утра подошли к мысу святого Иакова (по-английски Муи-Вунг-тау), на левой оконечности устья Меконга. Мыс этот представляет холм около 480 футов высоты, поросший травой и кустарником, где на самой вершине устроен маяк, огонь которого бывает обыкновенно видим за 28 миль от берега. При маяке находится просторный дом колониального типа с небольшою вышкою, где помещается фонарь с рефлекторами и с семафорною мачтой, а впереди поставлена сигнальная пушка. Холмистый кряжик, на конце которого стоит маяк, тянется на протя-

жении около версты вверх по устью, до деревеньки Вунг-тау, где из прелестной рощицы выглядывают два-три европейских домика под черепичными кровлями, а выше, по ту сторону деревни — французская земляная батарея.

Вскоре к борту "Пей-Хо" пристал форменный катер с аннамскими гребцами, под флагом "Messageries Maritimes" и высадил к нам агента общества, лоцмана и двух чиновников таможенной и санитарной службы, в какой-то полуфранцузской, полуанглийской форме. Они прошли в капитанскую рубку для осмотра судовых бумаг, после чего, спустя несколько минут, "Пей-Хо" получил разрешение тронуться далее.

Входим в устье Меконга. Оно покрыто лагунами, между которыми извивается бесчисленное множество рукавов и протоков, и занимает несколько десятков миль в ширину, вроде нашей Волги. Нам предстоит подняться вверх по левому руслу, которое на местном языке называется Фоук-Бинг-Конг (конг или кианг значит река). При входе оно имеет до двенадцати миль ширины, но потом

суживается до пяти миль. Правый берег его (от нас глядя — левый) представляет низменность, покрытую кустарником и предшествующую большими отмелями, по которым ходят буруны, а налево тянется ряд кудряво-зеленых холмов, перемежающихся низменными лощинками и небольшими равнинами, где в изобилии растут разнообразные кустарники и роскошные пальмы.

Лишь только вступили в устье, вода сейчас же стала мутно-желтою, как бы глинистою, а на отмелях, едва прикрытых ею, она принимает охристо-красноватый отсвет. Со всех сторон видны рыболовные забойки, к которым иногда пристают парусные лодки, чтобы забрать там свою добычу, наловившуюся на рассвете. Вот и рыбачьи деревушки видны, пройдя около пяти миль вверх по устью: одна вправо от нас, на мыске под холмом, другая несколько выше, влево, на низменности. Последняя называется Канджэ; при ней находится бухточка, наполненная джонками и сампангами, и рядом маленькое укрепление, назначение коего, равно как и предыдущей батареи, обстрел устья Меконга, как первого

доступа к Сайгону.

Против Канджэ разом обрывается цепь отдельных холмов, отошедших от левого берега реки в глубь материка миль на десять, и оба берега становятся теперь низменно-плоскими, с совершенно одинаковым характером растительности: и тот и другой сплошь покрыты мелким кустарником со значительно обнаженными корнями вследствие того, что грунт под ними постоянно подмывается. Издали на вид эти кусты похожи на наш ольшаник и представляют огромные заросли, над которыми лишь изредка выделяются кое-где верхушки низкорослых деревьев — тоже что-то вроде ольхи или осины, насколько можно судить опять-таки издали и на глаз. Впоследствии, когда в одном из самых узких мест реки мы подошли к берегу сажен на десять, то оказалось, что между зарослями этого, скажем, ольшаника спорадически произрастают и чисто тропические виды, как перистые кустовидные пальмы, кокосники, юкки и драцены, ротанг и папортники, бамбук и нечто похожее по листьям на олеандр, но все это отличается своею низкорослостью и, так сказать,

тундристым характером: ни одно из пальмовидных не достигает развития полного дерева, а прозябает кустарником. Вся эта растительность на болотистой почве, это здешние джунгли, излюбленные места тигров и кайманов, которых, впрочем, мы не видели ни одного, хотя за убылью воды и пришлось простоять тут на месте более двух часов в ожидании, пока морской прилив не повысит на несколько футов речной уровень.

В дальнейший путь тронулись только за полчаса до полудня, держа курс на Фуок-Бингу на речной маяк, устроенный на оснащенной мачте старого мореходного судна, над которым натянут сплошной белый тент в виде крыши.

За маяком, приняв в себя устье широкого протока Сонг-Виамчу, река суживается до 360 сажен, но фарватер ее все еще стеснен частыми мельями и перекатами, благодаря чему пароход может пробираться между ними только с большою осторожностью, самым малым ходом. Местами берега прорезываются устьями протоков речек, ручейков, дренажных и оросительных канав, от нескольких сажен до

двух аршин шириной.

У берегов иногда попадались нам жилые лодки обыкновенного китайского типа с шалашами в виде полукруглых или двускатных циновочных кровель, называемые сампангами. На корме у них курятся костерки, женщины варят обед, а их голые ребятишки собирают по берегу валежник; мужчины же сидят на носу или под навесом и беспечно покуривают свои крошечные трубочки. Все это полуголое, темно-коричневое плавучее население занимается, по-видимому, дровосечным и углеобжигательным промыслом: около таких сампангов на берегу постоянно видны были жиденькие дрова, сложенные в кубики, и кучки древесного угля.

Другой тип лодок, преимущественно рыбацких, это узкий и низко поставленный нос и широкая несколько приподнятая, на конце заостренная корма; посередине маленький шалашик и короткая мачта с одним квадратным парусом, прикрепляемым к ней сбоку, как знамя к древку. При лодке пара тонких и узких весел почти без лопастей: одним гребут с носа по правому борту, другим — с кормы по

левому. Лодки третьего типа — это длинные, узкие, плоскодонные челны вроде пирог с низкими бортами. Мачта с парусом на них не ставится, гребет же только один человек с кормы, стоя, двухлопастным веслом. Главное назначение таких лодок — ходить по узким ирригационным канавам, обводняющим рисовые поля. Наконец, четвертый туземный тип — это большая каботажная лодка вроде китайской джонки, но с острыми и возвышенными носом и кормой. На ней три мачты, из коих передняя, самая низенькая, помещается на конце носа. На каждой мачте по одному циновочному парусу с рейками: передний распускается прямо, средний вправо, а задний влево, что издали придает судну вид летящей гигантской бабочки или летучей мыши. С носа спускается деревянный якорь в виде рогули, а за кормой косою руль несколько причудливого излучистого рисунка и долбленный челночок на буксире. Характерным украшением судна являются две черные полосы по обеим сторонам носа, в которых намалевано по одному белому глазу с черным овальным зрачком, "чтобы судно видело, ку-

да оно плывет и чтобы злые духи моря, воплощенные в акул и других чудищ, думали, будто это не судно, а грозный дракон с распущенными крыльями". Такова, по словам лейтенанта "Пей-Хо", традиция, сохранившаяся по преемственному завету у аннамцев, как и у китайцев, еще от времен первобытного мореплавания. На таких джонках обыкновенно бывает до дюжины матросов, и занимаются они перевозкой тяжелых грузов и туземных пассажиров не только по всей реке, но и по морскому побережью Кохинхины и Камбоджи. Суда всех названных типов встречались нам хотя и не особенно часто, но все же движение их придавало реке некоторое оживление.

Река чем дальше, тем все излучистее, почему пароходу приходится делать беспрестанные и нередко очень крутые повороты. Извилины течения в особенности дали себя знать, когда мы из Фуок-Бинга вошли в его рукав Монгом: здесь, при узости протока, приходилось беспрестанно давать самый малый ход, а то и вовсе останавливать машину и поминутно предупреждать о себе на поворотах продолжительными свистками аннамские лод-

ки. В совокупности, при ужасной жаре и однообразии берегов, все это выходит очень скучно и надоедливо.

В одном месте, уже по выходе из Монгома, опять в Фуок-Бинг, берега по обе стороны реки явились очищенными от кустарников: лес был выкорчеван, и почва осушена настолько, что служит теперь пастбищем буйволам. Здесь эти животные отличаются, кажется, преимущественно серою шерстью; нам, по крайней мере, попалося два стада: одно паслось, а другое купалось в зеленом болоте, и оба были серо-пепельного цвета.

На расчищенном месте построено несколько хижин. Строительным материалом, после необходимого дерева, послужили им главным образом циновки для стен и тростник для крыши. Иные из таких жилищ имеют форму шалашей и нередко устраиваются, как гнезда, на толстых сучьях сухого ствола, по одному и по два на одном дереве, для чего между пологими ветвями кладутся жерди и плетеный помост, а сам шалаш строится на нем из тычин и кроется камышом. Такие гнезда висят иногда над самой водой, и под

ними стоят на привязи челны.

С этих же расчищенных пространств открываются и рисовые поля, среди которых виднеются иногда на каналах хижины, построенные на сваях, вроде сингапурских, и чем дальше плывем мы, тем все чаще встречаются или стоящие отдельно, или разбросанные там и сям небольшими группами хижины и сарайчики всех вышесказанных родов. Местность становится культурнее, попадаются небольшие луговины с густою, сочною травой, а в некотором отдалении от правого берега виднеются отдельные купы лесков и рощиц высокорослых деревьев. На рисовых полях идут какие-то сельские работы. Вот попались два-три сампанга под французскими флагами. Это значит "административные лодки", где официальный флаг является привилегированным знаком того, что судно принадлежит какому-нибудь участковому старшине вроде нашего волостного или сборщику податей, или наконец речному либо сельскому полицейскому чину из местных уроженцев.

Чем дальше по реке, тем все желтее и мут-

нее становится вода, и плывет по ней разная дрянь, вроде клочков сена и сухих веток, обугленных головешек, дохлых собак, животных, рыбных отбросов и тому подобное. Странное дело, однако: водяных птиц совсем не видно, да и болотной дичи тоже. А уж тут ли, кажись, для нее не раздолье! Вообще, из царства пернатых пока замечаются только ястребы да коршуны, парящие над джунглями, или отдыхающие на сухих ветвях над самой рекой.

В начале третьего часа дня, прямо перед носом парохода, из-за джунглей неизменно, впервые завидели мы вдали верхушки больших корабельных мачт и длинные красные кровли каких-то зданий. То Сайгон открывается.

Теперь уже на правом берегу реки виднеются огромные пространства рисовых полей, за которыми поднимаются большие дымы: то аннамцы выжигают джунгли под новые посевы. Вот опять засинели вдали невысокие горы, вроде добруджеских на нижнем Дунае. Вообще, Меконг отчасти напоминает нижний Дунай, каким тот является в добруджеских плавнях, со всеми его плесами и притоками,

мелями и перекатами и с подобным же мутно-желтым цветом воды, которая здесь плывет теперь целою массой, так как с выходом из Фуок-Бинга в Там-Конг-Кад, берега вдруг раздались в обе стороны, расширившись приблизительно на 750 сажен. Без малого десять верст шли мы этим широким и почти прямым участком Меконга, а затем круто свернули влево, опять в извиристо-узкий рукав Танбинг, на котором и стоит Сайгон. Здесь опять пошли луга и рисовые поля, иногда залитые водой, и вразброд по ним те же свайные и надземные хижины. Город открывается все более и более, показываясь сообразно излучинам реки то с левого, то с правого борта нашего парохода. Желтые и белые стены нескольких "казенного" характера да красные черепичные кровли, за которыми виднеются кое-где зеленые верхушки садов, да еще две колокольни католического собора — вот его общее и, на первый взгляд, далеко не картинное впечатление.

Подходя к Сайгону, пароходы общества "Messageries Marittimes" всегда дают оповещающий выстрел из маленькой пушки в знак

того, что почта идет. Но на этот раз пушка почему-то закапризничала: что ни приложат к ней фитиль — на затравке только пшик, а выстрела нет. И так несколько раз. Комиссар с двумя матросами на нее уже и рукой махнули — войдем-де и без сигнала, и ушли прочь, даже сконфузясь, потому что столько раз предупреждали дам, что вот-вот сейчас палить будем, а она все не палит. Нервные дамы только напрасно трудились уши себе затыкать. И только что они отошли, как пушка, сверх всякого ожидания, вдруг возьми да и выпали сама. Картина.

При входе в порт река опять расширяется, образуя довольно большой бассейн, именуемый рейдом, где могут просторно располагаться военные суда и самые большие пароходы. Здесь она получает название Доннаи. Проходим мимо каких-то казенных магазинов и угольных складов и ровно в три с половиной часа пополудни швартовимся наконец у пристани.

Сайгон

Продолжение

12-го августа.

Еще не успели ошвартоваться, как к борту "Пей-Хо" подошел богато украшенный в китайском вкусе резьбой, лаком и золотом большой сампанг с роскошною каютой в зеркальных стеклах, занимающею самую середину лодки. Гребцы были одеты в форменные матроски и в маленькие китайские шляпочки, форму которых всего ближе сравнить с грибком. За кормой сампанга развевался большой французский флаг из шелковой материи, полоскавший в воде. Из каюты вышел и поднялся к нам на палубу адъютант сайгонского губернатора, лейтенант морской пехоты, в полной парадной форме, присланный приветствовать нашего адмирала от лица своего шефа по случаю прибытия в порт и передать ему вместе с флаг-капитаном (А. П. Новосильским) приглашение на сегодня к обеду.

Пароход наш между тем сейчас же был

окружен множеством сампангов, которыми управляли почти исключительно молодые девушки-аннамитки, работая веслами — одна с кормы, другая на носу. Гребут всегда стоя, и для этого существуют особые приспособления: высокие, около аршина, уключины, и на борту особая приступка для упора ступни. Здесь я имел возможность разглядеть несколько ближе обиходное устройство сампанга. Каждая такая лодка покрывается в средней своей части сплошным навесом из циновок или прошитого тростника, вроде нашей почтовой кибитки, только подлиннее. Корма и нос остаются открытыми и застилаются досчатыми полупалубами, под которыми устроены внутри маленькие чуланчики для всякого домашнего скарба. Переднее и заднее отверстия кибитки, в случае надобности, закрываются плетеными или матерчатыми шторками. На корме помещается кухня, где огонь разводится в небольшом переносном очаге из обожженной глины. Здесь женщины стряпают обед и приготавливают чай, и здесь же, в задней части кибитки, помещаются у них под рукой все принадлежности

стряпни и вся утварь, состоящая из нескольких фаянсовых чашек, одного или двух блюд, вертела, сковороды, пары горшков и холодильного кувшина. Дно под кибиткой плоско, покрыто досками и застлано циновкой. У одной из боковых стенок помещается иногда небольшой алтарик с буддийским образом или какой-нибудь священной статуэткой, украшенный нарядными картонажами, павлиньими перьями, веерами, искусственными цветами и тому подобными предметами, имеющими символическое или талисманическое значение. Внутренность сампанга освещается кокосовой лампадой, и если нужно куда плыть вечером, то на носу выставляется бумажный фонарь. Тут живут целыми семьями, где самым деятельным и работающим элементом являются женщины. В носовой части каждого сампанга, с обеих сторон, по наружной стороне бортов, непременно нарисован особый символический знак: яйцо как зародыш всего сущего. Оно соответствует тем глазам, что рисуются на мореходных джонках и составляет неизменную принадлежность жилых, семейных сампангов. Рисунок этого сим-

вола имеет такую форму: белый ободок, обозначающий скорлупку, и в нем две грушеобразные половинки, вроде запятых, — одна красная, хвостом вверх, другая черная, хвостом вниз, — мужское и женское начало.

До заката солнца оставалось еще слишком два часа, и этим временем надо было воспользоваться, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться с городом.

Рейд, как я уже сказал, довольно обширен, но на нем далеко не пестрело столько иностранных флагов, как в попутных нам английских портах. Для аннамских и китайских джонок отведено особое место, по ту сторону рейда, под берегом, который занят там почти исключительно туземными постройками на сваях, и по числу своему эти джонки далеко превосходили суда европейские. Несколько парусных шхун и "кораблей" под голландским, испанским и одно финляндское судно под русским флагами, пять-шесть пароходов средней величины, принадлежащих англичанам, французам и американцам, да несколько малых и буксирных пароходиков, приписанных к порту, вот и все, что нашли мы на Сай-

гонском рейде, где чуть не на первом плане, точно некий допотопный мастодонт, высится трехдечный военный корабль "Тильзит" — судно старинной конструкции, обращенное теперь в военную тюрьму, да заодно уже в портовый маяк и семафорный телеграф. Наибольшее оживление рейду придавали только сампанги, сновавшие по нему во всех направлениях, но, конечно, не эти утлые посудинки могли свидетельствовать о торгово-промышленном значении Сайгона. Как морская станция он лежит слишком в стороне от прямых мореходных путей, а потому суда, посещающие его, заходят сюда разве по какому-нибудь особому случаю. Даже и пароходы "Messageries Maritimes" появляются в Сайгоне только потому, что в силу своего условия с правительством Общество это обязано держать между Марселем и Кохинхиной правильные рейсы для доставления почты и казенных грузов. Вообще, сравнительно с английскими портами, Сайгон может пользоваться разве третьестепенным значением.

Станционная пристань и склады "Messageries Maritimes" помещаются на

небольшом островке, не имеющем даже мостового сообщения с городом (англичане непременно устроили бы мост), хотя островок отделяется от городской набережной ничтожным протоком в какие-нибудь десять, пятнадцать сажен ширины. Но чтобы добраться до этой набережной, надо нанимать сампанг, а по таксе это стоит полфранка с человека, то есть ужасно дорого, если вспомнить, что на самых длинных невских перевозах в Петербурге место в общественном ялике стоит не более двух копеек. Начиная уже с таких мелочей, вы сразу чувствуете разницу между колониационными режимами англичан и французов.

Прибытие срочного и почтового парохода всегда и во всех портах вызывает некоторую сенсацию: к нему тотчас же стремятся всевозможные разносные торговцы, кельнеры, коммиссионеры, репортеры, компрадоры[63], поставщики и тому подобный люд; но разве тыль чего-либо подобного встретила в Сайгоне прибытие "Пей-Хо". По-видимому, никто им не интересовался, и даже настолько, что, съехав на берег, мы не без труда докричались,

наконец, малабара (так зовут здесь извозчиков), уныло торчавшего в единственном числе на отдаленном углу набережной. Экипажами служат здесь каретки, вроде сингапурских, и особого вида двуколки с легким навесом, куда вы садитесь затылком в сторону движения, что называется задом наперед. В те и другие впрягается по одной мелкокорослой лошаденки туземной породы, всегда гнедой масти с черною полосой вдоль спины. Лошадки эти бегают хорошей иноходью, ни мало не утомляясь от здешнего солнца. Что до европейских лошадей, то в Сайгоне вы их не найдете: они не переносят здешнего климата и чахнут от изнурительной лихорадки, либо гибнут от солнечного удара.

В городе только два отеля. Лучший из них "Папский", где имеется и табальдот, но, к сожалению, нет свободных номеров: все заняты месячными "пансионерами" из местных французских чиновников и торговых агентов; а второй отель "Универсаль", на улице Ванниеч, до нашего приезда был закрыт за отсутствием постояльцев. Есть еще и третий отель — "Париж", но этот находится в полном

запущении, почти в развалинах: двери без петель, в окнах поломанные жалюзи, на веранде разрушенные перила и перегородки, словом, "мерзость запустения".

В Сайгоне путешественники так редки и даже приток французов столь мал, что, по местным отзывам, не стоит содержать гостиниц. В отеле "Универсаль", где мы остановились, тоже было очень скверно, но, за неимением лучшего, пришлось довольствоваться тем, что есть. Комнаты далеко не просторны, на стенах сырость, в воздухе затхлость, вентиляция плохая, в коридоре запах масляной краски и кокосового масла, обстановка убогая, в приспособлениях для умывания полный недостаток, да и все остальное в самом ужасном, варварском виде, какой разве в Румынии можно встретить. Ванна устроена в сарайчике, куда от грязи и сырости даже заглянуть противно. Китайская прислуга плохо понимает и еще хуже изъясняется по-французски. Кроме голых стен и постелей с дырявыми мустикерами, в этом отеле нет ничего: не только поесть, но даже кипятку для чаю мы не достали. Пришлось посылать в чайную

за кипятком, на базар за хлебом и в лавки за свечами, спичками и сахаром. При этом очень добросовестный, но бестолковый бой, вместо того, чтобы закупить все сразу, берет у вас деньги и приносит что-нибудь одно вместе со сдачей, затем опять спрашивает деньги и отправляется за следующей покупкой и так далее. Одно только удобство и есть — это балкон-веранда, где можно посидеть в тени. Во внутреннем дворике гостиницы устроен убогий садик, где поразил меня сильный запах мускуса, который в особенности усилился с наступлением вечерней темноты, когда по этому дворику пошла ужаснейшая беготня и возня множества больших крыс, ящериц и толстых жаб, скачущих высокими прыжками. Все это подпольное население находится в вечной войне между собою и не дает вам покоя своим писком и кваканьем. Вечерние часы — это по преимуществу время его сражений, ареной которых служит дворик. Я было думал сначала, что поразивший меня мускусный запах издает какое-нибудь растение, но ничуть не бывало: оказалось, что это крысы, особая местная порода, так и слышущая

под названием мускусной. Их тут великое множество.

Вообще, с наступлением вечера в наших комнатах оказалось много посторонних жильцов (впрочем, с их точки зрения, это, вероятно, мы были посторонними). Черные тараканы-исполины, с какими впервые мы познакомились еще в Египте, поползли по постелям и по полу, мускиты и мотыли целыми эскадронами закружились около свечей, ящерики забегали по стенам и по потолку: одна из них даже шлепнулась ко мне в стакан и погибла в цвете лет, ошпаренная горячим чаем. Залетела в комнату летучая мышь, которую долго не могли выжить. Но это еще что! Иногда забираются в комнаты и более опасные гадины: черные скорпионы, желто-пятнистые сороконожки, укусы которых в иных случаях влечет за собою даже смертельный исход, и ядовитые змеи. Поэтому, ложась в постель, никогда не мешает предварительно осмотреть ее, а равно и вставая, прежде всего освидетельствуйте внутри ваши туфли и осмотрите пол и углы комнаты, иначе вы рискуете неожиданно встретиться с очень

неприятною гостьей. Бывают примеры, что прибрежные и желтокожие водяные змеи, между которыми, как уверяют, есть и ядовитые, забираются на палубы судов и в каюты, почему не безопасно оставлять на ночь иллюминатор открытым. Но этим еще не кончаются неприятности, которым вы случайно можете подвергнуться в Сайгоне со стороны разных кусак и кровопийц из мира животного: пауки-мигалы, кусающиеся очень больно, черные пауки-телефоны с хвостом, испускающие отвратительный резкий запах, от которого вы долго не избавитесь, если, заметив, что паук пробегает по вашему телу или платью, захотите его смахнуть; наконец, муравьи нескольких видов, большие и малые, черные и красные, причисляемые положительно к бедствиям Кохинхины. Укус некоторых из них, в особенности так называемого мелко-го огненного муравья, оставляет по себе на несколько часов острую жгучую боль, и если такая рать нападет на вашу постель (что и случается нередко), то, проснувшись от сильной боли, вам остается только бежать поскорее от своего ложа и намазываться против-

НЫМ КОКОСОВЫМ МАСЛОМ, КОТОРОЕ, КАК УВЕРЯЮТ
ЗДЕСЬ, ХОРОШО УТОЛЯЕТ БОЛЬ И БУДТО БЫ ДАЖЕ
ПРЕДОХРАНЯЕТ ОТ УКУСОВ МУРАВЬЕВ И ДРУГИХ
МЕЛКИХ НАСЕКОМЫХ.

Чуть наступит вечерняя темнота, город
уже оглашается громким соединенным кон-
цертом кузнечиков и лягушек. Последние ми-
риадами населяют рисовые поля, и от их ква-
канья в воздухе просто стон стоит по всей
окрестности... А к этому присоединяется еще
хриплое скрипенье гекко[64], напоминающее
по звуку скрип наших коростылей, но только
гораздо громче и резче. Стрекотанье кузнечи-
ков и сверчков тоже весьма громко, но в его
однообразной ноте есть своя музыкальность,
тогда как эти гекко продолжительностью сво-
его скрипенья неприятно действуют вам на
нервы. А между тем, этот же гекко считается
здесь благодетельным гением по тем услугам,
какие оказывает он жителям. Вот какими
чертами описывает его французский натура-
лист доктор Морис: "Это большая ящерица, —
говорит он, — живет и в лесах, и в развали-
нах, точно так же, как и в аннамских хижинах
и во французских домах; она очень обык-

новенна в Кохинхине и придает совершенно особенный характер фауне этой страны. Представьте себе громадную земляную саламандру, на ее иссеро-голубоватой коже возвышается множество пупырышков, каждый в середине оранжевого пятна, ее большие глаза окружены золотистой радугой. Благодаря пластике подошвы ее лап, действующей как присасывающиеся банки, она может ходить по самым скользким местам вопреки законам тяжести. Крик ее, давший ей название на всех языках, странно резок: слыша его в первый раз, можно испугаться. Дребезжащее ворчание служит прелюдией, потом в пять, в шесть, в восемь различных приступов, правильно понижая голос каждый раз на полутон, большая ящерица выкрикивает слово *гекко* или иногда *такие*, и фраза заключается опять ворчанием довольства. Животное это оказывает нам истинные услуги, так как громадную пастью оно проглатывает множество противных муксусных крыс, которые портят провизию и вина (в бочонках); кроме того, оно ест тараканов, противное насекомое, столь обыкновенное во всех колониях. Гекко

по природе домосед и никогда не уходит далеко от избранного им места жительства. Не будь он так безобразен и не кричи так, что действительно мешает, в особенности когда в доме их штук десять и они всю ночь перекликаются, он был бы безобидным сообщником человека и в этом отношении заслуживал бы уважение".

Мы хотели было выйти на прогулку в легких пикейных костюмах, но нас предостерегли не делать этого. Местные французы вечером не выходят из дома иначе как во фланели — предосторожность далеко не излишняя, так как сырость здесь ужасная: почти все дома покрыты грибовидными лишаями и зеленовато-черными потеками плесени, а в воздухе сырость отзывается тепличною прелью, смешанною с запахом мускуса и каких-то пряно-ароматических растений. Эта сырость пропитывает все ваше платье и грозит такою лихорадкой, от которой иные, даже и возвратясь в Европу, уже во всю свою жизнь не могут отделаться. Поэтому и французские солдаты, присылаемые сюда на службу не более как на полтора года, ходят всегда в суконном

платье. Но какова же должна быть пытка носить грубое, тяжелое сукно в такой бане! Да и то, говорят, около четверти общего числа солдат становятся жертвами желтой и рисовой лихорадки и находят себе здесь безвременную могилу. Впрочем, местные обжившиеся французы, благодаря фланели, сохраняют здоровье и даже имеют весьма бодрый вид. Для этого надо только соблюдать известного рода диету, например, пить воду и вино только во время завтрака и обеда; вода же как прохладительное, особенно в промежутке от завтрака до обеда, очень вредна, ибо грозит дизентерией. Никогда не следует пить воду или вино холодные и тем более со льдом, а чтоб устранить вредоносность воды, должно подбавлять в стакан небольшое количество коньяку. Мы заметили, однако, что французы, обедавшие в Папском отеле за табльдотом, злоупотребляют не столько водой, сколько спиртными напитками, в особенности коньяком, который здесь предлагается посетителям даром, именно в видах гигиенических, и для того откупоренные бутылки его стоят на каждом отдельном столике на веранде, приходи и пей,

кто хочет, если только при этом спросить себе за буфетом что-нибудь из "комсомаций". Здесь его пьют и с чаем, и с кофе, и с шипучими водами, и просто "голяком", последний способ даже предпочтительнее всех остальных. Но позволительно усомниться, чтоб это могло быть особенно полезным в таком климате, где жара на солнце нередко достигает 63 градусов Реомюра.

13-го августа.

В семь часов утра отправились мы пить кофе в Папский отель, и коньяк на столиках уже стоял к услугам посетителей, и многие французы, являясь сюда к чаю, прямо с него начинали. Кофе нам подали в китайских чашках, вроде наших полоскательных, но далеко не вкусный. Это был так называемый кофе с молоком, но дело в том, что настоящее молоко здесь очень дорого, так как местные коровы дают его только по одному литру в сутки, а европейские, дающие по четырнадцать литров, плохо выдерживают климат и потому они здесь вообще довольно редки. Кроме того, молочная торговля находится исключительно в руках аннамцев и малайцев, которые ко-

ровье молоко по большей части заменяют буйволовым, да и к этому в значительной мере подбавляют кокосовую эмульсию.

Напившись кофе, отправились знакомиться с городом. Надо было пользоваться утренними часами, пока еще гнетущий зной не согнал все живое с улиц в тень под закрытые навесы и в глубину закупоренных жилищ. Пошли по главной улице, носящей название "Катинат", в честь тридцатипушечного корвета, принимавшего участие в кохинхинской экспедиции, которая доставила Франции обладание этою колонией. Параллельная ей улица носит название Национальной, а прочие окрещены преимущественно именами начальствовавших лиц и разных героев экспедиции. Сайгон стоит на красной глинистой почве: шоссированные улицы тоже кажутся красными, тем более, что их широкие тротуары сложены из плиток обожженного кирпича, и красная пыль, покрывающая их, при малейшем ветре в изобилии садится на ваше платье и оставляет на нем грязно-красноватые следы. Дома на "Катинат" принадлежат, кажется, исключительно европейцам: по

крайней мере все они строены в европейском вкусе из обожженного кирпича, в один или два этажа, нередко с каменными аркадами и непременно с верандами и палисадниками, и все крытые черепицей. Кроме того, на каждом из них непременно торчат по два или по четыре громоотвода, так как грозы здесь очень часты и разражаются с невероятной силой. Трехэтажные постройки являются уже как исключение, и то преимущественно на портовой набережной, как например, дом Вантай, бывший "Космополитический отель". Вообще строения расположены правильными улицами и довольно просторно, без скученности. В садах и палисадниках при них также нет недостатка: там мешаются между собою музы, бамбук, рицинники, бальзамины, даты и манговые деревья, увитые лианами и диким виноградом. Тротуары на "Катинат" и на некоторых других улицах обсажены аллеями тамариндов и белых акаций, быстро достигающих здесь весьма почтенных размеров. Прогуливаться в тени под их ветвями очень приятно, но, говорят, не без того, чтобы не испытать иногда невольного испуга при

встрече с древесною змеей, которая, свесившись с ветки, как хвост лианы, покачивается над вашей головой. Впрочем, говорят, они не ядовиты, хотя и кусаются. Змеи эти в особенности любят тамариновые деревья по той причине, что на их ветвях всегда обитают зобатые, большегривые ящерицы катке — предмет их охоты. Водопроводные каналы, цистерны и даже фонтан все это встречается по сторонам главной улицы, на которой в то же время европейские обыватели не стесняются развешивать свое белье для просушки. Есть и общественные скверики, но мы нашли их в очень запущенном и неряшливом виде, с поломанными решетками и с разрушенными калитками, с сорной травой на заглохших дорожках. В одном из таких сквериков, близ нашего отеля "Универсаль", находится монумент в память адмирала Риго де-Женульи, одного из главных деятелей кохинхинской экспедиции, бронзовая фигура которого в полный рост и в адмиральском костюме стоит на возвышенном пьедестале: но и это обстоятельство, по-видимому, никому не прибавило заботы содержать сквер в более опрятном ви-

де. Другой памятник, небольшой обелиск в честь французских воинов, павших в Кохинхине, стоит тоже в сквере, при конце портового канала, проведенного в город из Доннаи, но и этот не в большем почете, чем сквер адмирала. При встрече за табльдотом с одним из местных французов, который сам пожелал познакомиться с нами и оказался милейшим и услужливейшим человеком, разговор случайно как-то коснулся именно этого предмета, и знаете ли, какое странное объяснение этой неряшливости дал нам наш новый знакомый?

— Что делать! — сказал он со сдержанным грустным вздохом, — у нас теперь республиканское правительство, а герои кохинхинской экспедиции были люди режима империи, и этого совершенно достаточно, чтобы люди республики плевали на их заслуги.

Главная улица образует перспективу, замыкаемую в конце двухбашенным фронтонным католического кафедрального собора, стоящего на площади. Мы зашли туда. Кроме хорошего запрестольного изваяния Богоматери и нескольких барельефов, изображающих

страсти Христовы, да нескольких образов на стеклах расписных окон, здесь не на что полюбоваться: оголенность внутренних стен производит впечатление чего-то недоконченного, на них нет ни фресок, ни скульптурных орнаментов; они только начисто оштукатурены.

— Все, что вы здесь видите, — заметил старый сакристан[65], показывавший нам собор, — эта святая Мадонна, эти окна, все это пожертвовано правительством еще во времена империи... После империи для храма никто и ничего более не делает... Поэтому он и стоит в таком виде, почти что вчерне: тогда его, к сожалению, не успели докончить, а теперь мы стараемся только содержать его в чистоте и кое-как, на собственные скудные средства, уберегать то, что есть от разрушения

— А город? — спросили мы, — ведь это же городской собор? Разве ваш муниципалитет не поддерживает его?

— Увы, сударь!.. У нас теперь республиканское правительство, и муниципалитет в оппозиции клерикализму... На собор не ассигнуется более ни копейки. Одни только прихожа-

не уделяют кое-что из собственных средств в кружечный сбор, и это все, что мы теперь имеем.

А жаль: собор начат был не без грандиозности и до сих пор еще служит лучшим архитектурным украшением Сайгона.

От собора направились мы в торговую часть города, расположенную близ порта, по набережной городского канала. Здесь большая часть домов двухэтажные, с верхними и нижними галереями на колоннах или на аркадах. Нижние этажи сплошь заняты лавками и магазинами, с вывесками на китайском и французском языках, но в этих лавках, за исключением двух, трех компрадорских магазинов, полное царство китайских купцов и приказчиков. Малайцы и аннамцы удержались только на городском базаре, да и то наполовину с китайскими несколько французских имен заметили мы лишь на вывесках ремесленников, как например, портных, башмачников, куаферов, часовщиков, да и в этих профессиях конкурируют с ними китайцы. Словом, что касается местной промышленности, ремесел и торговли, то здесь еще более,

чем в Сингапуре вы можете видеть, как желтокожий человек оспаривает место у белого и даже мало-помалу вытесняет последнего. В крупных же коммерческих делах Сайгона начинают играть выдающуюся роль англичане и немцы.

Француз в Кохинхине, это преимущественно чиновник, военный или агент какой-нибудь торгово-промышленной компании. Таких, которые остались бы в крае навсегда, приобретаю себе собственность, завели какую-нибудь плантацию или какое-нибудь дело и лично занялись бы хозяйством, здесь пока еще немного. Даже и те, что уже обзавелись кое-чем и выстроили себе дома, спешат продать их, — по большей части новоприбывшим на службу, а то и китайцам, — если только судьба посылает им благоприятный случай возвратиться во Францию. Может быть, в будущем все это изменится и страна когда-нибудь увидит здесь настоящих колонистов-французов, действительно заводящих и обрабатывающих французские плантации, а не устраивающих только компании на акциях или на паях, "для эксплуатации кохинхин-

ских богатств", с "правлениями", и "директорами" в Париже, которые "управляют" своими кохинхинскими "предприятиями" за тысячи миль от Кохинхины: но пока еще не заметно, чтобы дело твердо выступало на эту единственную практическую дорогу, и здешний француз все еще продолжает считать себя как бы временным гостем этой страны, обязанным только пройти свой "термин", чтобы затем уступить место вновь прибывшему соотечественнику. Так, по крайней мере, характеризуют нынешнее положение дела те же французы, с которыми довелось мне познакомиться в Сайгоне.

Портовый канал неширок: сажень около пятнадцати. Через него перекинуты два хорошие железные моста одинакового рисунка, на каменных устоях. Откосы канала выложены плитняком: по ним, на известном расстоянии одна от другой, спускаются к воде каменные лесенки; вдоль обеих набережных тянутся ряды деревянных тумб с железными крючьями, за которые привязываются бичевы промысловых сампангов, причаливающих к откосам и выгружающих прямо на набереж-

ную дрова, кирпич, песок, щебень, ободья, мешки с рисом, бататы, ананасы и иные сельские продукты.

Сюда же, на набережную канала, выходит одною своею стороною и городской рынок, состоящий из шести сквозных продолговатых павильонов (по три в ряд), под двухъярусными, высокими и широкими крышами, с отлично устроенною вентиляцией. Здесь на лотках, открытых столах и ларях, установленных правильными рядами, с продольными и поперечными проходами, продаются все необходимые для жизни припасы: живность, овощи, бакалея, рыба, фрукты, а также свечи, посуда, дешевая мебель и прочее. В числе живности, между прочим, фигурирует и крокодилье мясо, не имеющее здесь, как уверяют, мускусного запаха и, несмотря на некоторую жесткость, очень любимое аннамцами. Тут же помещается и своего рода "обжорный ряд" для туземной публики. Базар стоит на площадке, обрамленной с трех сторон разнокалиберными домами торгового характера, где в галереях под аркадами и под холщевыми навесами продаются разные "галантереи",

ситцы и вообще мануфактурные товары, смесь европейской производительности с азиатскою и преимущественно, конечно, китайскою.

На базаре вы легче всего можете познакомиться со всеми представителями местного населения: аннамцами[66], малайцами, китайцами и малабарскими индусами. Все это тут толчется, покупает, продает, курит, закусывает, жует бетель и табак и узнает всевозможные новости дня, отчасти из местной газеты "Циа-дин-бао", читаемой некоторыми продавцами, а больше все из устной передачи у чайных и закусовых ларей, служащих для туземцев своего рода клубами.

Аннамцы — мелкорослый и худощавый, что называется, жиденький народ, с выгнутою, как бы седлистою поясницей. Судя на взгляд, они должны быть слабосильны. Цвет кожи у простого народа темно-коричневый, у зажиточных людей более светлый, с разными оттенками, но преимущественно оливковый и всегда бледный; глаза узковаты и тусклы, лицо приплюснутое и без растительности, которая появляется уже в преклонном возрасте,

да и то весьма жидкая; зато волосы у них на голове, черные от природы, и длинные, и густы; губы очень крупны и всегда кажутся окровавленными от привычки вечно жевать бетель. Тот же склад лица преобладает и у женщин, но, конечно, несколько смягченнее, нежнее, даже до такой степени, что между ними встречаются иногда и недурные собою (хорошенькими назвать их было бы слишком много). Они еще меньше ростом чем мужчины, так, что кажутся даже девочками. Костюм их состоит из панталон и широкого косоворотого балахона-рубahi с широкими рукавами. Преобладающие цвета — либо белый, либо черный, а материи — шелковый ластик или коленкор. К этому присоединяется иногда какой-нибудь яркий пояс. Густые и длинные волосы гладко зачесываются назад и укладываются несколько сбоку двумя или тремя буфами в шиньон, заколотый шпилькой. В ушах они носят особого рода серьги, в виде пуговки или головки гвоздя, плотно сидящей в ушной мочке, а ожерелья их состоят из янтарных и каменноугольных бус и из серебряного или медного кольцеобразного ошейника с колеч-

ками. Кроме того, всегдашнюю принадлежность женского убора составляют ручные и ножные браслеты в виде колец — у зажиточных серебряные, а у простых из каменного угля или из желтого стекла. Обувь, состоящую из остроносых загнутых кверху туфель, носят на босу ногу только богатые женщины, все же остальные предпочитают ходить босиком и ног себе не уродуют по китайской моде. Наряд аннамитки дополняется иногда плоско-конической шляпкой из бамбука или рисовой соломы, с длинною шелковою кистью, которая болтается сзади почти до поясницы. На базаре, как и на сампангах, нередко встречаются женщины с маленькими ребятами, которых они носят совершенно своеобразно, нигде еще невиденным мною способом, а именно: ухитряясь какими-то судьбами усаживать младенца верхом к себе на бедро и поддерживая его за спину рукой. При этом не употребляется решительно никакого приспособления, вроде мешка или перетяжки, и как эти дети не соскальзывают и не расшибаются, я решительно не понимаю. Мне даже случилось видеть, что мать, стоя на корме сам-

панга, одною рукой работала веслом, в другую придерживала своего малютку, который, держась за ее рубашку и откинувшись к ней на ладонь, преспокойно себе спал убаюканный мерным качанием ее корпуса при гребле. Доктор Морис говорит, между прочим, что им совсем неизвестен поцелуй: матери не целуют своих детей, а только дышат на них, поднося к своему носу.

Костюм мужчин тоже весьма несложен: на голове черная небольшая повязка, вроде чалмы, прикрытая соломенною шапочкой грибом или плоско-конической, как у женщин, только без большой кисти; затем черный или синий балахон, но с узкими рукавами и белые панталоны; на ногах плетеные китайские туфли. Это костюм людей зажиточных, а рабочие обыкновенно носят короткую безрукавную кофту, вроде еврейского лапсердака, с боковыми прорезями, и коротенькие штанцы выше колена: то и другое из белого коленкора, ноги всегда босы, на голове плетеный грибок или плоскоконическая шляпка. Питались они на базаре преимущественно рыбой и сырыми овощами: редькой, огурцами, чесно-

ком, заедаая все это стручковым перцем.

Я ничего не могу сказать о нравах и характере этого народа, так как слишком мало был в Кохинхине, чтоб иметь право судить о них, разве положиться на авторитет доктора Мориса, который говорит об аннамцах, что рабство, невежество и лень сделали их расу бедною, нелюбознательною и трусливою. По его словам, это народ — вялый, лживый и трудно поддающийся влиянию, но при всем том у него есть и достоинства, подающие большие надежды: веселость, часто весьма остроумная, необыкновенная способность к учению и к пониманию и какая-то национальная гордость, по крайней мере у некоторых. Образ жизни самый неудобный и антигигиенический: они пьют очень много простой неочищенной воды, изредка чай и рисовую водку сам-шеу или сам-шум, но особенной склонности к вину не имеют; едят иногда свинину как праздничное блюдо, но это мясо там крайне опасно тем, что порождает ленточных глистов; при еде употребляют китайские палочки. Одежда их, которую они меняют только тогда, когда она падает лохмотьями, ни-

сколько не предохраняет их во время сырых и, относительно, холодных ночей, проводимых под открытым небом, точно также и в декабрьские или январские утра, когда аннамцы действительно дрожат от холода при температуре в 18 градусов Цельсия. Поэтому очень много детей умирает у них в первом возрасте от легочных и желудочных болезней. Хижины у аннамцев всегда строятся на сваях и стоят наполовину в воде, наполовину на земле или на грязи, и потому тоже очень вредны для здоровья. Разведение риса и рыболовный промысел сделали из этого народа нечто вроде амфибий. Вода нередко покрывает пол в хижине аннамита, в особенности во время сильных приливов, и тогда туземец сидит на семейном столе или качается в своем грубом гамаке, напевая унылую песню и покуривая папироску [67]. Замечательная также способность аннамцев грести без усталости в продолжении десяти часов и при этом терпеливо переносить свое жгучее солнце. Признавая в них расу очень способную, Морис говорит, будто ей не доставляет чувства художественности, хотя сам же свидетельствует, что в

некоторых настенных рисунках живая природа в виде цветов, птиц и насекомых изображена очень искусно, но что скульптура им почти неизвестна, поэзия бедна, танцев нет, а о науках нечего и говорить, так как литературные знания их ограничиваются изучением нескольких китайских знаков. Что до музыки, то она очень монотонна и резка и, по словам Мориса, не нравится европейцам, как и европейская, в свою очередь, не понравилась бы аннамцам. Насколько мне довелось видеть на базаре аннамских музыкантов, могу сказать только, что инструменты у них китайские, то есть: двухструнные скрипицы, гитары, мандолины, торбаны, флейты, дудки, маленькие гонги, там-тамы и барабаны. Но в чем окончательно не могу согласиться с доктором Морисом, так это в его мнении о недостатке в аннамитах художественного чувства. Мы зашли в два, три магазина, где торгуют почти исключительно Тонкинскими произведениями [68]. Фаянсовые чашки в виде рыбачьих плетеных корзинок, по которым с наружной стороны посажены раки, крабы и шримсы; затем куклы из терракоты, пройден-

ные цветною поливой и изображающие представителей и представительниц разных общественных слоев и профессий в разных провинциях Южного Китая, Аннама и Камбоджи, и наконец совсем миниатюрные фигурки из серой глины, представляющие птичек, разных животных и человечков (большую частью типы из низших классов населения), — все это исполнено с такою естественностью, с такою простотой и жизненною правдой, а последние фигурки даже с оттенком такого милого, добродушного юмора, что я их ставлю положительно выше чисто китайских произведений этого рода, так как в последних, несмотря на большую степень совершенства их техники, всегда есть нечто натянутое, утрированное, так или иначе кричащее вопреки чувству простоты и естественности. Наконец, возьмем аннамскую мебель и иные столярные и токарные вещицы тонкинского изделия, продающиеся в этих же магазинах. Все эти шкафчики, поставцы, шифоньерки, этажерки, шкатулки, веера и подносы из черного и красного дерева, пройденные чрезвычайно искусными и тонкими инкрустациями

из перламутра, изображающими драконов, бабочек, птичек, жучков и цветные гирлянды, — во всем этом столько изящества и вкуса, что достаточно только взглянуть на них, чтобы никогда больше не сомневаться в художественном чувстве аннамитской расы. Жаль только, что все эти тонкинские инкрустации в продаже стоят весьма недешево: желая приобрести один экземпляр для своей коллекции, я выбрал очень красивый овальный поднос длиной в 13 и шириной в 9 вершков; купец как назначил на него цену в 20 долларов, так и не спустил ни одной копейки, а разные шкафчики и поставцы идут от ста до трехсот долларов. Правда, зато и вещи!..

Чуть только я отторговал поднос и несколько статуэток, около меня завертелось трое или четверо длинноволосых мальчишек лет десяти, двенадцати, весь костюм которых состоял из одних белых штанцев да пояса, на котором прикреплена была спереди кожаная сумочка с медными бляшками, служащая вместо портмоне и кармана. На плече у каждого из этих мальчуганов, словно щит, висела круглая плетеная корзина. Едва приказчик

завернул мои покупки, как к ним разом протянулось восемь рук, наперебой старавшихся перехватить добычу. Купец было цыкнул на мальчишек, но они обступили меня, строя умильно просящие рожицы и, показывая на свои корзины, лепетали: "Capitaine, une corbeille!.. Bon capitaine! Voyez quel panier, capitaine". Нам объяснили, что это особый тип сайгонских уличных мальчишек-аннамитов, которые промышляют единственно тем, что носят за европейцами их покупки: поэтому они всегда толкуются перед лавками и на базарах, валяясь на земле около аркад и навесов, не взирая на ужасный солнцепек, или сидя в своих корзинках играют друг с другом в орлянку, пока не завидят европейского покупателя. Они страстные игроки, и орлянка это их любимейшее занятие, причем нередко спускается весь заработок. Все такие мальчишки непременно болтают кое-как по-французски и могут служить для иностранца отличными проводниками по городу. Этот тип — совершенно тоже, что наши ташкентские "тащишки", сартовские[69] мальчуганы, вечно торчащие на базаре и предлагающие русским свои

услуги донести до дому их покупки, с тою только разницей, что у сартенков вместо корзины служат полы их собственного халата, заворачиваемые сзади на плечи. Как эти по-французски, так и те болтают все по-русски и даже обогатили наш лексикон словом "тащишки" (от глагола тащить) их собственного изобретения.

Из четырех мальчуганов, окружавших меня в Тонкинской лавке, надо было отдать предпочтение которому-нибудь одному, — но какому же? Сайгонские "тащишки" живо решили этот вопрос сами: каждый из них вынул из своей сумочки по одной монетке с какою-нибудь особою, известною им меткою и бросил ее к одному из товарищей в конец пояса, сложенный мешочком. Тогда один из "тащишек" запустил туда руку и живо выудил первую попавшуюся монетку. Все остальные зорко наблюдали за ним, чтобы при этом не было какой-нибудь плутни, и чуть только монетка была вынута, как все бросились к ней рассматривать метку, чтобы собственными глазами удостовериться, кому именно принадлежит она. Собственник монетки и явился

в этом случае уже бесспорным обладателем права тащить ваши вещи. Тотчас же нагрузив ими свою корзину, он поднял ее к себе на голову и с важностью понес впереди нас в гостиницу.

С десяти часов утра и до трех пополудни в городе прекращается всякая деятельность: не только люди, но и домашние животные, изнеможенные зноем до полнейшей апатии, погружаются в спячку, скрываясь за тщательно закрытыми жалюзи и опущенными циновками. Магазины и лавки, за исключением нескольких китайских мелочных лавчонок, в это время тоже запираются, а на улицах редко-редко когда видны только рабочие-кули, не знающие, кажись, ни отдыха, ни усталости, да еще реже провлачит свои ноги европеец в *салако* [70] и под белым зонтиком, выгнанный из дому разве какою-нибудь крайнею безотлагательною необходимостью. В кофейнях и ресторанах в эти часы с величайшим трудом достанешь даже сифон содовой воды, и то для этого надо будить боя, который не хочет вставать и всячески отговаривается невозможностью добыть требуемое. Чтоб уло-

мать его, надо употребить особую настойчивость в соединении с обещанием дать ему на водку. И тогда только еле-еле сдвинется с места и принесет вам тепловатой шипучей водицы.

Желая позавтракать, мы около трех часов дня зашли в одну французскую кофейню. Нам подали небольшой белый хлеб, два тоненькие ломтика ветчины, по которой ползали белые черви, успевшие вдосталь отведать ее гораздо раньше нас, три чашки холодного черного кофе, сифон сельтерской воды и две бутылки самого легкого французского пива и взяли за это восемь с половиною долларов. Не дурно?! Сорок два франка за такое удовольствие. Положительно надо иметь бешеные деньги, чтобы путешествовать по европейским колониям крайнего востока.

Около четырех часов дня нам привели коляску, и мы поехали подышать воздухом в Ботанический сад, которым справедливо гордятся сайгонские французы. Директор его господин Пьер с большим искусством и знанием успел сделать из него не только роскошный и изящный уголок для прогулок местных жите-

лей, но и учреждение весьма полезное для науки, так как в нем собраны, по возможности, все представители тропической флоры не только азиатской, но и других стран света, и над многими растениями постоянно производятся опыты акклиматизации и обращения их из дикого состояния в культурное. В саду устроены зверинец и птичник. В клетках первого содержатся дикие звери, обитающие в Кохинхине. Тут мы нашли несколько тигров, между которыми была одна пара малорослых, причисляемых местными жителями будто бы к особенной породе этого зверя, водящейся в западных частях Кохинхины. Рядом помещены были гиены и шакалы и преинтересный экземпляр маленького малайского медведя, что не мешает ему быть очень свирепым. Тут же содержатся: дикий буйвол, как говорят, одно из самых злых и опасных животных в Кохинхине, мускусный олень и безрогий олень-пигмей, ростом не выше обыкновенной ливретки, премилое животное. В отделении обезьян собраны все местные представители отряда четвероруких, между которыми в особенности обращают на себя вни-

мание яркостью и разноцветностью окраски своей кожи павианы. Отделения амфибий и пресмыкающихся здесь мы не заметили: зато в птичнике, который весьма богат видами местной куриной породы, вдосталь можно было налюбоваться на красавцев-фазанов, кохинхинских петухов, павлинов и так называемых султанских кур с голубоватым брюшком и красными хохолками.

В то время как мы любовались на этих красивых птиц, подошел к нам какой-то аннамитский мальчишка, осторожно державший двумя пальцами небольшого голубоватого жука с длинными усами, и, по-видимому, предлагал купить его. Мельком взглянув на насекомое, мы оставили было мальчишку без внимания, но он не отставал и, продолжая показывать нам своего жука, беспрестанно подносил его к носу и обнюхивал с очень комической гримасой полного упоения его ароматом, после чего жестами своими приглашал понюхать и нас. Это наконец меня заинтересовало, — в чем тут дело? В полной уверенности встретить что-нибудь похожее на острый или мало приятный запах, испускаемый и на-

шими северными жуками, вроде некоторых жужелиц, я нагнулся к подставленному мне голубому длинноусу и потянул к себе воздух. Но представьте же неожиданное и приятное удивление, когда вдруг разлился передо мною прелестный аромат цветущей розы. Сначала даже как-то не верилось, чтобы какой-то жучок мог испускать такой нежный запах, но, приобретя его у мальчишки за несколько су, я убедился в несомненности этого факта и выпустил своего пленника на волю. Не знаю, какое ученое название носит он у энтомологов, но в числе отличительных его признаков должно отметить желтую полосу, идущую вдоль металлическо-голубоватой спинки.

В обширном парке, часть которого составляет Ботанический сад, находится обширный и великолепный в архитектурном отношении дворец французского губернатора Кохингины. Это три высокие двухэтажные павильона, соединенные между собой двумя корпусами, вдоль которых, как в верхнем, так и в нижнем этаже, идут под аркадами широкие галереи-веранды, широкая каменная лестница и два боковые полукруглые въезда с бал-

люстрадами ведут к крыльцовой террасе центрального павильона, уставленной самыми красивыми из роскошных тропических цветов и растений. Над этим павильоном возвышается в виде четырехсторонней усеченной пирамиды, массивная кровля, вроде луврских, а на венчающем ее фонарике развевается большой французский флаг. Две женские фигуры над фронтоном, по бокам циферблата больших часов и лепные работы прочих фигур, колонн и карнизов, а также высокий ажурный гребень крыши и все остальные детали исполнены с чисто французским вкусом и шиком — если позволено так выразиться. Словом, эффект этого дворца должен служить в глазах аннамцев видимым и внушительным доказательством величия, роскоши, вкуса и богатства Франции, хотя, скажем в скобках, собственно французских денег на него не потрачено ни копейки: вся постройка, как говорят, произведена, по примеру англичан, исключительно на счет местных источников. Вообще французское правительство весьма благоразумно старается не только всю местную свою администрацию, но и войска

содержать на средства, извлекаемые из самой колонии, из ее податных сил и других источников, не обременяя, впрочем, население налогами, как англичане своих индусов, и от этого в населении незаметно никакого враждебного или недоброжелательного отношения к своим покровителям: так, по крайней мере, уверяли нас на "Пей-Хо" и в Сайгоне наши французские знакомцы. И я этому охотно готов верить, хотя бы уже только потому, что у французов нет того высокомерия по отношению к туземцам, какое составляет самую характеристическую и препротивную черту англичан в Индии. Французы вообще проще, гуманнее и, так сказать, демократичнее англичан относятся к своим азиатам, и в этом они много напоминают наши собственные отношения к нашим кавказским, средне-азиатским и сибирским инородцам.

Перед фронтом дворца лежит обширный шоссированный двор, в центре которого находится большой газон, обсаженный кустовидными пальмами, агавами и другими растениями. Двор огражден бронзированной решеткою изящно-легкого рисунка с такими же

воротами и фонарями посредине. Караул у ворот содержат местные милиционеры. Этот оригинальный род воинства заслуживает, чтобы рассказать о нем несколько подробнее.

Вскоре после приобретения Кохинхины, французы организовали из туземцев двойного рода милицию: линтап и мата. Первая пополняется посредством вербовки и образует так называемые "туземные роты", состоящие под командой французских офицеров. Это, в некотором роде, войско регулярное, вполне обученное по французскому уставу, носящее и форму, и вооружение такие же как у французской морской пехоты и подчиняющееся всем условиям французской военной службы и требованиям солдатской внешности, даже до необходимости обрезать свою роскошную косу и стричь под гребенку волосы. Вторая же, мата, составляет род гражданской стражи, несущей вместе с тем и полицейские обязанности. Милиционеры этого рода конвоируют арестантов, держат караулы при тюрьмах, казенных складах, магазинах и при управлении территориальных инспекций (вроде наших станом). У каждого инспектора есть подчи-

ненная ему команда мата, численность коей находится в зависимости от величины инспекции и потребностей местной административно-полицейской службы. Люди поступают в мата не на какой-либо определенный срок, а по вольному найму, за известное жалованье, вроде того, как у нас полицейские городовые, и им присвоена известная форма, приспособленная к их привычкам и климатическим условиям. Они ходят всегда босиком, так как обувь, даже самая легкая, стесняет непривычного к ней аннамита-простолюдина; кос своих могут и не срезать, если не желают, и потому почти вся мата носит их шиньоном под небольшою головною повязкою из черной или синей крашенины. Головной убор их состоит из маленькой плоскато-конической шляпки с медной шишечкой, к которой иногда прикрепляется красная или черная кисточка из конского волоса, рассыпающаяся по окружности всей шляпки, что, кажется, служит известным отличием их чинов и званий, каковы суть каи и дай, соответствующие капралу и сержанту, и толан — тоже что и курьеры или рассыльные. Мундир заме-

няет светлосиняя распахнутая рубашка, обшитая по бортам и на рукавах желтым басоном, что также служит отличием чинов, если басон нашивается на рукавах мысом кверху в один, два и три ряда. Носится эта рубашка поверх исподней белой сорочки или фуфайки без воротника и стягивается кожаным ремнем, на котором надеты с левого бока штыковые ножи. Остальной наряд дополняется длинными, по щиколотку, штанами из белого колена и широким красным шерстяным поясом. На этом поясе, под мундирной рубашкой, всегда висит кисет с табаком или бетелем и китайский столовый прибор, состоящий из двух костяных палочек и небольшого ножа, помещенных в узеньком футляре. Вооружение мата состоит из ударных ружей, носимых на заплечном ремне, и иногда из короткой малайской пики, а снаряжение дополняется кожаной патронною сумкою на португальской, надеваемой через левое плечо. Такие-то мата, в виде парных часовых, держат караул и у ворот губернаторского дома.

Остальные, уже чисто французские войска, состоят исключительно из морской пе-

хоты, одетой в синие жакеты из грубого сукна и широкие шальвары зуавского покроя[71] с гамашами; головным убором служит легкая белая каска английского образца; вооружение — шаспо[72] и ятаганы. Этого рода войск в мирное время находится здесь не более трех тысяч, распределяемых казарменным порядком в нескольких наиболее важных пунктах колонии. В Сайгоне находится один батальон, и мы видели его казармы, расположенные недалеко от Ботанического сада. Это — прекрасное трехэтажное здание на широком кирпичном фундаменте, опоясанное трехъярусною галереей на тонких железных устоях и с решетчатыми подзорами, выкрашенными белую краской. Как снаружи, так и внутри, казармы эти содержатся в величайшей чистоте и порядке; в помещениях достаточно света и воздуха, а благодаря широким наружным галереям с подзорами и хорошей вентиляцией, в них никогда не проникает солнце и постоянно ощущается легкая прохлада. На черепичной кровле размешены три громоотвода, а перед галереями, для большей тени, рассажено несколько больших густолиственных

деревьев. Здание это помещается внутри упраздненного редута с запущенным валом и ровом, густо поросшим всякою болотною растительностью, где, как говорят, в изобилии водятся кобры и другие змеи, между которыми попадаются и большие удавы. Соседство, надо полагать, не из особенно приятных.

— Но почему же в таком случае не распорядиться очистить ров, уничтожить всю эту сорную поросль? — спросили мы у сообщавшего нам об этом обстоятельстве француза.

— Как его очистить? — пожал он плечами, — выжечь? Все эти гадины расползутся, а отчасти, пожалуй, еще переселятся и в самые казармы. Выкосить и выполоть, но это еще опаснее: во время такой работы они могут перекусать Бог знает сколько народа... Нет, уж лучше оставить их в покое, как есть. В этом болоте они менее опасны, а если когда выползают из него, то это лишь случайность, притом выползают поодиночке или парой, так что убить их ничего не стоит. Впрочем, случаи укушения между солдатами до сих пор бывали весьма редко.

Еще во время прогулки по саду, над Сайго-

ном стали собираться тяжелые, грозовые тучи, что и заставило нас поспешить домой, пока еще не хлынул тропический ливень. Но на сей раз, слава Богу, обошлось без грозы, ветер отогнал тучи в сторону, и мы благополучно доехали до Папского отеля, поспев туда прямо к обеду за табльдотом. Вечер провели на веранде гостиницы, поневоле слушая концерт гекко, цикад и лягушек и глядя, как французы потягивают коньяк с кофе и просто целиком или устраивают себе из него особое питье со льдом, подмешивая в него лимонного соку и мелкого сахара, а затем сосут его через соломинку.

Ни концертов, ни театра в Сайгоне на сей день не было, да, кажется, и давно уже там ничего подобного не бывает, а потому, купив при помощи местного аптекаря, весьма любезного и обязательного человека, несколько фотографических видов и типов Сайгона, мы предпочли доскучать остаток вечера на "Пей-Хо", чем коротать его попусту на папской веранде, к тому же и опустевшей час спустя после обеда. Сайгон, как видно, ложится спать рано: в девять часов вечера все улицы уже пу-

сты, и только кое-где мелькает свет одинокой лампы из-за зелени палисадника.

В три с половиной часа ночи пароход наш отошел от пристани и тронулся в дальнейший путь при помощи отлично опытного лоцмана, который без особых приключений, хотя и черепашьим ходом, благополучно вывел его мимо всех мелей и паркетов в устье Меконга. К шести часам утра мы подходили уже к мысу святого Иакова. Здесь пристала к нашему борту казенная шлюпка с форменными аннамскими гребцами из команды мата и приняла от нас исполнившего свою обязанность лоцмана.

Утро вставало ясное, спокойное, величественное. Пурпурно-огненное солнце, испуская столпы розоватого света, расходящимися радиусами по холодному еще небу, поднималось к нам навстречу из-за серо-стальной глади спокойного моря, чуть подернутого ворононою предутреннею рябью. Холодные тени ночи как бы не успели еще совсем слететь с него, а белые чайки и рыбацьи паруса уже там и сям мелькали вдали над водами.

От Сайгона до Гонконга

Явления морской скорости. — Китайская колония на палубе "Пей-Хо". — В ожидании тайфуна. — Грозное кольцо. — Ждать или не ждать в Гонконге. — Русское чаепитие. — Шу-Киангский архипелаг.

14-го августа.

Зеленый цвет Желтого моря у берегов напоминает свою изумрудностью цвет воды Босфора. Благоприятная погода, легкий прохлаждающий ветерок. Идем в виду холмистых берегов Кохинхины, где ярко желтеют полосы прибрежного песка.

Весь день стояла над морем весьма ощутительная сырость: руки, белье и платье были совершенно влажны, и это тем страннее, что небо было ясно, почти при полном отсутствии облаков, даже на горизонте, что в этих широтах крайнего Востока составляет довольно редкое явление. С нами едет из Сайгона целая колония китайцев, возвращающихся на родину, в окрестности Кантона. Они заняли

всю носовую часть верхней палубы, устроили у бортов из циновок разные шалашики, расположили под ними свои постели (та же циновка, подбитая легким войлоком) и весь походный скарб, состоящий из чемоданов, сакков, узелков, картонов и сундуков, и благодумствуют себе под этими "кущами": валяются по несколько часов подряд, не вставая с места, жрут чеснок и вяленую рыбу, распивают чай, курят свой противный табак, смоченный опиумом и пропитанный свечным салом, и азартно играют в кости да в орлянку, а главное, успели уже заразить всю палубу своим специфическим китайским запахом до такой степени, что просто с души воротит!

15-го августа.

Ужасная жара, в тени 33 градуса Реомюра. Кажись, еще жарче, чем в Красном море. Отошли от берегов, и цвет воды опять изменился: вместо изумрудно-зеленого стал светло-синим, как кобальт, вроде Средиземного моря, только не такого безукоризненно чистого оттенка. Ветер попутный и потому почти несколько нам не заметен. Приближаемся к зоне тайфунов, свирепствующих в закрытых

китайских морях во дни равноденствий и почти в каждое новолуние. Хотя небо сегодня яснее даже, чем в предшествовавшие дни, тем не менее, в ожидании возможности тайфуна на "Пей-Хо" сделаны некоторые приготовления: паруса не ставятся, верхние реи спущены и с кормовой палубы снят верхний тент, вследствие чего там стало жарко почти невмоготу. Попытались мы было спуститься в каюты, но там, несмотря на открытые иллюминаторы, такая духота, что просто смерть. Солнце до такой степени накаляет борта, что пропекает насквозь все обшивки судна. Приложишь днем руку к наружной стене своей каюты и чувствуешь, как тепла эта стена, словно вчера истопленная голландская печка. К ночи она едва охладится, а к десяти часам утра опять уже голландскую печь напоминает.

Нет, тяжела ты, благодатная полоса тропиков!..

Солнце закатилось спокойно. Закат был совершенно ясен, и запад окрашен в золотисто-желтый ровный цвет безо всяких красивых тонов и оттенков. Но едва наступила ве-

черная темнота, как по всему горизонту, а в особенности на западе, над китайскими берегами засверкали частые и сильные молнии. Порою они вспыхивали одновременно в разных концах горизонта и почти без промежутка во времени и пространстве. Все небо как бы вздрагивало, озаряемое их трепещущим светом. Мы шли, охваченные сплошным кольцом грозы, которая, по-видимому, была ужасна, в особенности над китайским материком, но у нас все было в высшей степени спокойно: и неподвижный воздух, и стеклянистое море. А ясное небо вызвездилось над нами как будто еще ярче обыкновенного. Млечный путь, в особенности в своей южной половине, был замечательно ярок, и от некоторых крупных звезд ложился по спокойным пространствам вод бледно-серебристый столб отраженного света. Это сверкание перебегающих молний продолжалось далеко за полночь. Я долго наслаждался на палубе ночным воздухом, не столь сырым сегодня как вчера, и любовался на фантастическую игру молний, но, не дождавшись конца грозы, которая, вероятно, длилась до рассвета, ушел спать в

свою душную каюту.

16-го августа.

Жарко по-вчерашнему: те же 33 градуса в тени.

Есть предположение, заявленное нашим адмиралом, что, быть может, мы не пойдём теперь далее Гонконга и потому велено быть готовым, на всякий случай, к оставлению нашего парохода завтра же утром. Эта предполагаемая остановка должна находиться в зависимости от политических известий, какие рассчитывает адмирал получить от нашего гонконгского консула и от телеграммы морского министра, которую, быть может, мы там застанем. Если же наш, как говорится, "политический горизонт" будет ясен, то можно надеяться, что через 36 часов пойдём на этом же пароходе и далее, до Шанхая.

После завтрака, благодаря М. А. Поджио, мы отлично устроились на площадке жилой палубы рядом с нашими каютами, между двумя открытыми бортовыми дверями, где продувает легкий сквозной ветерок. Можно дышать, не изнемогая от зноя. Здесь нам поставили небольшой столик, вокруг которого мы

в своей маленькой компанией уже несколько дней в эти часы совершенно по-русски "прохлаждаемся" чаем, так что французская прислуга, глядя на нас, видимо, изумляется, — какое количество кипятку могут поглощать в такую жару эти господа русские!.. Впрочем, некоторые пассажиры, кажись, даже завидуют немножко нашему комфорту. Сегодня мистрисс Санномийа с мужем нарочно пришли полюбоваться, как это мы устроились на прохладе, и, по-видимому, они остались очень довольны остроумным изобретением Поджио. Чай, благодаря все ему же, у нас свой, русский, предусмотрительно взятый им в достаточном количестве еще в Петербурге. Как человек бывалый, он знал, что ни на французских, ни на английских пароходах, а равно и в гостиницах, ихнего чая пить невозможно, он и плох сам по себе, да и заваривать его не умеют: русский же чай, приготовленный по-нашему, очень нравится и японцу Санномийа, и его супруге, и англичанину Эллиоту (пресимпатичному, между прочим, человеку), и бельгийцу Мишелю. Поэтому М. А. Поджио каждый день в два часа пополудни очень лю-

безно угощает их всех этим "прохладительным" напитком. Санномийа даже находит, что хотя чай и принадлежит Китаю, где его пьют уже с незапамятных времен, но если кто "создал" его как действительно вкусный напиток, то это отнюдь не китайцы, а русские.

17-го августа.

В шесть часов утра "Пей-Хо" поравнялся с находящимся в устьях Шу-Кианга архипелагом шхеристых островов, предшествующих Гонконгу. Острова эти вообще невелики. Иные из них не более как надводные камни и банки, другие выпуклы как хребет черепахи, третьи конусообразны, и все вообще покрыты кое-где скудною травкой; некоторые достигают нескольких миль в окружности, другие можно обойти вокруг пешком не более как в полчаса. Общим же видом и характером своих обнаженных каменистых вершин они напоминают скорее всего острова Эгейского архипелага и расположены двумя грядами: восточная вправо от нас тянется в направлении ОНО, делясь на две большие группы, Кийпонг и Лема, а западная распадается на несколько

мелких групп, пока не завершается наконец большим противоположащим Гонконгу островом Лентао, который окружен целым ожерельем из небольших островов и камней. Пароход идет между этими грядами как бы водным коридором, встречая и обгоняя массу китайских джонок.

Гонконг

Вид острова Гонконга. — Пик Виктории и пик Альберта. — Общий вид пика и города Виктория с рейда. — Закрытое положение города. — Встреча с русским коммерческим консулом. — Гонконгская набережная и ее пристань. — Паланкины. — Характер европейских построек в Гонконге. — Сады и красивые уголки. — Благоустройство города. — Отель "Универсал?" и его обстановка. — Услуга со стороны солнца моим сигарам. — Ботанический сад. — Воскресный день у гонконгских англичан. — Городские храмы. — Костюм католических монахов и православный звон колоколов. — Гонконгские клубы и их значение в местной жизни. — Ин-

терес здешних англичан к нашим делам с Китаем. — Улица Королевы и характер ее построек. — Магазины китайских изделий и их нарядная внешность. — Проявления художественного чувства в китайцах. — Лавки без запроса и лавки с запросом. — Как китайцы любят торговаться и какого покупателя они уважают. — Китайские подделки старого фарфора.

Продолжение 17-го августа.

П В 8 1/2 часов утра подходим к массивному гранитному кряжу, составляющему остров Гонконг, на котором по другую сторону горы, на ее северном склоне, расположен город Виктория. Гора эта в 1.825 футов вышины также носит имя королевы Великобританской, ее называют здесь "пиком Виктории". Остров тянется от запада к востоку на протяжении 16 километров, имея в ширину от трех до восьми километров при очень прихотливом очертании берегов, в особенности южных, врезающихся в глубь его заливами и выдающихся длинными мысами. Кряж его, от 500 до 600 метров высоты, представляет целый ряд вершин и вершинок, соединенных

между собой седловинами, и спускается к береговой линии постепенно понижающимися холмами и террасами, а в некоторых местах и крутыми утесами. Пик Виктории находится на западном конце острова, а на восточном высится пик Альберта, несколько ниже первого (1.711 футов), на обоих виднеется по одному семафорному флагштоку и несколько домиков. На Виктории, кроме того, устроено что-то вроде укрепления, насколько можно судить снизу, и там развевается национальный английский флаг. Гранитный пик Виктории местами покрыт довольно скудной травой и кое-где искусственно разведенными садами, среди которых отдельно и широко друг от друга стоят несколько белых домов уже знакомого нам англо-колониального типа, принадлежащих местным богачам, переселяющимся на лето повыше, чтобы пользоваться более чистым и прохладным воздухом. Между этими бенглоу указывают и дачу гонконгского губернатора, которым теперь состоит некто Генесси, известный в 1863 году полонофил и заклятый враг России.

В девять часов утра, пройдя узкостью меж-

ду берегом Гонконга и маленьким островком Зеленым (назван так потому, что весь покрыт травой), на котором в полугорье выстроен невысокий маяк, входим на Гонконгский рейд. Здесь приближается вышедший нам навстречу паровой катер под русским консульским флагом и, описав дугу, идет бок-о-бок с нами. Вот открывается город, расположенный амфитеатром по склону пика Виктории до половины его высоты; а внизу ряд каменных зданий, по большей части коммерческого характера, унизал собою весь берег слегка вогнутою широкою дугой. С этой стороны пик Виктории представляется в виде тупого, неправильного конуса с закругленною вершиной. На первый взгляд город не показался мне особенно красивым, быть может потому, что очень уж нам его нахвалили именно со стороны картинности и тем заставили ожидать чего-то необычайного. В общем, это несколько горизонтальных линий, образуемых большими трехэтажными каменными домами с широкими окнами и аркадами по всем этажам; линии эти местами пересекаются зеленью деревьев, а задние планы тонут в

садах, из которых там и сям выглядывают крыши и верхние этажи отдельно разбросанных домов более уютного характера. На первый взгляд кажется, что город стоит точно в котле: с тылу закрыт он Гонконгским кряжем и пиком Виктории, а с фронта, по ту сторону рейда, и с боков — Каулунским берегом китайского материка и другими островами. Говорят, что вследствие такого положения он мало проветривается и страдает от ужасной жары, какую пышут раскаленные скалы.

Чуть только бросили якорь, пароход, по обыкновению, был окружен массой разнообразных лодок, среди которых преобладали китайские сампанги. В подобных сампангах живет на рейде целое население. Первым пристал паровой катер, из которого поднялся к нам на палубу русский коммерческий консул господин Реймерс (германский подданный) и тотчас же представился С. С. Лесовскому. Он должен передать адмиралу некоторые сведения, и в беседе с ним решается теперь важный для нас вопрос: останемся ли пока в Гонконге или пойдем далее? Десять минут спустя было уже известно, что здесь не оста-

немся. Адмирал с супругой съехал на берег в консульском катере, который вскоре возвратился опять к нашему борту, чтобы забрать свиту адмирала и вещи.

Плывем к прекрасной набережной Беддар, облицованной бетонною стенкой и гранитными плитами. У пристани толпится много сампангов, но суеты между ними нет ни малейшей и порядок поддерживается самими лодочниками, так что присутствие здесь одного полицейского, рослого и красивого индуса в красной чалме и белом кителе с нашитыми на воротнике медными нумерами, оказывается, по-видимому, более для парада, чем по необходимости. Пристань весьма удобна и находится как раз против дома нашего консула. Рядом с ним идут вдоль набережной такие же трехэтажные с аркадными верандами дома других консулов и пароходных компаний; над каждым из них развевается на флагштоке свой национальный или компанейский флаг. Набережная полна оживленного, чисто портового движения.

Только что мы высадились, к нам подошло несколько носильщиков китайцев с плетены-

ми бамбуковыми паланкинами. Каждый паланкин устроен только на одного пассажира и поднимается двумя кули, носящими его на длинных шестах, по-видимому, без труда, очень легкой, согласной и довольно быстрой походкой, которая замедляется несколько лишь при подъеме в гору. Экипаж этот, испытанный мною здесь впервые в жизни, оказался очень удобным. Прежде всего он очень легок, представляя собой кресло, утвержденное на маленькой платформочке, служащей ему дном или полом, и защищается от солнца зеленым клеенчатым навесом, полы которого, смотря по надобности, вы можете спустить и с боков, и спереди, и сзади. Тут вы со всех сторон прикрыты от солнечных лучей, а сквозной ветерок достаточно освежает вас во время движения. Паланкины заменяют в Гонконге извозчиков. (Кстати: я говорю "в Гонконге", а не в "Виктории", потому что город называется Викторией только на официальном языке, а в просторечии все, и даже сами англичане, зовут его Гонконгом). Поэтому на каждом паланкине с обоих боков четко выставлен крупными цифрами его номер, а па-

ланкинщики более или менее все известны полиции. Их, однако, тут больше тысячи человек, судя по тому, что мне довелось быть несомым в № 555. На набережной, перед отелями, перед клубом и на всех перекрестках вы всегда найдете группу нескольких поставленных в ряд паланкинов. Это для них уже определенные места, все равно как у нас извозчицьи биржи. Внутри каждого паланкина прибита такса, где обозначены цены за конец и по часам, вообще недорогие.

Мимо четырехугольной башни с городскими часами поднялись мы в гору по отлично шоссированной улице; тротуары по обеим сторонам ее обсажены высокими ветвистыми деревьями, которые сплошь покрывают шоссе своей приятной тенью. Дома, обрамляющие с обеих сторон эту улицу, все выстроены весьма фундаментально в три и четыре этажа и кажутся очень массивными благодаря своим каменным террасам, верандам и галереям на толстых каменных аркадах и гранитным фундаментам, из коих те, что стоят на склонах горы, высятся на несколько аршин вверх и имеют вид крепостных стен, покрытых пол-

зучими растениями и папоротниками, вырастающими из расщелин и швов их камней. Каждый дом имеет свой сад или цветник с несколькими тенистыми деревьями, разведенный на террасе, которая служит продолжением того же гранитного фундамента, так что в Гонконге вы почти везде видите сады, как бы нависшие одни над другими, и из зелени этих садов выглядывают где угол какого-нибудь дома, где балкон или крытая галерея, где вышка или башенка, и все эти архитектурные выдумки очень красивы каждый в отдельности. Поэтому, должен сознаться, насколько не понравился мне вид города с рейда, настолько же самый город внутри своих улиц сделал на меня приятное по своей оригинальной красоте впечатление. На всех улицах вы встречаете великолепное, всегда начисто подметенное и вспрыснутое шоссе и широкие мощеные тротуары; везде проложены подземные сточные трубы, везде цистерны и краны водопровода и газовое освещение, словом, здесь соединены все условия для самой взыскательной в отношении общественного комфорта городской европейской

жизни. И надо сознаться, что так жить и так устраиваться умеют одни только англичане; это их преимущество, это дело их национального гения, что в особенности бросается вам в глаза после французского Сайгона: там тоже и газ, и шоссе, и водопроводы, но в устройстве самих жилищ уже далеко нет такой основательности и такого всеобъемлющего комфорта как здесь. В Сайгоне, например, нет даже вполне порядочной гостиницы, тогда как здесь отель "Универсаль" на Виндхамстрит, в котором мы остановились, это в своем роде дворец: широкие прохладные сени, широкие выложенные и покрытые коврами лестницы, обширная прохладная столовая, кабинет для чтения, гостиная, веранда для послеобеденного отдыха; видно, что на устройство всего этого средств не жалелось, а главное, видно умение устроиться. Помещения для постояльцев тоже отличаются простором: стены в восемь аршин высоты, широкие и высокие окна, дающие много света и воздуха, а стоит лишь надавить в раме пружину, и вы благодаря жалюзи моментально очутитесь в приятном полумраке. Вдоль каждого этажа устроены сна-

ружи широкие крытые галереи и особые балконы-веранды, где вдосталь можно валяться в длинных плетеных креслах, наслаждаясь видом кудрявых соседних садов с выглядывающими из них зданиями и любоваться ребрами гор или рейдом с его сампангами, драконовидными джонками, пароходами и пестреющими на мачтах многочисленных судов флагами чуть не всех приморских стран и народов. Благодаря этим галереям и балконам, солнце никогда не заглядывает в самые комнаты, так что в них нет надобности даже и в панке. Об обстановке нечего и говорить: она полна чисто английского, самого требовательного комфорта и блещет не только чистотой и лоском, но даже роскошью. Везде громадные ковры, чугунные камины, на каминные бронзовые вещи и фарфоровые вазы — произведения китайских и японских фабрик. Что же мудреного, если после сайгонской пародии на гостиницу, какие вы встретите разве в некоторых из наших захолустных городов, отель "Универсаль" в Гонконге показался нам просто дворцом и не оставил желать ничего лучшего! А это еще, говорят, не лучшая

гостиница в городе и относительно цен даже довольно дешевая. Двое суток, проведенных в ней, обошлись каждому из нас со столом и разными "консомациями" средним счетом по десяти долларов. Двадцать пять франков в сутки за весь этот комфорт и обильный стол, как хотите, недорого.

Чтоб убить как как-нибудь время пока не спадет дневная жара, мы слегка закусили, напились чаю, который приготовили себе сами, ибо английскому приготовлению больше не доверяем, и предались полному кейфу, то есть лежанию в широких, длинных эластических креслах на прохладной веранде. Жгучие лучи солнца касались только ее каменной балюстрады, которую я воспользовался в это время, чтобы высушить свои сигары, купленные в Сингапуре и отсыревшие за несколько суток плавания до такой степени, что ни одной из них невозможно было раскурить. Солнце сделало свое дело, и менее чем через час мы уже наслаждались прекрасными, вполне сухими гаванскими сигарами. Но увы! Наслаждение это будет продолжаться лишь до выхода в море, до новой ночи, проведен-

ной в душной каюте, в воздухе перепрелом от всепроникающей теплой сырости.

Около четырех часов дня мы спустились вниз, уселись в паланкины, услужливо поднесенные к самой лестнице носильщиками, и отправились осматривать город.

Зимний губернаторский дом с вышкой и флагштоком, на котором гордо развевается английский флаг, стоит отдельно в полугорье, окруженный великолепным Ботаническим садом, где роскошь тропической растительности спорит с английским желанием придать ей еще более красоты самым устройством и расположением сада, с его широкими гранитными лестницами, ротондами, фонтаном, баллюстрадами и пестрыми цветниками.

Так как день был воскресный, то все английские конторы и правительственные учреждения, разумеется, были закрыты. Даже в частных домах, занятых англичанами, жизнь затаилась где-то внутри, невидимая для постороннего глаза, да и на улице какой-нибудь джентльмен, весь в белом фланелевом костюме, с неизменным пробковым шлемом на голове, являлся в виде редкого ис-

ключения. И если в этот раз мы встретили несколько десятков европейцев, то достаточно было взглянуть на их физиономии, чтобы поддержать пари, что по крайней мере 9/10 из них не англичане, а немцы, французы, голландцы, да и те-то наполовину были моряки или туристы, переселившиеся сюда, подобно нам, на несколько часов, прямо с пароходного борта.

В городе есть англиканская церковь, вся белая, в готическом вкусе, с трехъярусной башней, без шпиля, взамен которого наверху ее торчат четыре шпилька наугольных башенок. Кроме того, есть еще католический монастырь, большое здание с двумя колоколенками по бокам главного фасада. Монахи его бород не бреют и носят сандалии, широкополые шляпы из черного плюша и белые сутаны с капюшоном, что очень красиво. По случаю вечерней службы, на этих колоколенках звонили и, что меня особенно удивило, колокольный перезвон был вовсе не католический, а скорее наш, православный: и колокола здесь не самозвоны, то есть не раскачиваются на осях, и звонят в них дергая не за ры-

чаг, а прямо за язык, как у православных: притом сочетание их звуков представляет очень искусно подобранную музыкальную гамму, дающую полный аккорд.

В Гонконге имеются два клуба: английский и немецкий, оба помещаются в больших, прекрасно и специально с этою целью построенных домах. Для холостых и одиноких своих членов эти клубы представляют то удобство, что в них можно пользоваться особыми комнатами для постоянного житья на полном пансионе, за умеренную плату. Здесь же главный резервуар всех коммерческих и политических новостей, которые получаются в Гонконге весьма быстро, благодаря телеграфному кабелю, соединяющему этот город с Лондоном. Редакция местной газеты иногда по несколько раз в день вывешивает в клубах печатные бюллетени с самыми свежими новостями и самыми последними биржевыми ценами Лондона, Парижа, Берлина и Шанхая. В настоящее время здешние англичане с особенным интересом следят за ходом наших переговоров с Китаем, и все правительственные мероприятия, как с нашей, так и с китайской

стороны, касающиеся "конфликта", все распоряжения и назначения, перемещения военных судов, частей войск и начальствующих лиц, все это, спустя не позднее суток, уже становится известным в Гонконге и подвергается очень оживленным обсуждениям в клубах, которые, за отсутствием театра и других общественных развлечений, кроме бегов на ипподроме, являются единственными местами, соединяющими в себе здешнее европейское общество.

Спустясь с горы, мы повернули мимо английского клуба налево на Королевскую улицу, идущую параллельно набережной. Это главная улица города Виктории. С обеих сторон ее тянутся многоэтажные каменные дома, с глубокими по всем этажам галереями на колоннах, с массивными баллюстрадами и плоскими кровлями, на которых, подобно тому, как в Александрии, устроены на деревянных стойках холщовые навесы вроде балдахин и цветники, где в больших китайских горшках и расписных вазах культивируются разные редкие цветы и растения, с которыми китайские садоводы делают что им угодно,

превращая карликов в гигантов и гигантов в карликов.

Галереи нижних этажей под арками сплошь заняты магазинами. Европейские, то есть английские магазины были, разумеется, закрыты; зато китайские, японские и индийские полны торговой деятельности. Что за роскошные и оригинальные выставки товаров! И как поневоле разбегаются глаза, глядя на всю эту роскошь, где изящество и восточная пестрота, споря между собою, дают своими красками и формами богатейший материал для художника! Индийские и китайские шелковые ткани, шитье по сукну и атласу шелками и золотом, китайские парчи и крепы, японские вазы и бронзы, кантонские изделия, фарфоровая расписная посуда, фаянсовые блюда и тарелки, игрушки точеные из слоновой кости, причудливые веера и фонари, акварели на шёлку и на рисовой бумаге, ажурно резная и инкрустированная мебель из черного дерева, экраны, этажерки, шкафчики, фарфоровые табуреты в виде бочонков, модели джонок и пагод из кости, деревянные, бронзовые и фарфоровые куклы и бурханы

(идолы) и тысячи иных вещиц и безделушек, все эти "Китайские изделия" блещут на виду разноцветными яркими красками, серебром и позолотой: все это картинно расположено на столах и в витринах и расставлено на полках так ловко и красиво, что каждый магазин со всею обстановкой, с этими полуобнаженными мускулистыми кулиями и одетыми в белые кофты, длинноносыми, гладкими, выхоленными хозяевами и приказчиками сам по себе составляет целую картину, которую прямо бери и пиши, а уж раздолье тонам и краскам будет! Уже несколько придают улице оригинальности и какой-то праздничной нарядности хотя бы одни эти наружные вывески китайских магазинов, спускающиеся с высоты вторых и третьих этажей в виде разноцветных лент, испещренных золотыми, красными и черными китайскими надписями. А эти легкие, прорезные, лакированные двери, ведущие в магазин, эти божницы с зажженными свечами и лампадами, уютящиеся где-нибудь в почетном месте заднего плана каждой китайской лавки, эти узорчатые раззолоченные решетки из кедрового и красного де-

рева, отделяющие, подобно алькову или театральным кулисам, заднюю часть лавки от передней, все это прелесть как хорошо и оригинально!.. Достаточно взглянуть на устройство хорошей китайской лавки, на выставочную группировку и расстановку ее товаров, не говоря уже об их достоинстве и отделке, чтобы признать в китайцах людей с большим артистическим, хотя и крайне своеобразным вкусом. Своего рода художественное чувство китайца проглядывает даже и в том, как продает он вам какую-нибудь хорошенькую вещь, с каким наслаждением сам любит ее в это время. На его лице ясно отражается, насколько сам он чувствует и глубоко понимает всю ее китайскую прелесть.

В одном из рекомендованных нам магазинов, № 62, мы сторговали на выбор несколько кантонских тарелок за 20 долларов. Хозяин сначала было уступил их, но затем самому вдруг стало жалко своего товара. Уж он и вздыхал, и рассматривал каждую тарелочку, указывая на достоинство и тонкость ее рисунка и фарфора, и бормотал что-то себе под нос, и высчитывал, — словом, видимо, не хотел

выпустить красивый товар из своих рук, и наконец попробовал даже сказать, что он ошибся в цене, на что ему, впрочем, было заявлено нами, что это, мол, уже не по-джентльменски. Тогда, нечего делать, полюбовавшись в последний раз своими тарелками, купец махнул рукой и со вздохом приказал кули завертывать их и упаковывать. Тут, очевидно, соединялось в нем два чувства: одно — артистическое любование хорошей вещью, с которым просто жаль расстаться, а другое — простая жадность к деньгам и сожаление, зачем продешевил товар покупателю-варвару, который, может быть, дал бы за него и дороже, если бы поторговаться с ним поупорнее.

Лавка № 62 была рекомендована нам за такую, где торговля идет без запроса, но, испытав ее на деле, я не возьму на себя отстаивать именно это ее качество. Приценясь к подобным вещам в других лавках, мы убедились, что "китаец без запроса" все-таки запросил и получил с нас против действительной цены, только на том основании, что у него якобы "без запроса". Между тем, в некоторых других лавках, где торгуют "с запросом", можно было

бы приобрести такие точно вещи доллара на три, на четыре дешевле. С китайцами, как и вообще со всеми азиатами, можно и должно торговаться. Китаец любит продать, но и поторговаться тоже любит. Ему, по-видимому, нравится самый процесс торгованья, выторговыванья и уступки. Это торгаш не только по профессии, но и по натуре, и если он назначит вам цену, смело давайте ему одну четверть того, что запрошено. Он непременно начнет вас убеждать и божиться, что меньше взять никак невозможно, но не обращайтесь на это никакого внимания и, пожалуй, уйдите из лавки. Можете быть уверены, что не только на возвратном вашем пути, но и завтра, и послезавтра, даже несколько дней спустя, если вам придется проходить мимо, китаец (он уже хорошо и притом сразу заметил вашу наружность) встретит вас у дверей своей лавки не иначе, как вежливым поклоном, с самой любезною улыбкой и приветливо попросит зайти к нему, напомнив, что вы тогда-то торговали у него такую-то вещицу. Заходите к нему смело. Вас усадят на бамбуковый или фарфоровый табурет, предложат чашку чая и

манильскую сигару и вновь поставят перед вами интересующую вас вещь. Тут уже начинается новый торг как со знакомым. Китаец, хотя и старается самым любезным образом убедить вас в невозможности цены дешевле той, какую он запросил, тем не менее, по всем его приемам, вы замечаете, что внутренне он расположен к уступчивости. Тогда начинайте ему набавлять, но отнюдь не сразу и понемножку: он же понемножку будет спускать и, наконец, ко взаимному вашему удовольствию, вы сойдетесь на половине или немного более, чем на половине цены, первоначально запрошенной. Некоторые из русских думают, что торговаться вообще "неприлично", — не барское, мол, дело, — и дают сразу цену, какую бы с них не запросили. Но этим они только портят цены и совсем напрасно воображают, будто китайцы, понимая такую барскую тенденцию, уважают их за это. Увы! Что хорошо в петербургских ресторанах с татарами, совсем неуместно с китайскими купцами на крайнем Востоке. Напротив, подобного покупателя китаец вовсе не уважает и, если продает ему вещь, — да и как не про-

дать, когда тот сразу дает что ни запро-
сишь! — то продает безо всякого удоволь-
ствия. Именно "без удовольствия", потому что
такой покупатель самого его лишает прият-
ности пройти лишний раз весь любезный ему
процесс торгованья, выторговыванья и уступ-
ки. Неудобство при этом, разумеется, то, что
вам приходится терять много лишнего време-
ни, и китаец чувствует это, а потому-то и ста-
рается, показывая товар лицом, всячески
быть любезным и утонченно вежливым с ва-
ми, всячески занимать и, пожалуй, даже раз-
влекать вас, так сказать, сдобрить, умягчить
вашу душу для того, чтобы вы поддались на
его цену. Но, отвечая любезностью на любез-
ность, все-таки будьте тверды и стойки, хотя
отнюдь не упрямы: набавляйте, не увлекаясь,
понемножку, если хотите купить выгодно и
унести с собою уважение китайского купца. В
этом случае он сам наблюдает за особенно
тщательною укупоркой ваших вещей и, не
беря денег в лавке, сам будет сопровождать
своих кули с этими вещами к вам на кварти-
ру, где и получит за них по счету.

Китайский фарфор вообще очень хорош,

как старый, так и новый: но здесь, как и в Европе, существуют подделки старого фарфора, в особенности так называемых кракле, то есть вещей, на которых глазурь от времени и долгого употребления дала трещины в мелкую клетку. Неподдельные кракле и в самом Китае ценятся очень дорого, и для того, чтобы купить их, по большей части нужен хороший случай: значит, прежде всего нужно время, которого у таких путешественников, как мы, очень мало, а во-вторых, большие деньги и, наконец, в-третьих (что всего важнее), опытность, потому что на отлично подделанных кракле очень легко можно быть надутым. Поэтому новички поступят гораздо благоразумнее, если станут покупать вещи заведомо новой фабрикации, тем более, что сами по себе они вполне могут удовлетворить как изяществом своей формы, так и красотой рисунка, да и надуть на них нельзя, так как цены на такие вещи всегда известны и доступны.

Гонконг (продолжение)

Наружность и характер английских солдат. — Местный высший свет на предобеденной прогулке. — Деловой склад жизни в Гонконге и отсутствие общественных развлечений. — Китайцы чернорабочие (кули). — Обеды вместо ужинов. — Женское молоко вместо коровьего. — Как едят англичане в Гонконге и как пьют они. — Китайская прислуга. — Столовая во время табльдота. — Китайские повара и меню нашего обеда. — Состав табльдотной публики. — Ночная буря. — Корпорация паланкинных носильщиков. — Гонконгский климат. — Китайская часть города. — Холм Тал-Пин-Шан и характер его публики. — Английская полиция в Гонконге. — Игорные дома и английское фарисейство. — Количество и состав местного населения. — Толкучий рынок. — Ручные колясочки. — Что значит спущенная или подобранная коса у китайца. — Уличные азартные игры и лотереи. — Население "Счастливой Долины". — Мастерская

китайских художников, их произведения, приемы и способы работы. — Китайские подделки европейских вещей. — Взгляд китайца на европейскую цивилизацию. — Точно ли китайский "застой" то, за что его выдают европейцы? — Переменчивая погода. — Предвестники урагана. — Вечерние сигналы у английских солдат. — Как мы кончили свой день.

Уже начинало темнеть, когда после осмотра нескольких лавок мы предприняли небольшую прогулку пешком по верхним улицам. Это час, когда английские солдаты местного гарнизона, пользуясь своими рекреационными часами, выходят небольшими группами, а более всего отдельными парами, на вечернюю прогулку. На точно таких же франтоватых солдат с округло отставленными в стороны локтями (что называется "фертом"), с жирными ляжками, на которых красуются туго обтянутые и безукоризненно белые брюки, в шотландской шапочке, чересчур уже "молодецки" заломленной набедрень, и непременно с легкою тросточкой или хлыстиков в руках, — на таких солдат, го-

ворю я, мы уже насмотрелись и в Адене, и в Паунд-де-Галле, и в Сингапуре, и здесь вот видим опять совершенно подобных. Это значит, уже основной тип английского солдата повсюду один и тот же, но тип, надо сказать, совсем не военный, хотя мундирный англичанин, по-видимому, из кожи лезет, чтобы казаться как можно молодеватее и воинственнее. Вот, например, французский солдат в Сайгоне: этот и одет гораздо небрежнее английского, даже мешковато как-то сидит на нем его синяя жакетка из грубого сукна, и о походке своей не заботится он, идет с развалцем или в легкую припрыжку, не думая о том, достаточно ли "молодецки" сидит на нем его, заимствованный у англичан же пробковый шлем, или как подобает держать покрасивее локти, насколько нужно выпятить вперед свою грудь, какое выражение придать физиономии, словом, идет себе человек совсем просто, без натяжки, как бы забывая даже о своем солдатстве, а между тем, Бог-ведь, почему именно, но в нем невольно как-то чувствуется военный настоящий, а не наряженный только в форменный костюм. Военную

"косточку", какую-то неуловимую "жилку" военную чувствуете вы в нем и ни на минуту не усомнитесь, что перед вами настоящий, так сказать, прирожденный солдат, тогда как в англичанине вы явно заметите, что, идучи в публике, он постоянно старается самому себе напоминать о своем звании: я, дескать, военный и потому не должен забывать, что мне следует держаться так-то и так-то, дабы всем было видно сразу, что я, "черт возьми, военный!" Эта молодцеватость в нем деланная, напускная, вовсе неестественная и потому в военном смысле он держит себя с натянутою развязностью и производит ничем непобедимое впечатление белотелого, выхоленного приказчика, для чего-то переряженного в совершенно несвойственную ему военную форму.

В час вечерней прохлады, пока солнце еще не закатилось, верхний город стал оживленнее. Показались даже две-три леди в щегольских паланкинах, у которых сбоку шли пешком их мужья или кавалеры и разговаривали через тонкую решетку паланкинного окна со своими дамами. Эти дамы и кавалеры на-

правлялись к верхним террасам горы, где разбит по скатам прекрасный парк с великолепным видом на рейд, окруженный гористыми очертаниями противоположащих островов и Каулунского берега.

Это час, когда сливки европейского здешнего общества совершают свою предобеденную прогулку: ни ранее, ни позже вы никогда не увидите местных дам на улицах, да и мужчины, занятые или в разных офисах, или в банкирских и коммерческих конторах, тоже почти не показываются, разве в случаях неотлагательной надобности. Жизнь сложилась здесь самым деловым образом: раннее утро отдается занятиям, затем следует плотный завтрак, после которого наступают часы всеобщего оцепенения от жары, в комнатах с опущенными жалюзи и слегка продувающим сквознячком. С половины третьего часа дня опять начинается деловая жизнь, но ее отправления в обширных помещениях контор и правительственных "офис" совершаются незримо и как бы таинственно, при веянии громадных опахал (панка), в полусвете опущенных штор, причем сами дельцы сидят, по

большей части, без сюртуков и без галстуков и только отпиваются холодной содовой водой с абсентом и еще какими-то спиртуозами. Работа в это время подвигается, конечно, ленивее чем утром, но все же идет безостановочно и правильно, как машина с уменьшенным ходом, и так проходит время до пяти часов, когда все конторы закрываются и дельцы, закончив свой "деловой день", расходятся домой или по своим личным надобностям. Три часа времени, от пяти до восьми вечера, предоставляются в их собственное распоряжение. В это время они делают свои визиты, прогулки, катанья на гичках и яхточках по рейду, или моцион на кургузых лошадках по ипподрому. В восемь — обед, как в гостиницах и клубах, так и в семейных домах, после чего мужчины остаются еще часа два за столом, но уже без дам, смакуя портвейн, коньяк и ликеры и толкуя о биржевых ценах да о политике, а к одиннадцати часам вечера носильщики разносят всех этих побагровевших и осовелых джентльменов по их квартирам. В одиннадцать весь Гонконг, за исключением китайского конца, уже предается Морфею. Об-

щественных развлечений, как видите, никаких, да при таком порядке жизни для них не остается и места. Впрочем, виноват: есть и развлечения. Это — игорные дома на Тал-Пин-Шане и в Голируд-Роде, содержимые китайцами, якобы для китайцев же, но куда пробираются нередко и европейцы под покровом ночи.

Итак, пока фешенебельный Гонконг занимается на террасах парка предобеденным моционом и наслаждается картинным закатом солнца, Гонконг чернорабочий ни на миг не прекращает своей кипучей деятельности. В это время китайские кули (и только они одни) копошатся внизу, как муравьи, поспешая взад и вперед по улицам и таща на голой спине или на плечах, с помощью бамбуковых шестов и особенных коромысел, всевозможные тяжести — мешки, бочонки, тюки и ящички. Для этого замечательно деятельного рабочего люда в течение дня от рассвета до позднего вечера, кажись, нет и минуты отдыха. Неся какие-либо тяжелые вещи или корзины с какими-то продуктами и плодами, кули мимоходом, не останавливаясь, покупает себе у

разносчика горсточку чего-нибудь съестного (чаще всего рису), на ходу закусывает, на ходу курит себе свою крохотную, трубочку и остановится на секунду разве у цистерны, чтоб освежить себе глотком воды пересохшую от жажды глотку. При этом кули, по-видимому, всегда бодр и весел: походка его легка и эластична, на лице добродушная улыбка и звонким голосом перекидывается он разными шуточками со встречным знакомым товарищем. Кажется во всем мире нет более деятельного, трудолюбивого, неприхотливого и неутомимого работника, как этот китайский кули, и, видя их, вполне понимаешь, почему американцы, жадные на доллар, поднимают полный опасений и ненависти гвалт против эмиграции в Америку этих могучих и главное дешевых работников. Европейскому или американскому поденщику и в пятую долю не сделать против самого заурядного кули.

Сопровождаемые цымбальными звуками какой-то бродячей шарманки, вернулись мы в гостиницу в исходе восьмого часа вечера, как раз к обеду, о котором и здесь, как в Сингапуре, всем ее постояльцам было возвещено

несколькими оглушительными ударами в медный китайский гонг. Обыкновение это введено здешними европейцами, вероятно, ради местного колорита, но приятного в себе оно ровно ничего не заключает, и европейский колокольчик мог бы сослужить ту же самую службу, что и гонг, не подвергая пытке ничьего слуха.

Обеды у европейцев на крайнем Востоке заменяют в некотором роде ужин, причем обед, начинающийся в половине восьмого, считается еще ранним. В частных домах садятся за стол в половине девятого, а в парадных случаях даже и около девяти. Понятное дело, что, просидев за столом, по английскому обыкновению, около двух часов сряду, уже не захочешь ужинать, а лишь выкуришь на балконе свою сигару да и подумываешь, как бы убраться поскорее на покой. Впрочем, для людей, поднимающихся с постели с восходом солнца, то есть в шесть часов утра, такой поздний обед действительно служит ужином.

В шесть часов утра, подобно всем здешним европейцам, вы можете потребовать себе чаю, кофе или шоколаду, но и то, и другое, и

третье с непривычки покажется вам довольно мизерным. Вместо чаю, как уже известно, вам подадут какой-то деготь, который можете, если угодно, разбавить жиденьким-прежиденьким молочком, и тогда у вас получится буроватая жидкость, цветом вроде очень крепкого кофе, слегка закрашенного сливками. Вместо сахара принесут вам на блюдечке порцию далеко не благоуханного, сыроватого сахарного песка, кусочек талого коровьего масла и пару поджаренных гренков. Жиденький шоколадец лучше и не пробуйте: он готовится здесь не на молоке, а на кипятке. Если вы хотите кофе, то он последует с теми же "приложениями", что и чай, но о сливках и не мечтайте: о них здесь и понятия не имеют, а то, что подадут вам под именем сливок, лучше и не пить. Не знаю, насколько справедливо, но уверяют совершенно серьезно, будто недостаток коровьего молока пополняется здесь женским. Записывая это в свой дневник, я невольно ставлю три восклицательные и три вопросительные знака, выражая тем полное свое удивление и недоверие к такому странному обстоятельству. И в самом деле,

может ли это быть? Но местные европейцы уверяют, что не только может, а и есть. Они говорят, что промышляют этим многие бедные китайки, в ущерб своим собственным грудным детям. Они будто бы каждое утро приходят в молочные лавки, содержимые исключительно китайцами, и там доят себя в чашки. Качество молока каждой женщины подвергается каждый раз предварительной пробе самим скупщиком, который, если найдет его годным, то допускает женщину к дальнейшему доению, взвешивает надоенное, платит ей за него по весу столько-то копеек и затем, разлив весь утренний удой по крынкам, дает ему отстояться и охладиться на леднике. Самодоением промышляют не одни только гонконгские, но и окрестные женщины с островов и Каулунского берега, нарочно приезжающие для этого в своих сампангах к скупщикам еще на рассвете. Коров в Гонконге держат очень мало, их можно найти разве в нескольких английских семействах, где есть маленькие дети, и потому коровье молоко и молочные продукты доставляются сюда с Каулунского берега, но далеко

не в достаточном количестве. Чтобы пополнить таковое, местные продавцы-скупщики и прибегают к помощи женского молока, обходящегося им дешевле, чем коровье, которое к тому же идет главным образом на выработку масла и прочих молочных продуктов. Если же действительно так, то какова же должна быть бедность в простом населении окрестной страны, коль скоро матери решаются торговать собственным молоком, предоставляя питанию ребенка на целые сутки лишь то, что накопится после утреннего удоя!..

Вообще, утренние пития английского обихода здесь далеко не вкусны и требуют особенной привычки. К ним в виде неизменного "приложения", приносят вам пару куриных, а всего чаще утиных яиц, сваренных в полукрутую, и два-три ломтика ветчины, тоненьких до такой степени, что остается только удивляться замечательному форшнейдерскому искусству того, кто их нарезывал. Смотря по желанию, можете потребовать к этому и небольшой только что зажаренный кусок бифштекса. В десять часов утра следует завтрак из нескольких блюд, но без бульона, и в числе

их два-три блюда мясные, неизменная яичница, с которой и начинается завтрак, затем неизменно какая-нибудь зелень и очень изобильный десерт, так что этот завтрак, в сущности, стоит любого обеда. В полдень можете, буде захотите, спросить себе бульону, холодного мяса, разных закусок и опять-таки десерту, но затем до восьми часов вечера уже ничего не получите. Впрочем, для конторской жизни местных европейцев такой порядок питания, вероятно, представляется самым удобным, но для меня, как человека, не привыкшего к нему даже и на нашем пароходе, выходит, что, в сущности, я остаюсь целые дни ни сыт, ни голоден: не ешь как следует ни утром, ни за завтраком, ни в полдень, ни даже за обедом, а так только смакуешь себе всякой всячины понемножку. Да и жара к тому же отнимает аппетит. Но на местных европейцев, а в особенности на англичан, она, по видимому, не оказывает такого влияния: я вижу их за всеми фазами дневной еды и могу только смиренно удивляться такому непобедимому аппетиту. За обедом в особенности они имеют обыкновение и наедаться, и напи-

ваться вплотную, приправляя каждое блюдо разными ядовитостями вроде кайенского перца, имбиря, всевозможных сой, острейших пикулей и запивая все это хересом, виски, коньяком, портвейном, бургонским и т. д. По отзыву местных врачей, такое перенесение привычек "туманного и хладного Альбиона" на тропическую почву бывает по большей части губительно для англичан, которые от такого образа жизни и мрут, как мухи, но — что вы хотите! — Англичанин нигде не любит изменять своим привычкам и думает скорее подчинить себе климат и солнце, чем подчиниться им.

Прислуга в отеле и за табльдотом исключительно китайская, очень чистоплотная, расторопная и вежливая. Объяснения на английском языке не составляют для нее затруднения. Вся она одета в белые коленкоровые или шелковые курмы, такие же панталоны с гамашами и башмаки на мягкой толстой подошве: все это чистоты и свежести самой безукоризненной. Лицо и передняя половина головы гладко выбриты и длинная черная коса спускается с макушки до самых пят — верх

элегантности и вежливости со стороны китайцев, ибо если б он не видел надобности быть вежливым и почтительным, то не преминул бы эту великолепную свою косу взять и обмотать вокруг головы, в виде некоей диадемы. Весь процесс прислуживания за столом, благодаря этим мягким подошвам, совершается без малейшего шума, и прислуга так хорошо выдрессирована, что вы и голоса ее не услышите.

Столовая во время табльдота представляет довольно оригинальное зрелище: обширная белая зала, белые колонны, белые буфы поднятых штор, множество белых, отлично сервированных столов, масса обедающих, преимущественно в белых же костюмах, веселое миганье газовых рожков в матовых колпачках на стенах и в люстрах, мельканье целой дюжины плавно качающихся белых панка над столами и бесшумное движение взад и вперед многочисленной белой прислуги. А в распахнутые настежь окна и двери льет мягкая вечерняя прохлада и глядит темная, глубоко-синяя ночь, усеянная звездами. Обед, приготовленный поваром-китайцем на евро-

пейский лад, оказался в полуанглийском, полуфранцузском вкусе. Кстати, здесь все повара исключительно китайцы, вообще очень способные к кулинарному искусству, и между ними нередко встречаются истинные артисты и мастера своего дела, вполне удовлетворяющие самому взыскательному европейскому вкусу. Но в Гонконге, конечно, дело пострафляется на специально английский вкус, даже и в чисто французских блюдах. На сей раз обед начался с супа, сваренного на кайенском перце, от которого с первой же ложки нам обожгло весь рот. Суп этот, кроме того, был еще и очень солон, вероятно, для того, чтобы пуще возбуждать в луженых английских желудках жажду, утоляемую не иначе как вином и спиртными напитками. Затем следовал длинный ряд разнообразных блюд, в числе которых фигурировали и рыба, и ветчина, и мясо, и баранина, и жареная домашняя птица, и дичь, и зелень, и ко всему этому, в виде неизменного добавления, вареный рассыпчатый картофель, подаваемый в особых вазах. Затем сладкий, изготовленный на роме со всевозможными пряностями пудинг, ост-

рые сыры и разнообразный десерт. Но между пудингом и сырами было предложено еще одно блюдо — пресловутое керри, без него же не кончается ни один обед на крайнем Востоке. Это не более как разварной рис, к которому подается какая-то зеленоватая подлива, напоминающая и видом и вкусом беленное масло, и разные приправы, состоящие из мелких кусочков мяса, дичи, сушеной рыбы, острых сой, пикулей и всяких ядовитостей, сводящих вам рот, дерущих в горле и обжигающих желудок. Говорят, будто без этого блюда нельзя обойтись, так как оно необходимо в чисто гигиенических видах, для поддержания деятельности желудка. Но мне кажется, что для него надо иметь особенный, какой-то луженый желудок, а потому я предпочитаю лучше пренебрегать требованиями гигиены, чем отравляться всеми этими ужасными специями, и ничего, до сих пор, слава Богу, не чувствую никаких худых последствий от такого пренебрежения. Думается мне даже, что керри нужно не столько для гигиены, сколько для возбуждения жажды, заливаемой опять-таки портвейном и прочим. Пьют здесь, мож-

но сказать, богатырски, и выпивается за обедом масса, несмотря на то, что вина (исключительно привозные) очень дороги, и это одно уже показывает, какими деньгами, шутя, сорят здешние англичане. Кто же, однако, составляет всю эту публику? Не считая проезжих, большинство ее состоит из мелких холостых чиновников разных учреждений и холостых приказчиков торговых английских домов. Можете судить поэтому, какие жалованья они получают.

К счастью, все блюда за столом подавались еще в довольно умеренных дозах, хотя в общей сложности все это составляло такое количество пищи, которого человеку непривычному нельзя вынести безнаказанно, и потому более половины этих едко приправленных блюд я пропускал мимо, но и то почувствовал к концу, что после такого обеда не остается ничего, как только раздеться и спать — спать до утра непробудным сном. Но не тут-то было! В одиннадцать часов вдруг хлынул сильный дождь и зашумел ветер такими бешеными порывами, что от его ударов дрожали и скрипели окна, а внизу и в сосед-

них пустых номерах поднялось неистовое хлопанье дверей и ставень, пока-то наконец прислуга не соблаговолила затворить их, что, впрочем, случилось нескоро, да и то лишь по нашему настоятельному требованию. Как видно, такие бурные передраги дело здесь привычное.

18-го августа.

Рано утром нас разбудил стук в дверь. То был не по разуму услужливый господин Мишель, которому почему-то вздумалось будить нас в шесть часов утра. Разбуженный среди самого сладкого предутреннего сна, я, спросонок, хотя и захлопнул дверь перед самым носом этого услужливого нахала, тем не менее, после такой помехи спалось уже плохо, и, около семи часов утра, мы с М. А. Поджио поднялись с постелей. Вышел на балкон. Улицы были совсем еще пусты: вдоль тротуаров стояли ряды паланкинов, в которых спали их носильщики: один товарищ сидя, а другой лежа на земле на подостланной циновочке и положив голову на дно паланкина, как на подушку. У этих людей, говорят, нет *постоянных* квартир, день и ночь они проводят на откры-

том воздухе, забираясь в случае дождя под аркады нижних этажей, и все заботы их направлены только к тому, чтобы содержать как паланкин, так и свой собственный костюм в опрятном и приличном виде, так как от этого зависит их прямая выгода: англичане избегают садиться к оборванцам и замарашкам. Весь небольшой свой скарбик, состоящий по большей части из пары запасного платья на перемену, держат они в ящике под сиденьем, и в этом скарбике, да еще в самом паланкине состоит все их имущество, так что каждый носильщик более чем кто-либо имел бы право, даже с некоторою гордостью, сказать о себе "Все свое ношу с собой". Закуску свою, вместо обеда, совершают они нередко на ходу, покупая горсть какой-нибудь пищи с лотка уличного разносчика, а для чаепития пользуются случаем остановки, если где-нибудь поблизости китайская чайная. Старожилы очень хвалят их трезвость и честность. Первая обуславливается самим свойством труда носильщиков, требующего совершенно твердой, уверенной и плавной походки, а на счет второй говорят, что не было еще примера,

чтобы вещь, случайно забытая европейцем в паланкине, не была тотчас же возвращена по принадлежности или не представлена в полицейское бюро. Носильщики представляют здесь как бы целую корпорацию, строго соблюдающую установленные между собой правила, привычки и обычаи.

Утро было сероватое, почти пасмурное, если бы промеж клочьев разорванных туч не сквозило кое-где голубое небо. Окрестные горы точно курились тяжелым густым дымом: то были низко спустившиеся тучи. Все обещало на нынешний день если не совсем дождливую, то переменчивую погоду. И действительно, не успели мы напиться чаю, как прыснул вдруг частый и крупный дождик, скрывший за своим пряслом весь рейд и очертания гор, лежащих по ту сторону оного. Томсон, описывая гонконгский климат, говорит, что здесь около шести месяцев в году продолжается засуха при холодных ночах и совершенно безоблачном небе; зато когда возвращаются жары и дожди, то небо точно опускается и висит в виде громадной губки над вершинами холмов; эта губка прижимается к горе Виктории

и из нее потоками льется дождь и наводняет улицы, а потом поднимается опять в виде горячего пара. И книги, и газеты, и все тогда сыреет и плеснеет, — точно сидишь в парной ванне и едва имеешь только силы следить взором за крылатыми муравьями, которые в ту пору тысячами падают в лампы, на стол и, опустив крылья, как черви ползут и на тарелку, и в кушанья. Тем не менее, принимая предосторожности, выработанные опытом, люди привыкают ко всем этим неудобствам и находят, что все-таки Гонконг для них не вреден и не неприятен.

Очевидно, небо намеревалось на сегодня изображать собою Томсоновскую губку; тем не менее, мы спустились вниз, сели в паланкины и отправились знакомиться с китайскими кварталами города.

Улица Королевы прорезывает город параллельно набережной, с востока на запад. Побочные улицы исходят из этой главной артерии — одни вправо, к порту, другие влево, на склоны пика Виктории, образуя и там, и здесь целую сеть мелких улиц и переулков. В западном конце города на холме Тал-Пин-Шан, ми-

мо которого проходит все та же улица Королевы, сгруппировались самые характерные "учреждения" китайских кварталов: тут что ни шаг, то какой-нибудь кабачок, таверна, опийная курильня, игорный дом или притон разврата. Достаточно сказать, что одних кафе-кабачков "с консомациями" считается здесь до двухсот, — и все это не только живет, но и процветает в своей грязи, содержимое в большинстве китайцами, а частью и европейцами. Там и сям раздаются звуки китайских струнных инструментов и европейских шарманок, играющих в кабачках для увеселения публики. В открытые двери и окна, рядом с китайскими физиономиями виднеются и загорелые рожи всевозможных европейских и американских матросов в шапках, заломленных на затылок. Скверные смешанные запахи опийного дома, просаленного табака, вяленой рыбы, чеснока, кунжутного чада, кокосового масла, камфары и пачули слишком чувствительно доказывают вам, что вы попали в самый круговорот китайской жизни. Женщин тут много, но исключительно китайянки, а из европейок даже и солдатские женки, от-

правляющиеся на рыбный и мясной базары, стараются обходить подальше "холм великого мира", как называется в переводе Тал-Пин-Шан. Здесь уже с самого утра открывается в полном разгаре кипучая, но скверная деятельность, а потому, следуя по этим переулкам, не забывайте беречь ваши карманы, так как все эти вертепы, между прочим, кишат мелкими, но чрезвычайно ловкими мазуриками. Беглые матросы, в конец прогоревшие аферисты, спившиеся шатуны всех европейских национальностей (только не англичане, ибо этих последних убирает отсюда сама администрация, чтобы не позорили английского имени), индусские ростовщики, пройдошливые жидки австрийские и российские (без них нигде не обойдется!) и наконец все отребье, все подонки китайских городов, привлеченные сюда относительно свободой делать всякие пакости "под защитой английских законов", не опасаясь за целостность собственной головы, — вот какие элементы составляют публику всех этих притонов. Но матросы, отпущенные "погулять" с судов, стоящих на рейде, являются среди нее, без сомнения, са-

мым шумливым и буйным народом. Они пляшут в кабаках свою "джигу", напиваются самшумом, — скверною китайскою водкой, орут песни и, чуть что не по ним, сейчас лезут в драку, причем иногда выходят и побоища, так сказать, международного характера, если, например, англичане сцепятся с французами или американцами, а французы с немцами или итальянцами. Тут уже дело нередко и до ножей доходит. А полиция в таких случаях бессильна, и для прекращения драки зачастую является надобность высылать военную команду.

Чтобы судить о том, какова гонконгская полиция, я буду говорить не от себя, а сошлюсь на англичанина Томсона[73], которого менее всего можно заподозрить в каком бы то ни было недоброжелательстве к своим соотечественникам и всем их деяниям и учреждениям. "Гонконгская полиция, — говорит он, — и велика, и дорого стоит, а беспечность ее нередко служит предметом замечаний ее стороны печати города Виктории: но в этом нет ничего мудреного так как большинство полицейских — китайцы, служащие под началь-

ством европейца, большею частью не знающих ни языка, ни нравов своих подчиненных. С другой стороны, часть полиции состоит из индусов, почти незнающих китайского языка и, следовательно, не приносящих пользы при раскрытии преступлений: индусы же знакомые с местными нравами, знают, как дорого платят китайцы за молчание свидетелей". Дальнейшие комментарии, полагаю, будут излишни, за исключением разве того, что "не все то хорошо, что английское". При таком составе полиции нечего удивляться, что летом 1878 года шайка пиратов в восемьсот человек преспокойно высадилась в Гонконге, разнесла чуть не вдребезги часть китайского города, разграбила и подожгла некоторые товарные склады, перерезала несколько десятков человек, наделала массу бесчинств, и, нагнав величайшую панику на европейских жителей, уплыла на своих джонках ранее, чем поднятый по тревоге гарнизон был поставлен в ружье и приведен на место скандального разгрома.

Игорные дома Тал-Пин-Шана полны уже с утра, и замечательно, что в каждом из них, у

входной внутренней двери, непременно сидит англичанин, агент городской администрации, обязанность коего состоит в том, чтобы сортировать посетителей, указывая привратнику, кого из них можно пропустить и коего нельзя. Таким образом, например, вся домашняя прислуга, солдаты в военной форме и купеческие приказчики (китайцы и европейцы) одинаково находятся под запретом. Но говорят, что под покровом ночи, благодаря "рукопожатию с долларом", эти сортировщики часто "ошибаются" и впускают в игорную залу, в особенности приказчиков, под видом "вольных иностранцев" и "знатных путешественников, изучающих нравы". С одной стороны, они состоят на жалованьи у администрации, с другой, купцы и банкиры платят им и от себя "некоторую лепту" за то, чтоб они построже относились к своим обязанностям, а с третьей, и содержатели игорных домов не остаются перед ними в долгу за их "невольные ночные ошибки". В конце концов у таких агентов нередко составляются "кругленькие состояньица", с которыми они либо уезжают на родину, либо покупают домик и

открывают тоже какой-нибудь притончик, а иногда, продолжая занимать место, негласно вступают в долю с держателями игорного дома и тогда уже (буде их не выгонит начальство) через несколько лет у них вдруг объявляется громадный капитал, с которым они становятся видными и "достопочтенными" деятелями, открывая какую-нибудь торговлю или банкирскую контору, но, разумеется, из деликатности не в Гонконге, а в каком-нибудь другом английском центре крайнего Востока.

Обращаюсь опять к Томсону, чтобы показать вам, до чего иногда доходит английское фарисейство. "Правительству, — говорит он, — было необыкновенно трудно уничтожить здесь пороки, обыкновенные почти во всех приморских городах, и оно ограничилось наконец тем, что наложило пошлину на то, чего не могло уничтожить, и этим средством удержало за собой возможность следить за всем". Таким образом, здесь обложены пошлиной все эти "учреждения", не исключая даже и китайских жриц культа Венеры, точно также платящих свою подушную

подать "за право разврата" в пользу английского правительства. Во время пребывания Томсона в Гонконге, страсть к игре, присущая всем китайцам, справедливо считалась там главной причиной преступлений и воровства, совершаемых приказчиками и служащими по торговой части. Полиция положительно-де не знала, как уничтожить этот общий порок, все более и более развивавшийся, и решила наконец действовать "мягкими средствами". В чем же, однако, состояли эти "мягкие средства"? Ни более, ни менее, как в том, что она сама устроила игорные дома якобы затем, чтоб "иметь возможность наблюдать и контролировать зло". Ну, скажите же по совести, это ли еще не квинтэссенция чисто английского фарисейства?.. Но такое "мягкое мероприятие" было чересчур уж нагло: со стороны порядочных людей раздались громкие протесты, так что правительство наконец сконфузилось и решилось передать свои игорные дома в руки частных антрепренеров.

Мы свернули в своеобразно красивый переулок, спускающийся из-под каменной арки вниз к портовой набережной. Его резные бал-

коны и галереи, бумажные фонари с фамилиями домовладельцев и собственников торговых заведений, длинные разноцветные ленты вывесок, испещренные символическими знаками, а главное, масса желтокожего народа в широкополых, конических, соломенных шляпах, все это ясно свидетельствовало, что попали мы в улицу специально китайскую, и только тут воочию убеждаешься, насколько, в самом деле, велико население города. Европейскую часть, относительно говоря, можно назвать почти безлюдною, тогда как в китайской — народ кишмя кишит. Говорят, что все население Гонконга простирается до 130.000 человек, но европейцев из этого числа не более двух тысяч, около того же придется на различные национальности Азии, каковы: индусы, малайцы, японцы, арабы и персы, а всю остальную массу составляют исключительно сыны Небесной империи, из коих, по крайней мере, две трети народ все крайне подозрительный: беглые каторжники, неисправные и потому тоже беглые должники, люди, исключенные за разные проступки из состава своих общин, люди жадные до легкой

наживы, фокусники и комедианты, искатели приключений, формальные мазурики, разбойники, пираты и тому подобная сволочь. Чем живут и промышляют все эти отброски, не знает сама английская администрация, как не известна ей в точности и численность таких гонконгских "граждан": вообще же официальным предлогом их пребывания в Гонконге считается "портовая работа". Остальную часть китайского населения составляют люди более или менее честные и порядочные, то есть купцы, приказчики, ремесленники, отдельные и домашние слуги, паланкинщики и чернорабочие, почти все наперечет известные местной полиции. Что же до женщин-китайнок, проживающих собственно в городе, то это, как уверяют нас, исключительно проститутки.

На улице, где мы теперь находимся, можно наблюдать чуть не все отправления китайской жизни, начиная от утреннего туалета, совершаемого всенародно. Купля и продажа с рук идет как у нас на толкучке, только, кажись, еще оживленнее. Связки башмаков и плетеных сандалий, столбики из соломенных

шляп, пучки вееров, все это продается в разнос, вместе с разным носильным платьем. Бродячие портные, башмачники, цирюльники, слесаря, точильщики и прочий подобный ремесленный люд работает тут же на улице, среди толпы, удовлетворяя уличному спросу, и нередко вы видите такую сцену, пока цирюльник приводит в надлежащий порядок какому-нибудь китайцу его косу, башмачник тут же починяет его обувь и рядом портной кладет заплату на снятую им кофту: сам же он, чтобы не мешкать, закусывает с лотка у разносчика какими-нибудь снедями и в то же время успевает любоваться на фокусы уличного жонглера или выслушивать предсказания гороскопщика о своей судьбе на сегодня. Множество всевозможных продавцов с лотками и бамбуковыми корзинами на коромыслах, выкликая на разные голоса, снуют в толпе в разные стороны. В особенности много продается тут всяких китайских сладостей, беге таямарисковых орешков, яблоковидных груш, вроде ранет, бананов и грецких орехов. Тут же впервые увидели мы особого рода ручные колясочки на двух колесах, возимые

людьми: один человек впрягается в оглобли вместо лошади, а другой подпихивает колясочку сзади при движении в гору или присоединяется к своему переднему товарищу, когда надо задерживать ход колес при спуске. В таких колясочках катаются преимущественно зажиточные китайцы и английские матросы. Еще заметили мы, что человек со спущенною косою является редким исключением в этом кипящем котле китайской жизни: все косы подобраны в шиньон или закручены вокруг головы диадемой, и это, как уверяют, служит между китайцами своеобразным выражением независимости: я, дескать, не слуга, а сам себе господин и уважать никого не желаю. Но мне кажется, что и помимо независимости, чернорабочему должно быть гораздо удобнее работать с подобранною, чем со спущенною косою. Исключение составляют одни только паланкинщики, у которых коса всегда спущена, так как носят они почти исключительно европейцев, и если бы который из них позволил себе посадить в паланкин англичанина, позабыв в ту же минуту спустить свою косу, то за такой знак явного

невнимания и неуважения к просвещенному европейцу, был бы немедленно вытянут им по спине хлыстом или палкой. Еще замечание: черные шелковые скуфейки, в каких всегда можно видеть членов китайского посольства в Петербурге, здесь почти не носят, за исключением разве немногих купцов и приказчиков (впрочем, быть может, это есть принадлежность более северного народа). Купцы большею частью носят серые поярковые шляпы и котелки европейского фасона, а прислуга ходит и вовсе без головных уборов, прикрывая темя от солнца разве только веером или каким-то широким листом вроде лопуха и, что замечательно, в то время как у европейцев последствием малейшей в этом отношении неосторожности зачастую является солнечный удар, привычные к своему солнцу китайцы могут ходить с непокрытой головой сколько им угодно, не испытывая от того никаких дурных последствий. Но портовые грузчики и паланкинщики, которым приходится подолгу и уж именно "в поте лица" работать на солнцепеке, носят все без исключения очень широкополые конические шляпы из

бамбуковой или соломенной плетенки, доставляющей им более тени во время работы.

На этой же самой улице можно было видеть, до чего простирается у китайцев страсть к азартным играм всякого рода: в кости, в орлянку, в чет и нечет, в угадку количества зажатых в ладони чохов и тому подобное. Играют на ходу, и стоя, и сидя на корточках, то вдвое, то целыми кучками, играют и старый, и малый в буквальном смысле, потому что за игрой вы встречаете здесь дряхлых, трясущихся от опиума старикашек и маленьких мальчиков лет семи, восьми, а в промежуток между сими двумя крайностями предаются игре решительно все возрасты, и преимущество распространена игра между чернорабочими, которые доходят до такого азарта, что нередко проигрывают с себя последнюю кофту и остаются совершенно голыми. Ходячие лотереи также собирают немалую лепту со страсти к выигрышам. Мы видели тут два рода этих лотерей: одни, в виде разных грошевых безделушек европейского изделия, помещаются сполна на разносном лотке промышленника; другие, более разнообразные, возят-

ся людскою силой на небольшой платформе на колесах, при двух или трех промышленниках, которые о своем приближении возвещают уличной публике ударами в гонг или бубны. В этих последних лотереях разыгрывается всякая всячина до сладких пирожков включительно, а для приманки выставлено несколько блестящих европейских вещей, вроде мельхиоровых подсвечников и портсигаров, хрустальных вазочек и флаконов, золоченых запонок, браслетов, карманных часов и тому подобного. У лоточных разносчиков играют на кости, которые носят в стакане, а у развозных лотерейщиков имеется какой-то инструмент вроде рулетки, где судьбу выигрыша или проигрыша решает катящийся по кругу костяной шарик. Промысел этот должно быть необычайно выгоден, потому что чуть только появляется где лотерейщик, толпа тотчас же окружает его, сначала с целью поглазеть, а затем мало-помалу увлекается и пристает к числу играющих. Иногда к такому сборищу подойдет и полицейский, но ловкий лотерейщик тотчас, с видом знакомого человека, делает ему выразительный знак ру-

кой, — и убогатворенный блюститель общественного порядка отходит прочь, как бы ничего не замечая. Лотереи собственно здесь не запрещены, но полицейским платится за то, чтоб они не разгоняли толпу игроков, часто мешающим свободе уличного движения.

Вся западная часть города заселена почти исключительно китайским людом темных и сомнительных профессий да портовыми чернорабочими; хорошие же ремесленники, как портные, сапожники и прочие, работающие на европейцев и имеющие свои собственные мастерские, помещаются в другом конце города, преимущественно в улице Ван-Нейшонг, что значит "счастливая долина". Это все люди солидные, добросовестные, хорошие мастера и не имеют ничего общего с Тал-Пин-Шаном, кроме, быть может, некоторой страсти к игре (да и то далеко не все), которой, если когда и предаются, то под большим секретом — инкогнито и ночью.

Вернувшись из китайской части города, заходим в магазин нашего консула, господина Реймерса, где, по обыкновению больших магазинов всех европейских колоний, есть все,

чего бы вы ни спросили. Здесь приобрели мы несколько гонконгских видов, но нельзя сказать, чтоб особенно дешево (по 1/2 доллара штука), а типы и того дороже. Это заставило нас идти к фотографу-китайцу, он же и живописец, в надежде добыть себе типы подешевле. Мастерская китайского фотографа помещается на четвертом этаже одного большого дома в улице Королевы. Ведет туда узкая деревянная лестница, как нельзя удобнее приспособленная к тому, чтоб посетитель мог на ней ломать себе и ноги, и шею, — до того она крута. Поднявшись по ней до самого верха, мы чуть не уткнулись головой в опущенный деревянный люк как на чердаках и принялись стучать в него палками, чтобы нам отворили. Стук был услышан, и деревянная крышка поднялась над нами. Входим. Полутемная прихожая: тут же за перегородкой кузня и семейный покой. Следующая затем комната — мастерская художников. По стенам без симметрии и порядка развешаны фотографии, гуашь, акварели и масляное писанье: виды Гонконга, портреты матросов, китайских купцов, английских негоциантов, каких-то дам и ко-

раблей разных флотов, несколько мастеров и учеников сидят за пюпитрами и рисуют: одни перед окнами тыкают остреньким пинзельком в негативы, исправляя их погрешности, другие раскрашивают портреты яркими китайскими и умеренными европейскими красками (это смотря по желанию заказчика), третьи живописуют гонконгские виды. Меня в особенности заинтересовал европейский прием или пошиб китайских художников в живописи. Некоторые из показанных нам видов и портретов были писаны совершенно европейскою манерой: другие же, как например, морские виды и портреты кораблей — смесью европейского пошиба с китайским, воздух и вода по-европейски, вольно, широко, перспективно и в некоторых случаях даже сочно, а паруса и в особенности корабельные снасти совсем по-китайски, по линейке и даже с такими подробностями, которые в натуре хотя и существуют, но с расстояния не могут быть видимы простым глазом. Третья манера — в портретной живописи, совсем уже китайская (пунктир и самый мелкий, тончайший штришок), но с сохранением удивительного сход-

ства. Эта манера прилагается к перерисовке портретов в уменьшенном или увеличенном размере, причем как рисунок оригинала, так и полотно или картон копии разбиваются карандашом по линейке в клетку, на равное число квадратиков и каждая часть лица, заключенная в известном квадратике на оригинале, срисовывается в соответствующем квадратике в копии. Впрочем, прием этот небезызвестен и европейским копиистам. Но тут в особенности замечательна отделка в иллюминированной копии столь нежными штрихами, что портрет масляной живописи по своей глянцевитой гладкости и нежности тонов на взгляд делает впечатление акварели на слоновой кости. Словом, китайские художники, судя по тому, что я видел, умеют угодить на всякий вкус, смотря по желанию заказчика, и убеждение, господствующее пока еще в Европе, будто они совсем не знают ни перспективы, ни естественности красочных и световых тонов и вообще не умеют работать иначе как "по-китайски" — совершенно ошибочно: им знакомы в достаточной степени и европейские приемы в живописи. Да и в од-

ной ли живописи! В нашем гостиничном номере, например, нашли мы настольную вазочку из матового голубого стекла с полурельефным рисунком на ней букета и с золочеными пуговками. На взгляд я бы, не задумавшись, сказал, что это богемская или французская, во всяком случае европейская работа: но по штемпелю на исподе донца она оказалась китайскою, и совершенство подделки таково, что едва ли вы отличите ее от оригинала: напротив, она исполнена как будто еще чище и тщательнее, с добросовестною китайскою кропотливостью. Точно таким же образом они имитируют и многие европейские вещи, если видят в том для себя нужду, не исключая даже, как говорят, и скорострельных ружей Генри Мартини и Ремингтона и револьверов Смит и Вессона. Толкуйте после этого о неподвижности и неспособности китайцев к чему бы то ни было кроме своей, веками выработанной да на том однажды и застывшей "китайщины". Эта "китайщина" сама по себе есть целый мир, в своем роде совершенный, достигший по-своему высокой степени развития и цивилизации. Худа ли она, хороша ли,

нравится нам или не нравится, — это другой вопрос, но она есть и с нею еще, быть может, придется считаться Европе. Этот китайский мир, проживший несколько исторически достоверных тысячелетий своею собственною жизнью, пожалуй, и имеет некоторое основание смотреть с недоверием на такую, сравнительно молодую цивилизацию, как европейская, с ее конституциями, революциями, социализмами, нигилизмами и прочим. "То, что у вас нередко является как новость, как последнее слово науки, — говорят европейцам китайцы, — для нас давно уже не новость, и мы, в наших старых книгах и летописях, открываем свидетельства о таких идейных и общественных движениях и даже о таких изобретениях, подобных и общественных движениях и даже о таких изобретениях, подобие которым у вас появилось только сегодня, а у нас они уже несколько веков назад оставлены за ненадобностью и позабыты". Китаец ничему не удивляется, и это одна из самых характерных черт каждого образованного, по-своему, китайца.

Народ в высшей степени способный, тру-

долюбивый и, позволю себе сказать, по-своему весьма интеллигентный: в этом с первого взгляда убеждают вас его мануфактурные изделия, его постройки, его искусство, его умение жить по-своему, оригинально, но вполне удобно (я говорю, разумеется, не о гонконгских подонках), его приличные манеры, его умение держать себя с достоинством и самоуважением. Правда, говорят, что жестокость, вероломство и узкий утилитаризм составляют также существенные черты национально-го китайского характера, но я и не считаю его за совершенство. Мне кажется только, судя опять-таки по тому, что я успел пока еще видеть, — хотя это и очень немного, — мне кажется так называемый "китайский застой" в действительности чуть ли не принадлежит к числу европейских заблуждений. Правда, китайцы не перенимают у европейцев зря всего без разбору: но, например, китайские пароходы с китайскими же шкиперами и матросами уже бороздят воды Желтых морей и Тихого океана, китайские арсеналы в Гирине, как слышно, уже выделывают скорострельные ружья новейших систем и строят броненос-

ные паровые лодки для плавания по реке Сунгари. Крупп и Амстронг снабжают пушками их суда и блиндированные[74] батареи, англичане строят им по заказу чрезвычайно удобные, примененные к местным условиям канонерки, немецкие инженеры укрепляют им некоторые порты и стратегические позиции, а прусские инструкторы с успехом обучают регулярному строю часть армии Ли-Хун-Чана. Все это китайцы понимают отлично и заводят у себя даже с особенным удовольствием: в этом отношении у них что-то не видится "застоя", и мне кажется, что с результатами такого рода переимчивости Европе придется рано или поздно считаться серьезным образом.

* * *

Мы опять отправились по китайским лавкам и — слаб человек! — не удержался я от соблазна и купил несколько вещей, с утилитарной точки зрения, пожалуй, и бесполезных, но милых, красивых, характерно-изящных и при всем этом, недорого, сравнительно с ценами на них в Европе.

Весь день сегодня стоит переменчивая по-

года. Небо как-то кукуется: то проглянет из-за туч бледное солнце, то опять вдруг припустит крупный дождь: через пять минут он проходит, а еще пять минут спустя — на улицах уже сухо и солнечный зной дает себя чувствовать даже и сквозь облачную завесу. Ветер на сей раз оказался тоже очень капризным: то совсем затихнет, то вдруг налетает неистовыми порывами и притом в разных направлениях. Облака тоже то поднимаются вверх и на несколько мгновений почти совсем исчезают с неба, группируясь в массивные тучи лишь на окраинах горизонта, то вдруг опять, откуда ни возьмись, насаждают на горы, кутают собою их вершины и опускаются все ниже и ниже, до уровня воды, чтобы через несколько минут спустя разразиться новым ливнем. Грозы хотя и нет, но совокупность всех этих атмосферических явлений не предвещает ничего хорошего, и здешние купцы-китайцы, опасливо глядя на небо, с озабоченным видом говорили нам в лавках, что где-нибудь поблизости, наверное, "тайфун гуляет", что это либо его отголоски, так сказать, окраины его вращательно-поступательного круга, либо его

предвестники. Сегодня же в местной газете напечатано особое официальное известие о проявившихся признаках тайфуна и что в случае несомненной опасности, население будет извещено о приближении циклона, во-первых, пушечными выстрелами и, во-вторых, черным сигналом на семафорной мачте. Не скажу, чтоб особенно приятно было готовиться к выходу в море при таких зловещих предзнаменованиях...

К вечеру ветер усилился еще более, так что когда я, пожелав отправить на "Пей-Хо" купленные мною вещи, послал на пристань нанять сампанг, то ни один перевозчик не взялся доставить их на пароход, отговариваясь тем, что опасно, неравно и лодка опрокинется. К одиннадцати часам вечера порывы ветра достигли наконец такой силы, что в их реве разве очень опытное ухо не признало бы силы урагана, тем более, что шквалы налетали с разных сторон, то с юго-востока, то с запада. Порой казалось, будто от этих неистовых налетов дрожат самые стены нашего дома, фундаментальность коего, по ближайшем рассмотрении, оказалась обратно пропорцио-

нальна его высоте: чем выше, тем стены его становились с каждым этажом все тоньше, так что в нашем третьем этаже ширина их была не более одного фута и, сдается мне, чуть ли они были не глиняные на бамбуковом каркасе, но изнутри и снаружи оштукатурены для более солидного вида.

Под завыванье и свист этого ветра легли мы спать вскоре после того, как в порту раздался выстрел заревой пушки, стреляющей ровно в девять часов вечера, причем на гауптвахте и в казармах рожки начинают трубить зорю. В половине десятого часа трубится новый сигнал и затем еще один подается для чего-то в десять: утренняя же зоря трубится в шестом часу, на рассвете: так было в оба эти дня в Гонконге, из чего можно заключить, что по английскому воинскому уставу это есть, вероятно, обычное правило.

Наш адмирал обедал в этот день у местного губернатора, а нас всех, хотя и приглашали на обед к нашему коммерческому консулу, но мы с В. С. Кудриным предпочли собственный "кейф" необходимости облекаться в такую духоту во фраки и, отговорясь нездоровьем, со-

чили за лучшее пообедать у себя в гостинице, несмотря даже на все ядовитости ее кухни.

От Гонконга до Шанхая

Зловещее утро. — Маленькие лодочницы. — Корпорация гонконгских перевозчиков. — Несостоявшиеся ожидания тайфуна. — восточный выход с гонконгского рейда. — Туман и качка. — Берега Сватоу. — Формозский пролив и выход из тропических широт. — Игра фосфорического свечения моря — Скучный день. — Устья Янцзы-Кианга и Вузунга. — Низменность берегов. — Грязнейшая в мире река. — Местечко Вузунг. — Китайские форты. — Мы покидаем экспромтом "Пей-Хо". — Береговые плотины. — Военные джонки. — Встреча с соотечественниками. — Расположение Шанхая — "Город дворцов" и вид его с рейда. — Опиинные склады под прикрытием английского военного флага. — Непрошенные услуги. — Теория "самопомощи" на практике. — Отель "Колониальный".

С вечера еще было сказано, что "Пей-Хо" уходит с рейда в семь часов утра. Поэтому мы поднялись в пять. Солнце еще было за горизонтом, но зловеще багровый отблеск его лучей уже окрашивал окраины тяжелых туч на востоке. Горы курились облаками еще более, чем вчера, словно они были усеяны маленькими кратерами, из коих каждый выпускал свое облако серого дыма. Ветер стал значительно тише, но далеко еще не утомился, и порывы его порой, хотя и реже, а все еще напоминали вчерашнюю полуночную силу.

От пристани до "Пей-Хо" надо было переплыть расстояние около версты и можно было опасаться, что при значительном волнении две девочки-китаянки — одна 13, другая 14 лет, заправлявшие нашим сампангом, не выгребут, но ничего — справились как нельзя лучше. А трудность увеличивалась еще тем, что закупоренный ящик с моими вещами, не установившийся на дне лодки, пришлось поставить на носу, на полупалубе: отягощая нос, этот лишний груз должен был затруднять и все управление лодкой, тем не менее наши маленькие лодчицы таким наметанным

глазом всегда умели заранее рассчитать удар идущей волны и так ловко поставить в разрез ей нос сампанги, что оставалось только удивляться их замечательному умению и хладнокровию, каковые вырабатываются, конечно, только опытом и привычкой к морю еще с колыбели, — а колыбелью для них, без сомнения, была та же самая лодка. Мы было стали требовать на пристани, чтобы нам дали взрослых гребцов, как более надежных, но оказалось — нельзя: очередь, а против закона очереди, установленного самими лодочниками и строго ими соблюдаемого, ничего не поделаешь. Очередь была за лодкой двух девочек-сироток (у них недавно умер отец): и этого права уже никто не смел перебить у них. По отцу они принадлежали к корпорации лодочников, содержащих перевоз на главной городской пристани у Прайя Педдар, что против часовой башни, и по смерти его унаследовали, вместе с сампангом, все его права, как члены данной корпорации. Каждая пристань имеет здесь свою особую артель перевозчиков, со своими уставами и правилами, выработанными самостоятельно, вне участия пра-

вительственной администрации, которая ве-
дает только числом лодок и перевозчиков
каждой пристани и устанавливает для них
известную таксу за конец до разных опреде-
ленных пунктов. Но сверх этих, так сказать,
штатных перевозчиков в Гонконге, по словам
Томсона, находится более тридцати тысяч се-
мейств, живущих в своих сампангах и суще-
ствующих рыбною ловлей или перевозною
службой при кораблях, стоящих на рейде.

Мы поблагодарили наших смелых лодоч-
ниц надбавкой сверх положенной таксы, чем
они остались чрезвычайно довольны и про-
водили нас на борт поклонами и светлыми
улыбками, с присовокуплением каких-то доб-
рых напутствий и пожеланий по-китайски.

Капитан наш оказался "любителем" тайфу-
на. Когда его спросили, не рискованно ли пус-
каться в море в такую погоду, он ответил:

— Ничего. Я даже буду рад. Мне еще не до-
водилось видеть настоящий ураган в Желтых
морях, и было бы любопытно сравнить, таков
ли он, как в океане. Конечно, — прибавил
он, — очень может быть, что потеряю одного,
двух матросов, но что ж из того? Судно, наде-

юсь, выдержит.

— Все равно умирать-то: во гробе плотски, или в море по-флотски, — пошутил при этом А. П. Новосильский. — Тайфун-то, — обратился он ко мне, — это будет почище всякого вашего сухопутного сражения.

— А что так? — отозвался я.

— А то, что там против вас люди, а у людей нервы, и более восемнадцати часов сряду никакой ваш бой без перерыва продолжаться не может, потому что никакие нервы большого напряжения не выдержат без отдыха. А тут извольте-ка бороться со стихийными силами, у которых нервов нет и которые могут трепать вас несколько суток сряду, без передышки.

— Главное — качаться, вот что скверно: с сухопутной точки зрения. — шутя заметил М. А. Поджио.

— Помиритесь на том, что и другое скверно, — продолжил я, — и сухопутный бой, и бой с тайфуном: "оба лучше", как говорится.

— А вот увидите, тогда и судить будете, — не согласился со мной Новосильский.

По этому поводу, между прочим, припом-

нили страшный тайфун 1874 года, когда в одном Гонконге погибло до шести тысяч человек: сила ветра была так велика, что португальский корвет, стоявший на рейде Макао, выбросило волнами на берег и протащило по земле более двух верст, пока наконец не очутился он на боку среди рисового поля. Железные крыши летали тогда по воздуху как легкие листки бумаги, а что погибло туземных судов, джонок и сампангов, так и не считано: известно только, что обломками их были усеяны берега страны на громадном протяжении.

Во время нашего разговора капитану "Пей-Хо" доставили с берега бюллетень, нарочно присланный начальником над портом. Бюллетень содержал в себе полученную час назад телеграмму из Манилы о том, что над этим городом пронесся вчера тайфун с ужасающей силой.

— Ну, если пронесся, стало быть нам он больше не угрожает, — порешил капитан и отдал приказ сниматься с якоря.

Направились мы восточным проходом на Тотоенгский фарватер мимо шхеристых ост-

ровов и камней, один из которых, по имени Келлет, укреплен батареей на два орудия, долженствующие действовать с барбетов[75] через банк. Говорю долженствующие потому, что самых орудий здесь пока не имеется. В проходе "Пей-Хо" ткнулся было в песок, но поправился и, что называется, "молодецки" прошел в нескольких саженьях от берега. Случилось это неподалеку от каменоломни и маленькой кумирни[76], прислонившейся на берегу к дикому серому камню весьма почтенных размеров. В это же время густой туман спустился к воде и скрыл от нас и рейд, и город, и весь пик Виктории. В открытом море было тоже туманно и шла громадная зыбь, заставлявшая нас испытывать одновременно бортовую и килевую качку. Размахи судна порой были так сильны, что в буфете второго класса разбилась плохо закрепленная столовая посуда. К вечеру небо прояснилось, и хотя качка еще продолжалась, но погода стала уже тихой. Теперь качало только на мертвой зыби, да и та мало-помалу улеглась.

Перед закатом солнца, влево от нас открылась картина берегов Сватоу[77]. То были пер-

спективы возвышенностей и гор, уходивших параллельными грядами внутрь страны все выше и выше, и на каждой гряде лежали свои особые воздушные краски и тоны, которые чем дальше, тем становились все легче и как бы прозрачнее. На одной из береговых высот стройная колонна маяка, озаренная с одной стороны румянцем заката.

Приближаемся к Формозскому проливу, соединяющему Южное Желтое море с Восточным Желтым.

20-го августа.

Сегодня совсем заштило и зыбь почти улеглась. На рассвете вступили в Формозский пролив и пересекли тропик Рака. Вправо виден архипелаг Пескадорских (Рыбачьих) островов, шхеристого характера, а за ними, в серебристом тумане, голубеют высокие горы Формозы.

Сегодня первый день, что можно дышать: на палубе не жаркой, а порой даже слегка прохладно. Слава Богу, наконец-то вышли из этой ужасной тропической духоты!..

Вечером все мы долго любовались удивительно игрой фосфорического свечения во-

ды, которая как бы горела за кормой голубовато-зеленым огнем в молочно-белой полосе пены, взбудораженной винтом. Это свечение переливалось игрою опаловых тонов на изломах ближайших к нам волн и сверкало яркими искрами на всем пространстве моря более мили в окружности. За все наше плавание сегодня только впервые достигло явление это такой выразительной силы и яркости. Говорят, что после тайфуна и вообще большого волнения, оно всегда бывает сильнее, чем после нескольких суток штилевой погоды.

21-го августа.

Полный штиль и ни малейшей зыби. Один из самых скучных дней, так как ни берегов не видно, ни встречных судов не попало. Мы уже в Восточном Желтом море, и морская скука опять начинает свое влияние на пассажиров. Положительно она в состоянии портить людские характеры: те же самые люди, которые на берегу полны доброты и любезности, здесь, под гнетом этой монотонной скуки, как-то уходят сами в себя, угрюмо молчат и либо злятся в душе беспричинною злостью, либо предаются полной апатии. Такие часы

надо просто вычеркнуть из своей жизни. Спать самое лучшее, и блажен, кто может!..

22-го августа.

Ночью шли мимо островов Чусан и Тайшан, а перед рассветом прошли между архипелагом небольших островков, носящих общее имя Чии-Сан. В шесть часов утра вступили в мутно-желтое устье Ян-цзы-Кианга и направились вверх по устью его правого рукава, известного под именем Вузунга или реки Вонг-Пу. Это последнее устье, в несколько миль шириною, извивается между очень низменными и совершенно плоскими берегами, которые на глаз обозначаются лишь узенькою темною полоской на горизонте, где местами обозначаются силуэты ничтожной древесной и кустарниковой растительности. Вероятно, вследствие такой низменности, паруса джонок, и рыбацких сампангов, лавировавших около берегов, казались гораздо более высокими, чем бывают они в действительности.

Никогда и нигде еще не видал я такой мутной и грязной реки, как эта. И не мудрено, когда подумаешь, сколько десятков миллионов

рабочего люда населяют не только берега Янцзы-Кианга, но и поверхность самих вод его, куда ежедневно, в течение, по крайней мере, четырех исторических тысячелетий эти десятки миллионов людей и домашних животных спускают все нечистоты своего обихода, все свое отребье и все отброски своего стола. А затем возьмите в расчет всегда подмываемые глинистые берега, подмытые кусты и деревья, перегнившие камыши, остатки соломы и сена, уносимые разливом с прибрежных лугов, трупы птиц и животных и подумайте, что, прежде чем дойти до устья, все это растворяется и разлагается в этой теплой воде под палящим солнцем на протяжении нескольких тысяч верст извилистого течения реки и заражает ее до такой степени, что трупы людей, имевших несчастье потонуть в ней, всплывают через два-три часа уже в состоянии полного разложения и черные, как уголь.

Близ местечка Вузунг пароход наш остановился за невозможностью пройти речной бар [78], ставший мелководным вследствие отлива, особенно сильного здесь в новолуние.

Местечко Вузунг находится на плоскости левого берега и с реки почти невидимо за целым лесом китайских мачт, столпившихся у его пристани. Если бы не маячная каланча, да не стена каменного форта, недавно перестроенного китайцами, то мы и совсем бы его не заметили с пункта нашей остановки. Устье реки защищается двумя фортами с правого и левого берега, так что на левом берегу прямо перед нами имеет месяцевидное очертание, а на правом — овальное. Но последний был слишком далек от нас, а что до ближнего, то этот на рожках своего полумесяца фланкирован небольшими выступами: на его выгнутом фронте, обращенном к реке, находятся в толще каменной стены одиннадцать блиндированных амбразур, наглухо закрытых деревянными щитами, и крайняя из них к югу обшита снаружи железной броней.

Вскоре к борту "Пей-Хо" пристал небольшой компанейский пароходик, и вдруг наш комиссар совершенным экспромтом объявляет пассажирам, чтобы все как можно скорее пересаживались на этот пароходик, имеющий отойти немедленно, так как неизвестно,

когда в состоянии будет "Пей-Хо" пройти бар, может быть, сегодня, может быть, завтра, а, может, и дня через три-четыре, что зависит от того, насколько и когда поднимется в устье вода. Это распоряжение застало большую часть пассажиров совершенно врасплох. Еле-еле успев захватить с собою лишь кое-какие наши вещи, из первых попавшихся под руку, мы поспешили покинуть палубу "Пей-Хо" в грустной надежде получить остальной багаж Бог весть когда и как. Некоторые, за неожиданною спешностью отъезда, не успели захватить с собою даже перемену белья и платья. Пассажиры, почти все без исключения, остались очень недовольны этим экспромтом. Да и в самом деле, разве нельзя было заранее предупредить о неизбежно предстоящей задержке, которая, по обычному свойству этой реки, должна бы быть хорошо известна и капитану, и комиссару. Но нечего делать, пришлось кое-как побросать на дно пароходика свои саки и самим скакать туда же с трапа. Через несколько минут мы отплыли от борта, разместясь в тесноте на этой грязно-закоптелой посудинке, которою управлял шки-

пер-китаец и управлял, надо отдать справедливость, очень ловко, лавируя между многочисленными судами.

Прошли под стеной вышеописанного блиндированного форта, который, как оказалось, теперь стоит за земляным валом, что тянется непрерывною полосой на несколько миль вдоль левого берега Вузунга для защиты низменности от наводнений. Тотчас же вслед за фортом, в направлении вверх по реке, этот вал защищен от подмывающего действия воды еще и деревянною плотиной, да кроме того "приспособлен" и к артиллерийской обороне. Но что это за приспособления!.. На протяжении около версты в нем прорезано множество открытых амбразур (впрочем, не вооруженных), одна рядом с другою, и только. Не успели мы пройти мимо этой оригинальной батареи, как на противоположном берегу появилась точно такая же, и тут же стояли на якоре две военные джонки, каждая под желтым одноязычным флагом с изображением синего дракона, извергающего свой огненный язык на красное солнце. Джонки эти расписаны яркими красками, между коими преоблада-

дают киноварь и зеленая, и вооружены старыми чугунными пушками, по три с каждого борта. Суда эти очень неуклюжи и для военных целей, разумеется, не годятся: но зато художник, наверное, остался бы очень доволен возможностью нарисовать их в своем альбоме. Эти джонки красиво-безобразны, как и все, что является плодом оригинальной фантазии китайцев.

Вот подплывает к нам навстречу хорошенький паровой катер под русским консульским флагом. Из него пересаживаются к нам шанхайский наш консул господин Рединг и гонконгский вице-консул господин Реймерс, успевший какими-то судьбами раньше нас очутиться в Шанхае, где у него есть свои коммерческие дела, а вместе с ними прибыл в полной парадной форме и капитан-лейтенант Старк, командир шхуны "Горностаи", которая находится на постоянной станции в Ханькоу, но теперь нарочно перешла на Шанхайский рейд для встречи нашего адмирала, на случай каких-либо особых с его стороны приказаний. Адмирал очень любезно принял новоприбывших лиц, и дальней-

ший путь до города мы совершили уже вместе с ними.

Шанхай расположен на левом берегу Ву-зунга в расстоянии тринадцати миль от его устья. На протяжении этих тринадцати миль широкая река извивается в виде латинского S: форму этой же буквы, но, конечно, в значительно меньшем размере имеет она и в том месте, где растянулся самый город с его частями: американскою, английскою, французскою и китайскою. Городская набережная, вдоль которой разбит бульвар, занимает протяжение около семи верст: часть ее почти на две сажени приподнята над уровнем воды и прекрасно облицована каменными плитами. Американский квартал занимает северную часть города и отличается деловым, рабоче-портовым характером: здесь находятся доки, верфь, мастерские, угольные и товарные склады, конторы и пароходные пристани с подъемными кранами и лебедками. Здесь вечно стучат молоты и вечно воняет копотью каменного угля и кокса, перегорелыми остатками коих усыпаны многие улицы и переулочки вместо щебенки.

Между американским и английским участками протекает речка Сушау, облицованная каменною набережной; через нее перекинут мост, соединяющий оба участка. К югу от этого моста, вдоль прекрасной набережной, вверх по течению реки, начинается "город дворцов", представляющий, если смотреть с реки, картину, не лишенную своего рода грандиозности. Над зеленою каймой бульвара высится длинный ряд домов-великанов в три, четыре и более этажей, массивной постройки с тяжелыми колоннами, баллюстрадами, аркадами и вышками-бельведерами. Там и сям над этими домами развеваются консульские флаги чуть не всех государств сего мира с прибавкой еще и разных компанейских флагов. Река перед городом имеет до четырехсот сажен ширины и усеяна множеством разнообразных судов, на которых тоже пестреют всякие флаги и вымпела, и есть между ними несколько военных. Все это издали придает городу праздничный вид, словно он по случаю какого-то торжества весь расцвечился флагами.

— Поглядите-ка сюда, вы знаете ли, что это

такое? — сказал мне А. П. Новосильский, указывая на несколько оснащенных военных судов старинной конструкции, вытянутых в линию на рейде перед английским кварталом. На их верхних палубах были построены деревянные бараки, что-то вроде складочных магазинов под двускатными кровлями.

— Это английские опийные склады, — пояснил Новосильский. — Отсюда-то вот и идет в Китай главная отравка. Устроить их на берегу англичане не смеют, боятся, как бы народ в один прекрасный день не разнес все это в прах, и держат свои запасы подальше от берега в этих садках. Так-то безопаснее. А чтоб и совсем было спокойно, так вот, видите позади их этот военный корвет? Посмотрите, как гордо развевается на нем английский военный флаг! Он здесь находится постоянно для охраны этих складов и, чуть что, пушки его не задумаются. Это его специальное назначение. — С невольным чувством некоторого презрения взглянул я на этот белый военный флаг, столь гордо прикрывающий собою самую позорную отрасль английской торговли.

Едва подошли мы к одной из пристаней,

как целая стая каких-то оборванцев-кулиев словно на штурм полезла к нам с гамом, шумом через борт и всею гурьбой суетливо накинута на пассажирские вещи. Каждый из них спешил только нахватать себе побольше всяких вещей, не разбирая, одному ли хозяину принадлежат они, и затем торопился с набранною кладью выскочить через борт обратно на пристань и бежал далее к набережной. Такое усердное растаскивание было небезопасно тем, что некоторые вещи легко могли и вовсе исчезнуть. Поэтому пришлось вырывать их из рук нескольких человек и защищать свое добро палкой, прежде чем явилась возможность сдать его настоящим нумерованным носильщикам. В этом отношении здесь, как видно, практикуется теория "самопомощи" как со стороны каких-то мазуриков, нападающих на чужую кладь, так и со стороны пассажиров, защищающих ее от их непрошенной услужливости. Никакой полиции на пристани и даже поблизости не замечалось, и не подоспей сюда нумерованные носильщики, многие вещи наши, вероятно, исчезли бы бесследно.

Остановились мы в отеле "Колониальный", во французском квартале, куда поспешили прямо к завтраку, и экспромтом были накормлены похлебкой совершенно тождественною с ленивыми щами.

Шанхай

Расположение и характер города. — Его окрестности. — Цикавейский кабачок. — Как кутят английские приказчики. — Гулянья на газоне. — Американский участок. — Портовые рабочие. — Обед в китайском ресторане. — Древние стены китайского города. — Земельные участки. — Отчие могилы и их значение для землевладельца. — Древности. — Гранитные бревна и доски и их назначение. — Хлопковые плантации. — Иезуитская коллегия в Цикавеи, ее устройство и деятельность. — Католическая пропаганда в Китае. — Причины народного нерасположения к миссионерам и китайцам-христианам. — Китайская улица в английском участке. — Лавки с предметами буддийского культа. — Идоложертвенные ямбы и свечи. — Опий-

ные курильни и курильщики. — Английские проповедники в их борьбе с опиумом.

Продолжение 22-го августа.

Освежась в ванной и переодевшись в городской костюм, отправились мы после завтрака первым делом осматривать город. Я уже сказал раньше, что город, расположенный вдоль левого берега реки, в общем очертании своем следует извиву ее течения, образуя латинское S. Северная часть, или головка этого S, занята американским участком; шейку литеры образует английский участок, а ее толщу и хвостик — участок французский, который с северной, восточной и юго-восточной стороны вплотную охватил своими строениями набережную крепостного рва, окружающего старый застенный китайский город, ныне совершенно уже оттесненный Европой от берега Вузунга. Этого китайского города вы и не увидите, пока не подойдете чуть не вплотную к его древней кирпичной стене с бойницами и стрельницами. Таким образом, на первый взгляд, посмотрите ли вы с рейда, пройдетесь ли вдоль набережной и по приле-

гающим к ней улицам, Шанхай сделает на вас впечатление совершенно европейского города, где китайскую физиономию носит на набережной одно только здание государственной таможни, состоящей, впрочем, под управлением английских чиновников сэра Роберта Гарта. Все остальное до такой степени Европа, что вам даже как-то странно встречать на этих прекрасно шоссированных, освещенных газом и монументально обстроенных улицах длинноносого полугололого кули и важного коммерсанта в круглых очках и синей курме, лепечущих что-то своим мягким детским говором на непонятном вам языке. Здесь эта китайщина совсем даже не кстати, и не будь ее, решительно ничто не напомнило бы вам, что вы в "Царстве Цветов", или, иначе, в "Срединной Небесной Империи". Магазины с зеркальными стеклами в окнах щеголяют выставками всевозможных европейских товаров и бижутерии; тут и французские вина, и гаванские сигары, а рядом в полном блеске манчестерские или лионские ткани, и шеффилдские стальные изделия, французский фарфор и английский фаянс, и богемский хру-

сталь; и тут же парижские модистки и куаферы с их парфюмериями, и лондонские портные, и немецкие бир-галле, и венские фотографии... Затем банкирские и комиссионерские конторы, редакции местных газет, величественные клубы и отели, перед которыми стоят щегольские фаэтоны и шарабаны в ожидании выхода своих леди и джентльменов, чтобы быстро укатить с ними вдоль набережного бульвара... И наконец, этот ряд дворцов с массивными подъездами и, нередко, с прекрасными тропическими палисадниками в полном цвету, все это может, пожалуй, заставить вас отдать полную справедливость зиждительной энергии англичан и соревнующих им французов, успевших в такое сравнительно короткое время создать из грязного, болотистого Шанхая настоящую столицу крайнего Востока. Но увы! — эта все та же Европа, уже порядком прискучившая вам и у себя дома... А вы, как турист, ищете совсем других красок и других впечатлений... Впрочем, не отчаивайтесь: это только наружная, показная сторона Шанхая; в других, более внутренних улицах французского и преиму-

щественно английского участков вы встретите и китайские лавки, и китайские рестораны, и уличную китайскую жизнь, которая отлично устраивается рядом с европейскими магазинами, на европейском шоссе, при газовом освещении. Это даже любопытно посмотреть, каким образом повлияло на китайца столь близкое соприкосновение с европейской жизнью. В силу трактатов англичане с французами арендовали себе у китайского правительства на девяносто девять лет территорию вокруг застенного Шанхая, а теперь сами же китайцы арендуют у них городские места и земли по клочкам и конечно, за цену вдесятеро большую, которая к тому же с каждым годом все возрастает. Но ничего не поделаешь, как ни пеняй на собственную оплошность!.. Китайцы платят много и будут платить еще больше, и все-таки станут брать в аренду места чуть не с аукционного боя, ибо такова уже притягательная сила этого универсально-торгового пункта, созданного на их глазах из ничего "рыжими варварами".

Город большой, а развлечений в нем никаких! И добро бы жили тут одни англичане:

тем уж, как говорится, и Бог велел быть скучными; но удивительно, как это французы не завели у себя ни оперы, ни водевиля, ни даже кафе-шантана какого-нибудь. Сидят все в конторах, а вечер — в клубе, и если не сколачивают деньгу, то предаются Бахусу.

Единственным местом развлечения, если не считать скакового поля, является здесь кабачок в Цикавее, содержимый какими-то жидами-немками. Цикавея или Ци-ка-вей — это небольшая деревушка в семи верстах от города, где находится иезуитская коллегия, и так как вечером в Шанхае деваться решительно некуда, то мы перед сумерками наняли две коляски и поехали в цикавейский кабачок, посмотреть, как развлекается шанхайская Европа. Повезли нас туда не прямой дорогой, а мимо скакового поля и европейских дач, где перед балконами разных мисс и мистрисс гарцевали на задерганных россинантах английские приказчики, хотя и старавшиеся изображать из себя бравых кавалеристов, но никак не умевшие справляться со своими оттопыренными и прыгающими локтями. Тут же катались в тильбюри и какие-то усатые китай-

цы в своих шелковых кофтах, с веерами в руках.

Цикавейский кабачок помещается в двухэтажном доме с верандой, выходящею в небольшой садик. Здесь к удовольствию публики предлагаются кегельбан и бильярд. Но более всего обратили на себя мое внимание две большие гравюры, висящие в зале и изображающие достопочтенных английских купцов, переодетых в генеральские, а иные даже в гусарские мундиры. Я было подумал сначала, уж не чины ли это пресловутой "армии спасения", но оказалось по подписи, что тут изображены все исторические лица, портреты действительных и даже знаменитых адмиралов и генералов Англии, сподвижников Нельсона, Веллингтона, Кардигана, Раглана, Непира и других; только глядят они совершенными купцами: толстые, откормленные, с двойными подбородками и все безусые, с одними бакенами, вроде Бобчинского с Добчинским, а которые и с усами, то все-таки вид у них до такой степени "штатский", что совестно за их мундиры. Такие упитанные и выложенные типы биржевых коммерсантов вы и

сейчас можете встретить у нас на Васильевском острове.

На пикавейской веранде застали мы целую компанию молодых, налощенных и прилизанных английских приказчиков, с проборами на затылках и с подбритыми зачатками бакенбард, пущенных как две колбаски до нижнего края уха, с открытыми шеями, нагло выползающими из громадных фоколей, и в клетчатых панталонах и жакетках того характерного покроя, который так любят молодые снобы, желающие порисоваться пластикой своих форм. По воловьим затылкам и по этой выхоленной упитанности, которая так и напрашивается на сравнение с розовой телятиной, смело можно было бы признать родных сынков и внучков тех достопочтенных "генералов", что изображены на только что описанных гравюрах. Компания тесно сидела за столом, на котором не стояло ничего кроме стаканов с шампанским, и была уже, как говорится, "в подпитии", о чем достаточно свидетельствовали побагровевшие затылки и лица. К этим господам поочередно присаживалась та или другая из хозяек кабачка, стара-

ясь быть как можно любезнее со своими гостями, а одна из них более молодая и смазливая находилась тут даже безотлучно, составляя центр внимания, любезностей и тостов приятной компании. Приказчики очевидно кутили, но замечательно, как и в чем проявлялись особенности их кутежа.

На полу у решетки, позади их стола стояли ряды раскупоренных и едва початых бутылок шампанского, а между тем прислуживающий бой то и дело приносил и откупоривал новые, — откупорит одну, дольет из нее по несколько капель в стаканы состольников и отставляет в сторону на пол, как негодную больше. Состольники провозгласят какой-нибудь тост, чокнутся с дамами, чокнутся между собою, отхлебнут глоток, а бой опять подливает им уже из новой, только что откупоренной бутылки. Оказалось, что это делается из любезности к хозяйкам, для "поддержания" заведения, чтобы дать им "заработать" и что расплачиваться эти джентльмены будут по счету бутылок, стоящих у решетки, куда смысленный бой незаметно присоединил к стати и наши две скромные бутылки, получив за них

предварительно что следовало. Скажите на милость, чем же все это лучше наших "саврасов"?.. Слышал я, будто сибирские купцы-золотопромышленники играют иногда в кегли, заменяя деревянные болванки бутылками шампанского, тоже "для поддержания коммерции". Разве это не в том же роде? Российские "саврасы" стало быть могут или утешиться, или огорчиться, смотря что кому более "по ндраву": они не единственные в мире "саврасы", так как англичане, по-видимому, могут быть в этом отношении достойными их соперниками. Но какие, однако, бешеные деньги надо получать вместо жалованья, или как обворовывать хозяйскую кассу, чтобы позволять себе такие безобразные траты!..

Я должен, однако, повиниться: оказалось, что кроме цикавейского кабачка в Шанхае есть и еще одно общественное развлечение, куда, по возвращении из Цикавеи, прямо и доставили нас китайские возницы по собственной своей инициативе. Это небольшой сквер с прекрасным зеленым газоном на мыске, откуда открывается широкий вид на рейд и заречную сторону. В центре круглого газона

выстроена легкая открытая ротонда, где играет маленький хорик бродячих испанских музыкантов, одетых для чего-то в военные костюмы. Сюда собирается по вечерам публика из английского участка и в течение двух часов изображает собою нечто вроде похоронной процессии, медленно и молчаливо двигаясь в одну сторону по кругу. При этом для многих джентльменов домашние кули выносят сюда и ставят на газон их плетеные "протягновенные" кресла, с какими мы давно уже познакомились на палубе "Пей-Хо", и в этих креслах серо— и бело-пиджачные джентльмены в пробковых шлемах покойно лежат себе с сигарами в зубах, задрав кверху ноги, и апатично созерцают блуждающую мимо их похоронную публику. Скука надо всем этим царит невообразимая, чисто английская, как и должно, впрочем, быть на каждом фешенебельном, специально английском собрании. Были здесь, конечно, и голоногие дети с няньками и гувернантками, и прелестные мисс с выражением застывшего удивления в лице, и не менее прелестные леди с лошадиным оскалом, гусиными шеями и большими плоскими

ступнями на толстых американских подошвах: были даже какие-то англиканские книгоноши в матросских шляпах и с буклями вдоль щек, совавшие всем и каждому в руки какие-то душеполезные брошюрки за один пенни. Но, Боже мой, до чего тощи и малокровны эти бедные дети! Большинство их просто поражает своею хилостью и болезненностью: все они какие-то вялые, сонные, дряблые, — ни детской резвости, ни детских кликов, ни игр и беготни, ничего подобного, столь присущего детям, не встретил я между этими разряженными восковыми куколками. Очевидно здешний климат не по нутру европейскому ребенку. То же должен сказать и относительно большинства европейских женщин. Кроме того, между ними почти нет ни одной действительно хорошенькой, тогда как среди китаянок, при всем своеобразии их типа, мы встретили сегодня несколько очень красивых.

Недурен был с газона вид реки, усеянной огнями цветных бумажных фонарей на китайских лодках и отражавшей в себе огни фейерверка, пускаемого в виде ракет, колес и

римских свеч с нескольких джонок.

Остаток вечера скоротали у себя дома, за чаем, в номере В. С. Кудрина.

23-го августа.

"Пей-Хо", говорят, уже пришел, но на рейде его не видно. Еду в американский участок разыскивать контору и пристань Messageries Maritimes, где можно о нем справиться. Перехав через мост на Сушау, я очутился в одной из чисто китайских улиц американского участка с лавочно-торговым характером. В одной лавке продавались бумажные фонари, в другой зонтики, в третьей шелковые кисти, там плетеные и поярковые шляпы, тут свиные окорока или восковые и сальные свечи, здесь резные и точеные изделия, трости, игрушки, модели сампангов и джонок. Множество почти голых кули таскают на спине и на коромыслах тюки разных товаров: одни спешат от пристаней к складочным магазинам, другие от магазинов к пристаням; с одной стороны трещат лебедки, с другой бьют по железным листам и цилиндрам десятки молотов в портовых мастерских; запах кокосовой гари, пыхтенье паровиков, грохот машин,

всяческий шум и гам и человеческий гомон, все говорит нам, что портовая работа в полном разгаре. Какая масса ящиков, бочек, тюков и мешков и какое множество голого рабочего люда!.. И что за неутомимый народ! Подумайте только, целыми часами таскать на спине пятипудовые тяжести при такой жаре, когда нам тяжело таскать на ногах и свою-то собственную особу, а им как ни почем!.. Нет, что хотите, но этот желтокожий человек — страшный конкурент европейскому рабочему в будущем и, быть может, не особенно отдаленном. Недаром уже Америка от него открещивается.

Извозчик подвез меня к пристани, у которой стоял ошвартовясь "Пей-Хо". Контора тут же. Справляюсь о багаже, никто ничего не знает. "Ступайте, — говорят, — на пароход, может там что-нибудь разыщете". Иду на пароход, но и там не лучше. Заведующий багажным отделением уехал в город, а без него никто ничего не знает и не имеет права выдать вещи. Можете представить себе мою досаду — ехал, ехал по солнцепеку черт знает куда, еле-еле добрался, и все это задаром! Полдня про-

пало с этими хлопотами совершенно напрасно. Но нет худа без добра. В то время как метрдотель на мой вопрос "что же теперь делать?" почтительно советовал мне приехать за вещами в другой раз, то есть завтра или послезавтра, — случайно вышел на палубу один из помощников капитана "Пей-Хо", всегда чрезвычайно милый и внимательный к нам человек. Узнав о моем затруднении, он посоветовал мне лучше уж дожидаться багажного теперь, чем проезжаться в такую даль вторично.

— Но это очень скучно, — возразил я, — ждать неизвестно сколько времени, а он, быть может, и до вечера не вернется. И к тому же я с утра еще ничего не ел, я голоден.

— Вот и прекрасно! — весело воскликнул лейтенант. — Это как нельзя более кстати, потому что я иду завтракать. Хотите, пойдемте вместе, а тем часом, может, и багажный вернется. Вы ничего не имеете против китайской кухни? — спросил он.

Я отвечал, что совсем еще не знаком с нею.

— Так вот прекрасный случай познакомиться, потому что я иду в китайский ресто-

ран. Как любознательному туристу, это должно быть вам на руку, — заметил лейтенант. — А ресторан, рекомендую, очень хороший: он даже считается здесь лучшим, и вас там могут накормить, смотря по желанию, и по-европейски, и по-китайски. Тамошние повара — мастера на все руки и отлично умеют приготовить как ветчину с горошком, так и молочного щенка, гарнированного кошачьими хвостами.

Я невольно рассмеялся при одном представлении себе этого последнего блюда.

— Что вы смеетесь? Ей-Богу правда! Этот ресторан даже славится своими щенятами, — уверял лейтенант. — Но мы с вами, конечно, не будем их пробовать, — продолжил он, — а отведать какой-нибудь обыкновенной живности, приготовленной по-китайски, это, вперед говорю вам, будет недурно.

Итак, мы отправились на моем извозчике. Ресторан этот (к сожалению, тогда не записал, а теперь уже позабыл его китайское название) находится в американском участке, на углу набережной Вузунга и Сушау, как раз против моста, Это двухэтажный деревянный

дом, в полуевропейском, полукитайском стиле, опоясанный резным балконом, на который выходят широкие сплошные окна верхнего этажа, заменяющие собою наружные стены. Внизу помещаются лавки, принадлежащие тому же ресторану и, между прочим, зеленая и живностная, где вы сами, если угодно, можете выбрать для себя любую провизию из мяса, дичи или рыбы, которую при вас же отправят на кухню. Тут же к услугам посетителя и винный погреб, где на окнах красуются ряды флаконов со всевозможными ликерами и бренди и где найдете вы все, начиная с шампанского до японского саки и китайского ханшина. Самый ресторан помещается в верхнем этаже, вместе с чайною. И здесь — та же смесь китайского с европейским, как и в архитектуре самого здания: пол устлан сплошь, очень чистыми бамбуковыми циновками, на стенах висят длинные пунцовые свитки с золотыми приветственными изречениями и картины, изображающие букеты ярких цветов, белых журавлей и каких-то мифических героев, нарисованных клеевыми красками на таких же длинных свитках,

только белого цвета. На почетном месте, с одной стороны, домашний алтарь с оловянной курильницей и подсвечниками, задрапированный красным сукном, по которому вышиты шелками цветы и драконы, а с другой — европейские круглые настенные часы. Вдоль стен — ряд небольших столиков китайского рисунка, но на высоких ножках, с мраморными досками, а между ними китайские табуреты и плоские стулья. Одна сторона комнаты занята длинной буфетной стойкой с мраморной доской, совершенно как у нас в каком-нибудь Малом Ярославце или у Панкина, и эта широкая мраморная доска заставлена множеством маленьких блюдец и фарфоровых чашечек с самыми разнообразными закусками, марианадами, соленьями, печеньями, вареньями и сладостями. Тут же красовались на выставке превосходно зажаренные куры и фазаны, громадные омары и свиной окорок со шкуркой прелестного малинового цвета, а в виде украшения стояла фарфоровая лохань с плавающими пучеглазыми золотыми рыбками и вазон с каким-то хвойным растением вроде можжевельника, которое искус-

ственно заставили расти в виде башни китайской пагоды.

Мы спросили себе отдельную комнату, а пока подошли закусить к буфету. Я наметил там одно блюдце, на котором лежали, как показалось мне, отлично зажаренные снетки под бешемелью. После маленькой рюмки джина это оказалась превкусная закуска, так что я, разлакомившись, спросил себе еще одно блюдце.

— А вы знаете, что это такое? — с лукавою улыбкой спросил меня мой спутник.

— Не знаю, что именно, но знаю только, что это прелесть как вкусно и так хорошо на зубах хрустит, что я с голода готов уничтожить хоть целую дюжину таких блюдецек.

— Это... Нет, уж лучше не говорить! Наслаждайтесь, оставаясь в блаженном неведении, а то, пожалуй, весь эффект испортишь. Вообще, — прибавил он в виде назидания, — в китайских ресторанах лучше никогда не спрашивать, чем вас кормят, если вы не сами выбрали себе хорошо известную вам провизию.

Но я настоял, чтоб он все-таки объяснил мне, чего такого я отведал.

— Это вяленая саранча, насухо поджаренная с тертым овечьим сыром. Довольны ли вы этим открытием?

— Как нельзя более и, знаете ли, если бы вы предупредили меня заранее, я бы, конечно, не стал ее есть, но раз уже факт совершен, остается только спросить себе вторую порцию.

Таким образом состоялось мое гастрономическое знакомство с саранчей.

Мы ели на этот раз попросту ветчину с вареным рассыпчатым картофелем, причем вместо салфеток служили нам листки мягкой рисовой бумаги. Желая иметь понятие о специально китайском обеде, я с помощью моего спутника-лейтенанта спросил себе порционную карту (здесь уже заведено и это европейское обыкновение). Нам принесли меню сегодняшнего обеда, написанное китайскими знаками на листке пунцовой бумаги. Но что же с ним делать? Как перевести его на удобопонятный язык?

— Нет ничего легче, — отозвался мой спутник, — для этого стоит только обратиться к хозяину, который сидит за конторкой, он пре-

красно владеет английским языком и переведет вам.

— Но я, к сожалению, не знаю по-английски.

— О, в таком случае я помогу вам моим знанием: буду переводить вам с английского на французский, а вы с французского записывайте у себя в книжке по-русски. Это процесс немножко сложный, но все-таки с помощью его мы доберемся до желаемого.

Любезный хозяин с полной готовностью исполнил нашу просьбу И, вздев на нос круглые очки в черепаховой оправе, методическим тоном стал переводить нам следующее меню:

- 1) Основное блюдо: разварные жабры молодой акулы, под соусом из протертых омаров. Сопровождающие его блюда: голубиные яйца с шампиньонами, разварные куры и ветчина.
- 2) Основное блюдо: дикие утки с красной капустой. Сопровождающие: жареная рыба, свинина с рисом.
- 3) Закуска между блюдами: тушеные лилии, салат из молодых ростков бамбука, редиска в сиропе.

4) Основное: морская рыба. Сопровождающие: фазан, начиненный жареными шампиньонами, домашняя утка под сладким соусом.

5) Основное блюдо: куры жареные на кунжутном масле; сопровождающее: кулики и перепелки со сладкими приправами.

6) Десерт.

Как видите, здесь ни собачины, ни кошатины, ни другого чего в подобном роде не имеется, и, за исключением акульих жабр (о которых, впрочем, знатоки весьма хорошего мнения), все блюда могут быть удобосъедомы и для европейца. Правда, в таких меню фигурируют иногда филейные части мускусных крыс и лапки зеленых лягушек, а также садовые улитки с чесночною пастой, но двумя последними снедями любители не брезгают и в Европе, а в Италии этих самых улиток с чесноком вы найдете чуть ли не в каждом ресторане. Что касается собачины и щенятины, то хозяин объяснил нам, что эти деликатесы можно иметь только на заказ, но что для любителей существуют особые рестораны, которые так и называются собачьими, где всегда

обязательно имеется разварная собачина под каким угодно соусом.

Относительно разделения блюд на основные и сопровождающие, тот же любезный хозяин пояснил нам, что таков уже древний обычай: сопровождающие вносятся и ставятся на стол вместе с основными в каждой перемене, основное блюдо вы кушаете, а сопровождающими лакомитесь, и обычай требует, чтобы при каждом основном блюде не менее одного сопровождающего. Подадут вам их уже заранее нарезанными на кусочки и наложенными на блюдца и в чашечки, а вы только кушайте, не затрудняя себя европейским обычаем разрезывания, — зачем-де брать на себя лишний труд, который должен лежать на обязанности повара, а не господина! На прощанье он очень любезно благодарил нас за посещение, прося не лишать его и впредь этой высокой чести, так как у него всегда найдется самый разнообразный выбор европейских блюд к услаждению нашего тонкого вкуса.

Вернувшись на "Пей-Хо", мы нашли уже там возвратившегося багажного, и я без даль-

нейших затруднений получил мои вещи.

24-го августа.

Сегодня утром мы предприняли поездку в Цикавеи, чтоб осмотреть иезуитскую коллегию и все состоящие при ней учреждения. На этот раз повезли нас прямою дорогой, мимо западной стены китайского города. Стена эта представляет почтенную древность, и так как о реставрации ее, по-видимому, не заботятся, то от этого она кажется еще древнее, чем может быть на самом деле. Материалом для ее постройки служил обожженный желтоватый кирпич в виде больших массивных плиток; она имеет около двенадцати аршин вышины и снабжена верхними бойницами и буржами, которые следуют в расстоянии около шестидесяти сажен один от другого. В северо-западном углу ее из-за бойниц выглядывают характерные китайские кровли дворца мандарина-губернатора и буддийской пагоды. От западных ворот, к которым прилегает старое китайское кладбище, дорога поворачивает на юго-запад и идет мимо небольших деревушек и отдельных домиков, разбросанных среди отлично обработанных полей и хлопковых

плантаций. Местность представляет совершенно открытую низменную равнину, изрезанную оросительными каналами и разбитую на небольшие владельческие участки, обнесенные живыми или бамбуковыми изгородями. Почти на каждом таком участке виднеются в каком-нибудь углу надгробные памятники на отчих могилах. Китайские землевладельцы придают громадное значение тому, чтобы прах их родителей и детей покоился неперемменно на родном поле. По их понятиям это еще более закрепляет землю за ее владельцем. "Здесь плоть и кровь моих предков и моя", говорит в таком случае китаец, "и где они покоятся то место у меня уже неотъемлемо! беспорность моего права на него освящена этими могилами". На одном из таких участков мы видели гроб, еще не преданный земле и одиноко стоявший в траве среди поля, так как у многих китайцев скорое погребение не в обычае, и нередко бывает, что наглухо запаянные гробы покойников из зажиточных семейств стоят в фамильных усыпальницах иногда от одного года до трех лет, прежде чем родственники приступят к окончатель-

ной церемонии их погребения. Скорые и даже быстрые похороны, почти тотчас вслед за смертью, бывают только у бедняков, живущих в лодках: эти, по неимению средств, а иногда и права на могилу в земле, топят своих покойников в реке, привязав к ним тяжелый камень, а то и просто спускают их на воду.

В одном месте близ дороги лежали разбитые статуи каких-то животных вроде лошадей, грубо высеченных из камня, и, по-видимому, очень древнего происхождения, а также попадались местами четырехгранные бревна и толстые доски, до четырех аршин длиною, высеченные из цельного гранита. Подобные доски употребляют здесь для настилки мостов через канавы, а бревна вместо фундаментальных устоев под сельские хижинны, приподнятые над почвой на низменных берегах протоков и речек. Деревянные устои на сухих местах подкачиваются муравьями вроде термитов, а на влажных скоро подгнивают и не выдерживают напора воды во время сильных разливов и наводнений. Поэтому практический гений китайцев и подсказал

им, еще в незапамятные времена, замену дерева таким основательным и неуязвимым материалом как гранит, которому они придали эти своеобразные формы досок и тесаных бревен.

В окрестностях много хлопковых плантаций. Из многочисленных видов и разновидностей хлопчатника здесь разводится преимущественно травянистый вид с темно-зелеными сердцеобразными листьями и довольно большими желтыми цветами, переходящими на донце чашечки в пурпурную окраску. В окрестностях Шанхая, как и вообще в Китае, производится хлопчатой бумаги очень много, но почти исключительно для своего домашнего употребления: вывоз же в сыром, необработанном виде пока еще ничтожен.

По дороге мы обгоняли немало китайских-христианок и детей в праздничных нарядах по случаю воскресного дня, шедших в Цикавеи к обедне или располагавшихся группами на кратковременный роздых под древесною тенью. Лица всех добродушные, хорошие, и достаточно было взглянуть на

неизуродованные ступни этих женщин и девушек, чтобы безошибочно сказать, что это все представительницы китайского рабочего простонародья.

Экипаж наш остановился перед воротами каменной ограды монастыря. Мы прошли в калитку и очутились среди небольшого, почти квадратного дворика, мощеного плитой, против церковной паперти. Налево от ворот стоит небольшая каменная сторожка при-вратника, в окна которой вместо переплета вставлены в рамках ажурно-резные и в то же время рельефные изображения деревьев с кудрявыми ветвями и цветами, исполненные очень искусным резцом по красному дереву. Направо от ворот — часовня, устроенная на китайский лад. Навстречу нам вышел из сторожки послушник-китаец с вопросом на французском языке: что нам угодно. М. А. Поджио подал ему свою и наши визитные карточки, приказав передать их отцу-настоятелю и сказать ему, что мы просим разрешения осмотреть храм и все учреждения коллегии. Пока послушник ходил с этим поручением, мы вошли в часовню отдохнуть под ее се-

нью от солнечных лучей, ужасно накаливавших помост и стены дворика. Обстановка этой часовни была в высшей степени оригинальна. Посредине ее стоял квадратный китайского рисунка стол, вроде обеденного, а по сторонам его, справа и слева, по одному ряду китайских стульев с резными спинками. За эту группой мебели со всех сторон оставалось еще достаточно свободного пространства комнаты. У стены против входных дверей помещался престол, совершенно такой же, как мы видели в буддийско-китайских курмирях Сингапура и Гонконга. Над ним висел запрестольный образ, написанный акварелью на продолговатом шелковом свитке, подклеенном бумагой и отороченном парчевою материей. На нем было изображено бегство святого семейства в Египет. Картина представляла горный пейзаж в китайском вкусе, с искривленными соснами и кедрами. Пресвятая Дева с Младенцем на руках представлена сидящею на ослике, которого ведет за повод святой Иосиф. Костюмы на них совершенно китайские от остроконечных соломенных шляп до мягких туфель на толстой белой по-

дошве, а равно и чертам лиц придан вполне китайский характер, так что не будь изображены над ними золотые венчики, нельзя бы и подумать, что это сюжет из Священного Писания. По бокам этого образа висят в черных рамах два портрета каких-то кардиналов, одетых в пунцовые китайские курмы и лакированные черные каски без козырьков, но с торчащими из-за ушей черными же крыльями стрекозиной формы, — головной убор, какой нередко встречается на изображениях разных мифических героев Китая. На боковых стенах развешаны свитки китайских же картин, изображающих какие-то виды и красивых птиц над пышными цветами.

Возвратившийся послушник-привратник почтительно объявил нам, что отец-настоятель сейчас пожалует сам и просит нас войти в церковь.

Убранство этой церкви, вопреки обычаю католических храмов вообще, отличается некоторою простотой: здесь ни в чем не заметно ни малейшей роскоши и в то же время ничего выдающегося, ничего такого, что предпочтительно останавливало бы на себе

или развлекало бы внимание молящихся. Правый ряд скамеек, предназначенных для мужчин, был совершенно пуст, и вообще из китайцев мы не нашли тут ни одного взрослого мужчины; на левых же скамьях сидело десятка три женщин-китаянок с детьми разных возрастов. Одна из них, чередуясь через некоторый промежуток времени с соседками, громко читала на китайском языке с китайским же речитативом какие-то молитвы по часослову: остальные внимательно следили за ней по книжкам, иногда обмахиваясь, ради прохлады, веерами. В притворе, около столика с купелью, дожидалась священника группа из трех-четырех женщин и одного мужчины, принесших крестить новорожденного младенца. Не успели мы порядком все рассмотреть, как откуда-то сбоку входит пожилых лет монах-француз в белом китайском балахоне, с веером и четками в руках; передняя половина его головы была выбрита, а остальные сивенькие волосы собраны на макушке и заплетены в длинную косу по-китайски. Лицо добродушного, даже несколько бабьего вида, и не было в нем решительно ничего такого, с чем

обыкновенно соединяется понятие об иезуитизме. Подойдя к нам, он очень любезно пожал всем руки, отрекомендовавшись отцом-экономом, и пригласил нас следовать за собою.

Начали мы осмотр коллегии с монашеских и студенческих келий, убранство и расположение коих совершенно одинаковы, с тою лишь разницей, что монашеские, как предназначенные для житья одного человека, несколько теснее студенческих, где обыкновенно помещаются от двух до четырех человек. Вот, например, монашеская келья: у правой от входа стены стоит под кисейным мустикером китайская кровать или кушетка с плетеным камышовым сиденьем, на ней положен тощий тюфячок или сенник с подушкой, покрытый белым тканьевым одеялом, в углу — металлический умывальник, у противоположной стены — простой тесовый стол и два-три стула, в переднем углу или в межоконном простенке — небольшой алтарик, служащий в то же время молитвенным аналоем и книжным шкафчиком, над алтариком — распятие, по стенам две-три литогра-

фии или гравюры со священными изображениями, вот и все. У студентов — то же самое, только число кроватей изменяется сообразно с числом квартирантов. Здесь, как видите, ни малейшей роскоши и ничего лишнего. За кельями следует большая рекреационная зала, где развешаны по стенам большие китайские гравюры, изображающие сражения китайцев с монголами, смотры их войск и лагерную жизнь. На одной из таких картин монголы отстреливаются от наступающих китайцев из-за сбатованных лошадей, совершенно как наши казаки. Присутствие картин столь воинственного содержания в таком мирном приюте объясняется тем, что они изображают исторические эпизоды из времен покорения Небесной империи ныне царствующею Маньчжурскою династией. Тут же висит большой, резной из дерева, образ Богоматери с группой Святых, — работа одного из здешних монахов, обучавшего искусству резьбы по дереву молодых учеников Коллегии, ныне уже умершего. Его же резцу принадлежат и оригинальные окна в сторожке, и можно только удивляться, как ловко в этих своих произведениях умел

он подделываться под вкус и стиль китайцев.

Из рекреационной залы провели нас в домашнюю монастырскую капеллу, где застали мы на молитве одного монаха-китайца. Капелла посвящена Христу Спасителю: запрестольный образ Спасителя написан без уступок китайскому вкусу, а так, как обыкновенно пишется. Свет проникает сюда сквозь разноцветно узорчатые розетки в окнах и падает очень эффектно на два позолоченные изваяния Христа и Богоматери, стоящие с обеих сторон у баллюстрады, впереди главного алтаря. Оба эти изображения носят на себе (и, вероятно, не без умысла) несколько буддийский характер, лица их раскрашены, глаза чуть ли не стеклянные, а борода и кудри у Христа из натуральных волос; все же остальное ярко вызолочено. Но работа эта не китайская: обе статуи сооружены усердием римских братьев ордена Иисуса специально для Цикавейской коллегии, и, конечно, потому-то они и отличаются этим языческим пошибом.

После капеллы показали нам монастырскую библиотеку, помещенную в трех залах, из коих последняя посвящена Китаю. В этом

последнем отделе тщательно собрано, по возможности, все, что существует в европейских литературах по части синологии: тут вы найдете как общедоступные, так и чрезвычайно редкие и дорогие издания по языкознанию, истории и этнографии Китая, а также множество книг и рукописей на китайском языке, посвященных буддийскому богословию, философии, истории, поэзии и прочему. Тут же имеется и очень хорошая нумизматическая коллекция, где собраны, по возможности, от древнейших времен монеты Китая, Тибета, Монголии, Кореи, Аннама, Бирмы, Сиама, Индии, Японии и вообще тех стран, с которыми приходила в соприкосновение китайская торговля, но первенствующая роль в этой коллекции принадлежит, конечно, монетам китайским. Из библиотеки мы прошли в классные комнаты, убранные по общеевропейскому типу; особенность состояла разве в том, что на стенах висели географические карты с китайскими подписями и портреты разных монахов-миссионеров и епископов, подвизавшихся в Китае.

В некоторых комнатах сидело по несколь-

ко учеников старшего возраста за какими-то письменными работами, под руководством монахов-наставников. Отец-эконом пояснил нам, что хотя по воскресным и праздничным дням никаких учебно-классных занятий не бывает, но отцы-преподаватели не возбраняют заниматься желающим по своей доброй охоте и почти всегда сами помогают им в этих работах.

Из классов пригласили нас спуститься на рекреационный двор, где мы застали более полусотни бойких и веселых китайских мальчиков, игравших в какую-то игру вроде пятнашек или качавшихся под навесом крытой галереи на качелях. В углу этой галереи грелся на жаровне большой медный чайник, около которого "прохлаждались" чайком из фарфоровых чашек более взрослые воспитанники. Как старшие, так и младшие, а равно и монахи-наставники были одеты в однообразные китайские костюмы из легкой серо-синей материи. Здесь вышел к нам отец-настоятель, тоже сивый, только более худощавый человек с наполовину обритым черепом и короткою заплетеною косицей в таком же се-

ро-синем балахоне и мягких башмаках, как и все остальные. Его загорелое морщинистое лицо с подщипанною сивою бородкой и опущенными книзу усами до такой степени окитаилось, что в первую минуту я было принял его за чистокровного сына Небесной Империи, и сходство это еще усиливалось большими круглыми очками, какие носят в Китае все более или менее зажиточно-солидные чиновные и ученые люди. Но достаточно было нескольких произнесенных им слов, чтобы по выговору признать в нем настоящего француза и даже парижанина. И опять-таки ни в лице, ни в разговоре, ни в манерах этого человека не было ровно ничего "иезуитского": напротив, эти "отцы" как-то сразу и вполне искренно располагали нас в свою пользу, и вы невольно подумали бы в душе: какие, однако, симпатичные, простые и добрые люди!

С какой охотой, с какою любовью и заботливостью ко всему своему учреждению показывали и объясняли они нам все его стороны! Как видимо были рады нашему вниманию и любознательности! По всему было заметно, что дело воспитания и духовного просвеще-

ния этих, чуждых им по племени, юношей было для них близко-сердечным дорогим делом, которому однажды и навсегда беззаветно отдано все их скромное и далеко небезопасное здесь существование. Я ожидал было, что мы, как "схизматики" и "московиты", много-много если будем встречены здесь с холодной вежливостью и что нам далеко не охотно станут показывать внутреннее устройство этой обители: напротив, мы нашли полное радушие, приветливость и откровенность вне всяких вероисповедных предубеждений.

"Отцы" повели нас в монастырский сад, насаженный их собственными руками и возвращенный личною их заботливостью. В нем теперь достаточно тени и влаги, много цветов, лекарственных растений и фруктовых деревьев. Тут же находятся, во-первых, огород, над которым практикуются воспитанники, обучаемые также и садоводству, а во-вторых, мастерские: столярная и шлюпочная, где сами воспитанники делают всякую мебель, ящики, резную работу и строят лодки под руководством сведущего учителя.

Из сада провели нас на монастырскую метеорологическую обсерваторию, состоящую в заведывании отличного специалиста, отца Марка Дешеврана. Уже в течение нескольких лет этот рыжеватый, чахоточно-сухощавый молодой человек (ему с небольшим лет тридцать) непрерывно и с величайшею любовью занимается термометрическими, барометрическими и магнитными наблюдениями, для которых им усовершенствованы прежние и частью изобретены новые приборы, с применением в некоторых из них фотографии. Много пользы принесено им уже и для науки, и для мореходов, потому что, благодаря его атмосферическим наблюдениям, цикавейские бюллетени имеют возможность предупреждать по телеграфу все порты крайнего Востока о готовящемся тайфуне, а это сохранило уже не одну тысячу человеческих жизней и не один миллион коммерческих состояний. Он ведет постоянный журнал своих наблюдений, печатаемый в иезуитской типографии, учрежденной при сиротском приюте в соседней деревушке Тусеви, и рассылает его обсерваториям всего мира в обмен на их изда-

ния. Его брошюра "Le Typhon du 31 Juillet 1879" пользуется не только в кругу специалистов, но и между европейцами крайнего Востока весьма почтенною известностью. При обсерватории учреждена библиотека астрономических и метеорологических изданий, в числе коих отец Марк показал нам и русские Летописи Метеорологической Обсерватории. Между прочим, он высказывал нам свои крайние сожаления по поводу затруднительности сношений с Владивостокскою обсерваторией, вследствие чего, например, наблюдения его за направлением движения тайфунов севернее Чифу часто страдают неполнотою. Он говорил, что в этом отношении был бы совершенно счастлив, если бы во Владивостоке стали к нему отзывчивее, отчего выиграла бы и наука, и общая польза в мореходном деле.

По выходе из обсерватории, мы расстались с "отцами", угостив на прощанье папиросками.

Иезуитов упрекают в том, что они чересчур уже подлаживаются к китайскому языческому культу, воспроизводя в своих каплицах обстановку буддийских кумирен и изображая

Богородицу китайянок, а Христа некоторым подобием Будды, на том основании, что это-де знакомее, роднее китайцу и потому доступнее его пониманию. Но они возражают против такого упрека, что важна сущность, важен дух христианства, а не его внешняя обстановка, и если вы стремитесь к распространению в массах духа веры Христовой, то со стороны чисто внешней, обстановочной, не только уступка, а и некоторое подлаживание под уровень привычного понимания и религиозного воображения грубой массы вполне-де извинительны, тем более, что обстановочная сторона буддизма вовсе не так уже далека от таковой же стороны христианства: между ними есть даже много общего, и потому-то, говорят иезуиты, выставляя на вид именно эти внешние стороны, общие обеим религиям, мы тем самым как бы говорим приходящим к нам буддистам: смотрите, это вовсе не так далеко от вас, как вам кажется, а потому не бойтесь идти ко Христу, который за подвиги братской любви, милосердия, кротости и всепрощения дает вам жизнь бесконечную, блаженную жизнь разума и духа в

лоне Небесного Отца, тогда как Будда за те же высокие подвиги обещает вам только бессознательный покой нирваны в лоне небытия. Сначала, говорят иезуиты, мы заботимся только о том, чтоб уловить человека в сети религии, сопричислить его к верующим, хотя бы только формально или ради каких-либо его личных мирских выгод. А когда он уже уловлен, мы начинаем постепенно проповедью и делами приводить его к познанию духа и истины веры Христовой: мы открываем наши школы для его детей, и эти последние выходят от нас уже истинными, глубоко убежденными христианами, способными даже на самоотверженные подвиги пропаганды, и для них возврат к язычеству уже немыслим, как нечто нравственно невозможное.

Как видите, это все та же "цель, оправдывающая средства", с этой стороны китайские миссионеры остаются верны принципу своего ордена.

Тем не менее, народ китайский не любит ни миссионеров, ни христиан из числа своих соотечественников: он только еле-еле терпит их, а при случае, в минуты разгара народных

страстей, никогда не прочь от насилия и всяких жестокостей над христианами. Вспомните кантонские, тяньцзинские и другие волнения. О китайских чиновниках уже и не говорю. Эти, как представители образованного класса, ближе понимающие политические отношения своего отечества к иностранцам и дорожащие паче всего его замкнутой самостоятельностью и неприкосновенностью, терпеть не могут иностранцев вообще и миссионеров в особенности. И замечательно, до сих пор еще не было примера, чтобы принял христианство кто-либо из мандаринов или "интеллигентных" людей Китая, хотя по отношению к своей собственной религии они вовсе не фанатики. Прозелитов своих находят миссионеры почти исключительно в среде рабочего простонародья и парий вроде кантонских лодочников, лишенных некоторых гражданских прав. Причина презрения народа к китайцам-христианам заключается в том, что член какой-либо семьи, принявший христианство, невольным образом вносит некоторый разлад в свою семью, служащую в Китае краеугольным камнем всего государ-

ственного и общественного строя. Точно также если обращается ко Христу целая семья, то она вносит собою источник разлада и розни в среду своей общины, связанной с нею экономической и нравственною солидарностью. Такая семья, например, уже не может, не нарушая своих христианских убеждений, участвовать в общественных сборах и складчинах на устройство религиозных празднеств с церемониальными процессиями и пиршествами в честь злых и добрых духов, вредителей и покровителей земледелия и рыболовства, охранителей жилищ, селений, полей и разных общественных угодий, коими в то же время семья эта пользуется; точно также она не несет уже общественных расходов на содержание кумирни и бонзов, каковые расходы по раскладке падают, за выделом ее, уже на меньшее число членов общины, несущим, стало быть, большую долю денежных повинностей, а это весьма существенно, так как артельное начало едва ли где развито в такой степени, как в Китае. Таким образом, отдельный ли член семьи или вся семья с принятием христианства непременно, и притом как

бы невольным образом, нарушает вековые устойчивые семейно-общественного строя китайской жизни, и отсюда уже само собою понятно неприязненное отношение к ним массы китайского общества. Но, кроме того, есть и еще причины антипатии, как к таким христианам, так и к миссионерам, в особенности. Это именно то, что миссионеры, считая себя обязанными всегда оказывать нравственную и, по возможности, материальную поддержку своим прозелитам, стараются часто сами, а более через посредство дипломатических агентов католических держав, доставлять этим прозелитам разные льготы как имущественные, так и сословные, на какие те, по своему общественному положению, никаких прав не имеют. А так как подобные ходатайства нередко достигают перед высшим правительством цели, хотя бы только в виде исключения, то это все же порождает в остальном местном населении неудовольствие и ропот на несправедливость и зависть к семейству, получившему ту или другую льготу только за то, что оно отступилось от религии своих предков. Кроме того, в случае каких-либо

притеснений со стороны ли местных китайских властей, или со стороны общины, прозелиты обыкновенно обращаются к защите миссионеров, а эти ищут для них покровительства опять-таки у своих дипломатических представителей, которые в свой черед обращаются с настойчивыми требованиями к высшим властям об удовлетворении потерпевших и наказании виновных, в чем нередко и успевают. А такая мера, как взыскание с общин каких-либо убытков в пользу потерпевшего христианина или смещение из-за него с должности какого-нибудь мелкого административного чиновника, являющегося в таком случае, с китайской точки зрения, невинно пострадавшим за правду и патриотизм, конечно, не может способствовать увеличению в народе симпатий не к самим христианам, ни к их защитникам-миссионерам, тем более, что тут у китайцев страдает даже его национальное самолюбие: "Как, дескать, вы, будучи китайскими подданными, осмеливаетесь искать защиты и покровительства против своих же у этих пришельцев, у варваров-инстранных!" Императорское правитель-

ство Франции из соперничества с англичанами, всегда стремилось, через свое посольство в Пекине и посредством консульских агентов в городах Китая, оказывать в особенности широкое и энергичное покровительство миссионерам и их прозелитам, в расчете поддержать этим свой высокий престиж. Да и республиканское правительство при Мак-Магоне и Тьере следовало в этом отношении тем же традициям, вследствие чего у китайцев и образовалась ненависть к французам не меньшая, чем к англичанам, которые проповедуют им Библию и в то же время отравляют их своим опиумом.

На обратном пути из Цикавеи прошли мы пешком по одной из задних улиц американского участка, сплошь занятой китайскими лавками, ремесленными и иными заведениями туземного характера. Здесь были, например, лавки, в которых специально продавались связки ямбов из посеребренной и позолоченной бумаги. Ямб, как известно, есть определенного веса слиток серебра или золота, имеющий форму овальной толстостенной коробочки с несколько откинутыми боками и

расширенными ушками: каждый ямб всегда бывает проштампован печатью государственного казначейства и заменяет собою более мелкие деньги при крупных взносах и расплатах. Там вот, на подобие таких-то слитков делаются ямбы из легкого картона, а то и просто из бумаги. Я думал было, что это не более как детские игрушки, и готов был удивиться, какую массу игрушек именно этого рода производят в Шанхае, но М. А. Поджио, хорошо знакомый с китайскими обычаями еще со времени своей службы в Пекине, объяснил мне, что бумажные ямбы изготавливаются специально в качестве жертвоприношений злему духу, чтобы подкупить и умиловить его в том случае, если китаец готовится совершить какое-нибудь дело или предприятие. Польщенный этою взяткой, корыстолюбивый дух не станет делать приносителю никаких препятствий в задуманном деле, причем предполагается, что он не умеет отличить настоящего серебра или золота от сусальной бумаги и не может обнаружить обмана со стороны приносителя, так как связка ямбов немедленно же сжигается перед его идолом.

Таким образом, китаец в одно и то же время и умилоствует своего черта и надувает его; да иначе ему и нельзя, потому что если б он сделал черту действительно ценное приношение, то этим жестоко обидел бы своих добрых гениев, которые за такую обиду стали бы ему мстить, а теперь и черт удовлетворен, и добрые гении довольны, посмеиваясь между собой втихомолку, что вот-де какой догадливый человек — обманул дурака и задобрил его! Это выходит совсем по нашей пословице: "И Богу свечка, и черту кочерга". Но так суеверит, конечно, только простонародье: люди же, более просвещенные насчет своей религии, объясняют этого рода жертвоприношение тем, что в нем выражается готовность человека пожертвовать всем своим достоянием, даже сжечь его для умилоствления злого гения, прообразованием чего и служит связка бумажных ямбов. Судя по количеству таких связок, продаваемых в лавках, надо думать, что китайский дьявол далеко не терпит недостатка, если не в деньгах, то, по крайней мере, в уверениях готовностью жертвовать ими. Все же кредит своего рода. В этих же лавках

продаются и жертвенные курительные свечи, приготовляемые из особенной массы (род кизяка), в состав которой входит превращенный в порошок коровий помет, так как корова — животное весьма угодное Будде. Эти свечи тлеют очень ровно, оставляя по себе превосходный белый пепел, всегда наполняющий жертвенные курильницы, но дым их не имеет никакого аромата и запахом напоминает жженую солому. Простейшая форма таких свеч представляет длинную круглую палочку, как карандаш, но затем, смотря по цене, торговцы комбинируют из множества подобных палочек цилиндро-конические фигуры длиной около аршина и более, украшенные крендельками, спиральями и бахромой из той же массы и оклеенные пунцовой и серебряной бумагой. Этого рода свечи насаживаются на шпильки особого рода храмовых оловянных подсвечников и ставятся в кумирнях перед образами и изваяниями Будды.

В той же улице встречаются лавки, наполненные бумажными фонариками всевозможных форм и размеров, от обыкновенного складного или шарообразного до громадных

романических и тюльпановидных, какие вешаются вместо люстр в кумирнях и пагодах. Здесь же, рядом, найдете вы всевозможную китайскую мебель, от простейших до самых затейливых образцов с инкрустациями, мозаикой и живописью, фарфоровую посуду, деревянную и медную утварь, лакированные вещи, всевозможные веера, башмаки, сандалии и туфли, седла, уздечки, мундштуки и подковы совершенно своеобразного устройства и множество других предметов китайского обихода. Тут же продаются разные фрукты, между которыми в особенности обращают на себя внимание желтомядые арбузы и кондитерские произведения: конфеты, леденцы, желе, пеперменты и сладкие пирожки из жареного и слоеного теста. В закусных или простонародных ресторанах выставлены на прилавках ракушки и садовые улитки с луком и чесноком, вареные крабы и омары, сушеные и свежесваренные креветки и шримпсы, саранча и маленькие жареные рыбки вроде снетков или корюшки, жирные угри (а может быть, и змеи), свернутые в кольцо, разные колбасы, сосиски и превосходная свинина, на вид все

это очень аппетитно.

В этой же улице посетили мы две опийные курильни. Надо заметить, что кроме китайского города, все они сосредоточены только в английском участке: французская же администрация совсем не допускает на своей территории этого рода заведений. Особенный специфический запах опийного дыма уже заблаговременно предупреждает вас о близости курильни и раздражительно щекочет обоняние курильщика, который чуть слышит знакомый запах, так его и тянет переступить порог заветного убежища. У дверей этих заведений, полуприкрытых опущенною циновкой, нам приходилось встречать совершенных бедняков, подверженных этой ужасной слабости, которые, не имея средств на покупку одной трубки, довольствовались тем, что жадно вдыхали и внюхивали в себя выходящий на улицу запах опийного дыма, — и какое мучительное томление было написано на изможденных лицах у этих несчастных!.. Достаточно заглянуть хотя однажды в курильню и всмотреться там в лица и фигуры закоренелых курильщиков, чтобы потом вы могли

сразу и где бы то ни было безошибочно узнать человека, одержимого этой страстью, до того характерны эти фигуры и физиономии. Мутный и как бы омертвелый взор, зеленовато-бледный цвет лица, истощенные дряблые руки и ноги, сильно впалая грудь, на которой глазами можно пересчитать все ребра, затем сутуловато приподнятые плечи, так что кажется, будто голова совсем ушла в них без шеи, слабость и вихлявость походки, трясучка в пальцах и какая-то общая пришибленность и робость в движениях и взглядах, — вот вам верный портрет курильщика в "трезвом" состоянии. А между тем, если он выкурит в меру, вы его совсем не узнаете, до такой степени тот же человек изменяется. Он бодр, весел, энергичен и способен работать, так что многие поддерживают в себе жизненную энергию и способности только курением; но все это, увы! лишь до тех пор, пока яд производит свое действие, а затем или надо прибегнуть к новой покурке, или переносить все страдания тяжелой неудовлетворенной потребности. Доктор Кен, американец, специально занимавшийся исследованием дей-

ствия опиума на человеческий организм, говорит, что все, подверженные страсти курения этого яда, постоянно жалуются на бессоницу; оно производит бдение, исполненное ложных представлений: курильщик чувствует себя совершенно счастливым, в мире и согласии с самим собой и со всем светом, готовым простить обиды и сделать все хорошее для людей, его окружающих. Чувство душевного покоя и полного довольства овладевает всем существом его. Он полон всяких приятных и блестящих надежд, и если выкуренное им количество опиума невелико, то к этим ощущениями присоединяется еще внутреннее просветление, связанное с необычайной подвижностью и легкостью. Походка курильщика в это время совсем изменяется, в ней замечается некоторое ускорение темпа и эластичность шага, вся фигура его дышит несвойственными ему бодростью и энергией. Это, можно сказать, сновидение при полном бодрствовании есть результат совершенного господства воображения над действительностью: вся неприглядность будничного существования и окружающей обстановки исчезает.

ют, и жизнь окрашивается блестящими красками лучших и самых счастливых моментов, пережитых когда-либо курильщиком. Опийный дым в одно и то же время застилает грубую действительность и заменяет ее как бы мыльным пузырем самых радужных цветов. Такое приятное ощущение продолжается различно, смотря по темпераменту субъекта и по количеству выкуренного им опия. Вслед за тем наступает иногда расположение ко сну, но радужных и счастливых сновидений никогда не бывает. Напротив, если накуриться до излишества, то в результате получается иногда глубокий сон, исполненный самых ужасных видений, фантазмагорий и невозможных сцен, которые приводят спящего в ужас, но он тщетно силится проснуться. За целым рядом таких кошмаров при пробуждении следует стеснение в груди, затрудненное сердцебиение, сильное чувство тошноты, сопровождаемое иногда рвотой, и наконец угнетенное состояние всего организма. Чтобы не страдать тошнотой, надо никогда не выходить из маленьких доз, но редко кто может удержаться на грани такой умеренности. Мало-помалу

курильщик приходит к убеждению, что приятное ощущение первых месяцев его опыта исчезает совсем и безвозвратно, но отстать от курения он уже не в силах и продолжает свое обычное занятие исключительно ради того, чтобы избежать страданий, которыми сопровождаются попытки покинуть эту пагубную привычку. Добрый гений магической трубки исчезает бесследно, и вместо него вырастает демон, крепко оковавший по рукам и ногам свою жертву. По наблюдениям доктора Канва, влияние опиума на физическую природу и умственные способности выражается неспособностью заниматься чем-либо, требующим продолжительного напряжения ума: сила воли слабеет, человек становится нерешительным, теряет память, у него чувствуется боль в глазах и наступает исхудание тела, сопровождаемое припадками геморроя, упорными запорами, расстройством пищеварения, воспалительным катаром глотки и кишок, чувством постоянной усталости и другими еще более тяжелыми расстройствами преимущественно нервной системы. Вообще человек, предавшийся опиуму, должен считаться по-

гибшим.

Обстановка обеих курилен, куда мы заглянули, была совсем неприглядна, и одна от другой почти ни чем не отличалась. В обоих случаях это была небольшая и довольно грязная комната с совершенно голыми, некогда выбеленными стенами; пол застлан циновками, на которых сидели и лежали курильщики; по двум стенам шли деревянные нары, предназначенные для более почетных посетителей, которые и возлежали там на подостланных циновках с соломенными вальками или подушками под головой. Перед каждым курильщиком ставят на подносике маленькую лампаду в медной подставке под стеклянным колпачком с дырой наверху и иногда чашку чая; на том же подносике лежит и приготовленная для него трубка.

Это инструмент вроде короткой флейты из бамбука в два пальца в диаметре; нижний конец чубука наглухо закрыт деревянной втулкой, а самая трубка или резервуар опия насаживается на продолжение самого чубука, отступя на одну треть его длины от закрытого нижнего конца; в верхний же конец иногда

вставляется янтарный или нефритовый мундштук. Самый резервуар представляет собою фарфоровый сплюснуто-шаровидный сосудик с двумя маленькими дырочками: одна наверху, через которую опий соприкасается с огнем лампы, а другая в нижнем горлышке, вставляемом в отверстие чубука, служит дымоходом. Нередко эти чубуки бывают украшены серебряными и золотыми пластинами и драгоценными камнями вроде рубинов, яхонтов, сапфиров и алмандинов, но это, конечно, только у богатых людей; в общественных курильнях все чубуки самые простые. Чтобы привести опиум в состояние, годное для курения, его кипятят до тех пор, пока он не станет похож на черную патоку, и этот процесс требует большой сноровки: надо уметь почувствовать меру, определяемую цветом, и степенью тягучести материала, а иначе легко перепустить и загустить его, отчего уже теряется и вкус и легкость затяжек. Одна покурка или порция опия, заключающая в себе 1/100 унции, стоит 800 чохов или полдоллара, а на наши бумажки около 1 рубля. Обыкновенный куритель истребляет ежедневно около трех

драхм, и это количество по действию своему равняется шести драхмам сырого опия, принятого внутрь. Удовольствие, как видите, очень дорогое, и потому понятно, что предавшиеся ему люди забывают и семью, и дом, и обязанности, жертвуют всем и доходят до разорения, до полной нищеты и зачастую кончают преступлением — воровством или убийством, для добычи денег на покурку. Доктор Кен говорит, что он знавал людей, истреблявших от 1 до 1 1/4 фунта в день, и эти очень редкие, к счастью, экземпляры называются на жаргоне курильщиков "врагами опиума".

Приступая к процессу курения, любитель обыкновенно ложится на бок, как ему удобнее, придвигает к себе лампаду, берет в одну руку чубук, а в другую — медную шпильку и приставляет отверстие трубки к верхнему краю пламени. Черная патока начинает кипеть, пузырится и слегка потрескивать, наполняя атмосферу своим одуряющим запахом, а курильщик продолжительно и с видом упоения втягивает в себя струи дыма, ковыряя в то же время шпилькой в отверстиях трубки, чтобы не давать опию скататься. Две-

три хорошие затяжки, и эффект готов. Накурившиеся лежат с закрытыми глазами или сидят, прислонясь спиной к стене, и смотрят своим тусклым, ничего не выражающим взором куда-то в неопределенную точку пространства, мимо всего окружающего. Большинство из них самоуглубленно молчит; но некоторые бормочут что-то про себя, а иные громко и очень весело разговаривают с соседом. Эти последние принадлежат к числу умеренных, на которых яд еще действует возбуждающим образом, влияя на подъем сил и энергии. Поболтав с соседом, они, можно сказать, наверное, вскоре пойдут по своему делу и бодро примутся за работу, пока не перестанет действовать эффект покурки.

Но если что представляет зрелище высокого комизма, то это, конечно, английские миссионеры в длинных рединготах и белых галстуках с характерным видом Рейнике-Фукс, появляющиеся в курильнях своего собственного квартала, для того чтобы сладко благочестивыми проповедями против курения действовать на совесть курильщиков и исправлять их. Во имя человечества, во имя Бога об-

щего всем сущим на земле, во имя долга, семьи, нравственности и прочего взывают они к курильщикам и заклинаяют их бросить свою пагубную страсть, живописуя ужасные ее последствия. А те слушают себе, да курят, пока наконец кому-нибудь из них не надоест, или пока не подступит кто к проповеднику с вопросами весьма ехидного свойства: "Все это, мол, прекрасно, и говорите вы чрезвычайно красноречиво; но скажите на милость, кто же ввозит к нам опиум? Кто эти мерзавцы, эти развратители и кровопийцы, которые доводят нас до такого положения? Кто охраняет этот опиум своими пушками и своим государственным флагом? Если вы так хорошо знаете, каковы бывают ужасные последствия этого зла, если по-вашему это такой великий грех, такое тяжкое преступление против Бога, семьи и общества, то зачем же вы, вы сами внесли его в наше общество? Зачем вы все это делаете и сами же против дел своих вопиете, не переставая, однако, продолжать их?" Кончается обыкновенно тем, что фарисей сконфуженно удаляется, но тотчас же входит в новую курительню и, как ни в чем не бывало, на-

чинает там повторение тех же своих разгла-
гольствований.

Шанхай (продолжение)

Китайский город. — Городской водя-
ной ров и торговая на нем деятель-
ность. — Китайские извозчики и их
экипажи. — Ворота Монтобана. — Ки-
тайский караул и гауптвахта. — Харак-
тер улиц. — Городской пруд и чайный
павильон на воде. — Базарная часть
города. — Площадка Большой и Малой
Медведиц. — Устройство дома богато-
го китайца. — Его сад и убранство при-
емной гостиной. — Главная городская
пагода и молящиеся китайцы. — Ки-
тайский театр в Шанхае. — Знаки об-
щественного почтения к начальству и
театральные места по рангам и сосло-
виям. — Ночная уличная жизнь в ки-
тайских кварталах. — Аристократиче-
ская опийная курительня и иньетемные
притоны. — Мой гид-китаец. — Похо-
ронная и две мандаринские процес-
сии. — Содержание чиновников. —
Экскурсия за китайским оружием. —
Его характер и качества. — Лавки и

мастерские в китайском городе. — Отношение китайцев ко мне как к русскому. — Нищие и больные. — Жители и их помещения. — Китайские собаки. — Любители сверчков, кузнечиков и певчих птиц. — Страсть к уличной азартной игре и к держанию пари. — Китайский суд, его обстановка и отношение публики к судопроизводству. — Два рода китайской живописи. — На волосок от смерти. — Наш праздник на "Горностае". — Регулярные китайские войска, их ученье, обмундирование, вооружение и содержание. — Европейские военные инструкторы. — Торговая конкуренция европейцев в Китае и нынешнее состояние чайной торговли. — Отъезд из Шанхая и переход до Нагасаки.

У подъезда нашей гостинцы встретил нас молодой китаец, парень лет девятнадцати, обратившийся к нам на очень бойком французском языке с предложением своих услуг в качестве гида по китайскому городу. Предложением этим мы воспользовались и, отдохнув после завтрака у себя в номере, отправились вместе с М. А. Поджио в четвертом

часу дня в китайский город, оказавшийся довольно близко от нашей гостиницы. Гранитный мост через канал или водяной ров, окружающий снаружи городскую стену, привел нас к полукруглой арке северных ворот, окрещенных французами названием ворот Монтобана. Каменная стена того же характера, как и на пути в Цикавеи, окружает город неправильным овалом на протяжении почти пяти с половиной верст (2.700 сажень). Площадь, заключенная в этом овале, имеет в длину, считая от северных до южных ворот, без малого две, а в ширину от восточных до западных ворот — полторы версты. На всем протяжении стены находится сорок буржей для ее фланговой обороны и шесть ворот, в том числе двое с северной и одни с юго-восточной стороны. По широкому парапету кое-где стоят на неуклюжих лафетах старинные чугунные пушки. Внешний канал соединяется тремя протоками с Вузунгом, а от него уже растекаются по городу внутренние разветвления. Во время высокой воды сампанги с углем, кирпичом, бамбуком и иными грубыми произведениями могут свободно входить из

Вузунга в протоки и далее в канал, где и разгружаются обыкновенно у городских ворот. Поэтому почти у каждых ворот на берегу вы всегда встретите склады черепицы, кирпичных плиток, бревен и теса и прислоненные к стене связки длинных бамбучин. Здесь же обыкновенное место стоянки или биржа китайских извозчиков, коих в Шанхае различается три рода: первый — одноконные каретки того типа, с каким мы познакомились еще в Сингапуре, экипаж никогда в застенный город не въезжающий; второй — ручные колясочки, какие мы впервые встретили в Гонконге и, наконец, третий — ручные одноколки, изобретение, кажись, специально шанхайское и для одних китайцев, так как европейцы в них никогда не садятся. Это инструмент в виде плоской тачки без бортов, по середине которой в продольном разрезе вертится одно обыкновенное колесо. Два седока садятся с обеих сторон этого колеса, а для того, чтоб оно, вертясь, не портило их платья, имеются по бокам его предохранительные ручки, на которые можно облокотиться. Извозчик везет этот экипаж перед собою, как возятся

обыкновенные тачки, пихая его вперед, для чего сам он впрягается сзади в продлинноватые ручки, пропуская соединяющий их ремень к себе под мышки и на затылок. Экипаж, надо отдать ему справедливость, совсем неудобный, и вывалиться из него, кажется, нет ничего легче при малейшем нарушении баланса; но китайцы, и в особенности китайянки пользуются им, по-видимому, с удовольствием.

Итак, мы очутились перед низким полукруглым сводом ворот, над которыми вделана в стену мраморная доска в продольной каменной раме с золотой надписью, обозначающею, вероятно, их название. По бокам арки были вывешены на стене какие-то длинные разноцветные китайские афиши и полицейские объявления. Пройдя несколько сажен под аркой ворот, запираемых на ночь тяжелыми деревянными створами, мы увидели примыкающую к ним справа китайскую гауптвахту, которую я принял было сначала за оружейную лавку, благодаря тому, что у баллюстрады ее открытого спереди навеса стояло десятка два затейливой формы але-

бард, протазанов[79], пик и широких ножей, насаженных на древки, а часового не было. В город пропустили нас совершенно свободно: караульные солдаты на гауптвахте даже и внимания не обратили на появление двух "западных варваров" и преспокойно продолжали себе играть в кости, рассевшись в кружок на циновке.

Все улицы здесь, разумеется, и узки, и вонючи, но, попав в китайский город, с этим обстоятельством всегда уже приходится мириться; мы пошли по одной из наиболее широких, где непрерывными рядами справа и слева тянутся китайские лавки и ремесленные мастерские. Тут сгруппированы самые разнообразные ремесла и рукоделья и перемешана всякая всячина в самых неожиданных сочетаниях как на толкучем рынке. Тут вы встречаете рядом фарфор и оловянные изделия, детские игрушки и резьбу печатей, железо, жемчуг и москатели с бакалеями, магазины акварельных картин и свитков с нравоучительными и приветственными изречениями, и рыболовные крючки и снасти, книжные лавки и штыковую медь, купорос и ис-

кусственные цветы, палатки уличных писцов и рисовальщиков и выставку нефритовых вещей. Затем идут лавки музыкальных инструментов и барабанов, лавки бронзовых изделий вроде ваз, жаровен, курильниц, подсвечников, тарелок, гонгов и тому подобного; трубочные и кальянные мастерские, башмачные и портные заведения, продажа туши и красок в фарфоровых чашечках, продажа рисовальных и письменных кистей, скупка тряпья и старого платья, лавчонки bric-a-brac, в пестром хламе которых мы, однако, не нашли ничего "подходящего". Но особенно выдаются на этой улице золотошвейни, где вышиваются шелками и битью по сукну, атласу и бархату разные принадлежности домашних алтарей и кумирен, напрестольные пелены, военные знамена и флаги, вышивки на спинки мундирных чиновничьих курм, равно как и на женские платья, шали и шарфики. Тут же, еще чаще, чем в английском участке, встречаются лавки, исключительно посвященные продаже предметов религиозного значения, каковы связки курительных палочек и жертвенные свечи из красного воска, бумажные

ямбы и древесные кропила для освященной по буддийскому обряду воды, образа в свитках и бронзовые или деревянные бурханы (статуэтки разных идолов). Кроме того, на каждом шагу встречается множество иных и притом самых разнообразных предметов и товаров, которые я не берусь перечислить.

Прогулку собственно по лавкам отложили мы до другого раза, а теперь хотели только получить общее понятие о городе и потому не застаивались подолгу перед выставками товаров. Вскоре проводник привел нас на берег квадратного, в несколько десятков сажен, пруда, посредине которого на гранитных сваях высилось очень красивое двухэтажное здание чайного павильона, в характерно-китайском стиле с узорчатым киоском наверху и выпукло прилепившимися к нему многогранными фонариками-бельведерами. И здание это как бы сквозило, благодаря сплошному ряду затейливо-ажурных решеток, вместо окон, и резным баллюстрадам вокруг открытых галерей и балкончиков, образующих премилые уголки и уютные закоулки под сенью многопластных черепичных крыш изогну-

то-остроконечной формы, выдающихся вперед в два яруса своими вздернутыми кверху курносыми наугольниками. Вся эта постройка, увенчанная золотым шаром, а на нем каким-то артишоком с двумя позолоченными грушевидными бульками и шпирцем, была чрезвычайно искусно сгруппирована в одно целое, вроде какого-нибудь изящного храма, под основанием которого сквозит уровень воды между просторно поставленными каменными устоями. Опрокинутое отражение всего этого здания отчетливо рисовалось в неподвижной глади пруда, берега которого обрамлены гранитным бордюром, и от них с двух сторон ведут к чайному павильону два длинные пешеходные мостика с красивыми перилами, на гранитных же сваях, построенные на всем своем протяжении небольшими прямоугольными зигзагами. Мы перебрались туда по одному из этих мостиков и, поднявшись наверх, расположились в одном из фонариков, откуда открывается вид на три стороны берега. Здесь нам подали своего рода "пару чая", приготовленного по-китайски. Эта "пара" заключалась в двух расписных фарфо-

ровых чашках, поставленных на продолговатые серебряные подчашники, напоминающие своею формой отчасти лодочку, отчасти сухарный лоток в миниатюре. Заварка состоит в том, что две-три щепотки чая кладут прямо в чашку и наливают ее не совсем до верху крутым кипятком. После этого чашка покрывается небольшим опрокинутым блюдцем, края которого чуть-чуть входят внутрь ее, и подается потребителю. Чай готов, остается только смаковать его, высасывая жидкость в щелочку между краями блюда и чашки. Ни сахара, ни лимона или чего-нибудь такого, что обыкновенно подается к чаю у европейцев, конечно, не полагается, — извольте смаковать этот чистейший "лян-синь" во всей его, так сказать, неприкосновенности, что без привычки едва ли покажется вам особенно вкусным.

Сидя у раздвинутой оконной рамы, мы, ради местного колорита, старались по возможности "наслаждаться" этим чаем и находить его превкусным, а сами тем часом любовались на открывавшуюся перед нами оригинальную картину. Этот пруд со своим пави-

льоном является если и не географическим, то настоящим, по значению своему, центром городской жизни. У берегов его там и сям виднеются красивые киоски и часовни: под навесами продаются разные фрукты, сласти и прохладительные напитки, в палатках показывают стереоскопы, диорамы, китайские тени и театр марионеток. Тут с одной стороны помещается главная городская пагода, с другой — открытый павильон всенародного суда, рядом с ним полицейское управление, и все это окружено ларями и навесами городского базара, лучшими в городе лавками и домами зажиточных граждан. Здесь вечно толпится народ, который собирается в отдельные кучки и всегда на что-нибудь смотрит, узнает новости, слушает сказочников и декламаторов и рассуждает о злобах своего дня, в число коих входит и политика тоже. Женщин видно мало, и то больше все из простонародья: мандаринских же дочерей и жен проносят изредка в совершенно закрытых паланкинах.

Один из мостиков, ведущих от чайного павильона, упирается прямо в подошву небольшого пригорка, окруженного несколькими,

отдельно стоящими деревьями и усеянного группами серого ноздреватого камня. Игра природы, а может и фантазии китайца поставила дыбом на этом пригорке две большие глыбы такого же камня, носящие название Большой и Малой Медведиц. И действительно, в общих своих очертаниях они напоминают поднявшихся на дыбы и сложивших передние лапы медведей, а в особенности тот, который больше и стоит на самой макушке пригорка. Величина сего последнего камня равняется приблизительно трем человеческим ростам, а второй наполовину меньше: стоят же они на этом месте, как уверяют, еще со времен незапамятных, с тех пор, будто бы, как вышла из-под воды почва Шанхая. И, глядя на эти их сквозные дырья, промоины и вообще ноздреватость, надо думать, что некогда вода действительно влияла главнейшим образом на образование данных форм в обоих камнях. Некоторые из китайцев думают тоже, будто это "древние боги", которым поклонялись их предки за много веков до принятия буддизма.

Наш проводник устроил какими-то судьба-

ми, что нам еще в павильоне предложили осмотреть дом одного богатого гражданина. Сам хозяин этого дома находился в отлучке из Шанхая по своим делам, а домоправитель его, случайно встреченный проводником в павильоне, был так любезен, что не отказал его просьбе показать нам хоромы своего господина. Мы пришли к высокому каменному забору, за которым ничего не было видно. Парадные ворота с навесом вроде трехъярусной кровли, окованные красивыми железными скобами, были заперты, но домоправитель отпер ключом небольшую, сделанную в них калитку и впустил нас в первый двор, вымощенный плитою и содержимый очень чисто. Со всех сторон ограждался этот двор точно такими же высокими стенами, как и наружная, но был совершенно пуст. Отсюда прошли мы еще несколько мощеных двориков, также огражденных высокими каменными заборами, но каково могло быть их назначение и зачем их понадобилось столько — это осталось для нас неразъясненным. В некоторых стенах, отделявших один дворик от другого, сделаны сквозные каменные решетки краси-

вого рисунка: одни из них четырехугольные, другие — круглые.

Наконец-то привели нас в небольшой сад, в котором чего, чего только не было!.. На пространстве, где европейский садовник не разбил бы и одного порядочного газона, мы видели кристально-прозрачные (вероятно родниковые) прудки и каналы с переброшенными через них прямыми и горбатыми мостиками и затейливыми киосками с фонтанами, островками и водопадом, сбегаящим по навороченным глыбам гранита и ноздреватого камня, усеянного блестящими перламутровыми раковинами, зеленым мхом и кораллами. Этим же камнем обложены и берега прудков, около которых уютится группа прелестных водяных растений, каковы: лотос, ирис лиловый, особого вида лилии с розовыми крапинками и другие. В прозрачной воде, где вы видите все дно, усеянное ракушками и блестящею мелкою галькой, резво плавают разнообразные красивые рыбки и ползают черепахи. Над клумбами пестрых, оригинальных и частью совсем неизвестных мне цветов нависли в виде скал большие мшистые глыбы

ноздrevатого камня, где из пещеристых дыр и расщелин вырастают причудливо изогнутые сосны и туи и зелеными каскадами сбегают по ребрам и западинам пучки и гирлянды разнородных ползучих растений. Маленькие музы, араукарии, разные пальмочки, карлики — кедры и дубы, карлики апельсины и мандарины в периоде полного своего развития, декоративная рицина и лапчатые аралии, орхидеи и разнообразные бегонии и множество еще других растений, цветов и кустарников наполняют в красивых оттенках и сочетаниях зелени этот оригинальный сад, долженствующий изображать в миниатюре "дикую природу", с долинами, реками, озерами и горами, и все это на пространстве нескольких десятков квадратных сажен. Кто что ни говори против китайских садов с их специальной идеей уродливости, ради которой деревья-гиганты превращаются в карликов и карлики в гигантов, но скажу только одно, что для глаза все это сгруппировано очень красиво, и вы любуетесь таким садом, как прелестною детскою игрушкой.

Извилистые и якобы "натуральные" лест-

ницы из дикого, необтесанного камня и грубых плит ведут из сада в дом, где на маленькой площадке прежде всего вы находите с правой стороны небольшую домашнюю кумирню в виде особой пристройки с характером пагоды, весьма схожую по обстановке с Цикавейскою часовней. Даже и портрет-то в ней висит чуть ли не одного из тех святых, что в Цикавеи.

Одна дверь, направо, ведет с площадки в кумирню, а другая, прямо, в дом, где показали нам одну только гостиную, выходящую на эту площадку, предварив очень деликатно, что дальнейшие помещения, как предназначенные для внутреннего домашнего обихода, не могут быть обращены в предмет любопытства людей посторонних. Уважая обычай и неприкосновенность всякого семейного очага, мы, конечно, и не настаивали на показе, ограничась рассматриванием того, что было доступно.

Вход в гостиную был заставлен изнутри большим экраном, расшитым по атласу разноцветными шелками, и для того, чтобы попасть в эту комнату, надо было предваритель-

но свернуть зигзагом в сторону. Китайцы обыкновенно ставят экраны в комнатах перед входными дверями для того, чтобы защитить дом от нашествия злых духов. Известно, что китайские демоны ходят к цели всегда кратчайшею, то есть прямою дорогой (совсем не так как европейские!), и если видят перед собою препятствие, вынуждающее их к обходу в сторону или к пути зигзагами, то очень смущаются и улетают прочь. Потому-то вот и лестница, ведущая сюда, идет извилинами, потому и мостки на городском пруду имеют такую оригинальную форму. Две стены этой довольно углубленной и просторной гостиной были составлены из раздвижных рам, подклеенных белую бумагой, а другие две разделены фресками — китайскою живописью, представлявшею, сочетание каких-то пейзажей с пышными букетами и фантастических чудовищ с райскими птицами. В двух-трех местах висели во всю высоту стены причудливые свитки (дуй цзи) с золотыми изречениями, в углах стояли две-три большие кантонские вазы и фарфоровый горшок с деревцем вроде камелий. Потолок был резной

деревянный (что должно считаться за роскошь немалую, так как поделочный лес в Китае вообще дорог), и пол затянут превосходными мягкими циновками, где по глянцевитому соломенному фону был заплетен очень изящный узор соломенно-матового оттенка. На этом бы хозяину и остановиться, но нет: на самом видном месте комнаты лежал еще, как говорится, ни к селу, ни к городу, бархатный ковер, несомненно европейского фабричного происхождения. Того же происхождения была и бронзовая люстра, висевшая на потолке вместо этого прелестного китайского фонаря с расписными стеклами, деревянными рогульками и висячими кистями, которому тут-то бы и настоящее место. Но его-то и не было... Европейский ковер и люстра — это значит уже верх роскоши. Вглядываюсь далее и — о, ужас! — замечаю на стенах немецкие олеографии в багетовых рамочках: какие-то полногрудые Лотхен-Гретхен зеленоватого оттенка и пьяненькие патеры-капуцины с красными смеющимися рожками: один отправляет к себе в нос добрую понюшку табаку, другой вливает в себя бокал вина. Из этого заклю-

чаю, что хозяин, должно быть, человек, с одной стороны, не без клубничной, а с другой, не без сатирической жилки, по крайней мере в отношении европейцев и их миссионеров: знал же ведь, что повесить у себя на стену в утешение своему национальному самолюбию! — дескать, вот каковы европейцы! Но в то же время это человек, очевидно, уже тронутый европейскою "цивилизацией", иначе он, конечно, не вывесил бы напоказ этих полногрудых девиц и хранил бы их где-нибудь у себя под замком и только изредка показывал бы по секрету добрым приятелям.

Продолжаю рассматривать обстановку: по середине комнаты аквариум с редкими рыбками и раковинами, а за ним большой, кантонской работы стол черного дерева с перламутровыми инкрустациями и такие же стулья; кроме того, кантонские фарфоровые табуреты-бочонки и европейские буковые качалки. На двух-трех китайских этажерках и столиках около стен — опять-таки к своему комическому ужасу — замечаю керосиновую лампу со стеклянным шаром и разные европейские безделушки вроде вазочек из белого

молочно-матового стекла, фарфоровых собачек, глиняных пепельниц, изображающих упавшую даму в кринолине, и спичечниц, тоже с раскрашенными глиняными дамами в одних сорочках; далее европейская копилка в виде сидящего в кресле доктора Струсберга [80], которому вы кладете в протянутую руку гривенник, а он его проглатывает и кивает головой. Домоправитель даже считает почему-то нужным в особенности обратить наше внимание на эти безделушки, думая, вероятно, что нам должно быть очень приятно встретиться с европейскими произведениями в китайском доме, а может и желая похвастаться европеизмом своего патрона.

Ох, уж эта портовая "цивилизация"! Попортил себе человек свою прекрасную национальную обстановку пошлою европейскою дрянью и воображает, поди-ка, что это и не весть как хорошо!.. Конечно, он покупает то, что видит, и не его вина, если по части изящного сюда и не привозят ничего, кроме подобной дряни. Но изо всей этой обстановки я заключаю, что и у китайцев есть иногда такое же пристрастие к европейским вещам и "ред-

костям", как у нас к китайским и вообще азиатским.

Из дома богатого гражданина отправились мы в главную городскую пагоду. Она занимает своими постройками довольно большой квартал, окруженный каменной стеной. Главные ворота храма, с живописными изображениями добрых гениев, были украшены, по обыкновению, многоярусным навесом со вздернутыми кверху наугольниками и в избытке пройдены по всем карнизам и бордюрам затейливою резьбой, которая пестро раскрашена самыми яркими красками. По сторонам ворот были расположены разные барельефы и стояли на гранитных пьедесталах два каменные изваяния, так называемые "корейские львы", похожие, впрочем, более на собак-болонок. Без таких львов не обходится ни одна буддийская пагода в Китае.

Этими воротами вступаем мы в первый храмовый двор, окруженный открытыми внутрь его галереями с резными перилами и легкими колоннами. В этом дворе по сторонам прохода стоят ряды торговцев, продающих с лотков рисовые лепешки, сласти, фрук-

ты, свечи, ямбы, амулеты и изображения Будды и разных гениев, отпечатанные вместе с молитвами на желтой рисовой (клякспапирной) бумаге.

Как раз против главных ворот находится здесь, по ту сторону двора, фантастический павильон, в верхней части которого устроено нечто вроде беседки или часовни, а в нижней — вторые ворота, ведущие во внутренний двор. Украшения этого павильона состоят главным образом из рельефной резьбы по дереву: это целая масса тонких и самых затейливых кружев, завитков, фестонов, листов и рогулек. Но в общем оно очень красиво.

В нишах по бокам подворотного прохода стоят искусно вырезанные из дерева и раскрашенные фигуры гениев-хранителей храма в полный и натуральный рост, а перед ними на особых пьедесталах опять-таки корейские львы.

Второй двор несколько меньших размеров, но точно так же как и первый вымощен каменными плитами в шашку и обрамлен с боков двухэтажными галереями, где продольные гребни на черепичных кровлях являют

собой целый ряд искусно выточенных каменных кружев. Посредине двора возвышается громадная бронзовая ваза-курильница, которой насчитывают уже более 2000 лет существования на этом месте, при этом самом храме. Миновав вазу, вы поднимаетесь на гранитный помост широкого и перспективно углубленного портика самого храма. Перед входом опять стоят корейские львы из литой бронзы на массивных пьедесталах, а несколько в сторону от них — священные деревца, огражденные решетками. На краю гранитного помоста, разделяя главный проход на две равные части, стоит другая бронзовая и тоже очень древняя ваза-курильница с рельефно-чеканными изображениями драконов.

Навес и фронтоны портика это опять-таки целый мир фантастических позолоченных кружев, поддерживаемый несколькими рядами позолоченных колонн, по которым спиралью обвиваются змеевидные чешуйчатые драконы великолепной рельефной работы. Глядя на эти колонны, остается только изумляться высокому искусству старых мастеров Китая. В самом деле, как это хорошо и как

своеобразно!"

Вступаем во внутренность храма. Тишина, прохлада, полумрак... И в этом полумраке из глубины капища, сквозь дымку священного курева, сверкают кое-где блики золота и дорогих наалтарных парчей. Позолоченные изваяния высоких идолов окутаны вверху таинственным мраком, в котором лиц их почти не видно, и перед каждым из них горят в высоких подсвечниках по несколько красных восковых свечей и струится дымок священного курева из темных бронзовых курильниц.

Молящихся довольно много, и между ними постоянное движение: одни уходят, другие приходят, ставят свечи, втыкают в белый пепел курильные палочки, кладут к подножиям алтарей связки бумажных ямбов, тихо ударяют три раза в ладоши, чтобы вызвать к себе духа, которому хотят помолиться, затем опускаются на колени и творят земные поклонны, а иные, желая узнать насчет чего-нибудь волю неба, гадают на священных палочках, для чего подбрасывают их кверху и, смотря по тому, как они лягут при падении на цинковку, угадывают благоприятное для себя или

неблагоприятное решение. Но все это делается тихо, чинно, так что в храме слышен только шелест шагов да жужжащий гомон сдержанного говора шепотом.

Вскоре к нам подошел бритоголовый бонза в желтом облачении и слегка поклонился с вопросительной миной. Мы объяснили ему через проводника, что желали бы лучше рассмотреть лица богов и гениев. Бонза тотчас же вынул из ближайшего канделябра свечу и стал освещать ею одно за другим лица идолов, для чего иногда влезал даже на их пьедесталы. Все эти лица очень экспрессивны, а иные даже слишком утрированы в своей выразительности, в особенности те, у которых гневное выражение, и надо отдать справедливость древним художникам: они вполне обладали искусством придавать своим изваяниям достодолжную выразительность и индивидуальный характер. В числе других нам показали одну деревянную статую, пояснив, что это — изображение какого-то писателя.

— Не Конфуция ли, — спросил я, — или Ладзы?

Бонза в ответ пробормотал нам что-то, чего гид не сумел или не захотел перевести, и таким образом вопрос мой остался без ответа.

Выходя уже из храма, заметил я, между прочим, в притеюре, под портиком, подвешанные к потолку модели сампангов и джонок с парусами — жертвоприношение мореходов. Это как нельзя более напомнило мне точно такой же обычай, существующий у финнов: тоже подвешивают модели корабликов в своих кирках. Но любопытно было дознаться, откуда взялась такая общность обычая?

* * *

Вечером отправились мы в китайский театр, в английском участке европейского города. Он находится в одной из задних, специально китайских улиц и расположен в глубине открытого с улицы двора или глухого переулка, по бокам которого с обеих сторон идут открытые галереи, где помещаются обширный ресторан и еще более обширная чайная, принадлежащие театру. Над входом в театр, во всю длину фасада тянется вывеска, размазанная разными фигурами и сценами и

транспарантно освещенная сзади газовыми рожками, а снаружи иллюминированная китайскими фонариками. Вход совершенно такой же, как в обыкновенных наших театриках-балаганах, и при входе касса. С нас как с европейцев взяли за билеты по доллару; китайская же публика за лучшие места платит не более двух шиллингов, а в задних рядах — по несколько центов. Зала освещена газом. Партер наполнен рядами отдельных столиков и вокруг каждого из них расставлено по шести стульев, которые заняты исключительно мужскою китайскою публикой. Здесь каждому зрителю подают презент — чашку чая и кальян с табаком, право на которые приобретает оплаченным местом. По бокам и позади партера тянется нижняя галерея с дешевыми местами, предназначенная для простонародья, а в верхнем ярусе устроены места для дам и семейные ложи; над каждой ложей ради прохлады качается особая панка. Сцена приподнята над зрительною залой аршина на два с половиной и окружена тоненькою баллюстрадой, которая прерывается в середине, в том месте, где должна быть рампа, заменя-

емая здесь железным прутом, к коему прикреплено шесть ламп с рефлекторами, обращенными внутрь сцены. Кроме этих ламп, сцена освещается еще сверху из-за подзоров и с боковых колонок фонарями и газовыми рожками. Вверху, по бокам переднего подзора вырезаны из картона и пестро раскрашены два дельфиновидные дракона с чудовищными мордами, назначение коих охранять сцену и актеров во время действия от покушения злых духов, которые нередко имеют причины личного неудовольствия на бедных артистов за недостаточно страшные и чересчур уже карикатурное их изображение. Ни кулис, ни боковых стенок на сцене не имеется, а есть только в глубине ее одна задняя переборчатая стена, в которой устроены по бокам две двери, завешанные портьерами с изображением драконов, долженствующих оберегать от злых духов уборные. Из правой двери артисты выходят на сценические подмости, а в левую удаляются со сцены. Украшением задней стены, между прочим, служит зеркало и по бокам его пара европейских круглых или так называемых конторских ча-

сов; но зачем именно пара, этого я уже объяснить не умею. Вероятно, просто для симметрии. На одну из передних колонн обыкновенно вывешивается длинная афиша, гласящая крупными знаками о том, какая пьеса и какое именно действие оной идет на сцене. Это совершенно необходимо, потому что пьесы у китайцев очень длинные и изобилуют количеством актов, так что нередко одна пьеса идет в течение двух и даже трех представлений, начинающихся с утра и прерываемых за полночь. Зритель, не попавший к началу, может купить себе в кассе подробную программу или либретто пьесы и тогда, благодаря вывешенной афише, ему легко уже ориентироваться относительно действия.

Я уже говорил о китайско-малайском театре, описывая наше пребывание в Сингапуре. Теперь мне остается только дополнить мое тогдашнее сообщение несколькими новыми сведениями и наблюдениями, отметить сходство и разницу в приемах игры и сценической обстановки между сингапурским и шанхайским театрами. Сделать это тем легче, что мы случайно попали сюда на представление

той же самой пьесы. Вероятно, в нынешнем году она является модною новинкой, так как публика и там, и здесь смотрит ее с большим душевлением и любопытством.

Музыканты помещаются на сцене же, но не у задней стены, а сбоку, и прикрываются с фланга от публики небольшою переносною ширмой. Аккомпанементом пению служат только гитары, скрипки и кастаньеты, так что обычного шума музыка здесь не производит, вводя шумные инструменты только в места патетические, да в антрактные интермедии. Быть может, в этом уже сказалось некоторое влияние европеизма, как и в газовом освещении или в подобии рампы и в подзорах. Появлению каждого действующего лица непременно предшествуют несколько ударов в там-там, и чем существеннее или важнее лицо, тем удары сильнее и число их больше. Костюмы великолепны и покроем своим относятся сполна к доманьчжурской эпохе, причем замечательно, что женская одежда с тех пор почти не изменилась, тогда как современный мужской костюм принял в себе немало маньчжурского. Китайцы вообще большие

мастера в декламации, а здесь на нее обращено особенное внимание: актеры произносят свои речи величественно и мерно, с сильными повышениями и понижениями голоса, причем и каждый их жест, каждое движение и вся мимика размерены и рассчитаны заранее. Здесь, говорят, преобладает классическая традиция, и потому даже в грубых и тривиальных местах, неизменных в каждой пьесе и наполненных чересчур уже крупною и часто непристойною (с нашей точки зрения) солью, артисты продолжают сохранять свой возвышенный тон и величественный жест; но от этого будто бы их скабрзности и шутки выходят еще забавнее. Вероятно, это и действительно так, судя по тому, что дружные взрывы хохота публики иногда сопровождали самые, по-видимому, серьезные диалоги.

Пьесу, которую мы смотрим уже второй раз, нельзя назвать в строгом смысле ни трагедией, ни драмой, ни комедией, ни фарсом, а между тем в нее входят все эти элементы. Мне кажется, что ближе всего можно бы охарактеризовать ее в смысле мелодраматично-комического представления, тем более,

что в ней не мало есть и пения как одиночно-го, так и хорового, причем, конечно, поют и аккомпанируют все в унисон или в октаву.

Что касается декоративной части и в особенности так называемых "превращений", то в этом отношении Сингапур далеко отстал от Шанхая. Впрочем, как там, так и здесь то подобие декорации, какое мы видим на сцене, является нововведением. В прежнее время, говорят, бывало так, что если нужно изобразить сад, то на сцену выходил режиссер и объявлял публике, что у актеров будут в руках цветы, ибо действие происходит в саду; а если требовалось сражение, то выносили и клали на пол несколько мечей, щитов и копий с одной и с другой стороны, и публика должна была понимать, что это, мол, битва или, наконец, при перенесении места действия в другую страну, либо в другой город, актер просто садился в паланкин и его носили несколько раз кругом по сцене, после чего, выходя, он объявлял, что я-де уже не в деревне, а в Пекине. Теперь все это делается несколько иначе, и если должно идти сражение, то на сцену выходят настоящие фехто-

вальщики и начинают драться на мечах, алебардах и копьях, выказывая при этом все свое искусство. Но все-таки остается еще множество вещей и приемов детски-наивных. Декорации, как и в Сингапуре, устанавливаются и убираются во время самого представления соответственно с ходом действия, не стесняясь присутствием зрителей. Понадобилось, например, изобразить ночь под открытым небом, сейчас же вносится на двух бамбуковых шестах синее полотно с изображением знаков зодиака, звезд, луны и солнца. В Сингапуре подобная декорация была намалевана на экране, а здесь ее прямо протянули и закрепили вдоль задней стены, причем один из работников влез на стол и прикрыл изображение солнца лоскутом синей материи — это значит ночь. А когда настал по пьесе день, то тот же работник сдернул лоскут с солнца и тем же порядком завесил им луну, — публика и понимает, что то была ночь, а теперь, значит, утро. Нужно изобразить город вечером — сейчас же, подобно тому как и в Сингапуре, вносятся небольшие картонные домики и мосты, освещенные изнутри свечами, и ставятся

на полу перед декорацией неба. Но в изображении путешествия героини принцессы по реке произошли уже некоторые заметные улучшения: на сцене поставили два ряда стульев как бы борт против борта — это значит сампанг или джонка; на месте кормы — стол, на столе стул, на стуле кормчий и весло, которым он, как и в Сингапуре, юлит по воздуху все время, пока длится сцена путешествия, и вот, по мере того как джонка плывет, работники убирают со сцены постепенно один за другим мосты, дома и башни, заменяя их кустами, деревьями, горой и опять кустами, и так далее. Это обозначает изменение картины разнообразных берегов. Если помнит читатель, героиня в грустном настроении все плачет и очень долго поет нечто похожее на нашу "Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, по дороженьке", а наперсница, к которой в Шанхае присоединяют еще несколько подруг, пытается вместе с ними утешать принцессу; но та все поет и все плачет, пока наконец не появляется на сцене решетка какого-то сада. Здесь уже против сингапурской постановки замечаются некоторые варианты,

изменяющие ход действия. Как только появилась садовая решетка, все подружки встают со стульев, — значит, приехали. Стулья уносятся, кормчий с веслом соскакивает со стола и исчезает, а из правой двери предшествуемый сильными ударами там-тама в оркестре появляется какой-то престарелый сановник со свитой и приглашает героиню к себе в дом. При этом в решетке растворяется калитка, в которую все проходят гуськом друг за другом, и затем решетка сейчас же исчезает, а на ее месте появляется декорация дома; звездное же небо все остается на своем месте. Появление этого дома обозначает, что приезжие, последовав приглашению сановника, вошли к нему во двор. Тут их приглашают в комнаты, и декорация дома моментально исчезает, а вместо нее появляются освещенные изнутри ширмы, изображающие богатую комнату. Здесь к услугам героини являются ее охранители — шесть добрых гениев в масках, сделанных в виде кошачьих и тигровых голов, впрочем, с очень благодушными мордами (это потому, что они добрые). По их мановению сейчас же происходят разные чудесные

превращения: откуда ни возьмись, появляется вдруг китайский гроб, наполненный картонными костями и черепами, который превращается в цветочный куст, усеянный горящими восковыми свечечками; дом, стоявший против гроба, тоже превратился в подобный же букет, и все это чрезвычайно быстро и ловко, так что иллюзия превращения достигается вполне. После этого к увеселению героини появляются фокусники, танцовщики и жонглеры. Но это уже совершенно то же, что и в Сингапуре.

С началом интермедии какой-то мандарин в белом балахоне, сидевший впереди нас, поднялся уходить, и вдруг вслед за ним разом поднялось с мест очень много из находившихся в партере китайцев, склоняя в знак почтения головы. То были зрители из собственно китайского города, для которых мандарин был прямое начальство, и уселись они вновь не раньше, чем он удалился. Такова-то в застенном городе пока еще сила уважения к сану и власти. По этому поводу мы узнали, что в китайских театрах для мандаринов и ученых людей всегда имеются особые почет-

ные места и что тут вообще наблюдается строгое различие между чинами и сословиями, в зависимости от чего находится и самое устройство различных мест. Купец, например, никак не может сидеть рядом с мандарином, как и чернорабочий рядом с купцом. Это строго обусловлено законом и хорошо известно каждому, а потому в отношении мест в театре никогда не бывает никаких недоразумений: всякий сам знает, не выше какого ряда дозволено ему забираться. И вот что замечательно: хотя этот театр и находится на английской территории и большинство его посетителей, будучи жителями английского участка и состоя под английскою юрисдикцией, могли бы и не исполнять подобного рода церемоний, обязательных только в черте собственно китайского города, тем не менее, уважение к своему закону и обычаю столь велико, что требования того и другого совершенно добровольно исполняются всеми, где бы то ни было. Как хотите, но по-моему эта черта народа гражданственного и, что главное, убежденного в превосходстве своей гражданственности.

Мы оставили театр в половине двенадцатого часа ночи, и, несмотря на такую позднюю пору, уличная жизнь в китайских кварталах английского участка еще кипела: улицы были полны гуляющего народа, но исключительно китайского; из ресторанов неслись звуки флейт и гитар и раздавались голоса певиц; множество туземных лавок были еще открыты и освещены добрым десятком ламп и фонарей каждая; уличная лотерея работала как не надо лучше; разносчики при свете своих бумажных фонарей продавали с лотков всякую всячину; продавцы душещипательных брошюр английского издания на китайском языке по два цента за экземпляр конкурировали с продавцами иллюстрированных скабресных поэм и романов, а нередко и сами продавали то и другое вместе, кому что нравится.

Тут же предлагают вам карикатурные картинки и куклы, изображающие клетчатых англичан, с рыжими баками и английских леди с моськами и молитвенниками, и надо отдать справедливость — карикатуры эти сделаны очень смешно и метко: в них схвачены самые

характерные английские черты, и мы заметили, что в любителях и в спросе на этот сатирический товар между китайцами нет недостатка. Англичане из традиционного своего уважения к "свободе" не препятствуют у себя распространению на самих же себя карикатур и пасквилей, так как это нисколько не мешает им в распространении сбыта своего опiums.

Гуляющая публика тут же и закусывает, покупая с лотков фрукты, а сосиски и рыбу прямо с жаровни. Уличный способ поджаривания съестного у китайцев весьма несложен: на землю ставится наполненная тлеющими углями глиняная жаровня с поддувалом, благодаря которому она обращается в своеобразную переносную печку, а на эту жаровню накладывается решетка о четырех коротких ножках, сделанная из тонких железных прутьев. На этой-то решетке непосредственно и поджаривается все, что угодно. Бродячий уличный повар всю свою кухню обыкновенно носит на коромысле в подвешенных к нему бамбуковых плетенках; с одной стороны у него висит жаровня, а с другой — две

корзинки с запасом углей и с провизией. С этим снаряжением он и бродит по городу, выкрикивая названия своих закусок. Кому захотелось закусить, стоит только остановить повара и выбрать себе что по вкусу — через минуту кушанье готово.

Мимоходом заглянули мы, между прочим, в одну аристократическую опииную курильню. В первой комнате не замечается никаких принадлежностей заведений этого рода и вообще ничего подозрительного, кроме легкого специфического запаха. Обстановка приличная: два-три китайские фонаря проливают с потолка довольно слабый свет на голубые стены и мягкую европейскую мебель. Дверь в смежную комнату прикрыта спущенною циновкой, и там-то, в таинственной полутьме, на мягких, толстых циновках, застланных простеганными одеялами, и на европейских пружинных оттоманках в полной тишине наслаждаются сановные курильщики. Они посещают этот приют только поздним вечером, и уже, конечно, не в помпезных паланкинах, а пешком, да и то стараются проскользнуть в него незаметно, не с улицы, а со двора, чер-

ным ходом, и предаются своему наслаждению тайком, незаметно для постороннего глаза. Понятно, что при таких условиях со стороны содержателя аристократической курильни требуется прежде всего безусловная скромность и выбор прислуги, умеющей молчать и как бы ничего не видеть, тем более что кроме мандаринов, сюда заходят и некоторые тузы из европейцев, для которых имеется особая комната. Замечательно, что люди состоятельные, имеющие у себя дома и опий, и полный прибор для курения, все-таки предпочитают предаваться этому делу в курильнях. Их как бы тянет сюда, все равно как пьяницу в кабак. И объясняется это, во-первых, некоторою внутреннею потребностью находиться в обществе других равных себе курильщиков, дескать, не я один подвержен "слабости", а, во-вторых, тем, что в воздухе, насыщенном дымом и парами приготовляемого опия, эффект одурения наступает полнее и быстрее. Кроме того, играет некоторую роль и желание скрыть свою слабость от домашних.

Заглянули мимоходом и в открытое окно

другого приюта из числа "темных", каких тут целый ряд. Входы их обыкновенно прикрыты решеткой, подпираемую изнутри колом во избежание штурма буйных посетителей, преимущественно пьяных матросов. Сквозь раскрытое окно мы увидели диван, на нем два прилично одетые англичанина, растянувшись, пьют пиво; стены, освещаемые из-под потолка висячею лампой, оклеены китайскими письменами, на полу апатично сидят на циновке и курят кальяны три полураздетые девочки, совсем еще дети лет десяти-двенадцати. И в такие годы уже такой ужасный промысел! Но английская администрация фарицейски закрывает глаза на это отвратительное явление, благо и оно тоже не мешает распространению опия.

26-го августа.

В семь часов утра я проснулся и растворил у себя окно, как вдруг, гляжу — с противоположного тротуара наш вчерашний проводник радостными кивками и восклицаниями дает мне знать о своем присутствии и готовности опять сопровождать меня в лабиринт китайского города. Оказывается, что он чуть

не с пяти часов утра безотлучно дежурил против моих окон в ожидании нашего пробуждения. Вчера, между прочим, он так близко принимал к сердцу наши интересы, торгуясь за нас в некоторых лавках, что китайцы чуть было не побили его за это.

Полчаса спустя, я вышел из дома и отправился вместе с ним по направлению к китайскому городу. Но не успели мы завернуть за угол, как навстречу нам — китайская похоронная процессия. Впереди шел человек, медленно ударявший колотушкой в зычный гонг; за ним герольды, несшие на бамбуковых палках най-цзы, или доски с обозначением имени и звания покойного; за герольдами два человека несли столик, убраный цветами, на котором стояла металлическая курильница, испускавшая фимиам, далее следовали по два в ряд восемь бонз, в белых (траурных) облачениях, воспевавшие какие-то гимны; за бонзами восемь носильщиков несли продолговатый паланкин с наглухо закрытыми створками, в котором помещался гроб; с правой стороны возле паланкина, слегка придерживаясь за него рукой, шла плачущая жен-

щина в белой повязке, а позади — небольшая кучка родных, знакомых и слуг покойного, далее тянулись в ряд около десяти ручных колясочек, где сидели провожающие лица. Встречные китайцы большею частью останавливались и, пропуская мимо себя гроб, делали ему чинг-чинг, то есть приветствие, заключающееся в молчаливом несколько медленном поклоне с согбенною спиной.

Не успели мы пропустить мимо себя эту печальную процессию, как медленные удары в гонг с другой стороны возвестили о приближении нового шествия. Но на этот раз шествие было уже не похоронное, а мандаринское, и двигалось оно вот в каком порядке: впереди гонг, за ним двое полицейских с бамбуковыми тростями, чтобы гнать с дороги встречный нечиновный люд, что же касалось, впрочем, и европейцев. Но для большей внушительности за ними шли еще два флагоносца, у которых на красных одноязычных флагах было вышито белыми литерами Цзын-дао, то есть "очищать дорогу!" За флагоносцами — слуга при двух ассистентах нес высокий красный зонтик с кумачною сборча-

тою фалборой — знак сановного достоинства; за зонтиком — офицер верхом на маленькой лошадке, которую с обеих сторон вели под узцы два конюха; за этим офицером два палача, из коих каждый волочил за собою по одной длинной деревянной линейке, специальный инструмент для наказания ударами по пятам. За палачами шла пара герольдов с красными пай-изы, на которых золотыми знаками было изображено имя, звание, ранг и должность шествовавшего мандарина. За герольдами опять гонг, за гонгом двое людей с фонарями для освещения пути в вечернюю пору. Эти фонарщики предшествовали синим, со всех сторон закрытым носилкам, таинственно вмещавшим в себе особу мандарина. По рангу для него полагалось четыре носильщика, разделяемые на две смены. По бокам носилок, кроме запасных носильщиков, шли еще четыре человека, из коих двое передних несли так называемые "официальные веера" весьма солидных размеров (около аршина), имеющие главнейшим образом то назначение, чтобы, при встрече мандарина с другим равным ему по чину, закрыть их друг от друга спере-

ди и сбоку и тем избавить обоих от необходимости взаимного чин-чина, или приветствования, так как ни тому, ни другому из самолюбия не хочется делать чин-чин первым, да и неудобно проделывать это из тесного паланкина по всем правилам чиновничьего этикета. За веероносцами следовали с каждой стороны по одному телохранителю с копьями. Позади же паланкина шли восемь челядинцев, по четыре в ряд. Один из них нес покрытый парчой ящик с мандаринскою печатью цин-мином, или патентом на должность, и кандалами как знаком власти и в то же время покорности и повиновения богдыхану, другой — кальян, кiset с табаком и пачку особенных бумажек для раскуривания трубки, третий — чайник и футляр с фарфоровою чашкой, и четвертый — футляр с письменным прибором и складное кресло. Остальные четверо в задней шеренге шли с пустыми руками, вероятно, в качестве смены.

Итак, для того, чтобы поднять и пронести по нескольким улицам одного чиновника, потребовалось 34 человека, и это только для одной его особы! Но не думайте, чтобы тут уже

был и конец процессии: за восемью челядинцами следовали гуськом еще четыре паланкина, но уже открытые спереди и отделанные без пышности. В них заседали, обмахиваясь веерами, чиновники низших рангов, состоящие при особе мандарина, с круглыми очками на носу и в белых балахонах. То были его секретарь, регистратор и два бутина, или писца, старший и младший. Этим полагалось тоже по четыре носильщика на каждого и по два полицейских с бамбуковыми тростями, которые и замыкали собою шествие. Итого 62 человека свиты и носильщиков!

По точной справке оказалось, что это изволил шествовать мандарин V класса, в коем полагается быть губернским чиновникам (чжи-чжоу) вроде наших советников губернского правления. Отличия их: белый прозрачный шарик на шапке, шитье на спинке курмы, изображающее птицу, красный зонт, синие носилки и весь комплект вышеописанной свиты. Так вот с какой помпой носят здесь китайских советников; не то что у нас, где они сами "на своих на двоих", пробираются в притруску по тротуару с портфельком

под мышкой. А когда такая процессия следует по китайскому городу, то весь встречный люд сторонится и отдает паланкину чин-чин с соответственно его рангу степенью почтения от простого поклона до коленопреклонения и земного простирания ниц включительно. В европейских кварталах, где жители-китайцы не подлежат китайской юрисдикции, они при подобной встрече только почтительно сторонятся; но те, которые забрели сюда лишь на время по какому-нибудь делу из китайского города и опять должны туда возвратиться, те и кланяются и чебурахаются самым исправным образом. И это понятно: для них такой мандарин есть прямое начальство, и в случае если бы кто из его свиты заметил с их стороны непочтительность, оплошавшие по возвращении в застенный город легко могут быть узнаны, разысканы и наказаны по пятам бамбуками. Такие церемониальные шествия с боем в гонги в известные часы утра и вскоре после полудня ежедневно появляются на некоторых улицах европейских участков при следовании должностных мандаринов на службу в таможню, в китайскую часть порта

и в одно из китайских предместий Шанхая, подлежащих застенной юрисдикции, чтобы чинить там суд и расправу. Утром они следуют туда, а после полудня обратно, и при возвращении домой им по положению салютуют с городской стены тремя пушечными выстрелами.

Третьего дня на пути из Цикавеи мы встретили еще более пышную процессию: шествовали разом два мандарина V класса, и потому весь описанный выше кортеж следовал в двойном количестве, а мандаринов несли рядом друг подле друга и на этот раз им предшествовали особые носилки, на которых стоял красный с золотыми разводами кивот, прикрытый красною, расшитую шелками пеленой с изображением золотого дракона. В этом кивоте хранится особый багдыханский указ, в силу коего означенные в нем мандарины в известных случаях проявляют свои полномочия. Так мне объяснили все это у нас в гостинице за табльдотом местные жители-французы. Бой в гонг при этом случае также был особенный, а именно: после двух протяжных ударов следовали три короткие. Говорят, что

по уставу китайских церемоний на разные случаи и для различных рангов установлены и особые бои в гонг. При этом должно заметить, что кроме внешнего почета китайские чиновники пользуются еще и весьма приличным содержанием. Губернатор, например, получает в год 20.000 таэлей, то есть на наши деньги 36.000 рублей, а младший канцелярский писец — 180 таэлей, или 324 рубля. Жить можно!

Я взял извозчика с ручною колясочкой и поехал в засгенный город. Проводник мой бежал рядом. Из жалости к нему я приказал было вознице идти шагом, но проводник и за себя, и за него уверял меня, что шагом хуже — бежать-де гораздо сподручнее обоим. Ну, Бог с вами, бегите, как знаете, коли вам так легче!.. Едем вдоль стены, где у ворот расположились продавцы четок, амулетов и разного старого хлама вроде поломанных шандалов, битой посуды, старых гвоздей и тому подобного. Тут же неподалеку валяются грубые изваяния коней, подобных тем, что видели мы по пути в Цикавеи. Вскоре проводник, которому заранее было объяснено, что мне нужно китай-

ское оружие, остановил меня перед одною лавкой, где продавались алебарды и резак, вылитые из олова и украшенные разноцветными стеклами в виде драгоценных камней.

— Да разве это можно употреблять как оружие? — с удивлением спрашиваю у продавца через переводчика-гида — Это оружие, но не для кровопролития, — было мне ответом, — а употребляется оно в домах для устрашения злых духов и вместе с тем как украшение комнаты, все равно как и этот меч.

И с этими словами он снял со стены и положил передо мною кортик, чрезвычайно курьезно сделанный из медных чохов (монет), нанизанных на шелковую тесьму и крепко связанных ее переплетенными концами.

— Это чрезвычайно полезно вешать над кроватью во время сна, — пояснил продавец, — ничто так хорошо не отгоняет от спящего человека злых духов, как именно этот амулет. Самое верное средство!.. Могу продать с уступкой.

Я поблагодарил за предложение, но пояснил гиду, что мне нужно оружие настоящее, а не иносказательное. Но для того, чтоб объяс-

нить, какое именно, пришлось приказать везти себя к воротам Монтобана, где находится китайская гауптвахта. Колесили-колесили по разным улицам и переулкам, наконец привезли. Часового у фронта не было и сегодня, из чего я заключил, что, вероятно, такового здесь и не полагается, а потому свободно взшел вместе с гидом на платформу, где стояло дреколие. "Вот, мол, чего мне надо, гляди!" И он мало того, что глядел, а еще взял да потрогал все эти протазаны руками, прикинул их на вес и рассмотрел на железе клеймо. Курьезнее всего то, что караульные солдаты, сидевшие в кружок под навесом, даже и не пошевелились не только при нашем появлении у них на платформе, но и когда гид стал трогать оружие: они преспокойно продолжали курить свои трубки и играть в кости.

Уразумев наконец, чего мне хочется, проводник посоветовал мне отпустить извозчика, так как нам придется идти неудобными для езды улицами, и повел меня каким-то длинным и довольно пустынным переулком, где не только двум встречным колясочкам не разъехаться, но и одной не проехать, так как

по самой середине проезда был настлан ряд высоких плоских камней для пешеходов на случай невылазной грязи, в которой, впрочем, и теперь, несмотря на продолжительную сухую погоду, не было недостатка.

Следуя по этому переулку, я имел достаточно времени насмотреться на китайских носильщиков тяжестей, направлявшихся в числе нескольких пар по одной с нами дороге. Шли они, разумеется, гуськом: каждая пара несла на длинной оглобле по одному подвешенному под нее большому тюку, причем все шагали в ногу и в такт довольно быстро эластичною походкой, которую скорее даже можно назвать побегом. В этом у них выработана замечательная сноровка. Передовой носильщик командует начало и конец движения, скорость шага и остановку для роздыха и перемены плеча под тяжестью; остальные исполняют его команду моментально, с отчетливостью регулярного солдата в строю. На ходу движение сопровождается общим отсчитывания такта таким образом, что в каждой паре передний возглашает "раз, два", а задний отвечает ему "три, четыре", и делается

это всем хором в унисон и с совершенною точностью, без малейшей оттяжки. Уверяют, что такой способ чрезвычайно облегчает им труд и сохраняет силу.

Из длинного переулка, называемого "Улицей портных и башмачников", повернули мы в более просторную улицу, где обитают с одной стороны кузнецы, слесаря, оружейники и медники, а с другой — столяры, отдельно по каждой специальности столярного дела. Так в одном дворе живут мебельщики, в другом токарни, в третьем бочары, в четвертом мастера, выделывающие деревянную домашнюю посуду, в пятом гробовщики и так далее. Все работы производятся, можно сказать, прямо на улице, под навесами открытых сараев, служащих в то же время и лавками для сбыта своих произведений. Гробы из камфарного дерева темно-желтого и красновато-коричневого цвета все крыты лаком и превосходно отполированы; в изголовье у каждого находится резное и вызолоченное изображение каких-то цветов, завитков и животных, среди которых в случае заказа вырезывается также и имя покойника купно с его званием, рангом

и прочим. Словом, гробы "так хороши, что хочется умереть", как выразился нам один мастер, к которому мы зашли посмотреть его произведения. Деревянная точеная посуда тоже очень хороша. Она покрыта красною и черною лаковою краской и нередко украшена бледно-золотистыми разводами. Вообще этого рода вещи очень напоминают нашу "татищевскую посуду", бывшую вместе с мебелью "русского стиля" лет десять тому назад (в начале семидесятых годов) в такой моде в Петербурге.

У оружейника (он же и кузнечных дел мастер), к которому привел меня гид, готового оружия не оказалось. Нашлись только две алебарды, да два протазана, и то вчерне и без древков, так что наперед необходимо было их отделать. Хозяин сначала не хотел браться за это, так как срок, назначенный мною на завтра к шести часам вечера, был слишком короток, но упрощенный мною, он наконец взялся, предупредив, впрочем, что по краткости времени работа не может быть особенно тонка, но что вещи будут сделаны так, как они обыкновенно делаются для городской стражи.

— Готовых же, — объяснил он, — нет потому, что со стороны солдатского начальства спрос на них бывает нечасто, а со стороны любителей и того еще реже. Почти не стоит и держать такой товар, который к тому же у китайцев не в уважении.

И действительно, достаточно взглянуть на это неуклюжее, с трудом поворачиваемое в руке и вовсе уже не смертоносное оружие, чтобы признать в "сынах неба" народ далеко не воинственный. Их сабли, мечи и алебарды щеголяют более отделкой эфесов, ножен и древков, чем выделкой и качеством железа. Вы видите иногда дивно инкрустированные лаковые ножны какого-нибудь обоюдоострого меча и думаете: вот, должно быть, прелесть! Вот, вероятно, дивный клинок! Но увы! — лишь только вынули вы меч из ножен, сейчас же полное разочарование: перед вами оказывается дурно выкованная и еще хуже отшлифованная полоса железа, годная разве колоть щепки на лучину. Стрелы их — то же самое: прекрасная отделка колчана и отвратительные наконечники мягкого железа и безо всякой закалки. Да и кроме того, да-

же самая форма оружия указывает на невоенственность и даже какую-то детскость китайцев на этот счет. Китаец как будто рассчитывает устрашить врага не столько боевыми качествами своего затейно-причудливого оружия, сколько его "страшным видом". Достаточно взглянуть хотя бы на этот протазан, которым никого и ничего проткнуть невозможно, чтоб убедиться в справедливости сказанного. Но зато для эффектного вида в составе какой-нибудь почетной стражи протазан этот будет совсем на своем месте, и для подобной цели лучше его, пожалуй, ничего и не придумаешь. Впрочем, должен оговориться: все сказанное мною справедливо только в отношении к чисто китайскому оружию, производимому китайскими же мастерами, но не относительно клинков и наконечников маньчжурского производства. Те маньжурские клинки, какие впоследствии привез мне в подарок из Пекина М. А. Поджио, положительно хороши, с прекрасным отвесом для рубки и ловко сидят в руке, — словом, это оружие действительно военное, боевое, и менее всего щеголяет отделкой ножен и тому подобного.

Что до огнестрельного оружия, то Китай до последних годов снабжался из Англии всякой европейской калечью, браковками или арсенальным хламом, вышедшим из употребления. Но в последнее время при помощи европейских, в особенности немецких мастеров, китайцы стали выделывать себе ружья сами, по европейским образцам и европейскими способами производства. И уверяют иные, будто по своим качествам это оружие не уступает европейскому, а по внешней отделке даже превосходит его. Так ли это, судить не могу, потому что не видел ни одного образца, за исключением разве охотничьих двустволок в Сингапуре; но то была просто рыночная грубая работа.

На возвратном пути от оружейника зашли мы в несколько лавок; в одной из них торговали специально веерами, в другой шелковыми кистями, в третьей фарфоровою посудой. Далее шли лавки зонтиков, женских уборов, рисовальных и письменных принадлежностей и прочего. Веера очень разнообразны и дешевы. Например, шелковый двусторонний веер, натянутый на круглом обруче и изящно

разрисованный легкою эскизною акварелью (две птички над цветущей веткой), стоит всего один шиллинг, то есть менее тридцати копеек серебром на наши деньги. Самые дорогие веера были не дороже полудоллара. А с меня, конечно, еще запрашивали втридорога как с иностранца. В посудной лавке в особенности обратили мое внимание вещи из чайной и столовой посуды, употребляемые простонародьем: круглые чашки, миски, чайники, блюда, судки и фарфоровые хлебательные ложки. При своей замечательной, просто грошовой дешевизне они отличались чистотой выделки и красивой разрисовкой, что несомненно указывает на развитие в массах до известной степени изящного чувства и вкуса. В особенности оригинальны были здесь ажурные фарфоровые фонари, заменяющие наши ночные лампы: они имеют форму обыкновенного четырехстороннего фонаря и нередко отличаются очень мелким и тонким сквозным узором. Зашел я, между прочим, в златошвейную мастерскую, которую заметил еще вчера. Первое, что заставило меня здесь обратить особенное внимание, был образ Буд-

ды в аршин длины и поларшина ширины, вышитый шелками на атласе небесно-голубого цвета. Всеблагой Будда, в золотом венчике вокруг головы, с исходящим из него во все стороны ореолом лучей, был представлен стоящим на лазоревом облаке в длинном хитоне и мантии, с рукой, поднятой для благословения. Работа замечательно изящная и тонкая, не говоря уже о замечательности своего сюжета. В этой же мастерской изготавливаются военные знамена, обыкновенно имеющие форму продлинноватого трехугольного флага с вырезанными по краям его зубчатыми фестонами и с изображением полумесяца (рожками вверх) на оловянном наконечнике, насаженном на бамбуковое древко. С обеих сторон каждого такого знамени по суконному огненно-оранжевого цвета полотнищу были вышиты разноцветными шелками изображения дракона, разинувшего пасть на пылающий диск солнца. Кстати, вчера за табльдотом я слышал такое объяснение смысла этого изображения: "Дракон, как известно, издревле составляет государственный герб Небесной Империи, как "Восходящее Солн-

це" — такой же герб Японии, и то обстоятельство, что на Дайцинских гербах последних двух столетий дракон всегда изображается зарящимся на солнце, подает японцам повод думать, что Китай зарится на Японию и будто ныне господствующая в нем династия маньчжурских завоевателей символизирует в этом изображении свое тайное стремление к завоеванию и поглощению Японии, но поглотить солнце еще никому не удавалось, и оно сожжет своими лучами дерзновенного". Таково мнение японцев.

Я спросил через переводчика, для чего в мастерской столько знамен. Отвечали, что это заказал губернатор для местных войск, так как старые знамена поизорвались.

— А нельзя ли у вас приобрести одно такое знамя?

— Отчего же, с удовольствием. Это будет стоить четыре доллара.

— И если вы мне продадите, на это никто не будет в претензии?

— За что же? Мы получили заказ и исполняем его к назначенному сроку, а так как времени до срока еще достаточно, то мы успеем

на место этого знамени изготовить другое.

И я приобрел себе китайское знамя вместе с пеленами и драпировками для буддийского алтаря, благо китайцы не стесняются продавать вещи такого значения первому встречному ян-гуй-зо, то есть заморскому черту, название, которое вы в Китае всегда можете услышать себе вослед не только от ребят, но и от взрослых.

Еще раньше я замечал, что алтарные пелены и драпировки, как в домашних божницах, так и в кумирнях и пагодах, постоянно бывают красного цвета; точно то же в предметах сего рода встретил я теперь и в златошвейной мастерской. Это навело меня на мысль, что выбор цвета, вероятно, тут не без значения, и действительно оказалось, что красный цвет вообще почитается у китайцев наилучшим "симпатическим" предохранительным средством против всякого зла, напасти, худого глаза и тому подобного, потому что злые духи его терпеть не могут, а добрые, напротив, очень любят. На этом-то основании и бумага для всякого рода поздравлений, приветствий, пожеланий, дуй-цзи и визитных карточек,

равно как амулеты, жертвенные свечи, алтарные драпировки и тому подобное всегда бывают красного цвета.

Большое неудобство для иностранца-путешественника при хождении по китайскому городу, а еще более при покупках, составляет уличная праздношатающаяся толпа, которая по своей доброй охоте сопровождает его решительно повсюду, и избавиться от нее нет никакой возможности. В такой толпе всегда найдутся доброхотные гиды и охотники торговаться, которые непременно навязываются к вам со своими непрошенными услугами и вмешиваются в ваш торг с продавцами, поднимают споры за и против достоинств и цены покупаемой вами вещи, одни корят продавца за неуступчивость, другие подзадоривают его не соглашаться на вашу цену и советуют ему заламывать с ян-гуй-эо побольше. Но это уже необходимое зло, с которым волей-неволей приходится мириться. У жителей портовых городов вообще образуется навык узнавать по первому взгляду национальность иностранца. Так точно и здесь все сразу узнали, что я русский, и потому в бродившей

за мною толпе любопытных не было недостатка. В двух лавках обратились ко мне через переводчика с расспросами, точно ли мы намерены воевать с ними и за что именно. Я отвечал, что нам насчет войны ничего не известно, равно как и о том, существуют ли к ней какие-либо поводы: это-де дело разума высших властей, а не наше. Мне отвечали на это, что в Шанхае недавно появилась брошюра какого-то пекинского цензора общественных нравов (называли и имя, да позабыл), в которой он взвешивает шансы войны и мира с Россией и склоняется в пользу войны, взывая к патриотизму нации.

— Ну что ж, если быть войне, то будем воевать, а пока мы в мире, я буду у вас покупать, а вы мне продавайте, — отвечал я на это в шутовском тоне, и китайские купцы очень любезно соглашались со мной. Но вообще я ни в ком и ни в чем не заметил ни малейшей по отношению к себе враждебности, хотя и провел в китайском городе почти целый день и хотя за мной постоянно ходила толпа простонародных зевак.

В числе своих уличных наблюдений я дол-

жен отметить факт, что в китайском городе очень мало профессиональных нищих или, по крайней мере, гораздо менее, чем можно было бы ожидать, судя по скученности и бедности населения. Но в том-то и сила, что здесь бедное население есть в то же время и рабочее население, находящее себе в каком бы то ни было ремесленном или мускульном труде источник своего дневного пропитания. В числе профессиональных нищих большинство составляли вдовы женщины, да и тех-то было немного: на весь город я встретил не более десяти или двенадцати. Они обыкновенно с грудным ребенком, положенным на циновке на землю, сидят, отвернувшись от улицы, лицом к стене или к канаве, так что подающий опускает свое подаяние на циновку или в чашку сзади, через плечо женщины, не видя ее лица, равно как и нищая не видит лица подающего. Из мужчин же просят милостыню исключительно слепые или такие калеки, которые уже окончательно неспособны ни к какой работе, как например, паралитики или лишенные всех четырех конечностей. Но кто мало-мальски может хоть что-нибудь рабо-

тать, тот уже не нищенствует. Мне, например, тут же пришлось видеть безногого, который, вместо прошения милостыни, занимался выделыванием искусственных цветов, продавая их прохожим и этим зарабатывая себе свой кусок хлеба. Но зато среди рабочих часто встречаются такие бедняки, у которых нет никакого крова, которые, отработав свой день, укладываются спать на улице, на парапетах домов, на лестницах, в проходах и тому подобном. Между ними попадаются и больные, лежащие где-нибудь в тени, прикрывшись циновкой. Сострадательные прохожие не оставляют их без посильной помощи: один принесет чашку воды, другой апельсин для освежения вкуса, третий горсточку риса, но о правильной медицинской помощи тут, разумеется, нечего и думать.

Женщин, так же как и вчера, видно очень мало: если они и показываются где, то это преимущественно в овощных, мясных и рыбных лавках. Семейства городских жителей ютятся большею частью в каморках и на чердаках своих полтораэтажных домов, где низ всегда занят лавкой или мастерской; живут

крайне скученно и грязно: все естественные отправления совершаются тут же на улице — и без собак, являющихся единственными дезинфекторами города, была бы беда. Собаки эти, между прочим, очень ласковые к китайцам, кидаются со злобным лаем на европейцев, вероятно, оттого, что европеец в китайском городе как редкое исключение.

На рынке в нескольких местах заметил я в продаже сверчков и кузнечиков: первые были посажены за стеклом в красных коробочках, а вторые попрыгивали в маленьких клеточках из очень тонких бамбуковых прутьев. Оказывается, что китайцы и тех и других очень любят носить при себе в карманах, ради их стрекотанья. Но в особенности между ними есть много любителей птичьего пения, для которых в китайском Шанхае существует даже особый птичий ряд, где продаются преимущественно певчие птицы. Под вечер, обыкновенно, каждый хозяин-любитель выходит погулять со своею клеткой, чтобы дать подышать птице свежим воздухом. Такие любители постоянно собираются на одной из городских площадей, близ базара, и здесь меж-

ду их птицами происходят состязания — чья лучше поет, причем, по китайскому обыкновению, дело никогда не обходится без битвы об заклад за ту или другую птицу.

Вообще страсть к игре и к пари распространена и здесь не менее, чем в Гонконге. Доходит, например, до того, что хозяйка, приходя к мяснику или колбаснику, не просто покупает, что ей нужно, а ставит свои деньги на пари. Ей, положим, надо бы было купить четыре сосиски; но если она угадает сразу на глаз сколько именно сосисок нанизано у продавца на той или другой бамбуковой спице, то он к четверем, купленным за деньги, прибавляет ей еще четыре сосиски даром, а если не угадает — иди домой без денег и без сосисок! И представьте, что редко которая из хозяек откажет себе в удовольствии поиграть в ставку на сосиски, на трепанги, на сушеные грибы и тому подобные кулинарные продукты.

Точно так же на базаре вы нередко встречаете кучку людей, окруживших одного человека и внимательно следящих за тем, как он, взрезав пополам апельсин, считает в нем ко-

личество зерен. Это тоже игра. Каждый из кучки поставил свою ставку, держа пари на то или другое число зерен в апельсине. Угадавший получает ставки всех остальных и взрезанный апельсин в придачу. Или вот еще уличная азартная игра, известная под названием "фан-там". Сущность ее в том, что каждый игрок ставит куш, какой ему заблагорассудится, обыкновенно чохами. Крупье собирает все ставки в одну кучу, из которой начинает раскладывать по одной монете на четыре равные части. Остаток, за пополнением четырех кучек равным количеством монет, может оказаться в один, два или три чоха. На угадывании этого остатка и строится вся игра: кто угадал, тот получает свою ставку втрое, а если все чохи разойдутся без остатка, то крупье забирает в свою пользу все четыре кучки.

Между прочим, видел я сегодня и судебное разбирательство. Павильон суда, как уже сказано, находится около пруда с чайным павильоном и площадки Большой и Малой Медведицы. Здание его представляет собою нечто вроде сарая на каменном основании, с двумя раздвижными решетчатыми и двумя непо-

движными переборчатыми стенами под высокою черепичною кровлей с курносими наугольниками. К главному входу в него ведет широкий, вымощенный плитой тротуар, посредине коего, в некотором расстоянии от входа, находится широкая, приземистая каменная тумба, вроде простой поясковой капители от круглой колонны, на которой совершается всенародно казнь отсечения головы и четвертования. Пока, до прибытия судьи, мне свободно разрешили осмотреть внутренность судебной залы. Я поднялся на три ступеньки широкой каменной лестницы и очутился в просторном продлинноватом сарае, посредине которого, или как раз против главного входа, стоял большой стол, покрытый красным сукном с золотою бахромой. На столе находились два письменных прибора, один с киноварью, другой с тушью и две небольшие фарфоровые вазы, в коих лежали четыре лакированные палочки, с виду вроде толстых, неочиненных карандашей. По словам моего гида, они имеют двоякое назначение. Если, например, судья находит нужным арестовать и привести кого-либо к суду, то он вручает ис-

полнительному комиссару одну из этих палочек, с которой тот и отправляется в сопровождении стражи за искомым лицом. Без предъявления арестуемому судейской палочки, арест не считается законным и обращается в простое насилие над личностью гражданина, который, если хочет, то может и защищаться. Но сопротивление после предъявления палочки есть уже само по себе очень крупное преступление, приравненное по закону к сопротивлению императорской власти и влекущее за собой смертную казнь. Поэтому в Китае сопротивление при законном аресте есть неслыханное дело, если, впрочем, арестуемый не формальный разбойник, которого во всяком случае ожидает плаха. Второе назначение палочек состоит в том, что с помощью их судья во время разбирательства подает исполнителям своей судейской воли некоторые сигналы, значение коих не всегда известно подсудимому. Так, если он во время допроса подсудимого возьмет и бросит на пол одну палочку из правой вазы, то палачи обязаны тотчас же отпустить подсудимому известное число ударов, дабы заставить его быть откоро-

веннее. Если брошено вместе по одной палочки из каждой вазы, то это значит, что судья желает свести на очную ставку свидетелей истца и ответчика; если же палочка брошена назад через плечо судьи, то допрос считается оконченным, и подсудимого или свидетеля следует удалить из залы.

На боковых переборчатых стенах висели кандалы, клещи, щемилки, колодки, тяжелые досчатые ошейники, иногда надеваемые на подсудимого, и разные другие пыточные инструменты, а на продольной стене, вверху, за судейским местом была вывешана черная лакированная доска с золотыми письменами, изображавшими какие-то относящиеся до правосудия изречения.

Около девяти часов утра удары гонга возвестили прибытие судьи, которого принесли в паланкине со всею подобающею его рангу помпой. Толпа народа тотчас же сплотилась по бокам главного входа, а в ней я нашел себе местечко вместе со своим гидом. Судья, с помощью двух слуг, всенародно облачился в мундирную курму, надел мандаринскую шапочку с шариком и преважно, даже с некото-

рую театральностью, воссел на свое судейское кресло. Вынув из вазы одну палочку, он двумя пальцами приподнял ее перед собою и объявил заседание открытым. Разбиралась какая-то гражданская тяжба. Истец и ответчик были введены одновременно, и оба опустились на колени на циновках шагах в пяти перед судейским столом, истец справа, ответчик слева, на расстоянии около трех аршин друг от друга. Все разбирательство шло на словах, а когда истцу понадобилось предъявить судье какой-то письменный документ, то он, не вставая с колен, вынул его из-за пазухи и подал для передачи одному из служителей, который в свой черед вручил его секретарю, а тот уже, со знаками почтения, положил бумагу перед судьей. Чем кончилось дело, не знаю, так как, за неимением лишнего времени, я не мог оставаться в публике более получаса, да и это было своего рода пыткой — стоять на солнцепеке и нюхать в непосредственной близости специфический запах китайцев, состоящий из смеси касторового и кокосового масла, чеснока и пачули. Но должен сказать, что за все время судья ни разу не

прибегнул к бамбуковым увещаниям, быть может потому, что дело было гражданское, да и присутствовавшая публика вела себя в высшей степени дисциплинированно, без толкотни и говора между собою. Глядя на ее поведение, мне казалось, что вся она, видимо, проникнута сознанием как бы священной важности отправляемого перед нею правосудия. Говорят, будто китайские судьи, а еще более их приспешники и слуги, берут большие взятки и по уголовным и по гражданским делам, как с истца, так и ответчика, решая дело в пользу того, кто больше даст. Но мне кажется, что едва ли это так просто, в виду хотя бы того, что судопроизводство совершается гласно и всенародно, а при таких условиях единственный и ответственный перед высшею властью судья, какой бы он ни был сам по себе, едва ли уж так бесцеремонно и нагло может попирать справедливость на глазах у стольких контролеров его публичной деятельности, вооруженных страшным оружием общественной молвы, которая разлетается быстро и разными путями восходит очень высоко. Да и кроме того, те знаки уважения, какие выка-

зывала эта разношерстная толпа, как к отправлению судебного акта, так и к личности самого судьи, едва ли можно объяснять только страхом бамбуков: мне кажется, что главнейшую роль тут играет личный авторитет и нравственное достоинство человека, облеченного в судейское звание. Таково по крайней мере впечатление, вынесенное мною лично из того, что я видел.

В шестом часу дня, только что возвратившись домой, встречаю на лестнице Н. Н. Роселя, который останавливает меня вопросом, не хочу ли я купить себе целую коллекцию фотографических видов и типов Шанхая.

— Разумеется, хочу.

— В таком случае пойдем вместе со мною, это в двух шагах отсюда.

Мы пришли в очень скромную мастерскую китайского художника-фотографа, где встретил нас старик-хозяин, объясняющийся очень бойко по-английски. По-видимому, это человек не без некоторого лоска европейской цивилизации, по крайней мере, мы застали его за чтением газеты "Шанхайский Меркурий". Я выбрал у него сорок десятидюймовых сним-

ков, да Россель штук около тридцати, и заплатили мы за них всего-навсего четыре доллара, из коих два с половиной пришлось на мою долю. Может ли быть что-нибудь дешевле! Эти люди, кажется, решительно ни во что не ставят свой личный труд, а ценят чуть ли не один только материал, потраченный на производство.

В первой комнате мастерской, кроме фотографических изображений, висели еще на стенах разные картинки в чисто китайском жанре, с которым как нельзя более гармонировал стоявший на окне в фарфоровом вазоне куст можжевельника в курьезной форме гуся с вытянутой шеей. Но, взглянув в отворенную дверь в другую комнату, я, к немалому своему удивлению, увидел там на стенных полках целый ряд картин совершенно иного приема живописи. Все они были писаны масляными красками на очень тонком холсте, натянутом на обыкновенные подрамки, и изображали виды разных китайских местностей и городов, с точным соблюдением воздушной перспективы и естественного колорита. Я, при помощи Росселя, попросил хозяина показать

мне некоторые из них.

— Неужели для вас это может быть интересно? — спросил старик с несколько недоверчивою улыбкой.

— Даже очень, потому что я еще впервые вижу китайскую живопись перспективного характера. Я не подозревал, что у вас есть такая.

— А между тем, она, как видите, существует, — заметил хозяин, снимая с полок несколько видов.

— Но это, вероятно, у вас только недавно стали писать в подобном роде и, вероятно, под влиянием европейских заказчиков?

— О, нет, совсем нет! — рассмеялся старик, — европейцы таких картин у нас вовсе не требуют. Европейцам, напротив, нравится наша бесперспективная живопись, вот как эта (и он указал на картинки первой комнаты): они называют ее "китайским жанром", и ее-то главнейшим образом и требуют. А эти картины мы держим специально для своих китайских покупателей.

— Которые желают обставиться несколько на европейский лад? — спросил Россель.

— О, нет!.. опять-таки нет, — замотал старик головой, — перспективная живопись существует у нас уже давно, гораздо раньше, чем появились европейцы в Шанхае. Я еще мальчишкой учился рисовать такие картины, а учил меня мой отец, который в то время был немногим разве моложе, чем я теперь, но и мой отец далеко не был изобретателем этого рода. В точности сказать вам, как давно существует в Китае перспективная живопись и откуда она пошла, я, к сожалению, не могу, но знаю только, что ею мы обязаны вовсе не европейцам. Да и что же мудреного, — продолжал словоохотливый художник, — ведь наш глаз видит природу так же, как и ваш, и замечает в ней те же краски, и то же расстояние и величину предметов, стало быть, тут все дело только в точной передаче того, что видишь. Это мы и постигаем и даже точнее, чем ваши художники. Вот, например, смотрите, — и он поставил перед нами одну из картин, — вот вам вид местечка Вампос на Чукианге. Смотрите на эту высокую пагоду: перспективно она находится на третьем плане, и, если вы смотрите на нее с расстояния двух-трех ша-

гов, вы ведь не видите ее деталей, перед вами только один общий контур, главные краски и главные тени: но попробуйте совсем подойти к картине и взгляните на пагоду вблизи и вы увидите, что в ней выписана самым тщательным образом каждая деталь, какая есть в действительности. Наша живопись в этом отношении делает тоже, что фотография, — пояснил старик. — Вы смотрите на фотографический вид и схватываете только его общее, а взгляните в лупу, и перед вами выступит каждый малейший штришок, существующий в природе этого пейзажа. Вот чего не достигают европейские художники! — прибавил он в заключение, не без некоторой национальной гордости.

Из дальнейшего разговора для нас, между прочим, выяснилось, что у китайских художников существует два рода живописи; один без перспективы, изображающий предметы независимо от их взаимного соотношения в природе, и наш собеседник, как мне кажется, весьма удачно назвал этот род предметным, так как он дает вам не картину природы, а только ряд известных предметов, в ней нахо-

дющихся или отвлеченных, идейных, как например, драконы, но имеющих в каждом данном случае какое-либо свое, особое значение, и с этой-то стороны подобный род может быть назван отчасти, пожалуй, символическим. Он употребляется преимущественно в разных ремесленных производствах, как например, в живописи на фарфоре, на лаковых вещах, на веерах и тому подобном. Его-то европейцы и понимают как жанр специально китайский, а так как с их стороны главный спрос обращается на произведения именно этого жанра, то китайские мастера в шутку прозвали его "европейским". В настоящее время они нередко пишут в подобном жанре даже особые картины, но это специально для европейцев. Китайские же любители предпочитают произведения перспективного или "естественного" характера, и оттого-то последние у нашего старичка-художника и запряты в задней комнате: оттого-то он и усомнился, могут ли они интересоваться меня.

Что сказать вам об этой последней живописи? Она любопытна разве как доказательство, что и китайцам известны понятия о пер-

спективе и воздушных тонах. Но самое исполнение отличается тою кропотливою зализанностью, какая замечается иногда в акварельных работах юных и старательных институток, из числа "подающих надежды". В самом приеме кисти есть что-то детское, несмелое, лишенное широты размаха и силы удара, вследствие чего общее впечатление, получаемое от такого пейзажа, несмотря на все стремление живописца к верности тонов и красок, разлитых в природе, является все-таки впечатлением чего-то плоского, нарисованного и потому безжизненного. Тем не менее, для образца, я все-таки купил у старика три наиболее понравившиеся мне картины, и между ними вид местечка Вампоо, заплатив за каждую по два доллара.

26-го августа.

Сегодня у нас праздник — день коронации. Поэтому все мы, в полной парадной форме, отправляемся на "Горностай" к молебну. Доехав до американского участка, пересели в две ожидавшие нас военные шлюпки, присланные с нашего стационара. Но тут не обошлось без приключений, которые чуть было не кон-

чилились катастрофой. По незнакомству с фарватером реки, рулевой посадил нашу шлюпку на мель. Но это доставило лишь несколько минут возни нашим гребцам, которые, с помощью багров и весел, кое-как сдвинулись с мели. А надо заметить, что омывающая американский участок левая сторона реки заставлена вокруг мели множеством разного рода стоящих у пристани речных судов: шаланд, джонок и больших грузовых сампангов, образующих своими рядами как бы плотную стену. И вдруг из-за этой стены, в ту минуту, как мы уже стали ее огибать, неожиданно выскакивает полным ходом наперерез нашему пути маленький рабочий пароходик, тащивший за собою на коротком буксире, большую грузную шаланду. Мы были на быстром течении вниз по реке и потому, прежде чем успели принять надлежащие меры к предотвращению столкновения, шаланда уже очутилась против нас в расстоянии менее сажени. Еще мгновение, и она неминуемо должна была своею правою щекой ударить в левый борт нашу шлюпку и, конечно, смять ее под себя, но к счастью левобортовые гребцы успели

подставить ей навстречу свои весла и тем парализовали силу удара. Благодаря этому маневру, шлюпка, отпихнувшись от шаланды, повернула носом вправо, по одному с нею направлению, и шаланда проскользнула вдоль ее борта, сильно об него шарахнувшись и накренив шлюпку на правую сторону. Слава Богу, отделались только одним сломавшимся при ударе веслом, да несколько помятым бортом. Вторая шлюпка, где находились флаг-офицеры Родионов и Россель, следуя сзади, уже совсем было изготавилась спасти нас, ибо, по словам обоих, катастрофа казалась им неминуемою: были уже, как говорится, на волосок от смерти, но... стало быть, не судьба потонуть нам сегодня в этих быстрых и противно грязных волнах Вузунга.

На "Горностае" адмирал был встречен по уставу командиром судна, капитан-лейтенантом Старком, с рапортом, причем почетный караул отдал ему воинскую почесть. Судовые офицеры были выстроены в ряд на шканцах, а команда вдоль бортов остальной части судна. Поздоровавшись с людьми и приняв представление офицеров, адмирал приказал дать

сигнал "на молитву". Тут же на верхней палубе, под большим тентом, был поставлен на столике судовой образ, перед коим совершено молебствие с возглашением многолетия Государю Императору и царствующему Дому. За отсутствием священника, подобающие молитвы и ектении произносил один из чинов команды, а хор составлен был из матросов. По окончании молебствия, адмирал поздравил команду с праздником и поднял чарку во здравие Государя. Затем он сделал наружный осмотр судна, отличавшегося самым щеголеватым видом: общая чистота и лоск, свежесть окраски и полировки, блеск орудий и металлических частей и множество флагов, развевавшихся на мачтовых снастях, все это придавало маленькому "Горностаю" весьма нарядный и вполне праздничный вид. После осмотра, по приглашению командира, мы все спустились в капитанскую каюту, где ожидала нас горячая русская кулебяка с капустой, русская водка и русские закуски, которые мы не видали уже с самой Одессы.

Сегодня же нас ожидал еще официальный праздник у местного консула, отца Рединга, а

в семь часов вечера такой же обед у гонконгского нашего коммерческого консула, господин Реймерса. Понятно, что за всем этим нынешний день уже не мог быть посвящен мною никаким экскурсиям и осмотрам чего бы то ни было в китайском городе и окрестностях. Относительно завтрака и обеда у консулов, должен заметить, что их повара-китайцы обладают замечательным кулинарным искусством и умеют в совершенстве готовить какие угодно европейские блюда. Очень нравится мне тоже здешнее обыкновение украшать стол цветами, преимущественно розами, рассыпаемыми прямо по скатерти и веерами, которые кладутся перед каждым прибором.

27-го августа.

Сегодня наш адмирал дает завтрак обоим консулам, командиру и офицерам "Горностая", своему штабу и знакомым, с которыми он с супругой наиболее сблизился на "Пей-Хо". Завтра мы покидаем Шанхай, а потому я должен был заранее распорядиться надежной упаковкой кое-каких закупленных здесь вещей. Это, впрочем, не помешало мне после

завтрака еще раз отправиться с моим гидом-китайцем в застенный город. На этот раз довелось видеть очень любопытное зрелище, а именно учение пехотной роты и артиллерийской команды регулярных китайских войск, входящих в состав малосильного шанхайского гарнизона.

В северо-западном конце города, прилегая к его древней стене, находится небольшая открытая площадка, около 100 сажен в поперечнике, лежащая как раз перед дворцом местного губернатора. На эту-то площадку и были выведены солдаты для ученья. Пехотная рота состояла из 96 человек, в том числе фельдфебель 1, унтер-офицеров 4, знаменщик 1, трубачей 2, рядовых 88 человек. При роте находилось три офицера: капитан-европеец и как кажется мне, англичанин, а два субалтерна — китайцы. В строевом отношении рота делилась на два взвода и четыре полувзвода: последними командовали унтер-офицеры. Форма людей состояла из китайского кителя, покроем вроде блузы серо-синего цвета с желтым воротником, обшлагами и погонами, того же цвета и той же материи панталон и, ки-

тайских башмаков на толстой войлочной подошве, с белыми гамашами; головным убором служит небольшая чалма светло-синего цвета, а у офицеров — плоское кепи американского образца с прямым козырьком и каким-то металлическим гербом; мундир же их состоял из французской форменной жакетки с черными гусарскими шнурами и рейтуз с лампасами. У солдат на спине, а у некоторых и на груди кителя был нашит желтый круг и в нем какие-то черные знаки китайской азбуки, — вероятно, номер и наименование части. К зимнему времени им выдаются плащи из грубого верблюжьего сукна и весь форменный костюм подбивается ватой. Снаряжение людей состояло из черного лакированного кушака с бляхой и двух таких же широких портупей, носимых накрест, через оба плеча: на одной из них висят штыковые ножны, на другой патронташ из черной лакированной кожи. Унтер-офицеры при том же снаряжении отличались желтыми басонными шевронами над обшлагами обоих рукавов блузы, а фельдфебель — галунными, и вооружение сего последнего состояло из револьвера и офицер-

ской сабли в железных ножнах. Что до ружей, то тут была полная мешанина: Шаспо и Пибоди, и Слайдер, и старые винтовки ударной системы. Впрочем, говорят, будто это только так, для домашнего употребления, а на случай войны в арсеналах-де уже имеется полный запас ружей Снайдера. Снаряжение и обмундирование у артиллеристов в общем такое же, как и в пехоте: отличие состоит только в цвете чалм, воротников и наспинных знаков, которые у них огненно-красного цвета, да в том еще, что вооружение их составляют карабины (не знаю, какой системы), носимые за спиной. У трубачей, как в пехоте, так и в артиллерии, трубы французского образца и носят через плечо на шелковом шнуре, а что до знамени, то оно совершенно такое же, какое третьего дня я купил себе у златошвея.

Команда артиллеристов, не считая трубача и двух фейерверкеров, состояла из восемнадцати человек при трех маленьких орудиях, в числе коих была одна коронада, а остальные короткотелье, крупнокалиберные пушки, Бог весть, когда уже вышедшие из употребления. Лафеты и колеса у них низенькие, как у гор-

ных орудий, а передки о двух продолговатых снарядных ящиках, приспособленные под одноконную упряжку. Но здесь, на учении, вместо лошадей таскали их на себе сами солдаты, запрягаясь в лямки. Учение артиллеристов состояло в приемах снятия орудий с передков и поднятия на оные, в поворотах орудий и в обучении зарядению по темпам, а у пехоты оно ограничивалось ружейными приемами и маршировкой с ломкой фронта. Обучающий капитан, если требовалось объяснить что-либо людям, обращался к одному из своих субалтернов по-английски, а тот уже громко передавал командирское замечание на весь фронт по-китайски. А когда надо было выругать, то в этих случаях капитан сам уже принимался выкрикивать какие-то бранные туземные слова, грозно потрясая своею саблей. Мой гид объясняет это тем, что английский инструктор, кроме нескольких скверных ругательств, ровно ничего не смыслит по-китайски. Но это не мешает ему обучать через переводчика и получать за это очень солидное жалованье.

Вид у фронта не особенно воинственный,

вроде рекрутского, нет еще в людях ни выправки, ни выдержки настоящей, да не знаю и будет ли. Лица у большинства людей испытые и обнаруживают пристрастие к опиуму. Отношение к своему делу у них вялое, апатичное, внимание во фронте довольно слабое, в исполнении движений и приемов нет ни отчетливости, ни энергии. Вообще как-то сразу заметно, что военное дело для истого китаецца не совсем-то сердечное дело, хотя нельзя сказать, чтоб они были вовсе не годны для военной службы: глядя, как эти голые мускулистые кули по несколько часов сряду таскают на спине портовые грузы, достаточно убеждаешься в их мускульной силе и в их выносливости, а что китаец не прихотлив насчет пищи и вообще в своих житейских требованиях, то это факт общеизвестный. Все это такие данные, которые, при известной выработке, могли бы обещать из него очень хорошего солдата, но в настоящем своем виде воинство это не кажется особенно грозным.

Вот несколько сведений о китайском войске, какие мне удалось собрать из расспросов, частью у наших консулов, частью у местных

французов. Контингент китайских войск, еще несколько лет тому назад, поставляли только северо-восточные провинции из природных маньчжуров, которые и распределялись по гарнизонам разных городов на бессрочную службу. Но теперь принимаются в солдаты и китайцы, из бессемейных бобылей и бездомных пролетариев, которых привлекает в военные ряды возможность иметь более или менее обеспеченный кусок хлеба и получать весьма значительное жалованье. Иногда они убегают со службы и становятся пиратами, а иногда бросают ремесло пирата и поступают в солдаты. Это тем более легко, что при поступлении начальство не справляется о прошлом новобранца. Стало быть, ряды китайской армии наполняются только наемными добровольцами, которые главным образом и поступают ныне в войска регулярные. Маньчжуры не любят регулярного строя и считают за обиду для себя подчиняться иностранным инструкторам, которых они и ненавидят, и презирают. Но воины маньчжурского контингента, расселенные для службы по разным городам, давным-давно уже утратили

все свои боевые качества и военные способности. Они вовсе даже и не занимаются военным делом, а только стреляют из салютационных пушек да держат караул при городских воротах, и мы видели в Шанхае, сколько хорошо они его держат. Воины этого сорта, живя на "вольных квартирах", предпочитают занятия мелким торгашеством, маклерством или каким-нибудь ремеслом, и так уже "оки-таились", что утратили всю свою маньчжурскую подкладку, и нередко такого маньчжура даже и по наружности не отличишь теперь от китайца. Но есть и еще причина, по которой европейские инструкторы избегают иметь дело с маньчжурами, — это то, что гордый маньчжур, некогда славный победитель Китая, не позволит с собою грубого обращения, тогда как китайские бродяги не претендуют, если инструкторские фухтеля гуляют по их спинам. Но, вообще говоря, в нравственно-военном смысле, такой сброд людей, удерживаемый в рядах только приманкой хорошего жалованья, не может представлять элемента надежного в каком бы то ни было отношении. Иное дело, если бы в Китае была во-

инская повинность, тогда, нет сомнения, в солдатах служили бы порядочные и честные люди, которые, при указанных выше физических и моральных качествах китайского работника, могли бы быть и в чисто военном смысле прекрасными солдатами. Но еще одна или две не совсем удачные войны — и Китай, вероятно, дойдет до сознания этой необходимости.

В настоящее время каждый регулярный пехотинец и артиллерист получает в месяц по одному, а кавалерист по два с половиной лана, что на наши деньги равняется без малого шести и двадцати пяти рублям; унтер-офицеры в пехоте получают, смотря по годам службы, от двух до четырех, а фельдфебели до восьми ланов в месяц. Кроме того, ежедневный рацион солдата состоит из 1 1/2 джина муки или проса и 1 1/2 джина мяса. Деньги ассигнуются командирам частей, которые и продовольствуют свои части, но при этом они вычитают из жалованья нижних чинов ежемесячную стоимость мяса, фуража и ремонта мундирной одежды и обуви (последнее только с тех, кому ремонт потребовался), а осталь-

ное выдается людям на руки. Но случается, что эти остатки не всегда выдаются командирами с должною аккуратностью, вследствие чего люди нередко мародерствуют и грабят местных жителей. Также бывает иногда, что начальники частей по частному и, конечно, негласному соглашению с нижними чинами, выдают им вместо мясных порций опиум, который солдаты курят очень охотно, несмотря на то, что приказы обоих главнокомандующих, западного — Цзо-зун-тана и восточного — Ли-хун-чана, строго воспрещают употребление этого наркотика. При таких порядках нечего удивляться, если офицеры, в особенности из туземцев, не имеют над своими людьми ни должного надзора, ни тем более нравственного на них влияния. Нередко, для увеличения своих средств, офицеры эти занимаются содержанием игорных и публичных домов, посещаемых их же собственными солдатами.

Что до европейских инструкторов, то среди них встречаются офицеры и унтер-офицеры разных европейских армий, преимущественно, впрочем, англичане и немцы, иду-

щие сюда по контрактам с правительством на известное число лет, при весьма солидном содержании; но большинство их не знает китайского языка и должно объясняться со своими подчиненными через переводчиков, не всегда достаточно сведущих и добросовестных, вследствие чего обучение регулярному строю и тем требованиям, кои предъявляются к солдату современною тактикой, далеко не всегда может идти успешно. Но есть надежда, что со временем, как инструкторы более ознакомятся с языком, дело пойдет лучше. По общему отзыву, наиболее добросовестными и отвечающими своему назначению между инструкторами бывают германские (преимущественно прусские) отставные фельдфебели и унтер-офицеры, равно как наибольшую пользу приносят китайскому правительству германские же техники и инженеры, как Ганнекен и другие, избирающие и укрепляющие для них полевые позиции и приморские пункты и заведующие сухопутными и морскими арсеналами.

В настоящее время число регулярных войск, состоящих под главным начальством

Ли-хун-чана, доходит до 42.000 человек, кроме, так называемых, "восьми знамен" маньчжурского контингента, которые в прежнее время считались в Китае за регулярное войско. Каждое "знамя" по своей численности равняется, приблизительно нашей дивизии, и есть предположение, чтобы со временем, когда обучение действительно регулярного корпуса дойдет до желаемой высоты, влить эти 42 тысячи обученных людей в восемь маньчжурских знамен в качестве инструкторского элемента, дабы иметь на северо-восточной границе Дайцинской империи двухсоттысячную китайскую армию, всегда готовую к наступательному движению на Владивосток и к Амуру. Такова заветная мечта наших европейских доброжелателей, подвизающихся в Китае.

Вечером за табльдотом познакомился я с одним из здешних коммерсантов. По происхождению он швейцарец и потому ко всем трем "участковым" шанхайским национальностям относится нейтрально и беспристрастно, а так как находится он в крае уже более пятнадцати лет, постоянно вращаясь и

работая в коммерческом мире, то и по этой части сведения его весьма основательны и любопытны. По его словам, английская торговля в Китае, помимо опиума, держится преимущественно громадностью капиталов, которые именно, в силу своей громадности, могут легче, чем другие конкурирующие с ними капиталы, допускать долгосрочные кредиты. Но главная выгода, извлекаемая из торговли с Китаем, заключается вовсе не в манчестерских, шеффилдских и прочих изделиях, а прямо в возможности сбывать в громадном количестве свой ост-индский опий, ежегодный сбыт которого простирается свыше чем на двенадцать миллионов фунтов стерлингов. По торговле же собственно мануфактурными изделиями немцы и американцы извлекают более выгоды, чем их манчестерские соперники: первые потому, что сами расходуют меньше, да и живут экономнее, не так широко, как англичане, а вторым нередко и самое производство обходится дешевле, чем английское. Так, например, не далее как на сих же днях, американцы снова понизили цены на свои плотные дриллинги до такой степе-

ни, что сбыт английских дриллингов совершенно прекратился. Но и с долгосрочными кредитами, привлекающими оптовых покупателей, англичане начинают в последнее время терпеть некоторый, хотя, быть может, только временный убыток. Дело в том, что в зависимости от хода дипломатических переговоров китайского правительства с русским, сильные колебания курса подвергли многих китайских купцов большим потерям, вследствие чего спрос на долгосрочно-кредитный товар с их стороны сократился до такой степени, что теперь они забирают только то, что необходимо для удовлетворения насущной потребности, и потому имеет верный сбыт, как например, холст и шертинги[81]. В виду всего этого, англичанам хотелось бы добиться у китайского правительства исключительно для себя свободного доступа на внутренние рынки Китая. Ныне вся европейская торговля производится лишь в нескольких приморских портах, да в некоторых городах по Янцзы-киангу: внутри же страны продажа европейских товаров находится в руках китайских посредников, которые, терпя при прово-

зе всевозможные притеснения от местных властей на внутренних таможах, поставляют товары в отдаленные места по ценам вдвое большим, чем могли бы продавать англичане, если бы поставляли их туда сами. Тогда, конечно, на местах непосредственного сбыта все английские произведения явились бы вне всякой конкуренции и могли бы расходиться в несравненно большем количестве. Французов англичане не боятся, почти не считая за конкурентов в Шанхае; но им сильно хотелось бы устранить какими бы то ни было путями конкуренцию американцев и немцев, так как эти соперники, видимо, идут к тому, чтобы в будущем и, вероятно, даже не столь отдаленном, совершенно вытеснить английский мануфактурный товар с китайского рынка, оставя англичан лишь при опиуме. Немцы, например, в последнее время совершенно отбили у них и еще один весьма выгодный вид торговли, а именно: все громадные поставки оружия и военных принадлежностей для китайского правительства производятся ныне уже не английскими, а немецкими контрагентами и притом исключительно-

но с германских оружейных заводов.

Наконец, что касается вывозной, или собственно чайной торговли, то есть шансы предвидеть, что в будущем Китай сохранит за собою, вероятно, только русский рынок, благодаря слишком уже вкоренившейся, всенародной русской привычке к китайскому чаю. Еще не далее, как двадцать пять лет назад, Китай был единственным поставщиком этого продукта во все остальные страны и, казалось, стоял он в этом отношении вне всякой конкуренции. Торговля с Японией еще не открывалась, об яванском чае не было и слуху, а на опыты разведения этого деревца в Ост-Индии смотрели, как на попытки, едва обещающие успех для собственно торговых целей, так как никто и не думал, чтобы производство когда-либо достигло там таких размеров, при которых ост-индский чай мог бы сделаться серьезным предметом вывоза. Но, в течение последнего двадцатилетия, дело приняло иной оборот: первыми, изменившими китайскому чаю, были американцы, обратившиеся за этим продуктом к Японии, как только открылся для них Иокогамский порт, и теперь

Америка значительное количество чая вывозит уже из Японии, и вывоз этот с каждым годом все увеличивается. Точно так же и в Англии употребление ост-индского чая вытесняет китайские чаи, а из Афганистана, Персии и всей Средней Азии они и совсем уже вытеснены своим ост-индским соперником. Голландцы на всех островах Малайского архипелага, да и у себя дома, с большим успехом вводят свой яванский чай, обходящийся им дешевле китайского. Оставался еще австралийский рынок, где потребление этого продукта весьма значительно и с каждым годом все возрастает, вследствие быстрого увеличения населения; но с 1879 года и Австралия стала изменять Китаю: в этом году там были сделаны первые попытки обратиться к замене китайского чая ост-индским, и так как попытки эти удались, то есть уже положительные сведения, что на 1881 год из Австралии сделаны очень большие заказы ост-индским поставщикам. Стало быть, и с этой стороны китайским производителям предстоит немалый убыток. По всей видимости, уже не далеко время, когда Англия и все ее колонии будут

поставлены в полную независимость от китайского рынка, относительно чая для собственного употребления, и если англичане будут еще покупать его в Китае, то разве в качестве коммерческих посредников для снабжения других стран, куда и теперь уже идет большая часть чая, покупаемого ими на здешних рынках. Да наконец и в самой Европе, как слышно, возникает для Китая новый соперник, так как опыты, производимые в Сицилии, около Мессины, идут настолько успешно, что обещают надежные результаты. Таким образом, будущность собственно китайской чайной торговли представляется далеко не в розовом свете: она неизбежно должна все более падать и падать...

28-го августа.

Ровно в час пополудни колесный пароход японского общества Иерушима-Мару отошел от своей шанхайской пристани. Находится он под командой капитана-американца, детины атлетического сложения, с лицом добродушным и румяным как пион. Матросы все японцы, маленькие, худощавые, но ловкие и цепкие, как кошки. В кают-компании есть

несколько японских и китайских пассажиров и, между прочим, молодая японская дама в национальном костюме. За табльдотом китайцы удалились за особый стол, а японцы остались вместе с европейцами. Английский стол на пароходе изобилует и вкусен: все блюда ставятся сразу, на грелках, и всякий может брать по собственному выбору, что ему угодно.

При выходе из устья Ян-цзы-кианга погода стала портиться. Закат был багровый, а в десятом часу вечера пошел дождь. Некоторые высказывают опасения, как бы не поднялся тайфун, для борьбы с которым наша старая, неуклюжая, плоскодонная посуда американской рычаговой системы, с громадными колесами и целым домом над верхней палубой, в сущности, приспособленная только для речного плавания, окончательно не годится.

29-го августа.

Штиль и дождь — целый день, без перерыва. В воздухе значительно похолодало. В кают-компании сидеть совсем невмоготу: там из разных кают слышатся то подавленные стоны и удушающий кашель какого-то чахо-

точного пассажира, то рев каких-то английских "беби", которых тщетно стараются угомонить заботливые мамушки, нянюшки и тетушки. Поэтому сижу целый день вместе с каким-то пассажиром-китацем в особой курительной каюте и работаю над своим дневником. К счастью, этот китаец курит манильские сигары, а не свое просаленное, вонючее зелье. Под вечер пришел М. А. Поджио и вызвал меня наверх полюбоваться закатом. Дождь с полчаса как перестал, и небо стало разъясняться. Восток и юг небосклона отливали густыми лиловыми тонами, а запад почти с зенита был ярко-палевый, золотистый. Чрезвычайно эффектно.

После обеда небо прояснилось еще больше: кое-где показались звезды и выглянул из-за облака молодой месяц.

Завтра будем в Нагасаки, и я увижу Японию...

Примечания

"Назначение генерал-лейтенанта Лесовского". — Лесовский Степан Степанович (1817–1884). С 1876 года С. Лесовский был назначен управляющим Морским министерством.

[^^^]

2

Реомюр — старая шкала температур. 1 Реомюр = 1,25 градусов Цельсия.

[^^^]

3

Узел — единица скорости судна, равная 1,852 км/час.

[^^^]

"...Крупнами и Амстронгами..." — виды существовавших в то время крепостных орудий. В частности, пушка Амстронга отличалась от ей подобных зарядением со ствола.

[^^^]

Каика, фелукка (фелука) — виды прибрежных судов, причем каика — длинная, иногда парусная лодка, также характерная для Константинополя (Царьграда), как гондола для Венеции, а фелука — небольшое парусное судно, употребляемое в конце XIX века для торговли в прибрежных водах.

[^^^]

6

Сан-Стефанский договор 1878 года завершил русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

[^^^]

Абдул-Гамид II — 34-й султан Турции, возведенный на престол в 1876 году партией реформаторов.

[^^^]

Бакан или бакен — плавающее на воде тело в виде бочки или конуса. Баканы красного цвета ставятся над мелью.

[^^^]

Кочерма — турецкое одномачтовое судно для прибрежного плавания.

[^^^]

10

Гид, переводчик и проводник...

[^^^]

Кто идет?

[^^^]

Османны — турецкоподданные.

[^^^]

Верк — общее название крепостных оборонительных сооружений.

[^^^]

Ксеркс I — царь персидский, вступил на престол в 486 г. до н. э.

[^^^]

Сафо, Сапфо — знаменитая древнегреческая поэтесса (VI до н. э.)

[^^^]

Кааба — священный камень, найденный Мохаммедом, святилище г. Мекки.

[^^^]

Валганг — верхняя часть крепостного вала, прикрытого сверху бруствером.

[^^^]

"Объектив Смирны".

[^^^]

Виляет, вилайет — административная единица в Турции, соответствовала губернии в России.

[^^^]

Ктитор — здесь церковный староста.

[^^^]

Хедив — с 1867 года официальный титул вице-короля Египта.

[^^^]

Драгоман — переводчик.

[^^^]

Кавас — почетный стражник, телохранитель.

[^^^]

В ответ на эту любезность С. С. Лесовский исходатайствовал хедиву орден *Св. Александра Невского*.

[^^^]

Таково было в 1880 году мнение покойного И. М. Лекса.

[^^^]

По сведениям русского генерального консула, все русско-подданные и состоящие под русским покровительством в Египте распределяются следующим образом: в Александрии русско-подданных 48 человек. Кроме того, проживающих под нашим покровительством Болгар 47, Бухарцев и Коканцев 15, а всего 110 человек. По вероисповеданию они разделяются на православных (63), лютеран (2), Армян-грегориан (6), Евреев (24) и мусульман (15). В Порт-Саиде проживают двое русско-подданных, на них один православный, другой мусульманин. В Мансуре находится на постоянном жительстве русско-подданных 3 и проживающих под нашим покровительством 7 человек, их них 8 мусульман и 2 Еврея. В Танте русско-подданных 5, под покровительством 10, из коих 1 православный, 1 католик, остальные мусульмане. В провинции Гарбие подданных 5, под покровительством 11, из них 1 православный, прочие мусульмане. В провинции Менуфиэ подданных 3, под покровительством 1, из них 1 право-

славный, 3 мусульман. В провинции Бехере подданных 3, все мусульмане. В Каире подданных 32, под покровительством 31, из них православных 17, Евреев 13 и мусульман 33 человека. Некоторые из числа этих русско-подданных снабжены паспортами от губернаторов из России; те же которые приобрели русское подданство не быв в России, паспортов не имеют, так как встречают затруднения в приписке их к каким-либо обществам в Одессе и других городах Черноморского побережья.

[^^^]

А именно, в Александрии 1) Амбургер и К°, посылает в большом количестве хлопок в Россию; 2) Антониадис (греческий уроженец), более занимается банкирскими делами; 3) Бустрос и (сирийский уроженец) К°, торгует с Сирией и Англией и ведет банкирские дела; 4) Ашикдан (уроженец Армении), занимается более банкирскими делами; 5) Сиаг и 6) Кардахи (сирийские уроженцы); оба ведут внутреннюю торговлю и кроме того занимаются торговлей с Сирией. В Каире: 7) Григорий д'Элда (Армянин), занимается внутреннею торговлей; 8) Богос Карабетов и сын — более банкирскими делами и 9) Али-Баба (уроженец Александрполя), внутреннею торговлей. В Танте: 10) Кардахи (Сириец), внутреннею торговлей, и в Суэзе, 11) Коста — торговлей со странами, прилегающими к Красному Морю.

[^^^]

В состав египетской полиции в Каире и Александрии частью входят и иностранцы, и только в этих двух городах она может назваться посредственной; в других же городах полиция вообще плоха, а в провинциях почти не существует. Поэтому здесь очень развиты мелкие кражи; разбои тоже бывают, но редко, более вследствие трусоватого характера Арабов.

[^^^]

Египетский пиастр составляет немного более 25 сантимов.

[^^^]

30

*** * ***

[^^^]

* Для наглядности привожу перечень наших ввозимых и вывозимых товаров:

а) Товары ввозимые из России в Египет:

1) Пшеница в 1874 году на сумму 5.213.550 египетских пиастров, а в 1878 году на 6.912.450 египетских пиастров, ввозится преимущественно для французского Общества паровых мельниц в Александрии и Каире.

2) Мука в 1876 году на 6.458.886 египетских пиастров; в 1878 году на 192.070 египетских пиастров. Вывоз муки из России уменьшается потому что предпочитают вывозить ее из Австрии.

3) Сало в 1874 году на 2.433 египетских пиастров; в 1878 году на 9.955 египетских пиастров. Вывоз сала из России мог бы быть сильно увеличен, так как в Египте в нем очень нуждаются, и из одной Англии его вывозится сюда на 1.600.000 египетских пиастров.

4) Майс в 1878 году на 95.190 егип. пиастр.

5) Ячмень в 1878 году на 64.765 егип. пи-

астр.

б) Икра, преимущественно, и некоторые седомые продукты и 1878 году на 4.952 егип. пиастр.

Крохе этих произведений, могли бы быть ввозимы из России:

1) животные (лошади, быки, коровы). С 1864 до 1870 год ввоз этот был очень силен, но затем стал значительно уменьшаться, а с 1876 года и совершенно прекратился. Причина предполагается та что караманийские и корфитские быки дешевле наших; наконец эпизоотия в Египте в последние годы прекратилась, а с тем вместе сильно уменьшилась и потребность в иностранных быках и лошадях.

2) Янтарь пр ежде вывозился из России, но теперь предпочитают австрийский и итальянский.

3) Масло (коровье) ныне вывозится из Италии, Австрии и Франции, но по мнению И. М. Лекса, наше, так называемое, сибирское масло могло бы найти хороший сбыт на египетских рынках.

4) Дерево прежде вывозилось из России; так, в 1874 году было ввезено сюда на-

ми дерева на 1.216.124 египет. пиастр.; в 1876 и 1877 на 137.168 егип. пиаст.; теперь же ввоз совсем прекратился, а дерево вывозить стали из Австрии, Швеции, Норвегии и Италии.

5) Каменный уголь преимущественно вывозится сюда из Англии, но мы могли бы конкурировать с Англичанами нашим донским углем.

6) Веревки вывозятся преимущественно из Италии и Австрии, но могли бы с успехом вывозиться из России, так как по качеству наши считаются лучшими.

7) Медные изделия пробовали вывозить из России, но перестали, кроме самоваров, так как у нас не приноравливаются ко вкусу Арабов, и теперь все медные изделия ввозятся сюда из Англии.

8) Железо прежде вывозили из России, но с 1875 года перестали, и теперь оно ввозится преимущественно из Англии.

9) Льняное семя идет сюда преимущественно из Англии. Прежде вывозили его частью и из России, но с 1876 года почему-то перестали; между тем оно требуется в Египте в большом коли-

честве.

10) Котонады вывозятся преимущественно из Англии. В 1874 году пробовали было привозить из России, но неудачно, так как наш товар этого рода был слишком дорог и не приноровился ко вкусу Арабов, но нет сомнения что при некотором понижении цены да при угоде местному вкусу, наши, например, Морозовские изделия с большим успехом могли бы конкурировать с английскими.

11) Холст вовсе не вывозят из России, но могли бы, в особенности грубых сортов, годных на паруса.

12) Кожи с 1874 года перестали вывозить от нас, а между тем требование на них велико, и в настоящее время весьма много кож вывозится из Греции, вследствие их дешевизны.

13) Петроль вывозится преимущественно из Америки; но наша нефть, без сомнения, могла бы не только конкурировать с американским петролем, а и вовсе вытеснить его с рынка.

14) Шелк пр обовали вывезти из России в 1875 года на 48.000 егип. пиастр., но зятем почему-то вдруг перестали.

15) Сахар попробовали было ввозить от нас в 1874 году, но он не может конкурировать с дешевизной местного сахара, хотя по обработке несравненно лучше последнего.

16) Ковры пробовали вывезти с Кавказа в 1876 году на сумму 35.066 егип. пиастр., но потом почему-то перестали.

Кроме всех этих произведений, могли бы с успехом вывозить из России: деготь, свечи (их ввозится в Египет на 6.000.000 егип. пиастр., преимущественно из Франции), прессованное сено, прессованную солому, соленую и копченую рыбу, балыки, золотую и серебряную бить для вышивок.

б) Товары вывозимые из Египта в Россию;

1) Хлопок в 1874 году на 16.007.269 егип. пиастр.; в 1876 году на 23.819.736 егип. пиастр.; в 1876 году на 73.411.113 егип. пиастр.; в 1877 году на 80.144.732 егип. пиастр. (вывоз 1877 года уменьшился по случаю войны нашей с Турцией); в 1878 году на 91.802.681 егип. пиастр. В 1879 году точная цифра вывоза хлопка в Россию еще не была известна наше-

му консульству, но она сравнительно с прежними весьма повысилась, и увеличение это произошло оттого что с ноября 1879 года пароходы нашего Общества Пароходства и Торговли начали совершать прямые еженедельные рейсы между Одессой и Александрией.

2) Финики в 1874 году на 98.081 егип. пиастр., а в 1879 году в 252.669 егип. пиастр.

3) Сахар в 1878 году на 7.611 егип. пиастр.

4) Свинец и цинк (старый) в 1878 году на 3.742 егип. пиастр.

5) Прочих товаров в 1878 году на 44.983 егип. пиастр.

Кроме этих произведений могли бы быть вывозимы из Египта в Россию:

1) Гумлиарабик: тальк, саваким и собственно аравийский, вывозимые ныне в большом количестве в Англию, и попадающие к нам уже из Англии.

2) Кофе, которого в 1876 году было вывезено на 11.000 егип. пиастр. но потом перестали. Лучший кофе из Йемена, но он мешается в Египте с абиссинским и уже в этом виде идет в Европу,

преимущественно в Турцию и Англию, а оттуда частью в Россию.

3) Слоновая кость идет к нам вся через Англию.

4) Бобы пробовали вывозить в 1874 году в 58.073 егип. пиастр.

5) Фрукты и зелень прежде вывозили, но с 1877 года, перестали.

6) Страусовые перья идут в Россию через Англию, а могли бы вывозиться с места.

7) Ладан, продукт Сенаара, продается собственно на Каирском рынке и почти сполна идет в Англию, откуда, между прочим, попадает и в Россию, между тем как для удовлетворения своих церковных потребностей мы могли бы закупить его в Каире сами.

8) Сене — аптекарское растение, натр, опиум, тамариск, шафран, черепаховая кость, перламутр и пр.

Порты ввоза и вывоза для России суть преимущественно Александрия и отчасти Порт-Саид. Таможенные пошлины со ввозимых в Египет товаров взимаются, как и во всей Турции по 8 %, с вычетом из оных 10 %, что составляет $7 \frac{1}{5}$ %. Оценка товаров делается по

цифре фактур представляемых в таможене, согласно с настоящею ценностью товара; но в случае протеста со стороны торговца, он может уплатить пошлину натурой или потребовать переоценки товара комиссией арбитров.

Товары вывозимые из Египта платят 1 % с их ценности.

[^^^]

Фирман (перс.) — указ шахов Ирана, султанов Османской империи, других государей в странах Ближнего и Среднего Востока.

[^^^]

Субалтерн — младший командирский чин (сержант), а также младший офицерский чин в ротах, батареях некоторых иностранных армий.

[^^^]

Дромадер — одногорбый верблюд.

[^^^]

Ныне уже покойный.

[^^^]

Безестен, безестан — арабский (персидский) базар.

[^^^]

Скарабей — род жуков, самки которых откладывают яйца в предварительно скатанные шары. В древнем Египте скарабей был обожествлен.

[^^^]

Ассагай или загай — главное оружие всех кафских племен, копьё с длинной рукояткой и обоюдоострым, зачастую отравленным наконечником. Каффы или кафры — общее название племен, населяющих юго-восточную Африку и принадлежащих к группе банту.

[^^^]

Лессепс Фердинанд (1805–1894), известный французский дипломат и предприниматель, инициатор строительства Суэцкого канала.

[^^^]

Гельвальд Фридрих-Ангон-Геллер, фон — видный немецкий историк, этнограф (1842–1892).

[^^^]

Халкидонский собор был созван в 451 году при императоре Маркиане по поводу ереси Евтихия, накануне распада Византийской империи.

[^^^]

В 1884 году компания Fraissinet et Rabaud, как известно, уступила принадлежащую ей на Шейх-Саиде землю немцам, которые в случае надобности, вероятно сумеют воспользоваться Баб-эль-Мандебскими высотами надлежащим образом, чтобы навсегда открыть себе свободный проход в Красное Море

[^^^]

Панка — очень остроумное и благодетельное изобретение. Это не что иное как подвешенный к потолку большой веер, который приводится в действие или посредством мерного дергания за шнур человеком, или механический, посредством соединения этого шнура с паровой машиной. Устройство панки просто: легкая деревянная рама, аршина в три длины и в полтора ширины, обтягивается колленкором, к нижнему концу ее пришивается фальбара с небольшими грузиками, а в верхний край рамы ввинчиваются кольца, куда продеваются шкуры служащие для подвешивания панки к потолку; к середине верхней планки прикрепляется кольцо со шнуром играющим роль привода для приведения панки в движение.

[^^^]

Имеется в виду ст. лейтенант команды парохода "Пей-Хо".

[^^^]

Бенглоу — здания, принадлежащие англичанам.

[^^^]

Монплезир. — здесь в шутку жилище сравнивается с дворцом.

[^^^]

Муссоны — ветры, дующие летом с моря и приносящие сырую и дождливую погоду, зимой — с суши,

[^^^]

Грандидье Альфред — французский Путешественник и естествоиспытатель.

[^^^]

Бетель — перец, который жуют с плодами пальмы или другими вяжущими плодами.

[^^^]

Чи́и — род циновок, составленных из ровно
обрезанных тростинок.

[^^^]

Барбет — насыпная площадка за бруствером укрепления для установки орудий.

[^^^]

Имеется в виду уже приводимое стихотворение А. А. Фета "Фантазия".

[^^^]

Гартвиг Иоганн, автор многочисленных сочинений по садоводству.

[^^^]

Пастрана Юлия — знаменитая жемцина-гермафродит.

[^^^]

В результате Амьенского мира 1802 года Великобритания получила острова Цейлон и Тринидад.

[^^^]

Беллона — богиня войны у римлян.

[^^^]

Бонзы — названия, даваемые европейцами всем буддийским духовным лицам.

[^^^]

Регент — осуществляющий верховную власть, когда монарх по каким-либо причинам не может исполнять свои обязанности.

[^^^]

Помощник регента.

[^^^]

Сандарак — смола хвойного растения, произрастающего в Северо-Западной Африке. Применяется в порошке для создания зажигательных смесей.

[^^^]

Так называются круговращательные ураганы тайских морей и Восточного Океана. *Тай* по-китайски значит великий, сильный, *фун* — ветер.

[^^^]

Кохинхина — европейское название Вьетнама в XIX веке.

[^^^]

Компрадоры — часть буржуазии экономически отсталых стран, осуществляющая торговое посредничество с иностранными компаниями.

[^^^]

Гекко или гекконы — семейство ящериц.

[^^^]

Сакристан — хранитель культовых принадлежностей.

[^^^]

Аннамцы, аннамиты — устаревшее название вьетнамцев.

[^^^]

Табак, употребляемый китайцами в сигарах и трубке или особого рода маленьком кальяне курится Аннамцами в папиросах. Бумага у них чрезвычайно плотная, а самый табак (лучший из Лон-танга) пахнет так, что его тотчас же слышно. Говорят, что при приготовлении его поливают мочой буйвола. Доктор Морис не выдает это за верное, но замечает, что из европейцев мало кто курит его.

[^^^]

Тонкин — северная провинция Аннама.

[^^^]

Сарты — старое название оседлых жителей отдельных районов Средней Азии.

[^^^]

Трехъярусная белая круглая шляпа, в виде трех толстых выпуклых колец большой, средней и малой величины, наложенных одно на другое и обтянутых легкою, но плотною материей; внутри ее есть особый венчик, надеваемый на голову и соединенный проволокою с концами шляпы, сидящей на человеке, как колокол, под которым свободно может циркулировать воздух. Такие *салако* носят европейцы в Сайгоне.

[^^^]

Зуавского покроя, т. е. такого фасона, который носили тогда туземные отряды (зуавы), сформированные французами

[^^^]

Шаспо — французское ружье, названное в честь изобретателя.

[^^^]

Возможно, Томас Карл (1830–1882), английский путешественник, зоолог, ботаник и геолог.

[^^^]

Блиндирование — различная защита от пуль, осколков военных сооружений.

[^^^]

Барбет — насыпная площадка за бруствером (банком).

[^^^]

Кумирня — часовня.

[^^^]

Сватоу — одно из названий города Шаньтоу в Китае.

[^^^]

Бар — узкая, вытянутая вдоль берега наносная полоса суши (англ.).

[^^^]

Протазан — копьё с плоским и длинным металлическим наконечником.

[^^^]

Струсберг Б.-Г. (1823–1884), в середине XIX в. железнодорожный предприниматель, изгнанный из России за аферы в 1875 году.

[^^^]

Шертинги — хлопчатобумажные ткани.

[^^^]

ПРИМЕЧАНИЯ С. Москаленко

[^^^]